WARSZAWA
Bibl. Kórnicka 15

Сочиненія

ДЕМОНЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА И. ГЛАЗУНОВА.

CZYTELNIA
„Kultura"
WARSZAWA
ul. Sienkiewicza 14
róg Marszałkowskiej

ИЗЪ КНИГЪ
Г.А. АЛЕКСѢЕВ

14365

124/M

14333

CZYTELNIA
„KULTURA"
Warszawa
Sienkiewicza 14

14333

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

CZYTELNIA
KULTURA
Warszawa
Sienkiewicza

14333

CZYTELNIA
KULTURA
Warszawa
Sienkiewicza 14

Печ со стали Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ

М. Лермонтовъ

РУБЛЕВОЕ ИЗДАНІЕ

ВЪ ОДНОМЪ ТОМѢ.

14383

Сочиненія М. Ю. Лермонтова.

СЪ ПОРТРЕТОМЪ ЕГО
И
БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ.

14333
CZYTELNIA i Wypożyczalnia
„KULTURA"
ALEKSANDER ŁA...
Sienkiewicza 14

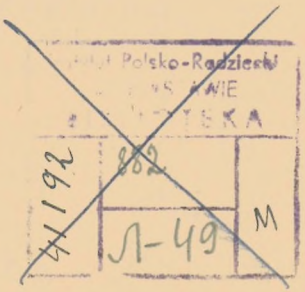
С.-Петербургъ.
1891.

BIBLIOTEKA IP-R.
Dar D 168/54

162094

ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Біографическій очеркъ	IX
1828.	Черкесы. Отрывокъ изъ поэмы.	1
	Кавказскій плѣнникъ. Отрывки изъ поэмы	—
	Корсаръ. Отрывки изъ поэмы	5
	Преступникъ	6
	Пиръ	9
	Цѣвница	—
1829.	Портретъ	—
	Къ генію	10
	Письмо	11
	Русская мелодія	12
	Къ А. С. «Не привлекай меня красой.»	—
	Три вѣдьмы (изъ Шиллера).	—
	Къ Нинѣ (изъ Шиллера)	13
	Эпиграммы.(Поэтомъ, хоть и это бремя и Стыдитъ лжеца)	—
	Къ Грузинову	—
	Панъ (въ древнемъ родѣ)	—
	Жалоба турка (отрывокъ)	14
	Два сокола	—
	Грузинская пѣсня	—
	Мой демонъ	15
	Къ другу (отрывокъ.)	—
	Цыгане (опера.)	—
	Монологъ	16
	Встрѣча (изъ Шиллера)	—
	Баллада	17
	Перчатка (изъ Шиллера)	—
	Дитя въ люлькѣ (изъ Шиллера).	18
	Къ*** Дѣлись со мною (изъ Шиллера)	—
	Молитва. Не обвиняй меня	—
	Олегъ (отрывокъ)	18
1830.	«Настанетъ день, и міромъ осужденный»	19
	К. Д. (Будь со мною какъ прежде бывала)	—
	Пѣсня	20
	Къ Неэрѣ	—
	Князь Мстиславъ (отрывокъ).	—
	Силуэтъ	22
	«Какъ духъ отчаянья и зла»	23

	стр.
«Я не люблю тебя	23
Н. Ф. И. (Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали)	—
Бухариной	—
Трубецкому	—
Алябьевой	—
Л. Нарышкиной	24
Толстой	—
Мартыновой	—
Додо	—
Башилову	—
Булгакову	—
«Вы не знавали ль князь Петра»	25
»Люблю я цѣпи синихъ горъ».	—
«Время сердцу быть въ покоѣ».	—
«Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой»	26
«Она была прекрасна» (отрывокъ)	—
«Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень»	—
Къ*** Я не унижусь предъ тобой	27
«Какъ лучъ зари, какъ розы Леля»	—
Романсъ. «Стояла сѣрая скала».	—
Прелестницѣ	28
Had we never loved so kindly.	—
«Эпитафія. (Прости, увидимся ль мы снова)	—
Джуліо (отрывокъ)	—
Кавказъ(«Хотя я судьбой на зарѣ моихъ дней»)	29
Н. Ф. И—вой. (Любилъ съ начала жизни я)	30
Смерть. Погаснулъ день	—
Незабудка (сказка)	31
Еврейская мелодія (Я видалъ иногда)	32
Теперь я вижу пышный свѣтъ	—
Въ Воскресенскѣ (жилище Никона)	33
Прости (изъ Байрона)	—

	стр.
Элегія. (Дробись, дробись волна ночная)	33
Эпитафія. «Простосердечный сынъ свободы»	34
Sentenz. Когда бы могъ весь свѣтъ узнать	—
Гробъ Оссіана	—
«Посвященіе. Прими, прими мой грустный трудъ»	—
Посвященіе. «Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ	—
Моя мольба. «Да охранюся я отъ мушекъ»	35
Къ*** (Прочитавъ жизнь Байрона, написанную Муромъ)	—
«Взглянн на тихую луну	—
1830 года іюля 15-го	36
10 іюля 1830 г	—
«Привѣтствую тебя»	—
«Черноокой	37
Благодарю	—
У вратъ обители святой	—
Экспромтъ. (Три граціи)	38
Весна. «Когда весной разбитый ледъ»	—
Зови надежду сновидѣньемъ	—
Поле Бородина	—
Парижъ 30 Іюля 1830 года	39
«Не говори: однимъ высокимъ».	—
Стансы. «Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ»	40
Когда къ тебѣ молвы разсказъ.	—
Къ Л***(подражаніе Байрону).	—
Передо мной лежитъ листокъ	41
Свершилось! полно ожидать	—
И такъ прощай! впервые этотъ звукъ	—
Могила бойца	—
Смерть. «Закатъ горитъ»	42
Предчувствіе	—
Первая любовь	—
«Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала	43
Звуки	—
Пѣсня. (Что въ полѣ за пыль пылитъ)	—
Раскаяніе. (Къ чему мятежное роптанье)	44
Н.Н. Арсеньеву	—
Menschen und Leidenschaften (посвященіе)	—

		стр.
	Испанцы. Отрывки изъ трагедіи	45
	Еврейская мелодія (Плачь, Израиль)	52
1831.	Вверху одна	54
	Нѣтъ, я не требую вниманья	—
	Въ альбомъ Н. И. Поливанову.	—
	Послушай вспомни обо мнѣ	—
	Толпѣ. (Безумецъ я)	—
	Тростникъ	55
	Романсъ. (Хоть бѣгутъ)	—
	1831 года Іюня 11	56
	Одинадцатаго Іюля. Между лиловыхъ облаковъ	60
	Исповѣдь. День гасъ	—
	Странный человѣкъ. Романтическая драма	62
	Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ	103
	Къ *** Всевышній произнесъ	104
	Желаніе. «Зачѣмъ я не птица».	—
	Св. Елена	105
	Къ другу В. Ш. «До лучшихъ дней»	—
	7-го Августа	—
	Атаманъ	106
	Исповѣдь. (Я вѣрю, обѣщаю вѣрить)	—
	Чаша жизни	107
	Ангелъ смерти. (Восточная повѣсть)	—
	Воля. «Моя мать—злая кручина»	114
	Сентября 28. «Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый»	—
	«Метель шумитъ и снѣгъ валитъ»	115
	Небо и звѣзды	—
	Когда бъ въ покорности незнанья	—
	Къ кн. Л. Г—ой. «Когда ты холодно внимаешь»	116
	«Я видѣлъ тѣнь блаженства	—
	Стансы къ Д***. «Я не могу ни произнесть»	117
	«Ужасная судьба отца и сына».	—
	Стансы. (Гляжу впередъ)	118
	Къ пріятелю. «Мой другъ не плачь»	—
	Романсъ къ ***. «Когда одни воспоминанья»	119
	«Когда я унесу въ чужбину»	—
	Посвященіе поэмы «Демонъ». Прими мой даръ, моя Мадона.	—
	На картину Рембрандта	—

14333

		стр.
	Волны и люди	120
	«Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей»	—
	«Нѣтъ я не Байронъ, я другой»	—
	Ангелъ. «По небу полуночи»	—
1832.	Парусъ	121
	Морякъ	—
	Что толку жить	122
	Прости, мы не встрѣтимся болѣ	—
	Слова разлуки повторяя	123
	Она не гордой красотою	—
	Сонетъ. Я памятью живу	—
	Мы случайно сведены судьбою	—
	Послушай, быть можетъ, когда мы покинемъ	124
	Изъ Байронова Мазепы	—
	Литвинка (отрывки изъ повѣсти)	—
	Аулъ—Бастунджи (отрывокъ)	126
	Каллы. Черкесская повѣсть (отрывокъ)	—
	Измаилъ-Бей	127
1833.	Хаджи-Абрекъ	159
	«Сашка» (отрывки изъ поэмы)	165
	«Когда надеждѣ недоступной»	167
	«Посреди небесныхъ тѣлъ»	—
	Онъ былъ въ краю святомъ	167
	Юнкерская молитва	—
	А. А. Ѳ—еву (отрывокъ)	168
1834.	Опять народные витіи	—
	Петергофскій праздникъ (отрывокъ)	169
	Уланша (отрывокъ)	—
1835.	Маскарадъ. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ	170
	Боярин Орша	226
1836.	Къ портрету стараго гусара. (Н. Н. Бухарову)	239
	Къ Бухарову. Мы ждемъ тебя	—
	Монго (отрывокъ)	—
	Казначейша	241
	Русалка	251
	Еврейская мелодія «Душа моя мрачна» (изъ Байрона)	252
	Въ альбомъ. Какъ одинокая гробница (изъ Байрона)	—
	Умирающій Гладіаторъ (изъ Байрона)	—
	Два великана	253
	Желаніе. «Отворите мнѣ темницу»	—
	«Гляжу на будущность съ боязнью»	—
	Эпиграмма на драму Кукольника	254
	Она поетъ и звуки таютъ	—
	Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ	—
	Молитва. Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою	—
1837.	На смерть Пушкина	—
	Вѣтка Палестины	256
	Бородино	—
	Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова	258
	Узникъ. «Отворите мнѣ темницу»	265
	Разстались мы; но твой портретъ	—
	Когда волнуется желтѣющая нива	—
	Сосѣдъ	266
1838.	Дума. Печально я гляжу на наше поколѣнье	—
	М. И. Цейдлеру (экспромтъ)	267
	Ребенку. О грезахъ юности	—
	Демонъ. Восточная повѣсть	268
	Посвященіе поэмы «Демонъ». Я кончилъ и въ груди невольное сомнѣнье	282
1839.	Молитва. «Въ минуту жизни трудную»	283
	Три пальмы. Восточное сказаніе	—
	Дары Терека	284
	Не вѣрь себѣ	285
	Памяти А. И. Одоевскаго	286
	Казотъ	287
	Ребенка милаго рожденье	—
	Поэтъ	—
	Мцыри	288
1840.	Первое января	298
	Казачья колыбельная пѣсня	299
	Журналистъ, читатель и писатель	—
	Воздушный корабль. (Изъ Зейдлица)	302
	И скучно и грустно, и некому руку подать	303
	Отчего	—
	Благодарность	—
	Изъ Гёте. «Горныя вершины»	—
	Тучи	—
	Сосна (изъ Гейне)	304

		стр.
	(Кн. М. А. Щербатовой). «На свѣтскія цѣпи»	—
	Любовь мертвеца	—
	Посвященіе къ поэмѣ «Демонъ».	305
	А. О. Смирновой	—
	Къ портрету гр. А. К. Воронцовой-Дашковой	—
	М. П. Соломирской	306
	Въ альбомъ автору «Курдюковой»	—
	Къ гр. Э. К. Мусиной-Пушкиной.	—
	Изъ альбома С. Н. Карамзиной	—
	Графинѣ Ростопчиной	307
	«Слышу ли голосъ твой»	—
1841.	«Есть рѣчи—значенье»	—
	Завѣщаніе	308
	Оправданіе	—
	Родина. Люблю отчизну я	—
	Послѣднее новоселье	309
	Кинжалъ	310
	Плѣнный рыцарь	311
	Сосѣдка	—
	Договоръ	312
	«Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою»	—
	«Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски	—
	Не плачь, не плачь, мое дитя.	313
	Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима	—
	Казбеку. «Спѣша на сѣверъ»	314
	«Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ».	—
	«Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою	—
	Великій мужъ! здѣсь нѣтъ награды (отрывокъ)	315
	Видъ горъ изъ степей Козлова.	—
	Бѣглецъ. Горская легенда	—
	Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой.	317
	Валерикъ	318
	Сказка для дѣтей	321
	Споръ	325
	Сонъ	326
	Утесъ	327
	«Они любили другъ друга» [Изъ Гейне]	—
	Тамара	—
	Свиданіе	328
	«Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой»	329
	«Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю	330
	Выхожу одинъ я на дорогу	—
	Морская царевна	—
	Пророкъ	331
1839—1840.	Герой нашего времени	332
	I. Бэла	333
	II. Максимъ Максимычъ	357
	Журналъ Печорина	363
	I. Тамань	364
	II. Княжна Мери	371
	III. Фаталистъ	423
1840—1841.	Ашикъ-Керибъ. (Турецкая сказка)	429
	I. Отрывокъ изъ начатой повѣсти.	434
	II. Другой отрывокъ изъ начатой повѣсти	444
	Варіанты и примѣчанія	449
	Въ примѣчаніяхъ стихотворенія:	
	Ребенку. (А. П. Петрову)	451
	Лилейной рукой поправляя	457
	На буркѣ подъ тѣнью чинары	—
	Наводненіе: И день насталъ	—
	Сердце	—
	И ты думаешь, буду я хладенъ.	458
	Эпиграмма на Сенковскаго	—
	СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ПИСЕМЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА:	
1828—32.	Поэтъ: «Когда Рафаэль вдохновенный	458
	Я жить хочу, хочу печали	—
	Примите дивное посланье	—
	По произволу дивной власти	459
	Для чего я не родился	—
	Конецъ! Какъ звучно это слово!	—
	Онъ былъ рожденъ для счастья.	—

CZYTELNIA
Warszawa
14333

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Лермонтовы ведутъ свой родъ отъ шотландской фамиліи Leirmont или Lermount, извѣстной еще въ XI вѣкѣ. Въ началѣ XVII столѣтія, во время смутъ въ Шотландіи, одинъ изъ Лермонтовъ, Юрій Лермонтъ, выѣхалъ въ Польшу, потомъ въ Москву, куда былъ вызванъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ для формированія кавалерійскихъ полковъ. Царскою грамотою отъ 1621 г. ему было пожаловано нѣсколько деревень и пустошей въ Галицкомъ уѣздѣ. Нѣкоторые изъ его потомковъ числились уже въ стольникахъ и воеводахъ и, въ свою очередь, также получали помѣстья. Отецъ же поэта, Юрій Петровичъ Лермонтовъ, утратилъ доказательства своего древняго знатнаго происхожденія и былъ вписанъ въ книгу тульскаго дворянства. Онъ служилъ при первомъ кадетскомъ корпусѣ и, по выходѣ въ отставку съ чиномъ капитана, женился на Марьѣ Михайловнѣ Арсеньевой, единственной дочери Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной. Отъ этого брака, заключеннаго по любви, но противъ воли Елизаветы Алексѣевны, родился въ Москвѣ 3 Октября 1814 года Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Марья Михайловна, вскорѣ послѣ рожденія сына, заболѣла и въ 1817 году умерла отъ изнурительной чахотки. Трехлѣтній ребенокъ остался на рукахъ у бабушки, которая до такой степени привязалась къ нему, что ни за что не рѣшалась разстаться съ нимъ и отдать его отцу, проживавшему тогда въ своемъ тульскомъ имѣніи, не смотря на его неоднократныя просьбы и требованія. Наконецъ послѣ долгихъ пререканій и тяжелыхъ домашнихъ сценъ, не мало повліявшихъ и на характеръ тогда уже подроставшаго мальчика, бабушка все-таки настояла на своемъ и отвоевала себѣ право распоряжаться дальнѣйшею судьбою своего любимаго внука. Отцу не пришлось быть свидѣтелемъ литературной славы своего сына,—онъ умеръ, когда тому исполнилось только шестнадцать лѣтъ.

Первые годы своего дѣтства Лермонтовъ провелъ въ селѣ Тарханахъ, пензенскомъ имѣніи Е. А. Арсеньевой, откуда она неразъ возила его на минеральныя воды въ Пятигорскъ. Величественная природа Кавказа сильно поразила будущаго поэта и впослѣдствіи предоставила широкій просторъ его богатой фантазіи. Въ Тарханахъ же Лермонтовъ получилъ и первоначальное воспитаніе. Наставниками его были сперва гувернеры—французы, затѣмъ по переѣздѣ его въ Москву въ 1827 году, вскорѣ послѣ смерти француза Жандро, мѣсто его занялъ англичанинъ Винсонъ, благодаря которому Лермонтовъ позна-

комился съ Байрономъ, В. Скоттомъ и Т. Муромъ. Кромѣ того, ему былъ нечуждъ и Шекспиръ. Вотъ что говоритъ онъ въ одномъ письмѣ по поводу „Гамлета“,видѣннаго имъ на московской сценѣ: „Если Шекспиръ великъ, то это въ Гамлетѣ, если онъ истинно Шекспиръ, этотъ геній необъемлемый, проникающій въ сердце человѣка, въ законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспиръ,—то это въ Гамлетѣ.“ Нѣмецкіе поэты также привлекали его вниманіе: въ свои ученическія тетради онъ набрасывалъ переводы изъ Шиллера, читалъ Гёте и въ его „Вертерѣ“ находилъ болѣе достоинствъ, чѣмъ въ „Новой Элоизѣ“ Руссо, отъ котораго, по его словамъ, „ожидалъ больше генія, больше познанія природы и истины“. Вообще представители французской литературы и даже позднѣйшіе изъ нихъ, какъ-то В. Гюго, Ламартинъ и др. не возбуждали въ немъ особеннаго сочувствія и не имѣли никакого вліянія на развитіе его поэтическаго таланта. Изъ русскихъ писателей онъ перечелъ всѣхъ корифеевъ нашей литературы, начиная съ Ломоносова и Державина и кончая Жуковскимъ и Пушкинымъ. Кромѣ общеобразовательныхъ наукъ, которыя Лермонтову преподавали даже профессора московскаго университета, и иностранныхъ языковъ, въ программу его воспитанія входили еще музыка и рисованіе. Въ послѣднемъ искусствѣ онъ проявилъ замѣтное дарованіе и нѣкоторые изъ его удачно выполненныхъ картинъ и рисунковъ хранятся въ музеѣ его имени, основанномъ при Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ въ 1881 году.

Въ 1828 году Лермонтовъ, хорошо подготовленный дома, поступилъ въ московскій университетскій пансіонъ. Къ этому же времени относятся его первые литературные опыты. Въ началѣ онъ подчиняется вліянію Пушкина и въ своихъ поэмахъ [Черкесы, Кавк. Плѣнникъ, Преступникъ] не только старается подражать ему, но даже цѣликомъ повторяетъ многіе стихи его. Затѣмъ всѣ свои симпатіи онъ переноситъ на Байрона, съ которымъ, какъ мы видѣли, знакомится рано, усвоиваетъ себѣ мрачный и пессимистическій характеръ его поэзіи, сравниваетъ свою судьбу съ его судьбою и не безъ гордости намекаетъ въ своихъ стихахъ, что у него съ нимъ „одна душа и однѣ и тѣ же муки“. Разгадку подобнаго настроенія, съ виду напускнаго, но въ сущности нелишеннаго извѣстной доли вѣроятности, нужно искать какъ въ его личныхъ наклонностяхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ случайностяхъ его жизни. Размолвка бабушки съ отцомъ, вытекавшія отсюда странныя и неопредѣленныя отношенія его самого къ отцу, борьба между сыновнею привязанностью и любовью къ бабушкѣ, которой онъ былъ обязанъ своимъ воспитаніемъ,—все это терзало и мучило его чуткую и воспріимчивую душу и заронило въ нее то скорбное и безотрадное чувство, которымъ проникнута бо́льшая часть его юношескихъ произведеній.

Окончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ и получивъ, за успѣхи въ наукахъ, первую награду на публичномъ экзаменѣ, Лермонтовъ въ 1830 году перешелъ въ университетъ. Пребываніе его въ университетѣ было непродолжительно: вслѣдствіе какой-то исторіи съ однимъ изъ профессоровъ, въ которую онъ былъ замѣшанъ случайно и противъ воли, онъ вышелъ съ перваго курса, уѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ поступить въ тамошній университетъ, но вмѣсто универ-

ситета поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Въ школѣ Лермонтовъ, благодаря страстности своей натуры, легко подчинился вліянію окружавшей его среды, не соотвѣтствовавшей ни его умственному развитію, ни его идеальнымъ стремленіямъ. Къ счастью, онъ вполнѣ сознавалъ всю ненормальность своей школьной жизни и видимо тяготился ею. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ прямо говоритъ, что два года, проведенные имъ въ школѣ, были для него „тяжелыми и печальными годами“. Въ 1834 году Лермонтовъ оставилъ школу и былъ зачисленъ корнетомъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Служба въ гвардіи была въ то время излюбленной карьерой аристократической молодежи, она считалась самымъ высокимъ и доблестнымъ призваніемъ, вслѣдствіе чего пользовалась особымъ вниманіемъ и значеніемъ въ обществѣ и для блестящихъ гвардейцевъ были открыты двери всѣхъ великосвѣтскихъ гостиныхъ. Лермонтовъ не могъ устоять противъ общаго влеченья и жадно бросился въ большой свѣтъ, манившій его своимъ блескомъ и неизбѣжными любовными интригами и откуда впослѣдствіи онъ вынесъ одно только пресыщеніе и разочарованіе.

Вскорѣ по выпускѣ въ офицеры, у Лермонтова начали завязываться и литературныя знакомства, такъ онъ сблизился съ Жуковскимъ, кн. В. Ѳ. Одоевскимъ, Плетневымъ и А. Н. Муравьевымъ, извѣстнымъ авторомъ „Путешествія ко св. мѣстамъ“. Послѣдній, въ своихъ воспоминаніяхъ, *) разсказываетъ, какъ ему случайно попалась поэма „Демонъ“ и онъ былъ пораженъ живостью разсказа и звучностью стиха. Впослѣдствіи, познакомившись лично съ поэтомъ, онъ нерѣдко увлекался его остроумною бесѣдою, но никакъ не могъ привыкнуть къ его непріятному пронзительному смѣху, напоминавшему ему смѣхъ Хомякова, на котораго онъ будто бы во многомъ походилъ. У А. Н. Муравьева же Лермонтовъ при видѣ пальмъ, привезенныхъ съ Востока и стоявшихъ въ его образной, написалъ свое прелестное стихотвореніе „Вѣтка Палестины“.

Въ 1835 году появляется въ первый разъ имя Лермонтова въ печати. Одинъ изъ его товарищей по школѣ, тайкомъ отъ него, передалъ Сенковскому его поэму „Хаджи Абрекъ“, а тотъ, къ немалому огорченію поэта, не замедлилъ тиснуть ее въ одной изъ книжекъ своей „Библіотеки для Чтенія“.

До 1837 года имя Лермонтова, какъ поэта, извѣстно было немногимъ, но дуэль и затѣмъ смерть Пушкина выдвинула его на первый планъ. Пораженный трагическимъ исходомъ дуэли, онъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ горестнаго событія, написалъ свое извѣстное стихотвореніе „На смерть Пушкина,“ быстро распространившееся во множествѣ списковъ. Но великосвѣтское общество и послѣ смерти знаменитаго поэта не переставало относиться къ нему враждебно, называло его самого виновникомъ катастрофы и всѣми средствами старалось обѣлить его убійцу Дантеса. Возмущенный до глубины души этими несправедливыми толками, Лермонтовъ излилъ свое негодованіе въ тѣхъ знаменитыхъ заключительныхъ стихахъ, которые своею силою и страстностью поразили современниковъ и возвысили его

*) Знакомство съ русскими поэтами. Кіевъ. 1871 г.

литературную славу. Такъ какъ эти стихи также быстро распространились въ публикѣ и возбудили ропотъ въ той части общества, которая неблаговолила Пушкину, то дѣло приняло крайне непріятный оборотъ для Лермонтова. Его арестовали и затѣмъ перевели прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ.

Впрочемъ ссылка, упрочившая литературную извѣстность Лермонтова, продолжалась недолго: бабушка, благодаря своимъ связямъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, успѣла устроить дѣло такъ, что Лермонтова вскорѣ опять перевели въ гвардію. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ снова дѣлается неизмѣннымъ членомъ большаго свѣта, за нимъ ухаживаютъ, въ немъ заискиваютъ; самыя хорошенькія женщины, по его словамъ, просятъ у него стиховъ и торжественно ими хвастаются; люди, которыхъ онъ оскорблялъ въ своихъ стихахъ, осыпаютъ его лестью и похвалами, словомъ, на его долю выпадаетъ блестящая роль свѣтскаго льва.

Не обладая красивою наружностью, но отличаясь знаніемъ женскаго сердца, онъ своею страстною рѣчью и горячимъ чувствомъ умѣлъ располагать къ себѣ женщинъ и даже пріобрѣтать надъ ними власть, какъ онъ выражается въ одномъ изъ своихъ писемъ. На людей же, случайно сталкивавшихся съ нимъ, онъ производилъ глубокое впечатлѣніе. Такъ Тургеневъ, видѣвшій его въ своей жизни два раза, говоритъ, что „въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижныхъ глазъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большою головою, на сутулыхъ плечахъ, возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознаваль всякій“. Панаевъ же, встрѣчавшій его нерѣдко у Краевскаго, слѣдующими штрихами рисуетъ его портретъ: „Онъ былъ небольшаго роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ.“

Но и посреди свѣтскихъ развлеченій Лермонтовъ не забывалъ свою музу и находилъ время дарить публику своими поэтическими произведеніями. Такъ въ 1837 году, въ „Современникѣ“, издававшемся, послѣ смерти Пушкина, цѣлымъ обществомъ извѣстныхъ литераторовъ, появилось его „Бородино“, затѣмъ въ томъ же журналѣ за 1838 г. была напечатана „Казначейша“, за которой вслѣдъ, благодаря особому ходатайству Жуковскаго, помѣщена была въ „Лит. Прибл. къ Русск. Инв.“, знаменитая „Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ“. 1839-й годъ въ особенности былъ богатъ произведеніями Лермонтова: цѣлый рядъ тѣхъ превосходныхъ стихотвореній, которыя составляютъ гордость и славу русской поэзіи, появился въ этомъ году на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ“ *). Въ первыхъ двухъ книжкахъ того же журнала за 1840 г.. т. е. до вторичной ссылки Лермонтова на Кавказъ,

*) «Дума», «Поэтъ», «Русалка», «Вѣтка Палестины», «Не вѣрь себѣ», «Душа моя мрачна» (изъ Байрона), «Три пальмы», «Молитва», «Дары Терека», «Памяти Одоевскаго».

были напечатаны: „1-е Января“, „Казачья колыбельная пѣснь“ и разсказъ „Тамань“, вошедшій впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другимъ его разсказомъ „Бэла“, въ составъ романа „Герой нашего времени“. Самъ же „Герой“ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ въ февралѣ или мартѣ 1840 года. Проникнутая горячимъ чувствомъ, облеченная въ художественную форму, поэзія Лермонтова производила обаятельное дѣйствіе на современниковъ. Молодежь съ восторгомъ повторяла его пламенные стихи и самъ Бѣлинскій горячо привѣтствовалъ юнаго поэта, въ которомъ предугадывалъ ужъ достойнаго преемника Пушкина.

Но въ то время, какъ постепенно росли успѣхи Лермонтова въ большомъ свѣтѣ, а вмѣстѣ съ ними росла и крѣпла его поэтическая слава, надъ его головою незамѣтно собиралась новая гроза. Въ февралѣ 1840 года, на балѣ у графини Лаваль, онъ поссорился съ Барантомъ, сыномъ тогдашняго французскаго посланника. Яблокомъ раздора послужила извѣстная свѣтская красавица, которой Лермонтовъ посвятилъ одно изъ самыхъ граціозныхъ своихъ стихотвореній „На свѣтскія цѣпи“, оказавшая на балу слишкомъ явное предпочтеніе счастливому поэту предъ его взбѣшеннымъ соперникомъ. За ссорою послѣдовала неизбѣжная дуэль: противники сперва скрестили шпаги и Лермонтовъ получилъ легкую рану въ руку, затѣмъ взялись за пистолеты, причемъ Барантъ далъ промахъ, а Лермонтовъ выстрѣлилъ на воздухъ За эту дуэль поэтъ былъ вторично переведенъ на Кавказъ, гдѣ, по пріѣздѣ, принималъ участіе въ дѣлѣ противъ горцевъ, которое впослѣдствіи обезсмертилъ въ поэмѣ „Валерикъ“, напечатанной уже послѣ его смерти въ альманахѣ „Утренняя заря“ за 1843 годъ.

Во время производства слѣдствія по дѣлу о дуэли съ Барантомъ, Лермонтовъ содержался на гауптвахтѣ и тутъ посѣтилъ его Бѣлинскій. Вотъ въ какихъ восторженныхъ выраженіяхъ говоритъ онъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, объ этомъ свиданіи: „Недавно былъ я у Лермонтова въ заточеніи и въ первый разъ разговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій умъ! Какъ онъ вѣрно смотритъ на искусство, какой глубокій и чисто-непосредственный вкусъ изящнаго! О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура! Я былъ безъ памяти радъ, когда онъ сказалъ мнѣ, что Куперъ выше В. Скотта, что въ его романахъ больше глубины и больше художественной цѣлости. Я давно такъ думалъ и еще перваго человѣка встрѣтилъ, думающаго также. Передъ Пушкинымъ онъ благоговѣетъ и больше всего любитъ „Онѣгина“. Женщинъ ругаетъ, однихъ за то, другихъ за то. Мужчинъ онъ также презираетъ, но любитъ однихъ женщинъ,—и въ жизни только ихъ видитъ. Взглядъ чисто — онѣгинскій. Печоринъ это онъ самъ какъ есть. Я съ нимъ спорилъ и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей, сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого.... Каждое слово его — онъ самъ, вся его натура во всей глубинѣ и цѣлости своей. Я съ нимъ робокъ, — меня давятъ такіе цѣлостныя, полныя натуры, я передъ ними благоговѣю и смиряюсь въ сознаніи своего ничтожества“.

Попытки Е. А. Арсеньевой выхлопотать прощеніе своему внуку не увѣнча-

лись успѣхомъ и ему разрѣшено было только на нѣсколько мѣсяцевъ вернуться въ Петербургъ, гдѣ онъ и прожилъ съ января по апрѣль 1841 г. Въ это время онъ, повидимому, испытывалъ не мало огорченій и какое-то грустное, безотчетное чувство постепенно закрадывалось въ его душу. Ужиная въ послѣдній разъ съ графинею Ростопчиной, онъ только и говорилъ объ ожидающей его близкой смерти. Предчувствіе это, какъ извѣстно, не обмануло его и для него уже незамѣтно готовилась преждевременная могила.

Проѣздомъ на Кавказъ онъ остановился на короткое время въ Москвѣ и съ этимъ послѣднимъ пребываніемъ въ ней, надо полагать, совпадаетъ его знакомство съ Боденштедтомъ, впослѣдствіи извѣстнымъ переводчикомъ его стихотвореній на нѣмецкій языкъ. Переводъ этотъ появился въ 1852 г. съ предисловіемъ, гдѣ, вмѣстѣ съ довольно удачною характеристикою лермонтовской поэзіи, встрѣчаются еще личныя воспоминанія переводчика о знаменитомъ поэтѣ.

Въ этихъ воспоминаніяхъ Боденштедтъ разсказываетъ, что въ бытность свою въ Москвѣ въ 1841 году, ему случилось разъ обѣдать въ одномъ извѣстномъ тогда французскомъ ресторанѣ съ нѣкіимъ Павломъ О*, весьма развитымъ и умнымъ молодымъ человѣкомъ. Во время обѣда къ нимъ присоединились еще нѣсколько общихъ знакомыхъ и въ томъ числѣ одинъ очень юный князь замѣчательно красивой наружности, но крайне ограниченный и добродушный, позволявшій подтрунивать надъ собою и терпѣливо переносившій всѣ отпускаемыя на его счетъ остроты. Шампанское пѣнилось въ стаканахъ и лилось черезъ край, а съ нимъ вмѣстѣ лились изъ устъ собесѣдниковъ рѣчи, въ которыхъ подчасъ слышалась то мѣткая острота, то плоская шутка. Въ это время въ комнату вошелъ молодой офицеръ и, послѣ обычныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, потрепалъ О* по плечу, а къ князю обратился съ словами: „Ну, какъ поживаешь, умникъ?“

У вошедшаго былъ открытый высокій лобъ, слегка вьющіеся на вискахъ бѣлокурые волосы, умные большіе глаза, а на красиво очерченныхъ губахъ играла насмѣшливая улыбка. Онъ держалъ себя гордо и непринужденно, былъ средняго роста, но широкъ въ плечахъ и отличался замѣчательною гибкостью движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и при этомъ нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто у него не было вовсе костей. Обмѣнявшись нѣсколькими французскими фразами съ Боденштедтомъ, новый гость присѣлъ къ столу и потребовалъ карту. При выборѣ кушаньевъ и обращеніи съ прислугою, онъ употреблялъ такія выраженія, которыя тѣмъ болѣе поражали Боденштедта, что этотъ гость былъ никто иной, какъ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Отвѣдавъ нѣсколько блюдъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, повидимому, много острилъ, потому что его слова нерѣдко вызывали громкій хохотъ. Хотя эти остроты и несовсѣмъ были понятны Боденштедту, такъ какъ Лермонтовъ говорилъ по русски и при этомъ чрезвычайно скоро, а Боденштедтъ еще не успѣлъ вполнѣ усвоить себѣ русскую разговорную рѣчь, но онъ все-таки не могъ не замѣтить, что его остроты не-

рѣдко переходили въ личности. Мишенью своихъ остротъ онъ выбралъ молодаго князя; тотъ долго крѣпился, но наконецъ не выдержалъ и въ выраженіяхъ, полныхъ достоинства, далъ понять оскорбившему его поэту, что у него сердце тамъ же, гдѣ и у другихъ людей. Эти слова, повидимому, смутили Лермонтова, онъ сознался, что обидѣлъ своего товарища и тутъ же постарался примириться съ нимъ.

Боденштедтъ зналъ и любилъ Лермонтова по его стихотвореніямъ, вышедшимъ въ 1840 году, но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на него такое невыгодное впечатлѣніе, что у него пропала всякая охота сближаться съ нимъ..... Но въ скоромъ времени ему пришлось измѣнить свой взглядъ на Лермонтова и изгладить изъ своей памяти первое непріятное впечатлѣніе, произведенное на него поэтомъ.

Такъ встрѣтивъ его на слѣдующій же вечеръ въ салонѣ Мятлевой, онъ увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ, по словамъ Боденштедта, умѣлъ вполнѣ быть милымъ. Отдаваясь кому нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца, но это случалось съ нимъ рѣдко и только люди, близко знавшіе его, могутъ дать вѣрное понятіе объ его обаятельныхъ качествахъ. Людей же, видѣвшихъ въ немъ одни только недостатки, онъ скорѣе отталкивалъ, чѣмъ привлекалъ. Впрочемъ, бывали минуты, когда онъ былъ кротокъ и нѣженъ какъ ребенокъ; вообще же въ его характерѣ преобладало задумчивое, чисто грустное настроеніе, а серьозная мысль была главною чертою его благороднаго лица. „Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова,—такъ заканчиваетъ свой разсказъ Боденштедтъ,—раздѣляли съ нимъ его прометеевскую участь, но ни у одного изъ нихъ страданія не вызывали такихъ драгоцѣнныхъ слезъ, которыя служили ему облегченіемъ при жизни и даровали ему неувядаемый вѣнокъ по смерти.“

По пріѣздѣ на Кавказъ, Лермонтовъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ. Въ іюньскихъ книжкахъ „Отеч. Зап“. и „Москвитянина“ за 1841 годъ еще были напечатаны два, послѣднія при жизни поэта, стихотворенія: „Кинжалъ“ и „Споръ“, а 15-го Іюля,—какъ гласило лаконическое извѣстіе, полученное изъ Пятигорска,—около 5 часовъ вечера разразилась ужасная буря съ молніею и громомъ; въ это время, между горами Машукомъ и Бештау, скончался, лечившійся въ Пятигорскѣ, М. Ю. Лермонтовъ.

Причины дуэли, имѣвшей такой печальный исходъ, до сихъ поръ еще не вполнѣ выяснены. Одни называютъ главнымъ виновникомъ катастрофы самого поэта, другіе же во всемъ обвиняютъ его противника—Мартынова. Не отдавая предпочтенія ни той, ни другой сторонѣ, мы только ограничимся пересказомъ тѣхъ скудныхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ настоящее время какъ относительно ссоры, возникшей между Лермонтовымъ и Мартыновымъ, такъ и относительно послѣдовавшей за ней дуэли.

Минеральный сезонъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году былъ одинъ изъ самыхъ оживленныхъ, изъ Петербурга наѣхало много военной молодежи и въ томъ числѣ Мартыновъ, товарищъ Лермонтова по юнкерской школѣ, отличавшійся красивою и представительною наружностью, и ходившій всегда въ черкескѣ съ большимъ дагестанскимъ кинжаломъ на поясѣ. Лермонтовъ, при всякомъ удобномъ слу-

чаѣ, старался подтрунивать надъ нимъ и окрестилъ его даже прозвищемъ: montagnard au grand poignard [горецъ съ большимъ кинжаломъ]. 14 іюля былъ вечеръ у генеральши Верзилиной, гости проводили время въ оживленной бесѣдѣ, кн. Трубецкой игралъ на фортопьяно, а Лермонтовъ въ это время сидѣлъ рядомъ съ одной изъ дочерей хозяйки. Замѣтивъ входившаго въ комнату Мартынова, онъ не могъ удержаться отъ насмѣшки и, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, сказалъ: „Берегитесь, m-lle Emilie, къ намъ идетъ le farouche montagnard (свирѣпый горецъ). Хотя это было сказано довольно тихо, но какъ нарочно, въ эту самую минуту, кн. Трубецкой пересталъ играть, самый говоръ гостей какъ-то вдругъ смолкъ и слова le farouche montagnard раздались по всей комнатѣ.

Когда, по окончаніи вечера, всѣ стали расходиться, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и тихимъ, ровнымъ голосомъ сказалъ ему по французски:

— Сколько разъ просилъ я васъ, Лермонтовъ, не отпускать на мой счетъ шутокъ, особенно въ присутствіи дамъ.

— А, такъ вы серьезно обижаетесь и вызываете меня на дуэль, возразилъ ему Лермонтовъ.

— Да, я вызываю васъ, отвѣтилъ тѣмъ же спокойнымъ голосомъ Мартыновъ и тутъ же разстался съ нимъ. *)

На другой день противники съѣхались у подошвы Машука. Секунданты, отмѣривъ барьеръ, скомандовали сходиться. Лермонтовъ,—по разсказу очевидца,—остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукою и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. На лицѣ его, въ эту минуту, играла спокойная и почти веселая улыбка. Мартыновъ быстро подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ подкошенный и, тихо вздохнувъ, умеръ на мѣстѣ. Пуля ударила въ правый бокъ и, выйдя насквозь, пробила сердце и легкія.

Убитый поэтъ былъ похороненъ на Пятигорскомъ кладбищѣ, но черезъ годъ тѣло его было перевезено въ Тарханы и положено рядомъ съ могилою матери, въ часовнѣ, выстроенной бабушкою, въ которой впослѣдствіи она и сама обрѣла свой вѣчный покой.

Въ настоящее время въ Пятигорскѣ красуется памятникъ, воздвигнутый великому поэту на пожертвованія всей читающей Россіи и торжественно открытый 16 Августа 1889 года.

---

*) См. разсказъ А. П. Шанъ-Гирея «М. Ю. Лермонтовъ», въ VIII кн. Русск. Обозр. за 1890 г. Изъ разсказа же С. Н. Филиппова, записаннаго со словъ кавказскаго старожила, К. І. Карпова, близко знавшаго Лермонтова, и принимавшаго дѣятельное участіе въ судной коммисіи, учрежденной по дѣлу о поединкѣ его съ Мартыновымъ —видно, что, кромѣ постоянныхъ насмѣшекъ поэта надъ своимъ пріятелемъ, причиною дуэли была еще меньшая дочь генеральши Верзилиной, Надежда Петровна, за которою ухаживалъ Лермонтовъ и которая предпочитала ему Мартынова. См.» Лермонтовъ на Кавказскихъ водахъ», XII кн. Русской мысли 1890 г.

1828.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ:

ЧЕРКЕСЫ.

I.

Ужъ солнце въ горахъ исчезаетъ,
Въ долинахъ всюду мертвый сонъ,
Заря, блистая, угасаетъ,
Вдали гудитъ протяжный звонъ;
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещетъ въ небесахъ.
Въ долинахъ стадъ не видно болѣ,
Лишь серны скачутъ на холмахъ,
И сѣрый волкъ бѣжитъ чрезъ горы,
Его свирѣпо блещутъ взоры.
Въ тѣни развѣсистыхъ дубовъ
Влѣзаетъ онъ въ свою берлогу.
За нимъ бѣжитъ черезъ дорогу
Съ ружьемъ охотникъ; пара псовъ
На сворахъ рвутся съ нетерпѣньемъ.
Все тихо, и въ глуши лѣсовъ
Не слышно жалобнаго пѣнья
Пустынной иволги; лишь тамъ
Весенній вѣтерокъ играетъ,
Перелетая по кустамъ;
Въ глуши кукушка занываетъ,
И на дуплѣ, какъ тѣнь, сидитъ
Полночный воронъ и кричитъ.
Межъ дикихъ скалъ крутитъ, сверкаетъ
Подалѣ Терекъ за горой;
Высокій берегъ подмываетъ,
Крутяся пѣною сѣдой.

II.

Одѣто небо черной мглою,
Въ туманѣ мѣсяцъ чуть блеститъ.
Лишь на сухихъ скалахъ травою
Полночный вѣтеръ шевелитъ.
На холмахъ маяки блистаютъ:
Тамъ стражи русскіе стоятъ;
Ихъ копья острыя блестятъ;
Другъ друга громко окликаютъ:
„Не спитъ казакъ во тьмѣ ночной:
„Чеченцы ходятъ за рѣкой!“
Но вотъ они стрѣлу пускаютъ,
Взвилась! и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана;
Въ очахъ его смертельный мракъ:
Ему не зрѣть роднаго Дона,
Ни милыхъ сердцу, ни семью.
Онъ жизнь окончилъ здѣсь свою...

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ:

КАВКАЗСКІЙ ПЛѢННИКЪ.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

I.

Въ большомъ аулѣ подъ горою,
Близъ саклей дымныхъ и простыхъ,
Черкесы позднею порою

Сидятъ.—О коняхъ удалыхъ
Наводятъ рѣчь, о мѣткихъ стрѣлахъ,
О разоренныхъ ими селахъ,
И съ ними какъ дрался казакъ,
И какъ на русскихъ нападали,
Какъ ихъ плѣнили, побѣждали.
Курятъ безпечно свой табакъ,
И дымъ вiясь, летитъ надъ ними...
Иль стукнувъ шашками своими,
Пѣснь горцевъ громко запоютъ.
Иные на коней садятся,
Но передъ тѣмъ какъ разставаться,
Другъ другу руку подаютъ.

II.

Межъ тѣмъ черкешенки младыя
Вбѣгаютъ на горы крутыя,
И въ темну даль глядятъ—но пыль
Лежитъ спокойно по дорогѣ,
И не шелохнется ковыль.
Не слышно шума, ни тревоги.
Тамъ Терекъ издали крутитъ,
Межъ скалъ пустынныхъ протекаетъ
И пѣной зыбкой орошаетъ
Высокiй берегъ. Лѣсъ молчитъ,
Лишь изрѣдка олень пугливый
Черезъ пустыню пробѣжитъ,
Или коней табунъ игривый
Молчанье дола возмутитъ.

III.

Лежалъ цвѣтовъ коверъ узорный
По той горѣ и по холмамъ;
Внизу сверкалъ потокъ нагорный
И текъ струисто по кремнямъ.
Черкешенки къ нему сбѣжались...

IV.

Послѣдній солнца лучъ златой
На льдахъ сребристыхъ догораетъ,
И Эльборусъ своей главой
Его, какъ туча, закрываетъ...
Ужъ раздалось мычанье стадъ,
И ржанье табуновъ веселыхъ,
Они съ полей идутъ назадъ.
Но что за звукъ цѣпей тяжелыхъ?
Зачѣмъ печаль сихъ пастуховъ?
Увы! то плѣнники младые!
Утративъ годы золотые,
Въ пустынѣ горъ, въ глуши лѣсовъ,
Близъ Терека пасутъ уныло
Черкесовъ тучныя стада,
Воспоминая то, что было,
И что не будетъ никогда!
Какъ счастье тщетно ихъ ласкало,
Какъ оставляло наконецъ,
И какъ оно мечтою стало...
И нѣтъ къ нимъ жалостныхъ сердецъ!
Они въ цѣпяхъ, они рабами!
Слилось все, какъ въ мутномъ снѣ.
Души не чувствуя, они
Ужъ видятъ гробъ передъ очами.
Несчастные! въ чужомъ краю!
Исчезли сердца упованья!
Въ однихъ слезахъ, въ одномъ страданьи
Отраду зрятъ они свою.

V.

... Идутъ домой. Лай вѣрныхъ псовъ
Не раздавался вкругъ аула,
Природа шумная уснула;
Лишь слышенъ дѣвъ издалека
Напѣвъ унылый. Вторятъ горы,
И нѣженъ онъ, какъ птичекъ хоры,
Какъ шумъ привѣтный ручейка:

пѣсня.

Какъ сильной грозою
Сосну вдругъ согнетъ,
Пронзенный стрѣлою
Какъ левъ зареветъ:
Такъ русскiй средь бою
Предъ нашимъ падетъ,
И смѣлой рукою
Чеченецъ возьметъ
Броню золотую

И саблю стальную,
И въ горы уйдетъ.
Ни конь, оживленный
Военной трубой,
Ни варваръ, смятенный
Внезапной борьбой,
Страшнѣй не трепещетъ,
Когда вдругъ заблещетъ
Кинжалъ роковой.
Внимали плѣнники уныло
Печальной пѣсни сей для нихъ,
И сердце въ грусти страшно ныло...
Ведутъ черкесы къ саклѣ ихъ
И, привязавши у забора,
Ушли. Межъ нихъ огонь трещитъ;
Но не смыкаетъ сонъ ихъ взора,
Не могутъ горесть дня забыть...

ИЗЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

XVIII.

Однажды, погружась въ мечтанье,
Сидѣлъ онъ позднею порой.
На темномъ сводѣ, безъ сіянья,
Безцвѣтный мѣсяцъ молодой
Стоялъ, и лучъ дрожащій, блѣдный,
Лежалъ на зелени холмовъ;
И тѣни шаткія деревъ,
Какъ призраки, на крышѣ бѣдной
Черкесской сакли прилегли.
Въ ней огонекъ уже зажгли;
Краснѣя онъ въ лампадѣ мѣдной,
Чуть освѣщалъ большой заборъ...
Все спитъ: холмы, рѣка и боръ.

XIX.

Но кто въ ночной тѣни мелькаетъ?
Кто легкой тѣнью межъ кустовъ
Подходитъ ближе, чуть ступаетъ,
Все ближе, ближе, черезъ ровъ
Идетъ бредучею стопою?...
Вдругъ видитъ онъ передъ собою:
Съ улыбкой жалости нѣмой
Стоитъ черкешенка младая!
Даетъ заботливой рукой
Хлѣбъ и кумысъ прохладный свой,
Предъ нимъ колѣни преклоняя.
И взоръ ея изобразилъ
Души порывъ какъ бы смятенный;
Но пищу принялъ русскій плѣнный
И знакомъ ей благодарилъ...

XXI.

Четверту ночь къ нему ходила
Она, и пищу приносила,
Но плѣнникъ часто все молчалъ,
Словамъ печальнымъ не внималъ...
. . . . . .

XXV.

... Покрылись зеленой сребристой
Холмы, лѣса и лугъ съ рѣкой...
Но кто печальною стопой
Идетъ одинъ тропой гористой?
Она... съ кинжаломъ и пилой...
. . . . . .

XXVI.

„Ахъ, русскій, русскій! что съ тобою?
Почто ты съ жалостью нѣмою
Печаленъ, хладенъ, молчаливъ
На мой отчаянный призывъ?
Еще имѣешь въ свѣтѣ друга,
Еще невѣсты не терялъ...
Готова я часы досуга
Съ тобой дѣлить; но ты сказалъ,
Что любишь, русскій, ты другую?
Ея бѣжитъ за мною тѣнь,
И вотъ объ чемъ и ночь и день
Я плачу, вотъ объ чемъ тоскую!
Забудь ее! готова я
Съ тобой бѣжать на край вселенной!...
. . . . . .

XXVII.

Тутъ вдругъ поднялся онъ. Блеснули
Его прелестные глаза

*

И слезы крупныя мелькнули
На нихъ, какъ свѣтлая роса...
„Ахъ, нѣтъ! оставь восторгъ свой нѣжной
Спасти меня не льстись надеждой;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь!
Не на останкахъ славныхъ бранныхъ,
Но на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная цѣпь!“
Онъ замолчалъ. Она рыдала,
Но ободрилась, тихо встала,
Взяла шилу одной рукой,
Кинжалъ другою подавала.
И вотъ подъ острою пилой
Скрипитъ желѣзо; распадаетъ,
Блистая, цѣпь и чуть звенитъ.
Она его приподымаетъ,
И такъ, рыдая, говоритъ:

XXVIII.

„Да!... плѣнникъ... ты меня забудешь...
Прости!... прости же... навсегда;
Прости навѣкъ!... Какъ счастливъ будешь...
Ахъ!... вспомни обо мнѣ тогда...
Тогда... быть можетъ, ужъ могилой
Желанной скрыта буду я;
Быть можетъ... скажешь ты уныло:
Она любила и меня!...“
И дѣвы блѣдныя ланиты,
Почти потухшіе глаза,
Смущенный ликъ, тоской убитый,
Не освѣжитъ одна слеза!
И только рвутся вопли муки...
Она беретъ его за руки
И въ поле темное спѣшитъ,
Гдѣ чрезъ утесы путь лежитъ.

XXIX.

Идутъ, идутъ, остановились;
Вздохнувъ, назадъ оборотились;
Но роковой ударилъ часъ...
Раздался выстрѣлъ—и какъ разъ
Мой плѣнникъ падаетъ... Не муку,
Но смерть изображаетъ взоръ;
Кладетъ на сердце тихо руку...
Такъ медленно по скату горъ,
На солнцѣ искрами блистая,
Спадаетъ глыба снѣговая.
Какъ вмѣстѣ съ нимъ поражена
Безъ чувства падаетъ она;
Какъ будто пуля роковая
Однимъ ударомъ въ одинъ мигъ
Обоихъ вдругъ сразила ихъ.
. . . . . .

XXX.

Но очи русскаго смыкаетъ,
Ужъ смерть холодною рукой,
Онъ вздохъ послѣдній испускаетъ...

XXXI.

Межъ тѣмъ черкесъ, съ улыбкой злобной,
Выходитъ изъ глуши деревъ,
И, волку хищному подобный,
Бросаетъ взоръ... стоитъ... безъ словъ,
Ногою гордой попираетъ
Убитаго. . . . . .
. . . . . .

XXXII.

Но вотъ она очнулась вдругъ,
И ищетъ плѣнника очами...
Черкешенка! гдѣ, гдѣ твой другъ?
Его ужъ нѣтъ. Она слезами
Не можетъ крови омывать,
Не можетъ ужасъ выражать,
И взоръ ея, какъ бы безумной,
Порывъ любви изобразилъ;
Она страдала. Вѣтеръ шумной,
Свистя, покровъ ея клубилъ...
Встаетъ... и скорыми шагами
Пошла съ потупленной главой
Черезъ поляну—за холмами
Сокрылась вдругъ въ тѣни ночной.

XXXIII.

Она ужъ къ Тереку подходитъ.
Увы! зачѣмъ, зачѣмъ она
Такъ робко взоромъ вкругъ обводитъ
Ужасной грустію полна?
И долго на бѣгущи волны
Она глядитъ, и взоръ безмолвный
Блеститъ звѣздой въ полночной тьмѣ.
Она на каменной скалѣ—
„О русскій, русскій!“ восклицаетъ...
Плеснули волны при лунѣ,
Объ берегъ брызнули онѣ!...
И дѣва съ шумомъ исчезаетъ.
Покровъ лишь бѣлый выплываетъ,
Несется по глухимъ волнамъ—
Остатокъ грустный и печальный,
Плыветъ какъ саванъ погребальный,
И скрылся къ каменнымъ скаламъ...

XXXV.

. . . . . .
Отецъ, убійца ты ее:
Гдѣ упованіе твое?
Терзайся вѣкъ! живи уныло!
Ея ужъ нѣтъ. И за тобой
Повсюду призракъ роковой.
Кто гробъ ея тебѣ укажетъ?
Бѣги, ищи ее вездѣ...
„Гдѣ дочь моя?“ и отзывъ скажетъ:
„Гдѣ?“

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПОЭМЫ:

КОРСАРЪ.

ИЗЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость
Въ очахъ моихъ, какъ блескъ огня.
Моя давно увяла младость;
Давно, давно нѣтъ ясныхъ дней,
Давно нѣтъ цѣли упованья!
Исчезло все! одни страданья
Еще живутъ въ душѣ моей.
Я не видалъ своихъ родимыхъ,
Чужой семьей воскормленъ я.
Одинъ лишь братъ былъ у меня,
Предметъ всѣхъ радостей любимыхъ.
Его я старѣ годомъ былъ,
Но онъ равно меня любилъ;
Равно мы слезы проливали,
Когда все спитъ во тьмѣ ночной;
Равно мы горе повѣряли
Другъ другу жаркою душой...
. . . . . .
Мой умеръ братъ! передъ очами
Еще теперь тотъ страшный часъ,
Когда въ ногахъ его съ слезами
Сидѣлъ. . . . . .
. . . . . .
Не могъ съ улыбкою смиренья
Съ тѣхъ поръ я все переносить:
Насмѣшки гордости, презрѣнья...
Я могъ лишь пламенно любить...
Самимъ собою недоволенъ,
Желая быть спокоенъ, воленъ,
Я часто по лѣсамъ бродилъ,
И только тамъ душою жилъ...
. . . . . .
Возненавидя шумный свѣтъ,
Узнавъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ людей нашедъ измѣну,
Утративъ жизни лучшій цвѣтъ,
Ожесточился я—угрюмой
Душа моя смутилась думой...
. . . . . .
Я въ Грецію идти хотѣлъ,
Чтобъ турокъ сабля роковая
Пресѣкла горестный удѣлъ...
. . . . . .
„Прости, отчизна золотая!“
Сказалъ: „быть можетъ, въ этотъ разъ
Съ тобой навѣки мнѣ проститься;
Но этотъ мигъ, но этотъ часъ
Надолго въ сердцѣ сохранится!“
. . . . . .

ИЗЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Гдѣ Геллеспонтъ сѣдой, широкій,
Плеская волнами, шумитъ,
Покрытый лѣсомъ, одинокій
Аѳосъ задумчивый стоитъ.
Вѣнчанный грозными скалами,
Какъ неприступными стѣнами
Онъ окруженъ. Ни быстрыхъ волнъ,
Ни свиста вѣтровъ не боится.
Бѣда тому, чей бренный челнъ
Порывомъ ихъ къ нему домчится.
Его высокое чело
Травой и мохомъ заросло.
Между стремнинъ, между кустами,
Изрѣзанъ узкими тропами,
Съ востока рядъ зубчатыхъ горъ
Къ подошвѣ тянется Аѳоса,
И башни гордыя Летоса
Встрѣчаетъ удивленный взоръ.
Порою корабли водами
На быстрыхъ, бѣлыхъ парусахъ
Летали между островами,
Какъ бы на лебедя крылахъ.
Воспоминанье здѣсь одною
Прошедшей истиной живетъ...
Вотъ цареградскій путь идетъ
Чрезъ поле черной полосою...
. . . . . .
Кустарникъ дикій въ отдаленьи
Терялся межъ угрюмыхъ скалъ—
Межъ скалъ, гдѣ въ счастьи, упоенья
Фракіецъ храбрый пировалъ.
Теперь все пусто. Вспоминанье
Почти изгладилъ токъ временъ
И этотъ край обремененъ
Подъ игомъ варваровъ. Страданье
Осталось только въ той странѣ,
Гдѣ прежде греки воспѣвали
Ихъ храбрость, вольность; но они
Той страшной участи не знали.
И дышетъ все здѣсь стариной,
Минувшей славой и войной.

Когда жъ народъ ожесточенный
Хватался вдругъ за мечъ военный—
Въ пещерѣ темной, у скалы,
Какъ будто горные орлы,
Бывало, греки въ ночь глухую
Сбирали шайку удалую,
Чтобы на турокъ нападать,
Плѣнить, рубить, въ моряхъ летать—
И часто барка въ тьмѣ у брега
Была готова для побѣга
Отъ непріятельскихъ полковъ;
Не страшенъ былъ имъ плескъ валовъ.
И въ той пещерѣ отдыхая,
Какъ часто ночью я сидѣлъ,
Воспоминая и мечтая,
Кляня жестокій свой удѣлъ.
И что-то новое пылало
Въ душѣ неопытной моей,
И сердце юное мечтало
О легкомъ вихрѣ прежнихъ дней.
Желалъ я быть въ бояхъ жестокихъ,
Желалъ я плыть въ моряхъ широкихъ
[Любить—кого, не находилъ].
Друзья мои, я молодъ былъ!...
. . . . . .

ПРЕСТУПНИКЪ.

„Скажи намъ, атаманъ честной,
Какъ жилъ ты въ сторонѣ родной,
Чай, прежній жаръ въ тебѣ и нынѣ
Не остываетъ отъ годовъ?
Здѣсь, подъ дубочкомъ, ты въ пустынѣ
Потѣшишь добрыхъ молодцовъ!“
— Отецъ мой, вѣкъ свой доживая,
Былъ на второй женѣ женатъ,
Она—красотка молодая,
Онъ былъ и знатенъ и богатъ...
Перетерпѣвши лѣтъ удары,
Когда захочетъ соколъ старый
Подругу молодую взять —

Такъ онъ не думаетъ, не чуетъ,
Что послѣ будетъ проклинать.
Онъ все голубитъ, все милуетъ;
Къ нему ласкается она,
Его хранитъ въ минуту сна;
Но вдругъ увидѣла другаго,
Не стараго, а молодаго —
Лишь первая приходитъ ночь,
Она, безъ всякаго зазрѣнья,
Клевкомъ лишитъ супруга зрѣнья,
И отъ гнѣзда помчится прочь!...
Пиры веселья забывая,
И златоструйное вино,
И домъ, гдѣ, чашу наполняя,
Налило кровь мою оно;
Какъ часто я чело покоилъ
Въ колѣняхъ мачихи моей,
И съ нею вмѣстѣ козни строилъ
Противъ отца, среди ночей....
Ея пронзительныхъ лобзаній
Огонь впивалъ я въ грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаній,
Мольбы, угрозъ и заклинаній,
Но слезы злобы только лью!...
Богъ вѣсть; меня она любила,
Иль это былъ притворный жаръ,
И мысль печально утаила,
Чтобы вѣрнѣй свершить ударъ;
Иль мнила, что она любима,
Порочной страстію дыша?
Кто знаетъ! Женская душа
Какъ океанъ неизслѣдима!
И дни летѣли. Часъ насталъ!
Ужъ грѣховодникъ въ дни младые,
Я какъ предъ казнію дрожалъ...
Гремятъ проклятья роковыя;
Я принужденъ, какъ нѣкій тать,
Изъ дому отчаго бѣжать.
О, сколько мукъ. Потеря чести!
Любовь, и стыдъ, и нищета!
Вражда непримиримой мести,
И гнѣвъ отца! За ворота
Бѣжалъ я, спрый, одинокій,
И обратившись, бросилъ взоръ,
Съ проклятіемъ, на домъ высокій,
На тотъ пустой, унылый дворъ,
На прудъ заглохшій, садъ широкій!...
Въ безумьи мрачномъ и нѣмомъ
Желалъ, чтобъ сжегъ небесный громъ
И столъ, за коимъ я съ друзьями
Пилъ чашу радости и нѣгъ,
И рѣчки безыменной брегъ,
Всегда покрытый табунами,
Гдѣ принялъ онъ ударъ свинца,
И возвышонныя стремнины,
И тѣ коварныя сѣдины,
Неумолимаго отца;
И очи, очи неземныя...
И грудь и плечи молодыя,
И сладость тайную отрадъ,
И устъ непзлечимый ядъ;
И ту зеленую аллею,
Гдѣ я въ лобзаньяхъ утопалъ
И ложе то, гдѣ я—и съ нею,
И съ этой мачихой лежалъ!
Въ лѣсахъ, изгнанникъ своевольный,
Двумя жидами принятъ я:
Одинъ—властями недовольный
Купецъ, обманщикъ и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древняго закона,
Алмазы прежде продавалъ,
Какъ я, изгнанникъ, бѣденъ сталъ;
Какъ я, искалъ по міру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на ударъ; лихой
На поцѣлуи сладострастья;
Но скрытенъ, недовѣрчивъ, глухъ
Для всякихъ просьбъ, какъ адскій духъ!..
Придетъ ли ночь и мракъ печальный—
Идемъ къ дорогѣ столбовой;
Тамъ изъ страны проѣзжій дальной
Летитъ на тройкѣ почтовой.
Раздался выстрѣлъ. Съ быстротой
Свинецъ промчался непомѣрной;
Ударъ губительный и вѣрной!...

Съ обезображеннымъ лицомъ
Упалъ ямщикъ! Помчались кони!
И рѣдко лишь ударъ погони
Ихъ не застигнетъ за лѣскомъ.
Разъ—подозрительна, блѣдна
Катилась на небѣ луна.
Вблизи дороги, передъ нами
Лежалъ застрѣленный пришлецъ.
О, какъ ужасенъ былъ мертвецъ,
Съ окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мнѣ...
Кого жъ при трепетной лунѣ
Я узнаю... великій Боже!
Я узнаю его... кого же?
Кто сей погубленный пришлецъ?
Кому же роется могила?
На чьихъ сѣдинахъ кровь застыла?
О!... други!... Это мой отецъ!...
Я ослабѣлъ, упалъ на землю;
Когда жъ потомъ очнулся, внемлю:
Стучатъ... жидовскій разговоръ...
Гляжу, сырой еще бугоръ...
Надъ нимъ лежитъ топоръ съ лопатой,
И конь привязанъ подъ дубкомъ,
И два жида считаютъ злато
Передъ разложеннымъ костромъ...
. . . . . .
. . . . . .

Промчались дни, на дно рѣчное
Одинъ товарищъ мой нырнулъ.
Съ тѣхъ поръ, какъ этотъ утонулъ,
Пошло житьё-бытьё плохое:
Пріему не было въ корчмахъ,
Жить было негдѣ, отовсюду
Гоняли наглаго Іуду.
Въ далекихъ дебряхъ и лѣсахъ
Мы укрывалися. Безъ страха
Не могъ я спать, мечтались мнѣ
Остроги, пытки въ черномъ снѣ,
То петля гладкая, то плаха!...
Исчезли средства прокормленья.
Одно осталось: зажигать
Дома господскіе, селенья
И въ суматохѣ пировать.
Среди снѣдающихъ пожаровъ
И домъ родимый запылалъ;
Я весь горѣлъ и трепеталъ,
Какъ въ шумѣ громовыхъ ударовъ!
Вдругъ вижу, раздраженный жидъ
Младую женщину тащитъ.
Ея ланиты обгорѣли
И шолкъ каштановыхъ волосъ;
И очи полны, полны слезъ
На похитителя смотрѣли.
Я не слыхалъ его угрозъ,
Я не слыхалъ ея моленій;
И ужъ въ груди ея торчалъ
Кинжалъ, друзья мои, кинжалъ!...
Увы! дрожатъ ея колѣни,
Она блѣднѣе стала тѣни,
И перси кровью облились,
И недосказанныя пѣни
Съ устъ посинѣлыхъ пронеслись.
Пришло Іудѣ наказанье:
Онъ въ ту же самую весну,
Повѣшенъ мною на сосну,
На пищу вранамъ. Состраданья
Послѣдній годъ меня лишилъ.
Когда жъ я снова посѣтилъ
Родныя, мрачныя стремнины,
Лѣса и рѣчки и долины,
Столь крѣпко вѣдомыя мнѣ:
То я увидѣлъ на соснѣ
Виситъ скелетъ полуистлѣвшій,
Изъ глазъ посыпался песокъ,
И коршунъ, тутъ же отлетѣвшій
Тащилъ руки его кусокъ...
Бѣгутъ года, умчалась младость,
Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчитъ въ груди моей
Порывъ болѣзненныхъ страстей.
Одни холодные остатки,
Несчастной жизни отпечатки:
Любовь къ свободѣ золотой,
Мнѣ сохранилъ мой жребій чудный.
Старикъ преступный, безразсудный,

Я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой.
Но жаръ подавленный очнется,
Когда за волюшку мою,
Въ кругу удалыхъ, приведется,
Что чашу полную налью.
Поминки юности забвенной
Прославлю я, и шумъ крамолъ—
И ножъ мой, ножъ окровавленный
Воткну, смѣясь, въ дубовый столъ!...

ПИРЪ.

[къ САБУРОВУ].

Приди ко мнѣ, любезный другъ,
Подъ сѣнь черемухъ и акацій,
Чтобъ раздѣлить святой досугъ
Въ объятьяхъ мира, музъ и грацій.
Не мясо тучнаго тельца,
Не фрукты Греціи счастливой
Увидишь ты; не медъ, не пиво
Блеснуть въ стаканѣ пришлеца!
Но за столомъ любимца Феба
Пируетъ дружба и она;
А снѣдь—кусокъ прекрасный хлѣба
И рюмка краснаго вина.

ЦѢВНИЦА.

На склонѣ горъ, близъ водъ, прохожій, зрѣлъ ли ты
Бесѣдку тайную, гдѣ грустныя мечты
Сидятъ задумавшись? Надъ ними сводъ акацій:
Тамъ нѣкогда стоялъ алтарь и музъ и грацій;
И кустъ прелестныхъ розъ, взлелѣянныхъ весной;
Тамъ нѣкогда кругомъ черемухи млечной
Струилъ свой ароматъ; шумя съ пребрежной ивой
Шутилъ подчасъ зефиръ и рѣзвый и игривой;
Тамъ нѣкогда моя послѣдняя любовь
Питала сердце мнѣ и волновала кровь!...
Сокрылось все теперь, какъ поутру туманы
Отъ солнечныхъ лучей рѣдѣютъ средь поляны.
Исчезло все теперь! но ты осталась мнѣ,
Утѣха страждущихъ, спасенье въ тишинѣ,
О милое, души святое вспоминанье!
Тебѣ жъ, о мирный кровъ, тѣхъ дней когда страданье
Не вѣдало меня, я сохранилъ залогъ,
Который умертвить не можетъ грозный рокъ—
Мое веселіе, ужъ взятое гробницей,
И ржавый предковъ мечъ съ задумчивой цѣвницей.

1829.

ПОРТРЕТЪ.

Онъ не красивъ, онъ не высокъ;
Но взоръ горитъ, любовь сулитъ;
И на челѣ оставилъ рокъ,
Средь юныхъ дней, печать страстей.
Власы на немъ, какъ смоль черны;
Блѣдны всегда его уста;
Открыты ль, сомкнуты ль они,
Лютъ безъ словъ языкъ боговъ!...
И пылокъ онъ, когда надъ нимъ
Грозитъ бѣдой перунъ земной!
Не любитъ онъ и славы дымъ;
Средь тайныхъ мукъ, свободы другъ,
Смѣется рѣдко; чаще—вновь

Клянетъ онъ міръ, гдѣ вѣчно сиръ,
Коварность, зависть и любовь.
Все проклялъ онъ, какъ лживый сонъ,
Какъ призракъ дымныя мечты.
Холодный умъ, средь мрачныхъ думъ,
Не тронутъ слезы красоты.
Вездѣ одинъ, природы сынъ,
Не зналъ онъ друга межъ людей;
Такъ бури токъ сухой листокъ
Мчитъ жертвой посреди степей!...

КЪ ГЕНІЮ.

Когда во тьмѣ ночей мой, не смыкаясь, взоръ
Безъ цѣли бродитъ вкругъ; прошедшихъ дней укоръ
Когда зоветъ меня, невольно, къ вспоминанью:
Какому тяжкому я предаюсь мечтанью!..
О, сколько вдругъ толпой тѣснится въ грудь мою
И тѣней, и любви свидѣтелей!.. „Люблю!“
Твержу, забывшись, имъ. Но, полный весь тоскою,
Невѣрной дѣвы ликъ мелькаетъ предо мною...
Такъ, счастье вѣдалъ я—и сладкій мигъ исчезъ,
Какъ гаснетъ блескъ звѣзды падучей средь небесъ!
Но я тебя молю, мой неизмѣнный геній:
Дай разъ еще любить! дай жаромъ вдохновеній
Согрѣться мигъ одинъ, послѣдній, и тогда
Пускай остынетъ пылъ сердечный навсегда...
Но прежде тамъ, гдѣ вы, души моей царицы,
Промчится звукъ моей задумчивой цѣвницы.
Молю тебя, молю, хранитель мой святой,
Надъ яблоней мой тирсъ и съ лирой золотой
Повѣсь и начерти: здѣсь жили вдохновенья!
Пѣвецъ зналъ любви живыя упоенья!...
. . . И я приду сюда, и не узнаю васъ,
О, струны звонкія! . . . . . .
. . . . . .
Но ты забыла, другъ, когда порой ночной
Мы на балконѣ тамъ сидѣли. Какъ нѣмой,
Смотрѣлъ я на тебя съ обычною печалью.
Не помнишь ты тотъ мигъ, какъ я, подъ длинной шалью
Сокрывши, голову на грудь твою склонялъ—
И былъ отвѣтомъ вздохъ! твою я руку жалъ—
И былъ отвѣтомъ взглядъ и страстный и стыдливый!
И мѣсяцъ былъ одинъ свидѣтель молчаливый
Послѣднихъ и невинныхъ радостей моихъ!
Ихъ пламень на груди моей давно затихъ!...
Но, милая, зачѣмъ, какъ годъ прошелъ разлуки,
Какъ я почти забылъ и радости и муки,
Желаешь ты опять привлечь меня къ себѣ...
Забудь любовь мою! покорна будь судьбѣ!
Кляни мой взоръ, кляни моихъ восторговъ сладость!

Забудь!... Пускай другой твою украситъ
младость!
Ты жъ, чистый житель тѣхъ неизмѣри-
мыхъ странъ,
Гдѣ стелется эѳиръ, какъ вѣчный оке-
анъ,
И совѣсть чистая съ безпечностью дра-
гою,
Хранители души, останьтесь вѣкъ со
мною!
И будетъ мнѣ луны любезенъ томный
свѣтъ,
Какъ смутный памятникъ прошедшихъ
милыхъ лѣтъ!...

ПИСЬМО.

Свѣча горитъ! дрожащею рукою
Я окончалъ завѣтныя черты;
Болѣзнь и Парка мчались надо мною,
И много въ грудь тѣснилося. И ты
Напрасно чашу мнѣ несла здоровья
[Такъ чудилось], съ веселіемъ въ гла-
захъ,
Напрасно стала здѣсь у изголовья,
И поцѣлуй любви горѣлъ въ устахъ...
Прости навѣкъ! Но вотъ одно желанье:
Приди ко мнѣ, приди въ послѣдній
разъ,
Чтобъ усладить предсмертное страданье,
Чтобъ потушить огонь сомкнутыхъ глазъ,
Чтобъ сжать мою хладѣющую руку...
Далеко ты! не слышишь голосъ мой!
Не при тебѣ узнаю смерти муку,
Не при тебѣ оставлю міръ земной!
Когда жъ письмо въ очахъ твоихъ пе-
чальныхъ
Откроется... прочтешь его... тогда,
Быть можетъ, я при пѣсняхъ погребаль-
ныхъ
Сойду въ мой домъ подземный навсегда!..
Но ты не плачь, мы ближе другъ отъ
друга,
Мой духъ всегда готовъ къ тебѣ летать,
Или въ часы безпечнаго досуга
Сокрыты прелести твои лобзать.
Настанетъ ночь пріѣдешь изъ собранья
И къ ложу тайному придешь одна;
Посмотришь въ зеркало, и паръ дыханья
Почувствуешь, и не увидишь сна,
И пыхнетъ огнь на дѣвственны ланиты,
Къ груди младой прильнетъ безвѣстный
духъ,
И надъ главой мелькнетъ призракъ за-
бытый,
И звукъ вletитъ въ твой удивленный
слухъ.
Узнай въ тотъ мигъ, что это я изъ гроба
На мрачное свиданье прилетѣлъ:
Такъ! душная земли нѣмой утроба
Не всѣхъ тѣней презрительный удѣлъ!
Когда жъ въ саняхъ, въ блистательномъ
катаньи,
Проѣдешь ты на парѣ вороныхъ,
И за тобой въ любви живомъ страданьи
Стоитъ гусаръ безмолвенъ, мраченъ,
тихъ;
И по груди обоихъ васъ промчится
Невольный хладъ и сердце закипитъ,
И ты вздохнешь, гусара взоръ затмится,
Онъ черный усъ рукою закрутитъ;
Услышишь звукъ военнаго металла,
Увидишь блѣдный цвѣтъ его чела:
То тѣнь моя безумная предстала
И мертвый взоръ на путь вашъ навела!..
Ахъ! много, много я сказать желаю;
Но медленно слабѣетъ жизни духъ,
И чувствую, что къ смерти подступаю,
И падаетъ перо изъ слабыхъ рукъ...
Прости!... Я бѣгалъ за лучами славы,
Несчастливо, но пламенно любилъ,
Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ
былъ!...

РУССКАЯ МЕЛОДІЯ.

1.

Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!...

2.

Такъ передъ праздною толпой,
И съ балалайкою народной,
Сидитъ въ тѣни пѣвецъ простой,
И безкорыстный и свободный!...

3.

Онъ громкій звукъ внезапно раздаетъ,
Въ честь дѣвы милой сердцу и прекрасной—
И звукъ внезапно струны оборветъ,
И слышится начало пѣсни, но напрасно...
Никто конца ея не допоетъ!...

КЪ А. С.

Не привлекай меня красой!
Мой духъ погасъ и состарѣлся.
Ахъ! много лѣтъ, какъ взглядъ другой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!...
Я для него забылъ весь міръ,
Для сей минуты незабвенной!...
Но я теперь, какъ нищій, сиръ;
Брожу одинъ, какъ отчужденный!
Такъ путникъ въ темнотѣ ночной,
Когда узритъ огонь блудящій,
Бѣжитъ за нимъ... схватилъ рукой...
И пропасть подъ ногой скользящей!...

ТРИ ВѢДЬМЫ.

[ИЗЪ МАКБЕТА, ФР. ШИЛЛЕРА].

ПЕРВАЯ.

Попался мнѣ одинъ рыбакъ:
Чинилъ онъ, веселъ, сѣти;
Какъ будто въ рубищѣ бѣднякъ
Имѣлъ златыя горы!
И съ пѣснью день и ночи мракъ
Встрѣчалъ безпечный мой рыбакъ...
Я жъ поклялась ему давно,
Что сердитъ все меня одно...
Однажды рыбу онъ ловилъ
И кладъ ему попался;
Кладъ блескомъ очи ослѣпилъ—
Ядъ черный въ немъ скрывался.
Онъ взялъ его къ себѣ на дворъ:
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ДРУГІЯ ДВѢ.

Онъ взялъ врага къ себѣ на дворъ:
И пѣсенъ не было съ тѣхъ поръ!

ПЕРВАЯ.

И вотъ, гдѣ онъ—тамъ пиръ горой,
Толпа увеселеній!
И прочь, какъ съ крыльями, покой
Быстрѣй умчался тѣни....
Не зналъ безумецъ молодой,
Что деньги вѣдьмы— прахъ пустой!

ВТОРАЯ И ТРЕТЬЯ.

Не зналъ глупецъ средь тѣхъ минутъ,
Что наши деньги въ адъ ведутъ!

ПЕРВАЯ.

Но бѣдность скоро вновь бѣжитъ;
Друзья исчезли ложны;
Онъ прибѣгалъ, чтобъ скрыть свой стыдъ,
Къ врагу людей, безбожный!
И на дорогѣ ужъ большой

Творилъ убійство и разбой...
Я нынѣ близъ рѣки иду
Свободною минутой—
Тамъ онъ сидѣлъ на берегу,
Терзаясь мукой лютой.
Онъ говорилъ: „мнѣ жизнь пуста!
Вы, отвращеній полны,
Блаженство, злато!... все мечта!...“
И забѣлѣли волны...

КЪ НИНѢ.

[изъ шиллера].

Ахъ! сокрылась въ мракъ ненастный
Счастья скромнаго мечта!...
На одной звѣздѣ прекрасной
Млѣю, бѣдный сирота...
Но, какъ блескъ звѣзды моей,
Ложно счастье прежнихъ дней.
Пусть на вѣкъ—съ златымъ мечтаньемъ—
Пусть навѣкъ глаза закрыть...
Сохраню тебя страданьемъ:
Ты для сердца будешь жить.
Но, увы! ты любишь свѣтъ—
И любви моей какъ нѣтъ!
Можетъ ли любви страданье,
Нина, нѣкогда пройти?
Бури свѣта, волнованье
Чувствъ горячихъ унести?
Иль умретъ небесный жаръ,
Какъ земли ничтожный даръ?...

ЭПИГРАММЫ.

1.

Поэтомъ [хоть и это бремя]
Изъ журналистовъ быть тебѣ не суждено:
Ругать, и льстить, и лгать въ одно и тоже время—
Признаться—очень мудрено!...

2.

Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ,
И спорить съ женщиной—все тоже,
Что черпать воду рѣшетомъ:
Отъ сихъ троихъ избавь насъ, Боже!

КЪ ГРУЗИНОВУ.

Скажу, любезный мой пріятель,
Ты для меня такой смѣшной,
Ты музъ прилежный обожатель—
Имъ даже жертвуешь собой!...
Напрасно, милый другъ! коварныхъ
Къ себѣ не приманишь никакъ:
Вѣдь музы-женщины... и такъ,
Кто жъ видѣлъ женщинъ благодарныхъ?

ПАНЪ.

[въ древнемъ родѣ].

Люблю, друзья, когда за рѣчкой гаснетъ день,
Укрывшися лѣсовъ въ таинственную сѣнь,
Или подъ вѣтвями пустынныя рябины,
Смотрѣть на синія, туманныя равнины.
Тогда приходитъ Панъ съ толпою пастуховъ

И пляшутъ вкругъ меня на бархатѣ луговъ.
Но чаще богъ овецъ ко мнѣ въ уединенье
Является, ведя святое вдохновенье:
Главу рогатую ласкаетъ легкій хмѣль,
Въ одной рукѣ его—стаканъ, въ другой свирѣль.
Онъ учитъ пѣть меня, а я въ тиши дубравы
Играю и пою, не зная жажды славы.

ЖАЛОБА ТУРКА.

[отрывокъ].

Ты зналъ ли дикій край, подъ знойными лучами
Гдѣ рощи и луга поблекшіе цвѣтутъ,
Гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ,
Гдѣ сердце жителей волнуемо страстями,
И гдѣ являются порой
Умы и хладные и твердые, какъ камень,
Но мощь ихъ давится безвременной тоской
И рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень.
Тамъ рано жизнь тяжка бываетъ для людей,
Тамъ за успѣхами несется укоризна,
Тамъ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!...
Другъ! этотъ край—моя отчизна!...
. . . . . .

Biblioteka Główna

ДВА СОКОЛА.

Степь, синѣя, разстилалась
Близъ азовскихъ береговъ;
Западъ гасъ и ночь спускалась;
Вихрь скользилъ между холмовъ.
И, тряхнувшись, въ полѣ дикомъ
Сѣрый соколъ тихо сѣлъ;
И къ нему съ отвѣтнымъ крикомъ
Братъ стрѣлою прилетѣлъ.
„Братецъ, братецъ, что ты видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй!“
—Ахъ! я свѣтъ возненавидѣлъ
И безжалостныхъ людей.
„Что жъ ты видѣлъ тамъ худова?“
—Кучу каменныхъ сердецъ:
Дѣвѣ—смѣхъ тоска милова,
Для дѣтей—тиранъ отецъ.
Дѣвы мукой слезъ правдивыхъ
Веселятся какъ игрой,
И у ногъ самолюбивыхъ
Гибнутъ юноши толпой!...
Братецъ, братецъ, ты что жъ видѣлъ?
Разскажи мнѣ поскорѣй.
„Свѣтъ и я возненавидѣлъ
И измѣнчивыхъ людей.
Ношею обмановъ скрытыхъ
Юность тамъ удручена,
Вспоминаній ядовитыхъ
Старость мрачная полна.
Гордость, вѣрь ты мнѣ, прекрасной
Забывается порой;
Но измѣна дѣвы страстной—
Ножъ для сердца вѣковой!...„

ГРУЗИНСКАЯ ПѢСНЯ.

[отрывокъ].

Жила грузинка молодая,
Въ гаремѣ душномъ увядая;

Случилось разъ,
Изъ черныхъ глазъ
Алмазъ любви, печали сынъ,
Скатился.
Ахъ! ей старый армянинъ
Гордился!
Вокругъ нея кристаллъ, рубины,
Но какъ не плакать отъ кручины
У старика?
Его рука
Ласкаетъ дѣву всякій день...
. . . . . .

МОЙ ДЕМОНЪ.

Собранье золъ—его стихія.
Носясь межъ дымныхъ облаковъ
Онъ любитъ бури роковыя
И пѣну рѣкъ, и шумъ дубровъ.
Межъ листьевъ желтыхъ, облетѣвшихъ,
Стоитъ его недвижный тронъ;
На немъ, средь вѣтровъ онѣмѣвшихъ,
Сидитъ унылъ и мраченъ онъ...
Онъ недовѣрчивость вселяетъ,
Онъ прѣзрѣлъ чистую любовь.
Онъ всѣ моленья отвергаетъ,
Онъ равнодушно видитъ кровь;
И звукъ высокихъ ощущеній
Онъ давитъ голосомъ страстей,
И муза кроткихъ вдохновеній
Страшится неземныхъ очей.

КЪ ДРУГУ.

[отрывокъ].

...Стремится медленно толпа людей
До гроба самаго отъ самой колыбели,
Игралищемъ и рока и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли.
И я къ высокому, въ порывѣ думъ живыхъ,
И я душой летѣлъ во дни былые;
Но мнѣ милѣй страданія земныя—
Я къ нимъ привыкъ, я не оставлю ихъ!

ЦЫГАНЕ.

[ОПЕРА].

ДѢЙСТВІЕ I, ЯВЛЕНІЕ I.

[Театръ представляетъ пріятное мѣстоположеніе. Цыгане сидятъ въ шатрахъ; иные ходятъ и, собравшись въ группы, поютъ].

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ.

ЦЫГАНЪ [поетъ].

Мы живемъ средп полей
И лѣсовъ дремучихъ.
Мы счастливѣе царей
И вельможъ могучихъ.
Гей цыгане! гей цыганки!...
[и проч].

[Пляшутъ и поютъ]...[Все умолкаетъ].

СТАРЫЙ ЦЫГАНЪ [предъ очагомъ].

Что за жизнь: одному да одному!... Земфира ушла гулять въ пустынномъ полѣ; она привыкла бродить по дальнимъ лѣсамъ и таборамъ. Но вотъ ужъ и ночь — а все ея нѣтъ... вотъ и луна спускается къ небосклону. Какъ прекрасно... [Смотритъ на мѣсяцъ и подходя къ очагу]. Мой ужинъ скоро простынетъ—а дочь не приходила; видно, придется одному провесть ночь... Но вотъ она!

ЯВЛЕНІЕ II.

[Земфира и за нею юноша].

СТАРИКЪ.

Гдѣ ты была такъ долго, дочь моя?
Я думалъ, что и ты меня покинешь,
какъ сдѣлала коварная мать твоя...

ЗЕМФИРА.

Прости, отецъ мой! но, видишь ты,
Веду я гостя: за курганомъ
Его въ пустынѣ я нашла
И въ таборъ на ночь зазвала:
Онъ хочетъ быть, какъ мы, цыганомъ.
Его преслѣдуетъ законъ:
Но я ему подругой буду.
Его зовутъ Алеко; онъ
Готовъ идти за мною всюду.

СТАРИКЪ.

Я радъ; останься до утра
Подъ сѣнью нашего шатра,
Или пробудь у насъ и долѣ,
Какъ ты захочешь...

МОНОЛОГЪ.

Повѣрь, ничтожество есть благо въ здѣшнемъ свѣтѣ!...
Къ чему глубокія познанья, жажда славы,
Талантъ и пылкая любовь свободы,
Когда мы ихъ употребить не можемъ?
Мы, дѣти сѣвера, какъ здѣшнія растенья,
Цвѣтемъ недолго, быстро увядаемъ...
Какъ солнце зимнее на сѣромъ небосклонѣ,
Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченье...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой
Средь бурь пустыхъ томится юность наша,
И быстро злобы ядъ ее мрачитъ,
И намъ горька остылой жизни чаша,
И ужъ ничто души не веселитъ.

ВСТРѢЧА.

[изъ шиллера].

Она одна межъ дѣвъ своихъ стояла;
Еще я зрю ее передъ собой;
Какъ солнце вешнее она блистала
И радостной и гордой красотой.
Душа моя невольно замирала;
Я издали смотрѣлъ на милый рой...
Но вдругъ, какъ бы летучіе перуны,
Мои персты ударились о струны.
Что я почувствовалъ въ сей мигъ чудесной
И что я пѣлъ—напрасно вновь пою...
Я звукъ нашелъ дотолѣ неизвѣстной,
Я мыслей чистую излилъ струю:
Душѣ отъ чувствъ высокихъ стало тѣсно
И вмигъ она расторгла цѣпь свою:
Въ ней вспыхнули забытыя видѣнья,
И страсти юныя, и вдохновенья.

БАЛЛАДА.

Надъ моремъ красавица-дѣва сидитъ,
И къ другу ласкаяся, такъ говоритъ:
„Достань ожерелье, спустися на дно:—
Сегодня въ пучину упало оно.
Ты этимъ докажешь свою мнѣ любовь!“
Вскипѣла младая у юноши кровь.
И умъ его обнялъ невольный недугъ...
Онъ въ пѣнную бездну кидается вдругъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ и о берегъ бьютъ;
Вотъ милаго друга онѣ принесутъ.
О счастье! онъ живъ, онъ скалу ухватилъ
Въ рукѣ ожерелье, но мраченъ какъ былъ!...
Онъ вѣрить боится усталымъ очамъ,
И влажныя кудри бѣгутъ по плечамъ...
„Скажи, не люблю иль люблю я тебя?
Для перловъ прекрасной и жизнь не щадя,
По слову, спустился на черное дно...
Въ коралловомъ гротѣ лежало оно.
Возьми!“ И печальный онъ взоръ устремилъ
На то, что дороже онъ жизни любилъ.
Отвѣтъ былъ: „О милый! о юноша мой!
Достань, если любишь, кораллъ дорогой.“
Съ душой безнадежной младой удалецъ
Прыгнулъ, чтобъ найти иль кораллъ иль конецъ.
Изъ бездны перловые брызги летятъ,
И волны тѣснятся, и мчатся назадъ,
И снова приходятъ и о берегъ бьютъ,
Но милаго друга онѣ не несутъ.

ПЕРЧАТКА.

[изъ ШИЛЛЕРА].

Вельможи толпою стояли
И молча зрѣлища ждали.
Межъ нихъ сидѣлъ
Король величаво на тронѣ;
Кругомъ на высокомъ балконѣ
Хоръ дамъ прекрасный блестѣлъ.
Вотъ царскому знаку внимаютъ,
Скрипучую дверь отворяютъ —
И левъ выходитъ степной
Тяжелой стопой,
И молча вдругъ
Глядитъ вокругъ;
Зѣвая лѣниво,
Трясетъ желтой гривой;
И всѣхъ обозрѣвъ,
Ложится левъ.
И царь махнулъ снова—
И тигръ суровой
Съ дикимъ прыжкомъ
Взлетѣлъ опасной,
И встрѣтясь съ львомъ,
Завылъ ужасно;
Онъ бьетъ хвостомъ,
Потомъ
Тихо владыку обходитъ,
Глазъ кровавыхъ не сводитъ...
Но рабъ предъ владыкой своимъ—
Тщетно ворчитъ и злится,
И невольно ложится
Онъ рядомъ съ нимъ.
Сверху тогда упади
Перчатка съ прекрасной руки,
Судьбы случайной игрою,
Между враждебной четою.
И къ рыцарю вдругъ своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смѣясь:
„Рыцарь, пытать я сердце люблю!
Если сильна такъ любовь у васъ,

Какъ вы твердите мнѣ каждый часъ,
То подымите перчатку мою!“
И рыцарь съ балкона вмиyту бѣжитъ,
И дерзко въ кругъ онъ вступаетъ,
На перчатку межъ дикихъ звѣрей онъ глядитъ,
И смѣлой рукой подымаетъ.
И зрители въ робкомъ вокругъ ожиданьи,
Трепеща, на юношу смотрятъ въ молчаньи;
Но вотъ онъ перчатку приноситъ назадъ;
Отвсюду хвала вылетаетъ;
И нѣжный, пылающій взглядъ—
Недальняго счастья закладъ—
Съ рукой дѣвицы героя встрѣчаетъ.
Но досады жестокой пылая въ огнѣ,
Перчатку въ лицо онъ ей кинулъ:
„Благодарности вашей не надобно мнѣ!“
И гордую тотчасъ покинулъ.

ДИТЯ ВЪ ЛЮЛЬКѢ.

[изъ шиллера].

Счастливъ ребенокъ! и въ люлькѣ просторно ему; но дай время
Сдѣлаться мужемъ—и тѣсенъ покажется міръ.

КЪ ***

[изъ шиллера].

Дѣлись со мною тѣмъ, что знаешь,
И благодаренъ буду я;
Но ты мнѣ душу предлагаешь—
На кой мнѣ чортъ душа твоя!

МОЛИТВА.

Не обвиняй меня, всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мракъ земли могильный
Съ ея страстями я люблю;
За то, что рѣдко въ душу входитъ
Живыхъ рѣчей твоихъ струя;
За то, что въ заблужденьи бродитъ
Мой умъ далеко отъ тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочетъ на груди моей;
За то, что дикія волненья
Мрачатъ стекло моихъ очей;
За то, что міръ земной мнѣ тѣсенъ,
Къ тебѣ жъ проникнуть я боюсь,
И часто звукомъ грѣшныхъ пѣсенъ
Я, Боже, не тебѣ молюсь.
Но угаси сей чудный пламень—
Всесожигающій костеръ,
Преобрати мнѣ сердце въ камень,
Останови голодный взоръ;
Отъ страшной жажды пѣснопѣнья
Пускай, творецъ, освобожусь;
Тогда на тѣсный путь спасенья
Къ тебѣ я снова обращусь.

ОЛЕГЪ.

[отрывокъ].

...Ахъ было бы время, время боевъ,
На нашей милой сторонѣ!
Гдѣ жъ тѣ года? Прошли они
Съ мгновенной славою героевъ.
Но тѣни сильныхъ я видалъ,
И громкій голосъ ихъ слыхалъ,
Въ часы суровой непогоды,
Когда, бушуя, плещутъ воды,
И вихрь, клубя сѣдую пыль,
Волнуетъ по полямъ ковыль...
. . . . . .

И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.
Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варягъ, боецъ [тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ].
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги
Поля и вѣси покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдямъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенѣги;
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали.
Его дружины побѣждали
Свирѣпыхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣньемъ гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлилъ князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?...

1830.

* * *

Настанетъ день—и міромъ осужденный,
Чужой въ родномъ краю,
На мѣстѣ казни—гордый, хоть презрѣнный—
Я кончу жизнь мою;
Виновный предъ людьми, не предъ тобою,
Я твердо жду тотъ часъ.
Что̀ смерть? Лишь ты не измѣнись душою—
Смерть не разрознитъ насъ.

Иная есть страна, гдѣ предразсудки
Любви не охладятъ;
Гдѣ не отниметъ счастія изъ шутки,
Какъ здѣсь, у брата братъ.
Когда же вѣсть кровавая промчится
О гибели моей,
И, какъ побѣдѣ, станутъ веселиться
Толпы другихъ людей...
Тогда... молю!... единою слезою
Почти холодный прахъ
Того, кто часто, съ скрытою тоскою,
Искалъ въ твоихъ очахъ
Блаженства юныхъ лѣтъ и сожалѣнья;
Кто предъ тобой открылъ
Таинственную душу и мученья,
Которыхъ жертвой былъ.
Но если... если надъ моимъ позоромъ
Смѣяться станешь ты,
И возмутишь неправеднымъ укоромъ
И рѣчью клеветы
Обиженную тѣнь... не жди пощады:
Какъ червь къ душѣ твоей
Я прилѣплюсь, и каждый мигъ отрады
Несносенъ будетъ ей,
И будешь помнить прежнюю безпечность,
Не зная воскресить,
И будетъ жизнь тебѣ долга, какъ вѣчность,
А все не будешь жить.

К. Д.

Будь со мною, какъ прежде бывала,
О, скажи мнѣ хоть слово одно,
Чтобъ душа въ этомъ словѣ сыскала,
Что̀ хотѣлось ей слышать давно!
Если искра надежды хранится
Въ моемъ сердцѣ—она оживетъ,
Если можетъ слеза появиться
На глазахъ, то она упадетъ.

Есть слова, объяснить не могу я,
Отчего у нихъ власть надо мной;
Ихъ услышавъ, опять оживу я,
Но отъ нихъ не воскреснетъ другой.

О, повѣрь мнѣ, холодное слово
И уста оскверняетъ твои,
Какъ листки у цвѣтка молодова
Ядовитое жало змѣи!

ПѢСНЯ.

Желтый листъ о стебель бьется
Передъ бурей;
Сердце бѣдное трепещетъ
Предъ несчастьемъ.

Что за важность, если вѣтеръ
Мой листокъ одинокой
Унесетъ далеко, далеко...
Пожалѣетъ ли объ немъ
Вѣтка сирая?

Зачѣмъ грустить молодцу,
Если рокъ судилъ ему
Угаснуть въ краю чужомъ?
Пожалѣетъ ли объ немъ
Красна дѣвица?

КЪ НЭЕРѢ.

Скажи, для чего передъ нами
Ты въ кудри вплетаешь цвѣты?
Себя ли украсишь ты розой
Прелестной, минутной, какъ ты?
Зачѣмъ приводить намъ на память,
Что могутъ ланиты твои
Увянуть, что взоръ твой забудетъ
Восторги надеждъ и любви?

Дивлюсь я тебѣ: равнодушно,
Безпечно ты смотришь впередъ;
Смѣешься надъ временемъ, будто
Нэеру оно обойдетъ...
Ужель ты безумнымъ весельемъ
Прогнать только хочешь порой
Грядущаго тѣни? Ужели
Чужда ты веселью душой?
Пять лѣтъ протекутъ: ни лобзаньемъ,
Ни сладкой улыбкою глазъ
Къ себѣ на душистое ложе
Опять не заманишь ты насъ.
О, лучше умри поскорѣе,
Чтобъ юный красавецъ сказалъ:
„Кто былъ этой дѣвы милѣе?
Кто раньше ея умиралъ?...“

КНЯЗЬ МСТИСЛАВЪ.

[отрывокъ].

Три ночи я провелъ безъ сна—въ тоскѣ,
Въ молитвѣ, на колѣняхъ. Стень, и небо
Мнѣ были храмомъ, алтаремъ—курганъ;
И если бъ кости, скрытыя подъ нимъ,
Пробуждены могли быть человѣкомъ,
То, обожженные моей слезой,
Проникнувшей сквозь землю, мертвецы
Вскочили бъ, загремѣвъ одеждой бранной!
О Боже! Какъ?—одна, одна слеза
Была плодомъ ужасныхъ трехъ ночей?—
Нѣтъ, эта адская слеза, конечно,
Послѣдняя: не то, три ночи бъ я
Ее не дожидался.—Кровь собратій,
Кровь стариковъ, растоптанныхъ дѣтей
Отяготѣла на душѣ моей,
И приступила къ сердцу, и насильно

Заставила его расторгнуть узы
Свои, и въ мщенье обратила все,
Что въ немъ похоже было на любовь.
Свой замыселъ пускай я не свершу,
Но онъ великъ и этого довольно;
Мой часъ насталъ—часъ славы иль стыда!
Безсмертенъ иль забытъ я навсегда!

Я вопрошалъ природу и она
Меня въ свои объятья приняла;
Въ лѣсу холодномъ, въ грозный часъ метели,
Я сладость пилъ съ ея волшебныхъ устъ,
Но для моихъ желаній міръ былъ пустъ:
Они себѣ предмета въ немъ не зрѣли.
На звѣзды устремлялъ я часто взоръ
И на луну, небесъ ночныхъ уборъ,
Но чувствовалъ, что не для нихъ родился.

Я небо не любилъ, хотя дивился
Пространству безъ начала и конца,
Завидуя судьбѣ его творца.
Но, потерявъ отчизну и свободу,
Я вдругъ нашелъ себя; въ себѣ одномъ
Нашелъ спасенье цѣлому народу,
И утонулъ дѣятельнымъ умомъ,
Въ единой мысли, можетъ быть, напрасной
И безполезной для страны родной,
Но какъ надежда чистой и прекрасной,
Какъ вольность сильной и святой!...

СЮЖЕТЪ.

1. Молодежь разговариваетъ о томъ, что татары пріѣдутъ толпой и все заберутъ: никто не смѣетъ и слова сказать. Зарево видно. Иные говорятъ, что лучше предаваться татарамъ, чѣмъ умирать и т. п. Мстиславъ вскакиваетъ и уходитъ. Онъ все сначала молчалъ; онъ кажется равнодушенъ къ бѣдствіямъ отечества; и его порицаютъ за это.

2. Паломникъ у Ольги; онъ разсказываетъ про Іерусалимъ, путешествія и разрушенный Кіевъ. Мстиславъ входитъ, и слыша разсказы о прежней вольности, ему приходитъ въ голову мысль освободить родину отъ татаръ. Ольгѣ одинъ богатый татаринъ далъ подарки; ея мать позволила; онъ ей нравится.

3. Въ городѣ послы татарскіе. Пиръ у князя. Униженіе князя. Одинъ посолъ за то, что русскій не низко поклонился, велитъ его казнить. Мстиславъ убиваетъ посла и скрывается.

4. Татаринъ любитъ Ольгу. Мать не противъ. Онъ обольщаетъ ее. Это длинная сцена. Между тѣмъ, множество заговорщиковъ разговариваютъ о возмущеніи противъ татаръ; они ищутъ начальника и выборъ падаетъ на Мстислава; они идутъ искать его.

5. Мстиславъ на Курганѣ; три ночи онъ молился. Приходитъ паломникъ и узнаетъ его. Мстиславъ спрашиваетъ его о сестрѣ; паломникъ говоритъ, что про сестру его носятся дурные слухи, будто она въ связи съ мурзой татарскимъ; это еще болѣе воспламеняетъ его. Приходятъ заговорщики, избираютъ его начальникомъ. Онъ клянется имъ. Они хотятъ напасть на станъ татаръ, кои приближались опять, чтобы грабить, и надѣятся, что Россія послѣдуетъ ихъ примѣру.

6. Мстиславъ возвращается домой печаленъ, озабоченъ, угрюмъ. Сцена, гдѣ видна его любовь къ сестрѣ. Онъ ее спрашиваетъ: любитъ ли его одного; она смущается; онъ приготовляетъ ее къ тому, что самъ, можетъ быть, по-

гибнетъ, и спрашиваетъ, готова ли она все пожертвовать для отечества; потомъ, какъ будто все зналъ, но чтобы испытать правда ли, вдругъ говоритъ: „ты любишь татарина?“ Она ему признается, въ испугѣ. Онъ мраченъ, но выноситъ этотъ ударъ, говоритъ ей сильно, какая она преступница, и заставляетъ ее согласиться, что на будущую ночь она его пригласитъ, и тогда его убьютъ; это будетъ сигналомъ кровопролитія. Однако, послѣ этой вѣсти, узнавъ позоръ сестры своей, Мстиславъ предчувствуетъ ужасное, но не теряетъ духа.

7. Ольга колеблется между отечествомъ и любовникомъ; однако придумываетъ. Въ свиданіи умоляетъ, чтобъ онъ не приходилъ къ ней, ибо его жизнь въ опасности. Мурза допытывается, и догадывается, что есть заговоръ. Она бѣжитъ съ мурзой, боясь братнина гнѣва.

8. Мстиславъ проходитъ мимо деревни. Одна женщина поетъ, баюкая ребенка (Что за пыль... Злы татаровья). Онъ радуется тому, что эта пѣснь вдохнетъ ребенку ненависть противъ татаръ и что если онъ погибнетъ, то останется еще мститель за отечество. Онъ идетъ въ назначенное мѣсто, гдѣ всѣ собрались; однако жъ удивляется тому, что мурза не пришелъ.

9. Станъ татаръ; сонный; стражи пьютъ русское вино и засыпаютъ, разговаривая о красотѣ дѣвушки, которая досталась мурзѣ. Приходятъ русскіе и убиваютъ сонныхъ; Мстиславъ считаетъ удары. Онъ входитъ въ палатку мурзы и выноситъ оттуда дѣву, говоря, что какъ всѣхъ соглашено убить, то ее жалко; вдругъ узнаетъ, что это его сестра. Она спитъ и бредитъ; и просыпается, вскрикиваетъ, узнаетъ его, упадаетъ. Онъ думаетъ, что она умерла; склоняется надъ ней. Между тѣмъ, крикъ разбудилъ нѣсколькихъ татаръ, кои еще не могутъ опомниться. „Боже, говоритъ Мстиславъ, зачѣмъ одно чувство любви должно погубить мое отечество! — Какъ я ее любилъ, какъ она прекрасна“. Выбѣгаетъ мурза; онъ его убиваетъ. Начинается битва; русскихъ перерѣзали.

10. День. Мстиславъ, раненый подъ деревомъ. Старый воинъ приходитъ. Онъ спрашиваетъ: всѣ ли убиты, и узнаетъ, что всѣ, что татары взяли то же утро городъ и разграбили. Приходятъ нѣсколько мужчинъ и женщинъ, которые хотятъ скрыться въ лѣсахъ, съ воемъ отчаянія указывая на зарево. Мстиславъ спрашиваетъ, не видали ли они женщины въ станѣ, можетъ быть, она не умерла. Тѣ его не понимаетъ. Мстиславъ умираетъ и проситъ, чтобъ надъ нимъ поставили крестъ и чтобъ разсказали его дѣла какому нибудь пѣвцу, чтобы этой пѣснью возбудить жаръ любви къ родинѣ въ душѣ потомковъ.

СИЛУЭТЪ.

Есть у меня твой силуэтъ.
На память я его чертилъ,
И мнится, этотъ черный цвѣтъ
Родня съ моей душою былъ.
Виситъ онъ на груди моей,
И мраченъ онъ, какъ сердце въ ней.

Души въ глазахъ, лампъ огня
Не различите вы на немъ,
За то онъ вѣчно близъ меня
И взоръ его не на другомъ.
Онъ тѣнь твоя, но я люблю,
Какъ тѣнь блаженства, тѣнь твою.

* * *

Какъ духъ отчаянья и зла
Мою ты душу обняла;
О, для чего тебѣ нельзя
Ее совсѣмъ взять у меня?
Моя душа—твой вѣчный храмъ;
Какъ божество твой образъ тамъ;
Не отъ небесъ, липь отъ него
Я жду спасенья своего.

* * *

Я не люблю тебя: страстей
И мукъ умчался прежній сонъ;
Но образъ твой въ душѣ моей
Все живъ, хотя безсиленъ онъ.
Другимъ предавшися мечтамъ,
Я все забыть его не могъ;
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

Н. Ф. И.

Дай Богъ, чтобъ вѣчно вы не знали,
Что значатъ толки дураковъ,
И чтобъ вамъ не было печали
Отъ шпоръ, мундира и усовъ!
Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали
Соперницъ ложныя красы,
Чтобы у ногъ вы увидали
Мундиръ и шпоры и усы!

БУХАРИНОЙ.

Не чудно ль, что зовутъ васъ Вѣра?
Ужели можно вѣрить вамъ?
Нѣтъ, я не дамъ своимъ друзьямъ
Такого страшнаго примѣра!..
Повѣрить стоитъ разъ... но что жъ?
Вѣдь самъ раскаяваться будешь,
Закона вѣры не забудешь,
И старовѣромъ прослывешь?

ТРУБЕЦКОМУ.

Нѣтъ! міръ совсѣмъ пошелъ не такъ.
Обиняковъ не понимаютъ.
Скажи не просто: „ты дуракъ“,
За комплиментъ ужъ принимаютъ!
Все то, на чемъ ума печать,
Они привыкли ненавидѣть!
Такъ стану жъ умнымъ называть,
Когда захочется обидѣть.

АЛЯБЬЕВОЙ.

Вамъ красота, чтобы блеснуть,
Дана;
Въ глазахъ душа, чтобъ обмануть,
Видна!...
Но звалъ ли васъ хоть кто нибудь:
Она?

Л. НАРЫШКИНОЙ.

Всѣмъ жалко васъ: вы такъ устали
Вы не хотѣли танцовать—
И цѣлый вечеръ танцовали!
Какъ наконецъ не перестать?...
Но если бъ всѣ цѣнить умѣли
Вашъ умъ, любезность вашихъ словъ,
Клянусь безсмертіемъ боговъ,
Тогда бъ мазурки опустѣли.

ТОЛСТОЙ.

Не даромъ она, не даромъ
Съ отставнымъ гусаромъ.

МАРТЫНОВОЙ.

Когда поспорить вамъ придется,
Не спорьте никогда о томъ,
Что невозможно быть съ умомъ,
Тому, кто въ этомъ признается;
Кто съ вами разъ поговорилъ,
Тотъ съ вами вѣчно спорить будетъ,
Что умъ вашъ вѣчно не забудетъ
И что другое все забылъ.

ДОДО.

Умѣешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нѣжной оживить;
Умѣешь ты польстить случайно,
Съ холодной важностью лица,
И умника унизить тайно,
Взявъ пылко сторону глупца!
Какъ въ талисманѣ стихъ небрежной,
Какъ надъ пучиною мятежной
Свободный парусъ челнока—
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понялъ сѣверъ хладный;
Въ нашъ кругъ ты брошена судьбой,
Какъ божество страны чужой,
Какъ въ день печали мигъ отрадный!

БАШИЛОВУ.

Вы старшина собранья вѣрно
Такъ я прошу васъ объявить,
Могу ль я здѣсь нелицемѣрно
Въ глаза всѣмъ правду говорить?
Авось, авось займетъ насъ дѣломъ
Иль хоть забавитъ новый годъ,
Когда одинъ въ собраньи цѣломъ
Ему на встрѣчу не солжетъ.
Итакъ, я васъ не поздравляю:
Что годъ сей дастъ вамъ—знаетъ Богъ!
За то минувшій, увѣряю,
Отмстилъ за васъ, какъ только могъ.

БУЛГАКОВУ.

На вздоръ и шалости ты хватъ
И мастеръ на бездѣлки,
И шутовской надѣвъ нарядъ,
Ты былъ въ своей тарелкѣ.
За службу долгую и трудъ,
Авось на мѣсто класса,
Тебѣ, мой другъ, по смерть дадутъ
Чинъ и мундиръ паяса.

* * *

Вы не знавали ль князь Петра?
Танцуетъ, пишетъ онъ порою;
Отъ ногъ его и отъ пера
Московскимъ дурамъ нѣтъ покою.
Ему устать бы ужъ пора
Ногами—но не головою.

* * *

Люблю я цѣпи синихъ горъ,
Когда, какъ южный метеоръ,
Ярка безъ свѣта и красна
Всплываетъ изъ-за нихъ луна,
Царица лучшихъ думъ пѣвца,
И лучшій перлъ того вѣнца,
Которымъ сводъ небесъ порой
Гордится, будто царь земной.
На западѣ вечерній лучъ
Еще горитъ на ребрахъ тучъ,
И уступить все медлитъ онъ
Лунѣ—угрюмой небосклонъ.
Но скоро гаснетъ лучъ зари...
Высоко мѣсяцъ... Двѣ иль три
Младыя тучки окружатъ
Его сейчасъ... Вотъ весь нарядъ,
Которымъ бѣлое чело
Ему убрать позволено.—
Кто не зналъ такихъ ночей
Въ ущельяхъ горъ иль средь степей?
Однажды при такой лунѣ,
Я мчался на лихомъ конѣ,
Въ пространствѣ голубыхъ долинъ,
Какъ вѣтеръ воленъ и одинъ.
Туманный мѣсяцъ и меня,
И гриву и хребетъ коня
Сребристымъ блескомъ осыпалъ;
Я чувствовалъ, какъ конь дышалъ,
Какъ онъ, ударивши ногой,
Отбрасываемъ былъ землей;
И я въ чудесномъ забытьи,
Движенья сковывалъ свои,
И съ нимъ себя желалъ я слить,
Чтобъ этимъ бѣгъ нашъ ускорить.
И долго такъ мой конь летѣлъ...
И вкругъ себя я поглядѣлъ:
Все та же степь, все та жъ луна...
Свой взоръ ко мнѣ склонивъ она,
Казалось, упрекала въ томъ,
Что человѣкъ съ своимъ конемъ
Хотѣлъ владычество степей
Въ ту ночь оспаривать у ней!...

* * *

Время сердцу быть въ покоѣ
Отъ волненья своего,
Съ той минуты, какъ другое
Ужъ не бьется для него.
Но пускай оно трепещетъ:
То безумной страсти слѣдъ;
Такъ все бурно море плещетъ,
Хоть надъ нимъ ужъ бури нѣтъ!...
Неужли ты не видала,
Въ часъ разлуки роковой,
Какъ слеза моя блистала,
Чтобъ упасть передъ тобой?
Ты отвергнула съ презрѣньемъ
Жертву лучшую мою,
Ты боялась сожалѣньемъ
Воскресить любовь свою.
Но сердечнаго недуга
Не могла ты угасить;
Слишкомъ знаемъ мы другъ друга,
Чтобъ другъ друга позабыть...

* * *

Склонись ко мнѣ, красавецъ молодой!
Какъ ты стыдливъ! Ужели въ первый разъ
Грудь женскую ласкаешь ты рукой?
Въ моихъ объятьяхъ вотъ ужъ цѣлый часъ
Лежишь—а страха все не превозмогъ...
Не лучше ли у сердца, чѣмъ у ногъ?
Дай мнѣ одну минуту въ жизнь свою...
Что злато?—Я тебя люблю! люблю!...

Ты такъ хорошъ! Бывало жду, когда
Настанетъ вечеръ; сяду у окна...
И мимо ты идешь бывало... Да,
Ты помнишь? Серебристая луна,
Какъ ангелъ средь отверженныхъ, межъ тучъ
Блуждала, на тебя кидая лучъ,
И я гордилась тѣмъ, что наконецъ
Соперница моя—небесъ жилецъ.

Печать презрѣнья на моемъ челѣ...
Но справедливъ ли міра приговоръ?
Что добродѣтель, если на землѣ
Проступокъ не безчестье—но позоръ?
Повѣрь, невинныхъ женщинъ вовсе нѣтъ;
Лишь по желанью случай и предметъ
Не вѣчно тутъ. Любить не ставитъ въ грѣхъ
Та одного, та многихъ, эта всѣхъ!

Родителей не знала я своихъ;
Воспитана старухою чужой,
Не знала я веселья дней младыхъ
И даже не гордилась красотой;
Въ пятнадцать лѣтъ, по волѣ злой судьбы,
Я продана злодѣю... Ни мольбы,
Ни слезы не могли спасти меня.
Съ тѣхъ поръ я гибну, гибну день отъ дня!

Мнѣ милъ мой стыдъ! Онъ право мнѣ даетъ
Тебя лобзать, тебя на мигъ одинъ
Отторгнуть отъ мучительныхъ заботъ!
О, наслаждайся! ты мой господинъ!
Хотя тебѣ случится, можетъ быть,
Меня въ своихъ объятьяхъ задушить—
Блаженствомъ смерть мнѣ будетъ отъ тебя...
Мой другъ, чего не вынесешь, любя!...

[ОТРЫВОКЪ].

Она была прекрасна, какъ мечтанье
Ребенка подъ свѣтиломъ южныхъ странъ.
Что красота? Ужель одно названье?
Иль грудь высокая и гибкій станъ,
Или большія очи? Но порою
Все это не зовемъ мы красотою:
Уста безъ словъ никто любить не могъ,
Взоръ безъ огня—безъ запаха цвѣтокъ!

Она была свѣжа, какъ розы Леля,
Она была похожа на портретъ
Мадоны—и Мадоны Рафаэля,
И врядъ ли было ей осьмнадцать лѣтъ.
Лишь святости черты не выражали:
Глаза огнемъ неистовымъ пылали,
И грудь, волнуясь, поцѣлуй звала...

* *
*

Какъ въ ночь звѣзды падучей пламень,
Не нуженъ въ мірѣ я;
Хоть сердце тяжело, какъ камень,
Но все подъ нимъ змѣя.

Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастьи нѣтъ.

Молю о счастіи, бывало...
Дождался наконецъ —
И тягостно мнѣ счастье стало,
Какъ для царя вѣнецъ.

И всѣ мечты отвергнувъ, снова
Остался я одинъ,
Какъ замка мрачнаго, пустаго
Ничтожный властелинъ.

КЪ * * *.

Я не унижусь предъ тобою:
Ни твой привѣтъ, ни твой укоръ
Не властны надъ моей душою.
Знай, мы чужіе съ этихъ поръ.
Ты позабыла: я свободы
Для заблужденья не отдамъ;
И такъ пожертвовалъ я годы
Твоей улыбкѣ и глазамъ,
И такъ я слишкомъ долго видѣлъ
Въ тебѣ надежду юныхъ дней,
И цѣлый міръ возненавидѣлъ
Чтобы тебя любить сильнѣй!
Какъ знать? Быть можетъ, тѣ мгновенья,
Что протекли у ногъ твоихъ,
Я отнималъ у вдохновенья!
А чѣмъ ты замѣнила ихъ?...
Быть можетъ, мыслію небесной
И силой духа убѣжденъ,
Я далъ бы міру даръ чудесный,
А мнѣ за то—безсмертье онъ?...
Зачѣмъ такъ нѣжно обѣщала
Ты замѣнить его вѣнецъ,
Зачѣмъ ты не была сначала,
Какою стала наконецъ!...
. . . . . .

Я былъ готовъ на смерть и муку,
И цѣлый міръ на битву звать,
Чтобы твою младую руку—
Безумецъ!—лишній разъ пожать.
Не знавъ коварную измѣну,
Тебѣ я душу отдавалъ;
Такой души ты знала ль цѣну?
Ты знала—я тебя не зналъ.

*
* *

Какъ лучъ зари, какъ розы Леля
Прекрасенъ цвѣтъ ея ланитъ;
Какъ у Мадоны Рафаэля,
Ея молчанье говоритъ.
Съ людьми горда, судьбѣ покорна,
Не откровенна, не притворна,
Нарочно, мнилося, она
Была для счастья создана.
Но свѣтъ чего не уничтожитъ,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножитъ,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?

РОМАНСЪ.

Стояла сѣрая скала
На берегу морскомъ.
Однажды на чело ее
Слетѣлъ небесный громъ,
И раздвоилъ ее ударъ—
И новою тропой
Между разрозненныхъ камней
Течетъ потокъ сѣдой.
Вновь двумъ утесамъ не сойтись,
Но все они хранятъ
Союза прежняго слѣды —
Глубокихъ трещинъ рядъ.

Такъ мы съ тобой разлучены
Злословіемъ людскимъ,
Но для тебя я никогда
Не сдѣлаюсь чужимъ.
И мы не встрѣтимся опять,
И если предъ тобой
Меня случайно назовутъ,
Ты спросишь: кто такой?
И проклиная жизнь мою,
На память приведешь
Былое... и одну себя
Невольно проклянешь,
И не изгладишь ты никакъ
Изъ памяти своей
Не только чувствъ и словъ моихъ —
Минуты прежнихъ дней!...

ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

Пускай ханжи глядятъ съ презрѣньемъ
На беззаконный нашъ союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ;
Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣна я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета,
Ни сильной злобы, ни любви;
Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не чту владыкой никого,
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего;
Живу, какъ соколъ, беззаботно,
И не тревожимый ничѣмъ:
Я людямъ руки жму охотно,
Хоть презираю ихъ межъ тѣмъ.
Мы брань ихъ—смѣхомъ уничтожимъ,
Насъ клеветы не разлучатъ,
Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
Они пусть будутъ—какъ хотятъ!...

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY.

Если бъ мы не дѣти были,
Если бъ слѣпо не любили
Не встрѣчались, не прощались—
Мы съ страданьемъ бы не знались.

ЭПИТАФІЯ.

Прости! увидимся ль мы снова?
И смерть захочетъ ли свести
Двѣ жертвы жребія земнаго?
Какъ знать! И такъ, прости, прости!
Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
Но понимаемъ былъ однимъ.
И тотъ одинъ, когда, рыдая,
Толпа склонялась надъ тобой,
Стоялъ очей не отирая,
Небрежный хладный и нѣмой.
И всѣ, не вѣдая причины,
Винили дерзостно его,
Какъ будто мигъ твоей кончины
Былъ мигомъ счастья для него.
Но что ему ихъ восклицанья?
Безумцы! не могли понять,
Что легче плакать, чѣмъ страдать,
Безъ всякихъ признаковъ страданья!

отрывокъ изъ вступленія къ повѣсти въ стихахъ.

ДЖУЛІО.

Осенній день тихонько угасалъ
На высотѣ гранитныхъ шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ,

Такъ что едва замѣтить могъ бы взоръ
Бѣгущій бѣлый парусъ рыбака.
Я выходилъ тогда изъ рудника,
Гдѣ золото—земныхъ трудовъ предметъ—
Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ,
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
И вѣчный стукъ тревожитъ тишину;
Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ,
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской.
Кидая свѣтъ безсильный и пустой!...

Но если очи въ безпривѣтной мглѣ
Угасшія, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ потерянный въ тиши—
Являютъ грусть глубокую души,
О! не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточно рѣчей,
Чтобъ описать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса.
Тянулись цѣпью острыя скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носились, крича средь высоты.
Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился желтѣя путь...
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный какъ народъ
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.

Вожатому подарокъ я вручилъ,
Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
Понять зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
[Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости онѣ],
Казалося, знакомы были мнѣ.

И подойдя, взявъ руку у меня,
„Напрасно бъ“, онъ сказалъ: „скрывался я.
Такъ, Джуліо предъ вами...“
. . . . . .

КАВКАЗЪ.

Хотя я судьбой, на зарѣ моихъ дней,
О, южныя горы, отторгнутъ отъ васъ!
Чтобъ вѣчно ихъ помнить, тамъ надо быть разъ.
Какъ сладкую пѣсню отчизны моей,
Люблю я Кавказъ.

Въ младенческихъ лѣтахъ я мать потерялъ,
Но мнилось, что въ розовый вечера часъ
Та степь повторяла мнѣ памятный гласъ.
За это люблю я вершины тѣхъ скалъ,
Люблю я Кавказъ.

Я счастливъ былъ съ вами, ущелія горъ!
Пять лѣтъ пронеслось, все тоскую по васъ.
Тамъ видѣлъ я пару божественныхъ глазъ—
И сердце лепечетъ, воспомня тотъ взоръ:
Люблю я Кавказъ!

Н. Ф. И . . . . . ВОЙ.

Любилъ съ начала жизни я
Угрюмое уединенье,
Гдѣ укрывался весь въ себя,
Бояся, грусть не утая,
Будить людское сожалѣнье.

Счастливцы, мнилъ я, не поймутъ
Того, что самъ не разберу я;
И черныхъ думъ не унесутъ
Ни радость дружескихъ минутъ,
Ни страстный пламень поцѣлуя.

Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями.

Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленный.

Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же нашелъ я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему-то тайному стремился;

Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что обѣщалъ намъ Богъ,
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленіе и годы.

Но пылкій, но суровый нравъ
Меня грызетъ отъ колыбели...
И въ жизни зло лишь испытавъ,
Умру я, сердцемъ не познавъ
Печальныхъ думъ печальной цѣли.

СМЕРТЬ.

[ночь II].

Погаснулъ день! И тьма ночная своды
Небесные какъ саваномъ покрыла.
Кой гдѣ на немъ вертѣлись и мелькали
Свѣтящіяся точки,
И между нихъ земля вертѣлась наша;
На ней, спокойствіемъ объятой тихимъ,
Уснуло все—и я одинъ лишь нѣ спалъ.
Одинъ я нѣ спалъ... Страшнымъ полусвѣтомъ—
Межъ радостью и горестью средины —
Мое тѣснилось сердце, и желалъ я
Веселіе или печаль умножить
Воспоминаньемъ о убитой жизни.
Послѣднее, однако, было легче!...

Вотъ съ запада скелетъ неизмѣримый
По мрачнымъ сводамъ началъ подниматься,
И звѣзды заслонилъ собою...
И цѣлые міры предъ нимъ уничтожались,
И все трещало подъ его ногами,
Ничтожество за ними оставалось!
И вотъ приблизился къ земному шару
Гигантъ всесильный.—Все на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило; единый,
Единый смертный видѣлъ, что не дай Богъ
Созданію живому видѣть...

И вотъ онъ поднялъ костяныя руки—
И въ каждой онъ держалъ по человѣку
Дрожащему—и мнѣ они знакомы были—
И кинулъ взоръ на нихъ я—и заплакалъ!...
И страшный голосъ вдругъ раздался:
„Малодушный!
Сынъ праха и забвенія, не ты ли,

Изнемогая въ мукахъ нестерпимыхъ,
Ко мнѣ взывалъ?... Я здѣсь: я смерть!...
Мое владычество безбрежно!...
Вотъ двое. Ты ихъ знаешь—ты любилъ ихъ—
Одинъ изъ нихъ погибнетъ. Позволяю
Опредѣлить неизбѣжимый жребій...
И ты умрешь, и въ вѣчности погибнешь,
И ихъ нигдѣ, нигдѣ вторично не увидишь...
Знай, какъ исчезаетъ время, такъ и люди—
Его рожденье—только Богъ лишь вѣченъ...
Рѣшись, несчастный!..."
Тутъ невольный трепетъ
По мнѣ мгновенно началъ разливаться,
И зубы, крѣпко застучавъ, мѣшали
Словамъ жестокимъ вырваться изъ груди;
И, наконецъ, преодолѣвъ свой ужасъ,
Къ скелету я воскликнулъ: оба! оба!...
Я вѣрю: нѣтъ свиданья—нѣтъ разлуки!...
Они довольно жили, чтобы вѣчно
Продлилося ихъ наказанье.
Ахъ! и меня возьми—земнаго чѣрвя,
И землю раздроби—гнѣздо разврата,
Безумства и печали!...
Все, все беретъ она у насъ обманомъ
И не даритъ намъ ничего, кромѣ рожденья...
Проклятье этому подарку!...
Мы безъ него тебя бы не знавали,
Поэтому и тщетной, бѣдной жизни,
Гдѣ нѣтъ надеждъ—и всюду опасенья.
Да гибнутъ же друзья мои, да гибнутъ!...
Лишь объ одномъ я буду плакать:
Зачѣмъ они не дѣти!..."

И видѣлъ я, какъ руки костяныя
Моихъ друзей сдавили—ихъ не стало—
Не стало даже призраковъ и тѣней...
Туманомъ облачился образъ смерти,
И такъ пошелъ на сѣверъ. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слезы,
Я на Творца роптalъ, страшась молиться!...

НЕЗАБУДКА.

[СКАЗКА].

Въ старинны годы люди были
Совсѣмъ не то, что въ наши дни;
[Коль въ мірѣ есть любовь] любили
Чистосердечнѣе они.
О древней вѣрности, конечно,
Слыхали какъ нибудь и вы;
Но какъ сказанія молвы
Все дѣло перепортятъ вѣчно,
То я вамъ точный образецъ
Хочу представить наконецъ.

У влаги ручейка холодной,
Подъ тѣнью липовыхъ вѣтвей,
Не опасаясь злыхъ очей,
Однажды рыцарь благородный
Сидѣлъ съ любезною своей...
Тихонько ручкой молодою
Она красавца обняла.
Полна невинной простотою
Бесѣда мирная текла.

„Другъ, не клянися мнѣ напрасно!"
Сказала дѣва: вѣрю я—
Ясна, чиста любовь твоя,
Какъ эта звонкая струя,
Какъ этотъ сводъ надъ нами ясной;
Но какъ она въ тебѣ сильна,
Еще не знаю. Посмотри-ка,
Тамъ рдѣетъ пышная гвоздика,
Но, нѣтъ! гвоздика не нужна!
Подалѣе, какъ ты унылый,
Чуть виденъ голубой цвѣтокъ...

Сорви же мнѣ его, мой милый:
Онъ для любви не такъ далекъ!“

Вскочилъ мой рыцарь, восхищенный
Ея душевной простотой;
Черезъ ручей прыгнувъ, стрѣлой
Летитъ онъ—цвѣтикъ драгоцѣнный
Сорвать поспѣшною рукой...
Ужъ близко цѣль его стремленья,
Какъ вдругъ подъ нимъ [ужасный видъ]
Земля невѣрная дрожитъ;
Онъ вязнетъ, нѣтъ ему спасенья!...
Взоръ кинувъ полный весь огня
Своей красавицѣ безгласной,
„Прости! не позабудь меня!...“
Воскликнулъ юноша несчастный—
И мигомъ пагубный цвѣтокъ
Схватилъ рукою безнадежной
И сердца пылкаго въ залогъ
Его онъ кинулъ дѣвѣ нѣжной.

Цвѣтокъ печальный съ этихъ поръ
Любови дорогъ; сердце бьется,
Когда его примѣтитъ взоръ;
Онъ незабудкою зовется.
Въ мѣстахъ сырыхъ, вблизи болотъ,
Какъ бы страшась прикосновенья,
Онъ ищетъ тамъ уединенья,
И цвѣтомъ неба онъ цвѣтетъ,
Гдѣ смерти нѣтъ и нѣтъ забвенья.

Вотъ повѣсти конецъ моей—
Судите, былъ иль небылица.
А виновата ли дѣвица,
Сказала, вѣрно, совѣсть ей!

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я видалъ иногда, какъ ночная звѣзда
Въ зеркальномъ заливѣ блеститъ,
Какъ трепещетъ въ струяхъ, и серебряный прахъ,
Отъ нея, разсыпаясь, бѣжитъ.

Но поймать ты не льстись, и ловить берегись:
Обманчивы лучъ и волна...
Мракъ тѣни твоей только ляжетъ на ней,
Отойдешь—и заблещетъ она!

Свѣтской радости такъ безпокойный призракъ
Насъ манитъ подъ хладною мглой.
Ты къ нему—онъ, шутя, убѣжитъ отъ тебя,
Ты обманутъ—онъ вновь предъ тобой!

[отрывокъ].

...Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгибнемъ—нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчитъ
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ;
Нашъ прахъ лишь землю умягчитъ
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.

Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ, станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!...

Къ нимъ станутъ [какъ всегда могли]
Слетаться ангелы. А мы
Увидимъ этотъ рай земли,
Окованы надъ бездной тьмы.
Укоры зависти, тоска
И вѣчность съ цѣлію одной:
Вотъ казнь за цѣлые вѣка
Злодѣйствъ, кишѣвшихъ подъ луной.

ВЪ ВОСКРЕСЕНСКѢ.

[НАПИСАНО НА СТѢНАХЪ ЖИЛИЩА НИКОНА].

Оставленная пустынь предо мной
Бѣлѣется вечернею порой,
Послѣдній лучъ на ней еще горитъ;
Но колоколъ растреснувшій молчитъ.
Его, бывало, заунывный гласъ
Звалъ братью къ всенощной въ сей мирный часъ.
Зеленый мохъ, растущій надъ окномъ,
Заржавленные ставни и кругомъ
Высокая полынь—все, все безъ словъ
Намъ говоритъ о таинствахъ гробовъ...
. . . . . .
Таковъ старикъ подъ грузомъ тяжкихъ лѣтъ
Еще хранящій жизни первый цвѣтъ;
Хотя онъ свѣжъ, на немъ печать могилъ
Тѣхъ юношей, которыхъ пережилъ.

ПРОСТИ.

[ИЗЪ БАЙРОНА].

Прости! Коль могутъ къ небесамъ
Взлетать молитвы за другихъ,
Моя молитва будетъ тамъ,
И даже улетитъ за нихъ.
Напрасно плакать и вздыхать:
Кровавыхъ капли слезъ порой
Не могутъ болѣе сказать,
Чѣмъ звукъ прощанья роковой!...

Уста молчатъ, засохъ мой взоръ,
Но подавили грудь и умъ
Непроходимыхъ мукъ соборъ,
Съ толпой неусыпимыхъ думъ.
О страсти не жалѣя вновь:
Лишь знаю я—и могъ снести—
Что тщетно въ насъ жила любовь,
Лишь чувствую. Прости! прости!

ЭЛЕГІЯ.

Дробись, дробись, волна ночная,
И пѣной орошай брега въ туманной мглѣ.
Я здѣсь стою близъ моря на скалѣ,
Стою, задумчивость питая;
Одинъ, покинувъ свѣтъ, и чуждый для людей,
И ни кому тоски повѣрить не желая.
Вблизи меня палатки рыбарей;
Межъ нихъ блеститъ огонь гостепріимной;
Семья безпечная сидитъ вкругъ огонька,
И внемля повѣсть старика,
Себѣ готовитъ ужинъ дымной!
Но я далекъ отъ счастья ихъ душой:
Я помню блескъ обманчивой столицы,
Веселій пагубныхъ невозвратимый рой...
И что жъ? Слеза бѣжитъ съ рѣсницы,
И сожалѣніе мою тревожитъ грудь;
Года погибшіе являются всечасно...
И этотъ взоръ, задумчивый и ясный...
Твержу, твержу душѣ: забудь!
Онъ все передо мной! я все твержу напрасно!
О, если бъ я въ семъ мѣстѣ былъ рожденъ,
Гдѣ не живетъ среди людей коварность,
Какъ много бы я былъ судьбою одолженъ—
Теперь у ней нѣтъ правъ на благодарность!...
Какъ жалокъ тотъ, чья младость принесла
Морщину лишнюю для стараго чела,
И отобравъ всѣ милыя желанья,
Одно печальное раскаянье дала...

Кто чувствовалъ, какъ я, чтобъ чувствовать страданья,
Кто рано свѣтъ узналъ и съ страшной пустотой,
Какъ я, оставилъ брегъ земли своей родной
Для добровольнаго изгнанья!...

ЭПИТАФІЯ.

Простосердечный сынъ свободы
Для чувствъ онъ жизни не щадилъ,
И вѣрныя черты природы
Онъ часто списывать любилъ.

Онъ вѣрилъ темнымъ предсказаньямъ
И талисманамъ, и любви—
И неестественнымъ желаньямъ
Онъ отдалъ въ жертву дни свои.

И въ немъ душа запасъ хранила
Блаженства, муки и страстей.
Онъ умеръ. Здѣсь его могила.
Онъ не былъ созданъ для людей.

SENTENZ.

Когда бы могъ весь свѣтъ узнать
Что жизнь съ надеждами, мечтами—
Не что иное, какъ тетрадь
Съ давно извѣстными стихами.

ГРОБЪ ОССІАНА.

Подъ занавѣсою тумана,
Подъ небомъ бурь, среди степей,
Стоитъ могила Оссіана
Въ горахъ Шотландіи моей.

Летитъ къ ней духъ мой усыпленной
Родимымъ вѣтромъ подышать
И отъ могилы сей забвенной
Вторично жизнь свою занять...

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Прими, прими мой грустный трудъ
И, если можешь, плачь надъ нимъ.
Я много плакалъ. Не придутъ
Вновь эти слезы—вѣчно имъ
Не освѣжать моихъ очей.
Когда катилися они,
Я думалъ, думалъ все о ней,
Жалѣлъ и ждалъ другіе дни!
Ужъ нѣтъ ея, и слезъ ужъ нѣтъ,
И нѣтъ надеждъ. Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящалъ,
Являя сердца полноту?
Цѣнить онъ только злато могъ,
И гордыхъ думъ не постигалъ:
Мой геній сплелъ себѣ вѣнокъ
Въ ущелинахъ кавказскихъ скалъ.
Однимъ высокимъ увлеченъ,
Онъ только жертвуетъ любви;
Принесть тебѣ лишь—можетъ онъ
Любимые труды свои.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тебѣ я нѣкогда ввѣрялъ
Души взволнованной мечты;
Я бѣденъ былъ—ты это зналъ,
И бѣдняка не кинулъ ты.

Ты примирилъ меня съ судьбой,
Съ мятежной властію страстей;
Тобой, единственно тобой,
Я сталъ, чѣмъ былъ съ давнишнихъ дней.

И муза, по моей мольбѣ,
Сошла опять съ святой горы;
Но вѣрь, принадлежатъ тебѣ
Ея вѣнокъ, ея дары!

МОЯ МОЛЬБА.

[послѣ разговора со старушкой, плакавшей надъ грандисономъ].

Да охранюся я отъ мушекъ,
Отъ дѣвъ, незнающихъ любви,
Отъ дружбы слишкомъ нѣжной, и—
Отъ романтическихъ старушекъ.

КЪ ***

[прочитавъ жизнь байрона, написанную муромъ].

Не думай, чтобъ я былъ достоинъ сожалѣнья,
Хотя слова мои печальны—нѣтъ!
Нѣтъ! всѣ мои жестокія мученья—
Одно предчувствіе гораздо большихъ бѣдъ.

Я молодъ; но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ:
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, если бъ одинаковъ былъ удѣлъ!...

Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ ужъ я душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ и бурь небесныхъ вой.

Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

[къ трагедіи].

Взгляни на тихую луну! О, какъ прекрасна!
И облака вокругъ нея!... Луна!
Луна!... Ахъ, сколько въ этомъ звукѣ чувствъ!
Что будетъ, что теперь, и что прошло—все въ немъ
Соединяется—и что прошло!...
И кто бъ подумать могъ, что та жъ луна,
Которая была нѣмой свидѣтель
Минуты первой, у ручья, въ горахъ—ты помнишь—
Что та жъ луна свидѣтель будетъ
Разлуки, нѣжная Эмилія!...
Взгляни опять: подобная Армидѣ,
Подъ дымкою сребристой мглы ночной
Она идетъ въ волшебный замокъ свой.
Вокругъ нея и слѣдомъ—тучки
Тѣснятся, будто рыцари, вожди,
Горящіе любовью; и когда
Чело ихъ обращается къ прекрасной—
Оно блеститъ; когда же отвернутъ
Къ соперникамъ—то ревность и досада
Его покроетъ тотчасъ... Посмотри,
Какъ шлемы ихъ чернѣются, какъ перья
Колеблются во мракѣ... Помнишь, помнишь
Тотъ вечеръ? Все, какъ было—кромѣ
Судьбы Фернандо!... Небо и земля
Все тѣ же... только люди!... Если бъ ты
Не причислялась къ нимъ, то я бъ ихъ проклялъ!

*

1830 ГОДА ІЮЛЯ 15-го.

Зачѣмъ семьи родной безвѣстный кругъ
Я покидалъ? Все сердце грѣло тамъ,
Все было мнѣ наставникъ или другъ,
Все вѣрило младенческимъ мечтамъ.
Какъ ужасы плѣняли юный духъ!
Какъ я рвался на волю къ облакамъ!
Готовъ лобзать уста друзей былъ я,
Не посмотрѣвъ, не скрыта ль въ нихъ змѣя.

Но въ общество иное я вступилъ,
Узналъ людей и дружескій обманъ,
Сталъ подозрителенъ и погубилъ
Безпечности душевной талисманъ,
Чтобы никто теперь не говорилъ:
Онъ будетъ другъ мнѣ! Боль старинныхъ ранъ
Изъ груди извлечетъ не рѣчь, но стонъ;
И не привѣтъ, упрекъ услышитъ онъ.

Ахъ! я любилъ, когда я былъ счастливъ,
Когда лишь отъ любви могъ слезы лить.
Но эту грудь страданьемъ напоивъ,
Скажите мнѣ, возможно ли любить?
Страшусь, въ объятьяхъ дѣву заключивъ,
Живую душу ядомъ напоить
И показать, что сердце у меня
Есть жертвенникъ, сгорѣвшій отъ огня.

Но лучше я, чѣмъ для людей кажусь:
Они въ лицѣ не могутъ чувствъ прочесть;
И что молва кричитъ о мнѣ... боюсь!
Когда бъ я зналъ, не могъ бы перенесть.
Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старалися они
Такъ отравить ребяческіе дни?

Согбенный лукъ, порвавши тетиву,
Гремитъ, но вновь не будетъ прямъ, какъ былъ.
Чтобъ цѣпь ихъ сбросить, я, поднявъ главу,
Послѣднее усиліе свершилъ:
Что жъ? Нынѣ жалкій, грустный я живу
Безъ дружбы, безъ надеждъ, безъ думъ, безъ силъ,
Блѣднѣй, чѣмъ лучъ безчувственной луны,
Когда въ окно скользитъ онъ вдоль стѣны.

10-е ІЮЛЯ 1830.

Опять вы, гордые, возстали
За независимость страны,
И снова передъ вами пали
Тиранства низкіе сыны,
И снова знамя вольности кровавой
Явилося—побѣды мрачной знакъ;
Оно любимо прежде было славой;
Суворовъ былъ его сильнѣйшій врагъ..

---

* * *

Привѣтствую тебя, воинственныхъ славянъ
Святая колыбель. Пришлецъ изъ чуждыхъ странъ,
Съ восторгомъ я взиралъ на сумрачныя стѣны,
Черезъ которыя столѣтій перемѣны

Безвредно протекли, гдѣ вольности одной
Служилъ тотъ колоколъ на башнѣ вѣчевой,
Который отзвонилъ ея уничтоженье
И столько гордыхъ думъ увлекъ въ своемъ паденьи!
Скажи мнѣ, Новгородъ, ужель ихъ больше нѣтъ?
Ужели Волховъ твой не Волховъ прежнихъ лѣтъ?
. . . . . .

ЧЕРНООКОЙ.

Твои плѣнительныя очи
Яснѣя дня, чернѣе ночи.

Вблизи тебя до этихъ поръ
Я не слыхалъ въ груди огня;
Встрѣчалъ ли твой волшебный взоръ,
Не билось сердце у меня:

И пламень звѣздочныхъ очей,
Который вѣчно, можетъ быть,
Останется въ груди моей,
Не могъ меня воспламенить.

Къ чему жъ разлуки первый звукъ
Меня заставилъ трепетать?
Онъ не предвѣстникъ долгихъ мукъ,
Я не люблю! зачѣмъ страдать?

Однако же, хоть день, хоть часъ,
Желалъ бы дольше здѣсь пробыть,
Чтобъ блескомъ вашихъ чудныхъ глазъ,
Тревогу мыслей усмирить.

БЛАГОДАРЮ.

Благодарю!... вчера мое признанье
И стихъ мой ты безъ смѣха приняла.
Хоть ты страстей моихъ не поняла,
Но за твое притворное вниманье
Благодарю!

Въ другомъ краю ты нѣкогда плѣняла;
Твой чудный взоръ и острота рѣчей
Останутся на вѣкъ въ душѣ моей,
Но не хочу, чтобы ты мнѣ сказала:
Благодарю!

Я бъ не желалъ умножить въ цвѣтѣ жизни
Печальную толпу твоихъ рабовъ
И отъ тебя услышать, вмѣсто словъ
Язвительной, жестокой укоризны:
Благодарю!

О! пусть холодность мнѣ твой взоръ укажетъ,
Пусть онъ убьетъ надежды и мечты
И все, что въ сердцѣ возродила ты;
Душа моя тебѣ тогда лишь скажетъ:
Благодарю!

* * *

У вратъ обители святой
Стоялъ—просящій подаянья,
Безсильный, блѣдный и худой
Отъ глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлѣба онъ просилъ
И взоръ являлъ живую муку,
И кто-то камень положилъ
Въ его протянутую руку!

Такъ я молилъ твоей любви,
Съ слезами горькими, съ тоскою;
Такъ чувства лучшія мои
Навѣкъ обмануты тобою.

ЭКСПРОМТЪ.

Три граціи считались въ древнемъ мірѣ;
Родились вы... все три, а не четыре!

ВЕСНА.

Когда весной разбитый ледъ
Рѣкой взволнованной идетъ,
Когда среди полей, мѣстами,
Чернѣетъ голая земля,
И мгла ложится облаками
На полуюныя поля:
Мечтанье злое грусть лелѣетъ
Въ душѣ неопытной моей;
Гляжу природа молодѣетъ,
Не молодѣть лишь только ей:
Лаштъ спокойныхъ пламень алый
Съ годами время уведетъ,
И тотъ, кто такъ страдалъ бывало,
Любви къ ней въ сердцѣ не найдетъ.

* * *

Зови надежду сновидѣньемъ,
Неправду—истиной зови,
Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Лишь вѣрь одной моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
Мой взоръ не скроетъ ничего;
Съ тобою грѣхъ мнѣ лицемѣрить:
Ты слишкомъ ангелъ для того.

ПОЛЕ БОРОДИНА.

1.

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали
Молитвы родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
„Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!“
Но, вспоминая прежни годы,
Товарищъ не слыхалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ нежданый
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
„Ребята, не Москва ль за нами!
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
И мы погибнуть обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомня, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы ряды сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пуля смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маршъ-маршъ пошли впередъ, и болѣ
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной сѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнялись,
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали—
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: „Помилуй Боже!“
На трупъ застывшій, какъ на ложе,
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши спали
Отчизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,
Но этимъ не могли помочь.
Однако же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ потухнутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

ПАРИЖЪ 30 ІЮЛЯ 1830 ГОДА.

[отрывокъ].

Ты могъ быть лучшимъ королемъ,
Ты не хотѣлъ—ты полагалъ
Народъ унизить подъ ярмомъ,
Но ты французовъ не узналъ!...

И загорѣлся страшный бой...
И пламя вольности, какъ духъ,
Идетъ предъ гордою толпой—
И звукъ одинъ наполнилъ слухъ,
И брызнула въ Парижѣ кровь...

Когда архангела труба
Судъ страшный съ неба возвѣститъ,
Когда откроются гроба
И прахъ твой прежній приметъ видъ,
Твои дѣянья на вѣсы
Положитъ Вѣчный Судія...
. . . . . .

* * *

Не говори: однимъ высокимъ
Я на землѣ воспламененъ—
Къ нему лишь съ чувствомъ я глубокимъ
Бужу забытой лиры звонъ.
Повѣрь—великое земное
Различно съ мыслями людей:
Свершилъ съ успѣхомъ дѣло злое—
Великъ, не удалось—злодѣй.
Среди дружинъ необозримыхъ
Былъ чуть не Богъ Наполеонъ;
Разбитый на снѣгахъ родимыхъ—
Безумцемъ нарицаемъ онъ!
Внимая шумъ волны прибрежной
Въ изгнаньи дальнемъ онъ погасъ,
И что жъ? Конецъ его мятежный
Не отуманилъ нашихъ глазъ.

СТАНСЫ.

Взгляни, какъ мой спокоенъ взоръ,
Хотя звѣзда судьбы моей
Померкнула съ давнишнихъ поръ,
А съ ней и думы свѣтлыхъ дней!
Слеза, которая не разъ
Рвалась блеснуть передъ тобой,
Ужъ не придетъ, какъ прошлый часъ,
На смѣхъ подосланный судьбой.

Смѣялась надо мною ты,
И я презрѣньемъ отвѣчалъ;
Съ тѣхъ поръ сердечной пустоты
Я ужъ ничѣмъ не замѣнялъ!
Ничто не сблизитъ больше насъ,
Ничто мнѣ не отдастъ покой,
И сердце шепчетъ мнѣ подчасъ:
„Я не могу любить другой!“

Я жертвовалъ другимъ страстямъ;
Но если первыя мечты
Служить не могутъ снова намъ,
То чѣмъ же ихъ замѣнишь ты?
Чѣмъ ты украсишь жизнь мою,
Когда ужъ обратила въ прахъ
Мои надежды въ семъ краю,
А можетъ быть и въ небесахъ?

* * *

Когда къ тебѣ молвы разсказъ
Мое названье принесетъ
И моего рожденья часъ
Передъ полміромъ проклянетъ,
Когда мнѣ пищей станетъ кровь
И буду жить среди людей,
Ни чью не радуя любовь
И злобы не боясь ни чьей:
Тогда раскаянья кинжалъ
Пронзитъ тебя, и вспомнишь ты,
Что̀ при прощаньи я сказалъ.
Увы! то были не мечты,
И если только наконецъ
Моя лишь грудь поражена,
То вѣрно прежде зналъ Творецъ,
Что ты страдать не рождена.

КЪ Л***

[ПОДРАЖАНІЕ БАЙРОНУ].

У ногъ другихъ не забывалъ
Я взоръ твоихъ очей:
Любя другихъ, я лишь страдалъ
Любовью прежнихъ дней.
Такъ память, демонъ-властелинъ,
Все будитъ старину,
И я твержу одинъ, одинъ:
Люблю, люблю одну!

Принадлежишь другому ты,
Забытъ пѣвецъ тобой;
Съ тѣхъ поръ влекутъ меня мечты
Прочь отъ земли родной;
Корабль умчитъ меня отъ ней
Въ безвѣстную страну,
И повторитъ волна морей:
Люблю, люблю одну!

И не узнаетъ шумный свѣтъ,
Кто нѣжно такъ любимъ;
Какъ я страдалъ и сколько лѣтъ
Я памятью томимъ;
И гдѣ бы я ни сталъ искать
Былую тишину,
Все сердце будетъ мнѣ шептать:
Люблю, люблю одну!

* * *

Передо мной лежитъ листокъ,
Совсѣмъ ничтожный для другихъ,
Но въ немъ сковалъ случайно рокъ
Толпу надеждъ и думъ моихъ.
Исписанъ онъ твоей рукой
И я вчера его укралъ,
И для добычи дорогой
Готовъ страдать, какъ ужъ страдалъ.

* * *

Свершилось! полно ожидать
Послѣдней встрѣчи и прощанья!
Разлуки часъ и часъ страданья
Придутъ—зачѣмъ ихъ отклонять!
Ахъ! я не зналъ, когда глядѣлъ
На чудные глаза прекрасной,
Что часъ прощанья, часъ ужасный,
Ко мнѣ внезапно подлетѣлъ.
Свершилось! голосомъ безцѣннымъ
Мнѣ больше сердца не питать;
Запрусь въ углу уединенномъ
И буду плакать... вспоминать!

* *
*

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай!—шесть буквъ приносятъ столько мукъ,
Уносятъ все, что я теперь люблю!
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать.... въ послѣдній разъ.

МОГИЛА БОЙЦА.

Онъ спитъ послѣднимъ сномъ давно,
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ;
Надъ нимъ бугоръ насыпанъ былъ,
Зеленый дернъ кругомъ.

Сѣдые кудри старика
Смѣшалися съ землей:
Они взвѣвались по плечамъ
За чашей пировой.

Они бѣлы, какъ пѣна волнъ,
Біющихся у скалъ.
Уста любимыя бесѣдъ
Впервые хладъ сковалъ.

И блѣдны щеки мертвеца,
Какъ ликъ его враговъ
Блѣднѣлъ, когда являлся онъ
Одинъ средь ихъ рядовъ.

Сырой землей покрыта грудь,
Но ей не тяжело;
И червь, движенья не боясь,
Ползетъ черезъ чело.

На то ль онъ жилъ и мечъ носилъ,
Чтобъ въ часъ вечерней мглы
Слеталися на холмъ его
Пустынные орлы?

Хотя пѣвецъ родной страны
Не разъ ужъ пѣлъ объ немъ
Но пѣснь—все пѣснь, а жизнь—все жизнь!..
Онъ спитъ послѣднимъ сномъ...

СМЕРТЬ.

Закатъ горитъ огнистой полосою;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ.
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо мною
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
Тò мысль объ ней... О! далеко она;
И надъ моимъ недвижнымъ, блѣднымъ тѣломъ
Не упадетъ слеза ея одна!
Ни другъ ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуетъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной...
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ краса моя!
Никто не могъ тебя любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

ПРЕДЧУВСТВІЕ.

[отрывокъ].

Боюсь не смерти я. О, нѣтъ!
Боюсь исчезнуть совершенно.
Хочу, чтобъ трудъ мой вдохновенный
Когда нибудь увидѣлъ свѣтъ,
Хочу—и снова затрудненье!...
Зачѣмъ... что пользы...

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любови знойной,
Ужъ сталъ я понимать душою безпокойной;
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, во тьмѣ ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Воображеніемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ какъ ледъ,
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ преступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ видѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ поръ, не стану—можетъ быть!
Когда же улеталъ мой призракъ драгоцѣнный,
Я въ одиночествѣ кидалъ мой взглядъ смущенный
На стѣны желтыя и, мнилось, тѣни съ нихъ
Сходили медленно до самыхъ ногъ моихъ...
И мрачно, какъ онѣ, воспоминанье было
О томъ, что̀ лишь мечта, и между тѣмъ такъ мило!

* * *

Я видѣлъ разъ ее въ веселомъ вихрѣ бала...
Казалось, мнѣ она понравиться желала;
Очей привѣтливость, движеній быстрота,
Природный блескъ ланитъ, и груди полнота—
Все, все наполнило бъ мнѣ умъ очарованьемъ,
Когда бъ совсѣмъ инымъ безсмысленнымъ желаньемъ
Я не былъ угнетенъ, когда передо мной
Не пролетала тѣнь съ насмѣшкою пустой,
Когда бъ я только могъ забыть черты другія,
Лицо безцвѣтное и взоры ледяные!...

ЗВУКИ.

Что за звуки! Неподвижно внемлю
Сладкимъ звукамъ я.
Забываю небо, вѣчность, землю,
Самого себя...
Всемогущій, что за звуки! Жадно
Сердце ловитъ ихъ,
Какъ въ пустынѣ путникъ безотрадный
Каплю водъ живыхъ...
И въ душѣ опять они рождаютъ
Сны веселыхъ лѣтъ,
И въ одежду жизни одѣваютъ
Все, чего ужъ нѣтъ.
Принимаютъ образъ эти звуки,
Образъ милый мнѣ;
Мнится, слышу тихій плачъ разлуки,
И душа въ огнѣ...
И опять безумно ушиваюсь,
Ядомъ прежнихъ дней,
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.

ПѢСНЯ.

Что въ полѣ за пыль пылитъ?...
Что за пыль пылитъ столбомъ валитъ?...
Злы татаровья полонъ дѣлятъ:
То тому, то сему—по добру коню;
А какъ зятю теща доставалася;
Онъ заставилъ ее три дѣла дѣлать:
А первое дѣло—гусей пасти,
А второе дѣло—бѣлъ кудель прясти,
А третье дѣло—дитя качать.

И я глазыньками гусей пасу,
И я рученьками бѣлъ кудель пряду,
И я ноженьками дитя качаю;
Ты баю-баю мило дитятко!
Ты по батюшкѣ—злой татарченокъ,
А по матушкѣ—родной внученокъ;
У меня вѣдь есть примѣточка
На бѣлой груди что копѣечка.

Какъ услышала моя доченька,
Закидалася, заметалася:
„Ты родная моя матушка!
Ахъ, ты что давно не сказалася?
Ты возьми мои золоты ключи,
Отпирай мои кованы ларцы
И бери казны сколько надобно,
Жемчугу, да злата серебра!“

Ахъ, ты, милое мое дитятко!
Мнѣ не надо твоей золотой казны;
Отпусти меня на святую Русь;
Не слыхать мнѣ здѣсь пѣнья церковнаго,
Не слыхать звону колокольнаго.

РАСКАЯНІЕ.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?...
Она была добра къ тебѣ—
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безсмысленный! ты обладалъ
Душою чистой, откровенной;
Всеобщимъ зломъ не зараженной
И этотъ кладъ ты потерялъ!

Огонь любви первоначальной
Ты въ ней рѣшился зародить
И долѣе не могъ любить,
Достигнувъ цѣли сей печальной;
Ты презрѣлъ все; между людей
Стоишь, какъ дубъ въ странѣ пустынной,
И тихій плачъ любви невинной
Не могъ потрясть души твоей.

Не дважды Богъ даетъ намъ радость,
Взаимной страстью веселя;
Безъ утѣшенія, томя,
Пройдетъ и жизнь твоя, какъ младость,
Ея лобзанья встрѣтилъ ты
Въ устахъ обманщицы прекрасной,
И будутъ предъ тобой всечастно
Предметы перваго черты.

О! вымоли ея прощенье,
Пади, пади къ ея ногамъ!
Не то—ты приготовишь самъ
Свой адъ, отвергнувъ примиренье.
Хоть будешь ты еще любить,
Но прежнимъ чувствамъ нѣтъ возврату:
Ты вѣчно первую утрату
Не будешь въ-силахъ замѣнить.

НИКОЛАЮ НИКОЛАЕВИЧУ

АРСЕНЬЕВУ.

Дай Богъ, чтобъ ты не соблазнялся
Приманкой сладкой бытія,
Чтобъ духъ твой въ небо не умчался,
Чтобъ не изсякла плоть твоя.
Пусть покровительство судьбины
Повсюду будетъ надъ тобой,
Чтобъ умъ твой не вскружили вины
И взоръ красавицы младой.
Ланиты и вино нерѣдко
Фальшивой краскою блестятъ:
Вино поддѣльное, кокетка—
Для головы и сердца ядъ.

MENSCHEN UND LEIDENSCHAFTEN.

EIN TRAUERSPIEL.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Тобою только вдохновенный
Я строки грустныя писалъ,
Не знавъ ни славы, не похвалъ,
Не мысля о толпѣ презрѣнной.
Одной тобою жилъ поэтъ,
Скрываючи въ груди мятежной
Страданья многихъ, многихъ лѣтъ,
Свои мечты, твой образъ нѣжный.
На зло враждующей судьбѣ
Имѣлъ онъ лишь одно въ примѣтѣ:
Всю душу посвятить тебѣ—
И больше никому на свѣтѣ!
Его любовь отвергла ты,
Не заплативши за страданья,
Пусть предъ тобой сіи листы
Листами будутъ оправданья.
Прочти: онъ здѣсь своимъ перомъ
Напомнилъ о мечтахъ былова,
И если не полюбишь снова,
Ты, можетъ быть, вздохнешь о немъ.

ИСПАНЦЫ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ.

[ОТРЫВКИ].

—

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Не отвергай мой слабый даръ,
Хоть здѣсь я выразилъ небрежно
Души непобѣдимый жаръ
И дикой страсти пылъ мятежный.

Нѣтъ! не для свѣта я писалъ—
Онъ чуждъ восторгамъ вдохновенья;
Нѣтъ! не ему я обѣщалъ
Свои любимыя творенья.

Я знаю: все равно ему—
Душѣ ль, исполненной печали,
Или веселому уму
Живыя струны отвѣчали.

Но ты меня понять могла;
Страдальца ты не осмѣяла;
Ты съ безпокойнаго чела
Морщины раннія сгоняла.

Такъ надъ гробницею стоитъ
Береза юная, склоняя
Съ участьемъ вѣтки на гранитъ
Когда реветъ гроза ночная.

———

ИЗЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

СЦЕНА II.

Комната у жида; богатые ковры вездѣ и сундуки; тутъ стоитъ на столикѣ лампа горящая. Въ глубинѣ сцены двѣ жидовки нижутъ жемчугъ; все богато. Ноэми сидитъ у стола, облокотившись.

НОЭМИ.

Нѣтъ! не могу работой заниматься!
Шитье въ глазахъ сливается, и пальцы
Дрожатъ, какъ будто бы иголка тяготитъ ихъ;
Молиться я хотѣла—тоже все!
Начну лишь... а слова мѣшаются;
То холодъ пробѣжитъ по тѣлу вдругъ,
То жаръ въ лицо ударится порой,
И сердцу такъ неловко, такъ неловко!
И занимаетъ все воображенье
Прекрасный образъ незнакомца,
Который моего отца избавилъ
Отъ гибели вчера. Дай Богъ ему все счастье,
Отнятое у насъ несправедливо.
Какъ будто бы евреи ужъ не люди!
Нашъ родъ древнѣй испанскаго—и ихъ
Пророкъ рожденъ въ Ерусалимѣ!
Смѣшно! они хотятъ, чтобъ мы
Ихъ приняли законъ; но для чего?
Чтобъ въ гибель повергать другъ друга, какъ они?
Они такъ превозносятъ кротость,
Любовь къ себѣ подобнымъ, милость,
И говорятъ, что въ этомъ ихъ законъ!
Но этого пока мы не видали. [Молчаніе].
Однако жъ есть и между ними люди!
Вотъ, напримѣръ, вчерашній незнакомецъ...
Кто бъ ожидалъ?—Какъ жалко, что его
Я не увижу—но отецъ мой
Его такъ живо описалъ, такъ живо!...
Высокій станъ и благородный видъ,
И кудри черные, какъ смоль, и быстрый взоръ,
И голосъ... но зачѣмъ о немъ я мыслю?...
Что пользы?... Ахъ, какой же я ребенокъ! [Молчаніе].
Мнѣ скучно! вся душа разстроена,
И для меня суббота поневолѣ
Сегодня!... сердце бьется, бьется,
Какъ птичка, пойманная въ сѣткѣ!
Зачѣмъ нейдетъ отецъ мой? Онъ опять
Злодѣямъ въ руки попадется...

Какъ скучно быть одной весь день;
Все пѣснь одна: низать и распускать
свой жемчугъ,
Читать и перечитывать, одѣться
Въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и
пить,
И спать... Однако жъ эту ночь
Мой сонъ былъ занимателенъ и стра-
шенъ! [Молчаніе].
Что пользы? (Кличетъ). Няня! Сара!
Сара!
Поди ко мнѣ! поди сюда! Ну, что же?...

САРА [старуха, идетъ].

Что, милая Ноэми, что тебѣ?
Иль жемчугъ распустила?—Но вѣдь я
Стара—мои глаза всю бойкость поте-
ряли;
Тебѣ вредитъ неосторожность,
А мнѣ такъ невозможность! такъ ли?

НОЭМИ.

Нѣтъ, Сара, жемчугъ я оставила ни-
зать.

САРА.

Что? аль не нравится? Вотъ я
Въ твои года не тѣмъ была довольна!
А этой молодежи нынѣшней
Все дурно! Что жъ меня звала ты?

НОЭМИ.

Такъ!
Мнѣ скучно!... я больна!

САРА.

Больна! ахъ, Боже мой!
Такъ я пошлю скорѣе за врачемъ...
Есть у меня знакомый, преискусный!...

НОЭМИ.

Не надо... я не то чтобы больна!
А... такъ не въ духѣ!... все нейдетъ
на ладъ,
Что ни начну... мнѣ хочется того, чего
Сама опредѣлить не въ силахъ я!...
Мнѣ грустно! разскажи мнѣ сказку
Про старину! садись и разскажи!...

САРА.

Дай мнѣ припомнить милое дитя...
Вотъ, видишь, память-то слаба!
Я столько слышала, видала, испытала,
Что изъ толпы моихъ воспоминаній
Наврядъ одно вполнѣ перескажу.

НОЭМИ.

Я видѣла сегодняшнюю ночь
Ужасный сонъ! ужасный!... растолкуй
мнѣ:
Мнѣ снилось, что приходитъ человѣкъ,
Обрызганный весь кровью, говоря,
Что онъ мой братъ... но я не испу-
галась
И стала омывать потоки крови
И увидала рану противъ сердца
Глубокую... И онъ сказалъ мнѣ:
„Смотри, я братъ твой!....“ но, кля-
нуся,
Въ тотъ мигъ онъ былъ мнѣ больше
брата,
И я заплакала и стала умолять
Я Бога, чтобы жизнь его продлилъ;
Но этотъ человѣкъ захохоталъ
И вдругъ воскликнулъ: „перестань мо-
литься!
Я братъ твой! нынѣ братьевъ ненавидятъ!...
Оставь меня, прекрасная еврейка:
Я христіанинъ—и не братъ твой;
Я надъ тобой хотѣлъ лишь посмѣяться.“
И онъ спѣшилъ уйти... и я схватила
Его широкій плащъ... но что жъ? въ
рукахъ
Остался погребальный саванъ!... я про-
снулась...

САРА.

Онъ братомъ называлъ себя твоимъ?

НОЭМИ.

Но это вздоръ! я не имѣла брата
И никогда имѣть не буду!...

САРА.

О, Ноэми!
Не говори!... случиться это можетъ...

НОЭМИ.

Какъ можетъ?... Какъ?... Нѣтъ это невозможно!

САРА.

Послушай, у тебя былъ братъ.
Онъ старше былъ тебя...Судьбою чудной,
Бѣжа отъ инквизиціи, отецъ твой
Съ покойной матерью его оставили
На мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали:
Страхъ помѣшалъ имъ вспомнить это...
Быть можетъ, думали они, что я
Его держала на рукахъ... Съ тѣхъ поръ
Его мы почитали всѣ умершимъ...
И для того тебѣ о немъ не говорили;
А можетъ быть онъ живъ, какъ знать!
Вѣдь Божья воля неисповѣдима!

НОЭМИ.

Ахъ, Сара, Сара! нѣтъ, онъ умеръ!...
Увялъ онъ, какъ трава пустыни, и какъ цвѣтъ
Полей засохнулъ!... Такъ, онъ былъ рожденъ для жизни,
Онъ былъ рожденъ, чтобъ быть мнѣ другомъ.
О, Сара! если умеръ онъ—какъ счастливъ,
И какъ должна я плакать о себѣ!
Гонимый всѣми, всѣми презираемъ,
Нашъ родъ скитался по свѣту; отчизна,
Спокойствіе, жилище наше—все не наше.
Но часъ придетъ, когда и мы возстанемъ!
Такъ говоритъ писанье, такъ я вѣрю.
Зачѣмъ и нѣтъ? Что сдѣлалъ мой отецъ
Симъ кровожаднымъ христіанамъ? Деньги
Имѣетъ онъ и дочь—вотъ все его богатство.
И если бъ онъ увѣренъ былъ найти
Отчизну и спокойствіе, то вѣрно бъ
Свои всѣ деньги отдалъ людямъ,
Которые его понынѣ притѣсняли...
Однако жъ и межъ нихъ есть добрые.

САРА.

Да, да! вотъ тотъ испанецъ молодой,
Который спасъ намедни Моисея!
Родитель твой хотѣлъ вознаградить
Его звенящимъ кошелькомъ, но онъ
Его ногами истопталъ, сказавъ:
„Собака! жизнь твоя сего не стоитъ!
Я не наемникъ твой!“ Прости ему, Всевышній,
Подобныя хулы за то, что спасъ
Онъ одного изъ гибнувшихъ сыновъ
Израиля.

НОЭМИ.

Прости ему, Всевышній!...

САРА (подходитъ къ окну).

Какая ночь! въ такую точно ночь
Я стала жертвою любви! Іосифъ мой!
О, если бъ ты меня теперь увидѣлъ—
Ты испугался бы; въ то время я цвѣла;
Мои глаза блистали, какъ алмазы,
И щеки были нѣжны точно пухъ!....
Увы! Ноэми, кто бъ тогда подумалъ,
Что этотъ лобъ морщины исчертятъ,
Что эти косы посѣдѣютъ! то-то время!...

НОЭМИ.

Что мой отецъ нейдетъ?...

САРА.

Чу! вотъ сова кричитъ... ужасный крикъ
Я не люблю его! во мнѣ всѣ жилы
Кровь оставляетъ при подобномъ крикѣ!... [Стучатъ въ дверь].
Ахъ! вѣрно твой отецъ пришелъ!....
Ну жъ, поздно!...

ГОЛОСЪ.

Скорѣе отоприте! отоприте!

[Служанки, сидѣвшія за шитьемъ, бросаются и отпираютъ. Входитъ Моисей, ведетъ Фернандо съ перевязанной рукой; сей едва идетъ].

МОИСЕЙ.

Ноэми! Сара! помогите, помогите!...
Измученъ я усталостью... и страхомъ.
Онъ истекаетъ кровью... О, проклятье
Злодѣямъ!... Дайте кресло и подушки;
Онъ истекаетъ кровью!....

[Кладетъ на полъ длинную подушку, на которую сажаютъ раненаго и поддерживаютъ его ослабѣвшую голову].

Будь Авраамъ свидѣтель—эта ночь
Ужаснѣй той, когда я сына потерялъ:
Тому я далъ существованье,
А этотъ возвратилъ мнѣ жизнь!...
О Богъ, Богъ іудеевъ, сохрани
Его, хоть онъ не изъ твоихъ сыновъ!...

ФЕРНАНДО.

Кто здѣсь моихъ убійцъ такъ проклиналъ?
Зачѣмъ? Они хотѣли сдѣлать мнѣ добро,
Освободить отъ мукъ—такъ земляки мои
Всегда добро творятъ другъ другу!
О, перестаньте! [Какъ отъ сна]. Гдѣ я?
Кто со мной?

[Поднимаетъ голову].

Благодарю того, кто спасъ меня—но кто онъ?

МОИСЕЙ.

Ты спасъ его недавно самъ:
Онъ здѣсь передъ тобой—еврей гонимый
Твоимъ народомъ; но ты спасъ меня,
И я тебѣ обязанъ заплатить,
Хоть я въ твоей отчизнѣ презираемъ...
Такъ, дочь моя, вотъ мой спаситель!

НОЭМИ [становится на колѣни и цѣлуетъ руку].

Еврейка у тебя цѣлуетъ руку,
Испанецъ! [Она остается на колѣняхъ и держитъ руку].

ФЕРНАНДО [Моисею].

Что сказалъ ты, иновѣрный!
Отчизна, родина—слова пустыя для меня,
Затѣмъ, что я не вѣдаю цѣны ихъ.
Отечествомъ зовется край, гдѣ наши
Родные, домъ нашъ и друзья;
Но у меня подъ небесами
Нѣтъ ни родныхъ, ни дома, ни друзей!...

НОЭМИ.

Когда ты не нашелъ себѣ друзей
Межъ христіанъ, то между насъ найдешь.
Ты добръ, испанецъ,—небо справедливо!...

ФЕРНАНДО.

Я былъ добръ!...

МОИСЕЙ [стоя надъ нимъ].

Кровь течетъ изъ раны;
Перевяжите! какъ онъ поблѣднѣлъ!

ФЕРНАНДО.

У волка есть берлога, и гнѣздо у птицы,
Есть у жида пристанище;
И я имѣлъ одно—могилу!...
Чудовище!... зачѣмъ ты отнялъ у меня
Могилу?... Всѣ старанья ваши—зло!
Спасти отъ смерти человѣка для того,
Чтобъ сдѣлать зло! Безумцы!
Прочь!.... пусть течетъ свободно кровь моя,
Пусть веселитъ... О, жалко! нѣтъ монаха здѣсь!...

Одни евреи бѣдные—что нужды?
Они все люди же, а кровь
Пріятна людямъ... Прочь! [Срываетъ перевязки].

НОЭМИ [въ отчаяніи].

Отецъ мой!

Онъ сорвалъ перевязку! онъ умретъ!
[Всѣ бросаются опять наложить перевязку].

САРА.

О, какъ онъ ослабѣлъ, несчастный!
Какая блѣдность покрываетъ щеки!
Какъ жалко!...

ФЕРНАНДО.

Дайте пить мнѣ, я горю!
Языкъ засохъ... скорѣе, ради Бога!...
[Сара уходитъ за питьемъ].

НОЭМИ.

Испанецъ, успокойся! успокойся!
Ты былъ несчастливъ, это видно,
Хоть молодъ. Я слыхала прежде,
Что если мы страдальцу говоримъ,
Что онъ несчастливъ, то снимаемъ тягость
Съ его души... Ахъ! какъ бы я желала,
Чтобы ты сталъ здоровъ и веселъ!

ФЕРНАНДО.

И веселъ! [Стонетъ].

НОЭМИ.

Я прошу тебя... подумай,
Что я твоя сестра, что тотъ еврей—отецъ твой!
Воображеніе тебя утѣшитъ:
Оно дано намъ, людямъ, для того,
Испанецъ!

ФЕРНАНДО.

Дѣвушка! ты дочь его?

НОЭМИ.

Ты отгадалъ, ты спасъ отца мнѣ!
И онъ тебя спасетъ.—Я заклинаю
Тебя твоимъ закономъ, перестань
Тревожиться печальной думой;
Она вредитъ здоровью твоему,
Разгорячаетъ кровь. [Сара приноситъ стаканъ
На, выпей!

ФЕРНАНДО.

Благодарю! твои слова напитка лучше!
Когда жалѣетъ женщина меня,
Я чувствую двойное облегченье.
Послушай—что я сдѣлалъ этимъ людямъ,
Которые меня убить хотѣли?
Что не разбойники они, то это вѣрно:
Они съ меня не сняли ничего,
И бросили въ крови вблизи дороги...
... О, это все коварство!... я предвижу
Что это лишь начало... а конецъ!
Конецъ... [вздрагиваетъ] что вздрогнулъ я? Чтобъ ни было,
Я уступлю скорѣй судьбѣ, чѣмъ людямъ.
Оставь меня покуда! [Она встаетъ и отходитъ, но издали все на него смотритъ].

САРА [подходитъ къ Моисею].

Скажи, молю тебя, какъ ты его нашелъ?
Я это все за сонъ принять готова!

МОИСЕЙ.

Пошелъ къ раввину я: онъ былъ мнѣ долженъ;
Онъ задержалъ меня часа съ четыре,
Хоть противъ воли; ночь уже была
Темна, и я, въ сапогъ засунувъ
Свой кошелекъ, боясь воровъ, пошелъ
Домой. Луна вставала надъ болотомъ
И между горъ густой туманъ дымился,
Иду я недалеко ужъ отсюда
Густымъ лѣскомъ, и слышу шумъ шаговъ...

Всѣ жилки задрожали у меня,
И я невольно бросился за кустъ;
Сижу; дрожу; передо мной была поляна
И мѣсяцъ ударялъ въ нее лучами.
Шесть человѣкъ стояли на полянѣ,
И слышу: „этой самою дорогой
Идти онъ долженъ нынѣ... ужъ не знаю,
Какъ выдержитъ кинжалы напи онъ.—
Мнѣ жалко бы убить его до смерти;
Онъ малый славный, и къ тому жъ бѣднякъ!
Да дѣлать нечего, когда велѣлъ намъ патеръ
Его отправить въ дальнюю дорогу!“
Едва окончена была такая рѣчь,
Какъ вдругъ я слышу крикъ и звукъ кинжаловъ:
Онъ долго защищался, наконецъ
Упалъ, и всѣ они въ минуту разбѣжались,
Какъ будто мертвый былъ страшнѣй живаго!
Когда утихло все, я вышелъ посмотрѣть
Кто былъ несчастной жертвою злодѣйства,
И что жъ? мой благодѣтель, мой спаситель!
Я различилъ черты его при свѣтѣ
Луны... онъ раненъ былъ легко,
Но, странно, не узналъ меня,
И будто по природному влеченью
Всталъ... Я понесъ его... онъ все шепталъ,
Но я не понялъ словъ... потоки крови
Бѣжали на меня... Такъ я принесъ
Несчастнаго сюда! Богъ сдѣлалъ это чудо!

САРА.

И точно, это чудо, Моисей!

НОЭМИ [которая въ то время опять сѣла у ногъ Фернандо].

Что, утихаетъ боль твоя иль нѣтъ?

ФЕРНАНДО.

Дай руку мнѣ, о нѣжное созданье!
Какъ обо мнѣ она печется...

МОИСЕЙ [Сарѣ].

Поди, постель ему ты приготовь;
Я тотчасъ самъ приду туда...

САРА.

Да какъ его зовутъ, кто онъ таковъ?
Нельзя ль узнать? [Уходитъ].

МОИСЕЙ [подходитъ].

Позволь, одно я у тебя спрошу...
Кто ты и какъ тебя зовутъ?

ФЕРНАНДО.

Когда я жизнь свою подвергнулъ для твоей,
Ты спрашивалъ ли: какъ меня зовутъ?...
[Молчаніе].
Меня зовутъ Фернандо!....
Вотъ все, что я могу сказать: другое
Пусть спитъ въ груди моей, какъ прахъ твоихъ отцовъ
Въ землѣ сырой!... Я не скажу: моихъ отцовъ!
Я ни отца, ни матери не знаю...
Но полно: я прошу, не спрашивай меня
Вторично о такихъ вещахъ—
Ты этимъ ни отца, ни матери не дашь мнѣ.

НОЭМИ.

Я буду для тебя сестрой...

ФЕРНАНДО.

Ты для меня сестрой не будешь.

НОЭМИ.

Зачѣмъ же отвергать такъ своенравно
Того, кому ты можешь ввѣрить горесть
Души твоей? Ужель различье вѣры?
Ужели хочешь ты, чтобъ я
Раскаялася въ томъ, что іудейка?...

ФЕРНАНДО.

Богъ сохрани меня отъ этой мысли!...
Ты цвѣтъ пустыни, ты дитя свободы;
Безъ правилъ любишь ты—испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближнихъ!
У нихъ и рай и адъ—все на вѣсахъ,
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляютъ демоновъ краснѣть
Коварствомъ и любовію ко злу!...
У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
Жена торгуетъ мужемъ и собою,
Король народомъ, а народъ свободой;
У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
Ихъ церкви, можно человѣка
Невиннаго предать кровавой пыткѣ!...
И сжечь за слово на кострѣ, и подъ окномъ
Оставить съ голоду погибнуть, для того,
Что нѣтъ креста на шеѣ бѣдняка—
Есть дѣло добродѣтели великой!
О Боже! сохрани меня отъ мысли,
Что ты должна принять ихъ предразсудки;
Нѣтъ, вѣрь, что есть на небѣ Богъ—и только!
И самъ я больше этого не вѣрю...
Но между нихъ одно есть существо,
Но между демоновъ одинъ есть ангелъ
Души моей... но замолчу объ этомъ.

НОЭМИ.

Ты горячишься, это увеличитъ
Твое страданье съ болью ранъ твоихъ.
Не хочешь ли чего нибудь?... Усни...
Вотъ мой отецъ придетъ: онъ приготовилъ
Постель твою; всю ночь я просижу
Вблизи тебя... чего ни пожелаешь ты,
Мы все достанемъ, только будь спокоенъ,
Иль кровь опять начнетъ изъ раны литься.

ФЕРНАНДО [въ сторону].

Эмилія далеко отъ меня!
О, если бъ эта милая еврейка
Была Эмилія, какъ скоро бы всѣ раны
Закрылися, кромѣ одной;
Но рана эта такъ пріятна сердцу.
Эмилія! Эмилія! быть можетъ,
Умру я здѣсь, далеко отъ тебя,
И ты моей могилы не найдешь;
И отъ послѣдней—отъ тебя я буду
Забытъ!... забытъ!...

МОИСЕЙ.

Усни! постель уже готова...
Эй, Сара! помоги поднять его.
[Двѣ еврейки, слуга еврей, Сара и Моисей поднимаютъ Фернандо и уводятъ. Ноэми одна остается].

НОЭМИ.

Проникло сожалѣнье въ грудь мою.
Такъ вотъ кого я такъ желала видѣть,
Не вѣдая желанію причины!...
Нѣтъ, нѣтъ! я не спасителя отца
Хотѣла видѣть въ немъ;
Испанецъ молодой, съ осанкой гордой,
Какъ тополь стройный, съ черными глазами,
Съ такими жъ черными кудрями
Являлся моему воображенью,
И мною овладѣлъ непостижимой силой,
И завладѣлъ моимъ дѣвичьимъ сномъ;
Отецъ мой такъ его подробно описалъ.
[Молчаніе].
О, какъ судьба людьми играетъ!...
Кто бъ отгадалъ, что этотъ человѣкъ,
Недавно спасшій моего отца,
Сегодня будетъ здѣсь, у насъ, облитый
Своею неповинной кровью,
Измученный, едва не мертвый?
Мнѣ кажется, я чувствую любовь
Къ нему; не сожалѣнье, а любовь.
Какъ это слово звучно въ первый разъ!...

*

Когда онъ говоритъ, то сердце у меня
Трепещетъ—точно какъ боится,
Чтобъ сердце юноши не перестало биться?
Когда жъ произношу его названье,
Хотя бы въ мысляхъ только я сказала:
Фернандо!... то краснѣю, будто бы
Самой себя стыжусь или боюсь!...
Чего стыдиться, я не понимаю,
Любви? всѣ любятъ, что же тутъ худаго?
. . . . . .
Какъ не любить? Ахъ! безъ любви такъ скучно,
И даже думать не о чемъ!... О Боже!
Храни его, храни обоихъ насъ!
Прости любовь мою! я не могу иначе!...
[Она стоитъ въ задумчивости].

ИЗЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

[во второй сценѣ].

Плачь, Израиль! о, плачь! твой Солимъ опустѣлъ;
На чужѣ въ раздольи печально житье,
Но сыны твои взяты не въ пышный предѣлъ:
Въ пустыняхъ разсѣяно племя твое.

О родинѣ можно ль не помнить своей?
Но когда ужъ нельзя воротиться назадъ,
Не пойте!—досадные звуки цѣпей
Свободы веселую пѣснь заглушатъ!...

Изгнанники, пепломъ посыпьте чело,
И молитесь вы ночью при хладной лунѣ,
Чтобъ стенанье израильтянъ тронуть могло
Того, кто являлся пророку въ огнѣ!

Тому только можно Сіонъ вамъ отдать,
Привесть васъ на землю ливанскихъ холмовъ,
Кто можетъ утѣшить скорбящую мать,
Когда сынъ ея палъ подъ мечами враговъ.

СЦЕНА III.

Комната въ домѣ у жида, какъ во второмъ дѣйствіи.

НОЭМИ [за нею Сара].

Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
Злой духъ меня сгубилъ! онъ предвѣщалъ
Мнѣ радость и любовь—любовь онъ далъ,
А радость онъ похоронилъ навѣки!
Теперь мы больше не увидимся съ Фернандо,
И я могу открыто плакать,
Закона не боясь.—О! я люблю
Его какъ Бога... онъ одинъ мой Богъ.
И небо запрещать любить его не можетъ.
Меня не понялъ онъ; другую любитъ,
Другую, слышишь ли, другую!... я умру!
Не утѣшай меня! не утѣшай меня!
[Ломаетъ руки].

САРА.

Съ тобою плакать вмѣстѣ я хочу,
Когда тебя нельзя утѣшить!...

НОЭМИ.

Плакать!
Тебѣ ль со мною плакать?... Любила ль ты,
Какъ я?... любила ль чужеземца,
Любила ль христіанина, была ли
Имъ презрѣна, какъ я? Ахъ, Сара, Сара!

Мое блаженство кончилось надолго!
И вотъ плоды моихъ надеждъ, мечтаній,
Плоды недоспанныхъ ночей и безпокойствъ!...
О, сжалься надо мною, небо!...
Скорѣй въ сырую землю, поскорѣй,
Покуда я себя ропганьемъ не лишила
Спокойствія и тамъ....

САРА.

Старайся
Разсѣяться!... въ твои лѣта позабываютъ
И самую жестокую печаль.
Вотъ твой отецъ придетъ! теперь
Съ раввиномъ онъ бесѣдуетъ
О чемъ-то занимательномъ, и важномъ.
Онъ новостью тебя займетъ.

НОЭМИ.

Я проклинаю
Всѣ эти новости! одна ужъ
Меня лишила счастья... а другая
Мнѣ не отдастъ его.—Ахъ, Сара!
Все кончено! все кончено!
[Моисей вбѣгаетъ, какъ бѣшеный].

МОИСЕЙ.

Дочь! дочь! дочь!... онъ нашелся!
Зачѣмъ теперь? Зачѣмъ такъ поздно онъ нашелся?
Твой братъ... мой сынъ!... сынъ!... я не зналъ...
Жестокій случай!... такъ... я не прижалъ
Его къ груди, и не прижму... найденъ,
И въ тотъ же мигъ потерянъ. О судьба!
Земля и небо! вѣтры! бури! громъ!
Куда вы сына унесли? Зачѣмъ отдать,
Чтобы отнять... И христіанинъ!
Возможно ли? Мой сынъ... я чувствовалъ,
Что кровь его—моя... я чувствовалъ,
Что онъ родной мой... О Израиль!
Израиль!... ты скитаться долженъ въ мірѣ,
Тебя преслѣдуютъ стихіи даже...
И Богъ твой отъ тебя отворотился.
Мой сынъ! мой сынъ!

САРА.

Гдѣ жъ онъ? Зачѣмъ не здѣсь?
Кто жъ онъ... и кто сказалъ... что сынъ твой?...

МОИСЕЙ.

О горе! горе! горе намъ! онъ здѣсь былъ,
Раввинъ принесъ мнѣ доказательства... я вѣрю,
Что онъ мой сынъ! я спасъ... онъ спасъ меня...
И онъ погибнуть долженъ... Не спастись
Ему вторично отъ руки злодѣевъ...
Ноэми! горе, горе для тебя!
Фернандо — братъ твой!
Испанецъ — братъ твой!
Онъ гибнетъ; онъ родился, чтобъ погибнуть
Для насъ!... онъ христіанинъ!... онъ твой братъ!
[Ноэми упадаетъ безъ чувствъ на полъ. Сара спѣшитъ къ ней].
Пускай умретъ и дочь... и я!... У Бога
Монхъ отцовъ нѣтъ жалости... Мой сынъ! мой сынъ!
[Ломаетъ руки и стоитъ недвиженъ].

1831.

* * *

Вверху одна
Горитъ звѣзда,
Мой взоръ она
Манитъ всегда;
Мои мечты
Она влечетъ,
И съ высоты
Меня зоветъ.
Таковъ же былъ
Тотъ свѣтлый взоръ,
Что я любилъ
Судьбѣ въ укоръ.
Мукъ никогда
Онъ зрѣть не могъ;
Какъ та звѣзда,
Онъ былъ высокъ.
Усталыхъ вѣждъ
Я не смыкалъ,
И безъ надеждъ
Къ нему взывалъ.

* * *

Нѣтъ, я не требую вниманья
На грустный бредъ души моей;
Таить отъ всѣхъ мои желанья
Привыкъ ужъ я съ давнишнихъ дней.
Пишу, пишу рукой небрежной,
Чтобъ здѣсь чрезъ много скучныхъ лѣтъ,
Отъ жизни краткой, но мятежной,
Какой нибудь остался слѣдъ.

Быть можетъ, нѣкогда случится,
Что, всѣ страницы пробѣжавъ,
На эту взоръ вашъ устремится
И вы промолвите: онъ правъ!
Быть можетъ, долго стихъ унылый
Вашъ взглядъ удержитъ надъ собой,
Какъ близъ дороги столбовой
Пришельца—памятникъ могилы.

ВЪ АЛЬБОМЪ Н. И. ПОЛИВАНОВУ.

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда закономъ осужденный
Въ чужой я буду сторонѣ —
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчей... И тайно грудь
Вздохнетъ, и вдругъ заплачутъ очи.
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ
И ждалъ судьбы своей рѣшенья.

ТОЛПѢ.

Безумецъ я! вы правы, правы!
Смѣшно безсмертье на земли!
Какъ смѣлъ желать я громкой славы,
Когда вы счастливы въ пыли?
Какъ могъ я цѣпь предубѣжденій
Умомъ свободнымъ потрясать,
И пламень тайныхъ угрызеній
За жаръ поэзіи принять!
Нѣтъ, не похожъ я на поэта!
Я обманулся, вижу самъ;
Пускай какъ онъ, я чуждъ для свѣта,
Но чуждъ за то и небесамъ!
Мои слова печальны, знаю,
Но смысла ихъ вамъ не понять.
Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!
Нѣтъ... мнѣ ли властвовать умами,
Всю жизнь на то употребя?

Пускай возвышусь я надъ вами.
Но удалюсь ли отъ себя,
И позабуду ль самовластно
Мою погибшую любовь,
Все то, чему я вѣрилъ страстно
Чему не смѣю вѣрить вновь?...

ТРОСТНИКЪ.

Сидѣлъ рыбакъ веселый
На берегу рѣки,
И передъ нимъ по вѣтру
Качались тростники.
Сухой тростникъ онъ срѣзалъ
И скважины проткнулъ,
Одинъ конецъ зажалъ онъ,
Въ другой конецъ подулъ.
И будто оживленный,
Тростникъ заговорилъ —
То голосъ человѣка
И голосъ вѣтра былъ.
И пѣлъ тростникъ печально:
„Оставь, оставь меня!
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Терзаешь ты меня!
И я была дѣвицей,
Красавица была,
У мачихи въ темницѣ
Я нѣкогда цвѣла,
И много слезъ горючихъ
Невинно я лила,
И раннюю могилу
Безбожно я звала.
И былъ сынокъ любимецъ
У мачихи моей:
Обманывалъ красавицъ,
Пугалъ честныхъ людей.
И разъ пошли подвечеръ,
Мы на берегъ крутой —
Смотрѣть на сини волны,
На западъ золотой.
Моей любви просилъ онъ—
Любить я не могла,
И деньги мнѣ дарилъ онъ —
Я денегъ не брала;
Несчастную сгубилъ онъ
Ударомъ въ грудь ножомъ,
И здѣсь мой трупъ зарылъ онъ
На берегу крутомъ.
И надъ моей могилой
Взошелъ тростникъ большой,
И въ немъ живутъ печали
Души моей младой.
Рыбакъ, рыбакъ прекрасный,
Оставь же свой тростникъ!
Ты мнѣ помочь не въ-силахъ,
А плакать не привыкъ!“

РОМАНСЪ.

Хоть бѣгутъ по струнамъ моимъ звуки веселья,
Они не отъ сердца бѣгутъ;
Но въ сердцѣ разбитомъ есть тайная келья,
Гдѣ черныя мысли живутъ.
Слеза по щекѣ огневая катится,
Она не изъ сердца идетъ:
Что въ сердцѣ обманутомъ жизнью хранится,
То въ немъ навсегда и умретъ.
Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
Питомцы надеждъ золотыхъ!
Когда я свои презираю мученья,
Что мнѣ до страданій чужихъ?
Умершей дѣвицы очей охладѣвшихъ
Не долженъ мой взоръ увидать;
Я бъ много припомнилъ минутъ пролетѣвшихъ,
Но я не люблю вспоминать!
Намъ память являетъ ужасныя тѣни,

Кровавый былаго призракъ;
Онъ вновь призываетъ къ оставленной сѣни,
Какъ въ бурю надъ моремъ маякъ,
Когда ураганъ по волнамъ веселится,
Смѣется надъ бѣднымъ челномъ,
И съ крикомъ пловецъ—безъ надеждъ воротиться —
Жалѣетъ о краѣ родномъ.

1831 ГОДА, ИЮНЯ 11.

1.

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.

2.

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!

3.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.

4.

Извѣстность, слава, что онѣ?—А есть
У нихъ и надо мною власть: они
Велятъ себѣ на жертву все принесть,
И я влачу мучительные дни
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ;
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и живой—
Я смерти отдалъ все, что̀ даръ земной.

5.

Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не поймете ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?

6.

Къ погибшимъ люди справедливы; сынъ
Боготворитъ, что̀ проклиналъ отецъ.
Чтобъ въ этомъ убѣдиться, до сѣдинъ
Дожить не нужно: есть всему конецъ;
Немного долголѣтнѣй человѣкъ
Цвѣтка; въ сравненьи съ вѣчностью ихъ вѣкъ
Равно ничтоженъ. Пережить одна
Душа лишь колыбель свою должна,

7.

Такъ и ея созданье. Иногда
На берегу рѣки, одинъ, забытъ,
Я наблюдалъ, какъ быстрая вода,

Синѣя, гнется въ волны, какъ шипитъ
Надъ ними пѣна бѣлой полосой:
И я глядѣлъ и мыслію иной
Я не былъ занятъ, и пустынный шумъ
Разсѣевалъ толпу глубокихъ думъ.

8.

Тутъ былъ я счастливъ... О, когда бъ я могъ
Забыть, что̀ незабвенно... женскій взоръ!
Причину столькихъ слезъ, безумствъ, тревогъ!
Другой владѣетъ ею съ давнихъ поръ,
И я другую съ нѣжностью люблю,
Хочу любить—и небеса молю
О новыхъ мукахъ; но въ груди моей
Все живъ печальный призракъ прежнихъ дней.

9.

Никто не дорожитъ мной на землѣ
И самъ себѣ я въ тягость, какъ другимъ;
Тоска блуждаетъ на моемъ челѣ.
Я холоденъ и гордъ; и даже злымъ
Толпѣ кажуся; но ужель она
Проникнуть дерзко въ сердце мнѣ должна?
Зачѣмъ ей знать, что̀ въ немъ заключено?
Огонь иль сумракъ тамъ—ей все равно!

10.

Темна проходитъ туча въ небесахъ,
И въ ней таится пламень роковой;
Онъ, вырываясь, обращаетъ въ прахъ
Все, что ни встрѣтитъ. Съ дивной быстротой
Блеснетъ—и снова въ облакѣ укрытъ,
И кто его источникъ объяснитъ,
И кто заглянетъ въ нѣдра облаковъ?
Зачѣмъ? Они исчезнутъ безъ слѣдовъ.

11.

Грядущее тревожитъ грудь мою:
Какъ жизнь я кончу, гдѣ душа моя
Блуждать осуждена, въ какомъ краю
Любезные предметы встрѣчу я?...
Но кто меня любилъ, кто голосъ мой
Услышитъ—и узнаетъ... И съ тоской
Я вижу, что любить какъ я—порокъ,
И вижу... я слабѣй любить не могъ.

12.

Не вѣрятъ въ мірѣ многіе любви,
И тѣмъ счастливы; для иныхъ она
Желанье, порожденное въ крови,
Разстройство мозга иль видѣнье сна.
Я не могу любовь опредѣлить,
Но эта страсть сильнѣйшая!—Любить
Необходимо мнѣ, и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ.

13.

И отучить меня не могъ обманъ.
Пустое сердце ныло безъ страстей,
И въ глубинѣ моихъ сердечныхъ ранъ
Жила любовь, богиня юныхъ дней;
Такъ въ трещинѣ развалинъ иногда
Береза выростаетъ—молода
И зелена, и взоры веселитъ,
И украшаетъ сумрачный гранитъ.

14.

И о судьбѣ ея чужой пришлецъ
Жалѣетъ. Беззащитно предана
Порыву бурь и зною, наконецъ
Увянетъ преждевременно она;
Но съ корнемъ не исторгнетъ никогда
Мою березу вихрь: она тверда;
Такъ лишь въ разбитомъ сердцѣ можетъ страсть
Имѣть неограниченную власть.

15.

Подъ ношей бытія не устаетъ
И не хладѣетъ гордая душа;
Судьба ее такъ скоро не убьетъ,
А лишь взбунтуетъ; мщеніемъ дыша
Противъ непобѣдимой, много зла
Она свершить готова, хоть могла
Составить счастье тысячи людей:
Съ такой душой ты Богъ, или злодѣй...

16.

Какъ нравились всегда пустыни мнѣ!
Люблю я вѣтеръ межъ нагихъ холмовъ,
И коршуна въ небесной вышинѣ,
И на равнинѣ тѣни облаковъ.
Ярма не знаетъ рѣзвый здѣсь табунъ;
И кровожадный тѣшится летунъ
Подъ синевой, и облако степей
Свободнѣй какъ-то мчится и свѣтлѣй.

17.

И мысль о вѣчности, какъ великанъ,
Умъ человѣка поражаетъ вдругъ,
Когда степей безбрежный океанъ
Синѣетъ предъ глазами; каждый звукъ
Гармоніи вселенной, каждый часъ
Страданья или радости—для насъ
Становится понятенъ, и себѣ
Отчетъ мы можемъ дать въ своей судьбѣ.

18.

Кто посѣщалъ вершины дикихъ горъ
Въ тотъ свѣжій часъ, когда садится день;
На западѣ свѣтило видитъ взоръ
И на востокѣ близкой ночи тѣнь,
Внизу туманъ, уступы и кусты,
Кругомъ все горы чудной высоты,
Какъ послѣ бури облака стоятъ
И странные верхи въ лучахъ горятъ.

19.

И сердце полно, полно прежнихъ лѣтъ,
И сильно бьется; пылкая мечта
Приводитъ въ жизнь—минувшаго скелетъ,
И въ немъ почти все та же красота.
Такъ любимъ мы глядѣть на свой портретъ,
Хоть съ нами въ немъ ужъ сходства больше нѣтъ,
Хоть на холстѣ хранится блескъ очей,
Погаснувшихъ отъ время и страстей.

20.

Что на землѣ прекраснѣй пирамидъ
Природы, этихъ гордыхъ снѣжныхъ горъ?
Не перемѣнитъ ихъ надменный видъ
Ничто: ни слава царствъ, ни ихъ позоръ;
О ребра ихъ дробятся темныхъ тучъ
Толпы, и молній обвиваетъ лучъ
Вершины скалъ: ничто не вредно имъ.
Кто близъ небесъ, тотъ не сраженъ земнымъ.

21.

Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три,
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.

22.

Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ; въ цвѣтѣ лѣтъ

Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя, и понять
Я не могу, что значитъ отдыхать.

23.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

24.

Есть время—леденѣетъ быстрый умъ;
Есть сумерки души, когда предметъ
Желаній мраченъ; усыпленье думъ;
Межъ радостью и горемъ полусвѣтъ;
Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ.

25.

Я къ состоянью этому привыкъ,
Но ясно выразить его бъ не могъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ:
Они такихъ не вѣдаютъ тревогъ;
Въ одномъ все чисто, а въ другомъ все зло.
Лишь въ человѣкѣ встрѣтиться могло
Священное съ порочнымъ. Всѣ его
Мученья происходятъ оттого.

26.

Никто не получалъ, чего хотѣлъ
И что любилъ; и если даже тотъ,
Кому вполнѣ счастливый данъ удѣлъ,
Въ умѣ своемъ минувшее пройдетъ—
Увидитъ онъ, что могъ счастливѣй быть,
Когда бы не успѣла отравить
Судьба его надежды. Но волна
Ко брегу возвратиться не сильна

27.

Когда гонима бурей роковой
Шипитъ и мчится съ пѣною своей...
Она все помнитъ тотъ заливъ родной,
Гдѣ нѣжилась въ пріютахъ камышей,
И, можетъ быть, она опять придетъ
Въ другой заливъ, но тамъ ужъ не найдетъ
Себѣ покоя: кто въ моряхъ блуждалъ,
Тотъ не заснетъ въ тѣни прибрежныхъ скалъ.

28.

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать;
И какъ я мучусь, знаетъ лишь Творецъ;
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чуждые края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

29.

Всѣ!... нѣтъ, не всѣ!... Созданье есть одно,
Способное любить—хоть не меня;
До этихъ поръ не вѣритъ мнѣ оно,
Однако сердце полное огня
Не увлечется мнѣньемъ, и мое
Пророчество припомнитъ умъ ее,
И взоръ, теперь веселый и живой,
Напрасной отуманится слезой.

30.

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ,
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой,
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.

31.

И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ вдаль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,

32.

И мой курганъ!—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ; сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ — только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна,
Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свободна какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей!

ОДИННАДЦАТАГО ІЮЛЯ.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечеромъ свѣтило,
За снѣжной цѣпію холмовъ
Краснѣя ярко, заходило,
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ея безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ...
Какъ долго это я мгновенье
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье!
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды,
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады?
Нѣтъ! только счастье ослѣпитъ
Умѣетъ мысли и желанья,
И сномъ никакъ не можетъ быть
Все въ чемъ хоть искра есть страданья!

ИСПОВѢДЬ.

I.

День гасъ; въ нарядѣ голубомъ,
Крутясь, бѣжалъ Гвадалквивиръ;
И не заботяся о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ,
Для счастья чуждый, полный зломъ,
Свѣтило южное текло,
Безпечно, пышно и свѣтло;
Но въ монастырскую тюрьму,
Игривый лучъ не проникалъ;
Какую бъ радость одному
Туда принесъ онъ, если бъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой.
Таковъ былъ рокъ! Зачѣмъ, за что,
Не зналъ и знать не могъ никто;
Но въ преступленьи обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ;
Онъ зналъ людей, и зналъ законъ. . .
И ни чего отъ нихъ не ждалъ.
Но вотъ по лѣстницѣ крутой

Звучатъ шаги, открылась дверь
И старецъ дряхлый и сѣдой
Взошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь,
Что̀ сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ?

Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!...
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ—
Все люди, люди, мой отецъ...
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой,
Согрѣть имъ вновь не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь невиннаго, повѣрь
Не отопретъ имъ рая дверь.
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ,
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ—молодъ—зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты,
Или не зналъ—или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ, порой,
Въ глубокой скважинѣ стѣны
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой!
—Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ—ты слѣпъ, ты сѣдъ,—
И отъ желаній ты отвыкъ—
Что за нужда?—Ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть!
Ты жилъ! я также могъ бы жить!

II.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ—благодарю;
Не постигаю, что̀ была
У нихъ за мысль? Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать—
А душу можно ль разсказать?
И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней
Что я преступникъ иль злодѣй.
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою неба утвержденъ;
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой;
Онъ оправдалъ меня—одинъ
Онъ сердца полный властелинъ;
И тайну страшную мою
Я какъ могила сохраню,
Пока земля въ урочный часъ,
Какъ двухъ друзей, не приметъ насъ.
Доселѣ жизнь была мнѣ—плѣнъ
Среди угрюмыхъ вашихъ стѣнъ,
Гдѣ дѣтства свѣтлые года
Я проводилъ. Богъ вѣсть куда,
Какъ сонъ, безъ счастія и бѣдъ
Промчались тѣни лучшихъ лѣтъ,
И воскресить тѣ дни едва ль
Желалъ бы я—но все ихъ жаль!
Зачѣмъ, молчаніе храня,
Такъ грозно слушаешь меня?
Я воленъ... я не братъ живыхъ;
Судей безчувственныхъ моихъ
Не проклинаю... но, старикъ,
Я признаюся, мой языкъ,
Не станетъ ихъ благодарить,
За то, что прежде, можетъ быть,
Чѣмъ лучъ зари на той стѣнѣ

Погаснетъ въ мирной тишинѣ,
—Я, свѣжій, пылкій, молодой,
Который здѣсь передъ тобой
Живу, какъ жилъ тому пять лѣтъ,—
—Весь превращуся въ слово: нѣтъ!...
И прахъ, лишенный бытія,
Ужъ будетъ прахъ одинъ—не я.

III.

Прощай, старикъ; вотъ казни часъ!.
За нихъ молись—въ послѣдній разъ
Клянусь тебѣ передъ творцомъ,
Что не виновенъ я ни въ чемъ;
Скажи: что умеръ я, какъ могъ,
Безъ угрызеній и тревогъ,
Что съ тайной гибельной моей
Я не разстался для людей.
Забудь, что жилъ я... что любилъ
Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ...
Кого любилъ?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной;
За жизнь, за міръ, за небо—вамъ
Я тайны этой не продамъ.

СТРАННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

РОМАНТИЧЕСКАЯ ДРАМА.

1831 года. Кончена 17 іюля. Москва.

—

Я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго безпокоило меня и всю жизнь, можетъ быть, занимать не перестанетъ. Почти всѣ дѣйствующія лица писаны мною съ природы; но тѣ, кои могутъ узнать съ кого они взяты, едва ли откроютъ это міру. Читатель вѣрно пожалѣетъ о судьбѣ молодаго человѣка, который подавалъ столь блистательныя надежды, и отъ одной безумной страсти навсегда потерянъ для общества. Пускай люди, бывшіе причиною его погибели, не обвиняютъ меня. Я хотѣлъ, я долженъ былъ оправдать тѣнь несчастнаго.

Лица, изображенныя мною, всѣ взяты съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они себя узнали: тогда вѣрно раскаяніе посѣтитъ ихъ души. Справедливо ли описано у меня общество—не знаю; по крайней мѣрѣ оно всегда останется для меня собраніемъ людей безчувственныхъ, самолюбивыхъ въ высшей степени, и полныхъ зависти къ тѣмъ, въ душѣ которыхъ сохраняется хотя малѣйшая искра небеснаго огня. И этому обществу я отдаю себя на судъ.

—

The Lady of his love wed with one
Who did not love her better...
. . . . . .
And this the world calls phrensy, but the wise
Have a far duper madness, and the glance
Of melancholy is a fearful gift;
What is it but the telescope of truth?
Which strips the distance of its phantasies,
And bring life near in utter nakedness,
Making the cold reality too real!
Lord Byron. (The Dream).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ Арбениныхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ АРБЕНИНЪ [входитъ].

Говорятъ, что дѣти въ тягость намъ пока они молоды; но я думаю совсѣмъ противное. За ребенкомъ надобно уха-

живать, няньчить его, кормить и поить; а двадцатилѣтняго опредѣляй въ службу, да каждую минуту трепещи, чтобъ онъ какою нибудь шалостью не погубилъ навѣкъ себя и честное имя. Признаться, мое положеніе теперь самое критическое. Владиміръ пойдетъ въ военную службу, во-первыхъ, потому что его характеръ, какъ онъ самъ говоритъ, слишкомъ своеволенъ; а во-вторыхъ, потому что онъ не силенъ въ математикѣ. Куда же опредѣлить его? Въ статскую? Всѣ лучшія мѣста заняты. Воспитывать — самая трудная вещь. Думаешь: „ну, все теперь кончилось!“ Не тутъ-то было—только что начинается. Я боюсь, чтобы Владиміръ не потерялъ добрую славу въ большомъ свѣтѣ, гдѣ я столькими трудами пріобрѣлъ себѣ значительное мѣсто; тогда я же буду виноватъ: противъ меня же скажутъ, что я не воспитывалъ его сообразно характеру. Какой же въ его лѣта характеръ?—Самый его характеръ есть безхарактерность. Такъ, я вижу, что не довольно строго держалъ сына моего.

Какая польза, что такъ рано развились его чувства и мысли? Однако же я не отстану отъ своихъ плановъ;велю ему выйти въ отставку года черезъ четыре, а тамъ женю на богатой невѣстѣ и поправлю тѣмъ его состояніе, которое, по милости моей любезной супруги, совсѣмъ разстроено. Не могу вспомнить безъ бѣшенства, какъ она меня обманывала! О, невѣрная женщина! ты испытаешь всю тягость моего мщенія; въ бѣдности, съ раскаяніемъ въ душѣ и безъ надежды на будущее, ты умрешь далеко отъ глазъ моихъ; я никогда не рѣшусь тебя увидать. Обезчестить такого мужа, каковъ былъ я! И не дѣлалъ ли я все, что ей хотѣлось? Я очень радъ, что у нея нѣтъ близкихъ родныхъ, которые помогли бы ей... [Молчаніе]. Кажется, кто-то сюда идетъ? Такъ точно. Здравствуй, Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ [который взошелъ]. — Батюшка, здравствуйте!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Я очень радъ, что ты пришелъ, теперь! Мы кой объ чемъ поговоримъ. Это касается до будущей судьбы твоей. Но ты что-то невеселъ, другъ мой... Гдѣ былъ ты?

ВЛАДИМІРЪ [бросая на отца быстрый и мрачный взоръ].—Гдѣ я былъ, батюшка?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Что значитъ этотъ пасмурный видъ? Такъ ли встрѣчаютъ ласки отца?

ВЛАДИМІРЪ.—Отгадайте, гдѣ я былъ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—У какого нибудь тебѣ подобнаго шалуна, гдѣ ты проигралъ свои деньги, или у какой нибудь прекрасной, которая огорчила тебя своимъ отказомъ. Какія другія приключенія могутъ безпокоить тебя? Кажется, я отгадалъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Я былъ тамъ, откуда веселье очень далеко; я видѣлъ одну женщину, слабую, больную, которая за давнишній проступокъ оставлена своимъ мужемъ и родными; она не имѣетъ никакого состоянія; весь міръ смѣется надъ ней и никто о ней не сожалѣетъ. О, батюшка! эта душа заслуживала прощеніе и другую участь! Батюшка! я видѣлъ горькія слезы раскаянія; я молился вмѣстѣ съ нею; я обнималъ ея колѣни, я... я былъ у моей матери! Чего же вамъ больше?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Ты...

ВЛАДИМІРЪ.—О, если бъ вы знали, если бъ видѣли... Отецъ мой! вы не по-

или эту нѣжную, божественную душу, или вы несправедливы, несправедливы! Я повторю это предъ цѣлымъ свѣтомъ и такъ громко, что ангелы услышатъ и ужаснутся человѣческой жестокости...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Ты смѣешь... меня обвинять, неблагодар...

ВЛАДИМІРЪ.—Ахъ, простите меня! я себя не помню... Посудите сами, какъ могъ я быть хладнокровенъ? Я согласенъ, она васъ оскорбила; непростительно оскорбила; но что она мнѣ сдѣлала? На ея колѣняхъ протекли первые годы моего младенчества, ея имя вмѣстѣ съ вашимъ было первою моею рѣчью; ея ласки облегчали мои первыя болѣзни... и теперь, когда она въ нищетѣ, безъ друзей, пріѣхала сюда, могъ ли я не упасть къ ея ногамъ?... Батюшка! она хочетъ васъ видѣть... Я васъ умоляю объ этомъ... Если вы меня любите, если хотите моего счастія.... Одна ея чистая слеза смоетъ черное подозрѣніе и удалитъ предразсудки отъ вашего сердца!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Нѣтъ! я на нее не сердитъ, но не хочу больше ее видѣть; не хочу, не долженъ!... Что скажутъ въ свѣтѣ?

ВЛАДИМІРЪ [кусая губы].— Что скажутъ въ свѣтѣ?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—И ты очень дурно сдѣлалъ, сынъ мой, что не сказалъ мнѣ, когда поѣхалъ къ ней: я бы далъ тебѣ препорученіе...

ВЛАДИМІРЪ.—Которое бы убило послѣднюю ея надежду—не такъ ли?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Да, она еще не довольно наказана... эта сирена, эта негодная женщина...

ВЛАДИМІРЪ.—Она моя мать.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Если опять ее увидишь, то посовѣтуй ей не являться ко мнѣ и не стараться выпросить прощенія, чтобы мнѣ и ей не было еще стыднѣе встрѣтиться, чѣмъ было при разлукѣ нашей.

ВЛАДИМІРЪ.—Отецъ мой! я не сотворенъ для такихъ препорученій...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ [съ улыбкой].— Довольно объ этомъ. Кто изъ насъ правъ или виноватъ — не тебѣ судить. Черезъ часъ приходи ко мнѣ въ кабинетъ, тамъ я тебѣ покажу недавно присланныя бумаги, которыя тебѣ хочу препоручить; также тебѣ дамъ прочитать письмо отъ графа, на счетъ опредѣленія тебя въ службу. И еще прошу тебя не говорить мнѣ больше ничего о твоей матери... я прошу, когда могу приказывать. [Уходитъ].

[ВЛАДИМІРЪ долго смотритъ вслѣдъ недвижимъ].

ВЛАДИМІРЪ.—Какъ радъ онъ, что имѣетъ право мнѣ приказывать! Боже, никогда тебѣ не докучалъ я лишними мольбами—теперь прошу: прекрати эту распрю! Смѣшны для меня люди: ссорятся изъ пустяковъ и отлагаютъ часъ примиренія, какъ будто это вещь, которую всегда успѣютъ сдѣлать!... Нѣтъ, вижу, что должно быть жестокимъ, чтобы жить съ людьми. Они думаютъ, что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей! Никто меня не понимаетъ; никто не умѣетъ обходиться съ этимъ сердцемъ, которое полно любовью и принуждено расточать ее напрасно...

[Входитъ быстро БѢЛИНСКІЙ.]

БѢЛИНСКІЙ.—А! здравствуй, Арбенинъ! мой милый, любезный другъ! Что такъ

задумчивъ? Для чего тому считать звѣзды, кто можетъ считать звонкую монету? Погляди на меня!... Бьюсь объ закладъ, я отгадалъ, объ чемъ ты думалъ.

владиміръ. —Здравствуй, Бѣлинскій! Дай руку! [Жметъ руку].

бѣлинскій. —Ты думалъ объ томъ, какъ заставить женщину любить или признаться въ томъ, что она притворялась. То и другое очень мудрено; однако я скорѣе возьмусь сдѣлать послѣднее, нежели первое, потому что...

владиміръ. — Объ чемъ ты болтаешь тутъ?

бѣлинскій. —Объ чемъ? Онъ поглупѣлъ или оглохъ!... Я говорилъ о царѣ Соломонѣ, который воспѣвалъ умѣренность и совѣтовалъ поститься, а самъ былъ не изъ послѣднихъ скоромниковъ... Ха! ха! ха!... Ты вѣрно здѣсь ждалъ, чтобы твоя любезная прилетѣла къ тебѣ на крыльяхъ зефира? Нѣтъ, потрудись-ка самъ слетать... Другъ мой, кто разберетъ женщинъ?... Въ ту минуту, когда ты думаешь...

владиміръ [прерывая его]. —Гдѣ былъ ты вчера?

бѣлинскій.—На музыкальномъ вечерѣ, такъ сказать. Дѣти дѣлали отцу сюрпризъ, по случаю его именинъ. Они играли на разныхъ инструментахъ: и для нихъ, и для отца это очень хорошо; не смотря на то, гостямъ, которыхъ находилось тутъ очень много, было очень скучно.

владиміръ. —Странный народъ! Такимъ образомъ глупое чванство всегда отравляетъ семейныя удовольствія.

бѣлинскій.—Отецъ былъ въ восхищеніи и къ каждому обращалъ глаза съ разными тѣлодвиженіями; каждый отвѣчалъ ему наклоненіемъ головы и довольною улыбкой, и уловя время, когда бѣдный отецъ оборачивался въ противную сторону, каждый зѣвалъ отъ души... Мнѣ показались жалкими этотъ отецъ и его дѣти...

владиміръ.—А мнѣ жалки безстыдные гости. Не могу видѣть равнодушно этого презрѣнія къ счастью ближняго, какого бы рода оно ни было; всѣ хотятъ, чтобы другіе были счастливы по ихъ образу мыслей, и такимъ образомъ отравляютъ сердце, не имѣя средствъ излечить. Я бы желалъ удалиться совершенно отъ людей, но привычка не позволяетъ мнѣ. Когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ... и это такъ тяжело!...

бѣлинскій.—Э! полно, братецъ, говорить вздоръ! Товарищи тебя всѣ любятъ... а если есть какія нибудь другія непріятности, то надо умѣть ихъ переносить съ твердостью... Все проходитъ: зло, какъ добро.

владиміръ. — Переносить! переносить... Какъ давно твердятъ это роду человѣческому, хотя знаютъ, что этимъ словамъ почти никто не слѣдуетъ... [беретъ за руку]. Было время, когда я былъ счастливъ, но это время слишкомъ давно соединилось съ прошедшимъ, чтобы воспоминаніе о немъ могло меня утѣшить. Вся истинная жизнь моя состоитъ изъ нѣсколькихъ мгновеній, а все прочее время было только приготовленіе или слѣдствіе этихъ мгновеній... Тебѣ трудно меня понять—я это вижу... Другъ мой, гдѣ найду я то, что принужденъ искать?...

бѣлинскій.—Въ своемъ сердцѣ. У тебя есть великій источникъ блаженства: умѣй только почерпать изъ него. Ты получилъ скверную привычку разсматри-

вать со всѣхъ сторонъ каждую крошку горя, которую судьба тебѣ посылаетъ. Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ; а въ тебѣ еще больше, чѣмъ въ другихъ. Зачѣмъ не отстать, если видишь, что цѣль не можетъ быть достигнута... Нѣтъ: вынь-да-положь!... А кто послѣ терпитъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Нѣтъ, не суди такъ обо мнѣ; войди лучше въ мое положеніе. Знаешь ли, я иногда завидую сиротамъ; иногда мнѣ кажется, что родители мои спорятъ о любви моей, а иногда что они совсѣмъ не дорожатъ ею. Они знаютъ, что я ихъ люблю, сколько можетъ любить сынъ... Нѣтъ! зачѣмъ, когда они другъ на друга косятся, зачѣмъ есть существо, которое хотѣло бы ихъ соединить вновь, перелить весь пламень юной любви своей въ ихъ предубѣжденныя сердца... Другъ мой, Дмитрій! я не долженъ такъ говорить... но ты вѣдь знаешь все, все, и тебѣ я могу повѣрять то, что составляетъ несчастье моей жизни, что скоро доведетъ меня до гроба или сумасшествія...

БѢЛИНСКІЙ.—Магометъ сказалъ, что онъ опустилъ голову въ воду и вынулъ, и въ это время четырнадцатью годами состарѣлся; такъ и ты въ короткое время ужасно перемѣнился.—Разскажика мнѣ, какъ идутъ твои любовныя похожденія?... Ты хмуришься... Скажи, давно ли ты ее видѣлъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Давно.

БѢЛИНСКІЙ.—А гдѣ живутъ Загорскины?... Ихъ двѣ сестры; отца нѣтъ; такъ-ли?

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Познакомь меня съ ними.—У нихъ бываютъ вечера, балы?

ВЛАДИМІРЪ.—Нѣтъ.

БѢЛИНСКІЙ.—А я думалъ... Однако все не мѣшаетъ... Познакомь меня.

ВЛАДИМІРЪ.—Изволь.

БѢЛИНСКІЙ.—Разскажи мнѣ исторію твоей любви.

ВЛАДИМІРЪ.—Она очень обыкновенна и тебя не займетъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Знаешь ли ты кузину Загорскиныхъ, княжну? Вотъ прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка.

ВЛАДИМІРЪ.—Быть можетъ. Въ первый разъ, какъ я увидалъ ее, то почувствовалъ какую-то антипатію. Я дурно объ ней подумалъ, не слыхавъ еще ни одного отъ нея слова... А ты знаешь—я вѣрю предчувствіямъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Суевѣръ!

ВЛАДИМІРЪ.—Намедни я поѣхалъ верхомъ; лошадь не хотѣла идти въ ворота; я ее пришпорилъ; она бросилась и чуть-чуть я не ударился головою объ столбъ. Точно такъ и съ душой: иногда чувствуешь отвращеніе къ кому нибудь, принудишь себя обойтись ласково, захочешь полюбить человѣка, а смотришь—онъ тебѣ платитъ коварствомъ и неблагодарностью...

БѢЛИНСКІЙ [смотритъ на часы].—Боже мой! а мнѣ давно пора ѣхать. Я къ тебѣ забѣжалъ вѣдь на минуту.

ВЛАДИМІРЪ.—Я это вижу... Куда жъ ты спѣшишь?

БѢЛИНСКІЙ. — Къ графу Бѣльскому. Скука такая, а надобно ѣхать...

ВЛАДИМІРЪ.—Зачѣмъ же надобно?

БѢЛИНСКІЙ.—Да такъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Важная причина! Ну, прощай!

БѢЛИНСКІЙ.—До свиданія! [Уходитъ].

ВЛАДИМІРЪ [одинъ].—Люблю Бѣлинскаго за его веселый характеръ. [Ходитъ взадъ и впередъ].—Какъ моя голова разстроена... все въ безпорядкѣ, какъ въ домѣ, гдѣ хозяинъ пьянъ! Поѣду къ ней: увижу Наталью, этого ангела... это меня успокоитъ. Взоръ женщины, какъ лучъ мѣсяца, невольно проводитъ въ грудь мою тишину. [Садится и вынимаетъ бумаги изъ кармана]. Странно! [Опять кладетъ ихъ въ карманъ]. Каждый разъ, какъ посмотрю на эту бумагу, сомнѣніе мрачное волнуетъ мои чувства. Годъ тому назадъ, я писалъ въ одномъ замѣчаніи объ ней... Она и тогда имѣла на меня вліяніе благотворное, а теперь... теперь когда вспомню... хочется молиться, плакать... и сожалѣю, зачѣмъ я не такъ добръ, зачѣмъ душа моя не такъ чиста, какъ бы я хотѣлъ?... Можетъ быть, она меня любитъ?... Что пользы?... Такъ вотъ конецъ, котораго я ожидалъ въ прошломъ году! Боже, Боже! для чего такъ тѣснится мое сердце?... Когда я далеко отъ нея, то воображаю, что скажу ей, какъ горячо сожму ея руку, какъ напомню о минувшемъ, о всѣхъ мелочахъ... А только близъ нея—все забыто, я истуканъ! Душа утонетъ въ глазахъ, все пропадетъ — воспоминанія, слезы, надежды, опасенія!... О, какой я ничтожный человѣкъ! Не могу даже сказать ей, что люблю ее, что она мнѣ дороже жизни; не могу ничего путнаго сказать, когда сижу противъ этого чуднаго созданія! [Пожимаетъ плечами]. Чѣмъ-то кончится моя жизнь? а началась она недурно! Впрочемъ, не все ли равно, съ какими воспоминаніями я сойду въ могилу... Ха! ха! ха! Какъ бы я желалъ предаться удовольствіямъ и потопить въ ихъ потокѣ тяжелую ношу самопознанія, которая съ младенчества была моимъ удѣломъ. [Уходитъ тихо].

ЯВЛЕНІЕ II.

Комната въ домѣ Загорскихъ.

ГОСТИ. ХОЗЯЙКА АННА НИКОЛАЕВНА. ДОЧЬ НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.

[СОФЬЯ КНЯЖНА, вскорѣ]. Играютъ въ карты. Молодые разговариваютъ.

АННА НИКОЛАЕВНА [къ одному гостю].—Были вы вчера на балѣ у графа? Тамъ, говорятъ, былъ благородный театръ? И еще говорятъ, какъ отдѣланы комнаты были—это чудо, по царски!

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—Какъ же-съ, я былъ тамъ! До пяти часовъ утра танцовали, и всего было довольно... всякаго рода людей...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА [которая подошла].—Какіе вы насмѣшники! А кто тамъ былъ изъ кавалеровъ? [Анна Николаевна уходитъ къ барышнямъ].

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—Былъ князь Шумовъ, Бѣлинскій, Арбенинъ и другіе; однихъ не знаю, другихъ позабылъ. Знаете вы Бѣлинскаго? премилый малый, прелюбезный — не правда ли?

АННА НИКОЛАЕВНА.—Да, я слыхала. [Подходятъ барышни другія].

ОДНА ИЗЪ БАРЫШЕНЬ.—Скажите, пожалуйста, кто такой этотъ Арбенинъ? Я объ немъ много слышала.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Во первыхъ, онъ ужасный повѣса, насмѣшникъ, и злой насмѣшникъ, дерзокъ и все, что вы хотите; впрочемъ, очень умный человѣкъ! Не думайте, что это я говорю по какой-нибудь личности—нѣтъ, всѣ объ немъ судятъ такъ...

*

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Я вамъ ручаюсь, что не всѣ. Я первая не такъ думаю объ немъ; я его знаю давно—онъ къ намъ ѣздитъ—и я не замѣтила, чтобъ онъ былъ золъ, по крайней мѣрѣ онъ ни о комъ при мнѣ такъ не говорилъ, какъ вы теперь про него...

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—О, это совсѣмъ другое; съ вами онъ очень, можетъ быть, любезенъ, но...

ДРУГАЯ ИЗЪ БАРЫШЕНЬ.—Я сама слышала, что Арбенина должно опасаться...

ГОСТЬ ВТОРОЙ [подойдя]. — Мнѣ кажется, наоборотъ...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА [одной изъ барышень].— Ma chère, знаешь ли ты что нибудь глупѣе комплиментовъ?

ГОСТЬ ТРЕТІЙ [недавно подошедшій]. — А знаете ли вы исторію Арбенина, объ которомъ сейчасъ говорили?

ТРЕТЬЯ ДАМА.—Я не думаю, чтобъ онъ былъ такое важное лицо, чтобъ можно было заниматься его исторіей. И до кого она касается? Онъ очень счастливъ: это доказываетъ его веселый характеръ; а исторія счастливыхъ людей никогда не бываетъ занимательна.

ГОСТЬ ТРЕТІЙ. — Повѣрьте, веселость въ обществѣ очень часто одна личина; но бываютъ минуты, когда эта самая веселость, въ бореніи съ внутреннею грустью, принимаетъ видъ чего то дикаго. Если внезапный смѣхъ прерываетъ мрачную задумчивость, то не радость возбуждаетъ его: это переломъ, доказывающій только, что человѣкъ не можетъ скрыть совершенно чувствъ своихъ. Лица, которыя всегда улыбаются—вотъ лица счастливцевъ.

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—О! я знаю, что вы всегда заступаетесь за господина Арбенина.

ГОСТЬ ТРЕТІЙ.—Развѣ вы никогда не заступаетесь за людей, которыхъ обвиняютъ понапрасно?

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Напротивъ, вотъ недавно я цѣлый часъ спорила съ дядюшкой, который утверждалъ, что Арбенинъ злой человѣкъ; а я знаю, что у него доброе сердце —онъ это доказалъ многимъ.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ [обращаясь къ другому]. — Посмотрите, какъ она покраснѣла!

ГОСТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.—C'est une coquette!

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Кто это еще пріѣхалъ?—Ахъ, вообразите! я не узнала издали кузину.

[КНЯЖНА СОФЬЯ взошла съ ТЕТКОЮ]. [Кузины цѣлуются].

КНЯЖНА СОФЬЯ [тихо НатальѢ Ѳедоровнѣ].—Я, выходя сейчасъ изъ кареты, видѣла Арбенина: онъ ѣхалъ мимо вашего дома и такъ пристально глядѣлъ въ окно, что если бъ самъ государь мимо проѣхалъ съ другой стороны, такъ онъ бы не обернулся. [Улыбается]. Будетъ онъ нынче здѣсь?

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Почему же мнѣ знать; я не спрашивала, а онъ самъ никогда напередъ не извѣщаетъ о своемъ пріѣздѣ.

КНЯЖНА [въ сторону]. —А я надѣялась еще разъ его увидѣть. [Громко]. У меня сегодня что-то голова болитъ!

ГОСТЬ ВТОРОЙ.—Лишь бы не сердце.

КНЯЖНА [въ сторону]. —Какъ плоско! [ему]. Вы вчера прекрасно играли у графа, особенно во второй пьесѣ; всѣ были восхищены вами [онъ кланяется]. Только скажите, для чего вы такъ рано уѣхали, тотчасъ послѣ ужина?

ГОСТЬ ВТОРОЙ.—У меня заболѣла голова.

КНЯЖНА [съ улыбкой].—Что за важность? Это не сердце!

АННА НИКОЛАЕВНА [подходитъ]. — Барышни! господа кавалеры! не угодно ли кому въ мушку поиграть?

МНОГІЕ. — Съ большимъ удовольствіемъ. [Всѣ кромѣ Софьи и Натальи уходятъ].

КНЯЖНА.—Кузина! кажется, ты совсѣмъ не радуешься своей побѣдѣ? Ты какъ будто не догадываешься... ну, къ чему хитрить? Всякій замѣтилъ, что Арбенинъ въ тебя влюбленъ, и ты прежде всѣхъ это замѣтила. Зачѣмъ такъ мало довѣренности ко мнѣ? Ты знаешь, что я съ тобой дружна и всегда все про себя сказываю... или я еще не заслужила...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА. — Душенька, не сердись! [цѣлуетъ ее]. Впрочемъ, это неправда... неправда...

КНЯЖНА.—О, я знаю, что онъ тебѣ нравится, но берегись! Ты Арбенина не знаешь хорошо, потому что его никто хорошо знать не можетъ. Этотъ умъ, который такъ колокъ и вмѣстѣ такъ гибокъ; эта душа легкая, пламенная, которая не хочетъ для себя преграды... и со всѣмъ тѣмъ перемѣнчивость склонностей—вотъ что опасно въ твоемъ любезномъ! Онъ самъ не знаетъ, чего хочетъ, и по этой же причинѣ полюбивъ, разлюбитъ тебя тотчасъ, если представится ему новая цѣль.

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Съ какимъ жаромъ вы говорите, кузина.

КНЯЖНА.—Потому что я тебя люблю и предостерегаю...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Да почему тебѣ такъ знать его?

КНЯЖНА.—О, я наслышалась довольно...

НАТАЛЬЯ ѲЕДОРОВНА.—Да отъ кого?

КНЯЖНА.—Отъ самого Арбенина. [Наталья Федоровна поворачивается и уходитъ].

СОФЬЯ ОДНА. [Молчаніе]. Она ревнива! она любитъ его! А онъ? онъ... какъ часто, когда я ему говорила что нибудь, онъ безъ вниманія сидѣлъ съ неподвижными глазами, какъ будто бы одна единственная мысль владѣла его существованіемъ. Когда Наташа подходила, я слѣдовала за его взорами: внезапный блескъ появлялся на нихъ... О, я несчастная!... Но какъ не любить? Онъ такъ уменъ, такъ полонъ благородства! онъ часто разговариваетъ со мною, но все почти говоритъ объ ней. Я знаю, что ему пріятно быть со мною, но знаю также, что это не для меня; и то, что должно бы служить мнѣ неисчерпаемымъ источникомъ блаженства, превращаетъ одна мысль въ жестокую муку... Онъ не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его, какъ рѣдкость, невольно нравятся. О, я безразсудная! ломаю себѣ голову надъ его характеромъ, не умѣя растолковать собственную страсть! не могу позабыть его голоса, не могу... [Молчаніе]. Нѣтъ! они не будутъ счастливы: клянусь этимъ небомъ, клянусь душою моей, все, что имѣетъ ядовитаго женская хитрость, все будетъ употреблено, чтобъ разрушить ихъ благополучіе! Пусть тогда я погибну, но въ утѣшеніе себѣ я скажу: онъ не веселится, когда я плачу; его жизнь не спокойнѣе моей! Я рѣшилась! Какъ легко мнѣ стало. Я рѣшилась...

[Входитъ АРБЕНИНЪ, разсѣянно изъ гостинной. Въ глубинѣ театра нѣсколько гостей въ это время прохаживались; одни уѣзжали, другіе пріѣзжали и хозяйка провожала ихъ].

КНЯЖНА [увидавъ АРБЕНИНА]. — Какъ смѣла я рѣшиться!

ВЛАДИМІРЪ.—А! княжна! какъ я радъ, что вы здѣсь!

КНЯЖНА.—Давно ли вы пріѣхали?

ВЛАДИМІРЪ.—Сейчасъ. Вхожу въ гостиную: тамъ играютъ въ мушку по пяти копѣекъ; я посмотрѣлъ, почти никому слова не сказалъ: мнѣ стало душно. Не понимаю этой глупой карточной работы: нѣтъ удовольствія, даже разсѣянія; нѣтъ даже надежды, обольстительной для многихъ, выиграть, опустошить карманы противника. Несносное полотерство, стремленіе къ ничтожеству, самовыказываніе завладѣло половиной русской молодежи; безъ цѣли таскаются всюду, наводятъ скуку другимъ и себѣ...

КНЯЖНА.—Зачѣмъ же вы сюда явились?

ВЛАДИМІРЪ [пожавъ плечами]. — Зачѣмъ!

КНЯЖНА [язвительно]. — Я догадываюсь...

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ, заблужденіе, заблужденіе!.. Но скажите, можетъ ли быть тотъ счастливъ, который своимъ присутствіемъ въ тягость? Я не сотворенъ для свѣта и для людей; у нихъ каждый долженъ жертвовать своими чувствами и умомъ для толпы; но я этого не могу. Я вездѣ одинаковъ, а потому нигдѣ не гожусь: не правда ли, вотъ очень ясное доказательство?

КНЯЖНА.—Вы на себя нападаете.

ВЛАДИМІРЪ.—Да, я самъ себѣ врагомъ, потому что продаю свою душу за одинъ взглядъ ласковый, за одно неслишкомъ холодное слово... Мое безумство доходитъ до крайней степени и со мною случится горе не отъ ума, а горе отъ глупости.

КНЯЖНА.—Къ чему эти притворныя, мрачныя предчувствія?... Я васъ не понимаю. Все проходитъ; и ваши печали, или [я не знаю какъ назвать], или ваши химеры исчезнутъ... Пойдемте играть въ мушку. Видѣли вы мою кузину Наташу?

ВЛАДИМІРЪ.—Когда я взошелъ, какой то адъютантъ, потряхивая эполетами, разсказывалъ ей, какъ прошедшій разъ въ собраніи одинъ кавалеръ уронилъ замаскированную даму и какъ мужъ ея, вступившись за нее, съ дуру обнаружилъ кто она такова. Ваша кузина смѣялась отъ души, это и меня порадовало. Посмотрите, какъ нынче я буду веселъ. [Уходитъ медленно].

КНЯЖНА [глядитъ ему вслѣдъ]. — Желаю вамъ много успѣховъ. Нынче же начну я приводить въ исполненіе мой планъ; и скоро увижу я конецъ всему... Боже, Боже! для чего я такъ слабодушна, такъ нетверда! [Уходитъ].

[Конецъ 1-го дѣйствія].

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

[ВЪ МОСКВѢ ЖЕ].

[Комната въ домѣ у Маріи Дмитріевны, убранная бѣдно. У окошка сидитъ Аннушка, служанка, старуха, и вяжетъ что-то. Слышенъ шумъ вѣтра и дождя].

ЯВЛЕНІЕ I.

АННУШКА.—Вѣтеръ и дождь стучатъ въ наши окна, какъ запоздалые дорожные. Кто имъ скажетъ: вѣтеръ и дождь, подите прочь, мѣшайте спать и покоиться богатымъ, которыхъ здѣсь такъ много; а мы и безъ васъ едва знаемъ сонъ и спокойствіе. Пріѣхала моя барыня мириться съ муженькомъ, охъ

охъ, охъ! не мирно что-то началось, да не такъ и кончится! Оставляетъ же онъ ее почти съ голоду умирать; стало быть, не любитъ совсѣмъ и никогда не любилъ; а если такъ, то и отъ мировой толку не будетъ. Лучше безъ мужа, чѣмъ съ дурнымъ мужемъ. Вѣдь охота же Марьѣ Дмитріевнѣ все любить такого антихриста: вотъ ужъ охота пуще неволи! За то молодой баринъ вышелъ у насъ хорошъ: такой ласковый! Шесть лѣтъ я его не видала: какъ выросъ, похорошѣлъ съ тѣхъ поръ! Еще помню, когда я его на рукахъ таскала. То-то былъ любопытный: что ни увидитъ, все—зачѣмъ? да что?—а ужъ вспыльчивъ былъ, какъ словно порохъ! Бывало, помню [ему еще было два года], бывало, барыня посадитъ его на колѣни и начнетъ играть на фортепьянахъ что нибудь жалкое; глядь—а у дитяти слезы по щечкамъ такъ и катятся! Ужъ вѣрно ему Павелъ Григорьевичъ много наговаривалъ противъ матери; да, видишь, не пошло въ прокъ худое слово. Дай Богъ здоровья Владиміру Павловичу, дай Богъ! онъ и меня на старость лѣтъ не позабываетъ: хоть ласковой рѣчью да подаритъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА [входитъ съ книгой, тихо]. — Я чувствую, что больна. Я хотѣла читать, но какъ читать одними глазами, не слѣдуя мыслью за буквами — тяжкое состояніе! непонятная воля судьбы! ужасное бореніе самолюбія женщины съ необходимостью! Не имѣя ни родныхъ, ни собственнаго имѣнія, я должна унижаться, чтобы получить прощеніе виновнаго мужа, и чтобы вскорѣ, можетъ быть, раскаяваться въ этомъ. Прощеніе? Мнѣ просить прощенія — мнѣ? Богъ! ты знаешь дѣла человѣческія, ты читалъ въ моей и въ его душѣ, и ты видѣлъ, въ которой хранился источникъ всего зла!... Аннушка! ходила ли ты въ домъ къ Павлу Григорьевичу, чтобъ узнавать, какъ я велѣла? Тебя тамъ любятъ всѣ старые слуги. Ну, что ты узнала объ моемъ мужѣ, объ моемъ сынѣ?

АННУШКА.—Ходила, матушка, и разспрашивала.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Что жъ? Что говорилъ обо мнѣ Павелъ Григорьевичъ? Не слыхала ли ты отъ людей?

АННУШКА. — Ничего онъ, сударыня, объ васъ не говорилъ. Если бы не было у васъ сына, то никто не зналъ бы, что Павелъ Григорьевичъ былъ женатъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Ни слова обо мнѣ! Онъ стыдится произносить мое имя; онъ презираетъ меня!... Презрѣніе! какъ оно похоже на участіе, какъ эти два чувства близки другъ къ другу!—какъ смерть и жизнь!

АННУШКА.—Однако же, говорятъ, что Владиміръ Павловичъ васъ очень любитъ, хотя и воспитанъ не на вашихъ глазахъ. Напрасно, видно, батюшка его наговаривалъ ему на васъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Да! мой сынъ меня любитъ: я это видѣла вчера; я чувствовала жаръ его руки, я чувствовала, что онъ все мой, вопреки коварнымъ стараніямъ отца его. Такъ! душа его не перемѣняется; онъ все тотъ же, каковъ былъ сидящій на моихъ колѣняхъ въ тѣ вечера, когда я была счастлива, когда слабость, единственная слабость не могла еще возстановить противъ меня небо и людей!... [Закрываетъ лицо руками].

АННУШКА.—Эхъ, матушка! что плакать о прошедшемъ, когда о теперешнемъ не наплачешься! Павелъ Григорьевичъ бранилъ, да какъ еще бранилъ

молодаго барина, кабы вы знали, за то, что онъ съ вами повидался; да, кажется, и запретилъ ему къ намъ пріѣзжать. Мнѣ сказывалъ буфетчикъ; онъ все подслушалъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — О, это невозможно! это слишкомъ жестоко! Сыну не видаться съ матерью, когда она, больная, слабая, бѣдная, живетъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него! О, нѣтъ! невозможно! это противъ природы!... Аннушка, въ самомъ дѣлѣ онъ это сказалъ?

АННУШКА.—Въ самомъ дѣлѣ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — И онъ запретилъ своему сыну видѣть мать — точно?

АННУШКА.—Запретилъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА [помолчавъ]. — Аннушка! онъ думаетъ, что Владиміръ не его сынъ, или самъ никогда не зналъ матери... [Она садится у стола и облокачивается]. И я пріѣхала искать примиренія! съ такимъ человѣкомъ!... Нѣтъ, союзъ съ нимъ значитъ разрывъ съ небесами, хотя мой мужъ и орудіе небеснаго гнѣва... но, Творецъ! взялъ ли бы ты добродѣтельное существо для орудія казни? Честные ли люди бываютъ на землѣ палачами?

АННУШКА.—Какъ вы блѣдны, сударыня! Не хотите ли отдохнуть? [Смотритъ на стѣнные часы]. Скоро пріѣдетъ докторъ; онъ обѣщался быть въ двѣнадцать часовъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—И пріѣдетъ въ послѣдній разъ. Какъ смѣшна я кажусь себѣ самой! думать, что лекарь вылечитъ глубокую рану сердца! [Молчаніе]. О, для чего я не пользовалась тысячью случаями къ примиренію, когда еще было время; а теперь, когда прошелъ сонъ, я ищу сновидѣній... поздно! поздно! Чувствовать и понимать, что это напрасно—вотъ что меня убиваетъ! О, раскаяніе! зачѣмъ за маловажный проступокъ ты грызешь мою душу! Какое униженіе! я принуждена подъ другимъ именемъ пріѣзжать въ Москву, чтобъ не заставить сына моего краснѣть передъ міромъ... передъ міромъ? Это правда... собраніе глупцовъ и злодѣевъ—есть міръ, нынѣшній міръ. Ничего не прощаютъ, какъ будто сами святые!

АННУШКА.—Докторъ пріѣхалъ. [Тихо]. Я ужъ вынула три рубля.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Милости просимъ. [Докторъ входитъ]. Здравствуйте, Христоforъ Антонычъ!

ДОКТОРЪ [подходитъ къ рукѣ]. — Что? Какъ вы?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.— Благодарю васъ! мнѣ гораздо лучше.

ДОКТОРЪ [щупая пульсъ]. — Совсѣмъ напротивъ! совсѣмъ напротивъ! вы слабѣе! у васъ желчь, дѣйствуя на кровь, производитъ волненіе, у васъ нервы ужасно разстроены. Вотъ, я вѣдь говорилъ: вамъ надобно лечиться долго, постепенно, по методѣ, а вы все хотите вдругъ...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Но если не достаетъ способовъ?

ДОКТОРЪ.—Эхъ, сударыня! здоровье дороже всего. [Пишетъ рецептъ].

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Откуда вы теперь, Христоforъ Антонычъ?

ДОКТОРЪ.—Отъ господина Арбенина.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА и АННУШКА [вмѣстѣ].—Отъ Арбенина. [Въ замѣшательствѣ].

ДОКТОРЪ.—Развѣ вы его знаете?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Нѣтъ! А кто такой Арбенинъ?

докторъ.—Этотъ господинъ Арбенинъ въ разводѣ съ своею женою... то есть не въ разводѣ, а такъ... она покинула мужа, потому что была невѣрна...

марья дмитріевна. — Невѣрна! она его покинула!

докторъ.—Да, да! невѣрна. У нея, говорятъ, была интрига съ какимъ-то французомъ. У этого Арбенина есть сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, или ужъ двадцати, шалунъ, повѣса, который заслужилъ въ свѣтѣ очень дурную славу; говорятъ даже, что онъ пьетъ... да, да... Что вы на меня такъ пристально глядите? Всѣ, всѣ жалѣютъ, что у такого почтеннаго, извѣстнаго въ Москвѣ человѣка, каковъ г-нъ Арбенинъ, сынъ такой негодяй! Если его принимаютъ въ хорошихъ домахъ, то это только для отца... и еще вообразите, онъ все смѣется надо мной и надъ моей ученостью... онъ! надъ моею ученостью смѣется!...

марья дмитріевна [въ сторону]. — Личность, я отдыхаю!

докторъ.—Ахъ! у васъ лицо въ красныхъ пятнахъ! Я говорилъ, что вы еще не совсѣмъ здоровы.

марья дмитріевна.—Это пройдетъ, господинъ докторъ! Благодарю васъ за новость и позвольте съ вами проститься. Вы почти знаете въ какомъ я положеніи: я скоро ѣду изъ Москвы.

докторъ.—Какъ, не возвративши здоровья?

марья дмитріевна.— Доктора, я вижу, не могутъ мнѣ его возвратить: болѣзнь моя не по ихъ части...

докторъ.—Какъ! вы не вѣрите благому вліянію медицины?

марья дмитріевна. — Извините, я очень вѣрю, однако не могу ею пользоваться...

докторъ.—Есть ли что нибудь невозможное для человѣка съ твердою волею?

марья дмитріевна.—Мнѣ должно, моя воля—возвратиться въ деревню, гдѣ у меня тридцать душъ мужиковъ живутъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ графы и князья; тамъ, въ уединеніи, на свѣжемъ воздухѣ, мое здоровье поправится; тамъ хочу я умереть. Ваши посѣщенія мнѣ болѣе не нужны. Благодарю за все. Позвольте вручить вамъ послѣдній знакъ моей признательности.

докторъ [беретъ деньги].—Однако вы еще очень нездоровы, вамъ бы надобно...

марья дмитріевна [значительно взглянувъ]. — Прощайте! [Докторъ уходитъ раскланявшись съ недовольной миной]. Этотъ человѣкъ, готовъ высосать послѣднюю копѣйку!

аннушка.—Вы совсѣмъ разстроены! Ваше лицо перемѣнилось! Ахъ, сударыня, присядьте! ваши руки дрожатъ!

марья дмитріевна.—Мой сынъ имѣетъ одну участь со мной!

аннушка [поддерживая ее]. —Видно, ужъ вамъ на-роду написано терпѣть...

марья дмитріевна.—И умереть.

аннушка.—Мы всѣ умремъ.

марья дмитріевна.—Я вижу, что близокъ мой конецъ. Такія предчувствія меня никогда не обманывали. Боже, Боже мой! допусти только чтобъ я примирилась съ моимъ мужемъ прежде смерти. Аннушка, доведи меня въ мою комнату. [Уходятъ обѣ].

[Комната студента Рябинова. Нѣсколько молодыхъ людей:

снѣгинъ, челяевъ, рябиновъ, вишневскій, заруцкій, и проч.

курятъ трубки; бутылка шампанскаго на столѣ].

снѣгинъ.—Что съ нимъ сдѣлалось? Отчего онъ вскочилъ и ушелъ, не говоря ни слова?

челяевъ.—Чѣмъ нибудь обидѣлся.

заруцкій.—Не думаю. Вѣдь онъ всегда таковъ: то говоритъ, вретъ, хохочетъ... то вдругъ замолчитъ и сдѣлается подобенъ истукану; и вдругъ вскочитъ, убѣжитъ, какъ будто потолокъ надъ нимъ проваливается...

снѣгинъ.—За здоровье Арбенина, sacre Dieu! онъ славный товарищъ!

рябиновъ.—Тостъ!

вишневскій.—Челяевъ, ты былъ вчера въ театрѣ?

челяевъ.—Да.

вишневскій.—Что играли?

челяевъ.—„Разбойниковъ“ Шиллера. Мочаловъ лѣнился ужасно! Жалко, что онъ не всегда въ духѣ; случиться могло-бъ, что я бы его видѣлъ вчера въ первый и послѣдній разъ; такимъ образомъ онъ теряетъ репутацію.

вишневскій.—И ты, вѣрно, крѣпко боялся въ театрѣ?

челяевъ.—Боялся? Чего?

вишневскій.—Какъ же? Ты былъ одинъ съ разбойниками!

всѣ.—Браво! браво! фора!—тостъ!—

снѣгинъ [беретъ въ сторону Заруцкаго]. — Правда ли, что Арбенинъ сочиняетъ?

заруцкій.—Да! и довольно хорошо...

снѣгинъ.—То-то! не можешь ли мнѣ достать что нибудь?

заруцкій.—Изволь... да кстати, у меня есть въ карманѣ нѣсколько мелкихъ пьесъ.

снѣгинъ.— Ради Бога, покажи! пускай они пьютъ и дурачатся, а мы сядемъ здѣсь и ты мнѣ прочтешь...

заруцкій [вынимаетъ изъ кармана листки]. — Вотъ первое. Ты знаешь, онъ влюбленъ безъ ума въ Загорскину.— Слушай:

Не удалось мнѣ сжать руки твоей
Въ тотъ часъ, который долженъ быть
Послѣднимъ часомъ двухъ счастливыхъ дней
И мнѣ лишь сердце отравить.
Ты не хотѣла слушать клятвъ любви
И я обманутый не сталъ
Тебя просить.—Къ чему слова мои?
Ты не повѣрила бъ... я зналъ;
Я зналъ, ты не должна меня понять
И вдругъ очнулся я душой
И устрашился мысленно сковать
Твою судьбу съ моей судьбой,
И еслибъ нынѣ взоръ твоихъ очей
Блаженство обѣщалъ мнѣ вновь...
Я прекратилъ бы жизнь свою скорѣй
Чтобъ не принять твою любовь.

снѣгинъ.—Ошибается Арбенинъ! Онъ это писалъ въ минуту, когда недоволенъ былъ собою... Другую.

заруцкій.—Здѣсь болѣе страсти.

Къ чему волшебною улыбкой
Будить забвенныя мечты?
Я буду веселъ, но—ошибкой;
Причину слишкомъ знаешь ты.
Мы не годимся другъ для друга:
Ты любишь хладный, шумный свѣтъ;
Я сердцемъ сынъ пустынь и юга!
Ты счастлива, а я, я—нѣтъ!
Какъ небо утра молодое,

Прекрасенъ взоръ небесный твой;
Въ немъ дышетъ чувство всѣмъ родное,
А я на свѣтѣ всѣмъ чужой!
Моя душа боится снова
Святую вспомнить старину,
Ея надежды—бредъ больнова,
Имъ вѣрить—значитъ вѣрить сну.
Мнѣ одинокій путь назначенъ,
Онъ проклятъ строгою судьбой;
Какъ счастье безъ тебя—онъ мраченъ.
Прости!... прости же, ангелъ мой!..

Онъ чувствовалъ все, что здѣсь сказано: я его люблю за это.

другіе [шумятъ].—За здоровье дураковъ и ...й.

снѣгинъ.—Оставь! не слушай ихъ; читай еще.

заруцкій. — Погоди [вынимаетъ еще бумагу]. Вотъ этотъ отрывокъ тѣмъ замѣчателенъ, что онъ есть картина, снятая съ природы. Арбенинъ описываетъ себя... онъ самъ признался въ томъ.

Я видѣлъ юношу: онъ былъ верхомъ
На сѣрой, борзой лошади—и мчался
Вдоль берега крутаго Клязьмы. Вечеръ
Погасъ ужъ на багряномъ небосклонѣ,
И мѣсяцъ въ облакахъ блисталъ и въ волнахъ;
Но юный всадникъ не боялся, видно,
Ни ночи, ни росы холодной... Жарко
Пылали смуглыя его ланиты,
И черный взоръ искалъ чего-то все
Въ туманномъ отдаленьи. Темно, смутно
Являлося ему минувшее—
Призракъ остерегающій, который
Пугаетъ сердце страшнымъ предсказаньемъ;
Но вѣрилъ онъ одной своей любви.

Онъ мчится. Звучный топотъ по полянамъ
Разноситъ вѣтеръ. Вотъ идетъ прохожій;
Онъ путника остановилъ, и этотъ
Ему дорогу молча указалъ
И скрылся, удаляяся, въ дубравѣ.
И всадникъ примѣчаетъ огонекъ,
Трепещущій на берегу противномъ,
И различилъ окно, и домъ... но мостъ
Изломанъ... и несется быстро Клязьма.

Какъ воротиться, не прижавъ къ устамъ
Плѣнительную руку, не слыхавъ
Волшебный голосъ тотъ, хотя бъ укоръ
Произнесли ея уста. О, нѣтъ!...
Онъ вздрогнулъ, натянулъ бразды, толкнулъ
Коня—и шумныя плеснули воды,
И съ пѣной раздвинулись онѣ.
Плыветъ могучій конь—и ближе, ближе...
И вотъ ужъ онъ на берегу другомъ
И на гору летитъ... И на крыльцо
Соскакиваетъ юноша, и входитъ
Въ старинные покои... нѣтъ ея!
Онъ проникаетъ въ длинный корридоръ,
Трепещетъ... нѣтъ нигдѣ!... ея сестра
Идетъ къ нему на встрѣчу. О, когда бъ
Я могъ изобразить его страданье!...
Какъ мраморъ, блѣдный и безгласный онъ
Стоялъ. Вѣка ужасныхъ мукъ равны
Такой минутѣ. Долго онъ стоялъ!...
Вдругъ стонъ тяжелый вырвался изъ груди,
Какъ будто сердца лучшая струна
Оборвалась... Онъ вышелъ мрачно, твердо,
Прыгнулъ въ сѣдло и поскакалъ стремглавъ,
Какъ будто бы гналося вслѣдъ за нимъ

Раскаянье... и долго онъ скакалъ,
До самаго разсвѣта, безъ дороги,
Безъ всякихъ опасеній—наконецъ
Онъ былъ терпѣть не въ силахъ... и заплакалъ!
Есть вредная роса, которой капли
На листьяхъ оставляютъ пятна—такъ
Отчаянья свинцовая слеза,
Изъ сердца вырвавшись насильно, можетъ
Скатиться... но очей не освѣжитъ...

Къ чему мнѣ приписать видѣнье это?
Ужели сонъ такъ близокъ можетъ быть
Къ существенности хладной? Нѣтъ!
Не можетъ сонъ оставить слѣдъ въ душѣ,
И какъ ни силится воображенье,
Его орудья пытки—ничего
Противъ того, что есть и что имѣетъ
Вліяніе на сердце и судьбу!...

Мой сонъ перемѣнился невзначай.
Я видѣлъ комнату: въ окно свѣтилъ
Весенній, теплый день; и у окна
Сидѣла дѣва, нѣжная лицомъ,
Съ очами полными душой и жизнью,
И рядомъ съ ней сидѣлъ, въ молчаньи, мнѣ
Знакомый юноша, и оба, оба
Старалися довольными казаться,
Однако же на ихъ устахъ улыбка,
Едва родившись, томно умирала.
И юноша спокойнѣй, мнилось, былъ
Затѣмъ, что лучше онъ умѣлъ таить
И побѣждать страданья. Взоры дѣвы
Блуждали по листамъ открытой книги,
Но буквы всѣ сливалися подъ ними...
И сердце сильно билось—безъ причины...
И юноша смотрѣлъ не на нее—
Хотя объ ней лишь мыслилъ онъ въ разлукѣ,
Хотя лишь ею дорожилъ онъ больше
Своей непобѣдимой, гордой чести;
На голубое небо онъ смотрѣлъ,
Слѣдилъ сребристыхъ облаковъ отрывки,
И сжатою душой не смѣлъ вздохнуть,
Не смѣлъ пошевелиться, чтобы этимъ
Не прекратить молчанья: такъ боялся
Онъ услыхать отвѣтъ холодный или
Не получить отвѣта на моленья!...

Безумный! ты не зналъ, что былъ любимъ,
И ты о томъ провѣдалъ лишь тогда,
Какъ потерялъ ея любовь навѣки,
И удалось привлечь другому лестью
Всѣ, всѣ желанья дѣвы легковѣрной!...

снѣгинъ.—Странный человѣкъ Арбенинъ!

вишневскій [въ другой сторонѣ]. — Когда-то русскіе будутъ русскими?...

челяевъ.—Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ образовываться снова-здорово.

вишневскій.—Прекрасное средство. Если бъ тебѣ твой докторъ всегда такіе рецепты прописывалъ, то я бьюсь объ закладъ, что ты не сидѣлъ бы за столомъ, а лежалъ бы на столѣ!

ЯВЛЕНІЕ II.

Комната Бѣлинскаго.

бѣлинскій.—Судьба хочетъ непремѣнно, чтобъ я женился! Что жъ? Женитьба лекарство очень полезное отъ многихъ болѣзней и отъ карманной чахотки особенно. Теперь я занялъ деньги и почти купилъ деревню; но гдѣ взять еще денегъ? что заплатить заимодавцу?... Женись! женись! кричитъ разсудокъ. Такъ и быть! Но на комъ... Вчера я познакомился съ Загорскими. Наташа мила,

очень мила; у ней кое-что есть... Но Владиміръ влюбленъ въ нее? Что жъ? Чья взяла, тотъ и правъ. Я въ такихъ нахожусь опасныхъ обстоятельствахъ, что онъ долженъ будетъ мнѣ простить. Впрочемъ, я не вѣрю, чтобъ онъ ужъ такъ сильно ее любилъ. Онъ странный, непонятный человѣкъ! одинъ день то, другой—другое! самъ себѣ противорѣчитъ; а какъ заговоритъ и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ нибудь—кончено, рѣдкій устоитъ! Иногда, напротивъ, слова не выбьешь; сидитъ и молчитъ, не слышитъ, и не видитъ, глаза остановятся, какъ будто въ этотъ мигъ все существованіе его остановилось на одной мысли... [Молчаніе]. Однако я ему ничего не скажу про свое намѣреніе, прежде чѣмъ все не кончится. Буду пока ѣздить въ домъ, а тамъ увидимъ...

владиміръ [входитъ]. — Бѣлинскій! что такъ задумчивъ?

бѣлинскій. — А! здравствуй, Арбенинъ! Это — планы, планы...

владиміръ.—И тебя судьба не отучила дѣлать планы?

бѣлинскій.—Нѣтъ! Когда я твердо намѣренъ что нибудь сдѣлать, то это рѣдкость, если мнѣ не удастся. Повѣрь, человѣкъ, который непремѣнно хочетъ чего нибудь, принуждаетъ судьбу сдаться! судьба—женщина!

владиміръ.—А я столько разъ былъ обманутъ желаньями и столько разъ раскаявался, достигнувъ цѣли, что теперь не желаю ничего; живу, какъ живется: никого не трогаю, и отъ этого всѣ стараются какъ нибудь возбудить меня, какъ нибудь вымучить изъ меня обидное себѣ слово... и знаешь ли, это иногда меня веселитъ: я вижу людей, которые изъ жилъ тянутся, чтобъ чѣмъ нибудь сдѣлать еще несноснѣе мое существованіе... Ха! ха! ха! Неужели я такое важное лицо въ мірѣ, или милость ихъ простирается даже до самыхъ ничтожныхъ?

бѣлинскій.—Другъ мой! ты строишь химеры въ своемъ воображеніи и даешь имъ черный цвѣтъ для большаго романтизма.

владиміръ.—Нѣтъ, нѣтъ! говорю я тебѣ, я не созданъ для людей. Я имъ кажусь слишкомъ гордъ, они мнѣ—слишкомъ подлы!

бѣлинскій.—Какъ, ты не созданъ для людей? Напротивъ, ты довольно любезенъ въ обществѣ; дамы ищутъ твоего разговора; ты любимъ молодежью, и хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говоришь въ глаза, тебѣ все-таки прощаютъ, потому что ты ихъ умно говоришь и это какъ-то къ тебѣ идетъ.

владиміръ. —Я вижу, ты хочешь меня утѣшить [съ горькой улыбкой].

бѣлинскій.—Когда ты былъ у Загорскихъ? Могутъ ли тамъ тебя утѣшить?

владиміръ.—Вчера я ихъ видѣлъ.—Странно: она меня не любитъ и—любитъ. Она со мной иногда такъ добра, такъ много говорятъ глаза ея, такъ много этотъ румянецъ стыдливости выражаетъ любви; а иногда, особливо на балѣ гдѣ нибудь, она совсѣмъ другая и я больше не вѣрю ни ея любви, ни моему счастью.

бѣлинскій.—Она кокетка...

владиміръ.—Не вѣрю! Тутъ есть что нибудь, есть тайна...

бѣлинскій.—Поди ты къ чорту съ тайнами! Просто: когда ей весело, тогда твоя Наташа объ тебѣ и не думаетъ; а когда скучно, то она тобой забавляется—вотъ и все.

владиміръ.—Ты это сказалъ такимъ

нѣжнымъ голосомъ, какъ будто этимъ сдѣлалъ мнѣ великое благодѣяніе.

БѢЛИНСКІЙ [качая головой]. — Ты не въ духѣ сегодня.

ВЛАДИМІРЪ [вынимаетъ изорванное письмо].—Видишь?

БѢЛИНСКІЙ.—Что такое?

ВЛАДИМІРЪ.—Это письмо я написалъ къ ней. Прочитай его. Вчера я пріѣзжаю къ ея кузинѣ, княжнѣ Софьѣ, и улучивъ минуту, когда на насъ не обращали вниманія, я умолялъ ее передать письмо Загорскиной. Она согласилась, но съ тѣмъ, что-бы прежде прочитать письмо. Я ей отдалъ. Она ушла въ свою комнату. Я провелъ ужасный часъ. Вдругъ княжна является, говоря, что мое письмо развеселитъ очень ея кузину и заставитъ ее смѣяться. Смѣяться!... Другъ мой! я разорвалъ письмо, схватилъ шляпу и уѣхалъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Я подозрѣваю хитрость княжны. Загорскина не стала бы смѣяться такому письму, потому что я очень отгадываю его содержаніе. Зависть, можетъ быть и болѣе, или просто шутка...

ВЛАДИМІРЪ.—Хитрость, хитрость! Я *ее* видѣлъ, провелъ съ ней почти наединѣ цѣлый вечеръ; я видѣлъ ее въ театрѣ: слезы блистали въ глазахъ ея, когда играли „Коварство и любовь“... Неужели она равнодушно будетъ слушать повѣсть моихъ страданій? [Схватывая за руку Бѣлинскаго]. Что, если бы я могъ прижать Наталью къ этой груди и сказать ей: „ты моя, моя навѣки!...“ Боже, Боже! я не переживу этого! [Смотритъ въ глаза Бѣлинскому]. Не говори ни слова, не разрушай моихъ дѣтскихъ надеждъ... только теперь не разрушай... а послѣ...

БѢЛИНСКІЙ. — Послѣ! [Вскакиваетъ; въ сторону]. Какъ? Ужели онъ отгадываетъ судьбу свою?

ВЛАДИМІРЪ.—О, какъ сердце умѣетъ обманывать! [Закрывъ лицо руками, ходитъ взадъ и впередъ].

БѢЛИНСКІЙ [въ сторону]. — И я, я долженъ буду разрушить этотъ обманъ? Ба! да *я*, кажется, начинаю подражать ему?... Нѣтъ, это вздоръ! онъ не такъ сильно любитъ, какъ думаетъ; жизнь не романъ. [Слуга входитъ].

СЛУГА.—Дмитрій Васильевичъ! какой-то мужикъ проситъ позволенія васъ видѣть. Онъ говоритъ, что слышалъ, будто вы покупаете ихъ деревню, такъ онъ пришелъ...

БѢЛИНСКІЙ.—Вели ему войти. [Слуга уходитъ].

[Входитъ мужикъ и бросается въ ноги Бѣлинскому]. Встань! встань! Что тебѣ надобно, другъ мой?

МУЖИКЪ [на колѣняхъ]. — Мы слышали, что ты, кормилецъ, хочешь купить насъ, такъ я пришелъ... [кланяется]... Мы слышали, что ты баринъ добрый...

БѢЛИНСКІЙ.—Да встань, братецъ, а потомъ говори!

МУЖИКЪ [вставъ]. Не прогнѣвайся, отецъ родной, коли я...

БѢЛИНСКІЙ.—Да говори же...

МУЖИКЪ [кланяясь]. — Я присланъ отъ всего села къ тебѣ, кормилецъ, кланяться тебѣ, чтобъ ты сталъ нашимъ защитникомъ... всѣ бы стали Богу молить о тебѣ! Будь нашимъ спасителемъ!

БѢЛИНСКІЙ.—Что же? Вамъ не хочется, что ли, съ своей госпожой разставаться?

МУЖИКЪ [кланяясь въ ноги]. — Нѣтъ! купи, купи насъ, родимый!

бѣлинскій [въ сторону]. — Странное приключеніе! [Мужику]. А! такъ вы вѣрно недовольны своей помѣщицей?

мужикъ.—Охъ, тяжко!... за грѣхи наши!... [Владиміръ начинаетъ вслушиваться].

бѣлинскій.—Ну, говори смѣлѣй! Жестоко, что ли, госпожа поступаетъ съ вами?

мужикъ.—Да такъ, баринъ, что вѣдь, ей-Богу, терпѣнья ужъ нѣтъ... Долго мы переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду!...

владиміръ [мрачно].—Что же она дѣлаетъ?

мужикъ.—Да что вздумается ея милости...

бѣлинскій. — Напримѣръ... сѣчетъ часто?

мужикъ. — Сѣчетъ, батюшка, да какъ еще! при себѣ... больно сѣчетъ, кормилецъ! за всякую малость, а чаще безъ вины... У нея управитель, вишь, въ милости; онъ творитъ, что ему любо. Не сними-ка передъ нимъ шапки, такъ и нивѣсть что сдѣлаетъ! за версту увидишь, такъ тотчасъ шапку долой, да такъ и работай на жару, пока не прикажетъ надѣть, а коли сердитъ или позабудетъ, такъ иногда цѣлый день промаетъ...

бѣлинскій.—Какія злоупотребленія!

мужикъ. — Разъ какъ то барынѣ донесли, что дескать Ѳедька дурно про тебя говорилъ и хочетъ въ городѣ жаловаться... а Ѳедька мужикъ былъ славной... вотъ она и приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердитъ... какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать. „Господинъ управитель! сказалъ Ѳедька, что я тебѣ сдѣлалъ? Вѣдь ты меня губишь!“—„Вздоръ!“ сказалъ управитель... да вывертывали, да ломали... Ѳедька и сталъ безрукой; на печкѣ такъ и лежитъ, да клянетъ свое рожденье...

бѣлинскій.—Да что же, въ самомъ дѣлѣ, кто нибудь не жалуется въ городѣ? На это, вѣдь, есть у насъ судъ. Вашей госпожѣ достанется, а управителя въ Сибирь...

мужикъ.—Гдѣ намъ, бѣднымъ людямъ! У нихъ, кормилецъ, всѣ и судьи-то подкуплены нашимъ же оброкомъ... Плохо стало намъ! Посмотришь въ другое село—сердце кровью обливается!... живутъ спокойно да весело, а у насъ такъ и пѣсенъ не слышно стало на посидѣлкахъ... Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась—такъ, вишь, ножницами стала кожу имъ рѣзать... охъ, больно... а какъ бороду велитъ щипать волосокъ по волоску, батюшка... ну такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка... [Упадаетъ въ ноги Бѣлинскому]. О, кабы ты помогъ намъ! Купи насъ, купи, отецъ родной! [Рыдаетъ].

владиміръ [въ бѣшенствѣ]. — Люди! люди!... И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина, твореніе иногда столь близкое къ ангелу! О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье, ваше богатство!... все, все куплено кровавыми слезами... ломать руки, рѣзать кожу, сѣчь, щипать бороду волосокъ по волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ, я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ... Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этой злодѣйской женщины. Это меня приводитъ въ бѣшенство.

бѣлинскій.—Въ самомъ дѣлѣ ужасно! морозъ по кожѣ подираетъ!

мужикъ.—Купи насъ, родимый.

ВЛАДИМІРЪ.—Дмитрій, есть ли у тебя деньги? Вотъ все, что я имѣю: вексель на пять тысячъ... ты мнѣ отдашь когда нибудь. [Кладетъ на столъ бумажникъ].

БѢЛИНСКІЙ. — Если такъ [считаетъ], то я куплю эту деревню. Поди, добрый мужичекъ, и скажи своимъ, что они въ безопасности. [Владиміру]. Какова госпожа?—а?

МУЖИКЪ [кланяясь въ радости]. — Дай Боже вамъ счастья обоимъ, отцы мои! Дай Богъ вамъ долгую жизнь, дай Богъ вамъ все, что душенькѣ ни пожелается! Прощай, батюшка! Благослови тебя царь небесный! [Уходитъ].

ВЛАДИМІРЪ.—О, мое отечество! мое отечество! [Ходитъ взадъ и впередъ быстро].

БѢЛИНСКІЙ.—Ахъ, какъ я радъ, что могу теперь эту деревню купить, какъ я радъ! Впервые мнѣ удается облегчать страждущее человѣчество! Такъ, это доброе дѣло!.. Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!

ВЛАДИМІРЪ.—О, есть люди болѣе достойные сожалѣнія, чѣмъ этотъ мужикъ, Несчастія проходятъ и радость замѣняетъ ихъ; но тотъ, кто носитъ всю причину своихъ страданій въ своемъ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій малѣйшія искры удовольствія, тотъ, кто желаетъ и надѣется, тотъ, кто въ тягость всѣмъ, даже любящимъ его, тотъ... Но для чего говорить о такихъ людяхъ? Имъ не могутъ сострадать, ихъ никто, никто не понимаетъ.

БѢЛИНСКІЙ.—Опять за свое! О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнивать свободнаго съ рабомъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Одинъ рабъ человѣка, другой рабъ судьбы. Первый можетъ ожидать хорошаго господина, или имѣетъ выборъ; второй никогда. Имъ играетъ слѣпой случай, и страсти его и безчувственность другихъ—все соединено къ его гибели.

БѢЛИНСКІЙ.—Развѣ ты не вѣришь въ провидѣніе? Развѣ отвергаешь существованіе Бога, который все знаетъ и всѣмъ управляетъ?

ВЛАДИМІРЪ [смотритъ на небо]. — Вѣрю ли я? вѣрю ли я?...

БѢЛИНСКІЙ. — Твоя голова, я вижу, набита ложными мыслями.

ВЛАДИМІРЪ [помолчавъ]. — Послушай: не правда ли, теперь прекрасное время? Пойдемъ на бульваръ.

БѢЛИНСКІЙ. — Чудакъ! [Молчаніе. — Входитъ слуга Марьи Дмитріевны]. Что тебѣ надобно? Кто ты?

ВЛАДИМІРЪ [испугавшись]. — Слуга моей матери!

СЛУГА. — Я присланъ къ вамъ, сударь, отъ Марьи Дмитріевны. Искалъ я васъ съ полчаса въ трехъ домахъ, гдѣ, какъ мнѣ у васъ сказали, вы часто бываете. Насилу нашелъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Что сдѣлалось?

СЛУГА.—Да барыня-съ...

ВЛАДИМІРЪ.—Что?

СЛУГА.—Сдѣлалась очень нездорова и проситъ васъ къ себѣ.

ВЛАДИМІРЪ.—Нездорова, говоришь ты, больна?

СЛУГА.—Очень нездорова-съ?

ВЛАДИМІРЪ [Бѣлинскому]. — Слышишь ли? понимаешь ли ту опасность, которая мнѣ грозитъ? Что, если въ этотъ самый мигъ... Я твердъ въ своихъ несчастіяхъ — не правда ль?... [Молчаніе. — Слугѣ]. Я иду! [Быстро уходитъ; за нимъ слуга].

БѢЛИНСКІЙ [глядя вслѣдъ]. — Тебя погубитъ эта излишняя чувствительность! Ты желаешь спокойствія, но неспособенъ имъ наслаждаться, и оно сдѣлалось бы большою твоею мукою, если бъ могло поселиться въ груди твоей. Я веселаго характера обыкновенно, однако примѣчаю, что печаль Арбенина прилипчива; послѣ него часа два я не могу справиться! Ха! ха! ха! Испытаю вѣрность женщины! Посмотримъ, устоитъ ли Загорскина противъ моихъ нападеній? Если она измѣнитъ Арбенину, то это лучшій способъ вылечить его отъ самой глупѣйшей болѣзни. [Слуга Бѣлинскаго]. Что тебѣ?

СЛУГА.—Да я ходилъ взять билетъ-съ, какъ вы приказывали, въ театръ. Вотъ онъ-съ.

БѢЛИНСКІЙ.—Хорошо! Въ первомъ ряду? Хорошо! [Про себя]. Скучно будетъ нынче во французскомъ театрѣ: играютъ скверно; тѣсно, душно, а нечего дѣлать! Весь beau-monde! [Уходятъ].

ЯВЛЕНІЕ Ш.

Комната у Загорскиныхъ.

СОФЬЯ.—Ma chère cousine! я тебѣ совѣтую остерегаться!

НАТАША.—Пожалуйста, безъ наставленій! Я сама знаю, что мнѣ дѣлать. Я никогда не покажу Арбенину большой благосклонности, а пускай онъ будетъ доволенъ малымъ.

СОФЬЯ. — Вѣдь ты его не заставишь на себѣ жениться: онъ совсѣмъ не такой человѣкъ.

НАТАША.—Разумѣется, я сама за него свататься не стану; а если онъ меня любитъ, такъ женится.

СОФЬЯ.—Не правда ли, какъ интересна его меланхолія, какъ занимательны его печали, какъ милы его глаза, полные слезъ?

НАТАША.—Да, для меня очень занимательны.

СОФЬЯ.—Повѣрь, онъ только дурачится и шалитъ; а именно потому, что увѣренъ, что ты въ него влюблена.

НАТАША.—Ему не отчего быть увѣрену.

СОФЬЯ.—А попробуй показать холодность—тотчасъ отстанетъ.

НАТАША.—Я пробовала и онъ не отсталъ, и только больше съ тѣхъ поръ меня любитъ...

СОФЬЯ.—Ты не умѣешь притворяться, ты...

НАТАША.—Повѣрь, не хуже тебя.

СОФЬЯ.—Арбенинъ точно также прошлаго года куртизанилъ Лидиной Полинѣ, а тутъ и бросилъ ее,смѣется самъ надъ нею — ты помнишь? Тоже будетъ и съ тобой.

НАТАША.—Я не Полина.

СОФЬЯ.—Посмотримъ.

НАТАША.—Да что ты такъ на одно наладила?

СОФЬЯ.—Ужъ что я знаю, то знаю. Вчера...

НАТАША.—Что такое? Впрочемъ, я и знать не желаю!

СОФЬЯ. — Вчера Арбенинъ былъ у насъ.

НАТАША.—Ну, что жъ?

СОФЬЯ.—Любезничалъ съ Лизой Шумовой, разсказывалъ ей Богъ знаетъ что, и между тѣмъ просилъ меня отдать тебѣ письмо. Вотъ мужчины! въ одну влюблены, а другой пишутъ письма. Вѣрь имъ послѣ этого!

НАТАША.—И ты согласилась взять письмо?

софья.—Я его прочла и отдала назадъ, сказавъ, что ты будешь очень этому смѣяться. Онъ разорвалъ и уѣхалъ. Какова комедія? И еще, знаешь, мнѣ сказывали, что онъ хвалится, что будто ты его любишь, но я не вѣрю.

наташа [Въ сторону].—Онъ дѣлаетъ глупости! Я теперь на него такъ сердита, такъ сердита!... Хвалится—вотъ мило!... Кто бъ подумалъ! это слишкомъ! [Громко]. Ты знаешь, кузина, у насъ былъ вчера Бѣлинскій? Un jeune homme charmant! Прелесть, какъ хорошъ, уменъ и любезенъ! Вотъ ужъ не надуетъ губы! Ничего въ немъ нѣтъ мрачнаго и угрюмаго! Какъ воспитанъ! Точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ.

софья.—Поздравляю. И ты ему очень понравилась, я надѣюсь. [Въ сторону]. Мои слова дѣйствуютъ! Боже мой, какъ я рада! [Громко]. Вчерась же Арбенинъ чуть-чуть не поссорился у насъ съ Нелидовымъ. Послѣдній, ты знаешь, un jeune homme de salon, такъ вѣжливъ, степененъ и остороженъ, а Вольдемаръ этого не слишкомъ придерживается. Нелидовъ разговорился съ нимъ про свѣтъ и репутацію и нѣсколько разъ повторялъ, что дорожитъ своею доброю славою, такимъ тономъ, который давалъ чувствовать Арбенину, что онъ ее потерялъ. Этотъ понялъ и поблѣднѣлъ; послѣ и говоритъ мнѣ: „Нелидовъ хотѣлъ кольнуть мое самолюбіе; онъ достигъ своей цѣли—это правда. Я потерянъ для свѣта, но довольно гордъ, чтобъ слушать равнодушно напоминанія объ этомъ.“ Ха, ха, ха! Неправда ли, это показываетъ твердость характера?

наташа.—Конечно! Арбенинъ не совсѣмъ заслуживаетъ дурное мнѣніе свѣта, но онъ объ немъ мало заботится; и этотъ Нелидовъ очень глупо сдѣлалъ, если старался его обидѣть. [Наташа идетъ къ окну].

софья.—Повѣрь мнѣ: Арбенина также огорчаетъ злословіе, какъ и другаго; онъ только не хочетъ этого показать. [Молчаніе].

наташа.— [съ живостью]. —Ахъ, сейчасъ проѣхалъ Бѣлинскій.

[Конецъ 2-го дѣйствія].

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Кабинетъ Павла Григорьевича Арбенина. Шкафъ съ книгами; столъ съ бумагами и кресла.

ЯВЛЕНІЕ I.

павелъ григорьевичъ [сидитъ въ креслахъ; передъ нимъ человѣкъ, въ сюртукѣ, стоитъ].— Нѣтъ, братецъ, нѣтъ! скажи твоему господину, что я не намѣренъ ждать. Онъ долженъ—плати. Нечѣмъ—зачѣмъ задолжалъ? Въ Россіи на это есть судъ. Ну, если бъ я былъ бѣднякъ? развѣ два мѣсяца пождать ничего не значитъ!

повѣренный.—Хоть двѣ недѣли, сударь. На дняхъ мы ждемъ денегъ съ завода. Неужели ужъ мы обманемъ васъ?

павелъ григорьевичъ.—Ни дня ждать не хочу!

повѣренный. — Да гдѣ же денегъ взять прикажете? вѣдь восемь тысячъ на улицѣ не найдешь.

павелъ григорьевичъ.—Пускай твой господинъ продастъ хоть тебя самого, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время и съ процентами... слышишь?...

повѣренный.—Да помилуйте-съ!...

павелъ григорьевичъ. — Ни слова больше! Ступай, ступай же! [Уходитъ повѣренный]. Видишь, какой ловкій; все бы ему ждали! Нѣтъ, батюшка, нынче деньги дороги; хлѣба дешевы, да, къ тому же, и дурно родятся. Пускай графы, и графскіе сынки и вельможи проматываютъ имѣнье; нашъ братъ, дворянинъ, отъ этого выигрываетъ; пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостинныхъ съ камергерскими ключами, а мы будемъ тише да выше, и наконецъ они оглянутся и увидятъ, хоть поздно, что ихъ мы обогнали. [Встаетъ съ кресель]. Ухъ! замотали меня эти дѣла, совершенно замотали, а все таки какъ-то весело. Видѣть передъ собою бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки... Ха, ха, ха! почему же нѣтъ. И человѣкъ тлѣетъ, какъ бумажка, и человѣкъ, какъ бумажка, носитъ на себѣ условные знаки, которые ставятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ... [Зѣваетъ]. Уфъ! спать хочется!... Гдѣ-то сынъ мой? Мнѣ надо его видѣть. Онъ вѣрно опять задолжалъ, потому что дома обѣдаетъ третій день. Вотъ прошу покорно имѣть дѣтей!

[Владиміръ быстрыми шагами входитъ въ комнату; блѣденъ и разстроенъ].

владиміръ [входя, громко].—Батюшка!

павелъ григорьевичъ.—Что тебѣ надобно?

владиміръ. — Я пришелъ, батюшка, чтобъ... У меня есть одна единственная просьба до васъ... не откажите мнѣ... поѣдемте со мною! поѣдемте! заклинаю васъ! Одна минута замедленія — и вы сами будете раскаяваться!

павелъ григорьевичъ.—Бѣшеный! куда мнѣ ѣхать съ тобою? Ты съ ума сошелъ!

владиміръ.—Не мудрено. Если бъ даже вы увидали, что я видѣлъ, и остались при своемъ умѣ, то я бы удивился...

павелъ григорьевичъ.—Это ужъ ни на что не похоже! Ты, Владиміръ, меня выводишь изъ терпѣнія.

владиміръ.—Такъ вы не хотите со мною ѣхать? Такъ вы мнѣ не вѣрите? Я думалъ... но теперь принужденъ все сказать. Батюшка! одна умирающая женщина хочетъ васъ видѣть; эта женщина...

павелъ григорьевичъ. — Что мнѣ за дѣло до нея?

владиміръ.—Батюшка! она моя мать! ваша супруга...

павелъ григорьевичъ [съ досадой]. — Владиміръ!

владиміръ.—Вы вѣрно думаете меня испугать этимъ строгимъ взглядомъ и удушить голосъ природы въ груди моей? Но я не таковъ, какъ вы. Этотъ самый голосъ, приказывающій мнѣ повиноваться вамъ, заставляетъ... да! ненавидѣть васъ!.... да! если долѣе будете противиться мольбамъ моей матери!... О, нынѣшній день уничтожилъ во мнѣ всѣ опасенія. Я говорю прямо. Я вашъ сынъ и ея сынъ. Вы счастливы, она страдаетъ, на постели смерти. Кто правъ, кто виноватъ — не мое дѣло. Я слышалъ, слышалъ ея мольбы, ея рыданія, и послѣдній нищій назвалъ бы меня подлецомъ, если бъ я могъ еще любить васъ!

павелъ григорьевичъ.—Дерзкій! я не требую любви твоей; но гдѣ видано, чтобъ сынъ упрекалъ отца такими словами? Прочь съ глазъ моихъ!

*

ВЛАДИМІРЪ.—Не уничтожайте во мнѣ послѣднюю искру покорности сыновней, чтобъ я не повторилъ эти обвиненія передъ цѣлымъ свѣтомъ.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Безумецъ! знаешь ли...

ВЛАДИМІРЪ.—Я знаю, вы сами въ душѣ мучимы совѣстью, вы сами не имѣете спокойныхъ минутъ; вы виновны во многомъ...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Замолчи!

ВЛАДИМІРЪ.—Не замолчу! Не просить я пришелъ, но требовать, требовать! Я имѣю на это право!... Нѣтъ! эти слезы врѣзались у меня въ память!... Батюшка! [бросается на колѣни] батюшка! пойдемте со мной!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Встань!

ВЛАДИМІРЪ.—Вы пойдете?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ [въ сторону]. — Что, если въ самомъ дѣлѣ? Можетъ быть...

ВЛАДИМІРЪ.—Вы не хотите? [Встаетъ]. Вы противитесь?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ [въ сторону]. — Она умираетъ, говоритъ онъ, хочетъ выпросить мое прощеніе!... Это правда! я и самъ... Но ѣхать туда? Если узнаютъ, что скажутъ?

ВЛАДИМІРЪ. — Вамъ нечего бояться: моя мать нынче же умретъ. Она желаетъ съ вами примириться не для того, чтобы жить вашимъ имѣніемъ; она не хочетъ сойти въ могилу, пока имѣетъ врага на землѣ. Вотъ вся ея просьба, вся ея молитва къ Богу. Вы не хотѣли... Есть на небѣ судья! Вашъ подвигъ прекрасенъ: онъ показываетъ твердость характера. Повѣрьте, люди будутъ васъ за это хвалить. И что за важность, если посреди тысячи похвалъ раздастся одинъ обвинительный голосъ? [Горько улыбается].

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Оставь меня.... [тихо] на минуту...

ВЛАДИМІРЪ.—Хорошо! Я пойду... и скажу, что вы не можете, заняты... [Горько]. Она еще разъ въ жизни повѣритъ надеждѣ. [Идетъ тихо]. О, если бъ громъ убилъ меня на этомъ порогѣ! Какъ? Я приду... одинъ! Я сдѣлаюсь убійцею моей матери? [Останавливается и смотритъ на отца]. Боже! вотъ человѣкъ!

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ [про себя]. —Однако для чего мнѣ не ѣхать? Что за бѣда? Передъ смертью помириться можно: надъ этимъ никто не станетъ смѣяться... а все бы лучше!... Да, такъ и быть, пойду! Она, я чай, безъ памяти и ужъ не узнаетъ меня... Ну, такъ и быть, отправлюсь, скажу, что прощаю— и дѣлу конецъ! [Громко]. Владиміръ! послушай... погоди! [Владиміръ недовѣрчиво приближается]. Я пойду съ тобой... я рѣшился... насъ никто не увидитъ? никто не узнаетъ этого?—а?...но я вѣрю! Пойдемъ... и въ другой разъ будь осторожнѣй. Я прощаю теперь твое бѣшенство: вѣдь у тебя одна мать!

ВЛАДИМІРЪ. — Такъ вы точно хотите идти къ ней? Это невѣроятно! Вы точно хотите примириться съ моей матерью, простить ей все и просить прощенія? точно?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Точно.

ВЛАДИМІРЪ [бросается на шею къ нему]. — У меня есть отецъ! у меня снова есть отецъ! [Плачетъ]. Боже, Боже! я опять счастливъ! Какъ легко стало сердцу! У меня есть отецъ!... Такъ! вижу, трудно бороться съ природными чувствами... О, какъ я счастливъ!... Видите ли, батюшка, какъ пріятно рѣшиться сдѣлать добро! Ваши глаза просіяли, ваше лицо сдѣлалось ангельскимъ

лицомъ. [Обнимаетъ его]. О, мой отецъ! вы будете вознаграждены Богомъ! Пойдемте, пойдемте скорѣй! ее надобно застать при жизни.

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ [хочетъ идти]. [Въ сторону]. — И такъ, я долженъ ее увидѣть... помириться... долженъ! Но почему? Да нѣтъ ли тутъ какой нибудь сѣти? Однако, отчаяніе Владиміра... но развѣ она не можетъ притвориться и увѣрить его, что умираетъ?... развѣ женщинѣ, а особливо моей женѣ, трудно обмануть кого бы ни было?... О, я предчувствовалъ, я проникнулъ этотъ замыселъ—и теперь все ясно!... Заманить меня опять... упросить... и если я не соглашусь, то сынъ мой по всему городу станетъ разсказывать про такую жестокость. Она его, пожалуй, подобьетъ... Признаюсь, прехитрый планъ! прехитрѣйшій! Чуть-чуть я не попался. Однако не на того напали. Хорошо, что я догадался во́-время. Не пойду же я! Пускай себѣ умираетъ одна, коли могла жить безъ меня!

ВЛАДИМІРЪ [боязливо]. —Вы медлите?

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Да! [холодно] я медлю... сынъ мой...

ВЛАДИМІРЪ.—Вы... эта перемѣна... вы...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ [гордо]. — Я остаюсь, я не пойду съ тобой! Скажи своей матери и бывшей моей женѣ, что я не попался вторично въ разставленную сѣть; скажи, что я благодарю ее за приглашеніе и желаю веселой дороги. [Владиміръ вздрагиваетъ и отступаетъ назадъ].

ВЛАДИМІРЪ.—Какъ! [Съ отчаяніемъ]. Это превзошло мои ожиданія! И съ такой открытой холодностью, съ такой адской улыбкой!... И я вашъ сынъ!... Такъ, я вашъ сынъ и потому долженъ быть врагомъ всего священнаго, врагомъ вашимъ... изъ благодарности!...О, если бъ я могъ мои чувства, сердце, душу, мое дыханіе превратить въ одно слово, въ одинъ звукъ, то этотъ звукъ былъ бы проклятіе первому мгновенію моей жизни, громовой ударъ, который потрясъ бы твою внутренность, мой отецъ, и отучилъ бы тебя называть меня сыномъ...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ. — Замолчи, сумасшедшій! Страшись моего гнѣва! Погоди: придутъ дни болѣе спокойные, тогда я отомщу тебѣ за подобныя слова, и ты узнаешь меня, узнаешь какъ опасно оскорблять своего родителя!

ВЛАДИМІРЪ [закрываетъ лицо руками]. —Я мечталъ найти жалость!...

ПАВЕЛЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ.—Вонъ скорѣй изъ моего дома! Не смѣй воротиться, пока не умретъ моя бѣдная супруга. [Со смѣхомъ]. Посмотримъ, скоро ли ты придешь? Посмотримъ, настоящая ли болѣзнь, ведущая къ могилѣ, или неловкая хитрость надѣлали столько шуму и заставили тебя забыть почтеніе и обязанность... Теперь ступай! Разсуди хорошенько о своемъ поступкѣ, припомни, если можешь, что говорилъ, и тогда, тогда, если осмѣлишься, покажись опять мнѣ на глаза! [Злобно взглянувъ, уходитъ и запираетъ за собою дверь].

ВЛАДИМІРЪ [который стоялъ неподвижно, смотритъ вслѣдъ, и послѣ краткаго молчанія]. — Все кончилось! [Уходитъ, взявъ шляпу свою со стола. Рѣшительное отчаяніе видно въ его походкѣ].

ЯВЛЕНІЕ II.

Спальня МАРЬИ ДМИТРІЕВНЫ. Постель; столъ съ лекарствами. Она лежитъ на постели. [АННУШКА стоитъ возлѣ нея].

АННУШКА.—У васъ, сударыня, силь-

ная лихорадка. Не угодно ли чаю горяченькаго, или бузины? Тотчасъ будетъ готово. Охъ, ты! моя родная! Какія руки холодныя! пальцы точно ледяные! Не послать ли за лекаремъ? не прикжешь ли, матушка?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Послушай: что давитъ мнѣ грудь?

АННУШКА.—Ничего, сударыня; одѣяло прелегкое. Отчего бы, кажется, давить?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Аннушка! я сегодня умру!

АННУШКА.—И, Марья Дмитріевна! Богъ дастъ, вы выздоровѣете, Богъ милостивъ; зачѣмъ умирать?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Зачѣмъ?...

АННУШКА.—Не всѣ больные умираютъ; иногда и здоровые прежде больныхъ попадаютъ на тотъ свѣтъ. Да не пора ли лекарство подать?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Я не хочу лекарства... Гдѣ мой сынъ? Да я и позабыла, что сама его услала. Посмотри въ окно: нейдетъ ли онъ сюда... Поди къ окну... что? нейдетъ? какъ долго!

АННУШКА.—На улицѣ пусто.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА [про себя]. — Онъ уговоритъ отца—я увѣрена. О, какъ сладко помириться передъ кончиной! Теперь я не боюсь краснѣть [Погромче]. Аннушка, что ты высунулась въ окно?

АННУШКА.—Это такъ-съ! ничего-съ!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Нѣтъ, говори, что такое?

АННУШКА.—Похороны, сударыня. Какого-то господина везутъ хоронить! да какъ пышно! сколько каретъ сзади: вѣрно богачъ! какія лошади! покровъ такъ и горитъ!... и ужъ нечего сказать... А дрожекъ-то, дрожекъ-то...

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Аннушка и мнѣ умереть пора... я чувствую, что послѣдніе дни настали. О, поскорѣе, поскорѣе, царь небесный!

АННУШКА.—Полноте, сударыня! что вамъ за охота? Какъ если, не дай Богъ, вы скончаетесь, что тогда со мною будетъ? Кто позаботится обо мнѣ? Неужто Павелъ Григорьевичъ къ себѣ возьметъ?... Не бывать этому. Лучше я по-міру пойду: добрые люди изъ окошекъ накормятъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Мой сынъ, Владиміръ, тебя не оставитъ.

АННУШКА.—Да еще перенесетъ ли онъ вашу смерть? Вишь онъ какой горячій: ужъ изъ малости въ отчаяньи, а тогда.... Боже упаси!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Скоро ли онъ придетъ? О, какъ сердце бьется!

АННУШКА [про себя]. — Господи Боже мой! отцы святые, спасите насъ грѣшныхъ! не дайте погибнуть мнѣ! Какъ буду я безъ госпожи моей?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Что хуже: ожиданіе или безнадежность? [Дверь отворяется. Тихо входитъ, Владиміръ. Онъ мраченъ; молча подходитъ къ постели и останавливается въ ногахъ. Молчаніе].

АННУШКА.—Владиміръ Павлычъ пришелъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА [быстро]. — Пришелъ! [Приподымается и опять опускаетъ голову]. Здравствуй Владиміръ... ты одинъ!... А я думала... ты одинъ!...

ВЛАДИМІРЪ.—Да.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Другъ мой! ты звалъ его сюда? Сказалъ, что я умираю? Онъ скоро придетъ?

ВЛАДИМІРЪ [мрачно]. — Какъ вы себя чувствуете?

АННУШКА.—Не поправить ли подушки, сударыня?

ВЛАДИМІРЪ.—Довольно ли вы крѣпки, чтобъ говорить и слушать?

АННУШКА. — Барыня безъ васъ все плакала, Владиміръ Павлычъ.

ВЛАДИМІРЪ. — Боже, Боже! ты всесиленъ. Зачѣмъ непремѣнно я долженъ убить мать мою?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА. — Владиміръ! говори скорѣе, не терзай меня понемногу!... Придетъ ли твой отецъ? [Онъ молчитъ]. Гдѣ онъ?... я хочу, я должна примириться... Какъ предстать предъ Бога!... Владиміръ, безъ него я не умру спокойно!

ВЛАДИМІРЪ [тихо]. —Нѣтъ.

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА [не слыхавъ]. — Что ты сказалъ... Дай мнѣ руку, Владиміръ.

ВЛАДИМІРЪ [бросается со слезами на колѣни возлѣ постели и цѣлуетъ руку ея]. —Я возлѣ васъ... зачѣмъ вамъ другаго?... развѣ вамъ не довольно меня?... кто нибудь любитъ ли васъ сильнѣе, чѣмъ я?

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Встань, встань! Владиміръ [вставъ, отходитъ въ сторону]. — Ужасная пытка! Если я это все вынесу, то буду себя почитать за истукана, который не стоитъ имени человѣка. Если я вынесу, то увѣрюсь, что сынъ всегда похожъ на отца, что его кровь течетъ въ моихъ жилахъ, и что я, какъ онъ, хотѣлъ ея погибели... Такъ! я долженъ былъ силой притащить его сюда; угрозами, страхомъ исторгнуть у него прощеніе... [Съ бѣшеной радостью]. Послушайте, матушка! мой отецъ веселъ, здоровъ и не хотѣлъ васъ видѣть!... [Вдругъ, какъ бы испугавшись, останавливается].

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА [вздрагиваетъ. Послѣ молчанья]. — Молись... молись за насъ... Не хотѣлъ... о!..

АННУШКА.—Ей дурно! дурно!

МАРЬЯ ДМИТРІЕВНА.—Нѣтъ... нѣтъ... я соберу послѣднія силы... Владиміръ, ты долженъ узнать все... и судить твоихъ родителей... [Онъ приближается по знаку]. Подойди!... Я умираю... отдаю душу правосудному Богу и хочу, чтобъ ты, ты, мое единственное сокровище, не обвинялъ меня по чужимъ словамъ... я сама произнесу свой приговоръ. [Останавливается]. Я виновна: молодость была моей виною!... я имѣла пылкую душу... твой отецъ холодно со мною обходился... я любила прежде другаго... если бы мой мужъ хотѣлъ — я забыла бы прежнее. Я нѣсколько лѣтъ боролась съ этою любовью—и одна минута рѣшила мою участь... Не смотри на меня такъ... о!... упрекай лучше самыми жестокими словами! я твоя злодѣйка!... мой поступокъ заставляетъ тебя презирать отца и обвинять меня... но что прошло, того не перемѣнишь... Долгимъ раскаяніемъ я загладила свой поступокъ. Слушай! онъ былъ тайною, но я не хотѣла, не могла противиться долгу... я мучилась совѣстью и сама открыла все твоему отцу. Съ горькими слезами, съ униженными моленьями я упала къ ногамъ его... надѣялась, что онъ пожалѣетъ и великодушно проститъ мнѣ... но онъ выгналъ меня изъ дому, и я должна была оставить тебя, ребенка, и молча переносить всѣ насмѣшки свѣта... Онъ жестоко со мною поступилъ!... Я умираю!... Если онъ мнѣ не простилъ еще, то Богъ его накажетъ... Владиміръ! не обвиняй мать свою... Ты молчишь?

ВЛАДИМІРЪ [въ великомъ движеніи]. — Вижу! вижу! природа вооружается противъ меня!... я ношу въ себѣ сѣмя зла... я созданъ, чтобы разрушать естественный порядокъ!—Боже, Боже! здѣсь

умирающая мать — и на языкѣ моемъ нѣтъ ни одного утѣшительнаго слова... ни одного... [Марья Дмитріевна стонетъ]. Неужели мое сердце такъ сухо, что нѣтъ даже ни одной слезы?... Горе, горе тому, кто изсушилъ это сердце... онъ мнѣ заплатитъ! я принужденъ имъ уморить родную мать.... Съ этой минуты прочь сожалѣніе!... день и ночь буду я напѣвать отцу моему страшную пѣсню до тѣхъ поръ, пока у него встанутъ дыбомъ волосы и раскаяніе начнетъ тревожить и грызть душу. [Обращаясь къ матери]. Ангелъ, ангелъ! не умирай такъ скоро! еще нѣсколько часовъ...

АННУШКА [съ примѣтнымъ безпокойствомъ посматривая на госпожу].—Владиміръ Павлычъ! [Онъ услыхалъ и глядитъ на нее пристально. Она трогаетъ за руки Марью Дмитріевну и вдругъ останавливается]. Прости, Господи, ея душу! [Крестится.—Владиміръ вздрагиваетъ, шатается и едва не упадаетъ; удерживается рукою за спинку стула и такъ остается неподвиженъ нѣсколько минутъ].

АННУШКА [плачетъ]. — Какъ тихо скончалась-то, родимая моя! Что я буду теперь? [Плачетъ].

ВЛАДИМІРЪ [приходитъ въ себя; подходитъ къ тѣлу и, взглянувъ, отходитъ]. — Для такой души, для такой смерти слезы ничего не значатъ... у меня ихъ нѣтъ... нѣтъ!... но я отомщу, жестоко отомщу, ужасно отомщу!... Пойду, принесу отцу моему вѣсть о ея кончинѣ и заставлю, принужу его плакать, и когда онъ будетъ плакать — буду смѣяться. [Убѣгаетъ].

АННУШКА.—И сынъ родной оставляетъ твое тѣло!... Господи, Господи! возьми поскорѣй и меня отсюда? [Упадаетъ на тѣло].

[Сцена перемѣняется].

ЯВЛЕНІЕ III.

Комната у Загорскихъ.

[ГОСТИ: СТАРУХИ ДВѢ; АННА НИКОЛАЕВНА [МАТЬ], НАТАША И КНЯЖНА].

АННА НИКОЛАЕВНА [ВХОДЯ, ВВОДИТЪ ДВУХЪ СТАРУХЪ; БАРЫШНИ ИДУТЪ ЗА НИМИ]. —А я васъ сегодня совсѣмъ не ожидала! Милости просимъ! Прошу сѣсть! Какъ ваше здоровье, Марья Ивановна? [Садятся].

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Эхъ, мать моя! что у меня за здоровье! все ревматизмы да флюсъ... только нынче развязала щеку. [Къ другой старухѣ]. Какъ мы съѣхались, Катерина Дмитріевна! Я только-что на дворъ, и вы за мною, какъ будто сговорились вмѣстѣ навѣстить Анну Николаевну.

ВТОРАЯ СТАРУХА [къ хозяйкѣ].—Я слышала, что вы были больны.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Да... благодарю, что навѣстили. Совсѣмъ состарѣлась я... А что новаго, не слыхать ли чего нибудь?

ВТОРАЯ СТАРУХА. — У меня, знаете, сынъ Егорушка въ Петербургѣ, такъ онъ пишетъ, что турокъ наши въ пухъ разбили... пашу взяли...

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Дай-то Богъ!... А слышали вы: Горинкинъ женился—да на комъ! Знавали вы Болотину?—такъ на ея дочери! Славная партія! Вѣдь сколько жениховъ за нею гонялись! Такъ нѣтъ, кому счастье!

АННА НИКОЛАЕВНА. — А я слышала:

графъ Свитскій умеръ. Вѣдь жена, дѣти...

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Да, жалко! А что разсказываютъ—слышали вы?

АННА НИКОЛАЕВНА. — Что такое?

ВТОРАЯ СТАРУХА.—Что такое, матушка?

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Говорятъ, что покойникъ, прости Господи, почти все имѣніе свое продалъ и побочнымъ дѣтямъ деньги отдалъ. Есть же люди! И говорятъ также, будто въ духовной онъ написалъ, чтобъ его похороны не стоили болѣе ста рублей.

ВТОРАЯ СТАРУХА. — Нечего сказать! какъ въ колыбелькѣ, такъ и въ могилку. Всегда былъ чудакъ — покойникъ графъ—царство ему небесное! Что же, исполнили его завѣщаніе?

ПЕРВАЯ СТАРУХА. — Какъ можно! Пожалуй, онъ бы написалъ, чтобъ его въ оврагъ кинули! Нѣтъ, матушка, пять тысячъ стоили похороны!... въ Донскомъ монастырѣ, да два архіерея были!

АННА НИКОЛАЕВНА.—Стало быть, очень пышно было?

НАТАША.—Будто не все равно!

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Какъ такъ! развѣ можно графа похоронить какъ нищаго! [Послѣ общаго молчанія].

ВТОРАЯ СТАРУХА.— Анна Николаевна! вы меня извините: я, вѣдь, только на минуточку къ вамъ заѣхала; спѣшу къ золовкѣ на крестины. [Встаетъ]. Прощайте!

АННА НИКОЛАЕВНА.—Если такъ, то не смѣю васъ удерживать. Прощайте! [Цѣлуются]. До свиданія, матушка! [Провожаетъ ее. Вторая старуха уходитъ].

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Какова? Какъ разрядилась наша Мавра Петровна: пунцовыя ленты на чепчикѣ! ну, кстати ли? Вѣдь сама насилу ноги таскаетъ!... и который ей годъ, Анна Николаевна, какъ вы думаете?

АННА НИКОЛАЕВНА.—Да лѣтъ пятьдесятъ есть. Она такъ говоритъ...

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Крадетъ съ десятокъ. Я замужъ выходила, ужъ у нея дѣти бѣгали.

НАТАША [тихо Софьѣ]. — Я думаю, потому что она замужъ вышла тридцати лѣтъ!

КНЯЖНА.—Охота тебѣ ихъ слушать, Наташа!

НАТАША. — Помилуй, это очень весело.

[Входитъ слуга].

СЛУГА.—Дмитрій Васильевичъ Бѣлинскій пріѣхалъ.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Проси въ гостиную [Слуга уходитъ. Къ первой старухѣ]. Пойдемте въ гостиную, матушка. [Тихо ей]. Я угадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ: мнѣ сказывали. Онъ не богатъ самъ, да дядя при смерти; а у дяди тысяча пятьсотъ душъ.

ПЕРВАЯ СТАРУХА.—Понимаю! [Въ сторону]. Посмотримъ, что за Бѣлинскій. [Къ Наташѣ]. О, плутовка! [Обѣ уходятъ].

КНЯЖНА СОФЬЯ [Наташѣ]. — Отчего ты такъ покраснѣла?

НАТАША.—Я?

КНЯЖНА СОФЬЯ.—Ну, ничего не слышитъ и не видитъ! Наташа, твои глаза пылаютъ, ты дрожишь, ты внѣ себя... что такое значитъ?

НАТАША [хватаетъ за руку княжну]. — Такъ... это ничего... кто сказалъ, что я дрожу? Ахъ! знаешь ли... я отгадываю, зачѣмъ онъ пріѣхалъ... Теперь все рѣшится, все!—Мои руки горятъ—не правда ли?

КНЯЖНА СОФЬЯ. — Что же рѣшится?

НАТАША.—Какіе глупые вопросы, кузина! Вчера была у насъ княгиня...

КНЯЖНА СОФЬЯ. — Я тебя понимаю! ты влюблена въ Бѣлинскаго... Ну, что жъ! [Наташа отворачивается, покраснѣвъ]. Это очень натурально!

НАТАША [съ живостью]. — Послушай, какъ онъ милъ! какъ любезенъ!

КНЯЖНА СОФЬЯ.—Бѣдный Арбенинъ!

НАТАША.—А что такое?

КНЯЖНА СОФЬЯ. — Онъ тебя такъ любитъ!... Бѣлинскій свататься пріѣхалъ; ты навѣрное ему не откажешь — такъ ли? А я знаю, что Арбенинъ тебя очень-очень любитъ!

НАТАША. — Разлюбитъ по неволѣ. Впрочемъ, онъ очень умѣлъ притворяться прежде съ другими, почему же не притворяться ему со мной? Правда, онъ мнѣ сначала немного понравился: въ немъ что-то необыкновенное, а за то какой несносный характеръ, какой злой умъ и какое печальное всегда воображеніе!... Боже мой! да такой человѣкъ въ одну недѣлю тоску нагонитъ! Есть многіе, которые не меньше его чувствуютъ, а веселы!...

КНЯЖНА СОФЬЯ [съ иронической улыбкой]. — Ты хотѣла бы все смѣяться! Когда-то давно, былъ у насъ Арбенинъ... въ сумерки сѣлъ за фортепьяно и съ полчаса фантазировалъ. Я заслушалась; вдругъ онъ вскочилъ и подошелъ ко мнѣ со слезами на глазахъ. „Что съ вами?“ спросила я. „Пришадокъ!“ отвѣчалъ онъ съ горькой улыбкой: „музыка напоминаетъ мнѣ Италію! Во всей ледяной Россіи нѣтъ сердца, которое бы отвѣчало моему! Все, что я люблю, то убѣгаетъ меня; прошу сожалѣнія — нѣтъ! я похожъ на чумнаго! Все, что меня любитъ, то заражается этой болѣзнью несчастія, которую я принужденъ называть жизнью!“ Тутъ Арбенинъ посмотрѣлъ на меня пристально... Ты не слышишь?

НАТАША.—Оставь меня! Что мнѣ за нужда до твоего Арбенина? Дѣлай съ нимъ, что хочешь, ангелъ мой! Клянусь тебѣ, мнѣ не до него... Слышишь? Вотъ, кажется, кто-то сюда идетъ?... Кажется, маменька...

КНЯЖНА СОФЬЯ [въ сторону]. — Небо прекрасно исполняетъ мои желанія; судьба мститъ за меня. Хорошо! онъ почувствуетъ всю тягость любви безнадежной, обманутой. Я очернила совѣсть свою не даромъ; это меня радуетъ. Однако, что мнѣ пользы?... Я отомщу!... за что?... Онъ не знаетъ, что я его такъ люблю!... Но узнаетъ! я ему докажу, что есть женщины... [Входитъ Анна Николаевна].

АННА НИКОЛАЕВНА. — Наташа, подойди ко мнѣ, я хочу говорить съ тобой о важномъ дѣлѣ, которое рѣшитъ судьбу твоей жизни. Выйти замужъ — не порогъ перешагнуть. Все будущее твое зависитъ отъ одной минуты. Твое сердце должно бросить жребій; но разсудокъ не долженъ также молчать. Подумай: Бѣлинскій предлагаетъ тебѣ свою руку; согласна ты или нѣтъ? Нравится ли онъ тебѣ?

НАТАША [въ смущеніи]. — Я... не знаю...

АННА НИКОЛАЕВНА.—Какъ не знаю? помилуй! онъ ждетъ въ той комнатѣ; рѣшись поскорѣе... по крайней мѣрѣ, дать ли ему надежду! Что ты молчишь?... Онъ молодой человѣкъ, хорошо воспитанный, честный; состояніе есть, хоть небольшое, но все-таки есть; а ты знаешь, какъ наше разстроено. Бѣлинскій ждетъ скоро богатое наслѣдство. Подумай: тысяча пять сотъ душъ—разсуди! Ты ужъ въ лѣтахъ, скоро стукнетъ восемнадцать лѣтъ.... теперь не пойдешь

замужъ, такъ, можетъ быть и никогда не удастся; сиди въ дѣвкахъ! Плохо теперь: жениховъ въ Москвѣ нѣтъ! Молодые, богатые не хотятъ жениться, шатаются себѣ въ волю; а старые? Что въ нихъ! глупы или бѣдны! Рѣшись, Наташа! вѣдь онъ тамъ ждетъ! Ну, скажи по совѣсти, вѣдь онъ тебѣ нравится?

НАТАША.—Нравится.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Такъ ты согласна? Я пойду...

НАТАША [останавливаетъ]. — Maman, подождите! такъ скоро!... Ей-Богу, я все это вижу во снѣ... Какъ можно въ одну минуту... [Плачетъ, закрывая лицо]. Я не могу... развѣ непремѣнно сейчасъ?...

АННА НИКОЛАЕВНА [ласкаетъ ее]. — Успокойся, другъ мой! О чемъ ты плачешь? Развѣ не сама сказала, что нравится тебѣ? Посмотри, какъ сердце бьется: это нездорово. Ты слишкомъ встревожилась. Я опрометчиво поступила; однако, сама посуди, вѣдь онъ ждетъ; не надо упускать жениха. Вѣдь я тебя не выдаю насильно, а только спрашиваю: ты согласна—и я тотчасъ ему скажу; нѣтъ—такъ нѣтъ! бѣда не велика.

НАТАША [утирая слезы]. — Онъ мнѣ нравится. Только дайте ему надежду, пускай онъ ѣздитъ въ домъ, пускай будетъ женихомъ... только!... я сама не знаю! вы такъ скоро мнѣ сказали... я не знаю... мнѣ стыдно плакать о глупостяхъ. Маменька, вы сами съумѣете ему сказать... я впередъ на все согласна.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Ну, и давно бы такъ! Объ чемъ же плакать? [Креститъ ее]. Христосъ съ тобой! въ добрый часъ! [Шепчетъ молитву и уходитъ].

НАТАША.—Ахъ!

КНЯЖНА СОФЬЯ. — Ты поблѣднѣла, кузина! Поздравляю тебя! Невѣста!

НАТАША.—Какъ скоро все это сдѣлалось! [Уходитъ].

КНЯЖНА СОФЬЯ. — Правда: это мѣна, двое за двое. Эти счастливы, а я и Владиміръ? Что? Отчего же мы несчастливы?... Я—онъ меня не любитъ и не будетъ любить! Но я отмстила! Зачѣмъ раскаяваться? Я ничего не сдѣлала; мы не виновны, если судьба нечаянно исполняетъ наши дурныя желанія. Стало быть они справедливы.

[Конецъ 3-го дѣйствія].

[ТРИ ЛАКЕЯ заняты въ залѣ: одинъ мытьемъ, другой лампами и проч].

ПЕРВЫЙ. — Что, братъ! Я тебѣ говорилъ, только что увидалъ, какъ молодой баринъ вошелъ: быть грозѣ!

ВТОРОЙ.—Да, была гроза! Мнѣ стало жалко молодаго барина; ну, какъ можно такъ строго взыскивать! вѣдь, онъ, братъ, только что оставилъ тѣло Марьи Дмитріевны... онъ, чай, былъ не въ своемъ умѣ.

ТРЕТІЙ.—Какъ сказалъ ему баринъ?

ВТОРОЙ.—„Проклинаю тебя!“ сказалъ онъ ему.

ПЕРВЫЙ.—Нѣтъ, кажется, что-то иначе, только не проклинаю.

ТРЕТІЙ.—Та ли, другая ли пѣсня — все пѣсня!

ВТОРОЙ. — Зачѣмъ заперли молодаго барина?

ПЕРВЫЙ.—А куда старый баринъ уѣхалъ?

ТРЕТІЙ. — Владиміръ Павловичъ запертъ въ своей комнатѣ, потому что велѣно; а старый баринъ уѣхалъ въ гости.

второй.—Для страху только, или въ самомъ дѣлѣ онъ проклялъ Владиміра Павловича?

третій. — Для страху ли, въ самомъ дѣлѣ ли, все это страшно.

первый. — Скажи, Сенька, какъ ты одѣвалъ стараго барина, былъ ли онъ огорченъ или сердитъ?

третій. — Нимало. Проклясть сына, ѣхать въ гости—эти двѣ вещи у насъ на одной линіи, почти какъ выпить стаканъ воды и выпить стаканъ вина.

первый.—Эту ночь я видѣлъ во снѣ корову и сказалъ: „быть слезамъ“. И въ правду не вытерпѣлъ, чтобъ не заплакать, когда молодой баринъ вышелъ изъ гостиной. А крѣпко онъ поговорилъ батюшкѣ своему... тотъ сначала и не опомнился.

второй. — Ты видѣлъ, какъ этотъ гость, какъ бишь его... ну, все равно, ты видѣлъ, какъ онъ ускользнулъ отъ насъ.

первый.—Кабы этого гостя не было, Павелъ Григоричъ не проклялъ бы молодаго барина.

третій.—На людяхъ и слово обидно, а не при комъ и пощечину перенесешь.

первый.—Оно все такъ, только жалко, ей-ей жалко!

монологъ.

Онъ, мой отецъ, меня проклялъ!... И въ ту самую минуту, когда я, лежавшій безъ чувствъ на полу, открывалъ глаза... Я могъ бы умереть отъ словъ его! Вотъ мщеніе! но я собой доволенъ: я сдѣлалъ должное. Она меня оправдаетъ передъ лицомъ Всевышняго! Однако... буду ли я здѣсь счастливъ? Какъ! ужели я не могу выбить изъ головы этой ничтожной мысли? Нѣтъ! я требовалъ отъ свѣта больше, чѣмъ онъ мнѣ дать могъ! Я— безумецъ! Но испытаю послѣднее — женскую любовь!... Боже! какъ мало ты мнѣ оставилъ! Послѣдняя нить, привязывающая меня къ жизни, оборвется—и я буду съ тобой! ты сотворилъ мое сердце для себя, ты утолишь его жажду. Да! я скоро умру —и буду забытъ. Гдѣ мои необъятные планы! Ужели мечты, принимаемыя мною за предчувствіе, были только приманки злаго духа, который понынѣ преслѣдуетъ меня, показываетъ обольстительный призракъ на другой сторонѣ пропасти, чтобъ я скорѣе въ нее повергнулся? Къ чему служила эта жажда къ великому? гдѣ исполнятся мои замыслы? Ахъ! не я исполняю! Творческая сила, оживляющая эту грудь, истощилась, воображенія нѣтъ, существенность подавила все. Люди, люди!... А развѣ я не человѣкъ? Отчего же они забавляются всякой малостью, счастливы безъ всякой причины.... а я, я ношусь мыслью въ какомъ-то чуждомъ мірѣ, страдаю, молюсь, молюсь... и все напрасно! И мой отецъ меня проклялъ!... Ха-ха-ха! Кто другаго смѣлъ бы ожидать? Но развѣ точно проклятіе отца есть проклятіе Божіе? Нѣтъ, мой создатель! я чувствую, что ты меня примешь и теперь какъ принялъ бы прежде. Эта луна, эти звѣзды, это синее небо мнѣ порукой за твое прощеніе! Какъ они глядятъ на меня, какъ они стараются увѣрить меня, что жизнь ничего не значитъ!...

ДѢЙСТВІЕ IV.

Комната у Загорскихъ. Дверь отворена въ другую, гдѣ много гостей.

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА НИКОЛАЕВНА И СОФЬЯ.

КНЯЖНА СОФЬЯ.—Тетушка, мы съ Наташей сейчасъ пріѣхали изъ рядовъ и купили все, что надобно. Не знаю, понравится ли вамъ; по-мнѣ хорошо, только блонды дорого.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Теперь некогда, Сонюшка, я послѣ посмотрю. [Входитъ гость.] Ахъ! здравствуйте, Сергѣй Сергѣичъ! Какъ ваше здоровье? Я не ожидала васъ видѣть.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—Я узналъ, что Наталья Ѳедоровна ваша помолвлена и пріѣхалъ поздравить и пожелать ей всякаго счастія.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Покорно васъ благодарю. Дай-то Богъ! Человѣкъ, кажется, хорошій.

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ.—И я слышалъ: съ прекраснымъ состояніемъ.

АННА НИКОЛАЕВНА. — Какъ-же-съ! Да вы я думаю, его знаете?

ГОСТЬ ПЕРВЫЙ. — Видалъ. Господинъ Бѣлинскій прелестнѣйшій молодой человѣкъ, какъ говорятъ.

АННА НИКОЛАЕВНА.—Милости просимъ въ гостиную, Сергѣй Сергѣичъ! [Уходятъ оба].

КНЯЖНА СОФЬЯ.—Все идетъ по-моему, отчего же я безпокоюсь? Что такое внутреннее самодовольствіе? Развѣ не все идетъ, какъ я хочу? Все! Нѣтъ, главная цѣль моя еще далеко, и я, можетъ быть, никогда ея не достигну. Какъ это подѣйствуетъ на Владиміра—я желала бы знать. Ну, если онъ не перенесетъ? Если... если я себя назову его убійцею! Если я должна буду себя называть такъ? Раскаянье! теперь? Ужели это предчувствіе? Боже! какъ мнѣ душно въ этой толпѣ людей, которые такъ холодно разсуждаютъ о пустякахъ и не замѣчаютъ, что каждая минута отнимаетъ у меня по надеждѣ, и каждый мигъ увеличиваетъ мою муку! И всѣ такъ счастливы! всѣ такъ счастливы! О, если бы мнѣ хоть разъ увидать въ его глазахъ любовь... одинъ разъ...

НАТАША [Входитъ весело]. — Ха-ха-ха-ха-ха! Ma cousine, послушай: если бъ ты была тамъ, то насмѣялась бы досыта... ха-ха-ха! Боже мой!... Ахъ! я удерживалась до тѣхъ поръ, что чуть-чуть не захохотала ему въ глаза.

СОФЬЯ.—Кому?...

НАТАША. — На силу я вырвалась. Сергѣй Сергѣичъ подошелъ меня поздравить, смѣшался, заикнулся, забормоталъ: я ничего не поняла. Онъ самъ, я думаю, не зналъ, что говорилъ—умора! Такъ мы остались другъ противъ друга... ха-ха-ха!

СОФЬЯ.—Какъ ты весела!... Гдѣ Бѣлинскій?

НАТАША. — Его окружили старики и старухи — такъ досадно!

БѢЛИНСКІЙ [входитъ]. — Слава Богу, я опять съ вами! Меня осадилъ весь очаковскій вѣкъ. Добрые люди; только нестершимо скучны! Они все толкуютъ о прошедшемъ, а я въ настоящемъ такъ счастливъ!

СОФЬЯ.—Это видно по вашему лицу.

НАТАША.—Ахъ,mon cher ami! оставимъ ее: она въ дурномъ духѣ. Сядемъ, поговоримъ. [Садятся].

БѢЛИНСКІЙ [цѣлуетъ у нея руку]. — О, я теперь совершенно счастливъ: мнѣ можно завидовать—клянусь небомъ!

софья.—Этотъ человѣкъ думаетъ говорить о счастьѣ, когда отнялъ, укралъ у своего друга, можетъ быть, послѣднее... Что же мнѣ Владиміръ? Отчего же я, хотя менѣе виновна, да должна одна глотать слезы и чувствовать раскаянье? О, еслибъ онъ могъ меня любить, какъ вознаградила бы я его.

[Во все это время женихъ и невѣста межъ собой неслышно говорятъ].

[Гость 2 выходитъ изъ гостиной, кланяется Софьѣ и подходитъ къ ней].

гость второй.—Здорова ли, княжна, ваша матушка?

софья.—Нѣтъ, она очень больна.

гость второй. — Вы, вѣрно, знаете Владиміра Арбенина.

софья.—Онъ къ намъ ѣздитъ.

гость второй.—Вы не примѣтили: сумасшедшій онъ?

софья. — Я всегда примѣчала, что онъ очень уменъ. Не могу догадаться къ чему такіе вопросы? Впрочемъ я давно уже его не видала, съ мѣсяцъ.

гость второй. — Нѣтъ, я въ самомъ дѣлѣ не шучу. Я намедни былъ у отца его. Вдругъ дверь съ шумомъ отворяется и вбѣгаетъ Владиміръ... я испугался и вскочилъ. Лицо его было блѣдно, глаза мутны, волосы въ безпорядкѣ. Я не знаю, на кого онъ былъ похожъ. Отецъ его остолбенѣлъ и ни слова не могъ выговорить. „Убійца!“ воскликнулъ Владиміръ. „Ты мнѣ не вѣрилъ, поди же поцѣлуй ея мертвую руку!“—и съ вынужденнымъ хохотомъ упалъ безъ чувствъ на землю; слуги вбѣжали; его вынесли; отецъ не говорилъ ни слова и дрожалъ, хотя показывалъ, или старался показывать, что не былъ встревоженъ... Я поскорѣе взялъ шляпу и ушелъ. Потомъ я узналъ, что Павелъ Григоричъ его ужасно бранилъ и даже проклялъ, говорятъ, но я не вѣрю.

софья [въ сильномъ волненіи]. — Онъ упалъ, его проклялъ отецъ, говорите вы; но ему ничего не сдѣлалось?... Вы не знаете, что значили слова его? — Нѣтъ, это не сумасшествіе... что нибудь ужасное съ нимъ случилось.

гость второй [съ улыбкой]. —Я не ожидалъ, чтобъ вы приняли такое сильное участіе.

софья.—Въ самомъ дѣлѣ? [съ досадой въ сторону]. Боже, нельзя показать сожалѣнія!

гость второй. — Я потомъ узналъ, что въ этотъ день умерла мать Арбенина, которая въ разводѣ съ отцомъ его была; но такое бѣшенство, такія угрозы показываютъ совершенное сумасшествіе! это, въ самомъ дѣлѣ, очень жалко; онъ имѣлъ способности, умъ, познанія...

софья.—Я не почитаю это за сумасшествіе; но по словамъ, которыя вы мнѣ повторили, отецъ его былъ виноватъ въ чемъ нибудь... Онъ не замѣтилъ васъ, и если только въ этомъ состоитъ его сумасшествіе...

гость второй.—Нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! я не хотѣлъ этого сказать; но вы сами судите: этотъ поступокъ не изобличаетъ здраваго разсудка. Мнѣ было очень жаль Арбенина — вотъ для чего я у васъ спросилъ.

софья. — Я очень сожалѣю, что не могу вамъ дать положительнаго отвѣта.

гость второй.—Вы поѣдете завтра въ концертъ, княжна? Славная музыкантша на арфѣ будетъ играть. Вы ее не слыхали? Она изъ Парижа недавно; это очень любопытно. Если угодно, я билетъ...

софья.—Я не любопытна; я не имѣю этого порока.

гость второй. — Извините! Я желалъ вамъ услужить.

софья.—Вы очень милостивы...

гость [раскланиваясь]. — Прошу васъ повѣрить, что если я что нибудь непріятное сказалъ вамъ, то мое намѣреніе было совсѣмъ не таково... [Уходитъ].

софья.—Чуть-чуть онъ не сказалъ, что хотѣлъ мнѣ доставить удовольствіе этими новостями! Придти нарочно, простоять четверть часа здѣсь для того, чтобы сказать зло про одного человѣка и опечалить другаго! Боже мой! что приготовилъ ты мнѣ въ будущемъ? Владиміръ потерялъ мать; онъ долженъ лишиться Наташи. Но первая потеря поможетъ ему легче перенести вторую. Нѣсколько печалей не такъ опасны, какъ одна глубокая; а тамъ... тамъ, я могу еще надѣяться. Я примѣчала нѣсколько разъ, что его глаза пылали, когда онъ со мной говорилъ. Можетъ быть... впрочемъ, у него не каменное сердце...

наташа.—Что онъ тебѣ разсказывалъ?

софья.—Про Арбенина.

бѣлинскій. — Что такое? Что такое про Арбенина?

софья.—Не бойтесь.

бѣлинскій.—Чего же мнѣ бояться?

софья.—Вы лучше знать должны.

наташа.—Развѣ онъ провѣдалъ, что я выхожу замужъ?

софья.—За его друга!—нѣтъ... Владиміръ потерялъ мать и отъ этого онъ въ отчаяніи. Его приняли за сумасшедшаго. Я не знаю, вынесетъ ли онъ второй ударъ.

бѣлинскій. — О, повѣрьте, что онъ кажется гораздо чувствительнѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ есть.

софья.—Разумѣется, вы это должны лучше меня знать: вы были его другомъ.

бѣлинскій. — Я дружбу принесъ въ жертву любви.

софья. — Это очень хорошо... для васъ.

бѣлинскій. — Впрочемъ, не думайте, чтобъ я съ Арбенинымъ очень друженъ былъ. Пріятели не всегда друзья.

княжна софья [Наташѣ]. — Прошу не прогнѣваться, кузина, а я скажу, что ты его любила. Для жениха ты не должна имѣть тайны, и вѣрно господинъ Бѣлинскій со мной согласенъ?

наташа.—Да, это правда, Арбенинъ мнѣ сначала нравился и очень занималъ воображеніе; но этотъ сонъ, какъ всѣ печальные сны, прошелъ. Я тебя прошу, Софья, не напоминай мнѣ болѣе объ немъ.

софья. — Я не совсѣмъ что-то вѣрю твоему пробужденію.

наташа.—Кузина, къ чему это?

бѣлинскій. — Можетъ быть, одинъ сонъ смѣнился другимъ.

софья.—Однако, послушайте, господинъ женихъ, не слишкомъ ей вѣрьте: она носитъ съ давнишнихъ поръ на крестѣ стихи, которые далъ ей Арбенинъ. Пожалуйста, скажите-ка ей, чтобъ она показала. А-а! покраснѣла, душа моя!

бѣлинскій. — Я могу просить, и то, если она позволитъ...

софья.—Попалась?

бѣлинскій. — Впрочемъ, я въ ней слишкомъ увѣренъ.

софья.—Излишества всегда опасны.

наташа.—Чтобъ доказать моей кузинѣ, что я не дорожу ни мало этими бездѣлками [снимаетъ съ шеи ожерелье, на коемъ крестъ, и бумажку отвязываетъ], возьмите! Эта старинная бумаж-

ка была мною совсѣмъ позабыта. Прочти, мой другъ; эти стихи довольно порядочно написаны.

БѢЛИНСКІЙ [беретъ]. —Это его рука.

СОФЬЯ [въ сторону]. —Безстыдный! онъ также спокоенъ, какъ будто бы читаетъ театральную афишку: ни одной искры раскаянья въ ледяныхъ глазахъ! Ужели искусство? Нѣтъ, я женщина, но никогда не могла бы дойти до такой степени лицемѣрія. Ахъ! для чего одно пятно очернило мою чистую душу?

НАТАША.—Прочти, мой другъ.

БѢЛИНСКІЙ [читаетъ].

Когда я унесу въ чужбину
Подъ небо южной стороны
Мою мятежную кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой—
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?...
О, будь!... о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ, чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!...

Прекрасно! очень мило! [Отдаетъ].

НАТАША [разрываетъ бумагу]. — Теперь спокойны ли вы, кузина?

СОФЬЯ.—О, я на твой счетъ никогда не безпокоилась.

БѢЛИНСКІЙ [въ сторону].—Эта княжна вовсе не по-мнѣ! Къ чему ея упреки? Что ей за дѣло?

[Дверь отворяется, входитъ Владиміръ; кланяется; всѣ смущены; онъ хочетъ подойти, но взглянувъ на Бѣлинскаго и Наташу, останавливается и быстро входитъ въ гостиную].

НАТАША [только что Владиміръ взошелъ]. — Ахъ, Арбенинъ!

БѢЛИНСКІЙ [про себя]. —Вотъ некстати! Чортъ его просилъ! Онъ взбѣсится; онъ не знаетъ еще, вѣрно, что я женюсь, и на комъ... Мнѣ должно убраться, чтобъ не сдѣлаться жертвою перваго пыла. [Громко]. Мнѣ не хочется теперь встрѣтиться съ Арбенинымъ. Вы его знаете...

НАТАША. — Это правда.

БѢЛИНСКІЙ.— И такъ, прощайте. [Уходитъ].

НАТАША. — Невольный трепетъ пробѣгаетъ по моему тѣлу; сердце бьется... Отчего?... Отчего этотъ человѣкъ, котораго я уже не люблю, все еще имѣетъ на меня такое вліяніе? Можетъ быть, не совсѣмъ погасла любовь въ моемъ сердцѣ? Можетъ быть, одно воображеніе отвлекло меня отъ него на время? Но, что бы ни было, я должна, я хочу показать ему холодность; я дала Бѣлинскому слово: онъ сдѣлается моимъ мужемъ, а Арбенина надо удалить; это будетъ мнѣ легко. [Задумывается].

СОФЬЯ.—Слава Богу! [про себя]. я думала что этотъ Бѣлинскій не мучимъ совѣстью; теперь я вижу совсѣмъ противное. Онъ боялся встрѣтить взоръ обманутаго имъ человѣка. Такъ! онъ виновнѣе меня... Я примѣтила смущеніе въ его чертахъ. Пускай бѣжитъ! Ему ли убѣжать отъ неизбѣжнаго наказанія небесъ? [Удаляется въ глубину театра. Влади-

міръ, блѣдный, выходитъ изъ гостиной; онъ и Наташа долго стоятъ неподвижно].

НАТАША. — Что скажете новаго?

ВЛАДИМІРЪ.—Говорятъ, вы выходите замужъ.

НАТАША. — Это для меня не ново...

ВЛАДИМІРЪ.—Я вамъ желаю счастья.

НАТАША.—Покорно благодарю.

ВЛАДИМІРЪ.—Такъ это точно, точно правда?

НАТАША.—Что жъ удивительнаго?

ВЛАДИМІРЪ [помолчавъ]. — Вы не будете счастливы.

НАТАША.—Почему же?

ВЛАДИМІРЪ.—Я слышалъ, что свадьбы, которыя бываютъ въ одинъ день съ похоронами, несчастливы.

НАТАША.—Ваши пророчества очень печальны; впрочемъ, всякій день кто нибудь да умираетъ въ мірѣ. И такъ...

ВЛАДИМІРЪ. — Послушайте, скажите мнѣ по чести—это шутка или нѣтъ?

НАТАША.—Нѣтъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Подумайте хорошенько... Клянусь Богомъ, я теперь не въ состояніи принимать такія шутки. О, если бъ вы знали, что со мною было! ваше сердце облилось бы кровью. Въ васъ есть жалость... Послушайте, я похоронилъ мать, ангела земнаго, и отвергнутъ отцомъ за то, что любилъ ее. Я пріѣхалъ сюда, чтобъ возлѣ васъ провести хотя одну спокойную минуту... Зачѣмъ изъ шутки лишать меня такой минуты?

НАТАША.—Я не думала шутить; я очень понимаю, какъ ваше несчастіе велико; я бы достойна была презрѣнія, если бъ могла шутить съ вами теперь. Нѣтъ, вы имѣете право на уваженіе и сострадание всякаго...

ВЛАДИМІРЪ. — Божественная душа! Какъ! я долженъ лишиться и этого послѣдняго сокровища? [Ей]. Помните ли, давно тому назадъ, я привезъ вамъ стихи, въ которыхъ просилъ защитить меня противъ злословія свѣта, и вы обѣщали мнѣ; съ тѣхъ поръ я вамъ вѣрю, какъ Богу; съ тѣхъ поръ я васъ люблю! О, какимъ голосомъ было сказано это „обѣщаю!“ и я тогда же въ душѣ произнесъ клятву вѣчно любить васъ—вѣчно! На языкѣ другаго это слово мало значитъ; но я поклялся любить васъ вѣчно, и ничего не изгладитъ васъ изъ моей памяти! Отвѣчайте мнѣ, скажите мнѣ одно не слишкомъ холодное слово — и я буду... доволенъ. Что стоитъ одно слово? оно спасетъ меня отъ отчаянья.

НАТАША [въ сторону]. —Что мнѣ дѣлать? мысли мои разсѣяны. О, зачѣмъ, зачѣмъ нельзя изгладить нѣсколько дней изъ моей жизни, возвратиться къ прежнему? Я могла бы отвѣчать ему: онъ такъ жалокъ! я его не люблю, но его судьба невольно трогаетъ...

ВЛАДИМІРЪ.—Женщина! ты колеблешься? Слушай: если бъ изсохшая отъ голода собака приползла къ твоимъ ногамъ съ жалобнымъ визгомъ и движеньями, изъявляющими жестокія муки, и у тебя бы былъ хлѣбъ— ужели ты не отдала бы ей, прочитавъ голодную смерть во впаломъ взорѣ, хотя бы этотъ кусокъ хлѣба былъ назначенъ совсѣмъ для другаго употребленія? Такъ я прошу у тебя одного слова любви.

НАТАША [помолчавъ, важно]. —Я выхожу замужъ за Бѣлинскаго. [Софья, которая издали смотрѣла, уходитъ поспѣшно].

ВЛАДИМІРЪ. — Онъ? онъ?... какъ?... стало быть, мои подозрѣнія...

НАТАША.—Чему вы испугались?

ВЛАДИМІРЪ.—И я его называлъ другомъ! Адъ и проклятье! онъ мнѣ заплатитъ за каждую слезу, которую пролилъ

я на предательскую грудь... онъ мнѣ заплатитъ своею кровью! [Хочетъ идти].

НАТАША.—Остановитесь! остановитесь! [Онъ неподвиженъ]. Какое безумство! Такъ вотъ ваша привязанность ко мнѣ! Я люблю Бѣлинскаго, и вы хотите убить его! Опомнитесь! развѣ его смерть поможетъ вамъ?

ВЛАДИМІРЪ.— Тебѣ его жаль? Ты его любишь? Не вѣрю! нѣтъ, я не вѣрю! Тотъ, кто обманулъ друга, недостоинъ уваженія, не можетъ быть хорошимъ супругомъ и отцомъ семейства. Моя рука спасетъ тебя отъ этой ехидны.

НАТАША.—Владиміръ, останьтесь, я умоляю...

ВЛАДИМІРЪ [посмотрѣвъ на нее со вздохомъ].—Хорошо! Что еще я долженъ сдѣлать?

НАТАША.—Намъ не надобно больше видѣться. Я прошу, забудьте меня: это насъ обоихъ избавитъ отъ многихъ непріятностей. Мало ли есть разсѣяній для молодаго человѣка! Вамъ понравится другая, вы женитесь... тогда мы снова будемъ видѣться, сдѣлаемся друзьями, будемъ проводить вмѣстѣ цѣлые дни радости... До тѣхъ поръ я прошу васъ забыть дѣвушку,которая не должна слушать вашихъ жалобъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Прекрасные совѣты! [Съ сухимъ смѣхомъ; ходитъ взадъ и впередъ]. Въ какомъ романѣ, у какой героини вы переняли такія мудрыя увѣщанія? Прекрасно! поучительно! Кто бы могъ ожидать?

НАТАША.—Разсудокъ вашъ тоже говоритъ, что я, только вы его не хотите слушать.

ВЛАДИМІРЪ.—Нѣтъ, я не стану мстить Бѣлинскому!— я ошибался. Я помню, онъ мнѣ часто говорилъ о разсудкѣ: они годятся другъ для друга... и что мнѣ за дѣло? пускай-себѣ живутъ, да дѣтей наживаютъ, пускай закладываютъ деревни и покупаютъ другія—вотъ ихъ занятія!... Ахъ! а я за одинъ ея веселый часъ заплатилъ бы годами блаженства... А на что ей? Какая дѣтская глупость!

НАТАША.—Мои слова непріятны вамъ; но правда никому, говорятъ, не нравится. Я сама вамъ признаюсь, что вы, вашъ характеръ, сдѣлали сначала на меня довольно сильное впечатлѣніе; но теперь обстоятельства перемѣнились, и я должна изгнать васъ изъ моей памяти, не изъ сердца, потому что ужъ люблю другаго. Такъ я подамъ вамъ примѣръ: я васъ забуду...

ВЛАДИМІРЪ.—Ты меня забудешь?—ты? О, не думай! ты погубила меня—и совѣсть вѣрнѣе памяти. Нѣтъ!я слишкомъ сильно тебя люблю, слишкомъ безкорыстно, чтобы ты могла забыть того, кто бросилъ бы вселенную къ ногамъ твоимъ, если бъ долженъ былъ выбирать вселенную или тебя.Придетъ время и твой мужъ тебѣ наскучитъ, потому что онъ человѣкъ обыкновенный, и тогда ты пожалѣешь о прежнемъ, и мои слова и наши встрѣчи представятся твоей мысли и тотъ вечеръ...

НАТАША.—Еще разъ говорювамъ,перестаньте! Вы слишкомъ вольно говорите!

ВЛАДИМІРЪ [послѣ долгаго молчанія, съ жаромъ].—Дайте мнѣ поцѣловать руку на прощанье, одинъ разъ. Я полагаю, что мы не увидимся больше.

НАТАША. — Это будетъ очень умно. Какая вамъ радость смущать семейственную тишину! Этотъ мгновенный пылъ пройдетъ, и послѣ, послѣ мы будемъ друзьями.

ВЛАДИМІРЪ. — Вотъ женщина! она

подастъ надежды, чтобъ имѣть удовольствіе лишній разъ ихъ обмануть. [Наташа на него смотритъ съ досадой].

НАТАША. — Господинъ Арбенинъ! ваше упрямство нестерпимо, вы несносны.

ВЛАДИМІРЪ. — Отчего вы прежде со мною такъ не говорили?

НАТАША. — Вы несносны... Я сдѣлала все, что могла; больше, нежели должно было... Вы можете нашъ разговоръ пересказывать цѣлому городу—повѣрьте, я и свѣтъ обращаютъ на ваши слова очень мало вниманія... Прощайте! желаю вамъ вылечиться отъ вашей смѣшной болѣзни. Вы недостойны, чтобъ я съ вами говорила, какъ съ умнымъ человѣкомъ, потому что забываете всѣ приличія. Но я на васъ не похожа. Прощайте! Я довольно слышала. Терпѣнью, какъ всему, есть конецъ. [Отходитъ подальше].

ВЛАДИМІРЪ.—Богъ, Богъ! во мнѣ отнынѣ къ тебѣ нѣтъ ни покорности, ни вѣры!... но не наказывай меня за мятежное роптанье... Ты, ты самъ нестерпимой пыткой вымучилъ эти хулы... Зачѣмъ ты мнѣ далъ огненное сердце, которое любитъ до крайности и не умѣетъ такъ же ненавидѣть? Ты виновенъ! пускай твой громъ упадетъ на меня: я не думаю, чтобъ послѣдній вопль погибающаго червя могъ тебя порадовать... [Молчаніе]. Въ это время взошелъ Бѣлинскій. Наташа сказала ему что-то на ухо и ушла; онъ издали смотритъ. Владиміръ ломаетъ руки]. Эти нѣжныя губы, этотъ очаровательный голосъ, этотъ милый божественный взоръ, этотъ тонкій станъ—все это, все это для меня стало ядъ! [Обтираетъ глаза и лобъ платкомъ]. Вотъ кровавыя слезы! [Бѣлинскій подходитъ].

БѢЛИНСКІЙ.—Владиміръ! [Въ сторону]. Мнѣ должно его умаслить, а то онъ чортъ знаетъ чего надѣлать радъ! Наташа права: онъ только въ первыя минуты бѣшенства опасенъ. [Громко]. Владиміръ!

ВЛАДИМІРЪ [не оборачиваясь].—Что?

БѢЛИНСКІЙ. —Ты на меня сердитъ?

ВЛАДИМІРЪ.—Нѣтъ.

БѢЛИНСКІЙ.—О, я вижу, что ты сердитъ. Я виновенъ, но не совсѣмъ: развѣ не она сама выбирала?

ВЛАДИМІРЪ [все не оборачиваясь].—Разумѣется.

БѢЛИНСКІЙ.—Ты утѣшишься: время тебя вылечитъ.

ВЛАДИМІРЪ.—Не знаю.

БѢЛИНСКІЙ.—Арбенинъ! я вижу по всему, ты ужасно на меня сердитъ. Повѣрь, я тебя знаю очень хорошо, я проникъ всѣ движенья твоего сердца и даже иногда скорѣе объясню твои поступки, чѣмъ свои собственные.

ВЛАДИМІРЪ.—Ты знаешь меня? ты говоришь это? [Со смѣхомъ]. Если такъ, то Павелъ Васильевичъ Бѣлинскій первѣйшій глупецъ, или первѣйшій злодѣй въ свѣтѣ!

БѢЛИНСКІЙ.—Скорѣе первое, чѣмъ послѣднее.

ВЛАДИМІРЪ.—Поздравляю!

БѢЛИНСКІЙ.—Ну, посуди самъ: развѣ я не имѣлъ одинакаго съ тобою права на ея руку? Ты, братецъ, эгоистъ?

ВЛАДИМІРЪ.—О, если бъ я могъ имъ сдѣлаться!

БѢЛИНСКІЙ.—Повѣрь мнѣ, твоя печаль не что иное, какъ оскорбленное самолюбіе.

ВЛАДИМІРЪ.—Мнѣ?... вѣрить?... тебѣ?...

БѢЛИНСКІЙ.—Развѣ я употребилъ во зло твою довѣренность, развѣ я открылъ

какую нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, а нынѣ моя очередь. Зачѣмъ ты тогда на ней не женился?

ВЛАДИМІРЪ.—Я совѣтую оставить меня. Не надѣйся на мое хладнокровіе. Я хотѣлъ... готовъ былъ тебѣ отмстить, упиться твоей кровью... кровью! слышишь ли? и я тебѣ прощаю, но не хочу принимать коварныя ласки. Ты сдѣлалъ дурно, ты поступилъ не по братски, но я тебя не обвиняю ни въ чемъ. Оставь же меня! Теперь я свободенъ. Никто, никто ровно, положительно никто не дорожитъ мною на землѣ—слышишь? Это ты сдѣлалъ. Не пугайся, не раскаявайся. Что за важность? Я лишній! Ты, искусный, умный человѣкъ, увидалъ, что дружба меня изнѣжила, что надежда избаловала—и однимъ ударомъ отнялъ все... Бѣлинскій! кажется, у меня теперь ничего ужъ нѣтъ завиднаго?

БѢЛИНСКІЙ.—Ты не прощаешь мнѣ! эта язвительная улыбка, эта холодность...

ВЛАДИМІРЪ.—О, ты слишкомъ хорошо обо мнѣ думалъ: съ нѣкоторыхъ поръ я тебѣ ничѣмъ не обязанъ; мои долги тебѣ заплачены, денежные и другіе...

БѢЛИНСКІЙ.—Итакъ, ты у меня совершенно отнялъ свое сердце... Ужели мы не можемъ снова сойтись?

ВЛАДИМІРЪ.—На что?

БѢЛИНСКІЙ.—Я заклинаю тебя!

ВЛАДИМІРЪ [въ сторону]. — Какая низость! и она можетъ, и я могъ его любить!

БѢЛИНСКІЙ.—Именемъ ея прошу тебя!

ВЛАДИМІРЪ.—Полно! полно! развѣ я тебѣ мѣшаю? развѣ можно у меня еще что нибудь отнять?

БѢЛИНСКІЙ [сквозь зубы]. — Непреклонный! [Ему]. Прости мнѣ. Теперь ничего ужъ нельзя перемѣнить; по впередъ будь увѣренъ...

ВЛАДИМІРЪ.—Довольно и одного раза.

БѢЛИНСКІЙ.—Одумайся! я могу тебя утѣшить современемъ...

ВЛАДИМІРЪ [въ сторону]. — Современемъ! современемъ! Нестерпимо, ужасно.

БѢЛИНСКІЙ.—И ты даже не взглянулъ на опытнаго друга, который желаетъ тебѣ добра!

ВЛАДИМІРЪ.—Боже!...

БѢЛИНСКІЙ.—Такъ! я не долженъ тебя оставлять—это моя обязанность, и ты самъ будешь благодаренъ. Преступленіе было бы не удержать безумца на краю пропасти: отчаянье границъ не знаетъ. [Беретъ его за руку]. Пойдемъ къ ней! Наташа смягчитъ твою горесть; ея взоръ успокоитъ твою душевную бурю; пойдемъ къ ней! [Хочетъ его тащить; Владиміръ неподвиженъ съ минуту, потомъ вырываетъ буйно руку и бѣжитъ вонъ]. Остановись, Владиміръ! Онъ ушелъ! [Молчаніе.—Тихо]. Я исполнилъ желаніе моей невѣсты, судьба исполнила мое. Наташа хотѣла, чтобъ я его успокоилъ — и чего же ей больше. Я поступилъ какъ умѣлъ. Онъ ушелъ... Почему не могъ я дышать свободно въ его присутствіи? Вѣдь я правъ, и всѣ въ этомъ согласны. Арбенинъ ребенокъ, который, боясь розги, бросается въ рѣку. Его огорчаетъ моя женитьба, и я увѣренъ, что онъ что нибудь съ собою сдѣластъ. Какъ бы предупредить несчастный случай? Признаюсь, я люблю Арбенина и не желалъ бы, чтобъ бѣшенство теперешнее завладѣло имъ совершенно. Какъ жалко, что столько способностей, ума, подавлены безсмысленной страстью! и какъ не умѣть себѣ приказать? [Княжна Софья входитъ].

КНЯЖНА СОФЬЯ.—Гдѣ Арбенинъ?

БѢЛИНСКІЙ.—Ушелъ. Ничего не слышитъ и не видитъ; какъ сумасшедшій бросился въ дверь!

КНЯЖНА СОФЬЯ.—И вы его не удержали! И онъ все любитъ Наташу?

БѢЛИНСКІЙ.—Больше, чѣмъ когда нибудь.

КНЯЖНА СОФЬЯ [упадая въ кресла]. — И такъ все напрасно!

БѢЛИНСКІЙ.—Что съ вами? Человѣкъ! Эй, спирту!

КНЯЖНА СОФЬЯ.—Оставьте меня!

Конецъ 4-го дѣйствія.

ЭПИЛОГЪ.

[Въ домѣ у графа R. Много гостей. Подаютъ чай].

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.—Слышали вы, графъ, новость: завтра свадьба въ вашемъ приходѣ. Любопытно ли посмотрѣть?

ГРАФЪ.—Свадьба? А чья, напримѣръ?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.—Загорскина выходитъ за Бѣлинскаго.

ПЕРВАЯ ДАМА.—Вы знаете жениха? [Графъ сѣлъ за карты.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.—Знаю-съ.

ПЕРВАЯ ДАМА.—Онъ богатъ?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.—Имѣетъ состояніе, но есть, разумѣется, и долги.

ПЕРВАЯ ДАМА.—Хорошъ собой?

ВТОРОЙ ГОСТЬ. — Молодецъ; только много занимается своимъ лицомъ.

ПЕРВАЯ ДАМА.—Стало быть, онъ занимается хорошимъ.

ВТОРАЯ ДАМА.—А невѣста?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.—Недурна, une figure piquante!

ПЕРВАЯ ДАМА [къ другой].—Ma chère, я слышала: она кокетка до невозможности.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.—Она не одному Адамову потомку вскружила голову.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Да, бѣдный Арбенинъ! Вы, вѣрно, знаете, что онъ сошелъ съ ума?

МНОГІЕ.—Какъ сошелъ съ ума? Молодой Арбенинъ? Мы не слыхали.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Какъ же! отъ любви къ Загорскиной!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Мнѣ разсказывали про жалкое состояніе этого Арбенина. Ему все кажется, что его куда-то тащутъ: онъ хватается за все, прицѣпляется ко всему — къ стульямъ, столамъ, какъ будто противится неизвѣстной силѣ; онъ хохочетъ и плачетъ въ одно время; его губы смѣются, а изъ глазъ текутъ ручьи слезъ; иногда онъ узнаетъ окружающихъ, всѣхъ, кромѣ отца, и странно! все его ищетъ; иногда начинаетъ укорять его въ какомъ-то убійствѣ. Я бъ желалъ знать, откуда у помѣшанныхъ берутся подобныя мысли?

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.—Я слышалъ, что онъ былъ величайшій негодяй; однако удивительно, что почти всегда честные отцы имѣютъ дурныхъ сыновей.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.—Да! Павелъ Григоричъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ [полунасмѣшливо].—Онъ хотѣлъ сына своего отдать въ сумасшедшій домъ, но ему отсовѣтовали. И въ самомъ дѣлѣ, пожалуй, приписали бы это къ скупости.

ВТОРАЯ ДАМА.—И Загорскину не мучитъ совѣсть?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Про то знаетъ ея духовникъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.—Неужели нельзя вылечить Арбенина? Можетъ быть, тутъ есть какія нибудь физическія причины. Странно съ ума сойти отъ любви! И Арбенинъ! онъ, который часто въ обществѣ казался такъ веселъ, такъ

беззаботенъ, какъ будто сердце его было мыльный пузырь!...

третій гость.—Очень вѣроятно, что эта веселость была только личиною; какъ видѣли изъ его бумагъ и поступковъ, онъ имѣлъ характеръ пылкій, душу безпокойную и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзала. Богъ знаетъ, отчего она произошла? Мнѣ сказывали, что умственныя способности Арбенина очень рано стали развиваться. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остеречься отъ его нападеній, ни равнодушно переносить ихъ; его насмѣшки не дышали веселостью; въ нихъ примѣтна была горькая досада противъ всего человѣчества. Правда, были минуты, когда онъ предавался всей добротѣ своей. У него нашли недавно множество тетрадей, гдѣ отпечаталось все его сердце; тамъ стихи и проза; есть глубокія мысли и огненныя чувства. Я увѣренъ, что если бъ страсти не разрушили его такъ скоро, то онъ могъ бы сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ писателей: въ его опытахъ виденъ геній...

вторая дама.—По-мнѣ сумасшедшіе очень счастливы: ни объ чемъ не заботятся, не думаютъ, не грустятъ, ничего не желаютъ, не боятся...

третій гость.—А почему вы это знаете? Они только не могутъ помнить и пересказывать своихъ чувствъ. У нихъ душа не ослабѣваетъ, и не лишается никакой природной способности; но органы, которые выражали ощущеніе души, ослабѣваютъ, приходятъ въ разстройство отъ слишкомъ сильнаго напряженія: отъ этого ихъ муки еще ужаснѣе. Въ ихъ головѣ непонятный, тягостный хаосъ. Одна только полусвѣтлая мысль неподвижна; вокругъ нея вертятся всѣ другія въ совершенномъ безпорядкѣ. Это происходитъ отъ мгновеннаго потрясенія всѣхъ нервовъ, всего физическаго состава, которое, вѣрно, нелегко для человѣка. Развѣ блѣдныя щеки, впалые, мутные глаза признаки счастія? Взгляните очень близко на картину—и вы ничего не различите: краски сольются передъ глазами вашими. Такъ и люди, которые слишкомъ близко взглянули на жизнь, ничего болѣе не могутъ въ ней разобрать; и если они еще сохраняютъ въ себѣ что нибудь отъ сей жизни, то это одна смутная память о прошедшемъ. Чувство настоящаго и надежда для нихъ не существуютъ. Такое состояніе люди называютъ сумасшествіемъ и смѣются надъ его жертвами! [Между тѣмъ многіе разошлись].

второй гость [другому]. — А я зѣваю!

четвертый гость.—Къ чему это ораторство? Познанія, что ли свои онъ хочетъ показать?

пятый гость [Онъ молодой человѣкъ. Подходитъ къ третьему].—Сдѣлайте милость, нельзя ли вамъ дать мнѣ списать что нибудь изъ сочиненій Арбенина.

третій гость.—Очень хорошо, если достану.

[Входитъ слуга и отдаетъ билетъ графу, который кончилъ играть].

слуга.—Отъ Павла Григорьевича Арбенина. [Уходитъ].

многіе (межъ собой).—Что это значитъ?

третій гость.—Съ черной каймой — приглашеніе на похороны.

графъ.—А вотъ увидимъ. [Надѣваетъ очки и читаетъ].

„Павелъ Григорьевичъ Арбенинъ, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаетъ о

кончинѣ сына своего Владиміра Павловича Арбенина, послѣдовавшей сего мая восемнадцатаго дня пополудни, покорнѣйше проситъ пожаловать на выносъ тѣла въ собственный домъ мая двадцать перваго дня пополуночи въ десятомъ часу. Отпѣваніе въ приходской церкви.“ и проч.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ [про себя].—Каково! похороны въ одинъ день съ свадьбой Загорскиной!

НѢКОТОРЫЕ.—Боже мой! Какая жалость!

ВТОРАЯ ДАМА.—Бѣдный отецъ!

ПЯТЫЙ ГОСТЬ.—Бѣдный молодой человѣкъ! Онъ могъ бы еще вылечиться.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Смерть—самое лучшее выздоровленіе.

ТРЕТЬЯ ДАМА [третьему гостю]. — Не правда ли, какая жалость?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ [въ сторону]. — Теперь жалѣютъ! Къ погибшимъ люди справедливы; но что въ этомъ сожалѣніи? Одна слеза дружбы стоитъ всѣхъ восклицаній толпы; а такая слеза едва ли упадетъ на могилу Арбенина; онъ оставилъ угрызенія совѣсти въ сердцахъ, гдѣ поселить желалъ любовь.

ОДНА СТАРУХА. — Вотъ, чай, пышные будутъ похороны: вѣдь единственный сынъ!...

ТРЕТІЙ ГОСТЬ [одному изъ гостей].—Мнѣ кажется, что старухи любятъ смотрѣть на погребенія для того только, чтобы пріучиться къ мысли: „скоро и насъ потащутъ въ тѣсную могилу!“

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.—Забудемъ мертвыхъ, Богъ съ ними!

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.—Если всѣ такъ станутъ думать, то горе великимъ людямъ!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. — Я надѣюсь, вашъ Владиміръ Арбенинъ не великій человѣкъ; онъ былъ странный человѣкъ —вотъ все!

[Третій гость пожимаетъ плечами и отходитъ прочь]. [Занавѣсъ опускается].

Конецъ.

* *
*

Моя душа, я помню,съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала; я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я мгновеньями лишь жилъ—
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями; но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ!

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ. Но созданія мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О,нѣтъ! все было адъ иль небо въ нихъ.

Такъ! для прекраснаго могилы нѣтъ!
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ. И ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь. Моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь,
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое... На что имъ мертвыхъ разлучать?

КЪ * * *

Всевышній произнесъ свой приговоръ—
Его ничто не перемѣнитъ;
Межъ нами руку мести онъ простеръ,
И безпристрастно все оцѣнитъ.
Онъ знаетъ, и ему лишь можно знать,
Какъ нѣжно, пламенно любилъ я,
Какъ безотвѣтно все, что только могъ отдать,
Тебѣ на жертву приносилъ я.
Во зло употребила ты права,
Пріобрѣтенныя надъ мною,
И мнѣ, польстивъ любовію сперва,
Ты измѣнила—Богъ съ тобою!
О, нѣтъ! я бъ не рѣшился проклянуть!...
Все для меня въ тебѣ святое:
Волшебные глаза и эта грудь,
Гдѣ бьется сердце молодое.
Я помню, сорвалъ я обманомъ разъ
Цвѣтокъ, хранившій ядъ страданья:
Съ невинныхъ устъ твоихъ въ прощальный часъ
Непринужденное лобзанье;
Я зналъ: то не любовь—и перенесъ;
Но отгадать не могъ я тоже,
Что всѣхъ моихъ надеждъ и мукъ, и слезъ,
Веселый мигъ тебѣ дороже!
Будь счастлива несчастіемъ моимъ
И услыхавъ, что я страдаю,
Ты не томись раскаяньемъ пустымъ.
Прости!—вотъ все, что я желаю...
Чѣмъ заслужилъ я, чтобъ твоихъ очей
Затмился свѣжій блескъ слезами?
Ко смѣху пріучить себя нужнѣй:
Вѣдь жизнь смѣется же надъ нами!

ЖЕЛАНІЕ.

Зачѣмъ я не птица, не воронъ степной,
Пролетѣвшій сейчасъ надо мной?
Зачѣмъ не могу въ небесахъ я парить
И одну лишь свободу любить?

На западъ, на западъ помчался бы я,
Гдѣ цвѣтутъ моихъ предковъ поля,
Гдѣ въ замкѣ пустомъ, на туманныхъ горахъ,
Ихъ забвенный покоится прахъ.

На древней стѣнѣ ихъ наслѣдственный щитъ
И заржавленный мечъ ихъ виситъ.
Я сталъ бы летать надъ мечемъ и щитомъ—
И смахнулъ бы я пыль съ нихъ крыломъ.

И арфы шотландской струну бы задѣлъ—
И по сводамъ бы звукъ полетѣлъ;
Внимаемъ однимъ, и однимъ пробужденъ,
Какъ раздался, такъ смолкнулъ бы онъ.

Но тщетны мечты, безполезны мольбы
Противъ строгихъ законовъ судьбы.
Межъ мной и холмами отчизны моей
Разстилаются волны морей.

Послѣдній потомокъ отважныхъ бойцовъ
Увядаетъ средь чуждыхъ снѣговъ;
Я здѣсь былъ рожденъ, но нездѣшній душой...
О, зачѣмъ я не воронъ степной!...

СВ. ЕЛЕНА.

Почтимъ привѣтомъ островъ одинокій,
Гдѣ часто, въ думу погруженъ,
На берегу, о Франціи далекой
Воспоминалъ Наполеонъ!
Сынъ моря, средь морей твоя могила!
Вотъ мщеніе за муки столькихъ дней!
Порочная страна не заслужила,
Чтобы великій жизнь окончилъ въ ней.

Изгнанникъ мрачный, жертва вѣроломства
И рока прихоти слѣпой,
Погибъ, какъ жилъ—безъ предковъ и потомства,
Хоть побѣжденный—но герой!
Родился онъ игрой судьбы случайной,
И пролетѣлъ, какъ буря, мимо насъ;
Онъ міру чуждъ былъ. Все въ немъ было тайной:
День возвышенья—и паденья часъ!

КЪ ДРУГУ В. Ш.

„До лучшихъ дней!“ передъ прощаньемъ,
Пожавъ мнѣ руку, ты сказалъ;
И долго эти дни я ждалъ,
Но былъ обманутъ ожиданьемъ!

Мой милый, не придутъ они!
Въ грядущемъ счастія такъ мало!...
Я помню радостные дни,
Но все, что помню, то пропало.

Былое безполезно намъ—
Таковъ маякъ порой ночною
Надъ бурной бездною морскою,
Манящій къ вѣрнымъ берегамъ,
Когда на лодкѣ одинокой
Несется трепетный пловецъ,
И видитъ берегъ недалекой
И ближе видитъ свой конецъ.

Нѣтъ! обольстить мечтой напрасной
Больное сердце мудрено:
Едва нисходитъ сонъ прекрасный,
Ужъ просыпается оно!

7-го АВГУСТА.

[въ деревнѣ, на холмѣ, у забора].

Блистая, пробѣгаютъ облака
По голубому небу. Холмъ крутой
Осеннимъ солнцемъ озаренъ. Рѣка
Бѣжитъ внизу по камнямъ съ быстротой
И на холмѣ пришелецъ молодой,
Завернутъ въ плашъ, недвижимо сидитъ
Подъ старою березой. Онъ молчитъ;
Но грудь его подъемлется порой,
Но блѣдный ликъ мѣняетъ часто цвѣтъ;
Чего онъ ищетъ здѣсь? Спокойствія? О, нѣтъ!

Онъ смотритъ вдаль: тутъ лѣсъ пестрѣетъ, тамъ
Поля и степи, тамъ встрѣчаетъ взглядъ
Опять дубраву, или по кустамъ
Разсѣянныя сосны. Міръ какъ садъ
Цвѣтетъ, надѣвъ могильный свой нарядъ:
Поблекнувшіе листья... Жалокъ міръ!
Въ немъ каждый средь толпы забытъ и сиръ,
И люди всѣ къ ничтожеству спѣшатъ.
Но хоть природа презираетъ ихъ,
Любимцы есть у ней, какъ у царей другихъ.

И тотъ, на комъ лежитъ ея печать,
Пускай не ропщетъ на судьбу свою,
Чтобы никто, никто не смѣлъ сказать,
Что у груди своей она змѣю
Согрѣла. „О, когда бъ одно „люблю“
Изъ устъ прекрасныхъ могъ подслушать я,
Тогда бы люди, даже жизнь моя
Въ однообразномъ сѣверномъ краю,
Все бъ въ новый блескъ одѣлось!“ такъ мечталъ
Безпечный... но просить онъ небо не желалъ!

АТАМАНЪ.

Горе тебѣ, городъ Казань!
Бѣжитъ толпа удальцовъ
Сбирать невольную дань
Съ твоихъ беззащитныхъ купцовъ.
Вдоль по Волгѣ широкой,
На лодкѣ плывутъ,
И вёслами дружными плещутъ,
И пѣсни поютъ.

Горе тебѣ, русская земля!
Атаманъ между ними сидитъ;
Хоть его лихая семья
Какъ волны шумна—онъ молчитъ;
И краса молодая,
Какъ саванъ блѣдна,
Передъ нимъ стоитъ на колѣняхъ
И молвитъ она:

„Горе мнѣ, бѣдной дѣвицѣ!
Чѣмъ виновна я предъ тобой?
Ты повѣрилъ злой клеветницѣ:
Любимъ мною не былъ другой.
Мнѣ жребій неволи
Судьбинушкой данъ;
Не губи, не губи мою душу,
Лихой атаманъ!“

„Горе дѣвицѣ лукавой!
Атаманъ ей, нахмурясь, въ отвѣтъ:
У меня оправдается правый,
Но пощады виновному нѣтъ;
Отъ глазъ моихъ трудно
Проступокъ укрыть—
Все знаю!... и вновь не могу я,
Дѣвица, любить!...“

„Но лекарство чудесное есть
У меня для сердечныхъ ранъ...
Прости же!... лекарство то—месть!
На что же я здѣсь атаманъ?
И заплачу ль, какъ плачетъ
Любовникъ другой?...
И смягчишь ли меня ты, дѣвица,
Своею слезой?“

Горе тебѣ, гроза-атаманъ,
Ты свой произнесъ приговоръ!
Средь пожаровъ ограбленныхъ странъ
Ты забудешь ли пламенный взоръ?...
Остался ль ты хладенъ
И твердъ какъ въ бою,
Когда бросили въ пѣнные волны
Красотку твою?

Горе тебѣ, удалой!
Какъ совѣсть совсѣмъ удалить?
Отнынѣ онъ чистой водой
Боится ужъ руки умыть.
Умывать онъ ихъ любитъ,
Съ дружиной своей,
Слезами вдовицъ беззащитныхъ
И кровью дѣтей!

ИСПОВѢДЬ.

Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
Хоть самъ того не испыталъ,
Что могъ монахъ не лицемѣрить
И жить, какъ клятвой обѣщалъ,

Что поцѣлуи и улыбки
Людей коварны не всегда,
Что ближнихъ малыя ошибки
Они прощаютъ иногда;
Что время лечитъ отъ страданья;
Что міръ для счастья сотворенъ;
Что добродѣтель не названье
И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!...

Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
Противорѣчитъ каждый мигъ,
И умъ, какъ прежде безотрадный,
Желанной цѣли не достигъ;
И сердце, полно сожалѣній,
Хранитъ въ себѣ глубокій слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній,
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ;
Его ничто не испугаетъ,
И то, что было бъ ядъ другимъ,
Его живитъ, его питаетъ
Огнемъ язвительнымъ своимъ.

ЧАША ЖИЗНИ.

Мы пьемъ изъ чаши бытія
Съ закрытыми очами,
Златые омочивъ края
Своими же слезами.

Когда же передъ смертью съ глазъ
Завязка упадаетъ,
И все, что обольщало насъ,
Съ завязкой исчезаетъ,

Тогда мы видимъ, что пуста
Была златая чаша,
Что въ ней напитокъ былъ—мечта,
И что она—не наша!

АНГЕЛЪ СМЕРТИ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ А. М. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный,
Мой трудъ безвѣстный и простой,
Но пламенный, но вдохновенный
Воспоминаньемъ и—тобой!

Я дни мои влачу, тоскуя
И въ сердцѣ образъ твой храня,
И объ одномъ тебя прошу я:
Будь ангелъ смерти для меня.

Явись мнѣ въ грозный часъ страданья,
И поцѣлуй пусть будетъ твой
Залогомъ близкаго свиданья
Въ странѣ любви, въ странѣ другой!

Златой Востокъ, страна чудесъ,
Страна любви и сладострастья,
Гдѣ блещетъ роза—дочь небесъ,
Гдѣ все обильно, кромѣ счастья,
Гдѣ чище катится рѣка,
Вольнѣе мчатся облака,
Пышнѣе вечеръ догораетъ,
И міръ всю прелесть сохраняетъ
Тѣхъ дней, когда печатью зла
Душа людей, по волѣ рока,
Не обезславлена была.
Люблю тебя, страна Востока!
Кто зналъ тебя, тотъ забывалъ
Свою отчизну; кто видалъ
Твоихъ красавицъ, не забудетъ
Надменный пламень ихъ очей,
И безъ сомнѣнья вѣрить будетъ
Печальной повѣсти моей.

Есть Ангелъ Смерти; въ грозный часъ
Послѣднихъ мукъ и разставанья
Онъ крѣпко обнимаетъ насъ;
Но холодны его лобзанья

И страшенъ видъ его для глазъ
Безсильной жертвы; и невольно
Онъ заставляетъ трепетать,
И часто сердцу больно, больно
Послѣдній вздохъ ему отдать.
Но прежде людямъ эти встрѣчи
Казались—сладостный удѣлъ:
Онъ зналъ таинственныя рѣчи,
Онъ взоромъ утѣшать умѣлъ,
И бурныя смирялъ онъ страсти,
И было у него во власти
Больную душу какъ нибудь
На мигъ надеждой обмануть.

Равно во всѣ края вселенной
Являлся Ангелъ молодой;
На все, что только прахъ земной,
Глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный;
Его приходъ благословенный
Дышалъ небесной тишиной;
Лучами тихими блистая,
Какъ полуночная звѣзда,
Манилъ онъ смертныхъ иногда,
И провожалъ онъ къ дверямъ рая
Толпы освобожденныхъ душъ,
И самъ былъ счастливъ.—Почему жъ
Теперь томитъ его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье?

Недалеко отъ береговъ
И волнъ ревущихъ океана,
Подъ жаркимъ небомъ Индостана,
Синѣетъ длинный рядъ холмовъ.
Послѣдній холмъ высокъ и страшенъ,
Скалами сѣрыми украшенъ,
И вдался въ море; и на немъ
Орлы да коршуны гнѣздятся,
И рыбаки къ нему боятся
Подъѣхать въ сумракѣ ночномъ.
Прикрыта дикими кустами
На немъ пещера есть одна—
Жилище змѣй—хладна, темна,
Какъ умъ, обманутый мечтами,
Какъ жизнь, которой цѣли нѣтъ,
Какъ недосказанный очами
Убійцы хитраго привѣтъ.
Ея лампада—мѣсяцъ полный;
Съ ней говорятъ морскія волны;
И у отверстія стоятъ
Сторожевыя пальмы въ рядъ.

Давнымъ давно въ ней жилъ изгнанникъ,
Пришелецъ, юный Зораимъ.
Онъ на землѣ былъ только странникъ,
Людьми и небомъ былъ гонимъ.
Онъ могъ быть счастливъ—но блаженства,
Искалъ въ забавахъ онъ пустыхъ;
Искалъ онъ въ людяхъ совершенства,
А самъ—самъ не былъ лучше ихъ;
Искалъ великаго въ ничтожномъ;
Страшась надѣяться, жалѣлъ
О томъ, что было счастьемъ ложнымъ,
И ставъ безъ пользы осторожнымъ,
Повѣрить никому не смѣлъ.
Любилъ онъ ночь, свободу, горы,
И все въ природѣ... и людей...
Но избѣгалъ ихъ. Съ раннихъ дней
Къ презрѣнью пріучилъ онъ взоры,
Но сердца пылкаго не могъ
Заставить также охладиться:
Любовь насильства не боится,
Она—хоть презрѣна—все богъ.
Одно сокровище—святыню
Имѣлъ подъ небесами онъ:
Съ нимъ раемъ почиталъ пустыню...
Но что жъ?—Всегда ли вѣренъ сонъ?

На гордыхъ высотахъ Ливана
Растетъ могильный кипарисъ,
И вѣтки плюща обвились
Вокругъ его прямаго стана;
Пусть вихорь мчится и шумитъ
И сломитъ кипарисъ высокій—

Вкругъ кипариса плющъ обвитъ:
Онъ не погибнетъ одиноко!...
Такъ, міру чуждый, Зораимъ
Не вовсе бѣденъ—Ада съ нимъ!
Она рѣзва, какъ лань степная,
Мила, какъ цвѣтъ душистый рая;
Все страстно въ ней—и грудь, и станъ;
Глаза—два солнца южныхъ странъ.
И дѣвѣ было все забавой,
Покуда не явился ей
Изгнанникъ блѣдный, величавый,
Съ холодной дерзостью очей;
И ей пришло тогда желанье—
Огонь въ очахъ его родить
И въ мертвомъ сердцѣ возбудить
Любви безумное страданье.
И удалось ей. Зораимъ
Любилъ—съ тѣхъ поръ, какъ былъ любимъ:
Судьбина ихъ соединила,
А разлучитъ—одна могила!...

На синихъ небесахъ луна
Съ звѣздами дальними сіяетъ,
Лучемъ въ пещеру ударяетъ;
И безпокойная волна,
Ночной прохладою полна,
Утесъ, бѣлѣя, обнимаетъ.
Я помню—въ этотъ самый часъ
Обыкновенно нѣжный гласъ,
Сопровождаемый игрою,
Звучалъ, теряясь за горою:
Онъ изъ пещеры выходилъ.
Какой же демонъ эти звуки
Волшебной властью усыпилъ?...

Почти безъ чувствъ, безъ думъ, безъ силъ,
Лежитъ на ложѣ смертной муки
Младая Ада. Вѣтерокъ
Не освѣжитъ ея ланиты,
И томный взоръ, полузакрытый,
Напрасно смотритъ на востокъ,
И утра ждетъ она напрасно:
Ей не видать зари прекрасной,
Она до утра будетъ тамъ,
Гдѣ солнце ужъ не нужно намъ.

У изголовья, пораженный
Боязнью тайной, Зораимъ
Стоитъ—колѣнопреклоненный,
Тоской отчаянья томимъ.
Въ рукѣ изгнанника бѣлѣетъ
Дѣвицы хладная рука,
И жизни жаръ ее не грѣетъ.
„Но смерть“, онъ мыслитъ, „не близка!
Рука—не жизнь; болѣзнь простая—
Все не кончина роковая!“
Такъ иногда надежды свѣтъ
Являетъ то, чего ужъ нѣтъ:
И намъ хотя не остается
Для утѣшенья ничего,
Она надъ сердцемъ все смѣется,
Не исчезая изъ него.

Въ то время Смерти Ангелъ нѣжный
Летѣлъ чрезъ южный небосклонъ;
Вдругъ слышитъ ропотъ онъ мятежный,
И плачъ любви... и слабый стонъ...
И, быстрый, какъ полетъ мгновенья,
Къ пещерѣ подлетаетъ онъ.
Тоску послѣдняго мученья
Духъ смерти усладить хотѣлъ,
И на устахъ покорной Ады
Свой поцѣлуй напечатлѣлъ:
Онъ дать не могъ другой отрады,
Или, быть можетъ, Зораимъ
Еще замѣченъ не былъ имъ...
Но скоро при огнѣ лампады
Недвижный, мутный встрѣтивъ взоръ,
Онъ въ немъ прочелъ себѣ укоръ;
И Ангелъ Смерти сожалѣнье
Въ душѣ почувствовалъ святой.
Скажу ли?—даже въ преступленьи
Онъ обвинялъ себя порой.

Онъ отнялъ все у Зораима:
Одна была лишь имъ любима;
Его любовь была сильнѣй
Всѣхъ думъ и всѣхъ другихъ страстей.
И онъ не плакалъ... Но понятно
По цвѣту блѣдному чела,
Что мука смерть превозмогла,
Хоть потерялъ онъ невозвратно.
И Ангелъ зналъ—и какъ не знать?—
Что безнадежности печать
Въ спокойномъ холодѣ молчанья,
Что легче плакать, чѣмъ страдать
Безъ всякихъ признаковъ страданья!...

И Ангелъ мыслью поражонъ
Достойною небесъ: желаетъ
Вознаградить страдальца онъ.
Ужель создатель запрещаетъ
Несчастныхъ утѣшать людей?
И дѣвы трупъ онъ оживляетъ
Душою ангельской своей.
И, чудо! кровь въ груди остылой
Опять волнуется, кипитъ;
И взоръ, волшебной полонъ силой,
Въ тѣни рѣсницъ ея горитъ.
Такъ Ангелъ Смерти съединился
Со всѣмъ, чѣмъ только жизнь мила;
Но умъ границамъ подчинился,
И власть—не та ужъ, какъ была,
И только въ памяти туманной
Хранитъ онъ думы прежнихъ лѣтъ;
Ихъ появленье Адѣ странно,
Какъ ночью метеора свѣтъ,
И ей смѣшна ея безпечность,
И ей грядущее темно...
И чувства, вѣчныя какъ вѣчность,
Соединились всѣ въ одно.
Желаньямъ друга посвятила
Она всѣ радости свои—
Какъ будто смерть и не гасила
Въ невинномъ сердцѣ жаръ любви!...

Однажды на скалѣ прибрежной,
Внимая плескъ волны морской,
Задумчивъ, рядомъ съ Адой нѣжной,
Сидѣлъ изгнанникъ молодой.
Лучи вечерніе златили
Широкій, синій океанъ,
И видно было сквозь туманъ,
Какъ паруса вдали бродили.
Большіе черные глаза
На друга дѣва устремляла—
Но въ дикомъ сердцѣ бушевала,
Казалось, тайная гроза.
Порой разсѣянные взгляды
На красный западъ онъ кидалъ,
И вдругъ, взявъ тихо руку Ады
И обратившись къ ней, сказалъ:
„Нѣтъ! не могу въ пустынѣ долѣ
Однообразно дни влачить;
Я воленъ—но душа въ неволѣ:
Ей должно цѣпи раздробить...
Что жизнь?—давай мнѣ чашу славы,
Хотя бы въ ней былъ смертный ядъ;
Я не вздрогну—я выпить радъ:
Не всѣ ль блаженства—лишь отравы?
Когда нибудь все долженъ я
Оставить ношу бытія...
Скажи, ужель одна могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
И мнѣ спокойну быть?—о, нѣтъ!...
Взгляни: за этими горами
Съ могучимъ войскомъ подъ шатрами
Стоятъ два грозные царя:
И завтра, только что заря
Успѣетъ въ облакахъ проснуться,
Труба войны и звукъ мечей
Въ пустынѣ нашей раздадутся.
И къ одному изъ тѣхъ царей
Идти, какъ воинъ, я рѣшился;
Но ты не жди, чтобъ возвратился

Я побѣжденнымъ—нѣтъ, скорѣй
Волна, гонимая волнами
По безконечности морей,
Въ пріютъ родимыхъ камышей
Воротится. Но если съ нами
Побѣда будетъ, я принесть
Клянусь тебѣ жемчугъ и злато,
Себѣ оставлю только честь...
И буду счастливъ, и тогда-то
Мы заживемъ съ тобой богато...
Я знаю: никогда любовь
Геройскій мечъ не презирала;
Но если бъ даже ты желала...
Мой другъ, я долженъ видѣть кровь!
Вѣрь: для меня ничто угрозы
Судьбы коварной и слѣпой.
Какъ? ты блѣднѣешь?... слезы! слезы!
О чемъ же плакать, ангелъ мой?"
И Ангелъ-дѣва отвѣчаетъ:
„Видалъ ли ты, какъ отражаетъ
Ручей склонившійся цвѣтокъ?—
Когда вода не шевелится,
Онъ неподвижно въ ней глядится;
Но если свѣжій вѣтерокъ
Волну зеленую встревожитъ,
И всколебается волна—
Ужели тѣнь цвѣточка можетъ
Не колебаться, какъ она?
Мою судьбу съ твоей судьбою
Соединилъ такъ точно рокъ.
Волна—твой образъ, мой—цвѣтокъ;
Ты грустенъ—я грустна съ тобою.
Какъ знать?—быть можетъ, этотъ часъ
Послѣдній счастливый для насъ!..."

Зачѣмъ въ долинѣ сокровенной
Отъ миртовъ дышетъ ароматъ?
Зачѣмъ?... Властители вселенной,
Природу люди осквернятъ.
Цвѣтокъ измятый обагрится
Ихъ кровью, и стрѣла промчится
На мѣсто птицы въ небесахъ,
И солнце отуманитъ прахъ.

Крикъ побѣдившихъ, стонъ сраженныхъ
Принудятъ мирныхъ соловьевъ
Искать въ предѣлахъ отдаленныхъ
Другихъ долинъ, другихъ кустовъ,
Гдѣ красный день какъ ночь спокоенъ,
Гдѣ ихъ царицу, ихъ любовь,
Не стопчетъ розу мрачный воинъ
И обагритъ не можетъ кровь.

Чу!... топотъ... пыль клубится тучей,
И вотъ звучитъ труба войны,
И первый свистъ стрѣлы летучей
Раздался съ каждой стороны.
Новорожденное свѣтило
Съ лазурной неба вышины
Кровавымъ блескомъ озарило
Доспѣхи ратные бойцовъ.
Межъ тѣмъ войска еще сходились
Все ближе, ближе—и сразились;
И треску копій и щитовъ,
Казалось, сами удивились.
Но мщенье,—царь въ душахъ людей
И удивленія сильнѣй.

Была ужасна эта встрѣча,
Подобно встрѣчѣ двухъ громовъ
Въ грозу межъ дымныхъ облаковъ.
Съ успѣхомъ равнымъ длилась сѣча,
И все тѣснилось. Кровь рѣкой
Лилась вездѣ, мечи блистали,
Какъ тѣни знамена блуждали
Надъ каждой темною толпой,
И съ крикомъ смерти роковой
На трупы трупы упадали...
Но отступаетъ наконецъ
Одна толпа... и побѣжденный
Ужъ не противится боецъ,
И по травѣ окровавленной
Скользитъ испуганный бѣглецъ.
Одинъ лишь воинъ, окруженный
Враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ
Еще бѣжать. Изъ мертвыхъ тѣлъ
Вокругъ него была ограда...

И тутъ остался онъ одинъ.
Онъ не былъ царь иль царскій сынъ,
Хоть одаренъ былъ силой взгляда
И гордой важностью чела.—
Но вдругъ коварная стрѣла
Пронзила витязя младова,
И шумно навзничъ онъ упалъ,
И кровь струилась... и ни слова
Онъ, упадая, не сказалъ,
Когда побѣдный крикъ раздался,
Какъ погребальный стонъ, надъ нимъ,
И мимо смѣлый врагъ промчался,
Огнемъ пылая боевымъ.

На битву издали взирая
Съ горы кремнистой и крутой,
Стояла Ада молодая
Одна, волнуема тоской;
Высоко перси подымая,
Боязнью сердце билось въ ней,
Всечасно слезы набѣгали
На очи, полныя печали...
О, Боже! для такихъ очей
Кто не пожертвовалъ бы славой?
Но Зораиму былъ милѣй
Дѣвичьей ласки—путь кровавый!
Безумецъ! ты цѣны не зналъ
Всему, всему, чѣмъ обладалъ;
Не вѣдалъ ты, что Ангелъ нѣжный
Оставилъ рай свой безмятежный,
Чтобъ сердце Ады оживить,
Что многихъ онъ лишилъ отрады
Въ послѣдній мигъ, чтобъ усладить
Твое страданье.— Бѣдной Ады
Мольбы отвергнулъ хладно ты.
Возможно ль? Ангелъ красоты—
Тебѣ, изгнанникъ, не дороже
Надменной и пустой мечты?...
Она глядитъ и ждетъ... но что же?
Давно ужъ въ полѣ тишина,
Враги умчались за врагами,
Лишь искаженными тѣлами
Долина битвы устлана...

Увы! гдѣ Ангелъ утѣшенья?...
Гдѣ вѣстникъ рая молодой?—
Онъ мучимъ страстію земной
И не услышитъ ихъ моленья!...
Ужъ солнце низко... Ада ждетъ!...
Все тихо вкругъ... онъ все нейдетъ!...

Она спускается въ долину
И видитъ страшную картину;
Идетъ межь труповъ чуть дыша;
Какъ у невиннаго предъ казнью,
Надеждой, смѣшанной съ боязнью,
Ея волнуется душа;
Она предчувствовать страшится,
И съ каждымъ шагомъ воротиться
Она желала бъ; но любовь
Превозмогла въ ней ужасъ вновь;
Блѣдны ланиты дѣвы милой,
На грудь склонилась голова...
—И вотъ недвижна!—Такова
Была бъ лилея надъ могилой!...
Гдѣ Зораимъ?—Что, если онъ
Убитъ?—Но чей раздался стонъ?...
Кто этотъ, раненый стрѣлою,
У ногъ красавицы? Чей гласъ
Такъ сильно душу въ ней потрясъ?...
Онъ мертвыхъ окруженъ грядою,
Но часъ кончины и надъ нимъ...
Кто жъ онъ?—Свершилось!—Зораимъ!

„Ты здѣсь? теперь?—и ты ли, Ада?
О, твой приходъ мнѣ не отрада!
Зачѣмъ?... Для ужасовъ войны
Твои глаза не созданы,
Смерть не должна быть ихъ предметомъ;
Тебя излишняя любовь
Вела сюда... что пользы въ этомъ?...
Лишь я хотѣлъ увидѣть кровь
И вижу... и приходъ мгновенья,
Когда усну безъ сновидѣнья...
Никто—я самъ тому виной...
Я гибну!—Первою звѣздой
Намъ возвѣститъ судьба разлуку.

Не бойся крови. Дай мнѣ руку:
Я виноватъ передъ тобой.
Прости! ты будешь сиротой,
Ты не найдешь родныхъ, ни крова...
И даже... на груди другова
Не будешь счастлива опять:
Кто можетъ дважды счастье знать?...

„Мой другъ! къ чему твои лобзанья
Теперь, столь полныя огня?
Они не оживятъ меня
И увеличатъ лишь страданья,
Напомнивъ, какъ я счастливъ былъ...
О, если бъ, если бъ я забылъ,
Что въ мірѣ есть воспоминанья!
Я чувствую къ груди моей
Все ближе, ближе смертный холодъ...
О, кто бъ подумалъ! какъ я молодъ!
Какъ много я провелъ бы дней
Съ тобою, въ тишинѣ глубокой,
Подъ тѣнью пальмъ береговыхъ,
Когда бъ сегодня рокъ жестокой
Не обманулъ надеждъ моихъ!...

„Еще въ странѣ моей родимой
Гадатель мудрый, всѣми чтимый,
Мнѣ предсказалъ, что часъ придетъ—
И громкій подвигъ совершу я,
И гласъ молвы произнесетъ
Мое названье, торжествуя,
Но...“ Тутъ, какъ арфы дальній звонъ,
Его слова невнятны стали,
Глаза всю яркость потеряли
И ослабѣлъ примѣтно онъ.

Страдальцу Ада не внимала,
Лишь молча крѣпко обнимала,
Забывъ, что у нея ужъ нѣтъ
Чудесной власти прежнихъ лѣтъ;
Что поцѣлуй ея безсильный,
Ничтожный, какъ ничтожный звукъ,
Не озаряетъ тьмы могильной,
Не облегчитъ послѣднихъ мукъ.

Межъ тѣмъ на сводѣ отдаленномъ
Одна алмазная звѣзда
Явилась въ блескѣ неизмѣнномъ,
Чиста, прекрасна какъ всегда,
И мнилось: лучъ ея не знаетъ,
Что̀ на землѣ онъ озаряетъ;
Такъ онъ игриво нисходилъ
На жертву тлѣнья и могилъ.
И Зораимъ хотѣлъ напрасно
Послѣднимъ ласкамъ отвѣчать:
Все, все, что можетъ онъ сказать—
Уныло, мрачно, но не страстно.
Ужъ пламень слезъ ея не жжетъ
Ланиты хладныя какъ ледъ,
Ужъ тихо каплетъ кровь изъ раны;
И съ крикомъ, точно духъ ночной,
Надъ ослабѣвшей головой
Летаетъ коршунъ, гость незваный.
И грустно юноша взглянулъ
На отдаленное свѣтило,
Взглянулъ онъ въ очи дѣвы милой,
Привсталъ — и вздрогнулъ — и вздохнулъ—
И умеръ.—Съ синими губами
И съ побѣлѣвшими глазами,
Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
Всего, что страшно для людей.

Чья тѣнь, прозрачной мглой одѣта,
Какъ заблудившійся лучъ свѣта,
Съ земли возносится туда,
Гдѣ блещетъ первая звѣзда?
Вѣнецъ играетъ серебристый
Надъ мирнымъ, радостнымъ челомъ,
И долго виденъ свѣтъ огнистый
За нею въ сумракѣ ночномъ...
То Ангелъ Смерти, смертью тлѣнной
Отъ узъ земныхъ освобожденный!...
Онъ тѣло дѣвы бросилъ въ прахъ:
Его отчизна въ небесахъ.
Тамъ все, что онъ любилъ земнова,
Онъ встрѣтитъ и полюбитъ снова!...

Все тотъ же онъ, и власть его
Не измѣнилась ничего;
Прошло печали въ немъ волненье,
Какъ улетаетъ призракъ сна,
И только хладное презрѣнье
Къ землѣ оставила она:
За гибель друга въ немъ осталось
Желанье міру мстить всему;
И ненависть къ другимъ, казалось,
Была любовію къ нему.
Все тотъ же онъ—и безконечность,
Какъ мысль, онъ можетъ пролетать,
И можетъ взоромъ измѣрять
Лѣта, вѣка и даже вѣчность.
Но Ангелъ Смерти молодой
Простился съ прежней добротой;
Людей узналъ онъ: „состраданья
Они не могутъ заслужить;
Не награжденье—наказанье
Послѣдній мигъ ихъ долженъ быть!
Они коварны и жестоки,
Ихъ добродѣтели—пороки,
И жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ...“
Такъ думалъ онъ—зачѣмъ же нѣтъ?...

Его неизбѣжимой встрѣчи
Боится каждый съ этихъ поръ;
Какъ мечъ—его пронзаетъ взоръ;
Его привѣтственныя рѣчи
Тревожатъ насъ, какъ злой укоръ,
И льда хладнѣй его объятье,
И поцѣлуй его—проклятье!...

ВОЛЯ.

Моя мать—злая кручина,
Отцомъ же была мнѣ судьбина,
Мои братья, хоть люди,
Не хотятъ къ моей груди
Прижаться;
Имъ стыдно со мною,
Съ бѣднымъ сиротою,
Обняться.
Но мнѣ Богомъ дана
Молодая жена—
Воля-волюшка,
Вольность милая,
Несравненная.
Съ ней нашлись другіе у меня—
Мать, отецъ и семья;
А моя мать—степь широкая,
А мой отецъ—небо далекое;
Они меня воспитали,
Кормили, поили, ласкали;
Мои братья въ лѣсахъ—
Березы да сосны...
Несусь ли я на конѣ,
Степь отвѣчаетъ мнѣ;
Брожу ли поздней порой—
Небо свѣтитъ мнѣ луной;
Мои братья въ лѣтній день,
Призывая подъ тѣнь,
Машутъ издали руками,
Киваютъ мнѣ головами;
И вольность мнѣ гнѣздо свила,
Какъ міръ—необъятное!

СЕНТЯБРЯ 28.

Опять, опять я видѣлъ взоръ твой милый!
Я говорилъ съ тобой!
И мнѣ былое, взятое могилой,
Напомнилъ голосъ твой.

Къ чему?... Другой лобзаетъ эти очи
И руку жметъ твою;
Другому голосъ твой во мракѣ ночи
Твердитъ: люблю, люблю!

Откройся мнѣ: ужели непритворны
Лобзанія твои?

Они правамъ супружества покорны,
Но не правамъ любви.

Онъ для тебя не созданъ; ты родилась
Для пламенныхъ страстей;
Отдавъ ему себя, ты не спросилась
У совѣсти своей!

Онъ чувствовалъ ли трепетъ потаенный
Въ присутствіи твоемъ?
Умѣлъ ли презирать онъміръпрезрѣнный,
Чтобъ мыслить объ одномъ?

Встрѣчалъ ли онъ съ молчаньемъ и слезами
Привѣтъ холодный твой?
И лучшими ль онъ жертвовалъ годами—
Мгновеніямъ съ тобой?

Нѣтъ! я увѣренъ: твоего блаженства
Не можетъ сдѣлать тотъ,
Кто красоты наружной совершенства
Одни въ тебѣ найдетъ.

Такъ!... ты его не любишь!... Тайной властью
Прикована ты вновь
Къ душѣ печальной, незнакомой счастью,
Но нѣжной, какъ любовь.

* * *

Метель шумитъ и снѣгъ валитъ,
Но сквозь шумъ вѣтра дальній звонъ,
Порой, прорвавшися, гудитъ—
То отголосокъ похоронъ,

То звукъ могилы надъ землей,
Умершимъ—вѣсть, живымъ—укоръ,
Цвѣтокъ поблекшій, гробовой,
Который не плѣняетъ взоръ.

Пугаетъ сердце этотъ звукъ
И возвѣщаетъ онъ для насъ
Конецъ земныхъ недолгихъ мукъ,
Но чаще—новыхъ первый часъ...

НЕБО И ЗВѢЗДЫ.

Чисто вечернее небо
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка;
О, для чего мнѣ пельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!

Чѣмъ ты несчастливъ?
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо!—а я человѣкъ!...

Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же напротивъ
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлъ.

* * *

Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ;
Онъ не позволилъ бы стремиться,
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать?

Но чувство есть у насъ святое—
Надежда, богъ грядущихъ дней;

*

Она въ душѣ, гдѣ все земное,
Живетъ на перекоръ страстей;
Она залогъ, что есть понынѣ
На небѣ, иль въ другой пустынѣ,
Такое мѣсто, гдѣ любовь
Предстанетъ намъ, какъ ангелъ нѣжный,
И гдѣ тоски ея мятежной
Душа узнать не можетъ вновь.

КЪ КН. Л. Г—ОЙ.

Когда ты холодно внимаешь
Разсказамъ горести чужой,
И недовѣрчиво качаешь
Своей головкой молодой;
Когда блестящіе наряды
Безумно радуютъ тебя
Иль отъ ребяческой досады
Душа волнуется твоя;
Когда я вижу, вижу ясно,
Что для тебя въ семнадцать лѣтъ
Все привлекательно, прекрасно
Все—даже люди, жизнь и свѣтъ;
Тогда, измученъ вспоминаньемъ,
Я говорю душѣ своей:
Счастливъ, кто могъ земнымъ желаньямъ
Отдать себя во цвѣтѣ дней!
Но не завидуй: ты не будешь
Довольна этимъ—какъ она,
Своихъ надеждъ ты не забудешь,
А для другихъ—не рождена.
Такъ! мысль великая хранилась
Въ тебѣ донынѣ, какъ зерно:
Съ тобою въ міръ она родилась;
Погибнуть ей не суждено!

* * *

Я видѣлъ тѣнь блаженства; но вполнѣ,
Свободно отъ людей и отъ земли,
Не суждено имъ насладиться мнѣ.
Быть можетъ, манитъ только издали
Оно надежду; получивъ—какъ знать?—
Быть можетъ, я бъ его сталъ презирать;
И увидалъ бы, что ни слезъ, ни мукъ
Не стоитъ счастье, ложное какъ звукъ.

Кто скажетъ мнѣ, что звукъ ея рѣчей
Не отголосокъ рая? что душа
Не смотритъ изъ живыхъ ея очей,
Когда на нихъ смотрю я, чуть дыша?
Что для мученья моего она,
Какъ ангелъ казни, Богомъ создана?
Нѣтъ! чистый ангелъ не виновенъ въ томъ,
Что есть пятно тоски въ умѣ моемъ.

И съ каждымъ годомъ шире то пятно,
И скоро все поглотитъ и тогда
Узнаю я спокойствіе; оно,
Навѣрно, много причинитъ вреда
Моимъ мечтамъ и пламень чувствъ убьетъ,
За то безъ бурь напрасныхъ приведетъ
Къ уничтоженью; но до этихъ дней
Я воленъ, даже—если рабъ страстей?

Печалью вдохновенный, я пою
О ней одной, и все, что чуждо ей,
То чуждо мнѣ; я родину люблю
И больше многихъ; средь ея полей
Есть мѣсто, гдѣ я горесть началъ знать,
Есть мѣсто, гдѣ я буду отдыхать,
Когда мой прахъ, смѣшавшися съ землей,
Навѣки прежній видъ оставитъ свой.

О, мой Отецъ! гдѣ ты? гдѣ мнѣ найти
Твой гордый духъ, бродящій въ небесахъ?
Въ твой міръ ведутъ столь разныя пути,
Что избирать мѣшаетъ тайный страхъ.
Есть рай небесный, звѣзды говорятъ;
Но гдѣ же! вотъ вопросъ—и въ немъ-то ядъ;
Онъ сдѣлалъ то, что въ женскомъ сердцѣ я
Хотѣлъ сыскать отраду бытія.

СТАНСЫ КЪ Д***.

Я не могу ни произнесть,
Ни написать твое названье:
Для сердца тайное страданье
Въ его знакомыхъ звукахъ есть;
Суди жъ, какъ тяжко это слово
Мнѣ услыхать въ устахъ другаго!

Какое право имъ дано
Шутить святынею моею!
Когда коснуться я не смѣю,
Ужели имъ позволено?
Какъ я, ужель они искали
Свой рай въ тебѣ одной?—едвали!

Ни передъ кѣмъ я не склонялъ
Еще послушнаго колѣна:
То гордости была бъ измѣна;
А ей лишь робкій измѣнялъ.
И не поникну я главою,
Хотя бъ то было предъ судьбою!

Но если ты передъ людьми
Прикажешь мнѣ унизить душу,
Я клятвы юности нарушу,
Всѣ клятвы, кромѣ клятвъ любви;
Пускай имъ скажутъ, дорогая,
Что это сдѣлалъ для тебя я!

Улыбку я твою видалъ:
Она мнѣ сердце восхищала,
И ей—такъ думалъ я сначала—
Подобной нѣтъ; но я не зналъ,
Что очи, полныя слезами,
Равны красою съ небесами.

Я видѣлъ ихъ, и былъ вполнѣ
Счастливъ, пока слеза катилась:
Въ ней искра божества хранилась;
Она принадлежала мнѣ.
Такъ! все прекрасное, святое
Въ тебѣ—мнѣ больше чѣмъ родное.

Когда бъ міры у нашихъ ногъ
Благословляли нашу волю,
Я эту царственную долю
Назвать бы счастіемъ не могъ:
Ему страшны молвы сужденья,
Оно—цвѣтокъ уединенья.

Ты помнишь вечеръ и луну,
Когда въ бесѣдкѣ одинокой
Сидѣлъ я съ думою глубокой,
Взирая на тебя одну...
Какъ мнѣ мила тѣхъ дней безпечность!
За вечеръ тотъ я бъ не взялъ вѣчность.

Такъ за ничтожный талисманъ,
Отъ гроба Магомета взятый,
Факиру дайте жемчугъ, злато
И всѣ богатства чуждыхъ странъ:
Закону строгому послушный,
Онъ ихъ отвергнетъ равнодушно.

***

Ужасная судьба отца и сына—
Жить розно и въ разлукѣ умереть,
И жребій чуждаго изгнанника имѣть
На родинѣ съ названьемъ гражданина.
Но ты свершилъ свой подвигъ, мой отецъ;
Постигнутъ ты желанною кончиной!
Дай Богъ, чтобы какъ твой спокоенъ былъ конецъ
Того, кто былъ всѣхъ мукъ твоихъ причиной!
Но ты простишь мнѣ! Я ль виновенъ въ томъ,
Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
Огонь божественный, отъ самой колыбели
Горѣвшій въ ней, оправданный творцомъ?
Однако жъ тщетны были ихъ желанья:
Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
Хоть оба стали жертвою страданья!

Не мнѣ судить, виновенъ ты иль нѣтъ?
Ты свѣтомъ осужденъ... А что такое свѣтъ?
Толпа людей, то злыхъ, то благосклонныхъ,
Собраніе похвалъ незаслуженныхъ
И столькихъ же насмѣшливыхъ клеветъ.
Далеко отъ него, духъ ада или рая,
Ты о землѣ забылъ, какъ былъ забытъ землей;
Ты счастливѣй меня; передъ тобой,
Какъ море жизни, вѣчность роковая
Неизмѣримою открылась глубиной.
Ужели вовсе ты не сожалѣешь нынѣ
О дняхъ потерянныхъ въ тревогѣ и слезахъ,
О сумрачныхъ, но вмѣстѣ милыхъ дняхъ,
Когда въ душѣ искалъ ты какъ въ пустынѣ
Остатки прежнихъ чувствъ и прежнія мечты?
Ужель теперь совсѣмъ меня не любишь ты?...
О, если такъ! то небо не сравняю
Я съ этою землей, гдѣ жизнь влачу мою:
Пускай на ней блаженства я не знаю,
Покрайней мѣрѣ я—люблю!

СТАНСЫ.

Гляжу впередъ сквозь сумракъ лѣтъ,
Сквозь лучъ надеждъ, которымъ нѣтъ
Опредѣленья, и они
Мнѣ обѣщаютъ годы, дни,
Подобные минувшимъ днямъ:
Ни мукъ, ни радостей, а тамъ
Конецъ—ожиданный конецъ...
Какая будущность, творецъ!

Пусть я кого нибудь люблю,
Любовь не краситъ жизнь мою:
Она, какъ чумное пятно
На сердцѣ, жжетъ—хотя темно...
Враждебной силою гонимъ,
Я тѣмъ живу, что̀ смерть другимъ,
Живу—какъ неба властелинъ—
Въ прекрасномъ мірѣ—но одинъ!

Я сынъ страданья. Мой отецъ
Не зналъ покоя по конецъ;
Въ слезахъ угасла мать моя;
Отъ нихъ остался только я,
Ненужный членъ въ пиру людскомъ,
Младая вѣтвь на пнѣ сухомъ:
Въ ней соку нѣтъ, хоть зелена
Дочь смерти—смерть ей суждена.

КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Мой другъ, не плачь передъ разлукой,
И преждевременною мукой
Младое сердце не тревожь:
Ты самъ же послѣ осмѣешь
Тоску любови легковѣрной,
Которая закралась въ грудь.
Что разъ потеряно, то, вѣрно,
Вернется къ намъ когда нибудь.
Но невиновенъ рокъ бываетъ,
Что чувство въ насъ неглубоко;
Что наше сердце измѣняетъ
Надеждамъ прежнимъ такъ легко;
Что получивъ опять предметы,
Недавно взятые судьбой,
Не узнаемъ мы ихъ примѣты,
Не прельщены ихъ красотой;
И даже прежнему пристрастью
Не вѣримъ слабою душой,
И даже то относимъ къ счастью,
Что намъ казалося бѣдой.

РОМАНСЪ КЪ***.

Когда одни воспоминанья
О дняхъ безумства и страстей
На мѣсто славнаго названья
Твой другъ оставитъ у людей,

Когда съ насмѣшкой ядовитой
Осудятъ грусть его порой,
Ты будешь ли его защитой
Передъ безчувственной толпой?

Онъ жилъ съ людьми, какъ бы съ чужими,
И справедлива ихъ вражда;
Но хоть виновенъ передъ ними,
Тебѣ онъ вѣренъ былъ всегда.

Одной слезой, однимъ отвѣтомъ
Ты можешь смыть ихъ приговоръ;
Вѣрь! не постыденъ передъ свѣтомъ
Тобой оплаканный позоръ!

* * *

Когда я унесу въ чужбину
Подъ небо южной стороны
Мою мятежную кручину,
Мои обманчивые сны,
И люди съ злобой ядовитой
Осудятъ жизнь мою порой—
Ты будешь ли моей защитой
Передъ безчувственной толпой?..
О, будь!.. о, вспомни нашу младость,
Злословья жертву пощади,
Клянися въ томъ, чтобъ вовсе радость
Не умерла въ моей груди,
Чтобъ я сказалъ въ землѣ изгнанья:
Есть сердце, лучшихъ дней залогъ,
Гдѣ почтены мои страданья,
Гдѣ міръ ихъ очернить не могъ!..

ПОСВЯЩЕНІЕ ПОЭМЫ „ДЕМОНЪ“.

Прими мой даръ, моя Мадона!
Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ явилась ты,
Моя любовь мнѣ оборона
Отъ порицаній клеветы.
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего,
Ты неспособна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того!
Скажу ли?—преданъ самовластью
Страстей печальныхъ и судьбѣ,
Я счастьемъ не обязанъ счастью,
Но всѣмъ обязанъ я тебѣ.
Какъ демонъ хладный и суровый,
Я въ мірѣ веселился зломъ;
Обманы были мнѣ не новы,
И ядъ былъ на сердцѣ моемъ.
Теперь какъ мрачный этотъ геній,
Я близъ тебя опять воскресъ
Для непорочныхъ неслажденій,
И для надеждъ, и для небесъ.

НА КАРТИНУ РЕМБРАНДТА.

Ты понималъ, о мрачный геній!
Тотъ грустный, безотчетный тонъ,
Порывъ страстей и вдохновеній,
Все то, чѣмъ удивлялъ Байронъ.
Я вижу—ликъ полуоткрытый
Означенъ рѣзкою чертой...
То не бѣглецъ ли знаменитый
Въ одеждѣ инока святой?
Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ
Высокій умъ его убитъ;
Все темно вкругъ; тоской, сомнѣньемъ
Надменный взглядъ его горитъ.
Быть можетъ, ты писалъ съ природы,
И этотъ ликъ не идеалъ;
Или въ страдальческіе годы

Ты самъ себя изображалъ?—
Но никогда великой тайны
Холодный не проникнетъ взоръ,
И этотъ трудъ необычайный
Бездушнымъ будетъ злой укоръ.

ВОЛНЫ И ЛЮДИ.

Волны катятся одна за другою
Съ плескомъ и шумомъ глухимъ;
Люди проходятъ ничтожной толпою
Также одинъ за другимъ.

Волнамъ ихъ воля и холодъ дороже
Знойныхъ полудня лучей;
Люди хотятъ имѣть души... и что же?
Души въ нихъ—волнъ холоднѣй!

* * *

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
Не уступаетъ цвѣту ночи;
Какъ день твои блистаютъ очи
При встрѣчѣ радостныхъ очей.

Ты, отъ души смѣясь смѣшному,
Какъ скуку гонишь прочь печаль;
Что̀ бредъ ребяческій другому,
То все тебѣ покинуть жаль.

Волною жизни унесенный
Далеко отъ надеждъ былыхъ,
Какъ путешественникъ забвенный,
Я чуждымъ сталъ между родныхъ.

Предъ мною носятся видѣнья,
Жизнь обманувшія мою,
И, не рожденный для забвенья,
Я вновь черты ихъ узнаю.

И время ихъ не измѣнило:
Они все тѣ же!—я не тотъ;
Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило?
А что жалѣетъ, то живетъ?

* * *

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.
Кто можетъ, океанъ угрюмый,
Твои извѣдать тайны? Кто
Толпѣ мои разскажетъ думы?
Или поэтъ — или никто!...

АНГЕЛЪ.

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣсни святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,

И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

1832.

ПАРУСЪ.

Бѣлѣетъ парусъ одинокій
Въ туманѣ моря голубомъ...
Что ищетъ онъ въ странѣ далекой?
Что кинулъ онъ въ краю родномъ?

Играютъ волны; вѣтеръ свищетъ
И мачта гнется и скрипитъ...
Увы! онъ счастія не ищетъ!
И не отъ счастія бѣжитъ!

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!

МОРЯКЪ.

Въ семьѣ безвѣстной я родился
Подъ небомъ сѣверной страны,
И рано, рано пріучился
Смирять усилія волны.
О дѣтствѣ говорить не стану,
Я подаренъ былъ океану,
Какъ лишній въ мірѣ, въ тѣ года
Безпечной смѣлости, когда
Намъ все равно: земля иль море,
Родимый или чуждый домъ;
Когда безъ радости поемъ
И какъ змѣю мы топчемъ горе;
Когда мы рады все отдать,
Чтобъ вольнымъ воздухомъ дышать.
Я воленъ былъ въ моей темницѣ,
Въ полуживой тюрьмѣ моей;
Я все имѣлъ что надо птицѣ,
Гнѣздо на мачтѣ межъ снастей!
Я съ кораблемъ не разставался,
Я какъ сѣтей земли боялся;
Не вѣдалъ счету я друзьямъ;
Они всегда тѣснились къ намъ;
Я ихъ угадывалъ движенья,
Я понималъ ихъ разговоръ,
Живой и полный выраженья!
Въ немъ были ласки и укоръ —
И былъ звучнѣй тотъ звукъ чудесный,
Чѣмъ вѣтра вой и шумъ древесный,
И въ морѣ каждая волна
Была душой одарена!...
Безумны были эти лѣта!
Но что жъ? ужели былъ смѣшнѣй
Я тѣхъ неопытныхъ людей,
Которые, въ пустынѣ свѣта
Блуждая, думаютъ найти
Любовь и душу на пути?...
Всѣ чувства тайной мукой полны —
И всякій плакалъ, кто любилъ:
Любилъ ли онъ морскія волны,
Иль сердце женщинамъ дарилъ!
Покрывшись пѣною, рядами,
Какъ серебромъ и жемчугами,
Несется гордая волна,
Толпою слугъ окружена;
Такъ точно дѣва молодая
Идетъ, гордясь, между рабовъ,
Ихъ скромныхъ просьбъ, ихъ нѣжныхъ словъ

Не слушая, не понимая!
Но вянутъ дѣвы въ тишинѣ;
А волны, волны все однѣ!...
Я, обожатель ихъ свободы,
Какъ я въ душѣ любилъ всегда
Ихъ безконечные походы—
Богъ вѣсть откуда и куда!
И въ часъ заката молчаливый
Ихъ раззолоченныя гривы,
И бездны безконечный шумъ,

И эту жизнь безъ дѣлъ и думъ,
Безъ родины и безъ могилы,
Безъ наслажденья и безъ мукъ;
Однообразный этотъ звукъ,
Причудливыя эти силы,
Ихъ буйный ревъ и тишину,
И эту вѣчную войну,
Съ другой стихіей—съ облаками,
Съ дождемъ и вихремъ! Сколько разъ
На кораблѣ, въ опасный часъ,
Когда летала смерть надъ нами,
Я въ ужасѣ творца молилъ,
Чтобъ океанъ мой побѣдилъ!...
[Sic transit gloria mundi].

* * *

Что толку жить!... Безъ приключеній
И съ приключеньями—тоска
Вездѣ, какъ безпокойный геній,
Какъ вѣрная жена, близка!
Прекрасно съ шумной быть толпою,
Сидѣть за каменной стѣною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтобъ разъ объ этомъ поболтать,
Невольно указать повсюду—
Подъ гордой важностью лица
Въ мужчинѣ глупаго льстеца
И въ каждой женщинѣ—Іуду.
А потрудитесь разсмотрѣть —
Все веселѣе умереть.
Конецъ! Какъ звучно это слово,
Какъ много—мало мыслей въ немъ;
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ. А потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ
И черви вашъ скелетъ обгложутъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ,
Проститъ вамъ каждую обиду
По добротѣ души своей,
Для пользы вашей—и церквей
Отслужитъ, вѣрно, панихиду,
Которой, я боюсь сказать,
Не суждено вамъ услыхать.
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ,
Названье ваше сохранитъ.
Когда жъ стѣснится ужъ кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроютъ смѣлою рукой
И гробъ поставятъ къ вамъ другой.
И молча ляжетъ съ вами рядомъ
Дѣвица нѣжная! Одна,
Мила, покорна, хоть блѣдна...
Но ни дыханіемъ, ни взглядомъ
Не возмутится вашъ покой—
Что за блаженство, Боже мой!

* * *

1.

Прости! мы не встрѣтимся болѣ,
Другъ другу руки не пожмемъ;
Прости! твое сердце на волѣ,
Но счастья не сыщетъ въ другомъ!
Я знаю: съ порывомъ страданья
Опять затрепещетъ оно,
Когда ты услышишь названье
Того, кто погибъ такъ давно!

2.

Есть звуки — значенье ничтожно
И презрѣно гордой толпой.
Но ихъ позабыть невозможно, —
Какъ жизнь они слиты съ душой:
Какъ въ гробѣ, зарыто былое
На днѣ этихъ звуковъ святыхъ,
И въ мірѣ поймутъ ихъ лишь двое,
И двое лишь вздрогнутъ отъ нихъ!

3.

Мгновеніе вмѣстѣ мы были,
Но вѣчность ничто передъ нимъ:
Всѣ чувства мы вдругъ истощили,
Сожгли поцѣлуемъ однимъ.
Прости! не жалѣй безразсудно,
О краткой любви не жалѣй:
Разстаться казалось намъ трудно,
Но встрѣтиться-бъ было труднѣй.

* * *

Слова разлуки повторяя,
Полна надеждъ душа твоя;
Ты говоришь: есть жизнь другая,
И смѣло вѣришь ей... но я?..
Оставь страдальца—будь покойна:
Гдѣ-бъ ни былъ этотъ міръ святой,
Двухъ жизней сердцемъ ты достойна,
А мнѣ довольно и одной!
Тому-ль пускаться въ безконечность,
Кого измучилъ краткій путь?
Меня раздавитъ эта вѣчность,
Мнѣ страшно *здѣсь* не отдохнуть.
Я схоронилъ на вѣкъ былое,
И нѣтъ о будущемъ заботъ:
Земля взяла свое земное,
Она назадъ не отдаетъ!..

* * *

Она не гордой красотою
Прельщаетъ юношей живыхъ,
Она не водитъ за собою
Толпу вздыхателей нѣмыхъ.
И станъ ея не станъ богини,
И грудь волною не встаетъ;
И въ ней никто своей святыни,
Припавъ къ землѣ, не признаетъ.
Однако всѣ ея движенья,
Улыбка, рѣчи и черты
Такъ полны жизни, вдохновенья,
Такъ полны чудной простоты,
И голосъ душу проникаетъ
Какъ вспоминанье лучшихъ дней,—
И сердце любитъ и страдаетъ,
Почти стыдясь любви своей.

СОНЕТЪ.

Я памятью живу съ увядшими мечтами,
Видѣнья прежнихъ лѣтъ толпятся предо мной,
И образъ твой межъ нихъ, какъ мѣсяцъ въ часъ ночной
Между бродящими блистаетъ облаками.
Мнѣ тягостно твое владычество порой—
Твоей улыбкою, волшебными глазами
Порабощенъ мой духъ и скованъ, какъ цѣпями—
Что-жъ пользы для меня?—я не любимъ тобой...
Я знаю, ты любовь мою не презираешь,
Но холодно ея моленіямъ внимаешь;
Такъ мраморный кумиръ на берегу морскомъ
Стоитъ, — у ногъ его волна кипитъ, клокочетъ,
А онъ, безчувственнымъ исполненъ божествомъ,
Не внемлетъ, хоть ее отталкивать не хочетъ...

* * *

Мы случайно сведены судьбою,
Мы себя нашли одинъ въ другомъ,
И душа сдружилася съ душою,
Хоть пути не кончить имъ вдвоемъ!
Такъ потокъ весенній отражаетъ
Сводъ небесъ далекій, голубой,
И въ волнѣ спокойной онъ сіяетъ

И трепещетъ съ бурною волной.
Будь, о будь моими небесами,
Будь товарищъ грозныхъ бурь моихъ,
Пусть тогда гремятъ они межъ нами,
Я рожденъ, чтобы не жить безъ нихъ,
Я рожденъ, чтобъ цѣлый міръ былъ зритель
Торжества иль гибели моей,
Но съ тобой, мой лучъ-путеводитель,
Что́ хвала иль гордый смѣхъ людей!
Души ихъ пѣвца не постигали,
Не могли души его любить,
Не могли понять его печали,
Не могли восторговъ раздѣлить.

* * *

Послушай, быть можетъ, когда мы покинемъ
На вѣкъ этотъ міръ, гдѣ душою такъ стынемъ,
Быть можетъ въ странѣ, гдѣ не знаютъ обману,
Ты ангеломъ будешь, я демономъ стану!
Клянися тогда позабыть, дорогая,
Для прежняго друга все счастіе рая!
Пусть мрачный изгнанникъ, судьбой осужденный,
Тебѣ будетъ раемъ, а ты мнѣ — вселенной!

ИЗЪ БАЙРОНОВА

МАЗЕПЫ.

Ахъ, нынѣ я не тотъ совсѣмъ!
Меня друзья бы не узнали,
И на челѣ тогда моемъ
Власы сѣдые не блистали.
Я былъ еще совсѣмъ не старъ,
А изсушилъ мнѣ сердце жаръ
Страстей; явилися морщины
И ненавистныя сѣдины;
Но и теперь преклонныхъ лѣтъ
Я презираю тяготѣнье.
Я зналъ еще души волненье —
Любви минувшей грозный слѣдъ.
Но говорю: краса Терезы...
Теперь, среди полночной грезы
Мнѣ кажется: идетъ она
Между каштановъ и черешенъ...
Катится по небу луна...
Какъ я доволенъ и утѣшенъ!
Я вижу кудри... взоръ живой
Горячей влагою одѣлся...
Какъ жемчугъ перси бѣлизной...
Такъ живо образъ дорогой
Въ умѣ моемъ напечатлѣлся!
Станъ невысокій помню я
И азіатскія движенья,
Уста пурпурныя ея,
Стыда румянецъ и смятенье...
Но полно, полно! я любилъ,
Я чувствъ своихъ не измѣнилъ...
. . . . . .
Любовь, сокрывшись въ сердцѣ дикомъ,
Въ однихъ лишь крайностяхъ горитъ
И вѣчно [тщетно рокъ свирѣпой
Возсталъ] меня не охладитъ,
И тѣнь минувшаго бѣжитъ
Понынѣ всюду за Мазепой...

ЛИТВИНКА.

[отрывки изъ повѣсти].

Чей старый теремъ на горѣ крутой
Рисуется съ зубчатою стѣной?
Безсмѣнный царь синѣющихъ полей—
Кого хранитъ онъ твердостью своей?
Кто темнымъ сводамъ повѣрять привыкъ

Молитвы шопотъ и веселья кликъ?
Его владѣльца назову я вамъ:
Подъ именемъ Арсенія друзьямъ
И недругамъ своимъ онъ былъ знакомъ,
И не мечталъ объ имени другомъ.
Его права оспаривать не смѣлъ
Еще никто;—онъ больше не хотѣлъ!
Не вѣдалъ онъ владыки и суда,
Не посѣщалъ сосѣдей никогда;
Богатый въ мирѣ, сильный на войнѣ,
Когда къ нему являлися онѣ—
Онъ убѣгалъ довѣрчивыхъ бесѣдъ;
Презрѣніемъ дышалъ его привѣтъ;
Онъ даже лаской гостя унижалъ,
Хотя,быть можетъ, самъ того не зналъ.
Не потому ль, что слишкомъ рано онъ
Повелѣвать толпѣ былъ пріученъ?
На ложѣ наслажденья и въ бою
Провелъ Арсеній молодость свою.
Когда звучалъ ударъ его меча
И красная являлась епанча,
Бѣжалъ татаринъ и бѣжалъ литвинъ;
И часто стоилъ войска онъ одинъ!
Вся въ ранахъ грудь отважнаго была,
И посреди морщинъ его чела,
Приличнѣйшій нарядъ для всякихъ лѣтъ,
Краснѣлъ рубецъ, литовской сабли слѣдъ...

. . . . . .

Свѣтило дня, краснѣя сквозь туманъ,
Садится горделиво за курганъ,
И отдѣливъ ряды дождливыхъ тучъ,
Вдоль по землѣ скользитъ прощальный лучъ
Такъ сладостно, такъ тихо и свѣтло,
Какъ будто міра мрачное чело
Его любви достойно! Наконецъ
Оставилъ онъ долину, и вѣнецъ
Горы высокой теремъ озарилъ,
И пламень свой негрѣющій разлилъ
По стекламъ расписнымъ свѣтлицы той,
Гдѣ такъ недавно съ радостью живой,
Облокотясь на столикъ, у окна,
Ждала супруга вѣрная жена;
Гдѣ съ дѣтскою досадой сынъ ее
Чуть поднималъ отцовское копье...
Теперь... гдѣ сынъ и мать?На мѣстѣ ихъ
Сидитъ литвинка, дочь степей чужихъ.
Безмолвная подруга лучшихъ дней—
Разстроенная лютня передъ ней,
И по струнѣ оборванной скользя,
Блеститъ зари послѣдняя струя...
Устала Клара отъ душевныхъ бурь,
И очи голубыя, какъ лазурь,
Она сидитъ на западъ устремивъ.
Но не зари плѣнялъ ее разливъ:
Тамъ родина! пѣвецъ и воинъ тамъ
Не разъ къ ея склонялися ногамъ!
Тамъ вольны дѣвы! Тамъ никто бы ей
Не смѣлъ сказать: хочу любви твоей!...

. . . . . .

И опустѣлъ его высокій домъ,
И странниковъ не угощаютъ въ немъ,
И дворъ заросъ зеленою травой,
И пыль покрыла сѣрой пеленой
Святые образа, дубовый столъ
И пестрые ковры! И гладкій полъ
Не скрипнетъ ужъ подъ легкою ногой
Красавицы лукавой и младой!
Ни острый ножъ въ серебряныхъ ножнахъ,
Ни шлемъ стальной не блещутъ на стѣнахъ,
Они забыты въ полѣ роковомъ,
Гдѣ онъ погибъ! Въ покоѣ лишь одномъ
Все, все, какъ прежде: лютня у окна,
И вкругъ нея обвитая струна;
И двѣ одежды женскія лежатъ
На мягкомъ ложѣ, будто бы назадъ
Тому лишь день, какъ дѣва странъ чужихъ
Сюда небрежно положила ихъ;

И раздувая пологъ парчевой,
Скользитъ по нимъ прохладный вѣтръ ночной,
Когда сквозь тонкій занавѣсъ окна
Глядитъ луна—нескромная луна!—
Есть монастырь и тамъ въ недѣлю разъ
За упокой молящихъ слышенъ гласъ,
И съ честью передъ набожной толпой
Арсеній поминается порой.
И блещетъ въ церкви длинный рядъ гробовъ,
Украшенный гербомъ его отцовъ;
Но никогда межъ нихъ не будетъ тотъ,
Съ которымъ славный кончился ихъ родъ...

АУЛЪ-БАСТУНДЖИ.

[ОТРЫВОКЪ].

1.

Между Машукомъ и Бешту, назадъ
Тому лѣтъ тридцать, былъ аулъ; горами
Закрытъ отъ бурь и вольностью богатъ.
Его ужъ нѣтъ. Кудрявыми кустами
Покрыто поле; дикій виноградъ,
Цѣпляясь, вьется длинными хвостами
Вокругъ камней, покрытыхъ сѣдиной,
Съ вершинъ сосѣднихъ брошенныхъ грозой.

2.

Ни бранный шумъ, ни пѣсня молодой
Черкешенки ужъ тамъ не слышны болѣ,
И въ знойный, лѣтній день табунъ степной
Безъ стражи ходитъ тамъ, одинъ, по волѣ;
И безъ оглядки съ никой за спиной
Донской казакъ въѣзжаетъ въ это поле;
И безопасно въ небесахъ орелъ
Чертя круги, глядитъ на тихій долъ.

3.

И тамъ, когда вечерняя заря
Блѣднѣющимъ румянцемъ одѣваетъ
Вершины горъ, пустынная змѣя
Изъ-подъ камней, рѣзвяся, выползаетъ;
На ней рябая блещетъ чешуя
Серебрянымъ отливомъ, какъ блистаетъ
Разбитый мечъ, оставленный бойцомъ
Въ густой травѣ, на полѣ роковомъ.

4.

Сгорѣлъ аулъ и слухъ о немъ исчезъ.
Его сыны разсыпаны въ чужбинѣ...
Лишь предъ огнемъ, въ туманный день, черкесъ
Порой о немъ разсказываетъ нынѣ
При малыхъ дѣтяхъ. И чужихъ небесъ
Питомецъ, проѣзжая по пустынѣ,
Напрасно молвитъ казаку: „скажи,
Не знаешь ли аула Бастунджи?“..

КАЛЛЫ. *

ЧЕРКЕССКАЯ ПОВѢСТЬ.

[ОТРЫВОКЪ].

„Теперь насталъ урочный часъ,
И тайну я тебѣ открою.
Мои совѣты—Божій гласъ:
Клянись имъ слѣдовать душою.
Узнай: ты чудомъ сохраненъ
Отъ рукъ убійцъ окровавленныхъ,
Чтобъ неба оправдать законъ

* Убійца.

И отомстить за побѣжденныхъ;
И не тебѣ принадлежатъ
Твои часы, твои мгновенья;
Ты на землѣ орудье мщенья,
Палачъ—а жертва: Акбулатъ.
Отецъ твой, мать твоя и братъ,
Отъ рукъ злодѣя погибая,
Молили небо объ одномъ:
Чтобъ хоть одна рука родная
За нихъ развѣдалась съ врагомъ!—
Старайся быть суровъ и мраченъ,
Забудь о жалости пустой:
На грозный подвигъ ты назначенъ
Закономъ, клятвой и судьбой.
За всѣ минувшія злодѣйства,
Изъ обреченнаго семейства
Ты никого не пощади.
Ударилъ часъ ихъ истребленья!
Возьми жъ мои благословенья,
Кинжалъ булатный—и поди!“

Такъ говорилъ мулла жестокій,
И кабардинецъ черноокій
Безмолвно, чистя свой кинжалъ,
Уроки мщенія внималъ.
Онъ молодъ сердцемъ и годами,
Но чуждый страха, онъ готовъ,
Обычай дѣдовъ и отцовъ
Исполнить свято надъ врагами;
Онъ поклялся—своей рукой
Ихъ погубить во тьмѣ ночной.

ИЗМАИЛЪ-БЕЙ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей.
Такъ посреди чужихъ степей,
Подругъ внимательныхъ не зная,
Прекрасный путникъ, птичка рая,
Сидитъ на деревѣ сухомъ,
Блестя лазоревымъ крыломъ;
Пускай реветъ, бушуетъ вьюга,
Она поетъ лишь объ одномъ—
Она поетъ о солнцѣ юга...
И ты, звѣзда любви моей,
Товарищъ бурь моихъ суровыхъ,
Послушай пѣсни прежнихъ дней:
Давно ужъ нѣтъ у сердца новыхъ.
Ни мрачныхъ думъ, ни думъ святыхъ
Не измѣнила власть разлуки:
Тобою полны счастья звуки,
Меня узнаешь ты въ другихъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I

Привѣтствую тебя, Кавказъ сѣдой!
Твоимъ горамъ я путникъ не чужой:
Онѣ меня въ младенчествѣ носили
И къ небесамъ пустыни пріучили.
И долго мнѣ мечталось съ этихъ поръ
Все небо юга да утесы горъ.
Прекрасенъ ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вѣчные природы,
Когда, какъ дымъ синѣя, облака
Подвечеръ къ вамъ летятъ издалека,
Надъ вами вьются, шепчутся какъ тѣни,
Какъ надъ главой огромныхъ привидѣній
Колеблемыя перья—и луна
По синимъ сводамъ странствуетъ одна.

II.

Какъ я любилъ, Кавказъ мой величавый,
Твоихъ сыновъ воинственные нравы,
Твоихъ небесъ прозрачную лазурь,
И чудный вой мгновенныхъ, громкихъ бурь,
Когда пещеры и холмы крутые
Какъ стражи откликаются ночные;
И вдругъ проглянетъ солнце, и потокъ
Озолотится, и степной цвѣтокъ,
Душистую головку поднимая,

Блистаетъ какъ цвѣты небесъ и рая...
Въ вечерній часъ,—дождливыхъ облаковъ
Я наблюдалъ разодранный покровъ:
Лиловыя, съ багряными краями
Одни еще грозятъ, и надъ скалами
Волшебный замокъ, чудо древнихъ дней,
Растетъ въ минуту; но еще скорѣй
Его разсѣетъ вѣтра дуновенье.
Такъ прерываетъ рѣзкій звукъ цѣпей
Преступнаго страдальца сновидѣнье,
Когда онъ зритъ холмы своихъ полей...
Межъ тѣмъ бѣлѣй, чѣмъ горы снѣговыя,
Идутъ на западъ облака другія
И, проводивши день, тѣснятся въ рядъ,
Другъ черезъ друга свѣтлыя глядятъ
Такъ весело, такъ пышно и безпечно,
Какъ будто жить и нравиться имъ вѣчно!...

III.

И дики тѣхъ ущелій племена;
Имъ Богъ—свобода, ихъ законъ—война;
Они растутъ среди разбоевъ тайныхъ,
Жестокихъ дѣлъ и дѣлъ необычайныхъ.
Тамъ въ колыбели пѣсни матерей
Пугаютъ русскимъ именемъ дѣтей;
Тамъ поразить врага не преступленье;
Вѣрна тамъ дружба, но вѣрнѣе мщенье;
Тамъ за добро—добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмѣрна какъ любовь.

IV.

Темны преданья ихъ. Старикъ чеченецъ,
Хребтовъ Казбека бѣдный уроженецъ,
Когда меня чрезъ горы провожалъ,
Про старину мнѣ повѣсть разсказалъ.
Хвалилъ людей минувшаго онъ вѣка,
Водилъ меня подъ камень Росламбека,
Повисшій надъ извилистымъ путемъ,
Какъ будто бы удержанный Аллою
На воздухѣ въ паденіи своемъ.
Онъ весь обросъ зеленою травою;
И не боясь, что камень упадетъ,
Въ его тѣни, хранимъ отъ непогодъ,
Плѣнительнѣй, чѣмъ голубыя очи
У нѣжныхъ дѣвъ ледяной полуночи,
Склоняясь въ жаръ на длинный стебелекъ,
Растетъ воспоминанія цвѣтокъ.
И подъ столѣтней, мшистою скалою,
Сидѣлъ чеченъ однажды предо мною;
Какъ сѣрая скала, сѣдой старикъ,
Задумавшись, главой своей поникъ...
Быть можетъ, онъ о родинѣ молился;
И, странникъ чуждый, я прервать страшился
Его молчанье и молчанье скалъ:
Я ихъ въ тотъ часъ почти не различалъ.

V.

Его разсказъ, то буйный, то печальный,
Я вздумалъ перенесть на сѣверъ дальный:
Пусть будетъ страненъ въ нашемъ онъ краю,
Какъ слышалъ, такъ его передаю.
Я не хочу, незнаемый толпою,
Чтобы какъ тайна онъ погибъ со мною;
Пускай ему не внемлютъ—до конца
Я доскажу. Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца;
Любовь и пѣсни—вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила...

VI.

Давнымъ-давно, у чистыхъ водъ,
Гдѣ по кремнямъ Подкумокъ мчится,
Гдѣ за Машукомъ день встаетъ,

А за крутымъ Бешту садится, *
Близъ рубежа чужой земли
Аулы мирные цвѣли,
Гордились дружбою взаимной;
Тамъ каждый путникъ находилъ
Ночлегъ и пиръ гостепріимный;
Черкесъ счастливъ и воленъ былъ.
Красою чудной за горами
Извѣстны были дѣвы ихъ,
И старцы съ бѣлыми власами
Судили распри молодыхъ.
Весельемъ пѣсни ихъ дышали:
Они тогда еще не знали
Ни золота, ни русской стали.

VII.

Не все судьба голубитъ насъ,
Всему свой день, всему свой часъ.
Однажды—солнце закатилось,
Туманъ бѣлѣлъ ужъ подъ горой,
Но въ эту ночь аулы, мнилось,
Не знали тишины ночной.
Стада тѣснились и шумѣли,
Арбы тяжелыя скрипѣли;
Трепеща жены близъ мужей,
Держали плачущихъ дѣтей.
Отцы ихъ, бурками одѣты,
Садились молча на коней
И заряжали пистолеты,
И на кострѣ высокомъ жгли,
Что взять съ собою не могли.
Когда же день новорожденный
Завѣтный озарилъ курганъ
И мокрый утренній туманъ
Разсѣялъ вѣтеръ пробужденный,
Онъ обнажилъ подошвы горъ,
Пустой аулъ, пустое поле,
Едва дымящійся костеръ
И свѣжій слѣдъ колесъ—не болѣ.

* Машукъ и Бешту—двѣ главныя горы.

VIII.

Но что могло заставить ихъ
Покинуть прахъ отцовъ своихъ,
И добровольное изгнанье
Искать среди пустынь чужихъ?
Гнѣвъ Магомета? прорицанье?
О, нѣтъ! примчалась какъ-то вѣсть,
Что къ нимъ подходитъ врагъ опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громамъ его подвластно,
Что силъ его нельзя и счесть.—
Черкесъ удалый въ битвѣ правой
Умѣетъ умереть со славой,
И у жены его младой
Спаситель есть—кинжалъ двойной;
И страхъ насильства и могилы
Не могъ бы изъ родныхъ степей
Ихъ удалить: позоръ цѣпей
Несли къ нимъ вражескія силы.
Мила черкесу тишина,
Мила родная сторона,
Но вольность, вольность для героя
Милѣй отчизны и покоя.
„Въ насмѣшку русскимъ и въ укоръ
Оставимъ мы утесы горъ;
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуютъ надѣть оковы!“
Такъ думалъ каждый, и Бешту
Теперь ихъ мысли понимаетъ,
На русскихъ злобно онъ взираетъ
Иль облаками одѣваетъ
Вершинъ кудрявыхъ красоту.

IX.

Межъ тѣмъ летятъ за годомъ годы,
Готовятъ мщеніе народы,
И пятый годъ ужъ настаетъ,
А кровь джяуровъ не течетъ.
Въ необитаемой пустынѣ
Черкесъ бродящій отдохнулъ,

Построенъ новый былъ аулъ
[Его слѣдовъ не видно нынѣ],
Старикъ и воинъ молодой
Кипятъ отвагой и враждой.
Ужъ Росламбекъ съ береговъ Кубани
Князей союзныхъ поджидалъ;
Лезгинецъ, слыша голосъ брани,
Готовитъ стрѣлы и кинжалъ;
Скопилась месть ихъ роковая
Въ тиши надъ дремлющимъ врагомъ;
Такъ лѣтомъ глыба снѣговая,
Цвѣтами радуги блистая,
Виситъ, прохладу обѣщая,
Надъ беззаботнымъ табуномъ.

X.

Въ тотъ самый годъ, осеннимъ днемъ,
Между Желѣзной и Змѣиной, *
Гдѣ чуть примѣтный путь лежалъ,
Цвѣтущей, узкою долиной
Тихонько всадникъ проѣзжалъ.
Кругомъ налѣво и направо,
Какъ бы остатки пирамидъ,
Подъемлясь къ небу величаво,
Гора изъ за горы глядитъ;
И далѣ царь ихъ пятиглавый,
Туманный, сизо-голубой,
Пугаетъ чудной вышиной.

XI.

Еще небесное свѣтило
Росистый лугъ не обсушило;
Со скалъ гранитныхъ надъ путемъ
Склонялся дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ.
Но вотъ остановился онъ,
Какъ новой мыслью поражонъ,
Смущенный взглядъ кругомъ обводитъ—
Чего-то, мнится, не находитъ.
То пуститъ онъ коня стремглавъ,
То остановитъ и, привставъ
На стремена, дрожитъ, пылаетъ—
Все пусто. Онъ съ коня слѣзаетъ,
Къ землѣ сырой главу склоняетъ,
И слышитъ только шелестъ травъ...
Все одичало, онѣмѣло.
Тоскою грудь его полна...
Скажу ль? За кровлю сакли бѣлой,
За близкій топотъ табуна
Тогда онъ міръ бы отдалъ цѣлый.

*) Двѣ горы, находящіяся рядомъ съ Бешту.

XII.

Кто жъ этотъ путникъ? Русскій? Нѣтъ.
На немъ чекмень, простой бешметъ,
Чело подъ шапкою косматой;
Ножны кинжала, пистолетъ
Блестятъ насѣчкой небогатой;
И перетянутъ онъ ремнемъ,
И шашка чуть звенитъ на немъ;
Ружье, мотаясь за плечами,
Бѣлѣетъ въ шерстяномъ чехлѣ;
И какъ же горца на сѣдлѣ
Не различить мнѣ съ казаками?
Я не ошибся—онъ черкесъ.
Но смуглый цвѣтъ почти исчезъ
Съ его ланитъ; снѣга и вьюга
И холодъ сѣверныхъ небесъ,
Конечно, смыли краску юга,
Но видно все, что онъ черкесъ.
Густыя брови, взглядъ орлиный,
Рѣсницы длинны и черны,
Движенья быстры и вольны.
Отвергнулъ онъ обрядъ чужбины,
Не сбрилъ бородки и усовъ,
И блещетъ бѣлый рядъ зубовъ,
Какъ брызги пѣны у береговъ.
Онъ, сколько могъ, привычекъ, правилъ,
Своей отчизны не оставилъ...
Но горе, горе, если онъ,
Храня людей суровыхъ мнѣнья,

Развратомъ, ядомъ просвѣщенья
Въ Европѣ душной заражонъ!
Старикъ для чувствъ и наслажденья,
Безъ сѣдины между волосъ,
Зачѣмъ въ страну, гдѣ все такъ живо,
Такъ непокойно, такъ игриво,
Онъ сердце мертвое пришесъ?

XIII.

Какъ наши юноши онъ молодъ,
Но хладенъ блескъ его очей;
Поверхность темную морей
Такъ покрываетъ ранній холодъ
Корой ледяною своей
До первой бури. Чувства, страсти,
Въ очахъ навѣки догорѣвъ,
Таятся, какъ въ пещерѣ левъ,
Глубоко въ сердцѣ; но ихъ власти
Оно никакъ не избѣжитъ:
Пусть будетъ это сердце камень—
Ихъ пробужденный адскій пламень
И камень углемъ раскалитъ.

XIV.

И все прошедшее явилось
Какъ тѣнь умершаго ему,
Все съ этихъ поръ перемѣнилось,
Богъ вѣсть, и какъ и почему.
Онъ въ поле выѣхалъ пустое—
Вдругъ слышитъ выстрѣлъ—что̀ такое?
Какъ будто насмѣхъ, звукъ одинъ,
Жилецъ ущелій и стремнинъ,
Трикраты отзывъ повторяетъ.
Кинжалъ свой путникъ вынимаетъ,
И вотъ съ винтовкой безъ штыка
Въ кустахъ онъ видитъ казака;
Предъ нимъ фазанъ окровавленный,
Росою съ листьевъ окропленный,
Блистая радужнымъ хвостомъ,
Лежалъ въ травѣ пробитъ свинцомъ.
И ближе путникъ подъѣзжаетъ
И чистымъ русскимъ языкомъ
„Казакъ, скажи мнѣ“, вопрошаетъ,
„Давно ли пусто здѣсь кругомъ?“
—„Съ тѣхъ поръ, какъ русскихъ устрашился
Неустрашимый твой народъ;
Въ чужихъ горахъ отъ насъ онъ скрылся...
Тому сегодня пятый годъ“.

XV.

Казакъ умолкъ. Но что съ тобою,
Черкесъ? Зачѣмъ твоя рука
Подъята съ шашкой роковою?
Прости улыбку казака!
Увы! свершилось наказанье:
Въ крови, безъ чувства, безъ дыханья,
Лежитъ насмѣшливый казакъ.
Черкесъ глядитъ на ликъ холодный,
Въ немъ пробудился духъ природный,
Онъ пощадить не могъ никакъ,
Онъ удержать не могъ удара.
Какъ въ тучахъ зарево пожара,
Какъ лава Этны по полямъ,
Больной румянецъ по щекамъ
Его разлился; и блистали
Какъ лезвіе кровавой стали
Глаза его—и въ этотъ мигъ
Душа и адъ—все было въ нихъ!
Оборотясь, съ улыбкой злобной,
Черкесъ на сѣверъ кинулъ взглядъ—
Ничто, ничто смертельный ядъ
Передъ улыбкою подобной.
Волною поднялася грудь;
Хотѣлъ онъ и не могъ вздохнуть;
Холодный потъ съ чела крутова
Катился, но изъ устъ—ни слова.

XVI.

И вдругъ очнулся онъ, вздрогнулъ,
Къ лукѣ припалъ, коня толкнулъ,
Одно мгновенье на курганѣ
Онъ черной птицею мелькнулъ,

*

И скоро скрылся весь въ туманѣ.
Чрезъ камни конь его несетъ,
Онъ не глядитъ и не боится.
Такъ быстро скачетъ только тотъ,
За кѣмъ раскаяніе мчится.

XVII.

Куда черкесъ направилъ путь?
Гдѣ отдохнетъ младая грудь
И усмирится думъ волненье?
Черкесъ не хочетъ отдохнуть:
Ужели отдыхаетъ мщенье?
Аулъ, гдѣ дѣтство онъ провелъ,
Мечети, кровы мирныхъ селъ—
Все уничтожилъ русскій воинъ.
Нѣтъ, нѣтъ, не будетъ онъ спокоенъ,
Пока изъ бѣлыхъ ихъ костей,
Вѣкамъ грядущимъ въ поученье,
Онъ не воздвигнетъ мавзолей
И такъ отмститъ за униженье
Любезной родины своей.
„Я знаю васъ, онъ шепчетъ, знаю!
И вы узнаете меня;
Давно ужъ васъ я презираю;
Но вашу кровь пролить желаю
Я только съ нынѣшняго дня...“
Онъ бьетъ и дергаетъ коня,
И конь летитъ какъ вѣтеръ степи;
Надулись ноздри, блещетъ взоръ,
И ужъ въ виду зубчаты цѣпи
Кремнистыхъ безконечныхъ горъ,
И Шатъ подъемлется за ними
Съ двумя главами снѣговыми,
И путникъ мнитъ: „недалеко;
Въ часъ прискачу я къ нимъ легко.“

XVIII.

Предъ нимъ, съ оттѣнкой голубою,
Полувоздушною стѣною
Нагіе тянутся хребты;
Невѣрны, странны какъ мечты,
То разойдутся, то сольются...
Ужъ часъ прошелъ, и двухъ ужъ нѣтъ —
Они надъ путникомъ смѣются,
Они едва мѣняютъ цвѣтъ.
Блѣднѣетъ путникъ отъ досады;
Конь непривычный устаетъ;
Ужъ солнце къ западу идетъ
И больше въ воздухѣ прохлады;
А все пустынныя громады,
Хотя и выше и темнѣй,
Еще загадка для очей.

XIX.

Но вотъ его, подобно тучѣ,
Встрѣчаетъ крайняя гора:
Пестрѣй восточнаго ковра
Холмы кругомъ, все выше, круче.
Покрытый пѣной до ушей,
Здѣсь началъ конь дышать вольнѣй;
И дѣтскихъ лѣтъ воспоминанья
Передъ черкесомъ пронеслись,
Въ груди проснулися желанья,
Во взорахъ слезы родились.
Погасла ненависть на время,
И думъ неотразимыхъ бремя
Отъ сердца, мнилось, отлегло;
Онъ поднялъ свѣтлое чело,
Смотрѣлъ и внутренно гордился,
Что онъ черкесъ, что здѣсь родился.
Межъ скалъ незыблемыхъ, одинъ,
Забылъ онъ жизни скоротечность,
Онъ, въ мысляхъ міра властелинъ,
Присвоить бы желалъ ихъ вѣчность.
Забылъ онъ все, что̀ испыталъ:
Друзей, враговъ, тоску изгнанья
И, какъ невѣсту въ часъ свиданья,
Душой природу обнималъ.

XX.

Краснѣютъ сизыя вершины,
Лучемъ зари освѣщены;
Давно разсѣлины темны;

Катясь чрезъ узкія долины,
Туманы сонные легли,
И только топотъ лошадиный,
Звуча, теряется вдали.
Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты;
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, нѣжится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною;
Такъ сталь кольчуги иль копья
[Когда забыты послѣ бою
Они на полѣ роковомъ],
Въ кустахъ найденная луною,
Блистаетъ въ сумракѣ ночномъ.

XXI.

Ужъ поздно. Путникъ одинокой
Одѣлся буркою широкой.
За дубомъ низкимъ и густымъ
Дорога скрылась; вѣтеръ дуетъ;
Конь спотыкается подъ нимъ,
Храпитъ, какъ будто гибель чуетъ,
И сталъ... Дивится, слѣзъ сѣдокъ
И видитъ пропасть предъ собою,
А тамъ, на днѣ ея, потокъ
Во мракѣ бѣшеной волною
Шумитъ [слыхалъ я этотъ шумъ,
Въ пустынѣ вѣтромъ разнесенный,
И много пробуждалъ онъ думъ
Въ груди, тоской опустошенной].
Въ недоумѣньи надъ скалой
Остался странникъ утомленный;
Вдругъ видитъ онъ: въ дали пустой
Трепещетъ огонекъ—и снова
Садится на коня лихова;
И черезъ силу скачетъ конь
Туда, гдѣ свѣтится огонь.

XXII.

Не духъ коварства и обмана
Манилъ трепещущимъ огнемъ,
Не очи злобнаго шайтана
Свѣтилися въ ущельи томъ—
Двѣ сакли бѣлыя, простыя,
Таятся мирно за холмомъ;
Чернѣютъ крыши земляныя;
Съ краевъ ряды травы густой
Висятъ зеленой бахромой;
А вѣтеръ осени сырой
Поетъ имъ пѣсни неземныя;
Широкій окружаетъ дворъ
Изъ кольевъ и вѣтвей заборъ,
Уже нагнутый, обветшалый.
Все въ мертвый сонъ погружено—
Одно лишь свѣтится окно...
Заржалъ черкеса конь усталый,
Ударилъ о землю ногой;
И отвѣчалъ ему другой...
Изъ сакли кто-то выбѣгаетъ,
Идетъ. „Великій Магометъ
Къ намъ гостя, вѣрно, посылаетъ.
Кто здѣсь?“ „Я странникъ!“ былъотвѣтъ—
И больше спрашивать не хочетъ,
Обычай прадѣдовъ храня,
Хозяинъ скромный. Вкругъ коня
Онъ самъ заботится; хлопочетъ,
Онъ самъ снимаетъ весь приборъ
И самъ ведетъ его на дворъ.

XXIII.

Межъ тѣмъ привѣтно въ саклѣ дымной
Проѣзжій встрѣченъ старикомъ;
Сажая гостя предъ огнемъ,
Онъ руку жметъ гостепріимно.
Блистаетъ по стѣнамъ кругомъ
Богатство горца: ружья, стрѣлы,
Кинжалы съ набожнымъ стихомъ,
Въ углу башлыкъ убійцы бѣлый,

И плеть межъ буркой и сѣдломъ.
Они заводятъ рѣчь о волѣ,
О прежнихъ дняхъ, о бранномъ полѣ;
Кипитъ, кипитъ бесѣда ихъ
И носятся въ мечтахъ живыхъ
Они къ грядущему, къ былому;
Проходитъ непримѣтно часъ—
Они сидятъ, и въ первый разъ,
Внимая странника разсказъ,
Старикъ дивится молодому.

XXIV.

Онъ самъ лезгинецъ; ужъ давно
[Такъ было небомъ суждено]
Не зрѣлъ отечества. Три сына
И дочь младая съ нимъ живутъ.
При нихъ молчитъ еще кручина
И бѣдный милъ ему пріютъ.
Когда горятъ ночныя звѣзды,
Тогда пускаются въ разъѣзды
Его лихіе сыновья:
Живетъ добычей вся семья.
Они повсюду страхъ приносятъ;
Украсть, отнять—имъ все равно;
Чихирь и медъ кинжаломъ просятъ
И пулей платятъ за пшено.
Изъ табуна ли, изъ станицы
Любаго уведутъ коня;
Они боятся только дня,
И ихъ владѣньямъ нѣтъ границы.
Сегодня дома лишь одинъ,
Его любимый, старшій сынъ.
Но словъ хозяина не слышитъ
Пришелецъ, онъ почти не дышетъ,
Остановился быстрый взоръ,
Какъ въ мигъ паденья метеоръ:
Предъ нимъ, подъ видомъ дѣвы горъ,
Созданіе земли и рая,
Стояла пери молодая.

XXV.

И кто бъ, ее увидѣвъ, молвилъ: нѣтъ!
Кто прелести небесъ, иль даже слѣдъ
Небеснаго, разсѣянный лучами
Въ улыбкѣ устъ, движеньи черныхъ глазъ—
Все, что такъ дружно съ первыми мечтами,
Все, что встрѣчаемъ въ жизни только разъ—
Не отличитъ отъ красоты ничтожной,
Отъ красоты земной, нерѣдко ложной?
И кто, кто скажетъ, совѣсть заглуша:
Прелестный ликъ, но хладная душа!
Когда онъ вдругъ увидитъ предъ собою
То, что сперва почелъ бы онъ душою
Освобожденныхъ отъ земныхъ цѣпей,
Слетѣвшихъ въ міръ, чтобъ утѣшать людей.
Пусть, подойдя, лезгинку онъ узнаетъ:
Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ,
Восточная видна въ ланитахъ кровь;
Но только удалится образъ милый—
Онъ станетъ сомнѣваться въ томъ, что было,
И заблужденью онъ повѣритъ вновь.

XXVI.

Нѣжна—какъ пери молодая,
Созданіе земли и рая,
Мила—какъ намъ въ краю чужомъ
Межъ звуковъ языка чужова
Знакомый звукъ, родныхъ два слова;
Такъ утѣшительно-мила,
Какъ древле узнику была
На сумрачномъ окнѣ темницы
Простая пѣсня вольной птицы,
Стояла Зара у огня.
Чело немножко наклоня,
Она стояла гордо, ловко;
Въ ея нарядѣ простота,
Но также вкусъ. Ея головка
Платкомъ прилежно обвита;

Изъ-подъ него до груди нѣжной
Двѣ косы темныя небрежно
Бѣгутъ—ужъ вѣрно часъ она
Ихъ расплетала, заплетала;
Она понравиться желала—
Какъ въ этомъ женщина видна!

XXVII.

Рукой дрожащей, торопливой,
Она поставила стыдливо
Смиренный ужинъ предъ отцомъ
И улыбнулась, и потомъ
Уйти хотѣла, и не знала
Идти ли? Грудь ея порой
Покровъ примѣтно поднимала;
Она послушать бы желала,
Что скажетъ путникъ молодой.
Но онъ молчитъ, блуждаютъ взоры:
Ихъ привлекаетъ лезвіе
Кинжала, ратные уборы;
Но взглядъ послѣдній на нее
Былъ устремленъ... Смутилась дѣва,
Но, не боясь отцова гнѣва,
Она осталась, и опять
Рѣшилась путнику внимать.
И что-то умъ его тревожитъ:
Своихъ неконченныхъ рѣчей
Онъ оторвать отъ устъ не можетъ;
Смѣется, но большихъ очей
Давно не обращаетъ къ ней;
Смѣется, шутитъ онъ; но хладный,
Печальный смѣхъ нейдетъ къ нему.
Замолкнетъ онъ—ей вновь досадно,
Сама не знаетъ почему.
Черкесъ ловилъ сначала жадно
Движенье глазъ ея живыхъ;
И наконецъ остановились
Глаза, которые рѣзвились,
Отвѣта ждутъ, къ нему склонились,
А онъ забылъ, забылъ о нихъ!...
Довольно! этого удара
Вторично дѣва не снесетъ;
Ему мѣшаетъ, видно, Зара?
Она уйдетъ, она уйдетъ...

XXVIII.

Кто много странствовалъ по свѣту,
Кто наблюдать его привыкъ,
Кто затвердилъ страстей примѣту,
Кому извѣстенъ ихъ языкъ,
Кто рано брошенъ былъ судьбою
Межъ образованныхъ людей,
И какъ они, съ своей рукою
Не отдавалъ души своей —
Тотъ пылкой женщины пристрастье
Не почитаетъ ужъ за счастье,
Тотъ съ сердцемъ дикимъ и простымъ
И съ чувствомъ нѣкогда святымъ
Шутить боится. Онъ улыбкой
Слезу старается встрѣчать,
Улыбкѣ хладно отвѣчать;
Коль обласкаетъ, такъ ошибкой!
Притворствомъ вѣчнымъ утомленъ,
Ужъ и себѣ не вѣритъ онъ;
Душѣ высокой не довольно
Остатковъ юности своей;
Вообразить еще ей больно,
Что для огня нѣтъ пищи въ ней.
Такіе люди въ жизни свѣтской
Почти всегда причина зла;
Какой-то робостію дѣтской
Ихъ отзываются дѣла:
И обольстить они не смѣютъ,
И вовсе кинуть не умѣютъ;
И часто думаютъ они,
Что ихъ излечитъ край далекой,
Пустыня, видъ горы высокой,
Иль тѣнь долины одинокой,
Гдѣ юности промчались дни;
Но ожиданье ихъ напрасно:
Душѣ все внѣшнее подвластно!

XXIX.

Ужъ милой Зары въ саклѣ нѣтъ.
Черкесъ глядитъ ей долго вслѣдъ

И мыслитъ: «нѣжное созданье!
Едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ,
А есть ужъ слезы и желанья;
Безсильный, свѣтлый лучъ зари,
На темной тучѣ не гори:
На ней твой блескъ лишь помрачится,
Ей ждать нельзя, она умчится.

XXX.

„Еще не знаешь ты, кто я.
Утѣшься! нѣтъ, не мирной долѣ,
Но битвамъ, родинѣ и волѣ
Обречена судьба моя.
Я бъ могъ нѣжнѣйшею любовью
Тебя любить, но надъ тобой
Хранитель, вѣрно, неземной;
Рука, обрызганная кровью,
Должна твою ли руку жать?
Тебя ли грѣть моимъ объятьямъ?
Тебя ли станутъ цѣловать
Уста, привыкшія къ проклятьямъ?...“
. . . . . .

XXXI.

Пора! яснѣетъ ужъ востокъ:
Черкесъ проснулся, въ путь готовый.
На пепелищѣ огонекъ
Еще синѣлъ. Старикъ суровый
Его раздулъ, пшено сварилъ,
Сказалъ, гдѣ лучшая дорога,
И самъ до ветхаго порога
Радушно гостя проводилъ.
И странникъ медленно выходитъ
Печалью тайной угнетенъ:
О юной дѣвѣ мыслитъ онъ...
И кто жъ коня ему подводитъ?

XXXII.

Уныло Зара передъ нимъ
Коня походнаго держала
И тихимъ голосомъ своимъ,
Поднявъ глаза къ нему, сказала:
„Твой конь готовъ; моей рукой
Надѣта бранная уздечка,
И серебристой чешуей
Блеститъ кубанская насѣчка,
И бурку черную ремнемъ
Я привязала за сѣдломъ;
Мнѣ это дѣло вѣдь не ново:
Любезный странникъ, все готово.
Твой конь прекрасенъ; не страшна
Ему утесовъ крутизна;
Хоть выросъ онъ въ краю далекомъ,
Въ немъ дикость гордая видна,
И лоснится его спина,
Какъ камень сглаженный потокомъ;
Какъ уголь взоръ его блеститъ;
Лишь наклонись—онъ полетитъ;
Его я гладила, ласкала,
Чтобы тебя онъ, путникъ, спасъ
Отъ вражьей шашки и кинжала
Въ степи глухой, въ недобрый часъ.

XXXIII.

„Но погоди въ стальное стремя
Ступать поспѣшною ногой;
Послушай, странникъ молодой,
Какъ знать? быть можетъ, будетъ время—
И ты на милой сторонѣ
Случайно вспомнишь обо мнѣ;
И если чаша пированья
Кипитъ, блеститъ въ рукѣ твоей,
То не ласкай воспоминанья,
Гони отъ сердца поскорѣй;
Но если эта мысль родится,
Но если образъ мой приснится
Тебѣ въ страдальческую ночь—
Услышь, услышь мое моленье:
Не презирай то сновидѣнье,
Не отгоняй тѣ мысли прочь.

XXXIV.

„Пріютъ нашъ малъ, за то спокоенъ;
Его не тронетъ русскій воинъ.
И что имъ взять?—пять-шесть коней,
Да наши грубыя одежды?...
Повѣрь ты скромности моей,
Откройся мнѣ: куда надежды
Тебя коварныя влекутъ?
Чего искать?—Останься тутъ,
Останься съ нами, добрый странникъ!
Я вижу ясно: ты изгнанникъ, .
Ты отъ земли своей отвыкъ,
Ты позабылъ ея языкъ.
Зачѣмъ спѣшишь къ родному краю,
И что тамъ ждетъ тебя—не знаю.
Пусть мой отецъ твердитъ порой,
Что безъ малѣйшей укоризны
Должны мы жертвовать собой
Для непризнательной отчизны—
По-мнѣ отчизна только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ.

XXXV.

„Еще туманъ бѣлѣетъ въ полѣ,
Опасенъ ранній хладъ вершинъ...
Хоть день одинъ, хоть часъ одинъ,
Послушай, часъ одинъ, не болѣ
Пробудь, жестокій, близъ меня;
Я покормлю еще коня,
Моя рука его отвяжетъ,
Онъ отдохнетъ, напьется, ляжетъ;
А ты у сакли здѣсь, въ тѣни,
Главу мнѣ на руку склони:
Твоихъ рѣчей услышать звуки
Еще желала бъ я хоть разъ;
Не удержу вѣдь счастья часъ,
Не прогоню вѣдь часъ разлуки?...“
И Зара съ трепетомъ въ отвѣтъ
Ждала напрасно два-три слова;
Скрывать печали силы нѣтъ,
Слеза съ рѣсницъ упасть готова...
Увы! молчаніе храня,
Садится путникъ на коня;
Ужъ ѣхать онъ приготовлялся,
Но обернулся—испугался,
И,состраданьемъ увлеченъ,
Хотѣлъ ее утѣшить онъ.

XXXVI.

„Не обвиняй меня такъ строго;
Скажи, чего ты хочешь?—слезъ?
Я ихъ имѣлъ когда-то много:
Ихъ міръ изъ зависти унесъ.
Но не рѣшусь судьбы мятежной
Я раздѣлять съ душою нѣжной;
Свободный, рабъ иль властелинъ,
Пускай погибну я одинъ.
Все, что́ меня хоть малость любитъ,
За мною вслѣдъ увлечено;
Мое дыханье радость губитъ;
Щадить—мнѣ власти не дано.
И не простаго человѣка
[Хотя въ одеждѣ я простой],
Утѣшься, Зара, предъ собой
Ты видишь брата Росламбека.
Я въ жертву счастье долженъ принести...
О, не жалѣй о томъ...Прости,прости!...“

XXXVII.

Сказалъ, махнулъ рукой, и звукъ подковъ
Раздался, въ отдаленьи умирая.
Едва дыша, безъ слезъ, безъ думъ, безъ словъ
Она стоитъ, безчувственно внимая,
Какъ будто этотъ дальній звукъ подковъ
Всю будущность ея унесъ съ собою.
О Зара, Зара, краткою мечтою
Ты дорожила—гдѣ жъ твоя мечта?
Какъ очи полны, какъ душа пуста!
Одно мгновенье тяжелѣй другова;
Все, что́ прошло, ты оживляешь снова!...

По цѣлымъ днямъ она глядитъ туда,
Гдѣ скрылася любви ея звѣзда;
Вездѣ, вездѣ она его находитъ:
Въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ;
Услышавъ ночью топотъ, съ ложа сна
Вскочивъ, дрожитъ, и ждетъ его она—
И постепенно вѣтромъ разносимый
Все ближе, ближе топотъ—и все мимо...
Такъ метеоръ порой летитъ на насъ,
И ждешь—и близокъ онъ—и вдругъ погасъ...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной,
Цѣпей зимы и хлада не боится:
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится.
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ, сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ—волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ нибудь
И снова полетитъ въ далекій путь.

II.

На берегу ея кипучихъ водъ
Недавно изгнанный врагомъ народъ
Аулъ построилъ свой и ждалъ мгновенья,
Когда свершить придуманное мщенье.
Черкесъ готовилъ дерзостный набѣгъ,
Союзники сбирались потаенно,
И умный князь, лукавый Росламбекъ,
Склонялся передъ русскими смиренно;
А между тѣмъ съ отважною толпой
Станицы раззорялъ во тьмѣ ночной;
И, возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый
Онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ,
И увѣрялъ ихъ въ дружбѣ, и шутилъ,
И головы рубилъ имъ для забавы.

III.

Легко народомъ править, если онъ
Одною общей страстью увлеченъ;
Не должно только слишкомъ завлекаться,
Предъ нимъ гордиться, или съ нимъ равняться;
Не должно мыслей открывать своихъ,
Иль спрашивать у подданныхъ совѣта
И забывать, что лучше горъ златыхъ
Иному ласка и слова привѣта...
Старайся первымъ быть вездѣ всегда;
Не забывайся, будь въ пирахъ умѣренъ,
Не трогай суевѣрій никогда
И самъ съ толпой умѣй быть суевѣренъ;
Страшись сначала много усиѣвать,
Страшись народъ къ побѣдамъ пріучать,
Чтобъ въ слабости своей онъ признавался,
Чтобъ каждый мигъ въ спасителѣ нуждался,
Чтобъ онъ тебя не сравнивалъ ни съ кѣмъ
И почиталъ нуждою—принужденья;
Умѣй отважно пользоваться всѣмъ.
И не проси никакъ вознагражденья;

Народъ ребенокъ: онъ не хочетъ дать,
Не покушайся вырвать—но украдь!

IV.

У Росламбека братъ когда-то былъ:
О немъ жалѣютъ шайки удалыя;
Отцомъ въ Россію посланъ Измаилъ,
И ихъ надежду отняла Россія.
Четырнадцати лѣтъ оставилъ онъ
Края, гдѣ былъ воспитанъ и рожденъ,
Чтобъ знать законы и права чужія.
Не подъ персидскимъ шелковымъ ковромъ
Родился Измаилъ, не пѣснью нѣжной
Онъ усыпленъ былъ въ сумракѣ ночномъ:
Его баюкалъ бури вой мятежной;
Когда онъ въ первый разъ открылъ глаза,
Его улыбку встрѣтила гроза;
Въ пещерѣ темной—гдѣ, гонимый братомъ,
Убійцею коварнымъ, Бей-Булатомъ,
Его отецъ таился много лѣтъ—
Изгнанникъ новый, онъ увидѣлъ свѣтъ.

V.

Какъ лишній межъ людьми, своимъ рожденьемъ
Онъ душу не обрадовалъ ни чью,
И, хоть невинный, началъ жизнь свою,
Какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ.
Онъ материнской ласки не зналъ:
Не у груди—подъ буркою согрѣтый,
Одинъ провелъ младенческія лѣты;
И вѣтеръ колыбель его качалъ,
И мѣсяцъ полуночи съ нимъ игралъ;
Онъ выросъ межъ землей и небесами,
Не зная принужденья и заботъ;
Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами,
А надъ собой одинъ лазурный сводъ,
И лишь орлы, да скалы величавы
Съ нимъ раздѣляли юныя забавы.
Онъ для великихъ созданъ былъ страстей,
Онъ обладалъ пылающей душою,
И бури юга отразились въ ней
Со всей своей ужасной красотою...
Но къ русскимъ посланъ онъ своимъ отцомъ,
И съ той поры извѣстья нѣтъ о немъ..

VI.

Горой отъ солнца заслоненный,
Пріютъ изгнанниковъ смиренный,
Между кизиловыхъ деревъ
Аулъ разсыпанъ надъ рѣкою;
Стоитъ отдѣльно каждый кровъ
Въ тѣни, подъ дымной пеленою.
Здѣсь въ лѣтній день, въ полдневный жаръ,
Когда съ камней восходитъ паръ,
Толпа дѣтей въ травѣ играетъ;
Черкесъ усталый отдыхаетъ;
Межъ тѣмъ сидитъ его жена
Съ работой въ саклѣ одиноко,
И пѣсню грустную она
Поетъ о родинѣ далекой;
И облака родныхъ небесъ
Въ мечтаньяхъ видитъ ужъ черкесъ:
Тамъ лугъ душистѣй, день свѣтлѣе,
Роса перловая свѣжѣе;
Тамъ разноцвѣтною дугой,
Развеселясь, нерѣдко дивы
На тучахъ строятъ мостъ красивый,
Чтобъ отъ одной скалы къ другой
Пройти воздушною тропой;
Тамъ въ первый разъ, еще несмѣлый,
На лукъ накладывалъ онъ стрѣлы...

VII.

Дни мчатся. Начался байранъ.
Вездѣ веселье, ликованья;
Мулла оставилъ алкоранъ,

И не слыхать его призванья;
Мечеть кругомъ освѣщена;
Всю ночь надъ хладными скалами
Огни краснѣютъ за огнями,
Какъ надъ земными облаками
Земныя звѣзды; но луна,
Когда на землю взоръ наводитъ,
Себѣ соперницъ не находитъ
И, одинокая, она
По небесамъ въ сіяньи бродитъ.

VIII.

Ужъ скачка кончена давно;
Стрѣльба затихнула; темно.
Вокругъ огня, пѣвцу внимая,
Столпилась юность удалая,
И старики сѣдые въ рядъ
Съ нѣмымъ вниманіемъ стоятъ.
На сѣромъ камнѣ, безоруженъ,
Сидитъ невѣдомый пришлецъ.
Нарядъ войны ему не нуженъ,
Онъ гордъ и бѣденъ—онъ пѣвецъ.
Дитя степей, любимецъ неба,
Безъ злата онъ, но не безъ хлѣба.
Вотъ начинаетъ: три струны
Ужъ забренчали подъ рукою,
И живо, съ дикой простотою
Запѣлъ онъ пѣсню старины:

IX.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насъ въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жить—завидна доля,
Но еще милѣе воля.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Кто жениться захотѣлъ,
Тотъ худой избралъ удѣлъ;
Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ;
Отчего?—жена заплачетъ!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Не измѣнитъ добрый конь:
Съ нимъ—и въ воду и въ огонь;
Онъ—какъ вихрь въ степи широкой;
Съ нимъ—все близко, что далеко.
Не женися молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

X.

Откуда шумъ? Кто эти двое?
Толпа въ молчаньи раздалась.
Нахмуря бровь, подходитъ князь
И рядомъ съ нимъ лицо чужое.
Три узденя за ними вслѣдъ.
„Великъ Алла и Магометъ!“
Воскликнулъ князь. „Сама могила
Покорна имъ! Въ странѣ чужой
Мой братъ хранимъ былъ ихъ рукой:
Вы узнаёте ль Измаила?...
Между врагами онъ возросъ,
Но не призналъ онъ ихъ святыни,
И въ наши синія пустыни
Одну лишь ненависть принесъ.“

XI.

И по долинѣ восклицанья
Восторга дикаго гремятъ;
Благословляя часъ свиданья,
Вкругъ Измаила старъ и младъ
Тѣснятся, шепчутъ. Поднимая
На плечи маленькихъ ребятъ,

Ихъ жены смуглыя, зѣвая,
На князя новаго глядятъ.
Гдѣ жъ Росламбекъ, кумиръ народа?
Гдѣ тотъ, кѣмъ славится свобода?—
Одинъ, забытъ, передъ огнемъ,
Поодаль, съ пасмурнымъ челомъ,
Стоялъ онъ, жертва злой досады.
Давно ли привлекалъ онъ самъ
Всѣ помышленія, всѣ взгляды?
Давно ли по его слѣдамъ
Вся эта чернь, шумя, бѣжала?
Давно ль, дивясь его дѣламъ,
Ихъ мать ребенку повторяла?
И что же вышло?—Измаилъ,
Враговъ отечества служитель,
Всю эту славу погубилъ
Своимъ пріѣздомъ—и властитель,
Вчерашній гордый полубогъ,
Вниманья черни безтолковой
Къ себѣ привлечь уже не могъ.
Ей все плѣнительно, что̀ ново.
„Простынетъ!“ мыслитъ Росламбекъ.
Но если злобный человѣкъ
Узналъ ужъ зависть, то не можетъ
Совсѣмъ забыть ее никакъ:
Ея насмѣшливый призракъ
И днемъ и ночью духъ тревожитъ.

XII.

Война! знакомый людямъ звукъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ отъ братнихъ рукъ
Предъ алтаремъ погибъ невинно...
Гремя, черезъ Кавказъ пустынный
Промчался кликъ: война! война!
И пробудились племена;
На смерть идутъ они охотно.
Умолкъ аулъ, гдѣ беззаботно
Недавно слушали пѣвца;
Оружья звонъ, движенье стана—
Вотъ нынѣ пѣсни молодца,
Вотъ удовольствія байрана!
„Смотри, какъ всякій биться радъ
За дѣло чести и свободы!...
Такъ точно было въ наши годы,
Когда насъ велъ Ахметъ-Булатъ!“
Съ улыбкой гордою шептали
Между собою старики,
Когда дорогой наблюдали
Отважныхъ юношей полки.
Пора! кипятъ они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

XIII.

Зима проходитъ; облака
Свѣтлѣй летятъ по дальнимъ сводамъ,
Въ рѣкѣ глядятся мимоходомъ;
Но съ гордымъ бѣшенствомъ рѣка,
Крутясь какъ змѣй, не отвѣчаетъ
Улыбкѣ неба своего,
И бѣлыхъ путниковъ его,
Межъ тѣмъ, упорно обгоняетъ.
И ровны, прямы какъ стѣна,
По берегамъ темнѣютъ горы;
Ихъ крутизна, ихъ вышина
Плѣняютъ умъ, пугаютъ взоры;
Къ вершинамъ ихъ прицѣпилена
Нагими красными корнями,
Кой-гдѣ кудрявая сосна
Стоитъ печальна и одна,
И часто мрачными мечтами
Тревожитъ сердце: такъ, порой,
Властитель, полубогъ земной,
На пышномъ тронѣ, окруженный
Льстецовъ толпою униженной,
Груститъ о томъ, что одному
На свѣтѣ равныхъ нѣтъ ему.

XIV.

Завоевателю преграда
Положена въ долинѣ той:
Изъ камней и деревъ громада
Аргуну давитъ подъ собой.

Къ аулу нѣтъ пути инова;
И мыслятъ горцы: „врагъ лихой!
Тебѣ могила ужъ готова!“
Но прямо врагъ идетъ на нихъ
И блескъ орудій громовыхъ
Далеко сквозь туманъ играетъ.
— И Росламбекъ совѣтъ сзываетъ.
Онъ говоритъ: „Въ тиши ночной
Мы нападемъ на ихъ отряды,
Какъ упадаютъ водопады
Въ долину сонную весной...
Погибнутъ молча наши гости
И ихъ разбросанныя кости,
Добыча врановъ и волковъ,
Сгніютъ, лишенныя гробовъ.
Межъ тѣмъ, съ боязнію лукавой
Начнемъ о мирѣ договоръ,
И втайнѣ местію кровавой
Омоемъ долгій нашъ позоръ.“

XV.

Согласны всѣ на подвигъ ратный,
Но несогласенъ Измаилъ.
Взмахнулъ онъ шашкою булатной
И шумно съ мѣста онъ вскочилъ;
Окинулъ вмигъ летучимъ взглядомъ
Онъ узденей, сидѣвшихъ рядомъ,
И, опустивши свой булатъ,
Такъ отвѣчаетъ брату братъ:
„Я не разбойникъ потаенный;
Я видѣть, видѣть кровь люблю;
Хочу, чтобъ мною пораженный
Зналъ руку грозную мою!
Какъ ты, я русскихъ ненавижу,
И даже болѣе чѣмъ ты;
Но подъ покровомъ темноты
Я чести князя не унижу!
Иную месть родной странѣ,
Иную славу надо мнѣ!...“
И поединка ожидали
Межъ братьевъ мо́лча уздени;
Не смѣли тронуться они.
Онъ вышелъ—всѣ еще молчали...

XVI.

Ужасна ты, гора Шайтанъ,
Пустыни старый великанъ;
Тебя злой духъ, гласитъ преданье,
Построилъ дерзостной рукой,
Чтобъ хоть на мигъ свое изгнанье
Забыть межъ небомъ и землей.
Здѣсь, три столѣтья очарованъ,
Онъ тяжкой цѣпью былъ прикованъ,
Когда, надменный, съ новыхъ скалъ
Стрѣлой Пророку угрожалъ.
Какъ буркой, ельникомъ покрыта,
Сосѣднихъ горъ она чернѣй.
Тропинка желтая прорыта,
Слезой отчаянья по ней;
Она ни мохомъ, ни кустами
Не заростаетъ никогда;
Пестрѣя чудными слѣдами,
Она ведетъ богъ-вѣсть куда.
Олень съ вѣтвистыми рогами,
Между высокими цвѣтами,
Одѣтый хмѣлемъ и плющомъ,
Лежитъ полуобъятый сномъ;
И вдругъ знакомый лай онъ слышитъ
И чуетъ близкаго врага:
Поднявши медленно рога,
Минуту свѣжестью подышетъ,
Росу съ могучихъ плечъ стряхнетъ,
И вдругъ однимъ прыжкомъ махнетъ
Черезъ утесъ—и вотъ онъ мчится,
Терновъ колючихъ не боится
И хмѣль коварный грудью рветъ—
Но, вольный путь пересѣкая,
Предъ нимъ тропинка роковая...
Никѣмъ незримая рука
Царя лѣсовъ остановляетъ,
И онъ, какъ гибель ни близка,
Свой прежній путь не продолжаетъ...

XVII.

Кто жъ подъ ужасною горой
Зажегъ огонь сторожевой?
Треща, краснѣя и сверкая,
Кусты вокругъ онъ озарилъ.
На камень голову склоняя,
Лежитъ поодаль Измаилъ.
Его приверженцы хотѣли
Идти за нимъ—но не посмѣли.

XVIII.

Вотъ что ему родной готовилъ край!
Сбылись мечты: увидѣлъ онъ свой рай.
Гдѣ міръ такъ юнъ, природа такъ богата,
Но люди, люди—что природа имъ?
Едва успѣлъ обнять изгнанникъ брата,
Ужъ клевета и зависть—все надъ нимъ!
Друзей улыбка, нѣжное свиданье,
За что бъ другой Творца благодарилъ,
Все то ему дается въ наказанье...
Но для терпѣнья ль созданъ Измаилъ?
Бываютъ люди: чувства — имъ страданья,

Причуда злой судьбы—ихъ бытіе;
Чтобъ самовластье показать свое,
Она порой кидаетъ ихъ межъ нами.
Такъ, древле, въ море кинулъ царь алмазъ;
Но гордый камень въ свой урочный часъ

Ему обратно отданъ былъ волнами...
И дѣтямъ рока мѣста въ мірѣ нѣтъ,
Они его пугаютъ жизнью новой,
Они блеснутъ—и сгладится ихъ слѣдъ,
Какъ въ темной тучѣ слѣдъ стрѣлы громовой.

Толпа дивится часто ихъ уму,
Но чаще обвиняетъ, потому
Что въ морѣ бѣдъ какъ вихри ихъ ни носятъ,
Они пособій отъ рабовъ не просятъ;
Хотятъ ихъ превзойти въ добрѣ и злѣ,
И власти знакъ на гордомъ ихъ челѣ.

XIX.

„Безсмысленный! зачѣмъ отвергнулъ ты
Слова любви, моленья красоты?
Зачѣмъ, когда такъ долго съ ней сражался,
Своей судьбы ты дѣтски испугался?
Все прежнее, незнаемый молвой,
Ты бъ могъ забыть близъ Зары молодой,
Забыть людей близъ ангела въ пустынѣ,
Ты бъ могъ любить, но не хотѣлъ—и нынѣ
Картины счастья живо предъ тобой
Проходятъ укоряющей толпой.
Ты жмешь ей руку; грудь ея и плечи,
Цѣлуешь въ упоеньи; ласки, рѣчи,
Исполненныя счастья и любви,
Ты чувствуешь, ты слышишь; образъ милый,
Волшебный взоръ—все предъ тобой, какъ было
Еще недавно; всѣ мечты твои
Такъ вѣроятны, что душа боится,
Не вѣря имъ, вторично ошибиться...
А чѣмъ ты это счастье замѣнилъ?„
Передъ огнемъ такъ думалъ Измаилъ.
Вдругъ выстрѣлъ, два, и много... онъ вскочилъ,
И слушаетъ... но все утихло снова...
И говоритъ онъ: „это сонъ больнова!“

XX.

Души волненьемъ утомленъ,
Опять на землю князь ложится,
Трещитъ огонь и дымъ клубится...
И что же? Призракъ видитъ онъ:

Передъ огнемъ стоитъ спокоенъ,
На саблю опершись рукой,
Въ фуражкѣ бѣлой, русскій воинъ,
Печальный, блѣдный и худой.
Спросить хотѣлось Измаилу:
Зачѣмъ оставилъ онъ могилу?
И свѣтъ дрожащаго огня,
Упавъ на смуглыя ланиты,
Черкесу придалъ видъ сердитый.
— Чего ты хочешь отъ меня?
„Гостепріимства и защиты?“
Пришлецъ безстрашно отвѣчалъ:
„Свой путь въ горахъ я потерялъ,
Черкесы вслѣдъ за мной спѣшили
И казаковъ моихъ убили,
И вѣрный конь подъ мною палъ.
Спасти, убить врага ночнова
Равно ты можешь. Не боюсь
Я смерти: грудь моя готова.
Твоей я чести предаюсь!“
— Ты правъ: на честь мою надѣйся!
Вотъ мой огонь — садись и грѣйся.

XXI.

Тиха, прозрачна ночь была,
Свѣтила на небѣ блистали,
Луна за облакомъ спала,
Но люди ей не подражали.
Передъ огнемъ враги сидятъ,
Хранятъ молчанье и не спятъ.
Черты пришельца возбуждали
У князя новыя мечты:
Онѣ ему напоминали
Давно знакомыя черты.
То не игра воображенья!
Онъ долженъ разрѣшить сомнѣнья...
И такъ пришельцу говорилъ
Нетерпѣливый Измаилъ:
— Ты молодъ, вижу я. За славой
Привыкнувъ гнаться, ты забылъ,
Что славы нѣтъ въ войнѣ кровавой
Съ необразованной толпой.
За что завистливой рукой
Вы возмутили нашу долю?
За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной;
За то что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно!
Не бойся, говори смѣлѣй:
Зачѣмъ ты насъ возненавидѣлъ,
Какою грубостью своей
Простой народъ тебя обидѣлъ?

XXII.

„Ты ошибаешься, черкесъ!“
Съ улыбкой русскій отвѣчаетъ.
„Повѣрь: меня, какъ васъ, плѣняетъ
И водопадъ, и темный лѣсъ;
Съ восторгомъ ваши льды я вижу,
Встрѣчаю пышную зарю;
И ваше племя я люблю,
Но одного я ненавижу:
Черкесъ онъ родомъ, не душой,
Ни въ чемъ, ни въ чемъ не схожъ съ тобой—
Себѣ, иль князю Измаилу
Клялся я здѣсь найти могилу...
Къ чему опять ты мрачный взоръ
Мохнатой шапкой закрываешь?
Твое молчанье мнѣ укоръ;
Но выслушай, ты все узнаешь,
И самъ досадой запылаешь...

XXIII.

„Ты знаешь, вѣрно, что служилъ
Въ россійскомъ войскѣ Измаилъ;
Но, образованный, межъ нами
Родными бродилъ онъ полями,
И все черкесъ въ немъ виденъ былъ.
Въ пирахъ и битвахъ отличался
Онъ передъ всѣми; томный взглядъ
Восточной нѣгой отзывался:

Для нашихъ женщинъ онъ былъ ядъ!
Воспламенивъ воображенье,
Повелѣвалъ онъ безъ труда,
И за проступокъ—наслажденье
Не почиталъ онъ никогда;
Не знаю, было то презрѣнье
Къ законамъ стороны чужой,
Или испорченныя чувства...
Любовью женщинъ, ихъ тоской
Онъ веселился какъ игрой;
Но избѣжать его искусства
Не удалося ни одной.

XXIV.

„Черкесъ! видалъ я здѣсь прекрасныхъ
Свободы нѣжныхъ дочерей:
Но не сравню ихъ взоровъ страстныхъ
Съ привѣтомъ сѣверныхъ очей.
Ты не любилъ!... Ни словъ опасныхъ,
Ни устъ волшебныхъ не знавалъ;
Кудрями дѣвы золотыми
Ты въ упоеньи не игралъ;
Ты клятвамъ страсти не внималъ
И не былъ ты обманутъ ими...
Но я любилъ! судьба меня
Блестящей радугой манила,
Невольно къ безднѣ подводила...
И ждалъ я счастливаго дня!
Своей невѣстой дорогою
Я смѣлъ ужъ ангела назвать,
Невиннымъ ласкамъ отвѣчать
И съ райской дѣвой забывать,
Что рая нѣтъ ужъ подъ луною.
И вдругъ ударилъ страшный часъ—
Причина долголѣтней муки:
Призывъ войны, отчизны гласъ,
Раздался вѣстникомъ разлуки.
Какъ дымъ разсѣялись мечты...
Тотъ день я буду помнить вѣчно...
Черкесъ, черкесъ! ни съ кѣмъ, конечно,
Ни съ кѣмъ не разставался ты...

XXV.

„Въ то время Измаилъ случайно
Невѣсту увидалъ мою,
И страстью запылалъ онъ тайно.
Межъ тѣмъ, какъ въ дальнемъ я краю
Искалъ въ бояхъ конца иль славы—
Сластолюбивый и лукавый,
Онъ сердце дѣвы молодой
Опуталъ сѣтью роковой.
Какъ онъ умѣлъ слезой притворной
Къ себѣ довѣренность вселять,
Насмѣшкой скромность побѣждать,
И, побѣждая, видъ покорный
Хранить—иль весь огонь страстей
Мгновенно открывать предъ ней!...
Онъ очертилъ волшебнымъ кругомъ
Ея желанья; вѣдалъ онъ,
Что быть не могъ ея супругомъ,
Что раздѣлялъ ихъ нашъ законъ—
И обольщенная упала
На грудь убійцы своего!
Кромѣ любви, она не знала,
Она не знала ничего...

XXVI.

„Но скоро скуку пресыщенья
Постигъ виновный Измаилъ.
Таиться не было терпѣнья,
Когда погасъ минутный пылъ;
Оставилъ жертву обольститель
И удалился въ край родной,
Забывъ, что есть на небѣ мститель,
А на землѣ еще другой!
Моя рука его отыщетъ
Въ толпѣ, въ лѣсахъ, въ степи пустой,
И казни грозной мечъ просвищетъ
Надъ непреклонной головой.
Пусть ликъ одежда измѣняетъ;
Не взоръ—душа врага узнаетъ!...

XXVII.

„Черкесъ! ты понялъ, вижу я,
Какъ справедлива месть моя.
Ужъ на устахъ твоихъ проклятья!
Ты, внемля, вздрагивалъ не разъ!...
О, если бъ могъ пересказать я,
Изобразить ужасный часъ,
Когда прелестное созданье
Я въ униженьи увидалъ
И безотчетное страданье
Въ глазахъ увядшихъ прочиталъ!...
Она разсудокъ потеряла:
Рядилась, пѣла и плясала,
Иль сидя молча у окна,
По цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная,
Что измѣнилъ онъ ей, вздыхая,
Ждала измѣнника она.
Вся жизнь погибшей дѣвы милой
Остановилась на быломъ;
Ея безумье даже было
Любовь къ нему и мысль о немъ...
Какой душѣ не зналъ онъ цѣну!...“
И долго русскій говорилъ
Про месть, про счастье, про измѣну.
Его не слушалъ Измаилъ.
Лишь знаетъ онъ, да Богъ единый,
Что подъ спокойною личиной
Тогда происходило въ немъ.
Стѣснивъ дыханье, вверхъ лицомъ
[Хоть сердце гордое и взгляды
Не ждали отъ небесъ отрады],
Лежалъ онъ на землѣ сырой,
Какъ та земля, и мрачный и нѣмой.

XXVIII.

Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупу, въ тихій долъ,
Слетаются наслѣдники земные:
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?—
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!
Вѣка печали стóятъ тѣхъ минутъ...
Лишь дунетъ вихрь—и сломится лилея;
Таковъ съ душой кто слабою рожденъ:
Не вынесетъ минутъ подобныхъ онъ;
Но мощный умъ, крѣпясь и каменѣя,
Ихъ превращаетъ въ пытку Прометея.
Не сгладитъ время ихъ глубокій слѣдъ:
Все въ мірѣ есть — забвенья только нѣтъ...

XXIX.

Свѣтаетъ. Горы снѣговыя
На небосклонѣ голубомъ
Зубцы подъемлютъ золотые;
Слилися съ утреннимъ лучомъ
Края волнистаго тумана,
И на верху горы Шайтана
Огонь, стыдясь передъ зарей,
Блѣднѣетъ. Тихо приподнялся,
Какъ передъ смертію больной,
Угрюмый князь съ земли сырой.
Казалось, вспомнить онъ старался
Разсказъ ужасный, и желалъ
Себя увѣрить онъ, что спалъ;
Желалъ бы счесть онъ все мечтою...
И по челу провелъ рукою;
Но грусть—жестокій властелинъ!
Съ чела не сгладилъ онъ морщинъ.

XXX.

Онъ всталъ, онъ хочетъ непремѣнно
Пришельцу быть проводникомъ;
Не зная думать что о немъ,
Согласенъ юноша смущенный.
Идутъ они глухимъ путемъ;
Но ихъ тревожитъ все: то птица
Изъ-подъ ноги у нихъ вспорхнетъ,
То краснобокая лисица
Въ кусты цвѣтущіе нырнетъ.
Они все ниже, ниже сходятъ

И рукъ отъ сабель не отводятъ.
Черезъ опасный переходъ
Спѣшатъ, нагнувшись, безъ оглядки;
И вновь на холмъ крутой взошли—
И цѣпью русскія палатки,
Какъ на ночлегѣ журавли,
Бѣлѣютъ смутно ужъ вдали.
Тогда черкесъ остановился,
За руку русскаго схватилъ—
И кто бы, кто не удивился?
По-русски съ нимъ заговорилъ.

XXXI.

„Прощай! ты можешь безопасно
Теперь идти въ татры свои;
Но, если вѣришь мнѣ, напрасно
Ты хочешь потопить въ крови
Свою печаль! Страшись; быть можетъ,
Раскаянье прибавишь къ ней.
Болѣзни этой не поможетъ
Ни кровь врага, ни рѣчь друзей!
Напрасно здѣсь, въ краю далекомъ,
Ты губишь прелесть юныхъ дней.
Нѣтъ! не достать враждѣ твоей
Главы, постигнутой ужъ рокомъ!
Онъ палачамъ судей земныхъ
Не уступаетъ жертвъ своихъ!
Твоя бъ рука не устрашила
Того, кто борется съ судьбой:
Ты худо знаешь Измаила;
Смотри жъ: онъ здѣсь передъ тобой!“
И съ видомъ гордаго презрѣнья
Отвѣта князь не ожидалъ;
Онъ скрылся межъ уступовъ скалъ...
И долго русскій, безъ движенья,
Одинъ, какъ вкопанный, стоялъ.

XXXII.

Межъ тѣмъ, передъ горой Шайтаномъ
Расположась военнымъ станомъ,
Толпа черкесовъ удалыхъ
Сидѣла вкругъ огней своихъ.
Они любили Измаила:
Съ нимъ вмѣстѣ слава, иль могила,
Имъ все равно, лишь только бъ съ нимъ!
Но не могла бъ судьба однимъ
И нѣжнымъ чувствомъ межъ собою
Сковать людей съ умомъ простымъ
И съ безпокойною душою:
Ихъ всѣхъ обидѣлъ Росламбекъ!
[Таковъ повсюду человѣкъ].

XXXIII.

Сидятъ наѣздники безпечно,
Курятъ турецкій свой табакъ,
И князя ждутъ они. „Конечно,
Когда исчезнетъ ночи мракъ,
Онъ къ намъ сойдетъ, и взоръ орлиный
Смиритъ враждебныя дружины,
И вздрогнутъ передъ нимъ они,
Какъ Росламбекъ и уздени!“
Такъ, пѣсню воли напѣвая,
Шептала шайка удалая.

XXXIV.

Безмолвно, грустно, всторонѣ,
Поднявъ глаза свои къ лунѣ,
Подругѣ думъ любви мятежной,
Прекрасный юноша стоялъ—
Цвѣтокъ для смерти слишкомъ нѣжный!
Онъ также Измаила ждалъ,
Но не безпечно. Трепетъ тайный
Порывамъ сердца измѣнялъ,
И вздохъ тяжелый, не случайный,
Не разъ изъ груди вылеталъ;
И онъ явился къ Измаилу,
Чтобъ раздѣлить съ нимъ—хоть могилу.
Увы! такая ли рука
Въ куски изрубитъ казака?
Такой ли взоръ, стыдливый, скромный,

Глядитъ на міръ, чтобъ видѣть кровь?
Зачѣмъ онъ здѣсь, и ночью темной
Лицомъ прелестный, какъ любовь,
Одинъ въ кругу черкесовъ праздныхъ,
Жестокихъ, буйныхъ, безобразныхъ?
Хотя страшился онъ сказать,
Не трудно бъ было отгадать,
Когда бъ... Но сердце, чѣмъ моложе,
Тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже
Хранитъ причину отъ людей
Своихъ надеждъ, своихъ страстей.
И тайна юнаго Селима,
Чуждаясь устъ, ланитъ, очей,
Отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй,
Въ груди сокрылась невредима.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Какія степи, горы и моря
Оружію славянъ сопротивлялись?
И гдѣ велѣнью русскаго царя
Измѣна и вражда не покорялись?
Смирись, черкесъ! и западъ и востокъ,
Быть можетъ, скоро твой раздѣлятъ рокъ.
Настанетъ часъ—и скажешь самъ надменно:
„Пускай я рабъ, но рабъ царя вселенной!“
Настанетъ часъ—и новый, грозный Римъ
Украситъ Сѣверъ Августомъ другимъ.

II.

Горятъ аулы: нѣтъ у нихъ защиты,
Врагомъ сыны отечества разбиты,
И зарево, какъ вѣчный метеоръ,
Играя въ облакахъ, пугаетъ взоръ.
Какъ хищный звѣрь, въ смиренную обитель
Врывается штыками побѣдитель;
Онъ убиваетъ старцевъ и дѣтей;
Невинныхъ дѣвъ и юныхъ матерей
Ласкаетъ онъ кровавою рукою;
Но жены горъ не съ женскою душою:
За поцѣлуемъ вслѣдъ звучитъ кинжалъ—
Отпрянулъ русскій, захрипѣлъ и палъ.
„Отмсти, товарищъ!“ и въ одно мгновенье
[Достойное за смерть убійцы мщенье]
Простая сакля, веселя ихъ взоръ,
Горитъ—черкесской вольности костеръ.

III.

Въ аулѣ дальномъ Росламбекъ угрюмый
Сокрылся вновь, не ужасомъ объятъ.
Но у него коварныя есть думы—
Имъ помѣшать теперь не можетъ братъ.
Гдѣ жъ Измаилъ?—Безвѣстными горами
Блуждаетъ онъ, дерется съ казаками
И, заманивъ толпы ихъ за собой,
Пустыню усыпаетъ ихъ костями,
И манитъ новыхъ по дорогѣ той.
За нимъ устали русскіе гоняться,
На крѣпости природныя взбираться;
Но отдохнуть черкесы не даютъ,
То скроются, то снова нападутъ;
Они, какъ тѣнь, какъ дымное видѣнье,
И далеко и близко въ то жъ мгновенье.

IV.

Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаилъ
Сыскать самозабвенья и покоя.
Не за отчизну, за друзей онъ мстилъ,
И не плѣнялся именемъ героя;
Онъ вѣдалъ цѣну почестей и словъ,
Изобрѣтенныхъ только для глупцовъ.
Недолгій жаръ погасъ; душой усталый,
Его бы не желалъ онъ воскресить:

И не родной аулъ—родныя скалы
Рѣшился онъ отъ русскихъ защитить.

V.

Садится день, одѣтый мглою,
Какъ за прозрачной пеленою...
Ни вѣтра на землѣ, ни тучъ
На блѣдномъ сводѣ. Чуть примѣтно
Орла на вышинѣ безцвѣтной;
Межъ скалъ блуждая, желтый лучъ
Въ пещеру дикую прокрался,
И гладкій черепъ озарилъ,
И самъ на жителѣ могилъ
Передъ кончиной разыгрался,
И по разбросаннымъ костямъ,
Травой поросшимъ, здѣсь и тамъ
Скользнулъ огнистой полосою,
Дивясь ихъ вѣчному покою.
Но прежде встрѣтилъ онъ двоихъ
Недвижныхъ также—но живыхъ...
И, какъ нѣмыя жертвы гроба,
Они безпечны были оба.

VI.

Одинъ... такъ точно—Измаилъ.
Безвѣстной думой угнетаемъ,
Онъ солнце тусклое слѣдилъ,
Какъ мы нерѣдко провожаемъ
Гостей докучливыхъ; на немъ
Черкесскій панцырь и шеломъ,
И пятна крови омрачали
Мѣстами блескъ военной стали.
Младую голову Селимъ
Вождю склоняетъ на колѣни;
Онъ всюду слѣдуетъ за нимъ,
Хранительной подобно тѣни:
Никто ни ропота, ни пени
Не слышалъ на его устахъ...
Боится онъ, или устанетъ,
На Измаила только взглянетъ —
И веселъ трудъ ему и страхъ.

VII.

Онъ спитъ, и длинныя рѣсницы
Закрыли очи подъ собой;
Въ ланитахъ кровь, какъ у дѣвицы,
Играетъ розовой струей;
И на кольчугѣ боевой
Ему не жостко. Съ сожалѣньемъ
На эти нѣжныя черты
Взираетъ витязь, и мечты
Его исполнены мученьемъ.
Такъ свѣтлой каплею роса
Оставя край свой, небеса,
На листъ увядшій упадаетъ;
Блистая райскимъ жемчугомъ,
Она покоится на немъ
И, беззаботная, не знаетъ,
Что скоро листъ увядшій тотъ
Пожнетъ коса, иль конь сомнетъ.

VIII.

Съ полуоткрытыми устами,
Прохладой вечера дыша,
Онъ спитъ; но мирная душа
Взволнована; полусловами
Онъ съ кѣмъ-то говоритъ во снѣ.
Услышалъ князь и удивился;
Къ устамъ Селима въ тишинѣ
Прилежнымъ ухомъ онъ склонился:
Быть можетъ, черезъ этотъ сонъ
Его судьбу узнаетъ онъ.
„Ты могъ забыть?... Любви не нужно,
Одной лишь нѣжности наружной...
Оставь же!“ сонный говорилъ.
—Кого оставить? князь спросилъ.
Селимъ умолкъ, но на мгновенье;
Онъ продолжалъ: „Къ чему сомнѣнье?
На всемъ лежитъ его презрѣнье...
Увы! что значутъ передъ нимъ
Простая дѣва, иль Селимъ?
Такъ будетъ вѣчно между нами...
Зачѣмъ безцѣнными устами

Онъ это имя освятилъ?“
— Не я ль? подумалъ Измаилъ;
И, погодя, онъ слышитъ снова:
„Ужасно, Боже! для дѣтей
Проклятіе отца роднова,
Когда на склонѣ позднихъ дней
Оставленъ ими... но страшнѣй
Его слеза!...“ Еще два слова
Селимъ сказалъ, и слабый стонъ
Вдругъ поднялъ грудь, какъ стонъ прощанья,
И улетѣлъ.—Изъ состраданья,
Князь прерываетъ тяжкій сонъ.

IX.

И вздрогнувъ, юноша проснулся,
Взглянулъ вокругъ, и улыбнулся;
Когда онъ ясно увидалъ,
Что на колѣняхъ друга спалъ.
Но, покраснѣвши, сновидѣнье
Пересказать стыдился онъ,
Какъ будто бы лукавый сонъ
Имѣлъ съ судьбой его сношенье.
Не отвѣчая на вопросъ
[Примѣта явная печали],
Щипалъ онъ листья дикихъ розъ
И наконецъ двѣ капли слезъ
Въ очахъ склоненныхъ заблистали;
И съ быстротой отворотясь,
Онъ слезы осушилъ рукою...
Все примѣчалъ, все видѣлъ князь;
Но не смутился онъ душою
И приписалъ онъ простотѣ,
Затѣямъ дѣтскимъ слезы тѣ.
Конечно, самъ давно не зналъ онъ
Печалей сладостныхъ любви,
И самъ давно не предавалъ онъ
Слезамъ страданія свои?

X.

Не знаю... но въ другихъ онъ чувства
Судитъ отвыкъ ужъ по своимъ.
Не разъ, личиною искусства,
Слезой и сердцемъ ледянымъ,
Когда обмановъ самъ чуждался,
Обманутъ былъ онъ — и боялся
Онъ вѣрить только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему...
И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ жизнь—измѣнъ взаимныхъ вѣчный рядъ,
Гдѣ радость и печаль—все призракъ ложный;
Гдѣ память о добрѣ и злѣ—все ядъ;
Гдѣ льститъ намъ зло, но болѣе тревожитъ;
Гдѣ сердца утѣшатъ добро не можетъ,
И гдѣ они, покорствуя страстямъ,
Раскаянье одно приносятъ намъ....

XI.

Селимъ встаетъ, на гору всходитъ...
Сребристый стелется ковыль
Вокругъ пещеры; сумракъ бродитъ
Вдали... Вотъ топотъ; вотъ и пыль,
Желтѣя, поднялась въ лощинѣ,
И крикъ черкесовъ по зарѣ
Гудитъ, теряясь въ пустынѣ...
Селимъ все слышалъ на горѣ;
Стремглавъ въ пещеру онъ вбѣгаетъ:
„Они! они!“ онъ восклицаетъ,
И князя нѣжною рукой
Влечетъ онъ быстро за собой.
Вотъ первый всадникъ показался;
Онъ, мнилось, изъ земли рождался,
Когда въѣзжалъ на холмъ крутой;
За нимъ другой, еще другой—
И вереницею тянулись
Они по узкому пути:
Тамъ, если бъ два коня столкнулись,
Назадъ бы оба не вернулись,
И не могли бъ впередъ идти.

XII.

Толпа джигитовъ* удалая,
Передъ горой остановясь,
Съ коней измученныхъ слѣзая,
Шумитъ. Но къ нимъ подходитъ князь—
И все утихло; уваженье
Въ ихъ выразительныхъ чертахъ;
Но уваженіе—не страхъ;
Не власть его основа—мнѣнье.
„Какія вѣсти?“—Русскій станъ
Пришелъ къ Оссаевскому Полю;
Имъ льститъ и бѣдность нашихъ странъ!
Ихъ много! „Кто не любитъ волю?“
Молчатъ. „Такъ дайте жъ отдохнуть
Своимъ конямъ. Съ зарею въ путь.
Въ бою мы рады лечь костями;
Чего же лучшаго намъ ждать?
Но въ цвѣтѣ жизни умирать,
Селимъ, ты не поѣдешь съ нами!...“

XIII.

Блѣднѣетъ юноша и взоръ
Понятно выразилъ укоръ.
„Нѣтъ, говоритъ онъ: я повсюду,
Въ изгнаньѣ, въ битвѣ—спутникъ твой;
Нѣтъ! клятвы я не позабуду—
Угаснуть или жить съ тобой.
Не робокъ я подъ свистомъ пули—
Ты видѣлъ это, Измаилъ!
Меня враги не ужаснули,
Когда ты, князь, со мною былъ.
И съ твоего чела не я ли
Смывалъ такъ часто пыль и кровь?
Когда друзья твои бѣжали,
Чьи рѣчи, ласки прогоняли
Суровый мракъ твоей печали?
Мои слова, моя любовь...
Возьми, возьми меня съ собою!
Ты знаешь, я владѣть стрѣлою
Могу.... И что̀ мнѣ смерть! О, нѣтъ!
Красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ
Моя душа не дорожила;
Все, все оставлю, жизнь и свѣтъ—
Но не оставлю Измаила!“

* Наѣздники.

XIV.

Взглянулъ на небо молча князь,
И наконецъ, отворотясь,
Онъ протянулъ Селиму руку;
И крѣпко тотъ ее пожалъ
За то, что смерть, а не разлуку
Печальный знакъ сей обѣщалъ.
И долго витязь такъ стоялъ;
И подъ нависшими бровями
Блеснуло что-то; и слезами
Я могъ бы этотъ блескъ назвать,
Когда бъ не скрылся онъ опять...

XV.

По косогору ходятъ кони;
Колчаны, ружья, сѣдла, брони
Въ пещеру на ночь снесены;
Огни у входа зажжены.
На князѣ яркая кольчуга
Блеститъ краснѣя; погружонъ
Въ мечтанье горестное онъ—
И отъ страстей, какъ отъ недуга,
Бѣжитъ спокойствіе и сонъ.
И говоритъ Селимъ: „Навѣрно,
Тебя терзаетъ духъ пещерной!
Дай, пѣсню я тебѣ спою;
Нерѣдко дѣва молодая
Ее поетъ въ моемъ краю,
На битву друга отпуская.
Она печальна; но другой
Я не слыхалъ въ странѣ родной;
Ее пѣвала мать родная
Надъ колыбелію моей.
Ты, слушая, забудешь муки,
И на глаза навѣютъ звуки

Всѣ сновидѣнья дѣтскихъ дней.“
Селимъ запѣлъ — и ночь кругомъ внимаетъ,
И пѣсню ей пустыня повторяетъ:

ПѢСНЯ СЕЛИМА.

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ
И дѣва ему говоритъ:

„Мой милый! смѣлѣе
Ввѣряйся ты року,
Молися востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Любви будь вѣрнѣе!

„Всегда награжденъ,
Кто любитъ до гроба;
Ни зависть, ни злоба
Ему не законъ;
Пускай его смерть и погубитъ:
Одинъ не погибнетъ, кто любитъ!

„Любви измѣнившій —
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши —
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ
И звѣри костей не зароютъ!“

Мѣсяцъ плыветъ
И тихъ и спокоенъ;
А юноша-воинъ
На битву идетъ.

„Прочь эту пѣсню!“ какъ безумный
Воскликнулъ князь:“ зачѣмъ упрекъ?...
Тебя ль послушаетъ Пророкъ?...
Тамъ, облитъ кровью, въ битвѣ шумной,
Твои слова я заглушу,
И разорву ея оковы,
И память въ сердцѣ удушу...
Вставайте!... Какъ? Вы не готовы?...
Прочь пѣсни! крови мнѣ! пора!...
Друзья, коней!... Вы не слыхали?
Удары, топотъ, визгъ ядра,
И крикъ, и трескъ разбитой стали
Я слышалъ... О, не пой, не пой!
Тронь сердце, какъ дрожитъ! И что же?
Ты недовольна?... Боже, Боже!...
Зачѣмъ казнить ея рукой?...“
Такъ рѣчь его оторвалася
Отъ блѣдныхъ устъ и пронеслася
Невнятно, какъ далекій громъ.
Неровнымъ, трепетнымъ огнемъ
До половины освѣщенный,
Ужасенъ, съ шашкой обнаженной,
Стоялъ недвижимъ Измаилъ,
Какъ призракъ злой, отъ сна могилъ
Волшебнымъ словомъ пробужденный.
Онъ взоръ всей силой устремилъ
Въ пустую степь, грозилъ рукою,
Чему-то страшному грозилъ:
Иначе, какъ бы Измаилъ
Смутиться твердой могъ душою?—
И понялъ наконецъ Селимъ,
Что витязь говорилъ не съ нимъ...
Неосторожный! онъ коснулся
Душевныхъ струнъ—и звукъ проснулся,
Расторгнувъ хладную тюрьму...
И самъ искусству своему
Селимъ невольно ужаснулся...

XVI.

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней

Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей...
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье—
Все дышетъ буйствомъ и войной;
Во всемъ приличія незнанье,
Отвага дерзости слѣпой.

XVII.

Свѣтлѣетъ небо полосами;
Заря межъ синими рядами
Ревнивыхъ тучъ ужъ занялась.
Вдоль по лощинѣ ѣдетъ князь;
За нимъ черкесы цѣпью длинной.
Признаться, конь по сѣдоку:
Бѣжитъ—и будто вѣтръ пустынный,
Скользящій шумно по песку,—
Крутится, вьется на-скаку;
Онъ бѣлъ какъ снѣгъ: во мракѣ ночи
Его замѣтить могутъ очи.
Съ колчаномъ звонкимъ за спиной,
Отягощенъ своимъ нарядомъ,
Селимъ проворный ѣдетъ рядомъ,
На кобылицѣ вороной.
Такъ бѣлый облакъ въ полдень знойной,
Плыветъ отважно и спокойно—
И вдругъ, по тверди голубой
Отрывокъ тучи громовой,
Грозы дыханіемъ гонимый,
Какъ черный лоскутъ мчится мимо;
Но какъ ни бейся, въ вышинѣ
Онъ съ тѣмъ не станетъ наравнѣ.

XVIII.

Ужъ близко роковое поле.
Кому-то пасть рѣшитъ судьба?...
Вдругъ имъ послышалась стрѣльба,
И каждый мигъ все болѣ, болѣ;
И пушекъ голосъ громовой
Раздался скоро за горой.
И вспыхнулъ князь, махнулъ рукою;
„Впередъ!“ воскликнулъ онъ: „за мною!“
Сказалъ и бросилъ повода.
Нѣтъ, такъ прекрасенъ никогда
Онъ не казался! Повелитель,
Герой по взорамъ и рѣчамъ,
Летѣлъ къ опаснымъ онъ врагамъ,
Летѣлъ, какъ ангелъ-истребитель;
И въ этотъ мигъ, скажи, Селимъ,
Кто бъ не послѣдовалъ за нимъ?

XIX.

Межъ тѣмъ, съ безпечною отвагой,
Отрядъ могучихъ казаковъ
Гнался за малою ватагой
Неустрашимыхъ удальцовъ.
Всю эту ночь они блуждали
Вкругъ непріязненныхъ шатровъ,
Ихъ часовые увидали—
И пушка грянула по нимъ.
И витязи спѣшатъ на встрѣчу.
Едва съ отчаяньемъ нѣмымъ
Они поддерживали сѣчу,
Стыдясь и въ бѣгствѣ показать,
Что смерть ихъ можетъ испугать.
Ихъ кругъ тѣснѣй ужъ становился:
Одинъ, подъ саблею свалился,
Другой, пробитый въ грудь свинцомъ,
Былъ въ полѣ унесенъ конемъ,
И, мертвый, на сѣдлѣ все бился...
Оружье брось — надежды нѣтъ;
Черкесъ, читай свои молитвы!
Въ крови твой шолковый бешметъ,
Тебѣ другой не видѣть битвы...
Вдругъ пыль и крикъ—онъ имъ знакомъ:
То крикъ родной, не безполезный!
Глядятъ и видятъ—надъ холмомъ
Стоитъ ихъ князь въ бронѣ желѣзной.

XX.

Недолго Измаилъ стоялъ:
Вздохнуть коню онъ только далъ,
Взглянулъ и ринулся и смялъ
Враговъ, и путь за нимъ кровавый
Межъ ихъ рядами виденъ сталъ,
Вездѣ, налѣво и направо,
Чертя по воздуху круги,
Удары шашки упадаютъ:
Не видятъ блескъ ея враги
И беззащитно умираютъ.
Какъ юный левъ, разгорячась,
Въ средину ихъ врубился князь;
Кругомъ свистятъ и рѣютъ пули;
Но что жъ? Его хранитъ Пророкъ!
Шеломъ удары не согнули,
И худо мѣтится стрѣлокъ.
За нимъ, погибель разсыпая,
Вломилась шайка удалая,
И чрезъ минуту шумный бой
Разсыпался въ долинѣ той...

XXI.

Далёко отъ сраженья, межъ кустовъ,
Питомецъ смѣлый трамскихъ табуновъ,
Разсѣдланный, хладѣя постепенно,
Лежалъ издохшій конь—и передъ нимъ,
Участіемъ исполненный живымъ,
Стоялъ черкесъ. Соратника лишенный,
Крестомъ сжавъ руки, и кидая взглядъ
Завистливый туда, на поле боя,
Онъ проклинать судьбу свою былъ радъ;
Его печаль—была печаль героя.
И весь въ поту, усталостью томимъ,
Къ нему въ испугѣ подскакалъ Селимъ,
[Онъ лукъ не напрягалъ еще, и стрѣлы
Всѣ до одной въ колчанѣ были цѣлы).

XXII.

—Бѣда! сказалъ онъ: князя не видать!
Куда онъ скрылся? „Если хочешь знать,
Взгляни туда, гдѣ бранный дымъ краснѣе,
Гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе,
Гдѣ кровью облитъ мертвый и живой,
Гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой.
Онъ тамъ... Смотри: летитъ какъ съ неба пламя.
Его шишакъ и конь — вотъ наше знамя!
Онъ тамъ, какъ духъ, разитъ и невредимъ,
И все бѣжитъ, иль падаетъ предъ нимъ!“
Такъ отвѣчалъ Селиму сынъ природы,
А лесть была чужда степей свободы.

XXIII.

Кто этотъ русскій съ саблею въ рукѣ,
Въ фуражкѣ бѣлой? Страха онъ не знаетъ;
Онъ между всѣхъ отличенъ вдалекѣ,
И казаковъ примѣромъ ободряетъ;
Онъ ищетъ Измаила—и нашелъ,
И вынулъ пистолетъ свой, и навелъ,
И выстрѣлилъ... напрасно; обманулся
Его свинецъ!— но выстрѣлъ роковой
Услышалъ князь, и мигомъ обернулся,
И задрожалъ: „Ты вновь передо мной!...
Свидѣтель Богъ—не я тому виной!...“
Воскликнулъ онъ, и шашка зазвенѣла,
И отдѣлясь отъ трепетнаго тѣла,
Какъ зрѣлый плодъ отъ вѣтки молодой,
Скатилась голова, и конь ретивый,
Вставъ на дыбы, заржалъ, мотая гривой;
И скоро обезглавленный сѣдокъ
Свалился на растоптанный песокъ.
Недолго это сердце увядало
И миръ ему! въ единый мигъ оно

Любить и ненавидѣть перестало:
Не всѣмъ такое счастье суждено.

XXIV.

Все жарче бой, главы валятся
Подъ взмахомъ княжеской руки;
Спасая дни свои, тѣснятся,
Бѣгутъ въ разстройствѣ казаки.
Какъ злые духи, горцы мчатся
Съ побѣднымъ воемъ имъ вослѣдъ,
И никому пощады нѣтъ.
Но что жъ? Побѣда измѣнила!
Раздался вдругъ нежданный громъ,
Все въ дымѣ скрылося густомъ,
И предъ глазами Измаила
На землю съ бѣшеныхъ коней
Кровавой грудою костей
Свалился рядъ его друзей...
Какъ градъ посыпалась картеча.
Пальбу услышавъ издалеча,
Направя синіе штыки,
Спѣшатъ ширванскіе полки...
На встрѣчу гибельному строю,
Одинъ, съ отчаянной душою,
Хотѣлъ пуститься Измаилъ;
Но за поводъ коня схватилъ
Черкесъ, и въ горы за собою—
Какъ ни противился сѣдокъ—
Коня могучаго увлекъ.
И ни малѣйшаго движенья
Среди всеобщаго смятенья
Не упустилъ младой Селимъ:
Онъ бѣгство князя примѣчаетъ,
Ударъ судьбы благословляетъ
И быстро слѣдуетъ за нимъ.
Не стыдъ, но горькая досада
Героя медленно грызетъ.
Жизнь побѣжденнымъ не награда...
Онъ на друзей не кинулъ взгляда
И, мнится, ихъ не узнаетъ.

XXV.

Чѣмъ рѣже насъ балуетъ счастье
Тѣмъ слаще предаваться намъ
Предположеньямъ и мечтамъ.
Родится ль тайное пристрастье
Къ другому міру, хоть и тамъ
Судьбы примѣтно самовластье,
Мы все свободнѣе даримъ
Ему надежды и желанья;
И украшаемъ, какъ хотимъ,
Свои воздушныя созданья.
Когда забота и печаль
Покой душевный возмущаютъ,
Мы забываемъ свѣтъ, и вдаль
Душа и мысли улетаютъ,
И ловятъ сны, въ которыхъ нѣтъ
Слѣдовъ и тѣни прежнихъ лѣтъ.
Но умъ, сомнѣньемъ охлажденный
И спорить съ рокомъ пріученный,
Не усладить, не позабыть
Свои страданія желаетъ,
И если иногда мечтаетъ,
То онъ мечтаетъ—побѣдить.
И, зная собственную силу,
Пока не сброситъ прахъ въ могилу,
Онъ не оставитъ гордыхъ думъ...
Такой непобѣдимый умъ
Природой данъ былъ Измаилу.

XXVI.

Онъ раненъ; кровь его течетъ;
А онъ не чувствуетъ, не слышитъ;
Въ опасный путь его несетъ
Ретивый конь, храпитъ и пышетъ;
Одинъ Селимъ не отстаетъ:
За гриву ухватясь руками,
Едва сидитъ онъ на сѣдлѣ;
Боязни блѣдность на челѣ;
Онъ очи, полныя слезами,
Порой кидаетъ на того,
Кто все на свѣтѣ для него,

Кому надежду жизни милой
Готовъ онъ въ жертву принести,
И чье послѣднее „прости“
Его бы съ жизнью разлучило.
Будь передъ міромъ онъ злодѣй—
Что для любви слова людей?
Что ей небесъ опредѣленье?
Нѣтъ, охладить любовь—гоненье
Еще ни разу не могло:
Она сама свое добро и зло.

XXVII.

Умолкъ докучный крикъ погони;
Дымясь и въ пѣнѣ скачутъ кони
Между проваломъ и горой,
Кремнистой, тѣсною тропой;
Они дорогу знаютъ сами
И презираютъ сѣдока,
И безполезная рука
Ужъ не владѣетъ поводами.
Направо темные кусты
Висятъ, за шапки задѣвая;
И съ неприступной высоты,
На новыхъ путниковъ взирая,
Чернѣетъ серна молодая...
Налѣво—пропасть; по краямъ
Рядъ красныхъ камней, здѣсь и тамъ
Всегда обрушиться готовый.
Внизу свирѣпъ, и одинокъ,
Никѣмъ невидимый потокъ,
Какъ тигръ Америки суровый,
Бѣжитъ гремучею волной;
То блещетъ бахромой перловой,
То изумрудною каймой;
Какъ двѣ семьи враждебный геній—
Два гребня раздѣляетъ онъ.
Вдали на синій небосклонъ
Нагихъ, безплодныхъ горъ ступени
Ведутъ желаніе и взглядъ
Сквозь облака, которыхъ тѣни
По нимъ мелькаютъ и спѣшатъ:
Смѣняя въ зависти другъ друга,
Они бѣгутъ впередъ, назадъ,
И, мнится, что подъ солнцемъ юга
Въ нихъ страсти южныя кипятъ.

XXVIII.

Ужъ полдень. Измаилъ слабѣетъ,
Пылаетъ солнце высоко...
Но есть надежда: дымъ синѣетъ,
Родной аулъ недалеко...
Тамъ, гдѣ кустарникомъ прикрыты,
Встаютъ красивые граниты
Какимъ-то пасмурнымъ вѣнцомъ,
Есть поворотъ и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ.
Оттуда кровы земляные,
Мечеть, бѣлѣющій заборъ,
Аргуны воды голубыя,
Какъ подъ ногами, встрѣтитъ взоръ...
Достигнутъ поворотъ желанный;
Вотъ и вѣнецъ горы туманной,
Вотъ слышенъ рѣчки ревъ глухой;
И бѣлый конь сильнѣй рванулся...
Но вдругъ переднею ногой
Онъ оступился, спотыкнулся,
И на скаку, между камней,
Упалъ всей тяжестью своей.

XXIX.

И всадникъ, кровью истекая,
Лежалъ безъ чувства на землѣ;
Въ устахъ недвижность гробовая
И блѣдность муки на челѣ;
Казалось, часъ его кончины
Ждалъ знакъ условный въ небесахъ,
Чтобы слетѣть, и въ мигъ единый
Изъ человѣка сдѣлать прахъ.
Ужель степная лишь могила
Ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ
Того, чье сердце столько лѣтъ
Мысль о ничтожествѣ томила?
Нѣтъ! нѣтъ! вѣдь здѣсь еще Селимъ...

Склонясь въ отчаяньи надъ нимъ,
Какъ въ бурю ива молодая
Надъ падшимъ гнется алтаремъ—
Снималъ онъ панцырь и шеломъ;
Но сердце къ сердцу прижимая,
Не слышитъ жизни ни въ одномъ.
И если бъ страшное мгновенье
Всѣ мысли не убило въ немъ,
Судиться сталъ бы онъ съ Творцомъ
И проклиналъ бы провидѣнье...

XXX.

Встаетъ, глядитъ кругомъ Селимъ:
Все неподвижно передъ нимъ.
Зоветъ—и тучка дождевая
Летитъ на зовъ его одна,
По вѣтру крылья простирая.
Какъ смерть темна и холодна.
Вотъ наконецъ сырымъ покровомъ
Одѣла путниковъ она,
И юноша въ испугѣ новомъ!
Прижавшись къ другу съ быстротой:
„О, пощади его... постой!“
Воскликнулъ онъ; „я вижу ясно,
Что ты пришла меня лишить
Того, кого люблю такъ страстно,
Кого слабѣй нельзя любить;
Ступай, ищи другихъ по свѣту;
Всѣ жертвы бога твоего!...
Ужель меня несчастнѣй нѣту.
И нѣтъ виновнѣе его?“

XXXI.

Межъ тѣмъ, подобно дымной тѣни,
Хотя не понялъ онъ моленій,
Угрюмый облакъ пролетѣлъ.
Когда жъ Селимъ взглянуть посмѣлъ—
Онъ былъ далеко. Освѣженный
Его прохладою мгновенной,
Очнулся блѣдный Измаилъ,
Вздохнулъ, потомъ глаза открылъ.
Онъ слабъ: другую ищетъ руку
Его дрожащая рука;
И каждому внимая звуку,
Онъ пьетъ дыханье вѣтерка,
И все, что̀ близко, отдаленно,
Предъ нимъ яснѣетъ постепенно...
Гдѣ жъ другъ послѣдній, гдѣ Селимъ?
Глядитъ... и что̀ же передъ нимъ?
Глядитъ... уста оледенѣли,
И мысли зрѣньемъ овладѣли...
Не могъ бы описать подобный мигъ
Ни ангельскій, ни демонскій языкъ.

XXXII.

Селимъ... и кто теперь не отгадаетъ?
На немъ мохнатой шапки больше нѣтъ;
Раскрылась грудь; на шолковый бешметъ
Волна кудрей, чернѣя, ниспадаетъ—
Въ печали женщинъ лучшій ихъ уборъ.
Молитва стихла на устахъ... а взоръ...
О небо, небо! есть ли въ кущахъ рая
Глаза, гдѣ слезы, робость и печаль
Оставить — страшно, уничтожить — жаль?
Скажи мнѣ: есть ли Зара молодая
Межъ дѣвъ твоихъ, и плачетъ ли она,
И любитъ ли? Но понялъ я молчанье!
Не встрѣтить мнѣ подобное созданье:
На небѣ неумѣстно подражанье,
А Зара на землѣ была одна.

XXXIII.

Узналъ, узналъ онъ образъ позабытый
Среди душевныхъ бурь и бурь войны;
Поцѣловалъ онъ нѣжныя ланиты—
И краски жизни имъ возвращены.
Она чело на грудь ему склонила;
Смущаютъ Зару ласки Измаила;
Но сердцу—какъ ума не соблазнить?

И какъ любви—стыда не побѣдить?
Ихъ рѣчи — пламень; вѣчная пустыня
Восторгомъ и блаженствомъ ихъ полна.
Любовь для неба и земли святыня
И только для людей порокъ она;
Во всей природѣ дышетъ сладострастье,
И только люди покупаютъ счастье.

Прошло два года. Все кипитъ война;
Безплоднаго Кавказа племена
Питаются разбоемъ и обманомъ;
И въ знойный день, и подъ ночнымъ туманомъ
Отважность ихъ для русскаго страшна.
Казалося, двухъ братьевъ помирила
Слѣпая месть и къ родинѣ любовь.
Вездѣ, гдѣ врагъ бѣжитъ, и льется кровь,
Видна рука и шашка Измаила.
Но отчего ни Зара, ни Селимъ,
Теперь уже не слѣдуютъ за нимъ?
Куда лезгинка нѣжная сокрылась?
Какой ударъ ту грудь оледенилъ,
Гдѣ для любви такое сердце билось,
Какимъ владѣть онъ не достоинъ былъ?
Измѣна ли причина ихъ разлуки?
Жива ль она, иль спитъ послѣднимъ сномъ?
Родныя ль въ гробъ ее сложили руки?
Послѣднее „прости“ съ слезами муки
Сказали ль ей на языкѣ родномъ?
И если смерть щадитъ ее понынѣ—
Между какихъ людей, въ какой пустынѣ?
Кто бъ Измаила смѣлъ спросить о томъ?

Однажды, въ часъ, когда лучи заката
По облакамъ кидали искры злата,
Задумчивъ на курганѣ Измаилъ
Сидѣлъ. Еще ребенкомъ онъ любилъ
Природы дикой пышныя картины,
Разливъ зари и льдистыя вершины,
Блестящія на небѣ голубомъ;
Не измѣнилось только это въ немъ.
Четыре горца близъ него стояли
И мысли по лицу узнать желали;
Но кто проникнетъ въ глубину морей
И въ сердце, гдѣ тоска, но нѣтъ страстей?
О чемъ бы онъ ни думалъ — Западъ дальной
Не привлекалъ мечты его печальной;
Другія вспоминанья и другой,
Другой предметъ владѣлъ его душой...

Но что за выстрѣлъ?... Дымъ взвился бѣлѣя,
Вѣрна рука, и вѣренъ глазъ злодѣя!
Съ свинцомъ въ груди, простертый на землѣ
Съ печатью смерти на крутомъ челѣ,
Друзьями окруженъ, любимецъ брани
Лежалъ, навѣки нѣмъ для ихъ призваній.
Послѣдній лучъ зари еще игралъ
На пасмурныхъ чертахъ и придавалъ
Его лицу румянецъ; и казалось,
Что въ немъ отъ жизни что-то оставалось;
Что мысль, которой угнетенъ былъ умъ,
Послѣдняя его тяжелыхъ думъ,
Когда душа отторгнулась отъ тѣла—
Его лица оставить не успѣла.
Небесный судъ да будетъ надъ тобой,
Жестокій братъ, завистникъ вѣроломный;
Ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой;
Ты не нашелъ въ горахъ руки наемной...

Гремучій ключъ катился невдали.
Къ его струямъ черкесы принесли
Кровавый трупъ. Разстегнутъ ихъ рукою
Чекмень, пробитый пулей роковою,

И грудь омыть они уже хотятъ...
Но почему ихъ омрачился взглядъ?
Чего они такъ явно ужаснулись?
Зачѣмъ, вскочивъ, такъ хладно отвернулись?
Зачѣмъ?... Какой-то локонъ золотой
[Конечно талисманъ земли чужой],
Подъ грубою одеждою измятой,
И бѣлый крестъ на лентѣ полосатой
Блистали на груди у мертвеца...
— „И кто бы отгадалъ!—джяуръ проклятый!
Нѣтъ, ты не стоилъ лучшаго конца;
Нѣтъ, мусульманинъ вѣрный—Измаилу,
Отступнику, не выроетъ могилу!...
Того, кто презиралъ людей и рокъ,
Кто смертію игралъ такъ своенравно,
Лишь ты низвергнуть смѣлъ, святой Пророкъ!
Пусть, не оплаканъ, онъ сгніетъ безславно,
Пусть кончитъ жизнь, какъ началъ, одинокъ!...“

[Оконченъ 10 мая 1832].

1833.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Великъ, богатъ аулъ Джематъ,
Онъ никому не платитъ дани;
Его стѣна—ручной булатъ,
Его мечеть—на полѣ брани;
Его свободные сыны
Въ огняхъ войны закалены;
Дѣла ихъ громки по Кавказу,
Въ народахъ дальнихъ и чужихъ,
И сердца русскаго ни разу
Не миновала пуля ихъ.

По небу знойный день катится,
Отъ скалъ горящихъ паръ струится;
Орелъ недвижимъ на крылахъ,
Едва чернѣетъ въ облакахъ;
Ущелья въ сонъ погружены,
Въ аулѣ нѣтъ лишь тишины.
Аулъ встревоженный пустѣетъ,
И подъ горой, гдѣ вѣтеръ вѣетъ,
Гдѣ изъ утеса бьетъ потокъ,
Стоитъ внимательный кружокъ.
О чемъ ведетъ переговоры
Совѣтъ джематскихъ удальцовъ?
Хотятъ ли вновь пуститься въ горы
На ловлю чуждыхъ табуновъ?
Не ждутъ ли русскаго отряда,
До крови лакомыхъ гостей?
Нѣтъ—только жалость и досада
Видна во взорахъ узденей.
Покрытъ одеждами чужими,
Сидитъ на камнѣ между ними
Лезгинецъ дряхлый и сѣдой;
И льется рѣчь его потокомъ,
И вкругъ себя блестящимъ окомъ
Печально водитъ онъ порой.
Разсказу стараго лезгина
Внимали всѣ. Онъ говорилъ:
„Три нѣжныхъ дочери, три сына
Мнѣ Богъ на старость подарилъ;
Но бури злыя разразились
И вѣтви древа обвалились,
И я стою теперь одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ.
Увы, я старъ! мои сѣдины
Бѣлѣе снѣга той вершины,
Но и подъ снѣгомъ иногда
Бѣжитъ кипучая вода!...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто возвратитъ мнѣ дочь мою?
Въ плѣну сестры ея увяли,
Въ бою неравномъ братья пали:
Въ чужбинѣ двое, а меньшой

Пронзенъ штыкомъ передо мной.
Онъ улыбался, умирая!
Онъ, вѣрно, зрѣлъ, какъ дѣва рая
Къ нему слетѣла предъ концомъ,
Махая радужнымъ вѣнцомъ...
И вотъ пошелъ я жить въ пустыню
Съ послѣдней дочерью своей.
Ее хранилъ я, какъ святыню;
Все, что имѣлъ я, было въ ней;
Я взялъ съ собою лишь ее,
Да неизмѣнное ружье.
Въ пещерѣ съ ней я поселился,
Родимой хижины лишонъ;
Къ бѣдѣ я скоро пріучился;
Давно былъ къ волѣ пріученъ.
Но часъ ударилъ неизбѣжный—
И улетѣлъ птенецъ мой нѣжный!...
Однажды ночь была глухая,
Я спалъ... Безмолвно надо мной,
Зеленой вѣткою махая,
Сидѣлъ мой ангелъ молодой.
Вдругъ просыпаюсь... слышу: топотъ—
И слабый крикъ—и конскій топотъ...
Бѣгу и вижу—подъ горой
Несется всадникъ съ быстротой,
Схвативъ ее въ свои объятья.
Я къ нимъ послалъ свои проклятья.
О, для чего второй гонецъ
Настичь не могъ ихъ—мой свинецъ!
Съ кровавымъ мщеньемъ, вотъ здѣсь скрытымъ,
Безъ силъ отмстить за свой позоръ,
Влачусь я по горамъ съ тѣхъ поръ,
Какъ змѣй, раздавленный копытомъ.
И нѣтъ покоя для меня
Съ того мучительнаго дня...
Сюда, наѣздники Джемата!
Откройте удаль мнѣ свою!
Кто знаетъ князя Бей-Булата?
Кто привезетъ мнѣ дочь мою?“

„Я!“ молвилъ витязь черноокій,
Схватившись за кинжалъ широкій,
И въ изумленіи нѣмомъ
Толпа раздвинулась кругомъ.

„Я знаю князя. Я рѣшился!...
Двѣ ночи здѣсь ты жди меня:
Хаджи безстрашный не садился
Ни разу даромъ на коня.
Но если я не буду къ сроку,
Тогда обѣтъ мой позабудь,
И о душѣ моей Пророку
Ты помолись, пускаясь въ путь.“

Взошла заря. Изъ за тумановъ,
На небосклонѣ голубомъ
Главы гранитныхъ великановъ
Встаютъ, увѣнчанныя льдомъ.
Въ ущельѣ облако проснулось,
Какъ парусъ розовый надулось
И понеслось по вышинѣ.
Все дышетъ утромъ. За оврагомъ,
По косогору ѣдетъ шагомъ
Черкесъ на борзомъ скакунѣ.
Еще лѣнивое свѣтило
Росы холмовъ не осушило.
Со скалъ высокихъ надъ путемъ
Склонился дикій виноградникъ;
Его серебрянымъ дождемъ
Осыпанъ часто конь и всадникъ;
Небрежно бросивъ повода,
Красивой плеткой онъ махаетъ,
И пѣсню дѣдовъ иногда,
Склонясь на гриву, запѣваетъ;
И дальній отзывъ за горой
Уныло вторитъ пѣснѣ той.

Есть поворотъ—и путь, прорытый
Арбы скрипучимъ колесомъ,
Тамъ, гдѣ красивые граниты
Зубчатымъ сходятся вѣнцомъ.
Оттуда онъ, какъ подъ ногами,
Смиренный различитъ аулъ,
И пыль, поднятую стадами,
И пробужденья первый гулъ;

И на краю крутаго ската
Отмѣтитъ саклю Бей-Булата,
И, какъ орелъ, съ вершины горъ
Вперитъ на крышу свѣтлый взоръ...
Въ тѣни прохладной, у порога
Лезгинка юная сидитъ.
Предъ нею тянется дорога,
Но грустно вдаль она глядитъ.
Кого ты ждешь, звѣзда Востока,
Съ заботой нѣжною такой?
Не другъ ли будетъ издалека?
Не братъ ли съ битвы роковой?
Отъ зноя утомясь дневнова,
Твоя головка ужъ готова
На грудь высокую упасть.
Рука скользнула вдоль колѣна;
И нѣги сладостная власть
Плечо исторгнула изъ плѣна;
Отяготѣлъ твой ясный взоръ,
Покрывшись влагою жемчужной;
Въ твоихъ щекахъ, какъ метеоръ,
Играетъ пламя крови южной;
Уста волшебныя твои
Зовутъ лобзаніе любви.
Нѣмымъ встревожена желаньемъ,
Обнять ты ищешь что нибудь,
И перси слабымъ трепетаньемъ
Хотятъ покровы оттолкнуть.
О, гдѣ ты, сердца другъ безцѣнный!...
Но вотъ и топотъ отдаленный,
И пыль знакомая взвилась—
И дѣва шепчетъ: „это князь!“

Легко надежда утѣшаетъ;
Легко обманываетъ глазъ;
Ужъ близко путникъ подъѣзжаетъ...
Увы! она его не знаетъ,
И видитъ только въ первый разъ.
То странникъ, въ полѣ запоздалый,
Гостепріимный ищетъ кровъ;
Дымится конь его усталый,
И онъ спрыгнуть уже готовъ...
Спрыгни же, всадникъ!... Что же онъ
Какъ будто крова испугался?
Онъ смотритъ... Краткій, грустный стонъ
Отъ губъ сомкнутыхъ оторвался,
Какъ листъ отъ вѣтки молодой,
Измятый лѣтнею грозой.

„Что медлишь, путникъ, у порога?
Слѣзай съ походнаго коня.
Случайный гость—подарокъ Бога.
Кумысъ и медъ есть у меня.
Ты, вижу, бѣденъ; я богата.
Почти же кровлю Бей-Булата!
Когда опять поѣдешь въ путь,
Въ молитвѣ насъ не позабудь!“

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Аллахъ спаси тебя, Леила!
Ты гостя лаской подарила;
И отъ отца тебѣ поклонъ
За то привезъ съ собою онъ.

ЛЕИЛА.

Какъ! мой отецъ? Меня понынѣ
Въ разлукѣ долгой не забылъ?
Гдѣ онъ живетъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Гдѣ прежде жилъ—
То въ чуждой саклѣ, то въ пустынѣ.

ЛЕИЛА.

Скажи, онъ веселъ, онъ счастливъ?
Скорѣй отвѣтствуй мнѣ...

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Онъ живъ,
Хотя порой дождямъ и стужѣ
Открыта голова его...
Но ты?...

ЛЕИЛА.

Я счастлива.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ [тихо].

Тѣмъ хуже!

ЛЕИЛА.

А? что ты молвилъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Ничего!

Сидитъ пришелецъ за столомъ.
Чихирь съ серебрянымъ пшеномъ
Предъ нимъ не тронуты доселѣ
Стоятъ. Онъ страненъ въ самомъ дѣлѣ!
Какъ на челѣ его крутомъ
Блуждаютъ, движутся морщины!
Рукою лѣтъ или кручины
Проведены онѣ по немъ?

Развеселить его желая,
Леила бубенъ свой беретъ;
Въ него перстами ударяя,
Лезгинку пляшетъ и поетъ.
Ея глаза какъ звѣзды блещутъ,
И груди полныя трепещутъ.
Восторгомъ дѣтскимъ, но живымъ
Душа невинная объята.
Она кружится передъ нимъ,
Какъ мотылекъ въ лучахъ заката,
И вдругъ звенящій бубенъ свой
Подъемлетъ бѣлыми руками,
Вертитъ его надъ головой,
И тихо черными очами
Поводитъ—и, безъ словъ, уста
Хотятъ сказать улыбкой милой:
„Развеселись, мой гость унылый!
Судьба и горе—все мечта!“

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Довольно! перестань, Леила!
На мигъ веселье позабудь;
Скажи, ужель когда нибудь
О смерти мысль не приходила
Тебя встревожить? Отвѣчай!

ЛЕИЛА.

Нѣтъ! Что мнѣ хладная могила?
Я на землѣ нашла свой рай.

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Еще вопросъ: ты не грустила
О дальней родинѣ своей,
О свѣтломъ небѣ Дагестана?

ЛЕИЛА.

Къ чему? Мнѣ лучше, веселѣй
Среди нагорнаго тумана.
Вездѣ прекрасенъ Божій свѣтъ.
Отечества для сердца нѣтъ!
Оно насилья не боится:
Какъ птичка вырвется, умчится...
Повѣрь мнѣ—счастье только тамъ,
Гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ!

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Любовь!... Но знаешь ли, какое
Блаженство на землѣ второе
Тому, кто все похоронилъ,
Чему онъ вѣрилъ, что любилъ?
Блаженство то вѣрнѣй любови,
И только хочетъ слезъ да крови...
Въ немъ утѣшенье для людей,
Когда умретъ другое счастье;
Въ немъ преступленій сладострастье,
Въ немъ адъ и рай души моей.
Оно при насъ всегда, безсмѣнно;
То мучитъ, то ласкаетъ насъ...
Нѣтъ, за единый мщенья часъ,
Клянусь, я не взялъ бы вселенной!

ЛЕИЛА.

Ты блѣденъ?

ХАДЖИ-АБРЕКЪ.

Выслушай. Давно
Тому назадъ, имѣлъ я брата;
И онъ—такъ было суждено—
Погибъ отъ пули Бей-Булата;
Погибъ безъ славы, не въ бою,
Какъ звѣрь лѣсной—врага не зная;
Но месть и ненависть свою
Онъ завѣщалъ мнѣ, умирая.
И я убійцу отыскалъ:
И занесенъ былъ мой кинжалъ,

Но я подумалъ: „Это ль мщенье?
Что смерть! Ужель одно мгновенье
Заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ
Печали, грусти, мукъ?... О, нѣтъ!
Онъ что нибудь да въ мірѣ любитъ:
Найду любви его предметъ,
И мой ударъ его погубитъ!“
Свершилось наконецъ. Пора!
Твой часъ пробилъ еще вчера.
Смотри, ужъ блещетъ лучъ заката!...
Пора! я слышу голосъ брата...
Когда сегодня въ первый разъ
Я увидалъ твой образъ нѣжный,
Тоскою горькой и мятежной
Душа какъ адомъ вся зажглась.
Но это чувство улетѣло...
Валлахъ! исполню клятву смѣло!

Какъ зимній снѣгъ въ горахъ, блѣдна,
Предъ нимъ повергнулась она
На ослабѣвшія колѣни;
Мольбы, рыданья, слезы, пени
Передъ жестокимъ излились.
„Охъ, ты ужасенъ съ этимъ взглядомъ!
Нѣтъ, не смотри такъ! отвернись!
По мнѣ текутъ холоднымъ ядомъ
Слова твои... О, Боже мой!
Ужель ты шутишь надо мной?
Отвѣтствуй! ничего не значутъ
Невинныхъ слезы предъ тобой?
О, сжалься!... Говори—какъ плачутъ
Въ твоей родимой сторонѣ?...
Погибнуть рано, рано мнѣ!...
Оставь мнѣ жизнь! оставь мнѣ младость!
Ты зналъ ли, что такое радость?
Бывалъ ли ты во цвѣтѣ лѣтъ
Любимъ, какъ я? О, вѣрно, нѣтъ!“

Хаджи, въ молчаньи роковомъ,
Стоялъ съ нахмуреннымъ челомъ.

„Въ твоихъ глазахъ ни сожалѣнья,
Ни слезъ, жестокій, не видать...
Ахъ!... Боже!... Ай!...дай подождать!...
Хоть часъ одинъ... одно мгновенье!...“

Блеснула шашка. Разъ—и два...
И покатилась голова...
И окровавленной рукою
Съ земли онъ приподнялъ ее,
И острой шашки лезвіе
Обтеръ волнистою косою.
Потомъ, бездушное чело
Одѣвши буркою косматой,
Онъ вышелъ и прыгнулъ въ сѣдло.
Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ:
Щетиной грива, ржетъ и пышетъ,
Грызетъ стальныя удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла.

Заря блѣднѣетъ; поздно, поздно,
Сырая ночь недалека.
Съ вершинъ Кавказа тихо, грозно
Ползутъ, какъ змѣи, облака:
Игру безсвязную заводятъ.
Въ провалы душные заходятъ,
Задѣвъ колючіе кусты,
Бросаютъ жемчугъ на листы.
Ручей катится—мутный, сѣрый;
Въ немъ пѣна бьетъ изъ-подъ травы.
И блещетъ сквозь туманъ пещеры,
Какъ очи мертвой головы.
Скорѣе, путникъ одинокій!
Закройся буркою широкой,
Ременный поводъ натяни,
Ременной плеткою махни.
Тебѣ вослѣдъ еще не мчится
Ни горный духъ, ни дикій звѣрь,
Но если можешь ты молиться,
То не мѣшало бы—теперь.

*

„Скачи, мой конь! Пугливымъ окомъ
Зачѣмъ глядишь передъ собой?
То камень, сглаженный потокомъ...
То змѣй блистаетъ чешуей...
Твоею гривой въ полѣ брани
Стиралъ я кровь съ могучей длани;
Въ степи глухой, въ недобрый часъ,
Уже не разъ меня ты спасъ.
Мы отдохнемъ въ краю родномъ;
Твою уздечку еще болѣ
Обвѣшу русскимъ серебромъ;
И будешь ты въ зеленомъ полѣ...
Давно ль, давно ль ты измѣнился,
Скажи, товарищъ дорогой?
Что рано пѣною покрылся?
Что тяжко дышешь подо мной?
Вотъ мѣсяцъ выйдетъ изъ тумана,
Верхи деревъ осеребритъ,
И намъ откроется поляна,
Гдѣ нашъ аулъ во мракѣ спитъ;
Заблещутъ, издали мелькая,
Огни джематскихъ пастуховъ,
И различимъ мы, подъѣзжая,
Глухое ржанье табуновъ;
И кони вкругъ тебя столпятся...
Но стоитъ мнѣ лишь приподняться—
Они въ испугѣ захрапятъ
И всѣ шарахнутся назадъ:
Они почуютъ издалека,
Что мы съ тобою дѣти рока!...“

Долины ночь еще объемлетъ,
Аулъ Джематъ спокойно дремлетъ;
Одинъ старикъ лишь въ немъ не спитъ.
Одинъ, какъ памятникъ могильный,
Недвижимъ, близъ дороги пыльной,
На сѣромъ камнѣ онъ сидитъ...
Его глаза на путь далекой
Устремлены съ тоской глубокой.

„Кто этотъ всадникъ? Бережливо
Съѣзжаетъ онъ съ горы крутой;
Его товарищъ долгогривый
Поникъ усталой головой.
Въ рукѣ, подъ буркою дорожной,
Онъ что-то держитъ осторожно,
И бережетъ, какъ свѣтъ очей.“
И думаетъ старикъ согбенный:
„Подарокъ, вѣрно, драгоцѣнный
Отъ милой дочери моей!“

Ужъ всадникъ близокъ; подъ горою
Коня онъ вдругъ остановилъ;
Потомъ дрожащею рукою
Онъ бурку темную открылъ;
Открылъ—и даръ его кровавый
Скатился тихо на траву.
Несчастный видитъ—Боже правый!
Своей Леилы голову!...
И онъ въ безумномъ восхищеньи
Къ своимъ устамъ ее прижалъ,
Какъ будто ей передавалъ
Свое послѣднее мученье.
Всю жизнь свою въ единый стонъ,
Въ одно лобзанье вылилъ онъ.
Довольно люди и печали
Въ немъ сердце бѣдное терзали!
Какъ нить, истлѣвшая давно,
Разорвалося вдругъ оно,
И неподвижныя морщины
Покрылись блѣдностью кончины.
Душа такъ быстро отлетѣла,
Что мысль, которой до конца
Онъ жилъ, черты его лица
Совсѣмъ оставить не успѣла.

Молчанье мрачное храня,
Хаджи ему не подивился;
Взглянулъ на шашку, на коня,
И быстро въ горы удалился.

Промчался годъ. Въ глухой тѣснинѣ
Два трупа смрадные, въ пыли,
Блуждая, путники нашли,
И схоронили на вершинѣ.
Облиты кровью были оба,

И ярко начертала злоба
Проклятіе на ихъ челѣ.
Обнявшись крѣпко, на землѣ
Они лежали, костенѣя,
Два друга съ виду—два злодѣя!
Быть можетъ, то одна мечта,—
Но бѣднымъ странникамъ казалось,
Что ихъ лицо порой мѣнялось,
Что все грозили ихъ уста.
Одежда ихъ была богата;
Башлыкъ ихъ шапки покрывалъ;
Въ одномъ узнали Бей-Булата,
Никто другаго не узналъ.

ОТРЫВКИ

ИЗЪ ПОЭМЫ: „САШКА“.

I.

Его отецъ* богатый былъ маркизъ,
Но жертвой сталъ народнаго волненья:
На фонарѣ однажды онъ повисъ,
Какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья.
Пріятель нашъ—парижскій Адонисъ,
Оставивъ прахъ родителя судьбинѣ,
Не поклонился гордой гильотинѣ:
Онъ молча проклялъ вольность и народъ,
И Мирабо, и весь его причётъ;
Потомъ, взявъ трость и сумочку, отъ скуки
Пришелъ въ Россію поощрять науки.

II.

И Саша мой любилъ его разсказъ
Про сборища мятежныя, про шумный
Напоръ страстей и про послѣдній часъ
Вѣнчаннаго страдальца... Надъ безумной
Парижскою толпою много разъ
Носилося его воображенье:
Тамъ слышалъ онъ святыхъ головъ паденье,
Межъ тѣмъ, какъ нищихъ буйный милліонъ
Кричалъ, смѣясь: „да здравствуетъ законъ!“
И въ недостаткѣ хлѣба или злата,
Просилъ одной лишь крови у Марата.

III.

Тамъ видѣлъ онъ высокій эшафотъ:
Прелестная на звучныя ступени
Всходила женщина... Слѣды заботъ,
Слѣды живыхъ, но тайныхъ угрызеній
Виднѣлись на лицѣ ея. Народъ
Рукоплескалъ... Вотъ кудри золотыя
Посыпались на плечи молодыя,
И голова, носившая вѣнецъ,
Склонилася на плаху... О Творецъ!
Одумайтесь хоть разъ еще, злодѣи,
Взгляните вы на нѣжность этой шеи!...

IV.

И кровь съ тѣхъ поръ рѣкою потекла,
И загремѣла жадная сѣкира.
И ты, поэтъ! высокаго чела
Не уберегъ! Твоя живая лира
Напрасно по вселенной разнесла
Все, все, что ты считалъ своей душою—
Слова, мечты, съ надеждой и тоскою...
Напрасно!.. Ты прошелъ кровавый путь,
Не отомстивъ, и творческую грудь
Ни стихъ язвительный, ни смѣхъ холодный
Не посѣтилъ—и ты погибъ безплодно...

---

* Гувернера героя этой неоконченной поэмы.

V.

И Франція упала за тобой
Къ ногамъ убійцъ, бездушныхъ и ничтожныхъ;
Никто не смѣлъ возвысить голосъ свой;
Изъ мрака мыслей гибельныхъ и ложныхъ
Никто не вышелъ съ твердою душой.
Трехцвѣтныя знамена величаво
Изъ стана въ станъ неслись на пиръ кровавой...
. . . . . .
. . . . . .
Межъ тѣмъ, какъ втайнѣ взоръ Наполеона
Въ нихъ зрѣлъ ступени будущаго трона...
. . . . . .

VII.

Москва, Москва!... люблю тебя, какъ сынъ,
Какъ русскій—сильно, пламенно и нѣжно!
Люблю священный блескъ твоихъ сѣдинъ,
И этотъ Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думалъ чуждый властелинъ
Съ тобой, столѣтнимъ русскимъ великаномъ,
Помѣряться главою—и обманомъ
Тебя низвергнуть. Тщетно поражалъ
Тебя пришлецъ: ты вздрогнулъ—онъ упалъ!
Вселенная замолкла... Величавый,
Одинъ ты живъ, наслѣдникъ нашей славы.

VIII.

Ты живъ!... Ты живъ и каждый камень твой—
Завѣтное преданье поколѣній.
Бывало, я у башни угловой
Сижу въ тѣни, и солнца лучъ осенній
Играетъ съ мохомъ въ трещинѣ сырой,
И изъ гнѣзда, прикрытаго карнизомъ,
Касатки вылетаютъ; вѣрхомъ, низомъ
Кружатся, вьются, чуждыя людей.
И я, такъ полный волею страстей,
Завидовалъ ихъ жизни безызвѣстной,
Какъ упованье вольной, поднебесной...
. . . . . .

CXVIII.

Изъ пансіона скоро вышелъ онъ,
Наскуча все твердить азы да буки;
И наконецъ, въ студенты посвященъ,
Вступилъ надменно въ свѣтлый храмъ науки.
Святое мѣсто! помню я, какъ сонъ,
Твои каѳедры, залы, корридоры,
Твоихъ сыновъ заносчивые споры:
О Богѣ, о вселенной и о томъ,
Какъ пить—съ водой, иль просто—голый ромъ;
Ихъ гордый видъ предъ грозными властями,
Ихъ сюртуки, висящіе клочками.

CXIX.

Бывало, только восемь бьетъ часовъ,
По мостовой валитъ народъ ученый.
Кто ночь провелъ съ лампадой средь трудовъ,
Кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный;
Но всѣ равно задумчивы, безъ словъ
Текутъ... Пришли, шумятъ.... Профессоръ длинный
Напрасно входитъ, кланяясь чинно.
Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ—шумятъ;
Уходитъ—втрое хуже. Сущій адъ!...
По сердцу Сашѣ жизнь была такая
И этотъ адъ считалъ онъ лучше рая.

* * *

Когда надеждѣ недоступный,
Не смѣя плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнилъ страданьемъ искупить;
Когда былое ежечасно
Очамъ являлося моимъ
И все, что свято и прекрасно,
Отозвалося мнѣ чужимъ—
Тогда молитвой безразсудной
Я долго небу докучалъ,
И вдругъ услышалъ голосъ чудный:
„Чего ты просишь?„ онъ вѣщалъ.
„Ты, бѣдный, палъ, но я ль виновенъ?
Смири страстей своихъ порывъ,
Будь какъ другіе хладнокровенъ,
Будь какъ другіе терпѣливъ.
Твое блаженство было ложно,
Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
Возьми его, пускайся въ даль.
Пойдешь ли ты черезъ пустыню
Иль городъ пышный и большой
Не обожай ни чью святыню,
Нигдѣ пріютъ себѣ не строй!...“

* * *

Посреди небесныхъ тѣлъ
Ликъ луны туманной:
Какъ онъ круглъ и какъ онъ бѣлъ,
Будто блинъ съ сметаной.

Кажду ночь она въ лучахъ
Путь проходитъ млечной:
Видно, тамъ, на небесахъ,
Масляница вѣчно!

* * *

Онъ былъ въ краю святомъ.
На хо̀лмахъ Палестины;
Стальной его шеломъ
Изсѣкли сарацины.

Понесъ онъ въ край святой
Цвѣтущія ланиты;
Вернулся онъ домой
Плѣшивый и избитый.

Невѣрныхъ онъ громилъ
Обѣими руками—
Ни женъ ихъ не щадилъ,
Ни малыхъ съ стариками.

Встрѣчаясь съ нимъ, подчасъ,
Смущалися красотки:
Онъ ихъ ласкалъ не разъ,
Перебирая чотки.

Вернулся онъ въ свой домъ
Безъ славы и безъ злата;
Глядитъ—дѣтей содомъ,
Жена его брюхата.

Приплибло старика...

ЮНКЕРСКАЯ МОЛИТВА.

Царю небесный!
Спаси меня
Отъ куртки тѣсной,
Какъ отъ огня.
Отъ маршировки
Меня избавь,
Въ парадировки
Меня не ставь.

Пускай въ манежѣ
Алёхинъ гласъ *
Какъ можно рѣже
Тревожитъ насъ.
Еще моленье
Прошу принять:
Въ то воскресенье,
Мнѣ опоздать!
Я, царь всевышній,
Хорошъ ужъ тѣмъ,
Что просьбой лишней
Не надоѣмъ.

А. А. Ѳ—ЕВУ.

[отрывокъ].

...Есть подлецы, которыхъ бьютъ,
Которымъ въ рожу всѣ плюютъ;
Но, униженные, они
Во тьмѣ свои скрываютъ дни.
А ты оплеванъ, ты и битъ,
Но все хранишь свой гордый видъ...

1834.

* * *

Опять, народные витіи,
За дѣло падшее Литвы
На славу гордую Россіи
Опять, шумя, возстали вы!
Ужъ васъ казнилъ могучимъ словомъ
Поэтъ, возставшій въ блескѣ новомъ
Отъ продолжительнаго сна,
И порицанія покровомъ
Одѣлъ онъ ваши имена.

Что это: вызовъ ли надменный,
На битву бѣшеный призывъ?
Иль голосъ зависти смущенной,
Безсилья злобнаго порывъ?
Да, хитрой зависти ехидна
Васъ пожираетъ; вамъ обидна
Величья нашего заря;
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ русскаго царя!

Давно привыкшіе вѣнцами
И уваженіемъ играть,
Вы мните, грязными руками
Вѣнецъ блестящій запятнать.
Вамъ непонятно, вамъ несродно
Все, что высоко, благородно;
Не знали вы, что грозный щитъ
Любви и гордости народной
Отъ васъ вѣнецъ тотъ сохранитъ!

Безумцы жалкіе! вы правы,
Мы чужды ложнаго стыда:
Такъ, нераздѣльны въ дѣлѣ славы
Народъ и царь его всегда.
Велѣньямъ власти благотворной
Мы повинуемся покорно
И вѣримъ нашему царю,
И будемъ всѣ стоять упорно
За честь его, какъ за свою!
. . . . . .

Но честь Россіи невредима,
И вамъ, смѣясь, внимаетъ свѣтъ!
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда тріумфомъ шелъ Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ,
Бѣжалъ за свѣтлой колесницей
Одинъ наемный клеветникъ!

---

*) Алексѣй Степановичъ Стунѣевъ, командиръ юнкерскаго эскадрона.

ПЕТЕРГОФСКІЙ ПРАЗДНИКЪ.

[отрывокъ].

Кипитъ веселый Петергофъ;
Толпа на улицахъ пестрѣетъ;
Печальный лагерь юнкеровъ
Примѣтно тихнетъ и пустѣетъ.
Туманъ ложится по холмамъ,
Окрестность сумракомъ одѣта —
И вотъ къ далекимъ небесамъ,
Какъ долгохвостая комета,
Летитъ сигнальная ракета.
Волшебно озарился садъ,
Затѣйливо, разнообразно.
Толпа валитъ впередъ, назадъ,
Толкается, зѣваетъ праздно.
Узоры радужныхъ огней,
Дворецъ, жемчужные фонтаны,
Жандармовъ черные султаны,
Корсеты дамъ, гербы ливрей,
Колеты кирасиръ мучные,
Лядунки, ментики златые,
Купчихъ парчёвые платки,
Кинжалы, сабли, алебарды,
Съ гнилыми фруктами лотки,
Старухи, франты, казаки,
Глупцовъ чиновныхъ бакенбарды,
Венгерки мелкихъ штукарей...
Толпы пріѣзжихъ иноземцевъ,
Татаръ, черкесовъ и армянъ;
Франтузовъ тощихъ, жирныхъ нѣмцевъ,
И долговязыхъ англичанъ—
Въ одну картину все сливалось
Въ аллеяхъ темныхъ и густыхъ,
И сверху ярко освѣщалось
Огнями склянокъ росписныхъ...

УЛАНША.

[отрывокъ].

Идетъ нашъ пестрый эскадронъ
Шумящей, пьяною толпою;
Повѣсъ усталыхъ клонитъ сонъ.
Ужъ поздно. Темной синевою
Покрылось небо, день угасъ.
Повѣсы рощутъ:
„Эдакъ насъ
Прогонятъ черезъ всю Европу!
Ужель Ижорки не видать?...
Ты, братецъ, придавилъ мнѣ ногу!...
Дай трубку!... тише!...
Вотъ подняли опять тревогу!“
Но вотъ Ижорка, слава Богу!
Пора раскланяться съ конемъ.
Какъ должно, вышелъ на дорогу
Уланъ съ завернутымъ значкомъ;
Онъ по квартирамъ важно, чинно
Повелъ начальниковъ съ собой,
Хотя, признаться, запахъ винной
Изобличалъ его порой.
Но безъ вина, что жизнь улана?
Его душа на днѣ стакана
И кто два раза въ день не пьянъ,
Тотъ, извините, не уланъ.
. . . . . .
Пируютъ.... Въ ихъ кругу туманномъ
Дубовый столъ и ковшъ на немъ
И пуншъ въ ушатѣ деревянномъ
Пылаетъ синимъ огонькомъ....
. . . . . .
На утро дневное свѣтило
Взошло сквозь сѣрыхъ облаковъ
И кровли спящія домовъ
Лучемъ багровымъ озарило.
Вдругъ слышенъ крикъ: вставай скорѣй!
Ужъ сборъ пробили барабаны,
И полусонные уланы,
Зѣвая, сѣли на коней....

1835.

—

МАСКАРАДЪ.

ДРАМА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, ВЪ СТИХАХЪ:

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

АРБЕНИНЪ, ЕВГЕНІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.
НИНА, ЖЕНА ЕГО.
КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.
БАРОНЕССА ШТРАЛЬ.
КАЗАРИНЪ, АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ.
ШПРИХЪ, АДАМЪ ПЕТРОВИЧЪ.
МАСКА.
ЧИНОВНИКЪ.
ИГРОКИ.
ГОСТИ.
СЛУГИ И СЛУЖАНКИ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ИГРОКИ, КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ, КАЗАРИНЪ И ШПРИХЪ. [За столомъ мечутъ банкъ и понтируютъ. Кругомъ стоятъ].

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Иванъ Ильичъ, позвольте мнѣ поставить.

БАНКОМЕТЪ.

Извольте.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Сто рублей.

БАНКОМЕТЪ.

Идетъ.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Ну, добрый путь.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Вамъ надо счастіе поправить,
А семпелями плохо...

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Надо гнуть.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Пусти.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

На все?... Нѣтъ, жжется!

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Послушай, милый другъ: кто нынече не гнется,
Ни до чего тотъ не добьется.

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ. [тихо первому].

Смотри во всѣ глаза.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

Ва-банкъ!

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ.

Эй, князь!
Гнѣвъ только портитъ кровь—играйте не сердясь.

КНЯЗЬ.

На этотъ разъ оставьте хоть совѣты.

БАНКОМЕТЪ.

Убита.

КНЯЗЬ.

Чортъ возьми!

БАНКОМЕТЪ.

Позвольте получить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ [насмѣшливо].

Я вижу, вы въ пылу готовы все спустить.
Что стоятъ ваши эполеты?

КНЯЗЬ.

Я съ честью ихъ досталъ, и вамъ ихъ не купить.

ВТОРОЙ ПОНТЕРЪ [сквозь зубы, уходя].

Скромнѣй бы надо быть
Съ такимъ несчастіемъ и въ ваши лѣты.

[Князь, выпивъ стаканъ лимонада, садится къ сторонѣ и задумывается].

ШПРИХЪ [подходитъ съ участіемъ].

Не нужно ль денегъ, князь?... Я тотчасъ помогу.
Проценты вздорные... а ждать сто лѣтъ могу.

[Князь холодно кланяется и отворачивается. Шприхъ съ неудовольствіемъ уходитъ].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ и ПРОЧІЕ. [Арбенинъ входитъ; кланяется, подходя къ столу, потомъ дѣлаетъ нѣкоторые знаки и отходитъ съ Казариновымъ].

АРБЕНИНЪ.

Ну, что? ужъ ты не мечешь?... а— Казаринъ?

КАЗАРИНЪ.

Смотрю, братъ, на другихъ.
А ты, любезнѣйшій, женатъ, богатъ, сталъ баринъ
И позабылъ товарищей своихъ!

АРБЕНИНЪ.

Да, я давно ужъ не былъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Дѣлами занятъ все?

АРБЕНИНЪ.

Любовью... не дѣлами.

КАЗАРИНЪ.

Съ женой по балamъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.

КАЗАРИНЪ.

Играешь?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ... утихъ!
Но здѣсь есть новые. Кто этотъ франтикъ?

КАЗАРИНЪ.

Шприхъ.
Адамъ Петровичъ!... Я васъ познакомлю разомъ.

[Шприхъ подходитъ и кланяется].

Вотъ здѣсь пріятель мой, рекомендую вамъ—

Арбенинъ.

ШПРИХЪ.

Я васъ знаю.

АРБЕНИНЪ.

Помнится, что намъ
Встрѣчаться не случалось.

ШПРИХЪ.

По разсказамъ.
И столько я о васъ слыхалъ того-сего,
Что познакомиться давнымъ-давно желаю.

АРБЕНИНЪ.

Про васъ я не слыхалъ, къ несчастью, ничего;
Но многое отъ васъ, конечно, я узнаю.

[Раскланиваются опять. Шприхъ, скорчивъ кислую мину, уходитъ].

Онъ мнѣ не нравится... Видалъ я много рожъ,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза—стеклярусъ точно,
Взглянуть—не человѣкъ, а съ чортомъ не похожъ.

КАЗАРИНЪ.

Эхъ, братецъ мой, что̀ видъ наружный?

Пусть будетъ хоть самъ чортъ... да человѣкъ онъ нужный.
Лишь адресуйся—одолжитъ.
Какой онъ націи—сказать не знаю смѣло:
На всѣхъ языкахъ говоритъ—
Вѣрнѣй всего что жидъ.
Со всѣми онъ знакомъ, вездѣ ему есть дѣло,
Все помнитъ, знаетъ все, въ заботѣ цѣлый вѣкъ;
Былъ битъ не разъ; съ безбожникомъ—безбожникъ,
Съ святошей—езуитъ, межъ нами—злой картежникъ,
А съ честными людьми—пречестный человѣкъ.
Короче, ты его полюбишь, я увѣренъ.

АРБЕНИНЪ.

Портретъ хорошъ—оригиналъ-то скверенъ!
Ну, а вонъ тотъ высокій и въ усахъ,
И нарумяненый въ добавокъ?
Конечно, житель модныхъ лавокъ,
Любезникъ отставной, и былъ въ чужихъ краяхъ?
Конечно, онъ герой не въ дѣлѣ
И мастерски стрѣляетъ въ цѣль?

КАЗАРИНЪ.

Почти... Онъ изъ полка былъ выгнанъ за дуэль,
Или за то, что не былъ на дуэли:
Боялся быть убійцей, да и мать
Къ тому жъ строга; потомъ лѣтъ черезъ пять
Былъ вызванъ онъ опять,
И тутъ дрался ужъ въ самомъ дѣлѣ.

АРБЕНИНЪ.

А этотъ маленькій каковъ?
Растрепанный, съ улыбкой откровенной,
Съ крестомъ и табакеркою?

КАЗАРИНЪ.

Трущовъ.
О! малый онъ неоцѣненный:
Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ,
Иль посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ,
Изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ;
Пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ,
И крестъ на шею получилъ.

АРБЕНИНЪ.

Да вы разборчивы на новыя знакомства!

ИГРОКИ [кричатъ].

Казаринъ! Аѳанасій Павловичъ! сюда!

КАЗАРИНЪ.

Иду! [Съ притворнымъ участіемъ].
Примѣръ ужасный вѣроломства!
Ха-ха-ха-ха!

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ.

Скорѣй!

КАЗАРИНЪ.

Какая тамъ бѣда?

[Живой разговоръ между игроками, потомъ успокоиваются. Арбенинъ замѣчаетъ князя Звѣздича и подходитъ].

АРБЕНИНЪ.

Князь! какъ, вы здѣсь? ужель не въ первый разъ?

КНЯЗЬ [недовольно].

Я то же самое хотѣлъ спросить у васъ.

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ отвѣтъ предупрежду, пожалуй:
Я здѣсь давно знакомъ, и часто здѣсь, бывало,
Смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ,
Какъ колесо вертѣлось счастья:
Одинъ былъ вознесенъ, другой раздавленъ имъ!
Я не завидовалъ, но и не зналъ участья.
Видалъ я много юношей, надеждъ
И чувства полныхъ, счастливыхъ невѣждъ
Въ наукѣ жизни, пламенныхъ душою,
Которыхъ прежде цѣль была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною...
И вотъ мнѣ суждено увидѣть это вновь!

КНЯЗЬ [съ чувствомъ беретъ его за руку].

Я проигрался!

АРБЕНИНЪ.

Вижу.—Что жъ? Топиться?

КНЯЗЬ.

О, я въ отчаяньи!

АРБЕНИНЪ.

Два средства только есть:
Дать клятву за игру вовѣки не садиться,
Или опять сейчасъ же сѣсть.
Но, чтобы здѣсь выигрывать рѣшиться,
Вамъ надо кинуть все: родныхъ, друзей и честь;
Вамъ надо испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ чуть знакомыхъ вамъ
Всѣ побужденья, мысли;—годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы—
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:
„Подлецъ!“
[Молчаніе. Князь едва его слушалъ и былъ въ волненіи].

КНЯЗЬ.

Не знаю, какъ мнѣ быть, что дѣлать?

АРБЕНИНЪ.

Что хотите.

КНЯЗЬ.

Быть можетъ, счастіе...

АРБЕНИНЪ.

О, счастія здѣсь нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Я все вѣдь проигралъ... Ахъ, дайте мнѣ совѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Совѣтовъ не даю.

КНЯЗЬ.

Ну, сяду...

АРБЕНИНЪ. [вдругъ беретъ его за руку].

Погодите!
Я сяду вмѣсто васъ. Вы молоды—я былъ
Неопытенъ когда-то и моложе.
Какъ вы заносчивъ, опрометчивъ тоже,
И если бъ...[останавливается] кто нибудь меня остановилъ...
То... [смотритъ на него пристально].
[Перемѣнивъ тонъ]. Дайте мнѣ на счастье руку смѣло,
А остальное ужъ не ваше дѣло!
[Подходитъ къ столу; ему даютъ мѣсто].
Не откажите инвалиду:
Хочу я испытать, что скажетъ мнѣ судьба,
И дастъ ли нынѣшнимъ поклонникамъ въ обиду
Она стариннаго раба?

КАЗАРИНЪ.

Не вытерпѣлъ... зажглося ретивое,
[Тихо]. Ну, не ударься въ грязь лицомъ
И докажи имъ, что̀ такое
Возиться съ прежнимъ игрокомъ.

ИГРОКИ.

Извольте, вамъ и книги въ руки; вы хозяинъ,
Мы гости.

ПЕРВЫЙ ПОНТЕРЪ [на ухо второму].

Берегись—имѣй теперь глаза!...
Не по нутру мнѣ этотъ Ванька Каинъ
И притузитъ онъ моего туза.

[Игра начинается. Всѣ толпятся вокругъ стола; иногда разные возгласы. Впродолженіе слѣдующаго разговора многіе мрачно отходятъ отъ стола].

[Шприхъ отводитъ на авансцену Казарина].

ШПРИХЪ [лукаво].

Столпились въ кучку всѣ; кажись, нашла гроза.

КАЗАРИНЪ.

Задастъ онъ имъ на мѣсяцъ страху!

ШПРИХЪ.

Видно,
Что мастеръ.

КАЗАРИНЪ.

Былъ.

ШПРИХЪ.

Былъ? А теперь...

КАЗАРИНЪ.

Теперь?...
Женился и богатъ, сталъ человѣкъ солидный;
Глядитъ ягненочкомъ—а право, тотъ же звѣрь...
Мнѣ скажутъ: можно отучиться,
Натуру побѣдить!—Дуракъ, кто говоритъ!
Пусть ангеломъ и притворится,
Да чортъ-то все въ душѣ сидитъ.
И ты, мой другъ [ударивъ по плечу] хоть передъ нимъ ребенокъ,
А и въ тебѣ сидитъ чертенокъ.
[Два игрока въ живомъ разговорѣ подходятъ].

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Я говорилъ тебѣ.

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Что дѣлать, братъ!
Нашла коса на камень, видно,
Я ль не хитрилъ—нѣтъ, всѣхъ какъ на подрядъ!
Подумать стыдно...

КАЗАРИНЪ [подходитъ].

Что, господа, иль не подъ силу—а?

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Арбенинъ вашъ мастакъ.

КАЗАРИНЪ.

И! что вы, господа!
[Волненіе у стола между игроками].

ТРЕТІЙ ПОНТЕРЪ.

Да эдакъ онъ загнетъ, пожалуй, тысячъ на сто.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОНТЕРЪ [въ сторону].

Обрѣжется...

ПЯТЫЙ ПОНТЕРЪ.

Посмотримъ!

АРБЕНИНЪ [встаетъ].

Баста!
[Беретъ золото и отходитъ; другіе остаются у стола. Казаринъ и Шприхъ также у стола. Арбенинъ молча беретъ за руку князя и отдаетъ ему деньги. Арбенинъ блѣденъ].

КНЯЗЬ.

Ахъ, никогда мнѣ это не забыть!..
Вы жизнь мою спасли...

АРБЕНИНЪ.

И деньги ваши тоже.
[Горько]. А право, трудно разрѣшить,
Которое изъ этихъ двухъ дороже.

КНЯЗЬ.

Большую жертву вы мнѣ сдѣлали.

АРБЕНИНЪ.

Ничуть!
Я радъ былъ случаю, чтобъ кровь привесть въ волненье,
Тревогою опять наполнить умъ и грудь.
Я сѣлъ играть—какъ вы пошли бы на сраженье.

КНЯЗЬ.

Но проиграться вы могли?

АРБЕНИНЪ.

Я? нѣтъ!... Тѣ дни блаженные прошли!
Я вижу все насквозь, всѣ тонкости ихъ знаю,
И вотъ зачѣмъ я нынче не играю.

КНЯЗЬ.

Вы избѣгаете признательность мою...

АРБЕНИНЪ.

По чести вамъ сказать, ее я не терплю.
Ни въ чемъ и никому я не былъ въ жизнь обязанъ;
И если я кому платилъ добромъ,
То все не потому, чтобъ былъ къ нему привязанъ,
А просто—видѣлъ пользу въ томъ.

КНЯЗЬ.

Я вамъ не вѣрю.

АРБЕНИНЪ.

Кто велитъ вамъ вѣрить?
Я къ этому привыкъ съ давнишнихъ поръ.
И еслибы не лѣнь, то сталъ бы лицемѣрить...
Но кончимъ этотъ разговоръ.
[Помолчавъ]. Разсѣяться бъ и вамъ и мнѣ нехудо.
Вѣдь нынче праздники и, вѣрно, маскарадъ
У Энгельгардта.

КНЯЗЬ.

Да.

АРБЕНИНЪ.

Поѣдемте.

КНЯЗЬ.

Я радъ.

АРБЕНИНЪ [въ сторону].

Въ толпѣ я отдохну.

КНЯЗЬ.

Тамъ женщины есть—чудо!...
И даже тамъ бываютъ, говорятъ...

АРБЕНИНЪ.

Пусть говорятъ—а намъ какое дѣло?
Подъ маской всѣ чины равны;
У маски ни души, ни званья нѣтъ — есть тѣло;
И если маскою черты утаены,
То маску съ чувствъ снимаютъ смѣло.
[Уходятъ].

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ТѢЖЕ, кромѣ Арбенина и князя Звѣздича.

ПЕРВЫЙ ИГРОКЪ.

Забастовалъ онъ кстати. Съ нимъ бѣда!...

ВТОРОЙ ИГРОКЪ.

Хотя бъ опомниться онъ далъ по крайней мѣрѣ.

СЛУГА [входитъ].

Готово ужинать.

ХОЗЯИНЪ.

Пойдемте, господа!
Шампанское утѣшитъ васъ въ потерѣ.
[Уходятъ].

ШПРИХЪ [одинъ].

Съ Арбенинымъ сойтиться я хочу....
И даромъ ужинать желаю.
[Приставивъ палецъ ко лбу].
Отужинаю здѣсь... кой-что еще узнаю,
И въ маскарадъ за ними полечу.
[Уходитъ и разсуждаетъ самъ съ собою].

СЦЕНА ВТОРАЯ.

МАСКАРАДЪ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МАСКИ, АРБЕНИНЪ, ПОТОМЪ КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ.

[Толпа проходитъ взадъ и впередъ по сценѣ. Налѣво канапе].

АРБЕНИНЪ [входитъ].

Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестрѣетъ и жужжитъ толпа передо мной,
Но сердце холодно и спитъ воображенье:
Они всѣ чужды мнѣ, и я имъ всѣмъ чужой!
[Князь подходитъ, зѣвая].
Вотъ нынѣшнее поколѣнье;
И то ль я былъ въ его лѣта, какъ погляжу?
Что, князь? Не набрели еще на приключенье?

КНЯЗЬ.

Какъ быть! я цѣлый часъ хожу!

АРБЕНИНЪ.

А! вы желаете, чтобъ счастье васъ ловило.
Затѣя новая... пустить бы надо въ свѣтъ.

КНЯЗЬ.

Все маски глупыя...

АРБЕНИНЪ.

Да маски глупой нѣтъ:
Молчитъ — таинственна, заговоритъ — такъ мило.
Вы можете придать ея словамъ
Улыбку, взоръ, какіе вамъ угодно...
Вотъ, напримѣръ, взгляните тамъ—
Какъ выступаетъ благородно
Высокая турчанка... какъ полна!
Какъ дышетъ грудь ея и страстно и свободно!
Вы знаете ли, кто она?
Быть можетъ, гордая графиня иль княжна!
Діана въ обществѣ, Венера въ маскарадѣ;
И также можетъ быть, что эта же краса
Къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса.
Въ обоихъ случаяхъ вы, право, не въ накладѣ.
[Уходитъ].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КНЯЗЬ И ЖЕНСКАЯ МАСКА. [Одно домино подходитъ и останавливается. Князь стоитъ въ задумчивости].

КНЯЗЬ.

Все такъ! разсказывать легко!
Однако же я все еще зѣваю...
Но вотъ идетъ одна... дай, Господи!
[Одна маска отдѣляется и ударивъ его по плечу]:

МАСКА.

Я знаю
Тебя.

КНЯЗЬ.

И видно очень коротко.

МАСКА.

О чемъ ты размышлялъ—и это мнѣ извѣстно.

КНЯЗЬ.

А въ этомъ случаѣ ты счастливѣй меня.
[Заглядываетъ подъ маску].
Но если не ошибся я,
То ротикъ у нея прелестный.

МАСКА.

Я нравлюся тебѣ—тѣмъ хуже.

КНЯЗЬ.

Для кого?

МАСКА.

Для одного изъ насъ.

КНЯЗЬ.

Не вижу отчего?...
Ты предсказаніемъ меня не испугаешь,
И я хоть очень не хитёръ,
Но узнаю, кто ты...

МАСКА.

Такъ, стало быть, ты знаешь,
Чѣмъ кончится нашъ разговоръ?...

КНЯЗЬ.

Поговоримъ и разойдемся.

МАСКА.

Право?

КНЯЗЬ.

Налѣво ты, а я направо.

МАСКА.

Но ежели я здѣсь нарочно съ цѣлью той,
Чтобъ видѣться и говорить съ тобой;
Но если я скажу, что черезъ часъ ты будешь
Мнѣ клясться, что вовѣкъ меня не позабудешь;
Что будешь радъ отдать мнѣ жизнь свою въ тотъ мигъ,
Когда я улечу, какъ призракъ безъ названья,
Чтобъ услыхать изъ устъ моихъ
Одно лишь слово: до свиданья!...

КНЯЗЬ.

Ты маска умная, а тратишь много словъ.
Коль знаешь ты меня, скажи, кто я таковъ?

МАСКА.

Ты! безхарактерный, безнравственный, безбожный,
Самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ;
Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,
Вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный.
Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей;
Все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь;
Людей безъ гордости и сердца презираешь,
А самъ игрушка тѣхъ людей.
О! знаю я тебя...

КНЯЗЬ.

Мнѣ это очень лестно.

МАСКА.

Ты сдѣлалъ много зла...

КНЯЗЬ.

Невольно, можетъ быть.

МАСКА.

Кто знаетъ? Только мнѣ извѣстно,
Что женщинѣ тебя не надобно любить.

КНЯЗЬ.

Я не ищу любви.

МАСКА.

Искать ты не умѣешь.

КНЯЗЬ.

Скорѣй—усталъ искать.

МАСКА.

Но если предъ тобой
Она появится и скажетъ вдругъ: ты мой!
Ужель безчувственнымъ остаться ты посмѣешь?

КНЯЗЬ.

Но кто жъ она?... конечно, идеалъ.

МАСКА.

Нѣтъ, женщина... а дальше—что за дѣло?

КНЯЗЬ.

Но покажи ее, пусть явится мнѣ смѣло.

МАСКА.

Ты хочешь многаго—обдумай, что сказалъ.
[Нѣкоторое молчаніе].
Она не требуетъ ни вздоховъ, ни признанья,
Ни слезъ, ни просьбъ, ни пламенныхъ рѣчей,
. . . . . .
Но клятву дай оставить всѣ старанья
Развѣдать, кто она... и обо всемъ
Молчать...

КНЯЗЬ.

Клянусь землей и небесами,
И честію моей...

МАСКА.

Смотри жъ! Теперь пойдемъ.
И помни, шутокъ нѣтъ межъ нами...
[Уходятъ подъ руку].

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ и ДВѢ МАСКИ. [Арбенинъ тащитъ за руку мужскую маску].

АРБЕНИНЪ.

Вы мнѣ вещей наговорили
Такихъ, сударь, которыхъ честь
Не позволяетъ перенесть...
Вы знаете ль, кто я?

МАСКА.

Я знаю, кто вы были.

АРБЕНИНЪ.

Снимите маску—и сейчасъ!
Вы поступаете безчестно.

МАСКА.

Къ чему? Мое лицо вамъ такъ же неизвѣстно,
Какъ маска; и я самъ васъ вижу въ первый разъ.

АРБЕНИНЪ.

Не вѣрю. Что-то слишкомъ вы меня боитесь.
Сердиться стыдно мнѣ. Вы трусъ; подите прочь!

МАСКА.

Прощайте же, но берегитесь:
Несчастье съ вами будетъ въ эту ночь.
[Исчезаетъ въ толпѣ].

АРБЕНИНЪ.

Постой!... пропалъ!... Кто жъ онъ? Вотъ далъ мнѣ Богъ заботу!
Трусливый врагъ какой нибудь,
А имъ вѣдь у меня нѣтъ счету.
Ха-ха-ха-ха! Прощай, пріятель, добрый путь.

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ШПРИХЪ и АРБЕНИНЪ. [Шприхъ является].

[На канапе сидятъ двѣ женскія маски, кто-то подходитъ и интригуетъ; беретъ за руку... одна вырывается и уходитъ; браслетъ спадаетъ съ руки].

ШПРИХЪ.

Кого вы такъ безжалостно тащили,
Евгеній Александрычъ?

АРБЕНИНЪ.

Такъ, шутилъ
Съ пріятелемъ.

ШПРИХЪ.

Конечно, пошутили
Вы не на шутку съ нимъ; онъ шелъ и васъ бранилъ.

АРБЕНИНЪ.

Кому?

ШПРИХЪ.

Какой-то маскѣ.

АРБЕНИНЪ.

Слухъ завидный
У васъ.

ШПРИХЪ.

Я слышу все и обо всемъ молчу
И не въ свои дѣла не суюсь...

АРБЕНИНЪ.

Это видно.
Такъ, стало быть, не знаете... ну, какъ не стыдно!
Объ этомъ...

ШПРИХЪ.

О чемъ это-съ?

АРБЕНИНЪ.

Да нѣтъ, я такъ шучу...

*

ШПРИХЪ.

Скажите...

АРБЕНИНЪ.

Говорятъ, у васъ жена красотка...

ШПРИХЪ.

Ну-съ, что жъ?

АРБЕНИНЪ [перемѣнивъ тонъ].

А ѣздитъ къ вамъ тотъ смуглый и въ усахъ?
[Насвистываетъ пѣсню и уходитъ].

ШПРИХЪ [одинъ].

Чтобъ у тебя засохла глотка!...
Смѣешься надо мной... такъ будешь самъ въ рогахъ,
[Теряется въ толпѣ].

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПЕРВАЯ МАСКА [одна].

[Первая маска входитъ быстро, въ волненіи, и падаетъ на канапе].

Ахъ!... я едва дышу... онъ все бѣжитъ за мною.
Что если бы онъ сорвалъ маску... нѣтъ,
Онъ не узналъ меня... да и какой судьбою
Подозрѣвать, что женщина, которой свѣтъ
Дивится съ завистью, въ пылу самозабвенья
Къ нему на шею кинется, моля
Дать ей два сладкія мгновенья,
Не требуя любви, но только сожалѣнья,
И дерзко скажетъ: я твоя!...
Онъ этой тайны вѣчно не узнаетъ...
Пускай... я не хочу... но онъ желаетъ
На память у меня какой нибудь предметъ,
Кольцо... что дѣлать!... рискъ ужасный!
[Видитъ на землѣ браслетъ и поднимаетъ].
Вотъ счастье! Боже мой! потерянный браслетъ
Съ эмалью, золотой... отдамъ ему...
Прекрасно!..
Пусть ищетъ съ нимъ меня.

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

ПЕРВАЯ МАСКА и КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ. [Князь съ лорнетомъ торопливо продирается].

КНЯЗЬ.

Такъ точно... вотъ она!
Межъ тысячи другихъ теперь ее узнаю.
[Садится на канапе и беретъ ее за руку]
О, ты не убѣжишь...

МАСКА.

Я васъ не убѣгаю,
Чего хотите вы?

КНЯЗЬ.

Васъ видѣть.

МАСКА.

Мысль смѣшна!
Я передъ вами...

КНЯЗЬ.

Это шутка злая!
Но цѣль твоя шутить, а цѣль моя—другая...
И если мнѣ небесныя черты
Сейчасъ же не откроешь ты,
То я сорву коварную личину;
Я силою....

МАСКА.

Поймите же мужчину!...
Вы недовольны... Мало вамъ того,
Что я люблю васъ... нѣтъ, вамъ хочется всего,
Вамъ надо честь мою на поруганье,
Чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ,
Могли бы вы со смѣхомъ разсказать
Друзьямъ смѣшное приключенье

И, разрѣшая ихъ сомнѣнье,
Промолвить: вотъ она! и пальцемъ указать.

КНЯЗЬ.

Я вспомню голосъ твой.

МАСКА.

Пожалуй—вотъ ужъ чудо!
Сто женщинъ говорятъ всѣ голосомъ такимъ;
Васъ пристыдятъ—лишь адресуйтесь къ нимъ,
И это было бы не худо!

КНЯЗЬ.

Но счастіе мое неполно.

МАСКА.

А какъ знать!
Вы, можетъ быть, должны судьбу благословлять
За то, что маску не хочу я снять.
Быть можетъ, я стара, дурна... Какую мину
Вы сдѣлали бы мнѣ!

КНЯЗЬ.

Ты хочешь испугать.
Но, зная прелестей твоихъ лишь половину,
Какъ остальныхъ не отгадать?

МАСКА [хочетъ идти].

Прощай навѣки!

КНЯЗЬ.

О, еще мгновенье!
Ты ничего на память не оставишь? Нѣтъ
Въ тебѣ къ безумцу сожалѣнья?

МАСКА [отойдя два шага].

Вы правы: жаль мнѣ васъ—возьмите мой браслетъ.

[Бросаетъ браслетъ на полъ; пока онъ его поднимаетъ, она скрывается въ толпѣ].

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ, ПОТОМЪ АРБЕНИНЪ.

КНЯЗЬ [ищетъ ее глазами напрасно].

Я въ дуракахъ!... есть отчего разсудка
Лишиться.... [Увидѣвъ Арбенина]. А!

АРБЕНИНЪ [идетъ задумчивъ].

Кто этотъ злой пророкъ?...
Онъ долженъ знать меня... и врядъ ли это шутка.

КНЯЗЬ [подходя].

Мнѣ въ пользу послужилъ вашъ давишній урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Душевно радуюсь.

КНЯЗЬ.

Но счастье налетѣло
Само собой.

АРБЕНИНЪ.

Да, счастье—вѣчно такъ.

КНЯЗЬ.

Лишь только я схватилъ и думалъ: кончилъ дѣло!
Какъ вдругъ [дуетъ на ладонь]... Теперь себя могу увѣрить смѣло,
Что если все не сонъ, такъ я большой дуракъ.

АРБЕНИНЪ.

Не знаю ничего, и потому не спорю.

КНЯЗЬ.

Да вы все шутите. Помочь нельзя ли горю?
Я все вамъ разскажу... [Нѣсколько словъ на ухо].
Какъ я былъ удивленъ!

Плутовка вырвалась—и вотъ [показываетъ браслетъ] какъ будто сонъ!...
Конецъ прежалобный...

АРБЕНИНЪ [улыбаясь].

А начали не худо...
. . . . . .
Но покажите-ка. Браслетъ довольно милъ,
И гдѣ-то я видалъ такой же... погодите...
Да нѣтъ, не можетъ быть... забылъ...

КНЯЗЬ.

Гдѣ отыскать ее?...

АРБЕНИНЪ.

Любую поддѣшите:
Здѣсь много ихъ—искать недалеко!

КНЯЗЬ.

Но если не она?

АРБЕНИНЪ.

А можетъ быть легко.
Но что же за бѣда?... Вообразите...

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, я ее сыщу на днѣ морскомъ; браслетъ
Поможетъ мнѣ.

АРБЕНИНЪ.

Ну, сдѣлаемъ два тура.
Но ежели она не вовсе дура,
То здѣсь ея давно простылъ и слѣдъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ [входитъ]; СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Ну, вотъ и вечеръ конченъ — какъ я радъ!
Пора хотя на мигъ забыться.
Весь этотъ пестрый сбродъ—весь этотъ маскарадъ
Еще въ умѣ моемъ кружится,
И что же я тамъ дѣлалъ, не смѣшно ль?...
Давалъ любовнику совѣты,
Догадки повѣрялъ, сличалъ браслеты,
И за другихъ мечталъ, какъ дѣлаютъ поэты.
Ей Богу, мнѣ такая роль
Ужъ не подъ лѣты!
[Слугѣ]. Что, барыня пріѣхала домой?

СЛУГА.

Нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

А когда же будетъ

СЛУГА.

Обѣщала-съ
Въ двѣнадцатомъ часу.

АРБЕНИНЪ.

Теперь ужъ часъ второй—
Не ночевать же тамъ она осталась!

СЛУГА.

Не знаю-съ.

АРБЕНИНЪ.

Будто бы? Иди! свѣчу
Поставь на столъ. Какъ будетъ нужно, я вскричу.
[Слуга уходитъ; онъ садится въ кресла].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ [одинъ].

Богъ справедливъ! и я теперь едва ли
Не осужденъ нести печали
За всѣ грѣхи минувшихъ дней.
Бывало, такъ меня чужія жены ждали,
Теперь я жду жены своей...

Въ кругу обманщицъ милыхъ я напрасно
И глупо юность погубилъ;
Любимъ былъ часто пламенно истрастно,
И ни одну изъ нихъ я не любилъ.
Романа не начавъ, я зналъ уже развязку,
И для другихъ сердецъ твердилъ
Слова любви, какъ няня сказку,
И тяжко стало мнѣ, и скучно жить!
И кто-то подалъ мнѣ тогда совѣтъ лукавый:
Жениться... чтобъ имѣть святое право
Ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить,
И я нашелъ жену—покорное созданье.
Она была прекрасна и нѣжна;
Какъ агнецъ Божій на закланье,
Мной къ алтарю она приведена...
И вдругъ во мнѣ забытый звукъ проснулся;
Я въ душу мертвую свою
Взглянулъ... и увидалъ, что я ее люблю.
И стыдно молвить—ужаснулся!...
Опять мечты, опять любовь
Въ пустой груди бушуютъ на просторѣ.
Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ море,
Вернусь ли къ пристани я вновь?...
[Задумывается].

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ и НИНА. [Нина входитъ на цыпочкахъ и цѣлуетъ его въ лобъ сзади].

АРБЕНИНЪ.

Ахъ, здравствуй, Нина... наконецъ!
Давно пора.

НИНА.

Неужели такъ поздно?

АРБЕНИНЪ.

Я жду тебя ужъ цѣлый часъ.

НИНА.

Серьезно?
Ахъ, какъ ты милъ!

АРБЕНИНЪ.

А думаетъ—глупецъ!
Онъ ждетъ себѣ, а я...

НИНА.

Ахъ, мой Творецъ!...
Да ты всегда не въ духѣ, смотришь грозно,
И на тебя ничѣмъ не угодишь.
Скучаешь ты со мною розно,
А встрѣтимся—ворчишь.
Скажи мнѣ просто: „Нина,
Кинь свѣтъ, я буду жить съ тобой
И для тебя. Зачѣмъ другой мужчина,
Какой нибудь бездушный и пустой,
Бульварный франтъ, затянутый въ корсетѣ,
Съ утра до вечера, тебя встрѣчаетъ въ свѣтѣ,
А я лишь часъ какой нибудь на дню
Могу сказать тебѣ два слова!“
Скажи мнѣ это—я готова:
Въ деревнѣ молодость свою я схороню,
Оставлю балы, пышность, моду
И эту скучную свободу.
Скажи лишь просто мнѣ, какъ другу...
Но къ чему
Меня воображеніе умчало!...
Положимъ, ты меня и любишь, но такъ мало,
Что даже не ревнуешь ни къ кому!

АРБЕНИНЪ [улыбаясь].

Какъ быть! Я жить привыкъ безпечно,
И ревновать смѣшно...

НИНА.

Конечно.

АРБЕНИНЪ.

Ты сердишься?

НИНА.

Нѣтъ, я благодарю.

АРБЕНИНЪ.

Ты опечалилась.

НИНА.

Я только говорю,
Что ты меня не любишь.

АРБЕНИНЪ.

Нина!

НИНА.

Что вы?

АРБЕНИНЪ.

Послушай. Насъ одной судьбы оковы
Связали навсегда... ошибкой, можетъ быть:
Не мнѣ и не тебѣ судить.
[Привлекаетъ къ себѣ на колѣни и цѣлуетъ].
Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастія и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
Но безотчетно чувствами играя,
И рѣзвясь, какъ дитя.
Но я люблю иначе: я все видѣлъ,
Все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ;
Любилъ я часто, чаще ненавидѣлъ,
И болѣе всего страдалъ.
Сначала все любилъ, потомъ все презиралъ я,
То самъ себя не понималъ я,
То міръ меня не понималъ.
На жизни я своей узналъ печать проклятья,
И холодно закрылъ объятья
Для чувствъ и счастія земли...
Такъ годы многіе прошли.
О дняхъ, отравленныхъ волненьемъ
Порочной юности моей,
Съ какимъ глубокимъ отвращеньемъ
Я мыслю на груди твоей!
Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла—міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ съ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ.
Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ;
Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ.
Тогда ты говоришь: меня не любитъ онъ!
[Она ласково смотритъ на него и проводитъ рукой по волосамъ].

НИНА.

Ты странный человѣкъ! Когда краснорѣчиво
Ты про любовь свою разсказываешь мнѣ,
И голова твоя въ огнѣ,
И мысль твоя въ глазахъ сіяетъ живо,
Тогда всему я вѣрю безъ труда;
Но часто...

АРБЕНИНЪ.

Часто?...

НИНА.

Нѣтъ, но—иногда!...

АРБЕНИНЪ.

Я сердцемъ слишкомъ старъ, ты слишкомъ молода;
Но чувствовать могли бъ мы ровно.
И, помнится, въ твои года
Всему я вѣрилъ безусловно.

НИНА.

Опять ты недоволенъ... Боже мой!

АРБЕНИНЪ.

О, нѣтъ! я счастливъ, счастливъ... Я жестокій,
Безумный клеветникъ, далеко,
Далеко отъ толпы завистливой и злой,
Я счастливъ . . . . . я съ тобой!
Оставимъ прежнее! забвенье
Тяжелой, черной старинѣ!
Я вижу, что Творецъ тебя, въ вознагражденье,
Съ своихъ небесъ послалъ ко мнѣ.
[Цѣлуетъ ея руки и вдругъ на одной не видитъ браслета; останавливается и блѣднѣетъ].

НИНА.

Ты поблѣднѣлъ, дрожишь... о, Боже!

АРБЕНИНЪ [вскакиваетъ].

Я? ничего! Гдѣ твой другой браслетъ?

НИНА.

Потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! потерянъ!

НИНА.

Что же?
Бѣды великой въ этомъ нѣтъ:
Онъ двадцати пяти рублей, конечно, не дороже.

АРБЕНИНЪ [про себя].

Потерянъ... Отчего я этимъ такъ смущенъ?
Какое странное мнѣ шепчетъ подозрѣнье?
Ужель то было только сонъ,
А это—пробужденье?

НИНА.

Тебя понять я, право, не могу.

АРБЕНИНЪ [пронзительно на нее смотритъ, сложивъ руки].

Браслетъ потерянъ?

НИНА [обидясь].

Нѣтъ, я лгу!

АРБЕНИНЪ [про себя].

Но сходство, сходство!

НИНА.

Вѣрно, уронила
Въ каретѣ я его—велите обыскать.
Конечно бъ я его—не смѣла взять,
Когда бъ вообразила...

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И СЛУГА.

АРБЕНИНЪ [звонитъ; слуга входитъ].

[Слугѣ]. Карету обыщи ты вдоль и поперегъ:
Потерянъ тамъ браслетъ... Избави Богъ
Тебѣ вернуться безъ него! [Ей]. О чести,
О счастіи моемъ тутъ рѣчь идетъ.
[Слуга уходитъ].
[Послѣ паузы ей]. Но если онъ и тамъ браслета не найдетъ?

НИНА.

Такъ, стало быть, въ другомъ онъ мѣстѣ.

АРБЕНИНЪ.

Въ другомъ? и гдѣ—ты знаешь?

НИНА.

Въ первый разъ
Такъ скупы вы и такъ суровы;
И чтобъ скорѣй утѣшить васъ,
Я завтра жъ закажу такой же точно новый.

[Слуга входитъ].

АРБЕНИНЪ.

Ну, что?... скорѣе отвѣчай...

СЛУГА.

Я перешарилъ всю карету-съ...

АРБЕНИНЪ.

И не нашелъ тамъ?

СЛУГА.

Нѣту-съ.

АРБЕНИНЪ.

Я это зналъ... Ступай!

[Значительный взглядъ на нее].

СЛУГА.

Конечно, въ маскарадѣ онъ потерянъ.

АРБЕНИНЪ.

А! въ маскарадѣ!... такъ вы были тамъ?

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, кромѣ СЛУГИ.

АРБЕНИНЪ [слугѣ].

Иди! [Ей]. Что стоило бы вамъ
Сказать объ этомъ прежде? Я увѣренъ,
Что мнѣ тогда имѣть позволили бы честь
Васъ проводить туда и васъ домой отвезть.
Я бъ вамъ не помѣшалъ ни строгимъ наблюденьемъ,
Ни пошлой нѣжностью своей...
Съ кѣмъ были вы?

НИНА.

Спросите у людей:
Они вамъ скажутъ все, и даже съ прибавленьемъ.
Они по пунктамъ объяснятъ:
Кто былъ тамъ, съ кѣмъ я говорила,
Кому браслетъ на память подарила.
И вы узнаете все лучше во стократъ,
Чѣмъ если бъ съѣздили вы сами въ маскарадъ.
[Смѣется]. Смѣшно, смѣшно, ей Богу!
Не стыдно ли, не грѣхъ
Изъ пустяковъ поднять тревогу?

АРБЕНИНЪ.

Дай Богъ, чтобъ это былъ твой не послѣдній смѣхъ!

НИНА.

О, если ваши продолжатся бредни,
То это, вѣрно, не послѣдній.

АРБЕНИНЪ.

Кто знаетъ, можетъ быть...
Послушай, Нина!... я смѣшонъ, конечно,
Тѣмъ, что люблю тебя такъ сильно, безконечно,
Какъ только можетъ человѣкъ любить.
И что за диво? у другихъ на свѣтѣ
Надеждъ и цѣлей милліонъ:
У одного богатство есть въ предметѣ,
Другой въ науки погруженъ,
Тотъ добивается чиновъ, крестовъ, иль славы,
Тотъ любитъ общество, забавы,
Тотъ странствуетъ, тому игра волнуетъ кровь...

Я странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился,
Постигъ друзей, коварную любовь,
Чиновъ я не хотѣлъ, а славы не добился.
Богатъ и безъ гроша—былъ скукою томимъ.
Вездѣ я видѣлъ зло и, гордый, передъ нимъ
Нигдѣ не преклонился.
Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты:
Созданье слабое, но ангелъ красоты!
Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье...
Я человѣкъ—пока они мои;
Безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души,
Ни чувства, ни существованья!
Но если я обманутъ... если я
Обманутъ... если на груди моей змѣя
Такъ много дней была согрѣта... если точно
Я правду отгадалъ... и лаской усыпленъ,
Съ другимъ осмѣянъ былъ заочно!
Послушай, Нина... я рожденъ
Съ душой кипучею, какъ лава:
Покуда не растопится, тверда
Она какъ камень... но плоха забава
Съ ея потокомъ встрѣтиться! Тогда,
Тогда не ожидай прощенья—
Закона я на месть свою не призову,
Но самъ безъ слезъ и сожалѣнья,
Двѣ наши жизни разорву!
[Хочетъ взять ее за руку, она отскакиваетъ въ сторону].

НИНА.

Не подходи... О, какъ ты страшенъ!

АРБЕНИНЪ.

Неужели?...
Я страшенъ? Нѣтъ, ты шутишь, я смѣшонъ!
Да смѣйтесь, смѣйтесь же... Зачѣмъ, достигнувъ цѣли,
Блѣднѣть и трепетать? Скорѣе! гдѣ же онъ,
Любовникъ пламенный, игрушка маскарада?
Пускай потѣшится, придетъ.
Вы дали мнѣ вкусить почти всѣ муки ада—
И этой лишь недостаетъ.

НИНА.

Такъ вотъ какое подозрѣнье!
И этому всему виной одинъ браслетъ
Повѣрьте, ваше поведенье
Не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ!

АРБЕНИНЪ.

Да! смѣйтесь надо мной вы всѣ, глупцы земные,
Безпечные, но жалкіе мужья,
Которыхъ нѣкогда обманывалъ и я,
Которые межъ тѣмъ живете, какъ святые
Въ раю... увы!... Но ты, мой рай,
Небесный и земной, прощай!...
Прощай! я знаю все! [Ей]. Прочь отъ меня, гіена!
И думалъ я, глупецъ, что тронута, съ тоской,
Съ раскаяньемъ, во всемъ передо мной
Она откроется, упавши на колѣна?
Да! я бъ смягчился, если бъ увидалъ
Одну слезу... одну... Нѣтъ, смѣхъ былъ мнѣ отвѣтомъ!

НИНА.

Не знаю, кто меня оклеветалъ,
Но я прощаю вамъ, я не виновна въ этомъ.
Жалѣю, хоть помочь вамъ не могу,
И чтобъ утѣшить васъ, конечно, не солгу.

АРБЕНИНЪ.

О, замолчи, прошу тебя... довольно!...

НИНА.

Но слушай... я невинна... пусть
Меня накажетъ Богъ!—послушай...

АРБЕНИНЪ.

Наизусть
Я знаю все, что скажешь ты.

НИНА.

Мнѣ больно
Твои упреки слушать... Я люблю
Тебя, Евгеній.

АРБЕНИНЪ.

Ну, по чести,
Признанье въ пору...

НИНА.

Выслушай, молю!
О, Боже! Но чего жъ ты хочешь?

АРБЕНИНЪ.

Мести!

НИНА.

Кому жъ ты хочешь мстить?

АРБЕНИНЪ.

О, часъ придетъ
И, право, мнѣ вы надивитесь!

НИНА.

Не мнѣ ль?... что жъ медлишь ты?

АРБЕНИНЪ.

Геройство къ вамъ
нейдетъ.

НИНА [съ презрѣньемъ].

Кому жъ?

АРБЕНИНЪ.

Вы за кого боитесь!

НИНА.

Ужели много ждетъ меня такихъ минутъ?
О, перестань! ты ревностью своею
Меня убьешь... Я не умѣю
Просить, и ты неумолимъ... Но я и тутъ
Тебѣ прощаю.

АРБЕНИНЪ.

Лишній трудъ.

НИНА.

Однако есть и Богъ... Онъ не проститъ.

АРБЕНИНЪ.

Жалѣю!

[Она въ слезахъ уходитъ].

[Одинъ]. Вотъ женщина!... О, знаю я давно
Васъ всѣхъ, всѣ ваши ласки и упреки!
Но жалкое познанье мнѣ дано,
И дорого плачу я за уроки!...
И то сказать, за что меня любить?
За то ль, что у меня и видъ и голосъ грозный?
[Подходитъ къ двери жены и слушаетъ].
Что дѣлаетъ она? Смѣется, можетъ быть!...
Нѣтъ, плачетъ... [уходя] жаль, что поздно...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

[Баронесса сидитъ въ креслахъ, въ усталости, бросаетъ книгу].

БАРОНЕССА.

Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? Для того ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда? Жоржъ Зандъ почти что правъ.

Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей, иль прихотей
другихъ!
Имѣя свѣтъ судьей и безъ защиты въ
свѣтѣ,
Она должна таить весь пламень чувствъ
своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣ-
тѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву,
убираютъ.
Винятъ въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть:
Боязнь, разсудокъ мысли гонитъ,
И если какъ нибудь, забывши свѣта
власть,
Она покровъ съ нея уронитъ,
Предастся чувствамъ всей душой—
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ;
онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и по-
рокъ, —
Но не снесетъ приличіямъ обиду,
И въ наказаніяхъ жестокъ!... [Хо-
четъ читать].
Нѣтъ, не могу читать... Меня сму-
тило
Все это размышленье; я боюсь
Его какъ недруга... и, вспомнивъ то,
что было,
Сама себѣ еще дивлюсь. [Входитъ
Нина].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

НИНА.

Каталась я въ саняхъ, и мнѣ пришла идея
Къ тебѣ заѣхать, mon amour.

БАРОНЕССА.

C'est une idée charmante, vous en avez
toujours.

[Садятся]. Ты что-то прежняго блѣд-
нѣе
Сегодня, не смотря на вѣтеръ и морозъ,
И красные глаза — конечно, не отъ
слезъ?

НИНА.

Я дурно ночь спала, и нынче нездорова.

БАРОНЕССА.

Твой докторъ нехорошъ—возьми дру-
гаго.

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КНЯЗЬ ЗВѢЗДИЧЪ [входитъ].

БАРОНЕССА [холодно].

Ахъ, князь!

КНЯЗЬ.

Я былъ вчера у васъ
Съ извѣстіемъ, что нашъ пикникъ
разстроенъ.

БАРОНЕССА.

Прошу садиться, князь.

КНЯЗЬ.

Я спорилъ лишь сейчасъ,
Что огорчитесь вы,—но видъ вашъ такъ
спокоенъ...

БАРОНЕССА.

Мнѣ, право, жаль.

КНЯЗЬ.

А я—такъ очень радъ.
Пикниковъ двадцать я отдамъ за мас-
карадъ.

НИНА.

Вчера вы были въ маскарадѣ?

КНЯЗЬ.

Былъ.

БАРОНЕССА.

А въ какомъ нарядѣ?

НИНА.

Тамъ было много?...

КНЯЗЬ.

Да; и тамъ
Подъ маской я узналъ иныхъ изъ нашихъ дамъ.
Конечно вы охотницы рядиться. [Смѣется].

БАРОНЕССА [горячо].

Я объявить вамъ, князь, должна,
Что эта клевета нимало не смѣшна.
Какъ женщинѣ порядочной рѣшиться
Отправиться туда, гдѣ всякій сбродъ,
Гдѣ всякій вѣтренникъ обидитъ, осмѣетъ;
Рискнуть быть узнанной... Вамъ надобно стыдиться,
Отречься отъ подобныхъ словъ.

КНЯЗЬ.

Отречься не могу, стыдиться же—готовъ.

[Входитъ чиновникъ].

Выходъ четвертый.

ПРЕЖНІЕ и ЧИНОВНИКЪ.

БАРОНЕССА.

Откуда вы?

ЧИНОВНИКЪ.

Сейчасъ лишь изъ правленья,
О дѣлѣ вашемъ я пришелъ поговорить.

БАРОНЕССА.

Его рѣшили?

ЧИНОВНИКЪ.

Нѣтъ, но скоро... Можетъ быть,
Я помѣшалъ...

БАРОНЕССА.

Ничуть [Отходитъ къ окну и говоритъ].

КНЯЗЬ [въ сторону].

Вотъ время объясненья! [Нинѣ].
Я въ магазинѣ нынче видѣлъ васъ.

НИНА.

Въ какомъ же?

КНЯЗЬ.

Въ англійскомъ.

НИНА.

Давно ль?

КНЯЗЬ.

Сейчасъ.

НИНА.

Мнѣ удивительно, что васъ я не узнала.

КНЯЗЬ.

Вы были заняты.

НИНА [скоро].

Браслетъ я прибирала. [Вынимаетъ изъ ридикюля].
Вотъ къ этому...

КНЯЗЬ.

Премиленькій браслетъ!
Но гдѣ жъ другой?

НИНА.

Потерянъ.

КНЯЗЬ.

Въ самомъ дѣлѣ?...

НИНА.

Что жъ страннаго?

КНЯЗЬ.

И не секретъ—
Когда?

НИНА.

Третьеводня, вчера, на той недѣлѣ—
Зачѣмъ вамъ знать, когда?

КНЯЗЬ.

Я мысль свою имѣлъ,
Довольно странную, быть можетъ...
[Въ сторону].
Смущается она—вопросъ ее тревожитъ.
Охъ, эти скромницы! [Ей]. Я предложить хотѣлъ
Свои услуги вамъ... онъ можетъ отыскаться...

НИНА.

Пожалуйста... но гдѣ?

КНЯЗЬ.

А гдѣ жъ потерянъ онъ?

НИНА.

Не помню.

КНЯЗЬ.

Какъ нибудь на балѣ?

НИНА.

Можетъ статься.

КНЯЗЬ.

Или кому нибудь на память подаренъ?

НИНА.

Откуда вывели такое заключенье,
И подарю его кому жъ?...
Не мужу ли?

КНЯЗЬ.

Но будто въ свѣтѣ только мужъ?
Пріятельницъ у васъ толпа—въ томъ нѣтъ сомнѣнья.
Но, пусть потерянъ онъ—а тотъ,
Который вамъ его найдетъ,
Получитъ ли отъ васъ какое награжденье?

НИНА [улыбается].

Смотря...

КНЯЗЬ.

Но если онъ
Васъ любитъ, если въ васъ потерянный свой сонъ
Онъ отыскалъ—и за улыбку вашу, слово,
Не пожалѣетъ ничего земнаго?
Но если сами вы когда нибудь
Ему рѣшились намекнуть
О будущемъ блаженствѣ,—если сами.
Не узнаны, подъ маскою, его
Ласкали вы любви словами...
О!... но поймите же!

НИНА.

Изъ этого всего
Я то лишь поняла, что слишкомъ вы забылись...
И нынче въ первый и послѣдній разъ
Не говорить со мной прошу покорно васъ.

КНЯЗЬ.

О, Боже! Я мечталъ... Ужель вы разсердились?
[Про себя]. Ты отвертѣлася! добро... но будетъ часъ,
И я своей достигну цѣли.
[Нина отходитъ къ Баронессѣ].
[Чиновникъ раскланивается и уходитъ].

НИНА.

Adieu ma chère—до завтра: мнѣ пора.

БАРОНЕССА.

Да подожди, mon ange, съ тобой мы не успѣли
Сказать двухъ словъ [цѣлуются].

НИНА [уходя].

Я завтра жду тебя съ утра.
[Уходитъ].

БАРОНЕССА.

Мнѣ день покажется длиннѣй недѣли.

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ НИНЫ И ЧИНОВНИКА.

КНЯЗЬ [въ сторону].

Я отомщу тебѣ! Вотъ скромница нашлась!
Пожалуй, я дуракъ—пожалуй, отречется,
Но я узналъ браслетъ.

БАРОНЕССА.

Задумался, князь?

КНЯЗЬ.

Да многое раздумать мнѣ придется.

БАРОНЕССА.

Какъ кажется, вашъ разговоръ
Былъ оживленъ—о чемъ былъ споръ?

КНЯЗЬ.

Я утверждалъ, что встрѣтилъ въ маскарадѣ...

БАРОНЕССА.

Кого?

КНЯЗЬ.

Ее.

БАРОНЕССА.

Какъ, Нину?

КНЯЗЬ.

Да.
Я доказалъ ей.

БАРОНЕССА.

Безъ стыда,
Я вижу, вы въ глаза людей злословить рады.

КНЯЗЬ.

Изъ странности рѣшаюсь иногда.

БАРОНЕССА.

Такъ пощадите хоть заочно!
Къ тому же доказательствъ нѣтъ.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ! Только мнѣ вчера былъ данъ браслетъ,
И у нея такой же точно.

БАРОНЕССА.

Вотъ доказательство... логическій отвѣтъ!
Такіе же есть въ каждомъ магазинѣ.

КНЯЗЬ.

Я нынѣ всѣ изъѣздилъ ихъ,
И тутъ увѣрился, что только два такихъ.
[Послѣ молчанія].

БАРОНЕССА.

Я завтра жъ дамъ совѣтъ полезный Нинѣ:
Не довѣряться болтунамъ.

КНЯЗЬ.

А мнѣ совѣтъ какой?

БАРОНЕССА.

А вамъ?
Смѣлѣе продолжать съ успѣхомъ начатое
И дорожить побольше честью дамъ.

КНЯЗЬ.

За два совѣта вамъ я благодаренъ вдвое.
[Уходитъ].

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

БАРОНЕССА.

Какъ честью женщины такъ вѣтрено шутить!
Откройся я ему—со мной бы было тоже!
Итакъ прощайте, князь! не мнѣ васъ выводить
Изъ заблужденія! о, нѣтъ, избави Боже!
Одно лишь странно мнѣ, какъ я найти могла

Ея браслетъ. Такъ! Нина тамъ была —
И вотъ разгадка всей шарады...
Не знаю, отчего, но я его люблю —
Быть можетъ, такъ, отъ скуки, отъ досады,
Отъ ревности... томлюся и горю,
И нѣту мнѣ ни въ чемъ отрады!
Мнѣ будто слышится и смѣхъ толпы пустой
И шопотъ злобныхъ сожалѣній!
Нѣтъ, я себя спасу... хотя бъ на счетъ другой,
Отъ этого стыда... хотя бъ цѣной мученій
Пришлося выкупить проступокъ новый мой...
[Задумывается].
Какая цѣпь ужасныхъ предпріятій!

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

БАРОНЕССА И ШПРИХЪ.

ШПРИХЪ [входитъ, раскланивается].

БАРОНЕССА.

Ахъ, Шприхъ! ты вѣчно кстати.

ШПРИХЪ.

Помилуйте, я былъ бы очень радъ,
Когда бы могъ вамъ быть полезенъ.
Покойный вашъ супругъ...

БАРОНЕССА.

Всегда ль ты такъ любезенъ?

ШПРИХЪ.

Блаженной памяти, баронъ...

БАРОНЕССА.

Тому назадъ
Лѣтъ пять, я помню.

ШПРИХЪ.

Занялъ тысячъ...

БАРОНЕССА.

Знаю!
Но я тебѣ проценты за пять лѣтъ
Отдамъ сегодня же.

ШПРИХЪ.

Мнѣ-съ нужды въ деньгахъ нѣтъ.
Помилуйте-съ, я такъ, случайно вспоминаю.

БАРОНЕССА.

Скажи, что новаго!

ШПРИХЪ.

У графа одного
Наслушался—сейчасъ лишь вышелъ—
Исторій въ свѣтѣ тьма.

БАРОНЕССА.

А ничего
Про князя Звѣздича съ Арбенпной не слышалъ?

ШПРИХЪ [въ недоумѣніи].

Нѣтъ... слышалъ... какъ же... нѣтъ..
Объ этомъ говорилъ и замолчалъ ужъ свѣтъ...
[Въ сторону] А что-бишь, я не помню, вотъ ужасно!...

БАРОНЕССА.

О, если это такъ ужъ гласно,
То нечего и говорить!

ШПРИХЪ.

Но я бъ желалъ узнать, какъ вы объ этомъ
Изволите судить?

БАРОНЕССА.

Они осуждены ужъ свѣтомъ.
А впрочемъ, я бъ могла ихъ подарить совѣтомъ—

Сказала бы ему, что женщины цѣнятъ
Настойчивость въ мужчинѣ,
Хотятъ, чтобъ онъ сквозь тысячу преградъ
Къ своей стремился героинѣ.
А ей бы пожелала я
Поменьше строгости и скромности побо-лѣ...
Прощайте, мосьё Ширихъ, обѣдать ждетъ меня
Сестра; а то бъ осталась съ вами долѣ.
[Уходя, въ сторону].
Теперь я спасена—полезный мнѣ урокъ!

ВЫХОДЪ ВОСЬМОЙ.

ШИРИХЪ [одинъ].

Не безпокойтеся: я понялъ вашъ намекъ
И не дождуся повторенья.
Какая быстрота ума, соображенья;
Тутъ есть интрига... да! вмѣшаюсь въ эту связь—
Мнѣ благодаренъ будетъ князь.
Я попаду къ нему въ агенты...
Потомъ сюда съ рапортомъ прилечу,
И ужъ, авось, тогда хоть получу
Я пятилѣтніе проценты.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Кабинетъ Арбенина.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ одинъ; потомъ СЛУГА.

АРБЕНИНЪ.

Все ясно ревности—а доказательствъ нѣтъ!
Боюсь ошибки, а терпѣть нѣтъ силы;
Оставить такъ, забыть минутный бредъ...
Такая жизнь страшнѣй могилы!
Есть люди, я видалъ, съ душой остылой,
Они блаженствуютъ и мирно спятъ въ грозу—
То жизнь завидная!

СЛУГА [входитъ].

Ждетъ человѣкъ внизу.
Принесъ онъ барынѣ записку отъ княгини.

АРБЕНИНЪ.

Да отъ какой?

СЛУГА.

Не разобралъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Записка? къ Нинѣ!...
[Идетъ; слуга остается].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АѲАНАСІЙ ПАВЛОВИЧЪ КАЗАРИНЪ И СЛУГА.

СЛУГА.

Сейчасъ лишь баринъ вышелъ-съ; подождите
Немного-съ.

КАЗАРИНЪ.

Хорошо.

СЛУГА.

Я тотчасъ доложу-съ. [Уходитъ].

КАЗАРИНЪ.

Ждать я готовъ хоть годъ, когда хотите,
Мосьё Арбенинъ, и дождусь.
Дѣла мои преплохи, такъ-что грустно!
Товарищъ нуженъ мнѣ искусный.
Недурно, если онъ къ тому жъ
Великодушенъ часто, кстати
Имѣетъ тысячи три душъ
И покровительство у знати.

Арбенина втянуть опять бы надо мнѣ
Въ игру; онъ будетъ вѣренъ старинѣ:
Пріятеля онъ поддержать съумѣетъ
И предъ дѣтьми не оробѣетъ.
А эта молодежь
Мнѣ просто—ножъ!
Толкуй имъ, какъ угодно,
Не знаютъ ни завесть, ни въ пору перестать,
Ни кстати честность показать,
Ни передернуть благородно.
Взгляните-ка, изъ стариковъ
Какъ многіе игрой достигли до чиновъ,
Изъ грязи
Вошли со знатью въ связи;
А все вѣдь отчего?—умѣли сохранять
Приличіе во всемъ, блюсти свои законы,
Держались правилъ—глядь:
При нихъ и честь и милліоны!...

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

КАЗАРИНЪ и ШПРИХЪ. [Входитъ Шприхъ].

ШПРИХЪ.

Ахъ, Аѳанасій Павловичъ! вотъ чудо!
Ахъ, какъ я радъ! не думалъ встрѣтить васъ.

КАЗАРИНЪ.

Я также! Ты съ визитомъ?

ШПРИХЪ.

Да-съ.
А вы?

КАЗАРИНЪ.

Я также.

ШПРИХЪ.

Право? А не худо,
Что мы сошлись; о дѣлѣ объ одномъ
Поговорить мнѣ нужно бъ съ вами.

КАЗАРИНЪ.

Бывало, ты все занятъ былъ дѣлами,
А дѣломъ въ первый разъ.

ШПРИХЪ.

Вотъ тотъ вамъ ни почемъ,
А, право, нужное...

КАЗАРИНЪ.

Мнѣ также очень нужно
Съ тобой поговорить.

ШПРИХЪ.

Итакъ, мы сладимъ дружно.

КАЗАРИНЪ.

Не знаю... говори!

ШПРИХЪ.

Позвольте лишь спросить:
Вы слышали ль, что вашъ пріятель,
Арбенинъ... [дѣлаетъ пальцами изображеніе роговъ].

КАЗАРИНЪ.

Что?... не можетъ быть!
Ты точно знаешь?...

ШПРИХЪ.

Мой Создатель!
Я самъ улаживалъ—тому лишь пять минутъ;
Кому же знать?

КАЗАРИНЪ.

Бѣсъ вѣчно тутъ-какъ-тутъ.

ШПРИХЪ.

Вотъ видите: жена его намедни,
Не помню я, на балѣ, у обѣдни,
Иль въ маскарадѣ встрѣтилась съ однимъ
Князькомъ; ему она довольно показалась
И очень скоро князь сталъ счастливъ и любимъ.
Но вдругъ красотка передъ нимъ
Отъ прежняго чуть-чуть не откленалась.
Взбѣсился князь и полетѣлъ вездѣ

Разсказывать—того смотри, что быть бѣдѣ.
Меня просили сладить это дѣло...
Я принялся—и разомъ все поспѣло.
Князь обѣщалъ молчать, записку навалялъ,
Покорный вашъ слуга слегка ее поправилъ
И къ мѣсту тотчасъ же доставилъ.

КАЗАРИНЪ.

Смотри, чтобъ мужъ тебѣ ушей не оборвалъ.

ШПРИХЪ.

Въ такихъ ли я дѣлахъ бывалъ,
А обходилось безъ дуэли...

КАЗАРИНЪ.

И даже не былъ битъ?

ШПРИХЪ.

У васъ все шутка, смѣхъ...
А я всегда скажу, что жизнію безъ цѣли
Не должно рисковать.

КАЗАРИНЪ.

И въ самомъ дѣлѣ!
Такую жизнь, безцѣнную для всѣхъ,
Безъ пользы подвергать — великій грѣхъ.

ШПРИХЪ.

Но это вспорону; вѣдь я о важномъ съ вами
Хотѣлъ поговорить.

КАЗАРИНЪ.

Что жъ это?

ШПРИХЪ.

Анекдотъ!
А дѣло вотъ въ чемъ...

КАЗАРИНЪ.

Пропадай съ дѣлами!
Арбенинъ, кажется, идетъ.

ШПРИХЪ.

Нѣтъ никого. Мнѣ привезли недавно
Отъ графа Врути пять борзыхъ собакъ.

КАЗАРИНЪ.

Твой анекдотъ, ей-Богу, презабавный.

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ охотникъ, вотъ купить-бы славно!

КАЗАРИНЪ.

Итакъ, Арбенинъ—какъ дуракъ...

ШПРИХЪ.

Послушайте...

КАЗАРИНЪ.

Попалъ въ-просакъ,
Обманутъ и осмѣянъ явно.
Женитесь послѣ этого!

ШПРИХЪ.

Вашъ братъ
Находкѣ этой былъ бы радъ.

КАЗАРИНЪ.

Въ женитьбѣ вѣрность, счастіе—все враки!
Эй, не женися, Шприхъ!

ШПРИХЪ.

Да я давно женатъ...
Послушайте, одна особенно—вотъ кладъ!

КАЗАРИНЪ.

Жена?

ШПРИХЪ.

Собака.

КАЗАРИНЪ.

Вотъ дались собаки!
Послушай, мой любезный другъ,
Не знаю, какъ жену—что Богъ дастъ—неизвѣстно,

А ты собакъ не скоро сбудешь съ рукъ.

[Арбенинъ входитъ съ письмомъ. Они стояли на лѣво у бюро, и онъ ихъ не видалъ].

Задумчивъ, и съ письмомъ; узнать бы интересно...

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

АРБЕНИНЪ [не замѣчая ихъ].

О, благодарность! И давно ли я
Спасъ честь его и будущность, не зная
Почти кто онъ таковъ—и что же?... О, змѣя!
Неслыханная низость!... Онъ, играя,
Какъ воръ вторгается въ мой домъ,
Покрылъ меня позоромъ и стыдомъ!...
И я глазамъ не вѣрилъ, забывая
Весь горькій опытъ многихъ дней,
Я, какъ дитя, незнающій людей,
Не смѣлъ подозрѣвать такого преступленья.
Я думалъ: вся вина ея... не знаетъ онъ,
Кто эта женщина...какъ странный сонъ,
Забудетъ онъ свое ночное приключенье.
Онъ не забылъ—онъ сталъ искать и отыскалъ,
И тутъ—не могъ остановиться...
Вотъ благодарность!... Много я видалъ
На свѣтѣ, а пришлось еще дивиться.
[Перечитываетъ письмо].
„Я васъ нашелъ! Но не хотѣли вы
„Признаться...“ Скромность кстати чрезвычайно? —
„Вы правы... что́ страшнѣй молвы?
„Подслушать насъ могли бъ случайно.
„Такъ! не презрѣніе, но страхъ
„Прочелъ я въ вашихъ пламенныхъ глазахъ.
„Вы тайны любите—и это будетъ тайной!
„Но я скорѣй умру, чѣмъ откажусь отъ васъ.“

ШПРИХЪ.

Письмо! такъ, такъ, оно... Пропало все, какъ разъ!

АРБЕНИНЪ.

Ого! искусный соблазнитель, право!
Мнѣ хочется послать ему отвѣтъ кровавый.
[Казарину]. А! ты былъ здѣсь?

КАЗАРИНЪ.

Я жду ужъ цѣлый часъ.

ШПРИХЪ [всторону].

Отправлюсь къ баронессѣ: пусть хлопочетъ
И разсыпается, какъ хочетъ.
[Приближается къ двери].

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ, КРОМѢ ШПРИХА. [Шприхъ уходитъ незамѣченъ].

КАЗАРИНЪ.

Мы съ Шприхомъ... гдѣ же Шприхъ?
Пропалъ! [Всторону].
Письмо! такъ вотъ что! понимаю! [Ему].
Ты въ размышленьи...

АРБЕНИНЪ.

Да, я размышляю.

КАЗАРИНЪ.

О бренности надеждъ и благъ земныхъ?

АРБЕНИНЪ.

Почти... О благодарности.

КАЗАРИНЪ.

Есть мнѣнья
Различныя на этотъ счетъ.
Но что́ бъ ни думалъ этотъ или тотъ,
А все предметъ достоинъ размышленья.

АРБЕНИНЪ.

Твое же мнѣніе?

КАЗАРИНЪ.

Я думаю, мой другъ,
Что благодарность—вещь, которая тѣмъ болѣ
Зависитъ отъ цѣны услугъ,
Что не всегда добро бываетъ въ нашей волѣ.
Вотъ, напримѣръ, вчера опять
Мнѣ Слукинъ проигралъ почти-что тысячъ пять,
И я, ей-Богу, очень благодаренъ;
Да вотъ какъ: пью ли, ѣмъ, иль сплю,
Все думаю о немъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты шутишь все, Казаринъ.

КАЗАРИНЪ.

Послушай. Я тебя люблю
И буду говорить серьёзно.
Но сдѣлай милость, братъ, оставь ты видъ свой грозный,
И я открою предъ тобой
Всѣ таинства премудрости земной.
Мое ты хочешь слышать мнѣнье
О благодарности... изволь: возьми терпѣнье.
Что ни толкуй Вольтеръ, или Декартъ,
Міръ для меня—колода картъ,
Жизнь—банкъ: рокъ мечетъ, я играю.
И правила игры я къ людямъ примѣняю.
И вотъ теперь примѣръ
Для поясненья этихъ правилъ:
Пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ,
Такъ, по предчувствію—я въ картахъ суевѣръ—
Положимъ, что случайно, безъ обману,
Онъ выигралъ—я очень радъ;
Но все никакъ туза благодарить не стану
И молча загребу свой кладъ,
И буду гнуть, да гнуть, покуда не устану;
А тамъ, итоги свелъ
И карту смятую—подъ столъ!
Теперь... Но ты не слушаешь, мой милый?

АРБЕНИНЪ [въ размышленіи].

Повсюду зло, вездѣ обманъ!
И я намедни... я, какъ истуканъ,
Безмолвно слушалъ, какъ все это было!

КАЗАРИНЪ [всторону].

Задумался. [Ему]. Теперь мы перейдемъ,
Къ другому казусу и дѣло разберемъ,
Но постепенно, чтобъ не сбиться.
Положимъ, напримѣръ, въ игру или въ развратъ
Ты бъ захотѣлъ опять пуститься,
И тутъ пріятель твой случится
И скажетъ: „эй! остерегися, братъ!...“
И прочіе премудрые совѣты,
Которые не стоятъ ничего.
И ты случайно, такъ, послушаешь его.
Ему поклонъ и многи лѣты.
И если онъ тебя отъ пьянства удержалъ,
То напои его сейчасъ, безъ замедленья,
И въ карты обыграй въ обмѣнъ за наставленье;
А отъ игры онъ спасъ—такъ ты ступай на балъ,
Влюбись въ его жену... иль можешь не влюбиться,
Но обольсти ее, чтобъ съ мужемъ расплатиться:
Въ обоихъ случаяхъ ты будешь правъ, дружокъ,
И только-что отдашь урокомъ за урокъ.

АРБЕНИНЪ.

Ты славный моралистъ! [Всторону].
Такъ это всѣмъ извѣстно...

А! князь! за вашъ урокъ я заплачу вамъ честно.

КАЗАРИНЪ [не обращая вниманія].

Послѣдній пунктъ осталось объяснить;
Ты любишь женщину, ты жертвуешь ей честью,
Богатствомъ, дружбою и жизнью, можетъ быть;
Ты окружилъ ее забавами и лестью,
Но ей за что тебя благодарить?
Ты это сдѣлалъ все изъ страсти
И самолюбія отчасти;
Чтобъ ею обладать, пожертвовалъ ты все
А не для счастія ее.
Да! пораздумай-ка объ этомъ хладнокровно,
И скажешь самъ, что въ мірѣ все условно.

АРБЕНИНЪ [разстроенно].

Да, да, ты правъ; что женщинѣ въ любви?
Побѣды новыя ей нужны ежедневно.
Пожалуй, плачь, терзайся и моли—
Смѣшонъ ей видъ и голосъ твой плаченный.
Ты правъ: глупецъ, кто въ женщинѣ одной
Мечталъ найти свой рай земной.

КАЗАРИНЪ.

Ты разсуждаешь очень здраво,
Хотя женатъ и счастливъ.

АРБЕНИНЪ.

Право?

КАЗАРИНЪ.

А развѣ нѣтъ?

АРБЕНИНЪ.

О, счастливъ... да...

КАЗАРИНЪ.

Я очень радъ
Однако жъ все мнѣ жаль, что ты женатъ

АРБЕНИНЪ.

А что же?

КАЗАРИНЪ.

Такъ... я вспоминаю
Про прежнее... когда съ тобой
Кутили мы, въ чью голову—не знаю,
Хоть оба мы—ребята съ головой!...
Вотъ было время! Утромъ отдыхъ, нѣга,
Воспоминанія пріятнаго ночлега...
Потомъ обѣдъ, вино—Рауля честь—
Въ граненыхъ кубкахъ пѣнится и блещетъ;
Бесѣда шумная; остротъ не перечесть;
Потомъ въ театръ—душа трепещетъ
При мысли, какъ съ тобой вдвоемъ
изъ-за кулисъ
Выманивали мы танцовщицъ и актрисъ...
Не правда ли, что древле
Все было лучше и дешевле?
Вотъ пьеса кончилась и мы летимъ стрѣлой
Къ пріятелю... вошли... игра ужъ въ самой силѣ;
На картахъ золото насыпано горой:
Тотъ весь горитъ; другой
Блѣднѣе, чѣмъ мертвецъ въ могилѣ.
Садимся мы—и загорѣлся бой!...
Тутъ, тутъ, сквозь душу переходитъ
Страстей и ощущеній тьма,
И часто мысль гигантская заводитъ
Пружину пылкаго ума...
И если побѣдишь противника умѣньемъ,
Судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,
Тогда и самъ Наполеонъ
Тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ.

[Арбенинъ отворачивается].

АРБЕНИНЪ.

О! кто мнѣ возвратитъ васъ, буйныя надежды,

Васъ, нестерпимые, но пламенные дни?
За васъ отдамъ я счастіе невѣжды,
Безпечность и покой—не для меня они...
Мнѣ ль быть супругомъ и отцомъ семейства?
Мнѣ ль, мнѣ ль, который испыталъ
Всѣ сладости порока и злодѣйства,
И передъ нихъ лицомъ ни разу не дрожалъ?
Прочь, добродѣтель! я тебя не знаю,
Я былъ обманутъ и тобой,
И краткій нашъ союзъ отнынѣ разрываю—
Прощай—прощай...
[Падаетъ на стулъ и закрываетъ лицо].

КАЗАРИНЪ.

Теперь онъ мой!

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Комната у князя. Дверь въ другую растворена; онъ въ другой спитъ на диванѣ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ИВАНЪ, потомъ АРБЕНИНЪ.

[Слуга смотритъ на часы].

ИВАНЪ.

Седьмой ужъ часъ почти въ исходѣ,
А въ восемь приказалъ себя онъ разбудить.
Онъ спитъ по русски, не по модѣ,
И я успѣю въ лавочку сходить,
Дверь на замокъ запру: оно вѣрнѣе.
Да... чу... по лѣстницѣ идутъ.
Скажу, что дома нѣтъ—и съ рукъ долой скорѣе.
[Арбенинъ входитъ].

АРБЕНИНЪ.

Князь дома?

СЛУГА.

Дома нѣтъ-съ.

АРБЕНИНЪ.

Не правда.

СЛУГА.

Пять минутъ
Тому назадъ, уѣхалъ.

АРБЕНИНЪ. [Прислушивается].

Лжешь! онъ тутъ.
[Показываетъ на кабинетъ].
И вѣрно, сладко спитъ: прислушайся какъ дышетъ...
[Всторону]. Но скоро перестанетъ.

СЛУГА [всторону].

Онъ все слышитъ... [Ему].
Себя будить мнѣ князь не приказалъ.

АРБЕНИНЪ.

Онъ любитъ спать,—тѣмъ лучше: приведется
И вѣчно спать. [Слугѣ]. Я, кажется, сказалъ,
Что буду ждать, покуда онъ проснется,
[Слуга уходитъ].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ [одинъ].

Удобный мигъ насталъ—теперь иль никогда!
Теперь я все свершу безъ страха и труда;
Я докажу, что въ нашемъ поколѣньѣ
Есть хоть одна душа, въ которой оскорбленье,
Запавъ, приноситъ плодъ... О! я не ихъ слуга:
Мнѣ поздно передъ ними гнуться...
Когда бъ, крича, предъ нихъ я вызвалъ бы врага,
Они бъ смѣялися... теперь не засмѣются!
О, нѣтъ, я не таковъ! Позора цѣлый часъ
На головѣ своей не потерплю я даромъ.
[Растворяетъ дверь].

Онъ спитъ! Что видитъ онъ во снѣ въ послѣдній разъ?

[Страшно улыбаясь].

Я думаю, что онъ умретъ ударомъ—
Онъ свѣсилъ голову... я крови помогу...
И все на счетъ благой природы!

[Входитъ въ комнату].

[Минуты двѣ—и выходитъ блѣденъ].

Не могу!

[Молчаніе].

Да, это свыше силъ и воли...
Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ
Впервые во всю жизнь. Давно ли
Я трусъ?... трусъ?... Кто это сказалъ?...
Я самъ и это правда... Стыдно, стыдно!
Бѣги, краснѣй, презрѣнный человѣкъ!
Тебя, какъ и другихъ, къ землѣ прижалъ нашъ вѣкъ.
Ты предъ собой лишь хвастался, какъ видно...
О, жалко... право жалко... изнемогъ
И ты подъ гнетомъ просвѣщенья!
Любить ты не умѣлъ, а мщенья
Хотѣлъ, пришелъ и... и не могъ!

[Молчаніе].

[Садится].

Я слишкомъ залетѣлъ высоко;
Вѣрнѣй избрать я долженъ путь...
И замыселъ пной глубоко
Запалъ въ мою измученную грудь;
Такъ! такъ! онъ будетъ жить; убійство ужъ не въ модѣ:
Убійцъ на площадяхъ казнятъ.
Такъ! въ образованномъ я родился народѣ:
Языкъ и золото—вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!

[Беретъ чернила и пишетъ записку; беретъ шляпу].

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

АРБЕНИНЪ И БАРОНЕССА.

[Арбенинъ идетъ въ двери и сталкивается съ дамой въ вуалѣ].

ДАМА [въ вуалѣ].

Ахъ! все погибло!...

АРБЕНИНЪ.

Это что?

ДАМА [вырываясь].

Пустите!

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, это не притворный крикъ
Продажной добродѣтели!

[Ей строго]. Молчите!
Ни слова—или сей же мигъ...
Какое подозрѣнье... отверните
Вашъ вуаль, пока мы здѣсь одни.

ДАМА.

Я не туда зашла, ошиблась.

АРБЕНИНЪ.

Да, немного
Ошиблись, кажется и мнѣ,
Но временемъ, не мѣстомъ.

ДАМА.

Ради Бога,
Пустите! Я не знаю васъ.

АРБЕНИНЪ.

Смущенье странно... вы должны открыться.
Онъ спитъ теперь и можетъ встать сейчасъ!
Все знаю я... но убѣдиться
Хочу...

ДАМА.

Все знаете?...

[Онъ откидываетъ вуаль и отступаетъ въ удивленіи; потомъ приходитъ въ себя].

АРБЕНИНЪ.

Благодарю, Творецъ,
Что ты позволилъ мнѣ хоть нынче оши-
биться!

БАРОНЕССА.

О! что я сдѣлала? Теперь всему конецъ!

АРБЕНИНЪ.

Отчаянье теперь некстати.
Невесело, согласенъ, въ часъ такой,
Намѣсто пламенныхъ объятій
Съ холодной встрѣтиться рукой...
И то минутный страхъ — а нѣтъ бѣды
большой.
Я скроменъ, радъ молчать. Благодари-
те Бога,
Что это я, а не другой;
Не то, была бы въ городѣ тревога.

БАРОНЕССА.

Ахъ! онъ проснулся, говоритъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ бреду...
Но успокойтесь, я сейчасъ уйду,
Лишь объясните мнѣ, какою властью
Вотъ этотъ купидонъ васъ вдругъ
околдовалъ?
Зачѣмъ, когда онъ самъ безчувственъ,
какъ металлъ,
Всѣ женщины къ нему пылаютъ
страстью?
Зачѣмъ не онъ у вашихъ ногъ съ
тоской,
Съ моленьемъ, клятвами, слезами!
А вы, вы здѣсь однѣ...—вы женщина
съ душой,
Забывши стыдъ, пришли ему предаться
сами?
Зачѣмъ другая женщина, ничѣмъ
Не хуже васъ, ему отдать готова
Все: счастье, жизнь, любовь... за
взглядъ одинъ, за слово?
Зачѣмъ... О, я глупецъ! [Въ бѣшен-
ствѣ]. Зачѣмъ, зачѣмъ?

БАРОНЕССА [рѣшительно].

Я поняла о чемъ вы говорите... Знаю,
Что вы пришли...

АРБЕНИНЪ.

Какъ! кто жъ вамъ разска-
залъ?...
[Опомнившись]. А что вы знаете?...

БАРОНЕССА.

О, я васъ умоляю
Простите мнѣ...

АРБЕНИНЪ.

Я васъ не обвинялъ;
Напротивъ, радуюсь пріятельскому
счастью.

БАРОНЕССА.

Ослѣплена была я страстью;
Во всемъ виновна я; но, слушайте...

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?
Мнѣ, право, все равно... я врагъ мо-
рали строгой.

БАРОНЕССА.

Но если бы не я, то не бывать письму.
Ни...

АРБЕНИНЪ.

А! ужъ это слишкомъ много!...
Письмо!... какое?... а! такъ это вы
тогда,
Вы ихъ свели...учили ихъ!...Давно ли
Взялись вы за такія роли?
Что васъ понудило?... Сюда
Приводите вы вашихъ жертвъ невин-
ныхъ,
Иль молодежь приходитъ къ вамъ?

Да—признаюсь!.... вы кладъ въ гостиныхъ,
И я ужъ не дивлюсь разврату нашихъ дамъ!...

БАРОНЕССА.

О, Боже мой!...

АРБЕНИНЪ.

Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа?

БАРОНЕССА [упадаетъ въ кресла].

Но вы безчеловѣчны!

АРБЕНИНЪ.

Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!
[Хочетъ идти].

БАРОНЕССА.

О! я лишусь ума... Постойте!... онъ идетъ,
Не слушаетъ... О! я умру...

АРБЕНИНЪ.

Что жъ, продолжайте.
Васъ это къ славѣ поведетъ...
Теперь меня не бойтесь, и прощайте...
Но, Боже сохрани, намъ встрѣтиться впередъ!...
Вы взяли у меня все, все на свѣтѣ!
Я стану васъ преслѣдовать всегда,
Вездѣ—на улицѣ, въ уединеньи, въ свѣтѣ!
И если мы столкнемся... то бѣда!
Я бъ васъ убилъ... но смерть была бъ награда,
Которую сберечь я долженъ для другой.
Вы видите, я добръ: въ замѣнъ терзаній ада,
Вамъ оставляю рай земной. [Уходитъ].

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

БАРОНЕССА ОДНА.

БАРОНЕССА [вслѣдъ ему].

Послушайте, клянусь, то былъ обманъ... она...
Невинна... и браслетъ... все я... все я одна...
Ушелъ, не слышитъ! Что мнѣ дѣлать? Всюду
Отчаянье... нѣтъ нужды! я хочу
Его спасти, во что бы то ни стало, — буду
Просить и унижаться; обличу
Себя въ обманѣ, преступленьи!
Онъ всталъ... идетъ... рѣшуся... О, мученье!

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

БАРОНЕССА И КНЯЗЬ.

КНЯЗЬ [въ другой комнатѣ].

Иванъ! Кто тамъ!... Я слышалъ голоса!....
Какой народъ! нельзя уснуть и полчаса.
[Входитъ].
Ба! это что за посѣщенье?
Красавица — я очень радъ. [Узнаетъ и отскакиваетъ].
Ахъ, баронесса! нѣтъ невѣроятно...

БАРОНЕССА.

Что отскочили вы назадъ? [Слабымъ голосомъ].
Вы удивляетесь?

КНЯЗЬ [смущенно].

Конечно, мнѣ пріятно...
Но счастія такого я не ждалъ.

БАРОНЕССА.

И было бъ, странно, если бъ ожидали.

КНЯЗЬ.

О чемъ я думалъ? О, когда бъ я
знялъ...

БАРОНЕССА.

Вы все бы знать могли, и ничего не
знали.

КНЯЗЬ.

Свою вину загладить я готовъ;
Съ покорностью приму какое наказанье
Хотите, я былъ слѣпъ и нѣмъ; мое не-
знанье—
Проступокъ... и теперь не нахожу я
словъ...
[Беретъ ее за руку].
Но ваши руки—ледъ! въ лицѣ у васъ
страданье!
Ужель сомнительны для васъ слова мои?

БАРОНЕССА.

Вы ошибаетесь! Не требовать любви
И не выпрашивать признанья
Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ и страхъ—все, свой-
ственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная,
Но я была причиной зла,
И свѣтъ навѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.
Я перенесть свой стыдъ готова;
Я не спасла себя—спасу другаго.

КНЯЗЬ.

Что это значитъ?

БАРОНЕССА.

Не мѣшайте мнѣ:
Мнѣ много стоило усилій,
Чтобъ говорить рѣшиться. Вы одни,
Не вѣдая того, причиной были
Моихъ страданій. Не смотря на то,
Я васъ должна спасти... зачѣмъ, за
что—
Не знаю... Вы не заслужили
Всѣхъ этихъ жертвъ: вы не могли
любить...
Понять меня... и даже, можетъ быть,
Я бъ этого и не желала...
Но слушайте. Сегодня я узнала,
Какъ—это все равно... что вы
Къ женѣ Арбенина вчера неосторожно
Писали... По словамъ молвы,
Она васъ любитъ—это ложно, ложно!
Не вѣрьте—ради неба... Эта мысль одна
Насъ всѣхъ погубитъ—всѣхъ! Она
Не знаетъ ничего... но мужъ читалъ...
ужасенъ
Въ любви и ненависти онъ!
Онъ былъ ужъ здѣсь... онъ васъ убь-
етъ... онъ пріученъ
Къ злодѣйству... Вы такъ молоды...

КНЯЗЬ.

Вашъ страхъ на-
прасенъ!
Арбенинъ въ свѣтѣ жилъ—и слишкомъ
онъ уменъ,
Чтобы рѣшиться на огласку
И сдѣлать наконецъ, безъ цѣли и нужды,
Въ пустой комедіи кровавую развязку.
А разсердился онъ—и въ этомъ нѣтъ
бѣды:
Возьмутъ Лепажа пистолеты,
Отмѣрятъ тридцать два шага—
И, право, эти эполеты
Я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага.

БАРОНЕССА.

Но если ваша жизнь кому нибудь дороже,
Чѣмъ вамъ... и связь у ней есть съ
жизнію другой...
Но если васъ убьютъ? — убьютъ!...
о, Боже!
И я всему виной...

КНЯЗЬ.

Вы?

БАРОНЕССА.

Пощадите!

КНЯЗЬ [подумавъ].

Я обязанъ драться:
Я виноватъ предъ нимъ—его я тронулъ честь,
Хотя не зналъ того; но оправдаться
Нѣтъ средства.

БАРОНЕССА.

Средство есть.

КНЯЗЬ.

Солгать—не это ли? Другое мнѣ найдите.
Я лгать не стану, жизнь свою храня,
И тотчасъ же пойду.

БАРОНЕССА.

Минуту... Не ходите.
И слушайте меня. [Беретъ его за руку].
Вы всѣ обмануты!... Та маска...
[Облакачивается на столъ, упадая]. Это я!...

КНЯЗЬ.

Какъ? вы?... о, провидѣнье!
[Молчаніе].
Но Шприхъ?... Онъ говорилъ... онъ виноватъ во всемъ...

БАРОНЕССА [опомнясь и отходя].

Минутное то было заблужденье,
Безумство страшное — теперь я каюсь въ немъ!
Оно прошло—забудьте обо всемъ.
Отдайте ей браслетъ—онъ былъ найдѣнъ случайно,
Какой-то чудною судьбой;
И обѣщайте мнѣ, что это тайной
Останется...Мнѣ будетъ Богъ судьей!
Васъ Онъ проститъ... меня простить не въ вашей волѣ!
Я удаляюсь... думаю, что болѣ
Мы не увидимся.
[Подойдя къ двери, видитъ, что онъ хочетъ броситься за ней].
Не слѣдуйте за мной. [Уходитъ].

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

КНЯЗЬ [одинъ].

КНЯЗЬ [послѣ долгаго размышленія].

Я, право, думать что не знаю,
И только могъ понять изъ этого всего,
Что случай счастливый, какъ школьникъ, пропускаю,
Не сдѣлавъ ничего.
[Подходитъ къ столу].
Ну вотъ еще записка; отъ кого?
Арбенинъ!... прочитаю!...

„Любезный князь! Пріѣзжай сегодня къ N. вечеромъ: тамъ будетъ много, и мы весело проведемъ время. Я не хотѣлъ разбудить тебя, а то ты бы дремалъ цѣлый вечеръ.—Прощай! Жду непремѣнно, твой искренній

Евгеній Арбенинъ“.

Ну, право, глазъ особый нуженъ,
Чтобъ въ этомъ увидать картель.
Гдѣ слыхано, чтобъ звать на ужинъ
Предъ тѣмъ, чтобъ вызвать на дуэль?

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Комната у N.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

КАЗАРИНЪ, ХОЗЯИНЪ И АРБЕНИНЪ [садятся играть].

КАЗАРИНЪ.

Такъ въ самомъ дѣлѣ ты причуды всѣ оставилъ,
Которыми гордится свѣтъ,

И въ прежній путь шаги свои направилъ?...
Мысль превосходная!... Ты долженъ быть поэтъ
И, сверхъ того, по всѣмъ примѣтамъ, геній.
Тѣснитъ тебя домашній кругъ.
Дай руку, милый другъ.
Ты нашъ?

АРБЕНИНЪ.

Я вашъ! Былаго нѣтъ и тѣни.

КАЗАРИНЪ.

Пріятно видѣть, ей-же-ей,
Какъ люди умные на вещи смотрятъ нынѣ.
Приличія для нихъ ужаснѣе цѣпей...
Не правда ль, что со мной ты будешь въ половинѣ?

ХОЗЯИНЪ.

А князя надо пощипать слегка!

КАЗАРИНЪ.

Да... да [Всторону]. Забавна будетъ стычка!

ХОЗЯИНЪ.

Посмотримъ. — Транспортъ!... [Слышенъ шумъ].

АРБЕНИНЪ.

Это онъ.

КАЗАРИНЪ.

Рука
Твоя дрожитъ?...

АРБЕНИНЪ.

О, ничего,—отвычка!
[Князь входитъ].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

ПРЕЖНІЕ И КНЯЗЬ.

ХОЗЯИНЪ.

Ахъ, князь! я очень радъ. Прошу-ка, безъ чиновъ,
Снимите саблю и садитесь.
У насъ ужасный бой.

КНЯЗЬ.

О! я смотрѣть готовъ.

АРБЕНИНЪ.

А всё играть съ тѣхъ поръ еще боитесь?

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, съ вами, право, не боюсь. [Всторону].
По свѣтскимъ правиламъ я мужу угождаю,
А за женою волочусь...
Лишь выиграть бы тамъ, а здѣсь пусть проиграю.
[Садится].

АРБЕНИНЪ.

Я нынче былъ у васъ.

КНЯЗЬ.

Записку я читалъ,
И, видите, послушенъ.

АРБЕНИНЪ.

На порогѣ
Мнѣ кто-то встрѣтился, въ смущеньи и тревогѣ.

КНЯЗЬ.

И вы узнали?

АРБЕНИНЪ [смѣясь].

Кажется, узналъ.
Князь, обольститель вы опасный!
Все понялъ я, все отгадалъ...

КНЯЗЬ [всторону].

Онъ ничего не понялъ—это ясно.
[Отходитъ и кладетъ саблю].

АРБЕНИНЪ.

Я не хотѣлъ бы, чтобъ жена моя
Вамъ приглянулась.

КНЯЗЬ [разсѣянно].

Почему же?

АРБЕНИНЪ.

Такъ, добродѣтелью, которой ищутъ въ мужѣ
Любовники,—не обладаю я. [Всторону].
Онъ не смущается ничѣмъ... О! я разрушу
Твой сладкій миръ, глупецъ; и яду подолью...
И если бы ты могъ на карту бросить душу,
То я противъ твоей поставилъ бы свою.
[Играютъ.—Арбенинъ мечетъ].

КАЗАРИНЪ.

Я ставлю пятьдесятъ рублей.

КНЯЗЬ.

Я тоже.

АРБЕНИНЪ.

Я разскажу вамъ анекдотъ,
Который слышалъ я, какъ былъ моложе;
Онъ нынче у меня изъ головы нейдетъ.
Вотъ видите: одинъ какой-то баринъ,
Женатый человѣкъ...—твоя взяла, Казаринъ.—
Женатый человѣкъ, на вѣрность положась
Своей жены, дремалъ въ забвеньи сладкомъ,—
Внимательны вы что-то слишкомъ, князь,
И проиграетесь порядкомъ.—
Мужъ добрый былъ любимъ. Шелъ мирно день за днемъ
И, къ довершенью благъ, безпечному супругу
Былъ данъ пріятель... важную услугу
Ему онъ оказалъ когда-то, и притомъ
Нашелъ, казалось, честь и совѣсть въ немъ.
И что жъ? мнѣ неизвѣстно
Какой судьбой,—но мужъ узналъ,
Что благодарный другъ, должникъ ужъ слишкомъ честный,
Женѣ его свои услуги предлагалъ.

КНЯЗЬ.

Что жъ сдѣлалъ мужъ?

АРБЕНИНЪ [будто не слыхалъ вопроса].

Князь вы игру забыли:
Вы гнете не глядя. [Взглянувъ на него пристально].
А любопытно вамъ
Узнать, что сдѣлалъ мужъ?... Придрался къ пустякамъ
И далъ пощечину... Вы какъ бы поступили,
Князь?

КНЯЗЬ.

Я бы сдѣлалъ то же. Ну, а тамъ
Стрѣлялись?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ!

КАЗАРИНЪ.

Рубились?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ!

КАЗАРИНЪ.

Такъ помирились?

АРБЕНИНЪ [горько улыбаясь].

О, нѣтъ!

КНЯЗЬ.

Такъ что же сдѣлалъ онъ?

АРБЕНИНЪ.

Остался отомщенъ—
И обольстителя съ пощечиной оставилъ.

КНЯЗЬ [смѣется].

Да это вовсе противъ правилъ.

АРБЕНИНЪ.

Въ какомъ указѣ есть
Законъ иль правило на ненависть и месть?

[Играютъ—Молчаніе].

Взяла... взяла!

[Вставая].

Постойте карту эту
Вы подмѣнили.

КНЯЗЬ.

Я? Послушайте...

АРБЕНИНЪ.

Конецъ
Игрѣ... Приличій тутъ ужъ нѣту,
Вы [задыхаясь] шулеръ и подлецъ!

КНЯЗЬ.

Я? я?

АРБЕНИНЪ.

Подлецъ, и я васъ здѣсь отмѣчу,
Чтобъ каждый почиталъ обидой съ вами встрѣчу.

[Бросаетъ ему карты въ лицо. Князь такъ пораженъ, что не знаетъ, что дѣлать].

[Понизивъ голосъ]. Теперь мы квиты.

КАЗАРИНЪ.

Что съ тобой?
[Хозяину]. Онъ помѣшался въ самомъ
лучшемъ мѣстѣ:
Тотъ горячился ужъ, спустилъ бы тысячъ двѣсти.

КНЯЗЬ [опомнясь вскакиваетъ].

Сейчасъ, за мной, за мной!
Кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!

АРБЕНИНЪ.

Стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьи?

КНЯЗЬ.

Вы трусъ! [Хочетъ броситься на него].

АРБЕНИНЪ [грозно].

Пускай! Но подступать
Вамъ не совѣтую — ни даже здѣсь остаться!
Я трусъ—да вамъ не испугать
И труса.

КНЯЗЬ.

О, я васъ заставлю драться!
Я разскажу вездѣ, поступокъ вашъ каковъ,
Что вы—не я подлецъ....

АРБЕНИНЪ.

На это я готовъ.

КНЯЗЬ [подходя ближе].

Я разскажу, что съ вашею женою...
О, берегитесь!... вспомните браслетъ...

АРБЕНИНЪ.

За это вы наказаны ужъ мною...

КНЯЗЬ.

О, бѣшенство!...да гдѣ я? цѣлый свѣтъ
Противъ меня... Я васъ убью?...

АРБЕНИНЪ.

И въ этомъ
Вы властны, даже я васъ подарю совѣтомъ—
Скорѣй меня убить... а то, пожалуй,
въ васъ
Остынетъ храбрость черезъ часъ.

КНЯЗЬ.

О! гдѣ ты, честь моя?... Отдайте это слово,
Отдайте мнѣ его,—и я у вашихъ ногъ...
Да въ васъ нѣтъ ничего святаго,
Вы человѣкъ, иль демонъ?

АРБЕНИНЪ.

Я?—игрокъ.

КНЯЗЬ [упадая и закрывая лицо].

Честь, честь моя!...

АРБЕНИНЪ.

Да честь не возвратится.
Преграда рушена между добромъ и зломъ,
И отъ тебя весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится;
Отнынѣ ты пойдешь отверженца путемъ,
Кровавыхъ слезъ познаешь сладость,
И счастье ближнихъ будетъ въ тягость
Твоей душѣ; и мыслить объ одномъ
Ты будешь день и ночь; и постепенно чувства
Любви, прекраснаго погаснутъ и умрутъ,
И счастья не отдастъ тебѣ ничье искусство;
Всѣ шумные друзья какъ листья отпадутъ
Отъ сгнившей вѣтви и краснѣя,
Закрывъ лицо, въ толпѣ ты будешь проходить, —
И будетъ больше стыдъ тебя томить,
Чѣмъ преступленіе злодѣя!
Теперь прощай... [уходя] желаю долго жить.
[Уходитъ].

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

БАЛЪ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

ХОЗЯЙКА.

Я баронессу жду; не знаю,
Пріѣдетъ ли. Мнѣ, право, было бъ жаль
За васъ.

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ.

Я васъ не понимаю.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Вы ждете баронессу Штраль?
Она уѣхала.

МНОГІЕ.

Куда? зачѣмъ? давно ли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Въ деревню, нынче утромъ.

ДАМА.

Боже мой!
Какимъ же случаемъ! Ужель изъ доброй воли?

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Фантазія! романы!... хоть рукой
Махни! [Расходятся; другая группа мужчинъ].

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы знаете: князь Звѣздичъ проигрался.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Напротивъ, выигралъ — да, видно, не путемъ,
И получилъ пощечину.

ПЯТЫЙ ГОСТЬ.

Стрѣлялся?

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, не хотѣлъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Какимъ же подлецомъ
Онъ показалъ себя!...

ПЯТЫЙ ГОСТЬ.

Отнынѣ незнакомъ
Я больше съ нимъ.

ШЕСТОЙ ГОСТЬ.

И я! Какой поступокъ скверный!

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Онъ будетъ здѣсь?

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Нѣтъ, не рѣшится, вѣрно.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОСТЬ.

Вотъ онъ! [Князь подходитъ; ему едва кланяются].

[Всѣ отходятъ, кромѣ пятаго и шестаго гостя. Потомъ и они отходятъ. Нина садится на диванѣ].

КНЯЗЬ.

Теперь мы съ ней отъ всѣхъ удалены,
Не будетъ случая другаго. [Ей].
Я долженъ вамъ сказать два слова,
И выслушать вы ихъ должны.

НИНА.

Должна!

КНЯЗЬ.

Для вашего же счастья!

НИНА.

Какое страшное участье!

КНЯЗЬ.

Да, странно, потому что вы виной
Моей погибели... Но мнѣ васъ жаль:
я вижу,
Что пораженъ я тою же рукой,
Которая убьетъ васъ; не унижу
Себя ничтожной местью никогда;
Но слушайте и будьте осторожны:
Вашъ мужъ злодѣй бездушный и безбожный,
И я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда.
Прощайте же навѣкъ; злодѣй не обнаруженъ
И наказать его теперь я не могу;
Но день придетъ—я подожду...
Возьмите вашъ браслетъ: онъ больше
мнѣ не нуженъ.

[Арбенинъ смотритъ на нихъ издали].

НИНА.

Князь! вы сошли съ ума—на васъ
Теперь сердиться было бъ стыдно.

КНЯЗЬ.

Прощайте навсегда! прошу въ послѣдній разъ...

НИНА.

Куда жъ вы ѣдете, далеко очень, видно?
Конечно, не въ луну?

КНЯЗЬ [уходя].

Нѣтъ, ближе: на Кавказъ.

ХОЗЯЙКА [нимъ].

Почти всѣ съѣхались, и здѣсь намъ будетъ тѣсно.
Прошу васъ въ залу, господа!
Mesdames! пожалуйте туда.

[Уходятъ].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ [одинъ про себя].

Я сомнѣвался—я? А это всѣмъ извѣстно;
Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ
Преслѣдуютъ меня... Я жалокъ имъ,
смѣшонъ!
И гдѣ плоды моихъ усилій?
И гдѣ та власть, съ которою, порой,
Казнилъ толпу я словомъ, остротой?...
—Двѣ женщины ее убили!
Одна изъ нихъ... О, я ее люблю,
Люблю—и такъ неистово обманутъ!...
Нѣтъ, людямъ я ее не уступлю...
И насъ судить они не станутъ;
Я самъ свершу свой страшный судъ...
Я казнь ей отыщу—моя жъ пусть будетъ тутъ.

[Показываетъ на сердце].

Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ

Я не могу... Жить розно? [Какъ бы испугавшись себя].
Рѣшено:
Она умретъ—я прежней твердой волѣ
Не измѣню. Ей, видно, суждено
Во цвѣтѣ лѣтъ погибнуть, быть любимой
Такимъ, какъ я, злодѣемъ, и любить
Другаго!... это ясно... какъ же можно жить
Ей послѣ этого!...Ты, Богъ незримый,
Но Богъ всевидящій! возьми ее, возьми!
Какъ свой залогъ тебѣ ее вручаю...
Прости ее, благослови;
Но я—не Богъ, и не прощаю...
[Слышны звуки музыки].
[Ходитъ по комнатѣ;вдругъ останавливается].
Тому назадъ лѣтъ десять, я вступалъ
Еще на поприще разврата;
Разъ въ ночь одну, я все до капли проигралъ—
Тогда я зналъ ужъ цѣну злата,
Но цѣну жизни я не зналъ.
Я былъ въ отчаяньи—ушелъ и яду
Купилъ, и возвратился вновь
Къ игорному столу, въ груди кипѣла кровь.
Въ одной рукѣ держалъ я лимонаду
Стаканъ,въ другой четверку шикъ:
Послѣдній рубль въ карманѣ дожидался
Съ завѣтнымъ порошкомъ—рискъ, право, былъ великъ;
Но счастье вынесло—и въ часъ я отыгрался!
Съ тѣхъ поръ хранилъ я этотъ порошокъ.
Среди волненій жизни трудной,
Какъ талисманъ таинственный и чудный,
Хранилъ на черный день—и день тотъ недалекъ.
[Уходитъ быстро].

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

ХОЗЯЙКА, НИНА, НѢСКОЛЬКО ДАМЪ И КАВАЛЕРОВЪ.

[Во время послѣднихъ строкъ входятъ].

ХОЗЯЙКА.

Нехудо бы немного отдохнуть.

ДАМА [другой].

Такъ жарко здѣсь, что я растаю.

ПЕТКОВЪ.

Настасья Павловна споетъ намъ что нибудь.

НИНА.

Романсовъ новыхъ, право, я не знаю;
А старые наскучили самой.

ДАМА.

Ахъ, въ самомъ дѣлѣ, спой же, Нина, спой!

ХОЗЯЙКА.

Ты такъ мила, что, вѣрно, не заставишь
Себя просить напрасно цѣлый часъ.

НИНА [садясь за піано].

Но слушать со вниманьемъ—мой приказъ!
Хоть этимъ наказаньемъ васъ,
Авось, исправимъ! [Поетъ]:

„Когда печаль слезой невольной
Промчится по глазамъ твоимъ,
Мнѣ видѣть и понять не больно,
Что ты несчастлива съ другимъ.

„Незримый червь незримо гложетъ
Жизнь беззащитную твою,
И что жъ? я радъ, что онъ не можетъ,
Тебя любить, какъ я люблю.

*

„Но если счастіе случайно
Блеснетъ въ лучахъ твоихъ очей,
Тогда я мучусь горько, тайно,
И цѣлый адъ въ груди моей.“

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРЕЖНІЕ И АРБЕНИНЪ.

Въ концѣ 3-го куплета мужъ входитъ и облокачивается на фортепьяно. Она, увидѣвъ, останавливается].

АРБЕНИНЪ.

Что жъ, продолжайте.

НИНА.

Я конецъ совсѣмъ
Забыла.

АРБЕНИНЪ.

Если вамъ угодно,
То я напомню.

НИНА [въ смущеніи].

Нѣтъ, зачѣмъ?
[Всторону хозяйкѣ]. Мнѣ нездоровится
[Встаетъ].

ГОСТЬ [другому].

Во всякой пѣснѣ модной
Всегда слова такія есть,
Которыхъ женщина не можетъ произнесть.

ВТОРОЙ ГОСТЬ.

Къ тому же, слишкомъ прямъ и нашъ языкъ природный,
И къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ.

ТРЕТІЙ ГОСТЬ.

Вы правы: какъ дикарь, свободѣ лишь послушный,
Не гнется гордый нашъ языкъ;
За то ужъ мы какъ гнемся добродушно!

[Подаютъ мороженое. Гости расходятся къ другому концу зала и, по одному, уходятъ въ другія комнаты, такъ что наконецъ Арбенинъ и Нина остаются вдвоемъ. Неизвѣстный показывается въ глубинѣ театра].

НИНА [хозяйкѣ].

Такъ жарко; отдохнуть я сяду всторонѣ.
[Мужу]. Мой ангелъ, принеси мороженаго мнѣ.

[Арбенинъ вздрагиваетъ и идетъ за мороженымъ; возвращается и всыпаетъ ядъ].

АРБЕНИНЪ [всторону].

Смерть! помоги.

НИНА [ему].

Мнѣ что-то грустно, скучно;
Конечно ждетъ меня бѣда.

АРБЕНИНЪ [всторону].

Предчувствіямъ я вѣрю иногда.
[Подавая]. Возьми; отъ скуки вотъ лекарство.

НИНА.

Да! это прохладитъ. [Ѣстъ].

АРБЕНИНЪ.

О, какъ не прохладить!

НИНА.

Здѣсь нынче скучно.

АРБЕНИНЪ.

Какъ же быть?
Чтобъ не скучать съ людьми, то надо пріучить
Себя смотрѣть на глупость и коварство—
Вотъ все, на чемъ вертится свѣтъ!

НИНА.

Ты правъ! ужасно!...

АРБЕНИНЪ.

Да, ужасно!...

НИНА.

Душъ непорочныхъ нѣту...

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ.
Я думалъ, что нашелъ одну, и то напрасно!

НИНА.

Что говоришь ты?

АРБЕНИНЪ.

Я сказалъ,
Что въ свѣтѣ лишь одну такую отыскалъ я,
Тебя.

НИНА.

Ты блѣденъ.

АРБЕНИНЪ.

Много танцовалъ.

НИНА.

Опомнись, mon ami! ты съ мѣста не вставалъ.

АРБЕНИНЪ.

Такъ, вѣрно, потому, что мало танцовалъ я...

НИНА [отдаетъ пустое блюдечко].

Возьми, поставь на столъ.

АРБЕНИНЪ [беретъ].

Все, все?
Ни капли не оставить мнѣ?... Жестоко!
[Въ размышленіи].
Шагъ сдѣланъ роковой, назадъ идти далеко,
Но пусть никто не гибнетъ за нее.
[Бросаетъ блюдечко объ землю и разбиваетъ].

НИНА.

Какъ ты неловокъ!

АРБЕНИНЪ.

Ничего: я боленъ—
Поѣдемъ поскорѣй домой.

НИНА.

Поѣдемъ. Но скажи мнѣ, милый мой:
Ты нынче пасмуренъ? ты мною недоволенъ?

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нынче я доволенъ былъ тобой.
[Уходятъ].

НЕИЗВѢСТНЫЙ [оставшись одинъ].

Я чуть не сжалился — и было тутъ мгновенье,
Когда хотѣлъ я броситься впередъ...
[Задумывается].
Нѣтъ, пусть свершается судьбы опредѣленье,
А дѣйствовать—потомъ настанетъ мой чередъ.
[Уходитъ].

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Спальня Арбенина.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

Входятъ НИНА, за ней СЛУЖАНКА.

СЛУЖАНКА.

Сударыня, вы что то блѣдны стали!

НИНА [снимая серьги].

Я нездорова.

СЛУЖАНКА.

Вы устали.

НИНА [всторону].

Мой мужъ меня пугаетъ! отчего —
Не знаю. Онъ молчитъ и страненъ взглядъ его.
[Служанкѣ]. Мнѣ что-то дурно: вѣрно отъ корсета.

Скажи, къ лицу была сегодня я одѣта?

[Идетъ къ зеркалу].

Ты права, я блѣдна, какъ смерть блѣдна;
Но въ Петербургѣ кто не блѣденъ, право?
Одна лишь старая княжна,
И то румяны! Свѣтъ лукавый!

[Снимаетъ букли и завертываетъ косу].

Брось гдѣ нибудь и дай мнѣ шаль.

[Садится въ кресло].

Какъ новый вальсъ хорошъ! Въ какомъ-то упоеньи
Кружилась я быстрѣй, и чудное стремленье
Меня и мысль мою невольно мчало вдаль,
И сердце сжалося: не то, чтобы печаль,
Не то, чтобъ радость... Саша, дай мнѣ книжку.
Какъ этотъ князь мнѣ надоѣлъ опять —
А право, жаль безумнаго мальчишку!
Что говорилъ онъ тутъ... злодѣй, и наказать...
Кавказъ... бѣда... вотъ бредъ!

СЛУЖАНКА [показывая на наряды].

Прикажете убрать?

НИНА.

Оставь. [Погружается въ задумчивость].

[Арбенинъ показывается въ дверяхъ].

СЛУЖАНКА.

Прикажете идти?

АРБЕНИНЪ [служанкѣ тихо].

Ступай.

[Служанка не уходитъ]. Иди же!

[Уходитъ. Онъ запираетъ дверь].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

АРБЕНИНЪ И НИНА.

АРБЕНИНЪ.

Она тебѣ ужъ больше не нужна.

НИНА.

Ты здѣсь?

АРБЕНИНЪ.

Я здѣсь.

НИНА.

Я, кажется, больна,
И голова въ огнѣ. Поди сюда поближе.
Дай руку—чувствуешь, какъ вся горитъ она?
Зачѣмъ я тамъ мороженое ѣла:
Я, вѣрно, простудилася тогда —
Не правда ли?

АРБЕНИНЪ [разсѣянно].

Мороженое? да!...

НИНА.

Мой милый, я съ тобой поговорить хотѣла.
Ты измѣнился съ нѣкоторыхъ поръ:
Ужъ прежнихъ ласкъ я отъ тебя не вижу,
Отрывистъ голосъ твой и холоденъ твой взоръ.
И все за маскарадъ. О, я ихъ ненавижу;
Я заклялася въ нихъ не ѣздить никогда...

АРБЕНИНЪ [всторону].

Не мудрено! теперь безъ нихъ ужъ можно...

НИНА.

Что значитъ поступить хоть разъ неосторожно!

АРБЕНИНЪ.

Неосторожно! О!...

НИНА.

И въ этомъ вся бѣда.

АРБЕНИНЪ.

Обдумать все заранѣ надо было.

НИНА.

О, если бы я нравъ заранѣ знала твой,
То, вѣрно бъ, не была твоей женой.
Терзать тебя, страдать самой —
Какъ это весело и мило!

АРБЕНИНЪ.

И то! къ чему тебѣ моя любовь?

НИНА.

Какая тутъ любовь? на что мнѣ жизнь такая?

АРБЕНИНЪ [садится возлѣ нея].

Ты права! Что такое жизнь? Жизнь— вещь пустая:
Покуда въ сердцѣ быстро льется кровь,
Все въ мірѣ намъ и радость и отрада.
Пройдутъ года желаній и страстей—
И все вокругъ темнѣй, темнѣй!
Что жизнь?—давно извѣстная шарада
Для упражненія дѣтей,
Гдѣ первое — рожденье, гдѣ второе—
Ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ,
Гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое — обманъ!

НИНА [показывая на грудь].

Здѣсь что-то жжетъ.

АРБЕНИНЪ [продолжая].

Пройдетъ-пустое!
Молчи и слушай. Я сказалъ,
Что жизнь лишь дорога, пока она прекрасна,
А долго ль?... Жизнь какъ балъ:
Кружишься—весело: кругомъ все свѣтло, ясно...
Вернулся лишь домой, нарядъ измятый снялъ—
И все забылъ и только что усталъ.
Но въ юныхъ лѣтахъ лучше съ ней проститься,
Пока душа привычкой не сроднится
Съ ея бездушной пустотой;
Мгновенно въ міръ перелетѣть другой,
Покуда умъ былымъ еще не тяготится,
Покуда съ смертію легка еще борьба—
Но это счастіе не всѣмъ даетъ судьба.

НИНА.

О, нѣтъ! я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

Къ чему?

НИНА.

Евгеній,
Я мучусь, я больна!

АРБЕНИНЪ.

А мало ли мученій,
Которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ!

НИНА.

Пошли за докторомъ.

АРБЕНИНЪ.

Жизнь—вѣчность, смерть— лишь мигъ.

НИНА.

Но я—я жить хочу!

АРБЕНИНЪ.

И сколько утѣшеній
Тамъ мучениковъ ждетъ!

НИНА [въ испугѣ].
Но я молю:
Пошли за докторомъ скорѣе!

АРБЕНИНЪ [встаетъ холодно].
Не пошлю.

НИНА [послѣ молчанія].
Конечно, шутишь ты, но такъ шутить безбожно.
Я умереть могу, пошли скорѣй.

АРБЕНИНЪ.
Что жъ? развѣ умереть вамъ невозможно
Безъ доктора?

НИНА.
Но ты злодѣй,
Евгеній! Я жена твоя...

АРБЕНИНЪ.
Да! знаю, знаю!

НИНА.
О, сжалься! пламень разлился
Въ моей груди; я умираю...

АРБЕНИНЪ [смотритъ на часы].
Такъ скоро? Нѣтъ еще; осталось полчаса.

НИНА,
О, ты меня не любишь!

АРБЕНИНЪ.
А за что же
Тебя любить? за то ль, что цѣлый адъ
Мнѣ въ грудь ты бросила? О, нѣтъ! я радъ, я радъ
Твоимъ страданьямъ. Боже, Боже!
И ты, ты смѣешь требовать любви?
А мало я любилъ тебя—скажи?
А этой нѣжности ты знала ль цѣну?
А много ли хотѣлъ я отъ любви твоей?
Улыбку нѣжную, привѣтный взглядъ очей
И что жъ нашелъ;—коварство и измѣну!
Возможно ли? меня продать—
Меня—за поцѣлуй глупца... меня, который
По слову первому былъ душу радъ отдать?
Мнѣ измѣнить? мнѣ, и такъ скоро!...

НИНА.
О! если бы вину свою сама
Я знала, то...

АРБЕНИНЪ.
Молчи, иль я сойду съ ума!
Когда же эти муки перестанутъ?

НИНА.
Браслетъ мой князь нашелъ, потомъ
Какимъ нибудь клеветникомъ
Ты былъ обманутъ.

АРБЕНИНЪ.
Такъ, я былъ обманутъ!
Довольно! я ошибся... возмечталъ,
Что я могу быть счастливъ... думалъ снова
Любить и вѣровать... но часъ судьбы насталъ,
И все прошло, какъ бредъ больнаго.
Быть можетъ, я бъ успѣлъ небесныя мечты
Осуществить, предавшися надеждѣ,
И въ сердцѣ бъ оживилъ все, что цвѣло въ немъ прежде—
Ты не хотѣла, ты!...
Плачь! плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія?—вода.
Я жъ плакалъ—я, мужчина!

Отъ злобы, ревности, мученья и стыда
Я плакалъ—да!
А ты не знаешь, что такое значитъ,
Когда мужчина плачетъ?
О! въ этотъ мигъ къ нему не подходи:
Смерть у него въ рукахъ и адъ въ груди.

НИНА [въ слезахъ упадаетъ на колѣни и поднимаетъ руки къ небу].

Творецъ небесный, пощади!
Не слышитъ онъ, но ты все слышишь, ты все знаешь—
И ты меня, всесильный, оправдаешь!...

АРБЕНИНЪ.

Остановись! хоть передъ нимъ не лги.

НИНА.

Нѣтъ, я не лгу—я не нарушу
Его святыни ложною мольбой.
Ему я предаю страдальческую душу:
Онъ—твой судья—защитникъ будетъ мой.

АРБЕНИНЪ [который въ это время ходитъ по комнатѣ, сложивъ руки].

Теперь молиться время, Нина:
Ты умереть должна чрезъ нѣсколько минутъ —
И тайной для людей останется кончина
Твоя, и насъ разсудитъ только Божій судъ.

НИНА.

Какъ? умереть? теперь? сейчасъ?... нѣтъ, быть не можетъ!

АРБЕНИНЪ [смѣясь].

Я зналъ заранѣе, что это васъ встревожитъ.

НИНА.

Смерть, смерть! Онъ правъ... въ груди огонь, весь адъ...

АРБЕНИНЪ.

Да, я тебѣ на балѣ подалъ ядъ.

[Молчаніе].

НИНА.

Не вѣрю, невозможно—нѣтъ! ты надо мною
[Бросается къ нему].
Смѣешься... ты не извергъ—нѣтъ, въ душѣ твоей
Есть искра доброты... Съ холодностью такою
Меня ты не погубишь въ цвѣтѣ дней.
Не отворачивайся такъ, Евгеній,
Не продолжай моихъ мученій,
Спаси меня, разсѣй мой страхъ...
Взгляни сюда...
[Смотритъ ему прямо въ глаза и отскакиваетъ].
О, смерть въ твоихъ глазахъ!
[Упадаетъ на стулъ и закрываетъ глаза].
[Онъ подходитъ и цѣлуетъ ее].

АРБЕНИНЪ.

Да, ты умрешь—и я останусь тутъ
Одинъ, одинъ... Года пройдутъ,
Умру—и буду все одинъ... Ужасно!
Но ты не бойся! міръ прекрасный
Тебѣ откроется, и ангелы возьмутъ
Тебя въ небесный свой пріютъ.
[Плачетъ].
Да, я тебя люблю, люблю... Я все забвенью,
Что было, предалъ; есть граница мщенью,
И вотъ она. — Смотри: убійца твой
Здѣсь, какъ дитя, рыдаетъ надъ тобой...

[Молчаніе].

НИНА [вырывается и вскакиваетъ].

Сюда! сюда!... на помощь!... умираю...
Ядъ, ядъ! — не слышутъ... понимаю:

Ты остороженъ... никого... нейдутъ...
Но помни: есть небесный судъ,
И я тебя, убійца, проклинаю!
[Недобѣжавъ до двери, упадаетъ безъ чувствъ].

АРБЕНИНЪ [горько смѣясь].

Проклятіе! Что пользы проклинать?
Я проклятъ Богомъ! [Подходитъ].
Бѣдное созданье!
Ей не по силамъ наказанье...
[Стоитъ сложа руки].
Блѣдна [Содрогается]. Но всѣ черты
спокойны; не видать
Въ нихъ ни раскаянья, ни угрызеній...
Ужель?

НИНА [слабо].

Прощай, Евгеній!
Я умираю, но невинна... Ты—злодѣй.

АРБЕНИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, не говори, тебѣ ужъ не поможетъ
Ни ложь, ни хитрость... говори скорѣй:
Я былъ обманутъ... такъ шутить не можетъ
Самъ адъ любовію моей!
Молчишь? О! месть тебя достойна...
Но это не поможетъ: ты умрешь...
И будетъ для людей все тайно — будь спокойна...

НИНА.

Теперь мнѣ все равно... Я все жъ
Невинна передъ Богомъ...[Умираетъ].

АРБЕНИНЪ [подходитъ къ ней и быстро отворачивается].

Ложь!
[Упадаетъ въ кресло].

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

АРБЕНИНЪ [сидитъ у стола на диванѣ].

Я ослабѣлъ въ борьбѣ съ собой
Среди мучительныхъ усилій...
И чувства наконецъ вкусили
Какой-то тягостный, обманчивый покой...
Лишь иногда невольною заботой
Душа тревожится въ холодномъ этомъ снѣ
И сердце ноетъ, будто ждетъ чего-то.
Не все ли кончено? Ужели на землѣ
Страданье новое вкусить осталось мнѣ?
Вздоръ!... Дни пройдутъ — придетъ забвенье,
Подъ тягостью годовъ умретъ воображенье;
И долженъ же покой когда нибудь
Вновь поселиться въ эту грудь...
[Задумывается; вдругъ поднимаетъ голову].
Я ошибался? Нѣтъ, неумолимо
Воспоминаніе!... Какъ живо вижу я
Ея мольбы, тоску... О! мимо, мимо!
Ты, пробужденная змѣя!...
[Упадаетъ головою на руки].

ВЫХОДЪ ВТОРОЙ.

КАЗАРИНЪ [тихо].

Арбенинъ здѣсь, печаленъ и вздыхаетъ.
Посмотримъ, какъ-то онъ комедію сыграетъ. [Ему].
Я, милый другъ, спѣшилъ къ тебѣ,
Узнавши о твоемъ несчастьи.
Какъ быть! угодно такъ судьбѣ.
У всякаго свои напасти. [Молчаніе].
Да полно, братъ! личину ты сними—
Не опускай такъ важно взоры;
Вѣдь это хорошо съ людьми,

Для публики—а мы съ тобой актеры.
Скажи-ка, братъ... Да какъ ты блѣденъ сталъ,
Подумаешь, что ночь всю въ карты проигралъ.
О, старый плутъ!... да мы разговориться
Успѣемъ послѣ... Вотъ твоя родня:
Покойницѣ идутъ, конечно, поклониться.
Прощай же, до другаго дня.
[Уходитъ].

ВЫХОДЪ ТРЕТІЙ.

РОДСТВЕННИКИ ПРИХОДЯТЪ.

ДАМА [племянницѣ].

Ужъ, видно, есть надъ нимъ Господнее проклятье:
Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...
Напомни мнѣ заѣхать въ магазинъ—
Купить матеріи на траурное платье.
Хоть нынче нѣтъ доходовъ никакихъ,
А разоряюсь для родныхъ.

ПЛЕМЯННИЦА.

Ma tante! какая же причина
Тому, что умерла кузина?

ДАМА.

А та, сударыня, что глупъ вашъ модный свѣтъ.
Ужъ доживете вы до бѣдъ!
[Уходятъ].

ВЫХОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Выходятъ изъ комнаты покойницы ДОКТОРЪ и СТАРИКЪ.

СТАРИКЪ.

При васъ она скончалась?

ДОКТОРЪ.

Не успѣли
Меня найти... Я говорилъ всегда:
Съ мороженымъ и балами бѣда!

СТАРИКЪ.

Покровъ богатъ! парчу вы разсмотрѣли?
У брата моего прошедшею весной
На гробѣ былъ точь въ точь такой.
[Уходитъ].

ВЫХОДЪ ПЯТЫЙ.

ДОКТОРЪ подходитъ къ Арбенину и беретъ его за руку.

Вамъ надо отдохнуть.

АРБЕНИНЪ [вздрагиваетъ].

А!... [всторону] сердце сжалось.

ДОКТОРЪ.

Вы слишкомъ предались печали эту ночь—
Усните.

АРБЕНИНЪ.

Постараюсь.

ДОКТОРЪ.

Ужъ помочь
Нельзя ничѣмъ; но вамъ осталось
Беречь себя.

АРБЕНИНЪ.

Ого! я невредимъ.
Какимъ страданіямъ земнымъ
На жертву грудь моя не предавалась,
А я все живъ... Я счастія желалъ
И въ видѣ ангела мнѣ Богъ его послалъ;
Мое преступное дыханье
Въ немъ осквернило божество,
И вотъ оно, прекрасное созданье —
Смотрите — холодно, мертво!
Разъ въ жизни человѣка мнѣ чужаго,
Рискуя честію, отъ гибели я спасъ,

А онъ — смѣясь, шутя, не говоря ни слова,
Онъ отнялъ у меня все, все—и черезъ часъ.
[Уходитъ].

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя, и я не сомнѣваюсь,
Что въ этой головѣ мученій было тьма;
Но если онъ сойдетъ съ ума,
То я за жизнь его ручаюсь.
[Уходя, сталкивается съ двумя].

ВЫХОДЪ ШЕСТОЙ.

Входятъ НЕИЗВѢСТНЫЙ и КНЯЗЬ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Позвольте васъ спросить: Арбенина нельзя ль
Намъ видѣть?

ДОКТОРЪ.

Право, утверждать не смѣю:
Жена его вчера скончалась.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Очень жаль.

ДОКТОРЪ.

И онъ такъ огорченъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я и о немъ жалѣю.
Однако жъ дома онъ?

ДОКТОРЪ.

Онъ? дома, — да.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я дѣло до него преважное имѣю.

ДОКТОРЪ.

Вы изъ друзей его, конечно, господа?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Покамѣсть нѣтъ; но мы пришли сюда,
Чтобъ подружиться понемногу.

ДОКТОРЪ.

Онъ боленъ не шутя.

КНЯЗЬ [испугавшись].

Лежитъ
Безъ памяти?

ДОКТОРЪ.

Нѣтъ! ходитъ, говоритъ—
И есть еще надежда!..

КНЯЗЬ.

Слава Богу!
[Докторъ уходитъ].

ВЫХОДЪ СЕДЬМОЙ.

КНЯЗЬ.

О, наконецъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Лицо у васъ въ огнѣ.
Вы тверды ли въ своемъ рѣшеньи?

КНЯЗЬ.

А вы ручаетесь ли мнѣ,
Что справедливо ваше подозрѣнье?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Послушайте: у насъ обоихъ цѣль одна.
Его мы ненавидимъ оба;
Но вы его души не знаете—мрачна
И глубока, какъ двери гроба;
Чему хоть разъ отворится она,
То въ ней погребено навѣки. — Подозрѣнья
Ей стоятъ доказательствъ. Ни прощенья,
Ни жалости не знаетъ онъ,
Когда обиженъ. Мщенье, мщенье—

Вотъ цѣль его тогда и вотъ его законъ.
Да, эта смерть скора не безъ причины.
Я зналъ: вы съ нимъ враги—и услужить вамъ радъ.
Вы драться станете—я два шага назадъ,
И буду зрителемъ картины.

КНЯЗЬ.

Но какъ узнали вы, что день тому назадъ
Я былъ обиженъ имъ?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я разсказать бы радъ,
Да это вамъ наскучитъ!
Къ тому жъ весь городъ говоритъ.

КНЯЗЬ.

Мысль нестерпимая!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Она васъ слишкомъ мучитъ.

КНЯЗЬ.

О, вы не знали, что такое стыдъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Стыдъ?—нѣтъ! и опытъ васъ забыть о немъ научитъ.

КНЯЗЬ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Имя нужно вамъ?
Я вашъ сообщникъ, ревностно и дружно
За вашу честь вступился самъ,
А знать вамъ болѣе не нужно.
Но, чу! идутъ... походка тяжела
И медленна.—Онъ точно. Удалитесь
На мигъ; есть съ нимъ у насъ дѣла,
И вы въ свидѣтели теперь намъ не годитесь.

[Князь отходитъ второну].

ВЫХОДЪ ВОСЬМОЙ.

АРБЕНИНЪ [со свѣчей].

АРБЕНИНЪ.

Смерть! смерть! О, это слово здѣсь,
Вездѣ,—я нимъ проникнутъ весь;
Оно меня преслѣдуетъ; безмолвно
Смотрѣлъ я цѣлый часъ на трупъ ея нѣмой,
И сердце было полно, полно
Невыразимою тоской.
Въ чертахъ спокойствіе и дѣтская безпечность,
Улыбка вѣчная тихонько разцвѣла,
Когда предъ ней открылась вѣчность,
И тамъ свою судьбу душа ея прочла.
Ужель я ошибался?—Невозможно!
Мнѣ ошибиться? — кто докажетъ мнѣ
Ея невинность?—ложно! ложно!
Гдѣ доказательства? есть у меня они?
Я не повѣрилъ ей—кому же стану вѣрить?
Да, я былъ страстный мужъ, но былъ судья
Холодный.—Кто же разувѣрить
Меня осмѣлится?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Осмѣлюсь—я!

АРБЕНИНЪ [сначала пугается и, отойдя, подноситъ къ лицу свѣчу].

А кто же вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Немудрено, Евгеній,
Ты не узналъ меня—а были мы друзья.

АРБЕНИНЪ.

Но кто вы?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Я твой добрый геній.
Да! непримѣченный, вездѣ я былъ съ тобой,
Всегда съ другимъ лицомъ, всегда въ другомъ нарядѣ,
Зналъ всѣ твои дѣла и мысль твою порой;
Остерегалъ тебя недавно въ маскарадѣ.

АРБЕНИНЪ [вздрогнувъ].

Пророковъ не люблю, и выйти васъ
Прошу немедленно—я говорю серьезно.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Все такъ, но не смотря на голосъ грозный
И на рѣшительный приказъ,
Я не уйду.—Да, вижу, вижу ясно,
Ты не узналъ меня. Я не изъ тѣхъ людей,
Которыхъ можетъ мигъ опасный
Отвлечь отъ цѣли многихъ дней.
Я цѣль свою достигъ и здѣсь на мѣстѣ лягу,
Умру — но ужъ назадъ не сдѣлаю ни шагу.

АРБЕНИНЪ.

Я самъ таковъ, и этимъ, сверхъ того,
Не хвастаюсь. [Садится]. Я слушаю.

НЕИЗВѢСТНЫЙ [всторону].

Доселѣ
Мои слова не тронули его.
Иль я ошибся въ самомъ дѣлѣ?
Посмотримъ далѣе. [Ему]. Семь лѣтъ тому назадъ,
Ты узналъ меня, Арбенинъ. Я былъ молодъ,
Неопытенъ, и пылокъ и богатъ,
Но ты... въ твоей груди ужъ крылся этотъ холодъ,
То адское презрѣнье ко всему,
Которымъ ты гордился всюду.
Не знаю, приписать его къ уму,
Иль къ обстоятельствамъ—я разбирать не буду
Твоей души—ее пойметъ лишь Богъ.
Который сотворить одинъ такую могъ.

АРБЕНИНЪ.

Дебютъ хорошъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Конецъ не будетъ хуже.
Разъ, ты меня уговорилъ, увлекъ
Къ себѣ... мой кошелекъ
Былъ полонъ; и къ тому же
Я вѣрилъ счастью. Сѣлъ играть съ тобой—
И проигралъ. Отецъ мой былъ скупой
И строгій человѣкъ... и чтобъ не подвергаться
Упрекамъ, я рѣшился отыграться,
Но ты, хоть молодъ, ты меня держалъ
Въ когтяхъ и я все снова проигралъ.
Я предался отчаянью. Тутъ были—
Ты помнишь, можетъ быть,
И слезы и мольбы... Въ тебѣ же возбудили
Онѣ лишь смѣхъ... О! лучше бы пронзить
Меня кинжаломъ! Но въ то время
Ты не смотрѣлъ еще пророчески впередъ!
И только нынче злое сѣмя
Произвело достойный плодъ.
[Арбенинъ хочетъ вскочить, но задумывается].
И я покинулъ все съ того мгновенья,
Все—женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ,
Мечтанья нѣжныя и сладкія волненья,

И въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ —
Міръ новыхъ, странныхъ ощущеній,
Міръ обществомъ отверженныхъ людей,
Самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей,
И увлекательныхъ мученій.
Я увидалъ, что деньги—царь земли,
И поклонился имъ. Года прошли,
Все скоро унеслось: богатство и здоровье;
Навѣки предо мной закрылась счастья дверь,
Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье—
И вотъ сталъ тѣмъ, что я теперь...
А! ты дрожишь, ты понимаешь
И цѣль мою и то, что я сказалъ!
Ну, повтори еще, что ты меня не знаешь.

АРБЕНИНЪ.

Прочь! я узналъ тебя—узналъ!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Прочь! Развѣ это все? Ты надо мной смѣялся—
И я повеселиться радъ.
Недавно до меня случайно слухъ домчался,
Что счастливъ ты, женился и богатъ,
И горько стало мнѣ, и сердце заропталo,
И долго думалъ я: за что жъ
Онъ счастливъ?—и шептало
Мнѣ чувство внятное: „иди, иди, встрѣвожь!“
И сталъ я слѣдовать, мѣшаяся съ толпой,
Безъ устали, всегда повсюду за тобой,
Все узналъ—и наконецъ
Пришелъ трудамъ моимъ конецъ.
Послушай—я узналъ, и... и открою
Тебѣ я истину одну...
[Протяжно].
Послушай: ты... убилъ свою жену!...
[Арбенинъ отскакиваетъ. Князь подходитъ].

АРБЕНИНЪ.

Убилъ?—я?—Князь!—О! что такое!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ [отступая].

Я все сказалъ; онъ скажетъ остальное.

АРБЕНИНЪ [Приходя въ бѣшенство].

А! заговоръ!.. прекрасно!... я у васъ
Въ рукахъ... Вамъ помѣшать кто смѣетъ?
Никто... вы здѣсь цари... я смиренъ...
я сейчасъ
У вашихъ ногъ... душа моя робѣетъ
Отъ взглядовъ вашихъ... Я глупецъ, дитя,
И противъ вашихъ словъ отвѣта не имѣю.
Я мигомъ побѣжденъ, обманутъ я шутя,
И подъ топоръ нагну спокойно шею!...
А вы не разочли, что есть еще во мнѣ
Присутствіе ума, и опытность, и сила?
Вы думали, что все взяла ея могила?
Что я не заплачу вамъ всѣмъ по старинѣ?
Такъ вотъ какъ я униженъ въ вашемъ мнѣньи
Коварнымъ лепетомъ молвы!...
Да! сцена хорошо придумана; но вы
Не отгадали заключенья.
А этотъ мальчикъ?... Такъ и онъ со мной
Бороться вздумалъ? Мало было
Одной пощечины — нѣтъ, хочется другой?
Вы все получите, мой милый!
Вамъ жизнь наскучила? не странно:
жизнь глушца
Жизнь площаднаго волокиты!
Утѣшьтесь же теперь—вы будете убиты,
Умрете—съ именемъ и смертью подлеца.

КНЯЗЬ.

Увидимъ; но скорѣй...

АРБЕНИНЪ.

Идемъ, идемъ!

КНЯЗЬ.

Теперь я счастливъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ [останавливая].

Да! а главное забыли!...

КНЯЗЬ [останавливая Арбенина].

Постойте! Вы должны узнать, что обвинили
Меня напрасно; что ни въ чемъ
Не виновата ваша жертва; оскорбили
Меня вы во время: я только обо всемъ
Хотѣлъ сказать вамъ... Но пойдемъ.

АРБЕНИНЪ.

Что? что?

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Твоя жена невинна; слишкомъ строго
Ты обошелся...

АРБЕНИНЪ [хохочетъ].

Да у васъ въ запасѣ шутокъ много.

КНЯЗЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, я не шучу, клянусь Творцомъ.
Браслетъ случайною судьбою
Попался баронессѣ и потомъ
Былъ отданъ мнѣ ея рукою.
Я ошибался самъ; но вашею женою
Любовь моя отвергнута была.
Когда бъ я зналъ, что отъ одной ошибки
Произойдетъ такъ много зла,
То вѣрно бъ не искалъ ни взора, ни улыбки...
И баронесса этимъ вотъ письмомъ
Вамъ открывается во всемъ.
Читайте же скорѣй—мнѣ дороги мгновенья...

[Арбенинъ взглядываетъ на письмо и читаетъ].

НЕИЗВѢСТНЫЙ [поднявъ глаза къ небу, лицемѣрно].

Казнитъ злодѣя провидѣнье;
Невинная погибла—жаль!
Но здѣсь ждала ее печаль,
А въ небесахъ спасенье!
Ахъ! я ее видалъ: ея глаза
Всю чистоту души изображали ясно.
Кто бъ думать могъ, что этотъ цвѣтъ прекрасный
Сомнетъ минутная гроза!...
Что ты замолкъ, несчастный?
Рви волосы, терзайся и кричи...
Ужасно!... о, ужасно!

АРБЕНИНЪ [бросается на нихъ].

Я задушу васъ, палачи!

[Вдругъ слабѣетъ и падаетъ на кресла].

КНЯЗЬ [толкая грубо].

Раскаянье вамъ не поможетъ.
Ждутъ пистолеты—споръ нашъ не рѣшонъ...
Молчитъ, не слушаетъ. Ужель онъ
Разсудокъ потерялъ?...

НЕИЗВѢСТНЫЙ

Быть можетъ...

КНЯЗЬ.

Вы помѣшали мнѣ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Мы цѣлимъ розно.
Я отомстилъ; для васъ, я думаю, ужъ поздно!

АРБЕНИНЪ [вставая съ дикимъ взглядомъ].

О, что сказали вы?... Нѣтъ силъ,
нѣтъ силъ...
Я такъ былъ оскорбленъ, я такъ увѣренъ былъ...
Прости, прости меня, о Боже!... Мнѣ прощенья?

[хохочетъ].

А слезы, жалобы, моленья!
А ты простилъ?

[Становится на колѣни].

Ну, вотъ и я упалъ предъ вами на колѣни:
Скажите же, не правда ли, измѣна,
Коварство очевидны... Я хочу, велю,
Чтобъ вы ее сейчасъ же обвинили.
Она невинна? Развѣ вы тутъ были,
Смотрѣли въ душу вы мою?
Какъ я теперь прошу, такъ и она молила....
Ошибка... я ошибся... что жъ?
Она мнѣ то же говорила,
Но я сказалъ, что это ложь...

[Встаетъ].

Я это ей сказалъ. [Молчаніе].
Вотъ что я вамъ открою:
Не я ее убійца. [Вглядываетъ пристально на неизвѣстнаго].
Ты, скорѣй!
Признайся, говори смѣлѣй,
Будь откровененъ хоть со мною.
О, милый другъ! зачѣмъ ты былъ жестокъ?
Вѣдь я ее любилъ, я бъ небесамъ и раю
Одной слезы ея, когда бы могъ,
Не уступилъ—но я тебѣ прощаю!

[Упадаетъ на грудь ему и плачетъ].

НЕИЗВѢСТНЫЙ [отталкивая его грубо].

Приди въ себя — опомнись... [Князю].
Уведемъ
Его отсюда; онъ опомнится, конечно,
На воздухѣ... [Беретъ его за руку].
Арбенинъ!

АРБЕНИНЪ.

Вѣчно
Мы не увидимся... Прощай... Идемъ...
идемъ...
Сюда... сюда... [Вырываясь, бросается въ дверь, гдѣ гробъ Нины].

КНЯЗЬ.

Остановите!...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

И этотъ гордый умъ сегодня изнемогъ.

АРБЕНИНЪ [возвращаясь съ дикимъ стономъ].

Здѣсь посмотрите! посмотрите!...
[Прибѣгая на средину сцены].
Я говорилъ тебѣ, что ты жестокъ!

[Падаетъ на землю и сидитъ полулежа съ неподвижными глазами. Князь и Неизвѣстный стоятъ надъ нимъ].

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Давно хотѣлъ я полной мести—
И вотъ вполнѣ я отомщенъ!

КНЯЗЬ.

Онъ безъ ума—счастливъ; а я навѣкъ лишенъ
Спокойствія и чести!

БОЯРИНЪ ОРША.

ГЛАВА I.

Then burst her heart in one long shriek
And to the earth she fell like stone
As statue from its base o'erthrown.
Byron.

Во время о́но жилъ да былъ
Въ Москвѣ бояринъ Михаплъ,
Прозваньемъ Орша.—Важный санъ
Далъ Оршѣ Грозный Іоаннъ;
Онъ далъ ему съ руки своей
Кольцо—наслѣдіе царей;
Онъ далъ ему, въ веселый мигъ,
Соболью шубу съ плечъ своихъ;
Въ день Воскресенія Христа
Поцѣловалъ его въ уста,
И обѣщался въ тотъ же день
Дать тридцать царскихъ деревень,
Съ тѣмъ, чтобы Орша до конца
Не отлучался отъ дворца.

Но Орша нравомъ былъ угрюмъ:
Онъ не любилъ придворный шумъ;
При видѣ трепетныхъ льстецовъ
Щипалъ концы сѣдыхъ усовъ,
И разъ, опричнымъ огорченъ,
Такъ Іоанну молвилъ онъ:

„Надёжа-царь! пусти меня
На родину—я день отъ дня
Все старѣ; даже не могу
Обиду выместить врагу.
Есть много слугъ въ дворцѣ твоемъ.
Пусти меня! Мой старый домъ
На берегу Днѣпра кругомъ,
Близъ рубежа Литвы чужой,
Обросъ могильною травой;
Пробудь я здѣсь еще хоть годъ,
Онъ догніетъ—и упадетъ.
Дай поклониться мнѣ Днѣпру...
Тамъ я родился—тамъ умру!“

И онъ узрѣлъ свой старый домъ.
Покои темные кругомъ
Уставилъ златомъ и сребромъ;
Икону въ ризѣ дорогой,
Въ алмазахъ, въ жемчугѣ, съ рѣзьбой,
Повѣсилъ въ каждомъ онъ углу,
И запестрѣлись на полу
Узоры шолковыхъ ковровъ.
Но лучше царскихъ всѣхъ даровъ
Былъ Божій даръ—младая дочь;
О ней онъ думалъ день и ночь;
Въ его глазахъ она росла
Свѣжа, невинна, весела.
Цвѣтокъ грядущаго святой,
Былаго памятникъ живой!
Такъ средь развалинъ иногда
Растетъ береза: молода,
Мила надъ плитами гробовъ
Игрою шепчущихъ листовъ...
И та холодная стѣна
Ея красой оживлена!...
. . . . . .

Туманно въ полѣ и темно.
Одно лишь свѣтится окно
Въ боярскомъ домѣ, какъ звѣзда
Сквозь тучи смотритъ иногда.
Тяжелый звякнулъ ужъ затворъ,
Угрюмъ и пустъ широкій дворъ.
Вотъ, испытавъ замки дверей,
Съ гремучей связкою ключей
Къ калиткѣ сторожъ подошелъ
И взоры на небо возвелъ:
„А завтра быть грозѣ большой!“
Сказалъ, крестясь, старикъ сѣдой.
„Смотри-ка, молнія вдали
Такъ и доходитъ до земли,
И бѣлый мѣсяцъ, какъ монахъ,
Завернутъ въ черныхъ облакахъ;
И воетъ вѣтеръ будто звѣрь...
Дай кучу злата мнѣ теперь,
Съ конюшни лучшаго коня
Сейчасъ сѣдлайте для меня—

Нѣтъ, не отъѣду отъ крыльца
Ни для роднмаго отца!“
Такъ разсуждая самъ съ собой,
Кряхтя, старикъ пошелъ домой.
Лишь вдалекѣ едва гремятъ
Его ключи... Вокругъ палатъ
Все снова тихо и темно,
Одно лишь свѣтится окно.

Все въ домѣ спитъ—не спитъ одинъ
Его угрюмый властелинъ
Въ покоѣ пышномъ и большомъ,
На ложѣ бархатномъ своемъ.
Полусгорѣвшая свѣча
Предъ нимъ, сверкая и треща,
Порой на каждый льетъ предметъ
Какой-то странный полусвѣтъ.
Висятъ надъ ложемъ образа;
Ихъ ризы блещутъ, ихъ глаза
Вдругъ оживляются, глядятъ—
Но съ чѣмъ сравнить подобный взглядъ?
Онъ непонятнѣй и страшнѣй
Всѣхъ мертвыхъ и живыхъ очей!
Томитъ боярина тоска.
Ужъ поздно. Подъ окномъ рѣка
Шумитъ и съ бурей заодно
Гремучій дождь стучитъ въ окно.
Чернѣетъ тѣнь во всѣхъ углахъ,
И—странно—Оршу обнялъ страхъ!
Бывалъ онъ въ битвахъ, хоть и старъ,
Противъ поляковъ и татаръ;
Слыхалъ онъ грозный царскій гласъ,
Встрѣчалъ и взоръ въ недобрый часъ:
Ни разу духъ его крутой
Не ослабѣлъ передъ бѣдой;
Но тутъ—онъ свистнулъ, и вошелъ
Любимый рабъ его, Соколъ.

И молвилъ Орша: „Скучно мнѣ,
Все думы черныя однѣ.
Садись поближе на скамью,
И рѣчью грусть разсѣй мою...
Пожалуй, сказку ты начни
Про прежніе златые дни,
И я, припомнивъ старину,
Подъ говоръ словъ твоихъ засну.“

И на скамью присѣлъ Соколъ,
И рѣчь такую онъ завелъ:

„Жилъ былъ за тридевять земель,
Въ тридцатомъ княжествѣ отсель,
Великій и премудрый царь.
Ни въ наше времечко, ни встарь
Никто не видывалъ пышнѣй
Его палатъ, и много дней
Въ весельи жизнь его текла,
Покуда дочь не подросла.

„Тотъ царь былъ слабъ и хилъ и старъ,
А дочь—непрочный вѣдь товаръ!
Ее, какъ лучшій свой алмазъ,
Онъ скрылъ отъ молодецкихъ глазъ;
И на его царевну-дочь
Смотрѣлъ лишь день да темна ночь,
И цѣловать красотку могъ
Лишь перелетный вѣтерокъ.

„И царь тотъ раза три на дню
Ходилъ смотрѣть на дочь свою;
Но вздумалъ вдругъ онъ въ темну ночь
Взглянуть, какъ спитъ младая дочь.
Свой ключъ серебряный онъ взялъ,
Сапожки шолковые снялъ,
И вотъ приходитъ въ башню ту,
Гдѣ скрылъ царевну красоту...

„Вошелъ: въ свѣтлицѣ тишина;
Дочь сладко спитъ, но не одна;
Припавъ на грудь ея главой
Съ ней царскій конюхъ молодой.
И прогнѣвился царь тогда,
И повелѣлъ онъ безъ суда
Ихъ вмѣстѣ въ бочку засмолить
И въ сине море укатить...“

И быстро на устахъ раба—
Какъ будто тайная борьба
Въ то время совершалась въ немъ—
Улыбка вспыхнула, потомъ
Онъ очи на небо возвелъ,
Вздохнулъ и смолкъ. „Ступай, Соколъ!“
Махнувъ дрожащею рукой,
Сказалъ бояринъ „въ часъ иной
Разскажешь сказку до конца
Про оскорбленнаго отца!“

И по моршинамъ старика,
Какъ тѣни о́блака, слегка
Промчались тѣни черныхъ думъ.
Встревоженный и быстрый умъ
Вблизи предвидѣлъ много бѣдъ.
Онъ жилъ: онъ зналъ людей и свѣтъ,
Онъ зломъ не могъ быть удивленъ,
Добру жъ давно не вѣрилъ онъ,
Не вѣрилъ только потому,
Что вѣрилъ нѣкогда всему!...

И вспыхнулъ въ немъ остатокъ силъ.
Онъ съ ложа мягкаго вскочилъ,
Соболью шубу на плеча
Накинулъ онъ; въ рукѣ свѣча;
И вотъ, дрожа, идетъ скорѣй
Къ свѣтлицѣ дочери своей.
Ступени лѣстницы крутой
Подъ тяжкою его стопой
Скрипятъ и свѣчка раза два
Изъ рукъ не выпала едва.

Онъ видитъ: няня въ уголкѣ
Сидитъ на старомъ сундукѣ
И спитъ глубоко, и порой
Во снѣ качаетъ головой;
На ней, предчувствіемъ объятъ,
Намигъ онъ удержалъ свой взглядъ—
И мимо; но, послыша стукъ,
Старуха пробудилась вдругъ,
Перекрестилась и потомъ
Опять заснула крѣпкимъ сномъ,
И, занята своей мечтой,
Вновь закачала головой.

Стоитъ бояринъ у дверей
Свѣтлицы дочери своей
И чуткимъ ухомъ онъ приникъ
Къ замку—и думаетъ старикъ:
„Нѣтъ, непорочна дочь моя!
А ты, Соколъ, ты рабъ, змѣя,
За дерзкій, хитрый свой намекъ
Получишь гибельный урокъ!“
Но вдругъ.... о горе! о позоръ!
Онъ слышитъ тихій разговоръ...

ПЕРВЫЙ ГОЛОСЪ.

О, погоди, Арсеній мой!
Вчера ты былъ совсѣмъ другой.
День безъ меня—и мигъ со мной!...

ВТОРОЙ ГОЛОСЪ.

Не плачь... утѣшься!—близокъ часъ—
И будетъ міръ ничто для насъ
Въ чужой, но близкой сторонѣ
Мы будемъ счастливы вполнѣ,
И не раба обнимешь ты
Среди полночной темноты.
Съ тѣхъ поръ, ты помнишь, какъ чернецъ
Меня привезъ, и твой отецъ
Вручилъ ему свой кошелекъ,
Съ тѣхъ поръ задумчивъ, одинокъ
Тоской по вольности томимъ,
Но нѣжнымъ голосомъ твоимъ
И блескомъ ангельскихъ очей
Прикованъ у тюрьмы моей,
Задумалъ я свой край родной
Навѣкъ оставить но съ тобой!...
И скоро я въ лѣсахъ чужихъ
Нашелъ товарищей лихихъ,
Безстрашныхъ, твердыхъ, какъ булатъ.
Людской законъ для нихъ не святъ,
Война—ихъ рай, а миръ—ихъ адъ.
Я отдалъ душу имъ въ закладъ,
Но ты моя—и я богатъ!...

И голоса замолкли вдругъ.
И слышитъ Орша тихій звукъ,
Звукъ поцѣлуя... и другой...

Онъ вспыхнулъ, дверь толкнулъ рукой
И, изступленный и нѣмой,
Предсталъ предъ блѣдною четой...

Бояринъ сдѣлалъ шагъ назадъ,
На дочь онъ кинулъ злобный взглядъ,
Глаза ихъ встрѣтились—и вмигъ
Мучительный, ужасный крикъ
Раздался, пролетѣлъ—и стихъ.
И тотъ, кто крикъ сей услыхалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой.
И тяжко съ ложа на коверъ,
Какъ трупъ бездушный съ давнихъ поръ,
Небрежной сброшенный рукой,
Произведя ударъ глухой,
Упало что-то. — И на зовъ
Боярина толпа рабовъ,
Во всемъ послушная орда,
Шумя, сбѣжалася тогда,
И безъ усилій, безъ борьбы
Схватили юношу рабы.

Нѣмъ и недвижимъ онъ стоялъ,
Покуда крѣпко обвивалъ
Всѣ члены, какъ змѣя, канатъ;
Въ нихъ проникалъ могильный хладъ
И сердце громко билось въ немъ
Тоской, отчаяньемъ, стыдомъ.

Когда жъ безумца увели
И шумъ шаговъ утихъ вдали,
И съ нимъ остался лишь Соколъ,
Бояринъ къ двери подошелъ,
Въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ,
Не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ,
И трижды ключъ перевернулъ
Въ ея заржавленномъ замкѣ...
Но... ключъ дрожалъ въ его рукѣ!
Потомъ онъ отворилъ окно:
Все было на небѣ темно,
А подъ окномъ межъ дикихъ скалъ
Днѣпръ безпокойный бушевалъ.
И въ волны ключъ отъ двери той
Онъ бросилъ сильною рукой,
И тихо ключъ тотъ роковой
Былъ принятъ хладною рѣкой.

Тогда, рѣшивъ свою судьбу,
Бояринъ вѣрному рабу
На волны молча указалъ,
И тотъ поклономъ отвѣчалъ...
И черезъ часъ ужъ въ домѣ томъ
Все снова спало крѣпкимъ сномъ,
И только не спалъ въ немъ одинъ
Его угрюмый властелинъ.

ГЛАВА II.

Народъ кишитъ въ монастырѣ;
У вратъ святыхъ и на дворѣ
Рабы боярскіе стоятъ.
Ихъ копья мѣдныя горятъ,
Ихъ шапки длинныя кругомъ
Опушены густымъ бобромъ,
За кушакомъ блестятъ у нихъ
Ножны кинжаловъ дорогихъ...
Межъ нихъ стремянный молодой,
За гриву правою рукой
Держа боярскаго коня,
Стоитъ; по временамъ, звеня,
Стремена бьются о бока;
Истертъ ногами сѣдока,
Въ пыли малиновый чепракъ;
Весь въ мылѣ, сѣрый аргамакъ
Мотаетъ гривою густой,
Бьетъ землю жилистой ногой,
Грызетъ съ досады удила,
И пѣна легкая—бѣла,
Чиста, какъ первый снѣгъ въ поляхъ—
Съ желѣза падаетъ на прахъ.

Но вотъ обѣдня отошла;
Гудятъ, ревутъ колокола;

Вотъ слышно пѣнье—изъ дверей
Мелькаетъ длинный рядъ свѣчей,
Вослѣдъ игумену-отцу
Монахи сходятъ по крыльцу
И прямо въ трапезу идутъ;
Тамъ грозный судъ, послѣдній судъ
Произнесетъ отецъ святой
Надъ бѣдной, грѣшной головой.

Безмолвна трапеза была.
Къ стѣнѣ налѣво два стола
И пышныхъ креселъ полукругъ—
Издѣлье иноческихъ рукъ—
Блистали тканью парчевой;
Въ большія окна свѣтъ дневной
Врываясь бѣлой полосой,
Дробяся въ искры по стеклу,
Игралъ на каменномъ полу.
Рѣзьбою мелкою стѣна
Была искусно убрана,
И на двери въ кружкахъ златыхъ
Блистали образа святыхъ.
Тяжелый, низкій потолокъ
Расписывалъ, какъ зналъ, какъ могъ,
Усердный инокъ... жалкій трудъ,
Отнявшій множество минутъ
У Бога, думъ святыхъ и дѣлъ...
Искусства горестный удѣлъ!...

На мягкихъ креслахъ предъ столомъ
Сидѣлъ въ бездѣйствіи нѣмомъ
Боярин Орша. Иногда
Усы сѣдые, борода,
Съ игривымъ встрѣтившись лучомъ,
Вдругъ отливались серебромъ,
И часто кудри старика
Отъ дуновенья вѣтерка
Приподымалися слегка.
Движеньемъ пасмурныхъ очей
Нерѣдко онъ искалъ дверей,
И, въ нетерпѣніи, порой
Онъ по столу стучалъ рукой.

Въ концѣ противномъ залы той
Одинъ, въ цѣпяхъ, къ нему спиной,
Покрытъ одеждою раба,
Стоялъ Арсеній у столба.
Но въ молодомъ лицѣ его
Вы не нашли бъ ни одного
Изъ чувствъ, которыхъ смутный рой
Кружится, вьется надъ душой
Въ часъ разставанія съ землей.

Хотѣлъ ли онъ передъ врагомъ
Предстать съ безчувственнымъ челомъ,
Съ холодной важностью лица,
И мстить хоть этимъ до конца?
Иль онъ невольно въ этотъ мигъ
Глубокой мыслію постигъ,
Что онъ въ цѣпи существъ давно
Едва ль не лишнее звено?...
Задумчивъ, онъ смотрѣлъ въ окно
На голубыя небеса:
Его манила ихъ краса...
И кудри легкихъ облаковъ,
Небесъ серебряный покровъ,
Неслись свободно, быстро тамъ,
Кидая тѣни по холмамъ.
И онъ увидѣлъ: у окна,
Заботой рѣзвою полна,
Летала ласточка—то внизъ,
То вверхъ, подъ каменный карнизъ,
Кидалась съ дивной быстротой
И въ щели пряталась сырой;
То взвившись на небо стрѣлой,
Тонула въ пламенныхъ лучахъ...
И онъ вздохнулъ о прежнихъ дняхъ,
Когда онъ жилъ, страстямъ чужой,
Съ природой жизнію одной;
Блеснули тусклые глаза,
Но этотъ блескъ былъ—не слеза;
Онъ улыбнулся, но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ.

И вдругъ раздался звукъ шаговъ,
Невнятный говоръ голосовъ,

Скрипъ отворяемыхъ дверей...
Они! — вошли! — Толпа людей
Въ высокихъ, черныхъ клобукахъ,
Съ свѣчами длинными въ рукахъ.
Согбенный тягостью веригъ,
Предъ ними шелъ слѣпой старикъ,
Отецъ-игуменъ. — Сорокъ лѣтъ
Ужъ онъ не зналъ что̀ Божій свѣтъ;
Но умъ его былъ юнъ, богатъ,
Какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ.
Онъ шелъ, склонясь на посохъ свой,
И крестъ держалъ передъ собой;
И крестъ осыпанъ былъ кругомъ
Алмазами и жемчугомъ;
И трость игумена была
Слоновой кости, такъ бѣла,
Что лишь съ сѣдой его брадой
Могла равняться бѣлизной.

Перекрестясь, онъ важно сѣлъ
И плѣнника подвесть велѣлъ,
И одного изъ чернецовъ
Позвалъ по имени: суровъ
И холоденъ былъ видъ лица
Того святаго чернеца.
Потомъ игуменъ, наклонясь,
Сказалъ боярину, смѣясь,
Два слова на ухо. Въ отвѣтъ
На сей вопросъ или совѣтъ
Кивнулъ боярин головой...
И вотъ слѣпецъ махнулъ рукой!
И понялъ данный знакъ монахъ—
Укоръ готовый на устахъ
Словами книжными убралъ
И такъ преступнику вѣщалъ:
„Безумный, бренный сынъ земли!
Злой духъ и страсти привели
Тебя медовою тропой
Къ границѣ жизни сей земной.
Грѣшилъ ты много, но изъ всѣхъ
Грѣховъ страшнѣй послѣдній грѣхъ.
Простить не можетъ судъ земной,
Но въ небѣ есть судья иной:
Онъ милосердъ, ему теперь
При насъ дѣла свои повѣрь!“

АРСЕНІЙ.

Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ — благодарю.
Не понимаю, что была
У васъ за мысль? — Мои дѣла
И безъ меня ты долженъ знать,
А душу можно ль разсказать?
И если бъ могъ я эту грудь
Передъ тобою развернуть,
Ты вѣрно не прочелъ бы въ ней,
Что я безсовѣстный злодѣй!
Пусть монастырскій вашъ законъ
Рукою Бога утвержденъ,
Но въ этомъ сердцѣ есть другой,
Ему не менѣе святой:
Онъ оправдалъ меня—одинъ
Онъ сердца полный властелинъ!
Когда бъ сквозь бѣдный мой нарядъ
Не проникалъ до сердца ядъ,
Тогда я былъ бы виноватъ.
Но всѣхъ равно влечетъ судьба:
И подъ одеждою раба,
Но полный жизнью молодой,
Я человѣкъ, какъ и другой.
И ты, и ты слѣпой старикъ,
Когда бъ ея небесный ликъ
Тебѣ явился хоть во снѣ,
Ты позавидовалъ бы мнѣ
И, въ изступленьи, можетъ быть,
Рѣшился бъ также согрѣшить,
И клятвы бъ грозныя забылъ,
И перенесть бы счастливъ былъ
За слово, ласку или взоръ
Мое мученье, мой позоръ!...

ОРША.

Не поминай теперь о ней!
Напрасно!—У груди моей,
Хоть нынѣ поздно вижу я,
Согрѣлась, выросла змѣя!...

Но ты заплатишь мнѣ теперь
За хлѣбъ и соль мою, повѣрь.
За сердце жъ дочери моей
Я заплачу тебѣ, злодѣй—
Тебѣ, найденышъ безъ креста,
Презрѣнный рабъ и сирота!...

АРСЕНІЙ.

Ты правъ: не знаю, гдѣ рожденъ,
Кто мой отецъ и живъ ли онъ?
Не знаю... Люди говорятъ,
Что я тобой ребенкомъ взятъ,
И былъ я отданъ съ раннихъ поръ
Подъ строгій иноковъ надзоръ,
И выросъ въ тѣсныхъ я стѣнахъ,
Душой дитя—судьбой монахъ!
Никто не смѣлъ мнѣ здѣсь сказать
Священныхъ словъ „отецъ“ и „мать“.
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ?
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ—могилъ!
Но нынче самъ я не хочу
Предать ихъ имя палачу,
И все, что славно было въ немъ,
Облить и кровью и стыдомъ.
Умру, какъ жилъ, твоимъ рабомъ!...
—Нѣтъ, не грози, отецъ святой:
Чего бояться намъ съ тобой?
Обоихъ насъ могила ждетъ...
Не все ль равно—что день, что годъ?
Никто ужъ намъ не господинъ;
Ты въ рай, я въ адъ—но путь одинъ!
Съ тѣхъ поръ, какъ длится жизнь моя,
Два раза былъ свободенъ я:
Послѣдній—нынѣ... Въ первый разъ,
Когда я жилъ еще у васъ,
Среди молитвъ и пыльныхъ книгъ,
Пришло мнѣ въ мысли хоть на мигъ
Взглянуть на пышныя поля,
Узнать прекрасна ли земля,
Узнать для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы...
И въ часъ ночной, въ ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
При блескѣ молній роковыхъ
Я убѣжалъ отъ стѣнъ святыхъ;
Боязнь съ одеждой кинулъ прочь,
Благословилъ и хладъ и ночь,
Забылъ печали бытія
И бурю братомъ назвалъ я.
Восторгомъ бѣшеннымъ объятъ,
Съ ней унестись я былъ бы радъ:
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ!
О старецъ! что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой и живой
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

ИГУМЕНЪ.

Начто намъ знать твои мечты?
Не для того предъ нами ты!
Въ другомъ ты нынѣ обвиненъ
И хочетъ истины законъ.
Открой же намъ друзей своихъ—
Убійцъ, разбойниковъ ночныхъ,
Которыхъ страшныя дѣла
Смываетъ кровь и кроетъ мгла,
Съ которыми, забывши честь,
Ты мнилъ несчастную увезть.

АРСЕНІЙ.

Мнѣ ихъ назвать?—Отецъ святой,
Вотъ что умретъ во мнѣ, со мной.
О, нѣтъ, ихъ тайну—не мою,
Я неизмѣнно сохраню,
Пока земля въ урочный часъ
Какъ двухъ друзей не приметъ насъ.

Пытай желѣзомъ и огнемъ—
Я не признаюся ни въ чемъ;
И если хоть минутный крикъ
Измѣнитъ мнѣ... тогда, старикъ,
Я вырву слабый мой языкъ!...

МОНАХЪ.

Страшись упорствовать, глупецъ!
Къ чему?... Ужъ близокъ твой конецъ.
Скорѣе тайну намъ предай.
За гробомъ есть и адъ и рай,
И вѣчность въ томъ или другомъ...

АРСЕНІЙ.

Послушай, я забылся сномъ
Вчера въ темницѣ. Слышу вдругъ
Я приближающійся звукъ,
Знакомый, милый разговоръ,
И будто вижу ясный взоръ...
И пробудясь, во тьмѣ скорѣй
Ищу тѣхъ звуковъ, тѣхъ очей...
Увы! они въ груди моей!
Они на сердцѣ, какъ печать,
Чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать,
И жгутъ его, и вновь живятъ...
Они мой рай, они мой адъ!
Для вспоминанія о нихъ
Жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!...

ИГУМЕНЪ.

Богохулитель, удержись!
Пади на землю, плачь, молись,
Прими святую въ грудь боязнь...
Мечтанья злыя—Божья казнь!
Молись ему...

АРСЕНІЙ.

Напрасный трудъ!
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай умру... но смерть моя
Не продолжитъ ихъ бытія,
И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой
Имъ разогрѣть не суждено
Сердца, увядшія давно;
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ не была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступенью новой къ небесамъ;
И тѣнь несчастнаго, повѣрь,
Не отопретъ имъ рая дверь...
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ:
Я молодъ, молодъ—зналъ ли ты,
Что значитъ молодость, мечты?
Или не зналъ? или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ, порой,
Въ глубокой трещинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?...
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ... ты слѣпъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда? ты жилъ, старикъ;
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть...
Ты жилъ—я также могъ бы жить!...

Но тутъ игуменъ съ мѣста всталъ,
Рѣчь нечестивую прервалъ,
И, негодуя, всѣ вокругъ
На гордый видъ и гордый духъ,
Столь непреклонный предъ судьбой,
Шептались грозно межъ собой,
И слово „пытка“ тамъ и тамъ

Вмигъ пробѣжало по устамъ.
Но узникъ былъ невозмутимъ,
Безчувственно внималъ онъ имъ.
Такъ бурей брошенъ на песокъ
Худой, увязнувшій челнокъ,
Лишенный веселъ и гребцовъ,
Недвижимъ ждетъ напоръ валовъ.

Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина
Густой туманъ, какъ пелена
Съ посеребренною каймой,
Клубится надъ Днѣпромъ-рѣкой.
И сквозь него высокій боръ,
Разсыпанный по скату горъ,
Безмолвно смотрится въ рѣкѣ,
Едва чернѣя вдалекѣ.
И изъ-за тѣхъ густыхъ лѣсовъ
Выходятъ стаи облаковъ,
А изъ-за нихъ, огнемъ горя,
Выходитъ красная заря.
Блестятъ кресты монастыря;
По длиннымъ башнямъ и стѣнамъ
И по расписаннымъ вратамъ
Прекрасный, чистый и живой,
Какъ счастье жизни молодой,
Играетъ лучъ ея златой.

Унылый звонъ колоколовъ
Созвалъ ужъ въ храмъ святыхъ отцовъ;
Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ;
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро—тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: „Гдѣ же казначей?
Поди, спроси его скорѣй—
Не затерялъ ли онъ ключей?“
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что не виновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой...

Пришли, глядятъ: распилена
Рѣшотка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый, на пескѣ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ;
И польскій шолковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

Пошли прилежно по слѣдамъ;
Они вели къ Днѣпру—и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчалившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того же кушака
Висѣлъ, въ водѣ однимъ концомъ,
Колеблемъ раннимъ вѣтеркомъ.

„Бѣжалъ!—Но кто жъ ему помогъ?
Конечно люди, а не Богъ!...
И гдѣ же онъ нашелъ друзей?
Знать, точно онъ большой злодѣй!„
Такъ, собираясь, межъ собой
Твердили иноки порой.

ГЛАВА III.

Зима. Изъ глубины снѣговъ
Встаютъ, чернѣя, пни деревъ,
Какъ призраки, склонясь челомъ
Надъ замерзающимъ Днѣпромъ.
Глядится тусклый день въ стекло
Прозрачныхъ льдинъ—и занесло
Овраги снѣгомъ. На зарѣ

Лишь заяцъ крадется къ норѣ
И, прыгая взадъ и впередъ,
Свой слѣдъ запутанный кладетъ;
Да иногда во тьмѣ ночной
Раздастся псовъ протяжный вой,
Когда, голодный и худой,
Обходитъ волкъ вокругъ гумна,
И если въ полѣ тишина,
То даже слышны издали
Его тяжелые шаги,
И скрипъ, и щелканье зубовъ,
И каждый вечеръ межъ кустовъ
Сто яркихъ глазъ, какъ свѣчи въ рядъ,
Во мракѣ, прыгаютъ, блестятъ...

Но вьюги зимней не страшась,
Однажды въ ранній утра часъ
Бояринъ Орша далъ приказъ—
Собраться челяди своей,
Точить мечи, сѣдлать коней;
И разнеслась вездѣ молва,
Что безпокойная Литва
Съ толпою дерзкихъ воеводъ
На землю русскую идетъ.
Отъ войска русскаго гонцы
Во всѣ помчалися концы:
Зовутъ бояръ и ихъ людей
На славный пиръ—на пиръ мечей.

Садится Орша на коня.
Далъ знакъ рукой: гремя, звеня,
Средь вопля женщинъ и дѣтей,
Всѣ повскакали на коней,
И каждый съ знаменьемъ креста
За нимъ проѣхалъ въ ворота;
Лишь онъ, безмолвный, не крестясь,
Какъ басурманъ, татарскій князь,
Къ своимъ приближась воротамъ,
Возвелъ глаза—не къ небесамъ,
Возвелъ онъ ихъ на теремъ тотъ,
Гдѣ прежде жилъ онъ безъ заботъ,
Гдѣ нынче вѣтеръ лишь живетъ,
И гдѣ, качая изрѣдка
Дверь безъ ключа и безъ замка,
Какъ мать качаетъ колыбель,
Поетъ гульливая метель.

Умчался далѣ шумный бой,
Оставя слѣдъ багровый свой...
Между поверженныхъ коней,
Обломковъ копій и мечей
Въ то время всадникъ разъѣзжалъ;
Чего-то, мнилось, онъ искалъ,
То низко голову склоня
До гривы чернаго коня,
То вдругъ привставъ на стременахъ...
Кто жъ онъ? не русскій, и не ляхъ—
Хоть платье польское на немъ
Пестрѣло ярко серебромъ,
Хоть сабля польская, звеня,
Стучала по ребрамъ коня;
Чела крутаго смуглый цвѣтъ,
Глаза, въ которыхъ мракъ и свѣтъ
Въ борьбѣ смѣнялися не разъ,
Почти могли бъ увѣрить васъ,
Что въ немъ кипѣла кровь татаръ...
Онъ былъ не молодъ и не старъ.
Но разсмотрѣвъ его черты,
Не чуждыя той красоты
Невыразимой, но живой,
Которой блескъ печальный свой
Мысль неизмѣнная дала,
Гдѣ все, что есть добра и зла
Въ душѣ прикованной къ землѣ,
Отражено какъ на стеклѣ,—
Вздохнувши, всякій бы сказалъ,
Что жилъ онъ меньше, чѣмъ страдалъ.

Среди долины былъ курганъ.
Корнистый дубъ, какъ великанъ,
Его пятою попиралъ
И горделиво разстилалъ
Надъ нимъ, по прихоти своей,
Шатеръ чернѣющихъ вѣтвей.
Тутъ бой ужасный закипѣлъ,

Тутъ и затихъ. Громада тѣлъ
Обезображенныхъ мечемъ
Пестрѣла на курганѣ томъ.
И снѣгъ, окрашенный въ крови,
Кой-гдѣ протаялъ до земли;
Кора на дубѣ вѣковомъ
Была изрублена кругомъ,
И кровь на ней видна была,
Какъ будто бы она текла
Изъ глубины сихъ новыхъ ранъ...
И всадникъ взъѣхалъ на курганъ,
Потомъ съ коня онъ соскочилъ
И такъ въ раздумьи говорилъ:
„Вотъ мѣсто—мертвый иль живой
Онъ здѣсь...вотъ дубъ—къ нему спиной
Прижавшись, бѣшеный старикъ
Рубился—видѣлъ я, хоть мигъ,
Какъ окруженъ со всѣхъ сторонъ
Съ пятью рабами бился онъ.
И дорого тебѣ, Литва,
Досталась эта голова!...
Здѣсь, сквозь толпу издалека
Я видѣлъ, какъ его рука
Три раза съ саблей поднялась
И опустилась... Каждый разъ,
Когда она являлась вновь,
По ней ручьемъ бѣжала кровь...
Четвертый взмахъ я долго ждалъ...
Но съ поля онъ не побѣжалъ,
Не могъ бѣжать, хотя бъ желалъ!...“
И вдругъ онъ внемлетъ слабый стонъ,
Подходитъ, смотритъ: „это онъ!“
Главу, омытую въ крови,
Бояринъ приподнялъ съ земли
И слабымъ голосомъ сказалъ:
„И я узналъ тебя! узналъ!
Ни время, ни чужой нарядъ
Не измѣнятъ зловѣщій взглядъ,
И это гордое чело,
Гдѣ преступленіе и зло
Печать оставили свою.
Арсеній!—Такъ! я узнаю,
Хотя могилы на краю,
Улыбку прежнюю твою,
И въ ней шипящую змѣю!
Я узнаю и голосъ твой
Межъ звуковъ стороны чужой,
Которыми ты, можетъ быть,
Его желаешь измѣнить.
Твой умыселъ постигъ я весь,
Я знаю, для чего ты здѣсь.
Но, вѣрный родинѣ моей,
Не отверну теперь очей,
Хоть ты бъ желалъ, измѣнникъ-ляхъ,
Прочесть въ нихъ близкой смерти страхъ
И сожалѣнье и печаль...
Но знай, что жизни мнѣ не жаль,
А жаль лишь то, что часъ мой билъ,
Покуда я не отомстилъ;
Что не могу поднять меча,
Что на рукахъ моихъ, съ плеча
Омытыхъ кровью до локтей
Злодѣевъ родины моей,
Ни капли крови нѣтъ твоей!...“

—Старикъ! о прежнемъ позабудь...
Взгляни сюда на эту грудь,
Она не въ ранахъ, какъ твоя,
Но въ ней живетъ тоска-змѣя
Ты отомщенъ вполнѣ давно,
А кѣмъ и какъ—не все ль равно?
Но лучше мнѣ скажи, молю,
Гдѣ отыщу я дочь твою?
Отъ рукъ враговъ земли твоей,
Ихъ поцѣлуевъ и мечей,
Хоть самъ теперь межъ ними я,
Ее спасти я поклялся!

„Скачи скорѣй въ мой старый домъ,
Тамъ дочь моя; ни ночь, ни днемъ
Не ѣстъ, не спитъ: все ждетъ да ждетъ,
Покуда милый не придетъ.
Спѣши... Ужъ близокъ мой конецъ...
Теперь обиженный отецъ
Для васъ лишь страшенъ—какъ мертвецъ!...

Онъ дальше говорить хотѣлъ,
Но вдругъ языкъ оцѣпенѣлъ;
Онъ сдѣлать знакъ хотѣлъ рукой,
Но пальцы сжались межъ собой,
Тѣнь смерти мрачной полосой
Промчалась на его челѣ;
Онъ обернулъ лицо къ землѣ,
Вдругъ протянулся, захрипѣлъ,
И—духъ отъ тѣла отлетѣлъ.

Къ нему Арсеній подошелъ,
И руки сжатыя развелъ,
И поднялъ голову съ земли:
Двѣ яркія слезы текли
Изъ побѣлѣвшихъ мутныхъ глазъ,
Собой лишь свѣтлы, какъ алмазъ.
Спокойны были всѣ черты,
Исполнены той красоты,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной какъ смерть сама.

И долго юноша надъ нимъ
Стоялъ, раскаяньемъ томимъ,
Невольно мысля о быломъ,
Прощая—не прощенъ ни въ чемъ!
И на груди его потомъ
Онъ тихо распахнулъ кафтанъ:
Старинныхъ и послѣднихъ ранъ
На ней кровавые слѣды
Вились, чернѣли, какъ бразды.
Онъ руку къ сердцу приложилъ,
И трепетъ замиравшихъ жилъ
Ему неясно возвѣстилъ,
Что въ буйномъ сердцѣ мертвеца
Кипѣли страсти до конца,
Что блескъ печальный этихъ глазъ
Гораздо прежде ихъ погасъ...

Ужъ время шло къ закату дня,
И сѣлъ Арсеній на коня,
Стальныя шпоры онъ въ бока
Вонзилъ ему—и въ два прыжка
Отъ мѣста битвы роковой
Онъ былъ далеко.—Пеленой
Широкою за нимъ луга
Тянулись: яркіе снѣга
При свѣтѣ косвенныхъ лучей
Сверкали тысячью огней.—
Предъ нимъ стѣной знакомый лѣсъ
Чернѣетъ на краю небесъ;
Подъ сѣнь деревъ въѣзжаетъ онъ.
Все тихо, всюду мертвый сонъ,
Лишь иногда съ сѣдаго пня,
Послыша близкій храпъ коня,
Тяжелый воронъ, царь степной,
Слетитъ и сядетъ на другой,
Свой кровожадный чистя клювъ
О сучья жосткіе деревъ;
Лишь отдаленный вой волковъ,
Бѣгушихъ жадною толпой
На мѣсто битвы роковой,
Терялся въ тишинѣ степей...
Сыпучій иней вкругъ вѣтвей
Березъ и сосенъ, надъ путемъ
Прозрачнымъ свившихся шатромъ,
Впсѣлъ косматой бахромой;
И часто шапкой иль рукой
Когда за пихъ онъ задѣвалъ,
Прахъ серебристый осыпалъ
Его лицо... И быстро онъ
Скакалъ, въ раздумье погружонъ.
Измучилъ непривычный бѣгъ
Его коня. Въ глубокій снѣгъ
Онъ вязнетъ часто... труденъ путь!
Какъ печь, его дымится грудь;
Отъ нетерпѣнья сѣдока
Въ крови и пѣнѣ всѣ бока.
Но близко, близко... Вотъ и домъ,
На берегу Днѣпра крутомъ,
Предъ нимъ встаетъ изъ-за горы.
Заборы, избы и дворы
Привѣтливо между собой
Тѣснятся пестрою толпой,
Лишь домъ боярскій между нихъ,
Какъ призракъ, сумраченъ и тихъ...
Онъ въѣхалъ на широкій дворъ:

Все пусто... будто гладъ иль моръ
Недавно пировали въ немъ.
Онъ слѣзъ съ коня, идетъ пѣшкомъ...
Толпа играющихъ дѣтей,
Испуганныхъ огнемъ очей,
Одеждой чуждой пришлеца
И блѣдностью его лица,
Его встрѣчаетъ у крыльца
И съ крикомъ убѣгаетъ прочь...
Онъ входитъ въ домъ—въ покояхъ ночь,
Закрыты ставни; полъ скрипитъ;
Пустая утварь дребезжитъ
На старыхъ полкахъ; лишь порой
Широкой, бѣлой полосой
Рисуясь на печи большой,
Проходитъ въ трещину ставней
Холодный свѣтъ дневныхъ лучей.

И лѣстницу Арсеній зритъ;
Сквозь сумракъ онъ бѣжитъ, летитъ
Наверхъ, по шаткимъ ступенямъ.
Вотъ свѣтъ блеснулъ его очамъ,
Предъ нимъ замерзшее окно:
Оно давно растворено;
Сугробомъ собрался большимъ
Снѣгъ нерастаявшій подъ нимъ...
Увы, знакомыя мѣста!
Налѣво дверь—но заперта.
Какъ кровью, ржавчиной покрытъ,
Большой замокъ на ней виситъ,
И вынувъ ножъ изъ кушака,
Онъ всунулъ въ скважину замка,
И затрещавъ, распался тотъ...
И тихо дверь толкнувъ впередъ,
Онъ входитъ робкою стопой
Въ свѣтлицу дѣвы молодой.

Онъ руку съ трепетомъ простеръ,
Онъ ищетъ взоромъ милый взоръ,
И слабый шепчетъ онъ привѣтъ.
На взглядъ, на рѣчь отвѣта нѣтъ!
Однако смято ложе сна,
Какъ будто бы на немъ она,
Тому назадъ лишь день, лишь часъ,
Главу покоила не разъ,
Младенческій вкушая сонъ.
Но, приближаясь, видитъ онъ
На тонкихъ, бѣлыхъ кружевахъ
Чернѣющій слоями прахъ,
И ткани паутинъ сѣдыхъ
Вкругъ занавѣсокъ парчевыхъ.

Тогда въ окно свѣтлицы той
Упалъ заката лучъ златой,
Играя, на коверъ цвѣтной.
Арсеній голову склонилъ...
Но вдругъ затрясся, отскочилъ
И вскрикнулъ, будто на змѣю
Поставилъ онъ пяту свою...
Увы! теперь онъ былъ бы радъ,
Когда бъ быстрѣй чѣмъ мысль, иль взглядъ,
Въ него проникъ смертельный ядъ...

Громаду бѣлую костей
И желтый черепъ безъ очей,
Съ улыбкой вѣчной и нѣмой —
Вотъ что узрѣлъ онъ предъ собой.
Густая длинная коса,
Плечъ бѣломраморныхъ краса,
Разсыпавшись, къ сухимъ костямъ
Кой-гдѣ прилипнула... и тамъ,
Гдѣ сердце чистое такой
Любовью билось огневой,
Давно безъ пищи ужъ бродилъ
Кровавый червь — жилецъ могилъ...

„Такъ вотъ все то, что я любилъ!
Холодный и бездушный прахъ,
Горѣвшій на моихъ устахъ,
Теперь безъ чувства, безъ любви
Сожмутъ объятія земли!
Душа прекрасная ее,
Принявъ другое бытіе,

Теперь паритъ въ странѣ святой,
И какъ укоръ передо мной
Ея минутной жизни слѣдъ.
Она погибла въ цвѣтѣ лѣтъ,
Средь тайныхъ мукъ, иль безъ тревогъ,
Когда и какъ — то знаетъ Богъ.
Онъ былъ отецъ, но былъ мой врагъ:
Тому свидѣтель этотъ прахъ,
Лишенный сѣни гробовой,
На свѣтѣ признанный лишь мной!

„Да! я преступникъ, я злодѣй —
Но казнь равна ль винѣ моей?
Ни на землѣ, ни въ свѣтѣ томъ
Намъ не сойтись однимъ путемъ...
Разлуки первый грозный часъ
Сталъ вѣкомъ, вѣчностью для насъ.
О, если бъ рай передо мной
Открытъ былъ властью неземной —
Клянусь, я бъ прежде чѣмъ вступилъ,
У вратъ священныхъ бы спросилъ:
Найду ли тамъ, среди святыхъ,
Погибшій рай надеждъ моихъ?
Творецъ! отдай ты мнѣ назадъ
Ея улыбку, нѣжный взглядъ;
Отдай мнѣ свѣжія уста
И голосъ сладкій какъ мечта,
Одинъ лишь слабый звукъ отдай!...
Что безъ нея земля и рай?
Одни лишь звучныя слова,
Блестящій храмъ — безъ божества!...

„Теперь осталось мнѣ одно:
Иду! — куда? Не все ль равно
Та иль другая сторона?
Здѣсь прахъ ея, но не она!
Иду отсюда навсегда
Безъ думъ, безъ цѣли и труда,
Одинъ, съ тоской во тьмѣ ночной,
И вьюга слѣдъ завѣетъ мой!...

1836.

КЪ ПОРТРЕТУ СТАРАГО ГУСАРА.

[Н. П. БУХАРОВУ].

Смотрите, какъ летитъ, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

КЪ БУХАРОВУ.

Мы ждемъ тебя, спѣши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.

Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья.
Намъ милъ и усъ твой серебристый
И трубка плоская твоя.

Намъ дорога твоя отвага,
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупоренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.

Столѣтья прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданинъ.

МОНГО.

[ОТРЫВОКЪ].

Садится солнце за горой;
Туманъ дымится надъ болотомъ.
И вотъ дорогой столбовой

Летятъ, склонившись надъ лукой,
Два всадника лихимъ полетомъ.
Одинъ — высокъ и худощавъ —
Кобылу сѣрую собравъ,
То горячитъ нетерпѣливо,
То сдержитъ вдругъ одной рукой;
Малъ и широкъ въ плечахъ другой...
Храпя, мотаетъ длинной гривой—
Подъ нимъ саврасый скакунокъ —
Степей башкирскихъ сынъ счастливый.
Устали всадники. Отъ ногъ
До головы покрыты прахомъ.
Коней пріѣзженныхъ размахомъ
Они любуются порой,
И рѣчь ведутъ между собой:
— Монго, послушай—тутъ направо!
Осталось только три версты!...
— Постой! ужъ эти мнѣ мосты!
Дрожатъ и смотрятъ такъ лукаво.
— Впередъ, Маёшка! только насъ
Измучитъ это приключенье!
Вѣдь завтра въ шесть часовъ ученье!
— Нѣтъ, въ семь — я самъ читалъ приказъ!

Но прежде надо вамъ, читатель,
Героевъ показать портретъ:
Монго—повѣса и корнетъ,
Актрисъ коварныхъ обожатель —
Былъ молодъ сердцемъ и душой,
Безпечно женскимъ ласкамъ вѣрилъ
И на аршинъ предлинный свой
Людскую честь и совѣсть мѣрилъ.
Породы англійской онъ былъ —
Флегматикъ съ бурыми усами;
Собакъ и портеръ онъ любилъ;
Не занимался онъ чинами;
Ходилъ немытый цѣлый день,
Носилъ фуражку на-бекрень;
Имѣлъ онъ гадкую посадку:
Неловко гнулся напередъ
И не тянулъ носка онъ въ пятку,
Какъ долженъ всякій патріотъ.

Но если вы когда ѣзжали
Смотрѣть россійскій нашъ балетъ,
То, вѣрно, въ креслахъ замѣчали
Его внимательный лорнетъ...
Одна изъ дѣвъ ему сначала
Дней девять сряду отвѣчала,
Въ десятый день онъ былъ забытъ—
Съ толпою смѣшанъ волокитъ.
Всѣ жесты, вздохи, объясненья
Не помогали ничего...
И зародился пламень мщенья
Въ душѣ озлобленной его.

Маёшка былъ такихъ же правилъ:
Онъ лѣнь въ законъ себѣ поставилъ,
Домой съ дежурства уѣзжалъ,
Хотя и дома былъ безъ дѣла;
Порою разсуждалъ онъ смѣло,
Но чаще онъ не разсуждалъ.
Разгульной жизни отпечатокъ
Иные замѣчали въ немъ;
Печалей будущихъ задатокъ
Хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ;
Его покоя не смущало,
Что не касалось до него;
Насмѣшекъ гибельное жало
Броню желѣзную встрѣчало
Надъ самолюбіемъ его.
Слова онъ вѣсилъ осторожно,
И опрометчивъ былъ въ дѣлахъ;
Порою, трезвый—вралъ безбожно,
И молчаливъ былъ—на пирахъ,
Характеръ вовсе безполезный
И для друзей и для враговъ...
Увы! читатель мой любезный,
Что жъ дѣлать мнѣ—онъ былъ таковъ!
. . . . . .

Осталось средство имъ одно —
Перекрестясь, прыгнуть въ окно.
Опасенъ подвигъ дерзновенный
И не спосить имъ головы;
Но въ нихъ проснулся духъ военный:
Прыгъ, прыгъ—и были таковы!...

КАЗНАЧЕЙША.

Играй, да не отыгрывайся.
Пословица.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Пускай слыву я старовѣромъ—
Мнѣ все равно—я даже радъ;
Пишу Онѣгина размѣромъ:
Пою, друзья, на старый ладъ.
Прошу послушать эту сказку;
Ея нежданную развязку
Одобрите, быть можетъ, вы
Склоненьемъ легкимъ головы.
Обычай древній наблюдая,
Мы благодѣтельнымъ виномъ
Стихи негладкіе запьемъ—
И пробѣгутъ они, хромая,
За мирною своей семьей
Къ рѣкѣ забвенья на покой.

I.

Тамбовъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда;
Онъ прежде городъ былъ опальный,
Теперь же, право, хоть куда!
Тамъ есть три улицы прямыя,
И фонари и мостовыя;
Тамъ два трактира есть: одинъ
Московскій, а другой Берлинъ;
Тамъ есть еще четыре будки,
При нихъ два будочника есть,
По формѣ отдаютъ вамъ честь,
И смѣна имъ два раза въ сутки;
. . . . . .
Короче, славный городокъ!

II.

Но скука, скука, Боже правый,
Гоститъ и тамъ, какъ надъ Невой,
Поитъ васъ прѣсною отравой
Ласкаетъ черствою рукой.
И тамъ есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И тамъ нѣтъ средства отъ глущовъ
И музыкальныхъ вечеровъ;
И тамъ есть дамы — просто, чудо!
Діаны строгія въ чепцахъ,
Съ отказомъ вѣчнымъ на устахъ.
При нихъ нельзя подумать худо:
Въ глазахъ грѣховное прочтутъ
И васъ осудятъ, проклянутъ.

III.

Вдругъ оживился кругъ дворянскій,
Губернскихъ дѣвъ нельзя узнать,
Пришло извѣстье: полкъ уланскій
Въ Тамбовѣ будетъ зимовать.
Уланы, ахъ! такіе хваты!...
Полковникъ, вѣрно, неженатый;
А ужъ бригадный генералъ
Конечно дастъ блестящій балъ.
У матушекъ сверкнули взоры;
За то, несносные скупцы,
Неумолимые отцы
Пришли въ раздумье: сабли, шпоры—
Бѣда для крашеныхъ половъ...
Такъ волновался весь Тамбовъ.

IV.

И вотъ однажды утромъ рано
Въ часъ лучшій дѣвственнаго сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядываетъ Цна,
Когда лишь куполы собора
Роскошно золотитъ Аврора,
И, тишины извѣстный врагъ,
Еще безмолвствовалъ кабакъ,
. . . . . .
. . . . . .
Уланы справа по шести
Вступили въ городъ; музыканты,
Дремля на лошадяхъ своихъ,
Играли маршъ изъ Двухъ Слѣпыхъ.

V.

Услыша ласковое ржанье
Желанныхъ вороныхъ коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тутъ не запрыгало сильнѣй?
Забыта жаркая перина...
„Малашка, дура! Катерина!
„Скорѣе туфли и платокъ!
„Да гдѣ Иванъ? какой мѣшокъ!
„Два года ставни отворяютъ...“
Вотъ ставни настежъ. Цѣлый домъ
Третъ стекла тусклыя сукномъ—
И любопытно пробѣгаютъ
Глаза опухшіе дѣвицъ
Ряды суровыхъ, пыльныхъ лицъ.

VI.

„Ахъ, посмотри сюда, кузина,
Вотъ этотъ!„—Гдѣ? майоръ? „О, нѣтъ!
Какъ онъ хорошъ, а конь—картина!
Да жаль—онъ, кажется, корнетъ...
Какъ ловко, смѣло избочился...
Повѣришь ли, онъ мнѣ приснился...
Я послѣ не могла уснуть...“
И тутъ дѣвическая грудь
Косынку тихо поднимаетъ—
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взоръ живой.
Но полкъ прошелъ. За нимъ мелькаетъ
Толпа мальчишекъ городскихъ,
Немытыхъ, шумныхъ и босыхъ.

VII.

Противъ гостинницы Московской—
Притона буйныхъ усачей—
Жилъ нѣкто господинъ Бобковскій,
Губернскій старый казначей.
Давно былъ домъ его построенъ;
Хотя невзраченъ, но спокоенъ;
Межъ двухъ облупленныхъ колоннъ
Держался кое-какъ балконъ.
На кровлѣ треснувшія доски
Зеленымъ мохомъ поросли,
За то предъ окнами цвѣли
Четыре стриженыхъ березки:
Взамѣнъ гардинъ и пышныхъ сторъ—
Невинной роскоши уборъ.

VIII.

Хозяинъ былъ старикъ угрюмый,
Съ огромной лысой головой.
Отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой
Онъ жилъ, какъ съ собственной казной.
Въ пучинахъ сумрачныхъ разсчета
Блуждать была его охота,
И потому онъ былъ игрокъ
[Его единственный порокъ].
Любилъ налѣво и направо
Онъ въ зимній вечеръ прометнуть,
Четвертый кушъ перечеркнуть,
Рутёркой понтирнуть со славой,
И талью сквернную порой
Запить цимлянскаго струей.

IX.

Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ,
Трибунъ тамбовскихъ удальцовъ,
Гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ
И воспитатель ихъ сынковъ.
Его краплёныя колоды
Не разъ невинные доходы
Съ индѣекъ, масла и овса
Вдругъ пожирали въ полчаса.
Губернскій врачъ, судья, исправникъ—
Таковъ его всегдашній кругъ;
Послѣдній былъ дѣлецъ и другъ,
И за столомъ такой забавникъ,
Что казначейша иногда
Сгоритъ, бывало, отъ стыда.

X.

Я не повѣдалъ вамъ, читатель,
Что казначей мой былъ женатъ.
Благословилъ его Создатель,

Ославъ ему въ супругѣ кладъ.
Ее цѣнилъ онъ тысячъ во сто,
Хотя держалъ довольно просто
И не выписывалъ чепцовъ
Ей изъ столичныхъ городовъ.
Предавъ ей таинства науки,
Какъ бросить вздохъ, иль томный взоръ,
Чтобъ легче влюбчивый понтёръ
Не разглядѣлъ проворной штуки,
Межъ тѣмъ догадливый старикъ
Съ глазъ не спускалъ ее на мигъ.

XI.

И впрямъ, Авдотья Николавна
Была прелакомый кусокъ.
Идетъ, бывало, гордо, плавно—
Чуть тронетъ землю башмачекъ.
Въ Тамбовѣ не запомнятъ люди
Такой высокой, полной груди:
Бѣла какъ сахаръ, такъ нѣжна,
Что жилка каждая видна.
Казалося, для нѣжной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну, что такое бирюза?
Что небо? Впрочемъ, я отчасти
Поклонникъ голубыхъ очей,
И не гожусь въ число судей.

XII.

А этотъ носикъ! эти губки—
Два свѣжихъ розовыхъ листка!
А перламутровые зубки,
А голосъ сладкій, какъ мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто *р* произносила,
Но этотъ маленькій порокъ
Кто извинить бы въ ней не могъ?
Любилъ трепать ея ланиты,
Разнѣжась, старый казначей.
Какъ жаль, что не было дѣтей
У нихъ! . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XIII.

Для бо́льшей ясности романа
Здѣсь объявить мнѣ вамъ пора,
Что страстно влюблена въ улана
Была одна ея сестра.
Она, какъ должно, тайну эту
Открыла Дунѣ по секрету.
Вамъ не случалось двухъ сестеръ
Замужнихъ слышать разговоръ?
О чемъ тутъ, Боже справедливый,
Не судятъ милыя уста!
О, русскихъ нравовъ простота!
Я, право, человѣкъ нелживый—
А изъ-за ширмовъ раза два
Такія слышалъ я слова...

XIV.

Итакъ тамбовская красотка
Цѣнить умѣла ужъ усы.
. . . . . .
. . . . . .
Что жъ? знаніе ее сгубило!
Одинъ уланъ повѣса милый
[Я вмѣстѣ часто съ нимъ бывалъ],
Въ трактирѣ нумеръ занималъ
Окно въ окно съ ея уборной.
Онъ былъ мужчина въ тридцать лѣтъ:
Штабсъ-ротмистръ, строенъ какъ корнетъ;
Взоръ пылкій, усъ довольно-черный:
Короче, идеалъ дѣвицъ,
Одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.

XV.

Онъ все отцовское имѣнье
Еще корнетомъ прокутилъ;
Съ тѣхъ поръ дарами провидѣнья,
Какъ птица Божія, онъ жилъ.
Онъ спать, лежать привыкъ, не вѣдать—
Чѣмъ будетъ завтра пообѣдать.
Шатаясь по Руси кругомъ,
То на курьерскихъ, то верхомъ,

*

То полупьянымъ ремонтёромъ,
То волокитой отпускнымъ,
Привыкъ онъ къ случаямъ такимъ,
Что я бы самъ почелъ ихъ вздоромъ,
Когда бы всѣ его слова
Хоть тѣнь имѣли хвастовства.

XVI.

Страстьми земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда.
. . . . . .
. . . . . .
Бывало, въ дѣлѣ, подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшитъ надутой рѣчью,
Гримасой, фарсой площадной,
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя, однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Шутя и самъ онъ легъ бы въ гробъ,
Иль сталъ душою заговора;
Порой, незлобенъ, какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ, но шутя.

XVII.

Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать;
Не дѣлалъ страстныхъ изъясненій,
Не становился на колѣни;
А не смотря на то, друзья,
Счастливѣй былъ, чѣмъ вы и я.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Таковъ-то былъ штабсъ-ротмистръ Гаринъ:
По крайней мѣрѣ мой портретъ
Былъ схожъ тому назадъ пять лѣтъ.

XVIII.

Спѣшилъ о рѣдкостяхъ Тамбова
Онъ у трактирщика узнать.
Узналъ немало онъ смѣшнова—
Интригъ секретныхъ шесть иль пять;
Узналъ, невѣсты какъ богаты,
Гдѣ свахи водятся, иль сваты;
Но занялъ болѣе всего
Мысль безпокойную его
Разсказъ о молодой сосѣдкѣ.
„Бѣдняжка!“ думаетъ уланъ:
„Такой безжизненный болванъ
Имѣетъ право въ этой клѣткѣ
Тебя стеречь! и я, злодѣй,
Не тронусь участью твоей?“

XIX.

Къ окну поспѣшно онъ садится,
Надѣвъ персидскій архалукъ;
Въ устахъ его едва дымится
Узорный, бисерный чубукъ.
На кудри мягкія надѣта
Ермолка вишневаго цвѣта
Съ каймой и кистью золотой—
Даръ молдаванки молодой.
Сидитъ и смотритъ онъ прилежно...
Вотъ, промелькнувши какъ во мглѣ,
Обрисовался на стеклѣ
Головки милой профиль нѣжный;
Вотъ будто стукнуло окно...
Вотъ отворяется оно.

XX.

Еще безмолвенъ городъ сонный;
На окнахъ блещетъ утра свѣтъ;
Еще по улицѣ мощеной
Не раздается стукъ каретъ...
Что жъ казначейшу молодую
Такъ рано подняло? Какую
Назвать причину повѣрнѣй?
Ужъ не безсонница ль у ней?...

На ручку опершись головкой,
Она вздыхаетъ, а въ рукѣ
Чулокъ; но дѣло не въ чулкѣ—
Заняться этимъ намъ неловко...
И если правду ужъ сказать,
Ну, кстати ль было бъ ей вязать?

XXI.

Сначала взоръ ея прелестный
Бродилъ по синимъ небесамъ,
Потомъ склонился къ подпебесной
И вдругъ... какой позоръ и срамъ!
Напротивъ, у окна трактира,
Сидитъ мужчина безъ мундира.
Скорѣй, штабсъ-ротмистръ, вашъ сюртукъ!
И подѣломъ... окошко стукъ...
И скрылось милое видѣнье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На васъ навѣяла бъ смущенье;
Но я отдамъ улану честь—
Онъ молвилъ: „что жъ? начало есть!“

XXII.

Два дня окно не отворялось.
Онъ терпѣливъ. На третій день
На стеклахъ снова показалась
Ея плѣнительная тѣнь.
Тихонько рама заскрипѣла;
Она съ чулкомъ къ окну подсѣла.
Но опытный замѣтилъ взглядъ
Ея заботливый нарядъ.
Своей удачею довольный,
Онъ всталъ и вышелъ со двора—
И не вернулся до утра.
Потомъ, хоть было очень больно,
Собравъ запасъ душевныхъ силъ,
Три дня къ окну не подходилъ.

XXIII.

Но эта маленькая ссора
Имѣла участь нѣжныхъ ссоръ:
Межъ нихъ завѣлся очень скоро
Нѣмой, но внятный разговоръ.
Языкъ любви—языкъ чудесный
Одной лишь юности извѣстный—
Кому, кто разъ хоть былъ любимъ,
Не сталъ ты языкомъ роднымъ?
Въ минуту страстнаго волненья
Кому хоть разъ ты не помогъ
Близъ милыхъ устъ, у милыхъ ногъ?
Кого подъ игомъ принужденья,
Въ толпѣ завистливой и злой,
Не спасъ ты, чудный и живой?

XXIV.

Скажу короче: въ двѣ недѣли
Нашъ Гаринъ твердо могъ узнать,
Когда она встаетъ съ постели,
Пьетъ съ мужемъ чай, идетъ гулять,
Отправится ль она къ обѣдни—
Онъ въ церкви, вѣрно, не послѣдній:
Къ сырой колоннѣ прислонясь,
Стоитъ, все время не крестясь.
Лучемъ краснѣющей лампады
Его лицо озарено:
Какъ мрачно, холодно оно!
А испытующіе взгляды
То вдругъ померкнутъ, то блестятъ—
Проникнуть въ грудь ея хотятъ.

XXV.

Давно разрѣшено сомнѣнье,
Что любопытенъ нѣжный полъ.
Уланъ большое впечатлѣнье
На казначейшу произвелъ
Своею странностью. Конечно,
Не надо было въ мысли грѣшной
Дорогу въ сердце пролагать,

Ее бояться и ласкать!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Жизнь безъ любви такая скверность!
А что, скажите, за предметъ
Для страсти мужъ, который сѣдъ?

XXVI.

Но время шло. „Пора къ развязкѣ!“
Такъ говорилъ любовникъ мой.
„Вздыхаютъ молча только въ сказкѣ,
А я не сказочный герой.“
Разъ входитъ, кланяясь пренизко,
Лакей.—Что это?—„Вотъ-съ записка;
Вамъ баринъ кланяться велѣлъ-съ;
Самъ не пріѣхалъ—много дѣлъ-съ;
Да приказалъ васъ звать къ обѣду,
А вечеркомъ потанцовать.
Онъ самъ изволилъ такъ сказать.“
— Ступай, скажи, что я пріѣду—
И въ три часа, надѣвъ колетъ,
Летитъ штабсъ-ротмистръ на обѣдъ.

XXVII.

Амфитріонъ былъ предводитель—
И въ день рожденія жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвалъ губернскіе чины
И цѣлый полкъ. Хотя бригадный
Заставилъ ждать себя изрядно
И послѣ цѣлый день зѣвалъ.
Но праздникъ въ томъ не потерялъ.
Онъ былъ устроенъ очень мило;
Въ огромныхъ вазахъ по столамъ
Стояли яблоки для дамъ;
А для мужчинъ въ буфетѣ было
Еще съ утра принесено
Въ большихъ трехъ ящикахъ вино.

XXVIII.

Впередъ подъ-ручку съ генеральшей
Пошелъ хозяинъ. Вотъ за столъ
Усѣлся отъ мужчинъ подальше
Прекрасный, но стыдливый полъ,
И дружно загремѣлъ съ балкона,
Средь утѣшительнаго звона
Тарелокъ, ложекъ и ножей,
Весь хоръ уланскихъ трубачей.
Обычай древній, но прекрасный:
Онъ возбуждаетъ аппетитъ,
Порою кстати заглушитъ
Межъ двухъ сосѣдей говоръ страстный;
Но въ наше время рѣшено,
Что все старинное—смѣшно.

XXIX.

Родовъ, обычаевъ боярскихъ
Теперь и слѣду не ищи,
И только на пирахъ гусарскихъ
Гремятъ, какъ прежде, трубачи.
О, скоро ль мнѣ придется снова
Сидѣть среди кружка родного,
Съ бокаломъ влаги золотой,
При звукахъ пѣсни полковой?
И скоро ль ментиковъ червонныхъ
Привѣтный блескъ увижу я,
Въ тотъ сѣрый часъ, когда заря
На строй гусаровъ полусонныхъ
И на бивакъ ихъ у лѣска,
Бросаетъ лучъ изподтишка?

XXX.

Съ Авдотьей Николавной рядомъ
Сидѣлъ штабсъ-ротмистръ удалой:
Впился въ нее упрямымъ взглядомъ,
Крутя усы одной рукой.
Онъ видѣлъ, какъ въ ней сердце билось...
И вдругъ—не знаю, какъ случилось—
Ноги ея, иль башмачка,

Коснулся шпорой онъ слегка.
Тутъ начались извиненья
И завязался разговоръ;
Два комплимента, нѣжный взоръ —
И ужъ дошло до изъясненья...
Да, да, какъ честный офицеръ!
Но казначейша не примѣръ.

XXXI.

Она, въ отвѣтъ на нѣжный шопотъ,
Нѣмой восторгъ спѣша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкій опытъ
Ему рѣшилась предложить—
Таковъ обычай деревенскій!
Помучить—способъ самый женскій.
Но ужъ давно извѣстна намъ
Любовь друзей и дружба дамъ!
Какое адское мученье
Сидѣть весь вечеръ tête-à-tête,
Съ красавицей въ осьмнадцать лѣтъ!
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXXII.

Вобще, я могъ, въ году послѣднемъ,
Въ дѣвицахъ нашихъ городскихъ
Замѣтить страсть къ воздушнымъ бред-
нямъ
И мистицизму. Бойтесь ихъ!
Такая мудрая супруга,
Въ часы любовнаго досуга,
Вамъ вдругъ захочетъ доказать,
Что 2 и 3 совсѣмъ не пять;
Иль, вмѣсто пламенныхъ лобзаній,
Магнитизировать начнетъ—
И счастливъ мужъ, коли заснетъ!...
Плоды подобныхъ замѣчаній,
Конечно бъ, могъ не вѣдать міръ,
Но польза, польза—мой кумиръ.

XXXIII.

Я балъ описывать не стану,
Хоть это былъ блестящій балъ.
Весь вечеръ моему улану
Амуръ прилежно помогалъ.
Увы! . . . . . .
Не вѣруютъ Амуру нынѣ;
Забытъ любви волшебный царь;
Давно остылъ его алтарь!
Но за столичнымъ просвѣщеньемъ
Провинціалы не спѣшатъ;
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

XXXIV.

И сердце Дуни покорилось;
Его сковалъ могучій взоръ...
Ей дома цѣлу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпоръ.
Поутру, вставъ часу въ девятомъ,
Садится въ шлафорѣ измятомъ
Она за вѣчную канву—
Все тотъ же сонъ и наяву.
По службѣ занятъ мужъ ревнивый,
Она одна—разгулъ мечтамъ!
Вдругъ дверью стукнули. „Кто тамъ?
Андрюшка! Ахъ, тюлень лѣнивый!...
Вотъ чей-то шагъ—и передъ ней
Явился... только не Андрей.

XXXV.

Вы отгадаете, конечно,
Кто этотъ гость нежданый былъ.
Немного, можетъ быть, поспѣшно
Любовникъ смѣлый поступилъ;
Но, впрочемъ, взявши въ разсмотрѣнье
Его минувшее терпѣнье,
И разсудивъ, легко поймешь,
Зачѣмъ рискуетъ молодежь.
Кивнувъ легонько головою,

Онъ къ Дунѣ молча подошелъ,
И на лицо ея навелъ
Взоръ, отуманенный тоскою;
Потомъ сталъ длинный усъ крутить,
Вздохнулъ и началъ говорить:

XXXVI.

„Я вижу, вы меня не ждали—
Прочесть легко изъ вашихъ глазъ;
Ахъ! вы еще не испытали,
Что въ страсти значитъ день, что часъ!
Среди сердечнаго волненья
Нѣтъ силъ, нѣтъ власти, нѣтъ терпѣнья.
Я здѣсь—на все рѣшился я...
Тебѣ я преданъ... ты моя!
Ни мелочные толки свѣта,
Ничто, ничто не страшно мнѣ;
Презрѣнье свѣтской болтовнѣ—
Иль я умру отъ пистолета...
О, не пугайся, не дрожи!
Вѣдь я любимъ—скажи, скажи!...

XXXVII.

И взоръ его притворно-скромный,
Склоняясь къ ней, то угасалъ,
То, разгораясь страстью томной
Огнемъ сверкающимъ пылалъ.
Блѣдна, въ смущеньи оставалась
Она предъ нимъ... Ему казалось,
Что чрезъ минуту для него
Любви наступитъ торжество...
Какъ вдругъ внезапный и невольный
Стыдъ овладѣлъ ея душой—
И, вспыхнувъ вся, она рукой
Толкнула прочь его: „довольно!
Молчите—слышать не хочу!
Оставите ль?... я закричу!...

XXXVIII.

Онъ смотритъ: это не притворство,
Не шутки—какъ ни говори—
А просто, женское упорство,
Капризы—чортъ ихъ побери!
И вотъ... о, верхъ всѣхъ униженій!
Штабсъ-ротмистръ преклонилъ колѣни
И молитъ жалобно... Какъ вдругъ
Дверь настежь—и въ дверяхъ супругъ.
Красотка „ахъ!“ Они взглянули
Другъ другу сумрачно въ глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гаринъ вышелъ. Дома пули
И пистолеты снарядилъ,
Присѣлъ—и трубку закурилъ.

XXXIX.

И черезъ часъ ему приноситъ
Записку грязную лакей.
Что это? Чудо! нынче проситъ
Къ себѣ на вистикъ казначей:
Онъ именинникъ—будутъ гости...
Отъ удивленія и злости
Чуть не задохся нашъ герой.
Ужъ не обманъ ли тутъ какой?
Весь день проводитъ онъ въ волненьи,
Насталъ и вечеръ наконецъ.
Глядитъ въ окно: каковъ хитрецъ—
Домъ полонъ; что за освѣщенье!
А все—засунуть, или нѣтъ,
Въ карманъ, на случай, пистолетъ?

XL.

Онъ входитъ въ домъ. Его встрѣчаетъ
Она сама, потупя взоръ.
Вздохъ полновѣсный прерываетъ
Едва начатый разговоръ.
О сценѣ утренней ни слова.
Они другъ другу чужды снова.
Онъ о погодѣ говоритъ;
Она—„да-съ“, „нѣтъ-съ“, и замолчитъ...
Измученъ тайною досадой,
Идетъ онъ дальше въ кабинетъ...
Но здѣсь спѣшить намъ нужды нѣтъ,
Притомъ спѣшить нигдѣ не надо.
Итакъ, позвольте отдохнуть,
А тамъ докончимъ какъ нибудь.

XLI.

Я жить спѣшилъ въ былые годы,
Искалъ волненій и тревогъ;
Законы мудрые природы
Я безразсудно пренебрегъ.
Что жъ вышло? Право, смѣхъ и жалость!
Сковала душу мнѣ усталость,
А сожалѣнье день и ночь
Твердитъ о прошломъ. Чѣмъ помочь?
Назадъ не возвратятъ усилья.
Такъ въ клѣткѣ молодой орелъ,
Глядя на горы и на долъ,
Напрасно не подъемлетъ крылья,
Кровавой пищи не клюетъ,
Сидитъ, молчитъ и смерти ждетъ.

XLII.

Ужель исчезъ ты возрастъ милый,
Когда все сердцу говоритъ,
И бьется сердце съ дивной силой,
И мысль восторгами кипитъ?
Не все жъ томиться безполезно
Орлу за клѣткою желѣзной.
Онъ свой воздушный прежній путь
Еще найдетъ когда нибудь,
Туда, гдѣ снѣгомъ и туманомъ
Одѣты темныя скалы,
Гдѣ гнѣзда вьютъ одни орлы,
Гдѣ тучи бродятъ караваномъ—
Тамъ можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь.

XLIII.

Но есть всему конецъ на свѣтѣ
И даже выспреннимъ мечтамъ.
Ну, къ дѣлу. Гаринъ въ кабинетѣ...
О, чудеса! хозяинъ самъ
Его встрѣчаетъ съ восхищеньемъ,
Сажаетъ, подчуетъ вареньемъ,
Несетъ шампанскаго стаканъ.
„Іуда!“ мыслитъ мой уланъ.
Толпа гостей тѣснилась шумно
Вокругъ зеленаго стола;
Игра ужъ дѣльная была,
И банкъ притомъ благоразумный.
Его держалъ самъ казначей
Для облегченія друзей.

XLIV.

И такъ какъ господинъ Бобковскій
Великимъ дѣломъ занятъ самъ,
То здѣсь блестящій кругъ тамбовскій
Позвольте мнѣ представить вамъ.
Во-первыхъ, господинъ совѣтникъ—
Блюститель нравовъ, мирный сплетникъ,
. . . . . .
. . . . . .
А вотъ уѣздный предводитель—
Весь спрятанъ въ галстухъ, фракъ до пятъ,
Дискантъ, усы и мутный взглядъ;
А вотъ спокойствія рачитель
Сидитъ и самъ исправникъ... но
Объ немъ ужъ я сказалъ давно.

XLV.

Вотъ въ полуфрачкѣ, раздушоный,
Временъ новѣйшихъ Митрофанъ,
Нетёсаный, недоученый,
А ужъ безнравственный болванъ.
Довѣрье полное имѣя
Къ игрѣ и знанью казначея,
Онъ понтируетъ какъ велятъ—
И этой чести очень радъ.
Еще тутъ были... но довольно,
Читатель милый, будетъ съ васъ;
И такъ несвязный мой разсказъ,
Перу покорствуя невольно
И своенравію чернилъ,
Богъ знаетъ чѣмъ я испестрилъ.

XLVI.

Пошла игра. Одинъ, блѣднѣя,
Рвалъ карты, вскрикивалъ; другой,
Повѣрить проигрышъ не смѣя,

Сидѣлъ съ поникшей головой.
Иные, при удачной тальи,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкометъ
Былъ нѣмъ и мраченъ. Хладный потъ
По гладкой лысинѣ струился.
Онъ все проигрывалъ до-тла.
Въ ушахъ его: дана, взяла!
Такъ и звучали. Онъ взбѣсился—
И проигралъ свой старый домъ,
И все, что въ немъ, или при немъ.

XLVII.

Онъ проигралъ коляску, дрожки,
Трехъ лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче—все, все до-чиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидѣлъ онъ блѣдный и безмолвный.
Ужъ было за-полночь. Треща,
Одна погасла ужъ свѣча.
Свѣтъ утра синевато-блѣдный
Вдоль по туманнымъ небесамъ
Скользилъ. Ужъ многимъ игрокамъ
Сонъ прогулять казалось вредно,
Какъ вдругъ, очнувшись, казначей
Вниманья проситъ у гостей.

XLVIII.

И проситъ важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но съ тѣмъ, чтобъ отыграть имѣнье,
Иль „проиграть ужъ и жену“.
О страхъ! о ужасъ! о злодѣйство!
И какъ донынѣ казначейство
Еще терпѣть его могло!
Всѣхъ будто варомъ обожгло.
Уланъ одинъ прехладнокровно
Къ нему подходитъ. „Очень радъ!“
Онъ говоритъ: „пускай шумятъ;
Мы дѣло кончимъ полюбовно;
Но только, чуръ, не плутовать—
Иначе, вамъ не сдобровать!“

XLIX.

Теперь кружокъ понтёровъ праздныхъ
Вообразить прошу я васъ,
Цвѣта ихъ лицъ разнообразныхъ,
Блистанье ихъ очковъ и глазъ,
Потомъ усастаго героя,
Который понтируетъ стоя;
Противъ него, межъ двухъ свѣчей,
Огромный лобъ, сѣдыхъ кудрей
Покрытый рѣдкими клочками,
Улыбкой вытянутый ротъ
И двѣ руки съ колодой—вотъ
И вся картина передъ вами,
Когда прибавимъ вдалекѣ
Жену на креслахъ, въ уголкѣ.

L.

Что въ ней тогда происходило—
Я не берусь вамъ объяснить;
Ея лицо изобразило
Такъ много мукъ, что, можетъ быть,
Когда бы вы ихъ разгадали,
Вы поневолѣ бъ зарыдали.
Но пусть участія слеза
Не отуманитъ вамъ глаза:
Смѣшно участье въ человѣкѣ,
Который жилъ и знаетъ свѣтъ.
Разсказы вымышленныхъ бѣдъ
Въ чувствительномъ прошедшемъ вѣкѣ
Немало проливали слезъ...
Кто жъ въ этомъ выигралъ?—вопросъ.

LI.

Недолго битва продолжалась.
Уланъ отчаянно игралъ,
Надъ старикомъ судьба смѣялась—
И жребій выпалъ... часъ насталъ...
Тогда Авдотья Николавна,
Вставъ съ креселъ, медленно и плавно
Къ столу, въ молчаньи, подошла—
Но только цвѣтъ ея чела

Былъ страшно блѣденъ. Обомлѣла
Толпа. Всѣ ждутъ чего нибудь—
Упрековъ, жалобъ, слезъ... Ничуть!
Она на мужа посмотрѣла
И бросила ему въ лицо
Свое вѣнчальное кольцо—

LII.

И въ обморокъ. Ее въ охапку
Схвативъ, съ добычей дорогой,
Забывъ разсчеты, саблю, шапку,
Уланъ отправился домой...
Поутру вѣстію забавной
Смущенъ былъ городъ благонравный.
Недѣлю цѣлую спустя,
Кто очень важно, кто шутя,
Объ этомъ всѣ распространялись.
Старикъ защитниковъ нашелъ;
Улана проклялъ милый полъ—
За что? мы, право, не дознались.
Не зависть ли? Но нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!
Ухъ! я не выношу клеветъ.

LIII.

И вотъ конецъ печальной были,
Иль сказки—выражусь прямѣй.
Признайтесь, вы меня бранили?
Вы ждали дѣйствія, страстей?
Повсюду нынче ищутъ драмы,
Всѣ просятъ крови—даже дамы.
А я, какъ робкій ученикъ,
Остановился въ лучшій мигъ:
Простымъ нервическимъ припадкомъ
Неловко сцену заключилъ,
Соперниковъ не помирилъ,
И не поссорилъ ихъ порядкомъ...
Что жъ дѣлать!... Вотъ вамъ мой разсказъ,
Друзья; покамѣсть будетъ съ васъ.

РУСАЛКА.

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной:
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.

И шумя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла русалка—и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

И пѣла русалка: „На днѣ у меня
Играетъ мерцаніе дня;
Тамъ рыбокъ златыя гуляютъ стада,
Тамъ хрустальные есть города.

„И тамъ на подушкѣ изъ яркихъ песковъ,
Подъ тѣнью густыхъ тростниковъ,
Спитъ витязь, добыча ревнивой волны,
Спитъ витязь чужой стороны.

„Разчесывать кольца шелкóвыхъ кудрей
Мы любимъ во мракѣ ночей,
И въ чело и въ уста мы въ полуденный часъ
Цѣловали красавца не разъ.

„Но къ страстнымъ лобзаньямъ, не знаю зачѣмъ,
Остается онъ хладенъ и нѣмъ;
Онъ спитъ—и, склонившись на перси ко мнѣ,
Онъ не дышетъ, не шепчетъ во снѣ!...“

Такъ пѣла русалка надъ синей рѣкой,
Полна непонятной тоской;
И шумно катясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака.

ЕВРЕЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

[изъ БАЙРОНА].

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И если не навѣкъ надежды рокъ унесъ—
Онѣ въ груди моей проснутся,
И если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она;
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

[изъ БАЙРОНА].

Какъ одинокая гробница
Вниманье путника зоветъ,
Такъ эта блѣдная страница
Пусть милый взоръ твой привлечетъ.

И если послѣ многихъ лѣтъ
Прочтешь ты, какъ мечталъ поэтъ,
И вспомнишь, какъ тебя любилъ онъ,
То думай, что его ужъ нѣтъ,
Что сердце здѣсь похоронилъ онъ.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ.

J see before me the gladiator lie...
Byron.

Ликуетъ буйный Римъ... торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена—
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ:
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что̀ яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ прѣзрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ—послѣднія мгновенья
Мелькаютъ—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
„Прости, развратный Римъ!—прости, о край родной!“

ДВА ВЕЛИКАНА.

Въ шапкѣ золота литаго
Старый русскій великанъ
Поджидалъ къ себѣ другаго
Изъ далекихъ чуждыхъ странъ.

За горами, за долами
Ужъ гремѣлъ о немъ разсказъ,
И помѣряться главами
Захотѣлось имъ хоть разъ.

И пришелъ съ грозой военной
Трехнедѣльный удалецъ,
И рукою дерзновенной
Хвать за вражескій вѣнецъ.

Но улыбкой роковою
Русскій витязь отвѣчалъ—
Посмотрѣлъ, тряхнулъ главою:
Ахнулъ дерзкій—и упалъ...

Но упалъ онъ въ дальнемъ морѣ
На невѣдомый гранитъ,
Тамъ, гдѣ буря на просторѣ
Надъ пучиною шумитъ.

ЖЕЛАНІЕ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море,
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

*
* *

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской,
И какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!...
Придетъ ли вѣстникъ избавленья
Открыть мнѣ жизни назначенье,
Цѣль упованій и страстей;
Повѣдать, что мнѣ Богъ готовилъ,
Зачѣмъ такъ горько прекословилъ
Надеждамъ юности моей?

Землѣ я отдалъ дань земную
Любви, надеждъ, добра и зла.
Начать готовъ я жизнь другую...
Молчу и жду... Пора пришла...
Я въ мірѣ не оставлю брата;
И тьмой и холодомъ объята
Душа усталая моя:
Какъ ранній плодъ, лишенный сока,
Она увяла въ буряхъ рока
Подъ знойнымъ солнцемъ бытія.

ЭПИГРАММА

НА ДРАМУ КУКОЛЬНИКА „СКОПИНЪ ШУЙСКІЙ“.

Въ Большомъ театрѣ я сидѣлъ.
Давали Скопина. Я слушалъ и смотрѣлъ.
Когда же занавѣсъ при плескахъ опустился,
Тогда сказалъ знакомый мнѣ одинъ:
Что, братецъ, жаль! вотъ умеръ и Скопинъ!
Ну, право, лучше бъ не родился.

* * *

Она поетъ—и звуки таютъ,
Какъ поцѣлуи на устахъ;
Глядитъ—и небеса играютъ
Въ ея божественныхъ глазахъ;
Идетъ ли—всѣ ея движенья,
Иль молвитъ слово—всѣ черты
Такъ полны чувства, выраженья,
Такъ полны дивной простоты!

* * *

Какъ небеса, твой взоръ блистаетъ
Эмалью голубой;
Какъ поцѣлуй, звучитъ и таетъ
Твой голосъ молодой.
За звукъ одинъ волшебной рѣчи,
За твой единый взглядъ,
Я радъ отдать красавца сѣчи—
Грузинскій мой булатъ...
И онъ порою сладко блещетъ,
Заманчиво звучитъ;
При звукѣ томъ душа трепещетъ
И въ сердцѣ кровь кипитъ;
Но жизнью бранной и мятежной
Не тѣшусь я съ тѣхъ поръ,
Какъ услыхалъ твой голосъ нѣжный
И встрѣтилъ милый взоръ!

МОЛИТВА.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу дѣву невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

Окружи счастіемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.

Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

1837.

НА СМЕРТЬ ПУШКИНА.

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести,
Поникнувъ гордой головой.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!... Къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ,
И жалкій лепетъ оправданья—
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы ль сперва такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И, для потѣхи, возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ...
Что жъ? Веселитесь!... Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!...
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что́ за диво?... Издалёка,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока,
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы:
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

*

И онъ погибъ и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милый,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой.
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душный
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ,
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ—
Онъ, съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновый,
Увитый лаврами, надѣли на него;
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело...
Отравлены его послѣднія мгновенья
Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ,
И умеръ онъ съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ...

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять,
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

*

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ,
Онъ недоступенъ звону злата,
И мысли и дѣла онъ знаетъ наперед.
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:

Оно вамъ не поможетъ вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

ВѢТКА ПАЛЕСТИНЫ.

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины:
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ,
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все также ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой
Стоишь ты вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

БОРОДИНО.

„Скажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнитъ вся Россія
Про день Бородина!“

—Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы!

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
„Что жъ мы? На зимнія квартиры?
Не смѣютъ что ли командиры
Чужіе изорвать мундиры
О русскіе штыки?“

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волѣ!
Построили редутъ.
У нашихъ ушки на макушкѣ!
Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки—
Французы тутъ-какъ-тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ.
Что толку въ этакой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
„Пора добраться до картечи!“
И вотъ на поле грозной сѣчи
Ночная пала тѣнь.

Прилегъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ бивакъ открытый:
Кто киверъ чистилъ весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось—
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнулъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да, жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
„Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!“
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.

Ну-жъ былъ денёкъ!... Сквозь дымъ летучій
Французы двинулись, какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами—
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена, какъ тѣни,
Въ дыму огонь блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...
Земля тряслась, какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди;
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой...

Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Заутра бой затѣять новый
И до конца стоять...
Вотъ затрещали барабаны—
И отступили басурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри—не вы!
Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля....
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

ПѢСНЯ

ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДАГО ОПРИЧНИКА И УДАЛАГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА.

Охъ ты гой еси, царь ИванъВасильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ,
И причитывали, да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А боярин Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго;
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I.

Не сіяетъ на небѣ солнце красное,
Не любуются имъ тучки синія:
То за трапезой сидитъ во златомъ вѣнцѣ,
Сидитъ грозный царь Иванъ Васильевичъ.
Позади его стоятъ стольники,
Супротивъ его все бояре да князья,
По бокамъ его все опричники;
И пируетъ царь во славу Божію,
Въ удовольствіе свое и веселіе.

Улыбаясь, царь повелѣлъ тогда
Вина сладкаго заморскаго
Нацѣдить въ свой золоченый ковшъ
И поднесть его опричникамъ.
— И всѣ пили, царя славили.

Лишь одинъ изъ нихъ, изъ опричниковъ,
Удалой боецъ, буйный молодецъ,
Въ золотомъ ковшѣ не мочилъ усовъ;
Опустилъ онъ въ землю очи темныя,
Опустилъ головушку на широку грудь—
А въ груди его была дума крѣпкая.

Вотъ нахмурилъ царь брови черныя
И навелъ на него очи зоркія,
Словно ястребъ взглянулъ съ высоты небесъ
На младаго голубя сизокрылаго—
Да не поднялъ глазъ молодой боецъ.
— Вотъ объ землю царь стукнулъ палкою,
И дубовый полъ на полчетверти—
Онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ—
Да не вздрогнулъ и тутъ молодой боецъ.
— Вотъ промолвилъ царь слово грозное—
И очнулся тогда добрый молодецъ.

„Гей ты, вѣрный нашъ слуга, Кирибѣевичъ,
Аль ты думу затаилъ нечестивую?
Али славѣ нашей завидуешь?
Али служба тебѣ честная прискучила?
Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются,
Что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью;
А которая въ тучку прячется—
Та стремглавъ на землю падаетъ...
Неприлично же тебѣ, Кирибѣевичъ,
Царской радостью гнушатися;
А изъ роду ты вѣдь Скуратовыхъ
И семьею ты вскормленъ Малютиной!..“

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Царю грозному въ поясъ кланяясь:

— Государь ты нашъ, Иванъ Васильевичъ!
Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную—не запотчивать!
А прогнѣвалъ я тебя—воля царская!

Прикажи казнить, рубить голову:
Тяготитъ она плечи богатырскія
И сама къ сырой землѣ она клонится.

И сказалъ ему царь Иванъ Васильевичъ:
„Да объ чемъ тебѣ, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтанъ?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закалёная
Иль конь захромалъ худо-кованый?
Или съ ногъ тебя сбилъ на кулачномъ бою,
На Москвѣ-рѣкѣ, сынъ купеческій?“

Отвѣчаетъ такъ Кирибѣевичъ,
Покачавъ головою кудрявою:

— Не родилась та рука заколдованная
Ни въ боярскомъ роду, ни въ купеческомъ;
Аргамакъ мой степной ходитъ весело;
Какъ стекло горитъ сабля вострая;
А на праздничный день, твоей милостью,
Мы не хуже другаго нарядимся.

—Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву-рѣку покататися,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную—
У воротъ стоятъ у тесовыихъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя, перешептываясь:
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой закрывается...

— На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебёдушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвитъ слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.
Во семьѣ родилась она купеческой,
Прозывается Алёной Дмитревной.

— Какъ увижу ее, я и самъ не свой:
Опускаются руки сильныя,
Помрачаются очи бойкія;
Скучно, грустно мнѣ, православный царь,
Одному по свѣту маяться.
Опостыли мнѣ кони легкіе,
Опостыли наряды парчёвые,
И не надо мнѣ золотой казны:
Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь?
Передъ кѣмъ покажу удальство свое?
Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь?...
Отпусти меня въ степи приволжскія,
На житье на вольное, на казацкое.
Ужъ сложу я тамъ буйную головушку
И сложу на копье басурманское;
И раздѣлятъ по себѣ злы татаровья
Коня добраго, саблю острую
И сѣдельце бранное черкасское.
Мои очи слезныя коршунъ выклюетъ,
Мои кости сирыя дождикъ вымоетъ,
И безъ по́хоронъ горемычный прахъ
На четыре стороны развѣется...

И сказалъ, смѣясь, Иванъ Васильевичъ:
„Ну, мой вѣрный слуга! я твоей бѣдѣ,
Твоему горю пособить постараюся.
Вотъ возьми перстенёкъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышлёной покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Алёнѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—праздну свадебку.
Не полюбишься—не прогнѣвайся“.

*

— Охъ ты гой еси, царь Иванъ Васильевичъ!
Обманулъ тебя твой лукавый рабъ,
Не сказалъ тебѣ правды истинной,
Не повѣдалъ тебѣ, что красавица
Въ церкви Божіей перевѣнчана,
Перевѣнчана съ молодымъ купцомъ
По закону нашему христіанскому...

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

II.

За прилавкою сидитъ молодой купецъ,
Статный молодецъ Степанъ Парамоновичъ,
По прозванію Калашниковъ;
Шелковые товары раскладываетъ,
Рѣчью ласковой гостей онъ заманиваетъ,
Злато, серебро пересчитываетъ.
Да не добрый день задался ему:
Ходятъ мимо баре богатые,
Въ его лавочку не заглядываютъ.

Отзвонили вечерню во святыхъ церквахъ;
За Кремлемъ горитъ заря туманная,
Набѣгаютъ тучки на небо—
Гонитъ ихъ метелица, распѣваючи;
Опустѣлъ широкій гостиный дворъ.
Запираетъ Степанъ Парамоновичъ
Свою лавочку дверью дубовою
Да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною;
Злаго пса-ворчуна зубастаго
На желѣзную цѣпь привязываетъ.
И пошелъ онъ домой, призадумавшись,
Къ молодой хозяйкѣ, за Москву-рѣку.

И приходитъ онъ въ свой высокій домъ,
И дивится Степанъ Парамоновичъ:
Не встрѣчаетъ его молода жена,
Не накрытъ дубовый столъ бѣлой скатертью,
А свѣча передъ образомъ еле-теплится.
И кличетъ онъ старую работницу:
„Ты скажи, скажи, Еремѣевна,
А куда дѣвалась, затаилася
Въ такой поздній часъ Алёна Дмитревна?
А что дѣтки мои любезныя—
Чай забѣгались, заигралися,
Спозаранку спать уложилися?“
— Господинъ ты мой, Степанъ Парамоновичъ!
Я скажу тебѣ диво дивное:
Что къ вечернѣ пошла Алёна Дмитревна;
Вотъ ужъ попъ прошелъ съ молодой попадьей,
Засвѣтили свѣчу, сѣли ужинать—
А по-сю-пору твоя хозяюшка
Изъ приходской церкви не вернулася.
А что дѣтки твои малыя
Почивать не легли, не играть пошли—
Плачемъ плачутъ, все не унимаются.

И смутился тогда думой крѣпкою
Молодой купецъ Калашниковъ.
И онъ сталъ къ окну, глядитъ на улицу—
А на улицѣ ночь темнёхонька;
Валитъ бѣлый снѣгъ, разстилается,
Заметаетъ слѣдъ человѣческій.

Вотъ онъ слышитъ, въ сѣняхъ дверью хлопнули,
Потомъ слышитъ шаги торопливые;
Обернулся, глядитъ—сила крестная!
Передъ нимъ стоитъ молода жена,
Сама блѣдная простоволосая,
Косы русыя, расплетенныя
Снѣгомъ-инеемъ пересыпаны,
Смотрятъ очи мутныя, какъ безумныя;
Уста шепчутъ рѣчи непонятныя.

„Ужъ ты гдѣ, жена, жена шаталася,
На какомъ, на дворѣ, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одёжа вся твоя изорвана?
Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай, съ сынками все боярскими?...
Не на то предъ святыми иконами
Мы съ тобой, жена, обручалися,
Золотыми кольцами мѣнялися!...
Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...“

И услышавъ то, Алёна Дмитревна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, какъ листочекъ осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
Въ ноги мужу повалилася.

„Государь ты мой, красно-солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои рѣчи—будто острый ножъ;
Отъ нихъ сердце разрывается.
Не боюся смерти лютыя,
Не боюся я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

„Отъ вечерни я домой шла поневе
Вдоль по улицѣ одинёшенька.
И послышалось мнѣ, будто снѣгъ хруститъ;
Оглянулася—человѣкъ бѣжитъ.
Мои ноженьки подкосилися,
Шелковой фатой я закрылася,
И онъ сильно схватилъ меня за руки
И сказалъ мнѣ такъ тихимъ шопотомъ:
— Что пужаешься, красная красавица?
Я не воръ какой, душегубъ лѣсной,
Я слуга царя, царя грознаго,
Прозываюся Кирибѣевичемъ,
А изъ славной семьи изъ Малютиной...

„Испугалась я пуще прежняго;
Закружилась моя бѣдная головушка.
И онъ сталъ меня цаловать-ласкать,
И цалуя все приговаривалъ:
— Отвѣчай мнѣ, чего тебѣ надобно,
Моя милая, драгоцѣнная!
Хочешь золота, али жемчугу?
Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
Какъ царицу, я наряжу тебя,
Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый разъ на прощаніе!

„И ласкалъ онъ меня, цаловалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись, на насъ пальцемъ показывали...

„Какъ изъ рукъ его я рванулася
И домой стремглавъ бѣжать бросилась;
И остались въ рукахъ у разбойника
Мой узорный платокъ—твой подарочекъ,
И фата моя бухарская.
Опозорилъ онъ, осрамилъ меня,
Меня честную, непорочную—
И что скажутъ злыя сосѣдушки?
И кому на глаза покажусь теперь?

„Ты не дай меня, свою вѣрную жену,
Злымъ охульникамъ въ поруганіе!
На кого, кромѣ тебя, мнѣ надѣяться?
У кого просить стану помощи?
На бѣломъ свѣтѣ я сиротинушка:
Родной батюшка ужъ въ сырой землѣ,
Рядомъ съ нимъ лежитъ моя матушка;
А мой старшій братъ, самъ ты вѣдаешь,

На чужой сторонушкѣ пропалъ безвѣсти;
А меньшой мой братъ—дитя малое,
Дитя малое, неразумное...“

Говорила такъ Алёна Дмитревна;
Горючьми слезами заливалася.

Посылаетъ Степанъ Парамоновичъ
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонилися,
И такое слово ему молвили:
„Ты повѣдай намъ, старшой нашъ братъ,
Что съ тобой случилось, приключилося,
Что послалъ ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?“

— Я скажу вамъ, братцы любезные,
Что лиха бѣда со мною приключилася:
Опозорилъ семью нашу честную
Злой опричникъ царскій, Кирибѣевичъ;
А такой обиды не стерпѣть душѣ,
Да не вынести сердцу молодецкому.
Ужъ какъ завтра будетъ кулачный бой
На Москвѣ-рѣкѣ при самомъ царѣ,
И я выйду тогда на опричника,
Буду на-смерть биться, до послѣднихъ силъ;
А побьетъ онъ меня—выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробѣйте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свѣжѣй силою,
На васъ меньше грѣховъ накопилося,
Такъ авось Господь васъ помилуетъ!

И въ отвѣтъ ему братья молвили:
„Куда вѣтеръ дуетъ въ поднебесьи,
Туда мчатся и тучки послушныя;
Когда сизой орелъ зоветъ голосомъ
На кровавую долину побоища,
Зоветъ пиръ пировать, мертвецовъ убирать,
Къ нему малые орлята слетаются:
Ты нашъ старшій братъ, намъ второй отецъ;
Дѣлай самъ, какъ знаешь, какъ вѣдаешь;
А ужъ мы тебя, роднаго, не выдадимъ!“

*

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте—дѣло разумѣйте!
Ужъ потѣшьте вы добраго боярина
И боярыню его бѣлолицую!

III.

Надъ Москвой великой, златоглавою,
Надъ стѣной кремлевской, бѣлокаменной,
Изъ-за дальнихъ лѣсовъ, изъ-за синихъ горъ,
По тесовымъ кровелькамъ играючи,
Тучки сѣрыя разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистыя,
Умывается снѣгами разсыпчатыми;
Какъ красавица, глядя въ зеркальцо,
Въ небо чистое смотритъ, улыбается.
Ужъ зачѣмъ ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Какъ сходилися, собиралися
Удалые бойцы московскіе
На Москву-рѣку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потѣшиться.
И пріѣхалъ царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велѣлъ растянуть цѣпь серебряную,
Чистымъ золотомъ въ кольцахъ спаянную.
Оцѣпили мѣсто въ двадцать пять саженъ
Для охотницкаго бою, одиночнаго.
И велѣлъ тогда царь Иванъ Васильевичъ
Кличъ кликать звонкимъ голосомъ:
„Ой, ужъ гдѣ вы, добрые молодцы?

Вы потѣшьте царя, нашего батюшку!
Выходите-ка во широкій кругъ;
Кто побьетъ кого, того царь наградитъ,
А кто будетъ побитъ, тому Богъ проститъ!“

И выходитъ удалой Кирибѣевичъ,
Царю въ поясъ молча кланяется,
Скидаетъ съ могучихъ плечъ шубу бархатную.
Подпершися въ бокъ рукою правою,
Поправляетъ другой шапку алую,
Ожидаетъ онъ себѣ противника...
Трижды громкій кличъ прокликали—
Ни одинъ боецъ и не тронулся,
Лишь стоятъ, да другъ друга поталкиваютъ.

На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
„Присмирѣли, не бойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живаго съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу царя, нашего батюшку.“

Вдругъ толпа раздалась на обѣ стороны—
И выходитъ Степанъ Парамоновичъ,
Молодой купецъ, удалой боецъ,
По прозванію Калашниковъ.
Поклонился прежде царю грозному,
Послѣ бѣлому Кремлю да святымъ церквамъ,
А потомъ всему народу русскому.
Горятъ очи его соколиныя,
На опричника смотрятъ пристально.
Супротивъ него онъ становится,
Боевыя рукавицы натягиваетъ,
Могутныя плечи распрямливаетъ,
Да кудряву бороду поглаживаетъ.

И сказалъ ему Кирибѣевичъ:
„А повѣдай мнѣ, добрый мо́лодецъ,
Ты какого роду, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобы знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться.“

Отвѣчаетъ Степанъ Парамоновичъ:
„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ честнова отца,
И жилъ я по закону Господнему:
Не позорилъ я чужой жены,
Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго...
И промолвилъ ты правду истинную:
По одномъ изъ насъ будутъ панихиду пѣть,
И не позже, какъ завтра въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить,
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на послѣдній бой!“

И услышавъ то, Кирибѣевичъ
Поблѣднѣлъ въ лицѣ, какъ осенній снѣгъ;
Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ,
На раскрытыхъ устахъ слово замерло...

Вотъ молча оба расходятся,
Богатырскій бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибѣевичъ
И ударилъ въ-первой купца Калашникова,
И ударилъ его посере́дь груди—
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степанъ Парамоновичъ;

На груди его широкой висѣлъ мѣдный крестъ
Со святыми мощами изъ Кіева.
И погнулся крестъ, и вдавился въ грудь;
Какъ роса, изъ-подъ него кровь закапала.
И подумалъ Степанъ Парамоновичъ:
„Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до-послѣднева!“
Изловчился онъ, приготовился,
Собрался со всею силою
И ударилъ своего ненавистника,
Прямо въ лѣвый високъ со всего плеча.

И опричникъ молодой застоналъ слегка,
Закачался, упалъ замертво;
Повалился онъ на холодный снѣгъ,
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыромъ бору
Подъ смолистый подъ корень подрубленная.
И, увидѣвъ то, царь Иванъ Васильевичъ
Прогнѣвался гнѣвомъ, топнулъ о землю
И нахмурилъ брови черныя;
Повелѣлъ онъ схватить удалаго купца
И привесть его предъ лицо свое.

Какъ возговорилъ православный царь:
„Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти,
Вольной волею, или нехотя,
Ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу,
Мово лучшаго бойца, Кирибѣевича?“
— Я скажу тебѣ, православный царь:
Я убилъ его вольной волею,
А за что, про что—не скажу тебѣ:
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить—и на плаху несть
Мнѣ головушку повинную;
Не оставь лишь малыхъ дѣтушекъ,
Не оставь молодую вдову,
Да двухъ братьевъ моихъ своей милостью...

„Хорошо тебѣ, дѣтинушка,
Удалой боецъ, сынъ купеческій,
Что отвѣтъ держалъ ты по совѣсти.
Молодую жену и сиротъ твоихъ
Изъ казны моей я пожалую,
Твоимъ братьямъ велю отъ сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, безпошлинно.
А ты самъ ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить-навострить,
Палача велю одѣть-нарядить,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью...“

Какъ на площади народъ собирается;
Заунывный гудитъ-воетъ колоколъ,
Разглашаетъ всюду вѣсть недобрую;
По высокому мѣсту лобному,
Въ рубахѣ красной съ яркой запонкой,
Съ большимъ топоромъ, навостренымъ,
Руки голыя потираючи,
Палачъ весело похаживаетъ,
Удалова бойца дожидается;
А лихой боецъ, молодой купецъ,
Со родными братьями прощается:

„Ужъ вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь, да обнимемтесь
На послѣднее разставаніе.
Поклонитесь отъ меня Алёнѣ Дмитревнѣ,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моимъ дѣтушкамъ не сказывать.
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всѣмъ нашимъ товарищамъ,
Помолитесь сами въ церкви Божіей
Вы за душу мою, душу грѣшную!“

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка безталанная
Во крови на плаху покатилася.

Схоронили его за Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ тульской, рязанской, владимірской,
И бугоръ земли сырой тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменною могилкою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ старъ человѣкъ—перекрестится,
Пройдетъ молодецъ—пріосанится,
Пройдетъ дѣвица—пригорюнится,
А пройдутъ гусляры—споютъ пѣсенку.

*

Гей вы, ребята удалые,
Гусляры молодые,
Голоса заливные!

Красно начинали—красно и кончайте;
Каждому правдою и честью воздайте.

Тароватому боярину слава!
И красавицѣ-боярынѣ слава!
И всему народу христіанскому слава!

УЗНИКЪ.

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскочу,
Въ степь какъ вѣтеръ улечу.

Но окно тюрьмы высоко;
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ
Безъ узды, одинъ, по волѣ
Скачетъ веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ;
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями
Звучномѣрными шагами
Ходитъ въ тишинѣ ночной,
Безотвѣтный часовой.

* * *

Разстались мы; но твой портретъ
Я на груди моей храню:
Какъ блѣдный призракъ лучшихъ лѣтъ,
Онъ душу радуетъ мою.

И новымъ преданный страстямъ,
Я разлюбить его не могъ:
Такъ храмъ оставленный—все храмъ,
Кумиръ поверженный—все Богъ!

* * *

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль утра въ часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по овсрагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ—

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

СОСѢДЪ.

Кто бъ ни былъ ты, печальный мой сосѣдъ,
Люблю тебя, какъ друга юныхъ лѣтъ,
Тебя, товарищъ мой случайный,
Хотя судьбы коварною игрой
Навѣки мы разлучены съ тобой
Стѣной теперь—а послѣ тайной.

Когда зари румяный полусвѣтъ
Въ окно тюрьмы прощальный свой привѣтъ
Мнѣ, умирая, посылаетъ,
И опершись на звучное ружье,
Нашъ часовой, про старое житье
Мечтая, стоя засыпаетъ—

Тогда чело склонивъ къ сырой стѣнѣ,
Я слушаю—и въ мрачной тишинѣ
Твои напѣвы раздаются.
О чемъ они—не знаю, но тоской
Исполнены, и звуки чередой,
Какъ слезы, тихо льются, льются...

И лучшихъ лѣтъ надежды и любовь—
Въ груди моей все оживаетъ вновь,
И мысли далеко несутся,
И полонъ умъ желаній и страстей,
И кровь кипитъ—и слезы изъ очей,
Какъ звуки, другъ за другомъ льются.

1838.

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ-тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
Передъ опасностью позорно-малодушны,
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,

Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.

CZYTELNIA „KULTURA" Warszawa

И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

М. И. ЦЕЙДЛЕРУ.

(экспромтъ).

Русскій нѣмецъ бѣлокурый
Ѣдетъ въ дальнюю страну,
Гдѣ косматые гяуры
Вновь затѣяли войну.
Ѣдетъ онъ, томимъ печалью,
На могучій пиръ войны;
Но иной, не бранной сталью,
Мысли юноши полны.

РЕБЕНКУ.

О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю...
О, если бъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ!—Не правда ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ?—Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошенныя ласки?
Не слишкомъ часто ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла ль?
Смотри жъ, не говори ни про мою печаль,
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ...

Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней—скажи, тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?
Блѣднѣя, можетъ быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...

Не вспоминай его... Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если, какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!

ДЕМОНЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Печальный Демонъ, духъ изгнанья,
Леталъ надъ грѣшною землей;
И лучшихъ дней воспоминанья
Предъ нимъ тѣснилися толпой—
Тѣхъ дней, когда въ жилищѣ свѣта
Блисталъ онъ, чистый херувимъ,
Когда бѣгущая комета
Улыбкой ласковой привѣта
Любила помѣняться съ нимъ;
Когда сквозь вѣчные туманы,
Познанья жадный, онъ слѣдилъ
Кочующіе караваны
Въ пространствѣ брошенныхъ свѣтилъ;
Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни страха, ни сомнѣнья,
И не грозилъ душѣ его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имѣлъ онъ силы.

II.

Давно, отверженный, блуждалъ
Въ пустынѣ міра безъ пріюта.
Во слѣдъ за вѣкомъ вѣкъ бѣжалъ,
Какъ за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Онъ сѣялъ зло безъ наслажденья;
Нигдѣ искусству своему
Онъ не встрѣчалъ сопротивленья—
И зло наскучило ему.

III.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролеталъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ грань алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и хищный звѣрь, и птица,
Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали:
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли грозно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ, и чуденъ былъ вокругъ
Весь Божій міръ, но гордый духъ
Презрительнымъ окинулъ окомъ
Творенье Бога своего,
И на челѣ его высокомъ
Не отразилось ничего.

IV.

И передъ нимъ иной картины
Красы живыя разцвѣли:
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.

Счастливый, пышный край земли!
Столпообразныя раины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безотвѣтныхъ,
На сладкій говоръ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ;
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени;
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой
Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.
Но кромѣ зависти холодной
Природы блескъ не возбудилъ
Въ груди изгнанника безплодной
Ни новыхъ чувствъ ни новыхъ силъ—
И все, что предъ собой онъ видѣлъ,
Онъ презиралъ иль ненавидѣлъ.

V.

Высокій домъ, широкій дворъ
Сѣдой Гудалъ себѣ построилъ...
Трудовъ и слезъ онъ много стоилъ
Рабамъ, послушнымъ съ давнихъ поръ.
Съ утра на скатъ сосѣднихъ горъ
Отъ стѣнъ его ложатся тѣни;
Въ скалѣ нарублены ступени;
Онѣ отъ башни угловой
Ведутъ къ рѣкѣ; по нимъ мелькая,
Покрыта бѣлою чадрой,
Княжна Тамара молодая
Къ Арагвѣ ходитъ за водой.

VI.

Всегда безмолвно на долины
Глядѣлъ съ утеса мрачный домъ;
Но пиръ большой сегодня въ немъ,
Звучитъ зурна *) и льются вины:
Гудалъ сосваталъ дочь свою;
На пиръ онъ созвалъ всю семью.
На кровлѣ, устланной коврами,
Сидитъ невѣста межъ подругъ;
Средь игръ и пѣсенъ ихъ досугъ
Проходитъ. Дальними горами
Ужъ спрятанъ солнца полукругъ.
Въ ладони мѣрно ударяя,
Онѣ поютъ, и бубенъ свой
Беретъ невѣста молодая—
И вотъ она, одной рукой
Кружа его надъ головой,
То вдругъ помчится легче птицы
То остановится—глядитъ,
И влажный взоръ ея блеститъ
Изъ-подъ завистливой рѣсницы;
То черной бровью поведетъ,
То вдругъ наклонится немножко,
И по ковру скользитъ, плыветъ
Ея божественная ножка:
И улыбается она,
Веселья дѣтскаго полна.
И лучъ луны, по влагѣ зыбкой
Слегка играющій порой,
Едва ль сравнится съ той улыбкой,
Какъ жизнь, какъ молодость, живой.

VII.

Клянусь полночною звѣздой,
Лучемъ заката и востока,
Властитель Персіи златой
И ни единый царь земной
Не цѣловалъ такого ока;
Гарема брызжущій фонтанъ
Ни разу, жаркою порою,
Своей алмазною росою
Не омывалъ подобный станъ;
Еще ни чья рука земная,
По милому челу блуждая,

*) Родъ флейты.

Такихъ волосъ не расплела.
Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Подъ солнцемъ юга не цвѣла.

VIII.

Въ послѣдній разъ она плясала...
Увы! заутра ожидала
Ее, наслѣдницу Гудала,
Свободы рѣзвое дитя,
Судьба печальная рабыни,
Отчизна чуждая понынѣ
И незнакомая семья.
И часто тайное сомнѣнье
Темнило свѣтлыя черты;
Но были всѣ ея движенья
Такъ стройны, полны выраженья,
Такъ полны чудной простоты,
Что если бъ Демонъ, пролетая,
Въ то время на нее взглянулъ,
То, прежнихъ братьевъ вспоминая,
Онъ отвернулся бъ—и вздохнулъ...

IX.

И Демонъ видѣлъ... На мгновенье
Неизъяснимое волненье
Въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ.
Нѣмой души его пустыню
Наполнилъ благодатный звукъ,
И вновь постигнулъ онъ святыню
Любви, добра и красоты...
И долго сладостной картиной
Онъ любовался—и мечты
О прежнемъ счастьѣ цѣпью длинной,
Какъ будто за звѣздой звѣзда,
Предъ нимъ катилися тогда.
Прикованный незримой силой,
Онъ съ новой грустью сталъ знакомъ,
Въ немъ чувство вдругъ заговорило
Роднымъ когда то языкомъ.
То былъ ли призракъ возрожденья?
Онъ словъ коварныхъ искушенья
Найти въ умѣ своемъ не могъ.
Забыть?—Забвенья не далъ Богъ,
Да онъ и не взялъ бы забвенья.

X.

Измучивъ добраго коня,
На брачный пиръ, къ закату дня,
Спѣшитъ женихъ нетерпѣливый.
Арагвы свѣтлой онъ счастливо
Достигъ зеленыхъ береговъ.
Подъ тяжкой ношею даровъ
Едва-едва переступая,
За нимъ верблюдовъ длинный рядъ
Дорогой тянется; мелькая,
Ихъ колокольчики звенятъ...
Онъ самъ, властитель Синодала,
Ведетъ богатый караванъ.
Ремнемъ затянутъ стройный станъ;
Оправа сабли и кинжала
Блеститъ на солнцѣ; за спиной
Ружье съ насѣчкой вырѣзной;
Играетъ вѣтеръ рукавами
Его чухи; кругомъ она
Вся галуномъ обложена.
Цвѣтными вышито шелками
Его сѣдло; узда съ кистями;
Подъ нимъ весь въ мылѣ конь лихой,
Безцѣнной масти золотой.
Питомецъ рѣзвый Карабаха,
Прядетъ ушьми и, полный страха,
Храпя, косится съ крутизны
На пѣну скачущей волны.
Опасенъ, узокъ путь прибрежной:
Утесы съ лѣвой стороны,
Направо глубь рѣки мятежной.
Ужъ поздно. На вершинѣ снѣжной
Румянецъ гаснетъ; всталъ туманъ...
Прибавилъ шагу караванъ.

XI.

И вотъ часовня на дорогѣ...
Тутъ съ давнихъ лѣтъ почіетъ въ Богѣ
Какой-то князь, теперь святой,

Убитый мстительной рукой.
Съ тѣхъ поръ, на праздникъ, иль на битву,
Куда бы путникъ не спѣшилъ,
Всегда усердную молитву
Онъ у часовни приносилъ,
И та молитва сберегала
Отъ мусульманскаго кинжала;
Но презрѣлъ молодой женихъ
Обычай прадѣдовъ своихъ—
Его коварною мечтою
Лукавый Демонъ возмущалъ:
Онъ въ мысляхъ подъ ночною тьмою
Уста невѣсты цѣловалъ...
Вдругъ впереди мелькнули двое,
И больше... Выстрѣлъ... Что такое?...
Привставъ на звонкихъ стременахъ,
Надвинувъ на брови папахъ,
Отважный князь не молвилъ слова;
Въ рукѣ сверкнулъ турецкій стволъ;
Нагайка щёлкъ—и какъ орелъ
Онъ кинулся... и выстрѣлъ снова
И дикій крикъ, и стонъ глухой
Промчались въ глубинѣ долины...
Недолго продолжался бой:
Бѣжали робкіе грузины.

XII.

И стихло все... Тѣснясь толпой
На трупы всадниковъ, порой
Верблюды съ ужасомъ глядѣли,
И глухо въ тишинѣ ночной
Ихъ колокольчики звенѣли.
Разграбленъ пышный караванъ
И надъ тѣлами христіанъ
Чертитъ круги ночная птица.
Не ждетъ ихъ мирная гробница
Подъ слоемъ монастырскихъ плитъ,
Гдѣ прахъ отцовъ ихъ былъ зарытъ;
Не придутъ сестры съ матерями,
Покрыты бѣлыми чадрами,
Съ тоской, рыданьемъ и мольбами.
На гробъ ихъ изъ далекихъ мѣстъ!
За-то усердною рукою,
Здѣсь у дороги, подъ скалою,
На память водрузится крестъ;
И плющъ, разросшійся весною,
Его ласкаясь, обовьетъ
Своею сѣткой изумрудной;
И, своротивъ съ дороги трудной,
Не разъ усталый пѣшеходъ
Подъ Божьей тѣнью отдохнетъ...

XIII.

Несется конь быстрѣе лани,
Храпитъ и рвется будто къ брани,
То вдругъ осадитъ на скаку,
Прислушается къ вѣтерку,
Широко ноздри раздувая;
То разомъ въ землю ударяя
Шипами звонкими копытъ,
Взмахнувъ растрепанною гривой,
Впередъ безъ памяти летитъ.
На немъ есть всадникъ молчаливый;
Онъ бьется на сѣдлѣ порой,
Припавъ на гриву головой.
Ужъ онъ не правитъ поводами,
Задвинулъ ноги въ стремена,
И кровь широкими струями
На чепракѣ его видна...
Скакунъ надежный господина
Изъ боя вынесъ какъ стрѣла,
Но злая пуля осетина
Его во мракѣ догнала.

XIV.

Въ семьѣ Гудала плачъ и стоны,
Толпится на дворѣ народъ:
Чей конь примчался запалённый,
И палъ на камни у воротъ?
Кто этотъ всадникъ бездыханный?
Хранили слѣдъ тревоги бранной
Морщины смуглаго чела.
Въ крови оружіе и платье;
Въ послѣднемъ бѣшеномъ пожатьѣ
Рука на гривѣ замерла.
Недолго жениха младова,

Невѣста, взоръ твой ожидалъ!
Сдержалъ онъ княжеское слово:
На брачный пиръ онъ прискакалъ...
Увы! но никогда ужъ снова
Не сядетъ на коня лихова!...

XV.

На беззаботную семью,
Какъ громъ, слетѣла Божья кара.
Упала на постель свою,
Рыдаетъ бѣдная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышетъ...
И вотъ она какъ будто слышитъ
Волшебный голосъ надъ собой:
„Не плачь, дитя, не плачь напрасно!
Твоя слеза на трупъ безгласный
Живой росой не упадетъ;
Она лишь взоръ туманитъ ясный,
Ланиты дѣвственныя жжетъ!
Онъ далеко, онъ не узнаетъ,
Не оцѣнитъ тоски твоей;
Небесный свѣтъ теперь ласкаетъ
Безплотный взоръ его очей;
Онъ слышитъ райскіе напѣвы...
Что жизни мелочные сны,
И стонъ, и слезы бѣдной дѣвы
Для гостя райской стороны?
Нѣтъ, жребій смертнаго творенья,
Повѣрь мнѣ, ангелъ мой земной,
Не стоитъ одного мгновенья
Твоей печали дорогой!
„На воздушномъ океанѣ,
Безъ руля и безъ вѣтрилъ,
Тихо плаваютъ въ туманѣ
Хоры стройные свѣтилъ.
Средь полей необозримыхъ
Въ небѣ ходятъ безъ слѣда
Облаковъ неуловимыхъ
Волокнистыя стада.
Часъ разлуки, часъ свиданья—
Имъ не радость, не печаль;
Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья,
Имъ прошедшаго не жаль.
Въ день томительный несчастья
Ты о нихъ лишь вспомяни,
Будь къ земному безъ участья
И безпечна, какъ они!
„Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ;
Лишь только вѣтеръ надъ скалою
Увядшей шевельнетъ травою,
И птичка, спрятанная въ ней,
Порхнетъ во мракѣ веселѣй;
И подъ лозою виноградной,
Росу небесъ глотая жадно,
Цвѣтокъ распустится ночной;
Лишь только мѣсяцъ золотой
Изъ-за горы тихонько встанетъ
И на тебя украдкой взглянетъ—
Къ тебѣ я стану прилетать,
Гостить я буду до денницы,
И на шелковыя рѣсницы
Сны золотые навѣвать...“

XVI.

Слова умолкли... Въ отдаленьи
Во слѣдъ за звукомъ умеръ звукъ...
Она, вскочивъ, глядитъ вокругъ...
Невыразимое смятенье
Въ ея груди; печаль, испугъ,
Восторга пылъ—ничто въ сравненьи;
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ.
Душа рвала свои оковы,
Огонь по жиламъ пробѣгалъ,
И этотъ голосъ чудно новый,
Ей мнилось, все еще звучалъ.
И передъ утромъ сонъ желанный
Глаза усталые смежилъ;
Но мысль ея онъ возмутилъ
Мечтой пророческой и странной:
Пришлецъ туманный и нѣмой,
Красой блистая неземной,
Къ ея склонился изголовью;

И взоръ его съ такой любовью,
Такъ грустно на нее смотрѣлъ,
Какъ будто онъ объ ней жалѣлъ.
То не былъ ангелъ-небожитель,
Ея божественный хранитель:
Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей
Не украшалъ его кудрей;
То не былъ ада духъ ужасный,
Порочный мученикъ—о нѣтъ!
Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный:
Ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ!...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

„Отецъ! отецъ! оставь угрозы,
Свою Тамару не брани.
Я плачу. Видишь эти слезы?...
Уже не первыя они....
Не буду я ни чьей женою—
Скажи моимъ ты женихамъ:
Супругъ мой взятъ сырой землею—
Другому сердца не отдамъ.
Съ тѣхъ поръ какъ трупъ его кровавый
Мы схоронили подъ горой,
Меня смущаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Въ тиши ночной меня тревожитъ
Толпа печальныхъ, странныхъ сновъ;
Молиться днемъ душа не можетъ:
Мысль далеко отъ звука словъ;
Огонь по жиламъ пробѣгаетъ...
Я сохну, вяну день отъ дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ...
Отецъ мой, пощади меня!
Отдай въ священную обитель
Дочь безразсудную свою:
Тамъ защититъ меня Спаситель,
Предъ нимъ тоску мою пролью.
На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣе меня.“

II.

И въ монастырь уединенный
Ее родные отвезли,
И власяницею смиренной
Грудь молодую облекли.
Но и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узорною парчой,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билося какъ прежде.
Предъ алтаремъ, при блескѣ свѣчъ,
Въ часы торжественнаго пѣнья,
Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ ѳиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?...

III.

Въ прохладѣ межъ двумя холмами
Таился монастырь святой.
Чинаръ и тополей рядами,
Онъ окруженъ былъ—и порой,
Когда ложилась ночь въ ущельи,
Сквозь нихъ мелькала въ окнахъ келій
Лампада схимницы младой.
Кругомъ въ тѣни деревъ миндальныхъ,
Гдѣ рядъ стоитъ крестовъ печальныхъ,
Безмолвныхъ сторожей гробницъ,
Спѣвались хоры легкихъ птицъ;
По камнямъ прыгали, шумѣли
Ключи студёною волной,
И подъ нависшею скалой,
Сливаясь дружески въ ущельи,
Катились дальше межъ кустовъ,
Покрытыхъ инеемъ цвѣтовъ.

IV.

На сѣверъ видны были горы.
При блескѣ утренней авроры,

Когда синѣющій дымокъ
Курится въ глубинѣ долины,
И обращаясь на востокъ,
Зовутъ къ молитвѣ муэззины;
И, звучный колокола гласъ
Дрожитъ, обитель пробуждая,
Въ торжественный и мирный часъ;
Когда грузинка молодая
Съ кувшиномъ длиннымъ за водой
Съ горы спускается крутой—
Вершины цѣпи снѣговой,
Свѣтло-лиловою стѣной,
На чистомъ небѣ рисовались;
А въ часъ заката одѣвались
Онѣ румяной пеленой.
И между нихъ, прорѣзавъ тучи,
Стоялъ всѣхъ выше головой
Казбекъ, Кавказа царь могучій,
Въ чалмѣ и ризѣ парчевой.

V.

Но, полно думою преступной,
Тамары сердце недоступно
Восторгамъ чистымъ. Передъ ней
Весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью;
И все ей въ немъ предлогъ къ мученью—
И утра лучъ, и мракъ ночей.
Бывало, только ночи сонной
Прохлада землю обойметъ,
Передъ божественной иконой
Она въ безумьи упадетъ
И плачетъ, и въ ночномъ молчаньи
Ея тяжелое рыданье
Тревожитъ путника вниманье,
И мыслитъ онъ: то горный духъ
Прикованный къ пещерѣ стонетъ!“
И, чуткій напрягая слухъ,
Коня измученнаго гонитъ...

VI.

Тоской и трепетомъ полна,
Тамара часто у окна
Сидитъ въ раздумьи одинокомъ
И смотритъ въ даль прилежнымъ окомъ,
И цѣлый день, вздыхая, ждетъ...
Ей кто-то шепчетъ: „онъ придетъ!“
Не даромъ сны ее ласкали,
Не даромъ онъ являлся ей
Съ глазами полными печали
И чудной нѣжностью рѣчей.
Ужъ много дней она томится,
Сама не зная почему;
Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему;
Утомлена борьбой всегдашней
Склонится ли на ложе сна—
Подушка жжетъ, ей душно, страшно,
И вся, вскочивъ, дрожитъ она;
Трепещетъ грудь, пылаютъ плечи,
Нѣтъ силъ дышать, туманъ въ очахъ,
Объятья жадно ищутъ встрѣчи,
Лобзанья таютъ на устахъ...
. . . . . .
. . . . . .

VII.

Вечерней мглы покровъ воздушный
Ужъ холмы Грузіи одѣлъ.
Привычкѣ сладостной послушный,
Въ обитель Демонъ прилетѣлъ.
Но долго, долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго пріюта
Нарушить—и была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ
Оставить умыселъ жестокій.
Задумчивъ, у стѣны высокой
Онъ бродитъ; отъ его шаговъ
Безъ вѣтра листъ въ тѣни трепещетъ.
Онъ поднялъ взоръ: ея окно,
Озарено лампадой, блещетъ;
Кого-то ждетъ она давно.
И вотъ средь общаго молчанья
Чингуры *) стройное бряцанье
И звуки пѣсни раздались;
И звуки тѣ лились, лились,
Какъ слезы, мѣрно, другъ за другомъ;

*) Родъ гитары.

И эта пѣснь была нѣжна,
Какъ будто для земли она
Была на небѣ сложена.
Не ангелъ ли съ забытымъ другомъ
Вновь повидаться захотѣлъ,
Сюда украдкою слетѣлъ,
И о быломъ ему пропѣлъ,
Чтобъ усладить его мученье?...
Тоску любви, ея волненье
Постигнулъ Демонъ въ первый разъ...
Онъ хочетъ въ страхѣ удалиться—
Его крыло не шевелится!
И чудо! изъ померкшихъ глазъ
Слеза тяжелая катится...
Понынѣ возлѣ кельи той
Насквозь прожженный виденъ камень
Слезою жаркою какъ пламень,
Не человѣческой слезой!...

VIII.

И входитъ онъ, любить готовый,
Съ душой открытой для добра;
И мыслитъ онъ, что жизни новой
Пришла желанная пора.
Неясный трепетъ ожиданья,
Страхъ неизвѣстности нѣмой,
Какъ будто въ первое свиданье,
Спознались съ гордою душой;
То было злое предвѣщанье...
Онъ входитъ, смотритъ, передъ нимъ
Посланникъ рая—херувимъ,
Хранитель грѣшницы прекрасной,
Стоитъ съ блистающимъ челомъ,
И отъ врага, съ улыбкой ясной,
Пріосѣнилъ ее крыломъ...
И лучъ божественнаго свѣта
Вдругъ ослѣпилъ нечистый взоръ,
И вмѣсто сладкаго привѣта
Раздался тягостный укоръ:

IX

„Духъ безпокойный, духъ порочный,
Кто звалъ тебя во тьмѣ полночной?
Твоихъ поклонниковъ здѣсь нѣтъ;
Зло не дышало здѣсь понынѣ!
Къ моей любви, къ моей святынѣ
Не пролагай преступный слѣдъ!
Кто звалъ тебя?“

Ему въ отвѣтъ
Злой духъ коварно усмѣхнулся;
Зардѣлся ревностію взглядъ,
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.
„Она моя!—сказалъ онъ грозно—
Оставь ее! она моя!
Явился ты, защитникъ, поздно,
И ей, какъ мнѣ, ты не судья.
На сердце, полное гордыни,
Я наложилъ печать мою;
Здѣсь больше нѣтъ твоей святыни;
Здѣсь я владѣю и люблю!“

И ангелъ грустными очами
На жертву бѣдную взглянулъ
И, медленно взмахнувъ крылами,
Въ эѳирѣ неба потонулъ...
. . . . . .

X.

ТАМАРА.

О, кто ты? Рѣчь твоя опасна!
Тебя послалъ мнѣ адъ иль рай?
Чего ты хочешь?

ДЕМОНЪ.

Ты прекрасна!

ТАМАРА.

Но кто ты, кто ты?... Отвѣчай!..

ДЕМОНЪ.

Я тотъ, которому внимала
Ты въ полуночной тишинѣ,
Чья мысль душѣ твоей шептала,
Чью грусть ты смутно отгадала,
Чей образъ видѣла во снѣ;
Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ,
Едва надежда разцвѣтетъ;
Я тотъ, кого никто не любитъ,

Но все живущее клянетъ.
Ничто пространство мнѣ и годы;
Я бичъ рабовъ моихъ земныхъ,
Я царь познанья и свободы,
Я врагъ небесъ, я зло природы,
И видишь—я у ногъ твоихъ!
Тебѣ принесъ я въ умиленьи
Молитву тихую любви,
Земное первое мученье
И слезы первыя мои.
О, выслушай изъ сожалѣнья!
Меня добру и небесамъ
Ты возвратить могла бы словомъ;
Твоей любви святымъ покровомъ
Одѣтый, я предсталъ бы тамъ,
Какъ новый ангелъ, въ блескѣ новомъ.
О, только выслушай, молю!
Я рабъ твой, я тебя люблю!
Лишь только я тебя увидѣлъ—
И тайно вдругъ возненавидѣлъ
Безсмертіе и власть мою.
Я позавидовалъ невольно
Неполной радости земной:
Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно,
И страшно—розно жить съ тобой.
Въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданный
Опять затеплился живѣй,
И грусть на днѣ старинной раны
Зашевелилася какъ змѣй.
Что безъ тебя мнѣ эта вѣчность?
Моихъ владѣній безконечность?
Пустыя, звучныя слова,
Обширный храмъ безъ божества!

ТАМАРА.

Оставь меня, о духъ лукавый!
Молчи, не вѣрю я врагу!
Творецъ!... увы, я не могу
Молиться... гибельной отравой
Мой умъ слабѣющій объятъ.
Послушай, ты меня погубишь;
Твои слова—огонь и ядъ....
Скажи, зачѣмъ меня ты любишь?

ДЕМОНЪ.

Зачѣмъ, красавица? Увы,
Не знаю! полонъ жизни новой,
Съ моей преступной головы
Я гордо снялъ вѣнецъ терновый;
Я все былое бросилъ въ прахъ;
Мой рай, мой адъ въ твоихъ очахъ!
Люблю тебя не здѣшней страстью,
Какъ полюбить не можешь ты:
Всѣмъ упоеньемъ, всею властью
Безсмертной мысли и мечты.
Въ душѣ моей съ начала міра
Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
Передо мной носился онъ
Въ пустыняхъ вѣчнаго эѳира.
Давно тревожа мысль мою,
Мнѣ имя сладкое звучало;
Во дни блаженства мнѣ въ раю
Одной тебя недоставало.
О, если бъ ты могла понять,
Какое горькое томленье
Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья,
И наслаждаться и страдать,
За зло похвалъ не ожидать,
Ни за добро вознагражденья;
Жить для себя, скучать собой,
И этой вѣчною борьбой
Безъ торжества, безъ примиренья!
Всегда желѣть и не желать,
Все знать, все чувствовать, все видѣть,
Все противъ воли ненавидѣть,
И все на свѣтѣ презирать!...

Лишь только Божіе проклятье
Исполнилось, съ того же дня
Природы жаркія объятья
Навѣкъ остыли для меня...
Синѣло предо мной пространство,
Я видѣлъ брачное убранство
Свѣтилъ, знакомыхъ мнѣ давно...
Они текли въ вѣнцахъ изъ злата;
Но что же?—прежняго собрата
Не узнавало ни одно!

Изгнанниковъ, себѣ подобныхъ,
Я звать въ отчаяніи сталъ,
Но словъ, и липъ, и взоровъ злобныхъ,
Увы! я самъ не узнавалъ.
И въ страхѣ я, взмахнувъ крылами,
Помчался... но куда? зачѣмъ?—
Не знаю. Прежними друзьями
Я былъ отвергнутъ; какъ эдемъ
Міръ для меня сталъ глухъ и нѣмъ.
По вольной прихоти теченья,
Такъ поврежденная ладья
Безъ парусовъ и безъ руля
Плыветъ, не зная назначенья;
Такъ ранней утренней порой
Отрывокъ тучи громовой,
Въ лазурной вышинѣ чернѣя,
Одинъ, нигдѣ пристать не смѣя,
Летитъ безъ цѣли и слѣда,
Богъ вѣсть, откуда и куда!

И я людьми не долго правилъ,
Грѣху не долго ихъ училъ;
Все благородное безславилъ
И все прекрасное хулилъ,
Не долго... Пламень чистой вѣры
Легко навѣкъ я залилъ въ нихъ...
И стоили ль трудовъ моихъ
Одни глупцы, да лицемѣры?
И скрылся я въ ущельяхъ горъ;
И сталъ бродить, какъ метеоръ,
Во мракѣ полночи глубокой...
И мчался путникъ одинокой,
Обманутъ близкимъ огонькомъ,
И, въ бездну падая съ конемъ,
Напрасно звалъ—и слѣдъ кровавый
За нимъ вился по крутизнѣ...
Но злобы мрачныя забавы
Не долго нравилися мнѣ.
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ,
Какъ часто, подымая прахъ,
Одѣтый молньей и туманомъ,
Я шумно мчался въ облакахъ,
Чтобы въ толпѣ стихій мятежной
Сердечный ропотъ заглушить,
Спастись отъ думы неизбѣжной
И незабвенное забыть!
Что повѣсть тягостныхъ лишеній,
Трудовъ и бѣдъ толпы людской,
Грядущихъ, прошлыхъ поколѣній,
Передъ минутою одной
Моихъ непризнанныхъ мученій?
Что люди? Что ихъ жизнь и трудъ?
Они прошли, они пройдутъ!
Надежда есть: ждетъ правый судъ;
Простить онъ можетъ, хоть осудитъ!
Моя жъ печаль безсмѣнно тутъ,
И ей конца, какъ мнѣ, не будетъ,
И не вздремнуть въ могилѣ ей!
Она—то ластится какъ змѣй,
То жжетъ и блещетъ будто пламень,
То давитъ мысль мою какъ камень—
Надеждъ погибшихъ и страстей
Несокрушимый мавзолей!

ТАМАРА.

Зачѣмъ мнѣ знать твои печали,
Зачѣмъ ты жалуешься мнѣ?
Ты согрѣшилъ...

ДЕМОНЪ.

Противъ тебя ли?

ТАМАРА.

Насъ могутъ слышать...

ДЕМОНЪ.

Мы одни.

ТАМАРА.

А Богъ?

ДЕМОНЪ.

На насъ не кинетъ взгляда:
Онъ занятъ небомъ, не землей!

ТАМАРА.

А наказанье? Муки ада?

ДЕМОНЪ.

Такъ что жъ? Ты будешь тамъ со мной!

ТАМАРА.

Кто бъ ни былъ ты, мой другъ случайный,
Покой навѣки погубя,
Невольно я съ отрадой тайной,
Страдалецъ, слушаю тебя.
Но если рѣчь твоя лукава,
Но если ты, обманъ тая...
О, пощади!... какая слава!...
На что тебѣ душа моя?
Ужели небу я дороже
Всѣхъ незамѣченныхъ тобой?
Онѣ, увы! прекрасны тоже;
Какъ здѣсь, ихъ дѣвственное ложе
Не смято смертнаго рукой!...
Нѣтъ! дай мнѣ клятву роковую...
Скажи—ты видишь, я тоскую,
Ты видишь женскія мечты!
Невольно страхъ въ душѣ ласкаешь...
Но ты все понялъ, ты все знаешь
И сжалишься, конечно, ты!
Клянися мнѣ... отъ злыхъ стяжаній
Отречься нынѣ дай обѣтъ!
Ужель ни клятвъ, ни обѣщаній
Ненарушимыхъ больше нѣтъ?...

ДЕМОНЪ.

Клянусь я первымъ днемъ творенья,
Клянусь его послѣднимъ днемъ,
Клянусь позоромъ преступленья
И вѣчной правды торжествомъ;
Клянусь паденья горькой мукой,
Побѣды краткою мечтой,
Клянусь свиданіемъ съ тобой
И вновь грозящею разлукой;
Клянуся сонмищемъ духовъ,
Судьбою братій мнѣ подвластныхъ,
Мечами ангеловъ безстрастныхъ,
Моихъ недремлющихъ враговъ;
Клянуся небомъ я и адомъ,
Земной святыней и тобой;
Клянусь твоимъ послѣднимъ взглядомъ,
Твоею первою слезой,
Незлобныхъ устъ твоихъ дыханьемъ,
Волною шолковыхъ кудрей;
Клянусь блаженствомъ и страданьемъ,
Клянусь любовію моей—
Отрекся я отъ старой мести,
Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
Отнынѣ ядъ коварной лести
Ни чей ужъ не встревожитъ умъ;
Хочу я съ небомъ примириться,
Хочу любить, хочу молиться,
Хочу я вѣровать добру.
Слезой раскаянья сотру
Я на челѣ, тебя достойномъ,
Слѣды небеснаго огня,
И міръ въ невѣдѣньи спокойномъ
Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!
О, вѣрь мнѣ: я одинъ понынѣ
Тебя постигъ и оцѣнилъ,
Избравъ тебя моей святыней,
Я власть у ногъ твоихъ сложилъ!
Твоей любви я жду какъ дара,
И вѣчность дамъ тебѣ за мигъ;
Въ любви, какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ.
Тебя я, вольный сынъ эѳира,
Возьму въ надзвѣздные края,
И будешь ты царицей міра,
Подруга вѣчная моя;
Безъ сожалѣнья, безъ участья
Смотрѣть на землю станешь ты,
Гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья,
Ни долговѣчной красоты,
Гдѣ преступленья лишь, да казни,
Гдѣ страсти мелкой только жить;
Гдѣ не умѣютъ безъ боязни
Ни ненавидѣть, ни любить.
Иль ты не знаешь, что такое
Людей минутная любовь?—
Волненье крови молодое!
Но дни бѣгутъ и стынетъ кровь.
Кто устоитъ противъ разлуки,

Соблазна новой красоты,
Противъ усталости и скуки,
И своенравія мечты?
Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ,
Узнай, назначено судьбой
Увянуть молча въ тѣсномъ кругѣ
Ревнивой грубости рабой,
Средь малодушныхъ и холодныхъ,
Друзей притворныхъ и враговъ,
Боязней и надеждъ безплодныхъ,
Пустыхъ и тягостныхъ трудовъ!
Печально за стѣной высокой
Ты не угаснешь безъ страстей,
Среди молитвъ, равно далеко
Отъ божества и отъ людей.
О, нѣтъ! прекрасное созданье,
Къ иному ты присуждена;
Тебя иное ждетъ страданье,
Иныхъ восторговъ глубина!
Оставь же прежнія желанья
И жалкій свѣтъ его судьбѣ:
Пучину гордаго познанья
Въ замѣнъ открою я тебѣ.
Толпу духовъ моихъ служебныхъ
Я приведу къ твоимъ стопамъ;
Прислужницъ легкихъ и волшебныхъ
Тебѣ, красавица, я дамъ;
И для тебя съ звѣзды восточной
Сорву вѣнецъ я золотой,
Возьму съ цвѣтовъ росы полночной
Его усыплю той росой;
Лучемъ румянаго заката
Твой станъ, какъ лентой, обовью;
Дыханьемъ чистымъ аромата
Окрестный воздухъ напою!
Всечасно дивною игрою
Твой слухъ лелѣять буду я;
Чертоги пышные построю
Изъ бирюзы и янтаря;
Я опущусь на дно морское,
Я полечу за облака,
Я дамъ тебѣ все, все земное—
Люби меня!...

XI.

—И онъ слегка
Коснулся жаркими устами
Къ ея трепещущимъ губамъ;
Соблазна полными рѣчами
Онъ отвѣчалъ ея мольбамъ.
Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи.
Онъ жегъ ее. Во мракѣ ночи,
Предъ нею прямо онъ сверкалъ
Неотразимый, какъ кинжалъ.
Увы, злой духъ торжествовалъ!
Смертельный ядъ его лобзанья
Мгновенно въ грудь ея проникъ...
Мучительный, ужасный крикъ
Ночное возмутилъ молчанье...
Въ немъ было все: любовь, страданье,
Упрекъ съ послѣднею мольбой,
И безнадежное прощанье—
Прощанье съ жизнью молодой...

XII.

Въ то время сторожъ полуночный,
Одинъ вокругъ стѣны крутой,
Свершая тихо путь урочный,
Бродилъ съ чугунною доской,
И возлѣ кельи дѣвы юной
Онъ шагъ свой мѣрный укротилъ,
И руку надъ доской чугунной,
Смутясь душой, остановилъ,
И сквозь окрестное молчанье,
Ему казалось, слышалъ онъ
Двухъ устъ согласное лобзанье,
Минутный крикъ, и слабый стонъ...
И нечестивое сомнѣнье
Проникло въ сердце старика...
Но пронеслось еще мгновенье—
И стихло все; издалека
Лишь дуновенье вѣтерка
Роптанье листьевъ приносило,
Да съ темнымъ берегомъ уныло
Шепталась горная рѣка.
Канонъ угодника святаго

Спѣшитъ онъ въ страхѣ прочитать,
Чтобъ навожденье духа злаго
Отъ грѣшной мысли отогнать;
Креститъ дрожащими перстами
Мечтой взволнованную грудь,
И, молча, скорыми шагами
Обычный продолжаетъ путь.

. . . . . .

XIII.

Какъ пери спящая мила,
Она въ гробу своемъ лежала;
Бѣлѣй и чище покрывала
Былъ томный цвѣтъ ея чела.
Навѣкъ опущены рѣсницы...
Но кто бъ, о небо! не сказалъ,
Что взоръ подъ ними лишь дремалъ,
И, чудный, только ожидалъ
Иль поцѣлуя, иль денницы?
Но безполезно лучъ дневной
Скользилъ по нимъ струей златой;
Напрасно ихъ въ нѣмой печали
Уста родныя цѣловали...
Нѣтъ, смерти вѣчную печать
Ничто не въ силахъ ужъ сорвать!
И все, гдѣ пылкой жизни сила
Такъ внятно чувствамъ говорила,
Теперь одинъ ничтожный прахъ;
Улыбка странная застыла,
Едва мелькнувши, на устахъ:
Но теменъ, какъ сама могила,
Печальный смыслъ улыбки той.
Что въ ней? насмѣшка надъ судьбой,
Непобѣдимое ль сомнѣнье?
Иль къ жизни хладное презрѣнье,
Иль съ небомъ гордая вражда?
Какъ знать? для свѣта навсегда
Утрачено ея значенье;
Она невольно манитъ взоръ,
Какъ древней надписи узоръ,
Гдѣ, можетъ быть, подъ буквой странной
Таится повѣсть прежнихъ лѣтъ,
Символъ премудрости туманной,
Глубокихъ думъ забытый слѣдъ.—
И долго бѣдной жертвы тлѣнья
Не трогалъ ангелъ разрушенья.
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной, какъ смерть сама.
Ни разу не былъ въ дни веселья,
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ:
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ,
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею.

XIV.

Толпой сосѣди и родные
Ужъ собрались въ печальный путь.
Терзая локоны сѣдые,
Безмолвно поражая грудь,
Въ послѣдній разъ Гудалъ садится
На бѣлогриваго коня;
И поѣздъ тронулся.—Три дня,
Три ночи путь ихъ будетъ длиться.
Межъ старыхъ дѣдовскихъ костей
Пріютъ покойный вырытъ ей.
Одинъ изъ праотцевъ Гудала,
Грабитель путниковъ и селъ,
Когда болѣзнь его сковала
И часъ раскаянья пришелъ,
Грѣховъ минувшихъ въ искупленье,
Построить церковь обѣщалъ
На высотѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ.
И скоро межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злаго человѣка
Вновь успокоилися тамъ;
И превратилася въ кладбище
Скала родная облакамъ:

Какъ будто ближе къ небесамъ
Теплѣй послѣднее жилище;
Какъ будто дальше отъ людей
Послѣдній сонъ не возмутится...
Напрасно! мертвымъ не приснится
Ни грусть, ни радость прежнихъ дней.

XV.

Въ пространствѣ синяго эѳира
Одинъ изъ ангеловъ святыхъ
Летѣлъ на крыльяхъ золотыхъ,
И душу грѣшную отъ міра
Онъ несъ въ объятіяхъ своихъ;
И сладкой рѣчью упованья
Ея сомнѣнья разгонялъ,
И слѣдъ проступка и страданья
Съ нея слезами онъ смывалъ.
Издалека ужъ звуки рая
Къ нимъ доносилися—какъ вдругъ,
Свободный путь пересѣкая,
Взвился изъ бездны адскій духъ...
Онъ былъ могучъ какъ вихорь шумный,
Блисталъ какъ молніи струя,
И гордо, въ дерзости безумной,
Онъ говорилъ: „она моя!“

Къ груди хранителя прижалась,
Молитвой ужасъ заглуша,
Тамары грѣшная душа.
Судьба грядущаго рѣшалась:
Предъ нею снова онъ стоялъ.
Но, Боже! кто бъ его узналъ?
Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
Вражды, незнающей конца,
И вѣяло могильнымъ хладомъ
Отъ неподвижнаго лица.

„Исчезни мрачный духъ сомнѣнья!“
Посланникъ неба отвѣчалъ:
„Довольно ты торжествовалъ,
Но часъ суда теперь насталъ,
И благо Божіе рѣшенье!
Дни испытанія прошли;
Съ одеждой бренною земли
Оковы зла съ нея ниспали.
Узнай, давно ее мы ждали!
Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одно мгновенье
Невыносимаго мученья,
Недосягаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра,
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Цѣной жестокой искупила
Она сомнѣнія свои...
Она страдала и любила—
И рай открылся для любви!“

И ангелъ строгими очами
На искусителя взглянулъ,
И радостно взмахнувъ крылами,
Въ сіяньи неба потонулъ.
И проклялъ Демонъ побѣжденный
Мечты безумныя свои,
И вновь остался онъ надменный
Одинъ, какъ прежде, во вселенной
Безъ упованья и любви!...

На склонѣ каменной горы,
Надъ Кайшаурскою долиной,
Еще стоятъ до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Разсказовъ, страшныхъ для дѣтей,
О нихъ еще преданья полны...
Какъ призракъ, памятникъ безмолвный,
Свидѣтель тѣхъ волшебныхъ дней,
Между деревьями чернѣетъ.
Внизу разсыпался аулъ,
Земля цвѣтетъ и зеленѣетъ,
И голосовъ нестройный гулъ
Теряется, и караваны
Идутъ, звеня, издалека.

И, низвергаясь сквозь туманы,
Блеститъ и пѣнится рѣка.
И жизнью вѣчно-молодою,
Прохладой, солнцемъ и весною
Природа тѣшится шутя,
Какъ беззаботное дитя.

Но грустенъ замокъ, отслуживший
Когда-то очередь свою,
Какъ бѣдный старецъ, переживший
Друзей и милую семью.
И только ждутъ луны восхода
Его незримые жильцы:
Тогда имъ праздникъ и свобода,
Жужжатъ, бѣгутъ во всѣ концы.
Сѣдой паукъ, отшельникъ новый,
Прядетъ сѣтей своихъ основы;
Зеленыхъ ящерицъ семья
На кровлѣ весело играетъ,
И осторожная змѣя
Изъ темной щели выползаетъ
На плиту стараго крыльца:
То вдругъ совьется въ три кольца,
То ляжетъ длинной полосою,
И блещетъ, какъ булатный мечъ,
Забытый въ полѣ давнихъ сѣчъ,
Ненужный падшему герою...
— Все дико. Нѣтъ нигдѣ слѣдовъ
Минувшихъ лѣтъ: рука вѣковъ
Прилежно, долго ихъ сметала,
И не напомнитъ ничего
О славномъ имени Гудала,
О милой дочери его!
Но церковь на крутой вершинѣ,
Гдѣ взяты кости ихъ землей,
Хранима властію святой,
Видна межъ тучъ еще понынѣ;
И у воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.
Обваловъ сонныя громады
Съ уступовъ, будто водопады
Морозомъ схваченные вдругъ,
Висятъ, нахмурившись, вокругъ.
И тамъ метель дозоромъ ходитъ,
Сдувая пыль со стѣнъ сѣдыхъ,
То пѣсню долгую заводитъ,
То окликаетъ часовыхъ.
Услыша вѣсти въ отдаленьѣ
О чудномъ храмѣ въ той странѣ,
Съ востока облака однѣ
Спѣшатъ толпой на поклоненье;
И надъ семьей могильныхъ плитъ
Давно никто ужъ не груститъ.
Скала угрюмаго Казбека
Добычу жадно сторожитъ,
И вѣчный ропотъ человѣка
Ихъ вѣчный міръ не возмутитъ.

ПОСВЯЩЕНІЕ ПОЭМЫ „ДЕМОНЪ“.

Я кончилъ—и въ груди невольное сомнѣнье:
Займетъ ли вновь тебя давно знакомый звукъ,
Стиховъ невѣдомыхъ задумчивое пѣнье,
Тебя, забывчивый, но незабвенный другъ?
Пробудится ль въ тебѣ о прошломъ сожалѣнье?
Иль, быстро пробѣжавъ докучную тетрадь,
Ты—только мертваго, пустаго одобренья
Наложишь на нее тяжелую печать,
И не узнаешь здѣсь простаго выраженья
Тоски, мой бѣдный умъ томившей столько лѣтъ,
И примешь за игру, иль сонъ воображенья
Больной души тяжелый бредъ!

1839.

—

МОЛИТВА.

Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится ль въ сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко...

———

ТРИ ПАЛЬМЫ.

[восточное сказаніе].

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ,
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый, изъ чуждой земли,
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы,
Колеблемы вихремъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ?...
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!...“

И только замолкли—въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ,
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали...
И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня,
Арабъ горячилъ воронаго коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копье на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поитъ ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По корнямъ упругимъ топоръ застучалъ—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ;
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ:
Напрасно пророка о тѣни онъ проситъ—
Его лишь песокъ раскаленный заноситъ,
Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

ДАРЫ ТЕРЕКА.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:

„Разступись, о старецъ-море,
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно споритъ былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Раззорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ имъ, на славу,
Стадо цѣлое пригналъ.“

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:

„Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.

„Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной.
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя;
Взоръ открытый, безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною косой.“

Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ;
И, волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:

„Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что другіе всѣ дары!
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами

Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.

„Осѣдлалъ онъ воронаго,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злаго,
Сложитъ голову свою.“

Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся, всплыла.

И старикъ во блескѣ власти
Всталъ, могучій какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.

Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Que nous font après tous les vulgaires abois
De tous ces charlatans, qui donnent de la voix,
Les marchands de pathos et les faiseurs d'emphase
Et tous les baladins qui dansent sur la phrase?

A. Barbier.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ давно-безмолвной
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой—
Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На-что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ.

ПАМЯТИ

АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА ОДОЕВСКАГО.

Я зналъ его: мы странствовали съ нимъ
Въ горахъ Востока, и тоску изгнанья
Дѣлили дружно; но къ полямъ роднымъ
Вернулся я, и время испытанья
Промчалося законной чередой;
А онъ не дождался минуты сладкой:
Подъ бѣдною походною палаткой
Болѣзнь его сразила, и съ собой
Въ могилу онъ унесъ летучій рой
Еще незрѣлыхъ, темныхъ вдохновеній,
Обманутыхъ надеждъ и горькихъ сожалѣній!

Онъ былъ рожденъ для нихъ, для тѣхъ надеждъ,
Поэзіи и счастья... Но, безумный—
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ
И сердце бросилъ въ море жизни шумной.
И свѣтъ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Но до конца, среди волненій трудныхъ,
Въ толпѣ людской и средь пустынь безлюдныхъ
Въ немъ тихій пламень чувства не угасъ:
Онъ сохранилъ и блескъ лазурныхъ глазъ,
И звонкій дѣтскій смѣхъ, и рѣчь живую,
И вѣру гордую въ людей и жизнь иную.

Но онъ погибъ далёко отъ друзей...
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землей чужихъ полей,
Пусть тихо спитъ оно, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей!
Ты умеръ, какъ и многіе, безъ шума,
Но съ твердостью. Таинственная дума
Еще блуждала на челѣ твоемъ,
Когда глаза закрылись вѣчнымъ сномъ;
И то, что̀ ты сказалъ передъ кончиной,
Изъ слушавшихъ тебя не понялъ ни единый...

И было ль то—привѣтъ странѣ родной,
Названье ли оставленнаго друга,
Или тоска по жизни молодой,
Иль, просто, крикъ послѣдняго недуга,
Кто скажетъ намъ?... Твоихъ послѣднихъ словъ
Глубокое и горькое значенье
Потеряно. Дѣла твои, и мнѣнья,
И думы—все исчезло безъ слѣдовъ,
Какъ легкій паръ вечернихъ облаковъ:
Едва блеснутъ, ихъ вѣтеръ вновь уноситъ—
Куда они? зачѣмъ? откуда? — кто ихъ спроситъ...

И послѣ ихъ на небѣ нѣтъ слѣда,
Какъ отъ любви ребенка безнадежной,
Какъ отъ мечты, которой никогда
Онъ не ввѣрялъ заботамъ дружбы нѣжной...
Что̀ за нужда? Пускай забудетъ свѣтъ
Столь чуждое ему существованье:
Зачѣмъ тебѣ вѣнцы его вниманья
И тернія пустыхъ его клеветъ?

Ты не служилъ ему. Ты съ юныхъ лѣтъ
Коварныя его отвергнулъ цѣпи:
Любилъ ты моря шумъ, молчанье синей степи—

И мрачныхъ горъ зубчатые хребты..
И, вкругъ твоей могилы неизвѣстной,
Все, чѣмъ при жизни радовался ты,
Судьба соединила такъ чудесно:
Нѣмая степь синѣетъ, и вѣнцомъ
Серебрянымъ Кавказъ ее объемлетъ;
Надъ моремъ онъ, нахмурясь, тихо дремлетъ,
Какъ великанъ склонившись надъ щитомъ,
Разсказамъ волнъ кочующихъ внимая,
А Море Черное шумитъ не умолкая.

КАЗОТЪ.

На буйномъ шествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ,
Одинъ, покинутый безумными друзьями,
И въ даль грядущаго, закрытую предъ нами,
Духовный взоръ его смотрѣлъ.

И помню я, исполнены печали,
Средь звона чашъ, и криковъ, и рѣчей,
И пѣсенъ праздничныхъ, и хохота гостей,
Его слова пророчески звучали.

Онъ говорилъ: „Ликуйте, о друзья!
Что вамъ судьбы дряхлѣющаго міра?
Надъ вашей головой колеблется сѣкира,
Но что жъ?... изъ васъ одинъ ее увижу я...

* * *

Ребенка милаго рожденье
Привѣтствуетъ мой запоздалый стихъ.
Да будетъ съ нимъ благословенье
Всѣхъ ангеловъ небесныхъ и земныхъ!
Да будетъ онъ отца достоинъ;
Какъ мать его, прекрасенъ и любимъ;
Да будетъ духъ его спокоенъ
И въ правдѣ твердъ, какъ Божій херувимъ.
Пускай не знаетъ онъ до срока
Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
Пускай глядитъ онъ безъ упрека
На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
Пускай не ищетъ онъ причины
Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
И выйдетъ онъ изъ свѣтской тѣни
Душою бѣлъ и сердцемъ невредимъ!

ПОЭТЪ.

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба;
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была въ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,

И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишонъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъблещетъ на стѣнѣ—
Увы, безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ фиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блёстки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

МЦЫРИ.*

Вкушая вкусихъ мало меда, и се азъ умираю.
I Книга Царствъ.

I.

Не много лѣтъ тому назадъ,
Тамъ, гдѣ сливаяся шумятъ,
Обнявшись, будто двѣ сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Былъ монастырь. Изъ-за горы
И нынче видитъ пѣшеходъ
Столбы обрушенныхъ воротъ,
И башни, и церковный сводъ;
Но не курится ужъ подъ нимъ
Кадильницъ благовонный дымъ,
Не слышно пѣнья въ поздній часъ
Молящихъ иноковъ за насъ.
Теперь одинъ старикъ сѣдой,
Развалинъ стражъ полуживой,
Людьми и смертію забытъ,
Сметаетъ пыль съ могильныхъ плитъ,
Которыхъ надпись говоритъ
О славѣ прошлой—и о томъ,
Какъ, удрученъ своимъ вѣнцомъ,
Такой-то царь, въ такой-то годъ,
Вручилъ Россіи свой народъ.

*

И Божья благодать сошла
На Грузію!—Она цвѣла
Съ тѣхъ поръ въ тѣни своихъ садовъ,
Не опасаяся враговъ,
За гранью дружескихъ штыковъ.

II.

Однажды русскій генералъ
Изъ горъ къ Тифлису проѣзжалъ;
Ребенка плѣннаго онъ везъ.
Тотъ занемогъ, не перенесъ

*) Мцыри—на грузинскомъ языкѣ значитъ «неслужащій монахъ», нѣчто въ родѣ «подслушника».

Трудовъ далекаго пути.
Онъ былъ, казалось, лѣтъ шести;
Какъ серна горъ, пугливъ и дикъ,
И слабъ и гибокъ, какъ тростникъ;
Но въ немъ мучительный недугъ
Развилъ тогда могучій духъ
Его отцовъ. Безъ жалобъ онъ
Томился, даже слабый стонъ
Изъ дѣтскихъ губъ не вылеталъ,
Онъ знáкомъ пищу отвергалъ,
И тихо, гордо умиралъ.
Изъ жалости одинъ монахъ
Больнаго призрѣлъ, и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ.
Но, чуждъ ребяческихъ утѣхъ,
Сначала бѣгалъ онъ отъ всѣхъ,
Бродилъ безмолвенъ, одинокъ,
Смотрѣлъ вздыхая на востокъ,
Томимъ неясною тоской
По сторонѣ своей родной.
Но послѣ къ плѣну онъ привыкъ,
Сталъ понимать чужой языкъ,
Былъ окрещенъ святымъ отцомъ,
И съ шумнымъ свѣтомъ незнакомъ
Уже хотѣлъ во цвѣтѣ лѣтъ
Изречь монашескій обѣтъ,
Какъ вдругъ однажды онъ исчезъ
Осенней ночью. Темный лѣсъ
Тянулся по горамъ кругомъ.
Три дня всѣ поиски по немъ
Напрасны были; но потомъ
Его въ степи безъ чувствъ нашли
И вновь въ обитель принесли.
Онъ страшно блѣденъ былъ и худъ
И слабъ, какъ будто долгій трудъ,
Болѣзнь, иль голодъ испыталъ.
Онъ на допросъ не отвѣчалъ
И съ каждымъ днемъ примѣтно вялъ.
И близокъ сталъ его конецъ.
Тогда пришелъ къ нему чернецъ
Съ увѣщеваньемъ и мольбой;
И, гордо выслушавъ, больной
Привсталъ, собравъ остатокъ силъ,
И долго такъ онъ говорилъ:

III.

„Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ, благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать—
А душу можно ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

IV.

„Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ—
Зачѣмъ?... Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ „отецъ“ и „мать“.

Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ—
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ—могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ, когда нибудь,
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.

V.

„Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ.
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ,
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ—я также могъ бы жить!

VI.

„Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ?—Пышныя поля,
Холмы, покрытые вѣнцомъ
Деревъ, разросшихся кругомъ,
Шумящихъ свѣжею толпой,
Какъ братья въ пляскѣ круговой.
Я видѣлъ груды темныхъ скалъ,
Когда потокъ ихъ раздѣлялъ,
И думы ихъ я угадалъ:
Мнѣ было свыше то дано!
Простерты въ воздухѣ давно
Объятья каменныя ихъ
И жаждутъ встрѣчи каждый мигъ;
Но дни бѣгутъ, бѣгутъ года—
Имъ не сойтися никогда!
Я видѣлъ горные хребты,
Причудливые какъ мечты,
Когда въ часъ утренней зари
Курилися какъ алтари,
Ихъ выси въ небѣ голубомъ,
И облачко за облачкомъ,
Покинувъ тайный свой ночлегъ,
Къ востоку направляло бѣгъ,
Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ разныхъ странъ!
Вдали я видѣлъ сквозь туманъ,
Въ снѣгахъ, горящихъ какъ алмазъ,
Сѣдой, незыблемый Кавказъ—
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ,
И стало въ памяти моей
Прошедшее яснѣй, яснѣй...

VII.

„И вспомнилъ я отцовскій домъ,
Ущелье наше, и кругомъ
Въ тѣни разсыпанный аулъ;
Мнѣ слышался вечерній гулъ
Домой бѣгущихъ табуновъ

И дальній лай знакомыхъ псовъ.
Я помнилъ смуглыхъ стариковъ,
При свѣтѣ лунныхъ вечеровъ
Противъ отцовскаго крыльца
Сидѣвшихъ съ важностью лица;
И блескъ оправленныхъ ножонъ
Кинжаловъ длинныхъ... и какъ сонъ
Все это смутной чередой
Вдругъ пробѣжало предо мной.
А мой отецъ? Онъ какъ живой
Въ своей одеждѣ боевой
Являлся мнѣ, и помнилъ я
Кольчуги звонъ, и блескъ ружья,
И гордый, непреклонный взоръ;
И молодыхъ моихъ сестеръ...
Лучи ихъ сладостныхъ очей,
И звукъ ихъ пѣсенъ и рѣчей
Надъ колыбелію моей...
Въ ущельи томъ бѣжалъ потокъ,
Онъ шуменъ былъ, но не глубокъ;
Къ нему, на золотой песокъ,
Играть я въ полдень уходилъ
И взоромъ ласточекъ слѣдилъ,
Когда онѣ передъ дождемъ
Волны касалися крыломъ.
И вспомнилъ я нашъ мирный домъ
И предъ вечернимъ очагомъ
Разсказы долгіе о томъ,
Какъ жили люди прежнихъ дней,
Когда былъ міръ еще пышнѣй.

VIII.

„Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля;
Узнать, прекрасна ли земля;
Узнать, для воли иль тюрьмы
На этотъ свѣтъ родимся мы—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда, столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! я какъ братъ
Обняться съ бурей былъ бы радъ,
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молнію ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ въ замѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?...

IX.

„Бѣжалъ я долго—гдѣ? куда?
Не знаю! Ни одна звѣзда
Не озаряла трудный путь.
Мнѣ было весело вдохнуть
Въ мою измученную грудь
Ночную свѣжесть тѣхъ лѣсовъ—
И только. Много я часовъ
Бѣжалъ, и наконецъ, уставъ,
Прилегъ между высокихъ травъ;
Прислушался: погони нѣтъ.
Гроза утихла. Блѣдный свѣтъ
Тянулся длинной полосой
Межъ темнымъ небомъ и землей,
И различалъ я, какъ узоръ,
На ней зубцы далекихъ горъ.
Недвижимъ, молча, я лежалъ.
Порой въ ущеліи шакалъ
Кричалъ и плакалъ какъ дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змѣя скользила межъ камней;
Но страхъ не сжалъ души моей;
Я самъ, какъ звѣрь, былъ чуждъ людей,
И ползъ и прятался какъ змѣй.

X.

„Внизу глубоко подо мной
Потокъ, усиленный грозой,
Шумѣлъ, и шумъ его глухой
Сердитыхъ сотнѣ голосовъ

Подобился. Хотя безъ словъ,
Мнѣ внятенъ былъ тотъ разговоръ,
Немолчный ропотъ, вѣчный споръ
Съ упрямой грудою камней.
То вдругъ стихалъ онъ, то сильнѣй
Онъ раздавался въ тишинѣ;
И вотъ, въ туманной вышинѣ
Запѣли птички, и востокъ
Озолотился; вѣтерокъ
Сырые шевельнулъ листы;
Дохнули сонные цвѣты,
И какъ они, навстрѣчу дню
Я поднялъ голову мою...
Я осмотрѣлся; не таю:
Мнѣ стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежалъ,
Гдѣ вылъ, крутясь, сердитый валъ;
Туда вели ступени скалъ:
Но лишь злой духъ по нимъ шагалъ,
Когда, низверженный съ небесъ,
Въ подземной пропасти исчезъ.

XI.

„Кругомъ меня цвѣлъ Божій садъ;
Растеній радужный нарядъ
Хранилъ слѣды небесныхъ слезъ,
И кудри виноградныхъ лозъ
Вились, красуясь межъ деревъ
Прозрачной зеленью листовъ;
И грозды полные на нихъ,
Серегъ подобье дорогихъ,
Висѣли пышно, и порой
Къ нимъ птицъ леталъ пугливый рой.
И снова я къ землѣ припалъ,
И снова вслушиваться сталъ
Къ волшебнымъ, страннымъ голосамъ;
Они шептались по кустамъ,
Какъ будто рѣчь свою вели
О тайнахъ неба и земли;
И всѣ природы голоса
Сливались тутъ; не раздался
Въ торжественный хваленья часъ
Лишь человѣка гордый гласъ.
Все, что я чувствовалъ тогда,
Тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда —
Но я бъ желалъ ихъ разсказать,
Чтобъ жить, хоть мысленно, опять.
Въ то утро былъ небесный сводъ
Такъ чистъ, что ангела полетъ
Прилежный взоръ слѣдить бы могъ;
Онъ такъ прозрачно былъ глубокъ,
Такъ полонъ ровной синевой!
Я въ немъ глазами и душой
Тонулъ, пока полдневный зной
Мои мечты не разогналъ,
И жаждой я томиться сталъ.

XII.

„Тогда къ потоку съ высоты,
Держась за гибкіе кусты,
Съ плиты на плиту я, какъ могъ,
Спускаться началъ. Изъ подъ ногъ
Сорвавшись, камень иногда
Катился внизъ—за нимъ бразда
Дымилась, прахъ вился столбомъ;
Гудя и прыгая, потомъ
Онъ поглощаемъ былъ волной;
И я висѣлъ надъ глубиной —
Но юность вольная сильна,
И смерть казалась не страшна!
Лишь только я съ крутыхъ высотъ
Спустился, свѣжесть горныхъ водъ
Повѣяла навстрѣчу мнѣ,
И жадно я припалъ къ волнѣ.
Вдругъ голосъ—легкій шумъ шаговъ...
Мгновенно скрывшись межъ кустовъ,
Невольнымъ трепетомъ объятъ,
Я поднялъ боязливый взглядъ
И жадно вслушиваться сталъ:
И ближе, ближе все звучалъ
Грузинки голосъ молодой,
Такъ безъискуственно живой,
Такъ сладко вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.

Простая пѣсня то была,
Но въ мысль она мнѣ залегла,
И мнѣ, лишь сумракъ настаетъ,
Незримый духъ ее поетъ.

XIII.

„Держа кувшинъ надъ головой,
Грузинка узкою тропой
Сходила къ берегу. Порой
Она скользила межъ камней,
Смѣясь неловкости своей.
И бѣденъ былъ ея нарядъ;
И шла она легко, назадъ
Изгибы длинные чадры
Откинувъ. Лѣтніе жары
Покрыли тѣнью золотой
Лицо и грудь ея; и зной
Дышалъ отъ устъ ея и щекъ.
И мракъ очей былъ такъ глубокъ,
Такъ полонъ тайнами любви,
Что думы пылкія мои
Смутились. Помню только я
Кувшина звонъ—когда струя
Вливалась медленно въ него—
И шорохъ... больше ничего.
Когда же я очнулся вновь
И отлила отъ сердца кровь,
Она была ужъ далеко;
И шла хоть тише—но легко,
Стройна подъ ношею своей,
Какъ тополь, царь ея полей...
Недалеко въ прохладной мглѣ,
Казалось, приросли къ скалѣ
Двѣ сакли дружною четой;
Надъ плоской кровлею одной
Дымокъ струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Какъ отперлась тихонько дверь
И затворилася опять...
— Тебѣ, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если бъ могъ—мнѣ было бъ жаль:
Воспоминанья тѣхъ минутъ
Во мнѣ, со мной пускай умрутъ.

XIV.

„Трудами ночи изнуренъ,
Я легъ въ тѣни. Отрадный сонъ
Сомкнулъ глаза невольно мнѣ...
И снова видѣлъ я во снѣ
Грузинки образъ молодой.
И странной, сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть —
И пробудился. Ужъ луна
Вверху сіяла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Какъ за добычею своей,
Объятья жадныя раскрывъ.
Міръ теменъ былъ и молчаливъ;
Лишь серебристой бахромой
Вершины цѣпи снѣговой
Вдали сверкали предо мной,
Да въ берега плескалъ потокъ.
Въ знакомой саклѣ огонекъ
То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда!
Хотѣлось мнѣ... но я туда
Взойти не смѣлъ. Я цѣль одну,
Пройти въ родимую страну,
Имѣлъ въ душѣ — и превозмогъ
Страданье голода, какъ могъ.
И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой;
Но скоро въ глубинѣ лѣсной
Изъ виду горы потерялъ
И тутъ съ пути сбиваться сталъ.

XV.

„Напрасно, въ бѣшенствѣ, порой
Я рвалъ отчаянной рукой
Терновникъ, спутанный плющемъ:
Все лѣсъ былъ, вѣчный лѣсъ кругомъ,

Страшнѣй и гуще каждый часъ;
И милліономъ черныхъ глазъ
Смотрѣли ночи темнота
Сквозь вѣтви каждаго куста...
Моя кружилась голова.
Я сталъ влѣзать на дерева;
Но даже на краю небесъ
Все тотъ же былъ зубчатый лѣсъ.
Тогда на землю я упалъ
И въ изступленіи рыдалъ
И грызъ сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
Въ нее горячею росой...
Но, вѣрь мнѣ, помощи людской
Я не желалъ... Я былъ чужой
Для нихъ навѣкъ, какъ звѣрь степной;
И если бъ хоть минутный крикъ
Мнѣ измѣнилъ—клянусь, старикъ,
Я бъ вырвалъ слабый мой языкъ.

XVI.

„Ты помнишь, въ дѣтскіе года
Слезы не зналъ я никогда;
Но тутъ я плакалъ безъ стыда.
Кто видѣть могъ? Лишь темный лѣсъ,
Да мѣсяцъ, плывшій средь небесъ!
Озарена его лучемъ,
Покрыта мохомъ и пескомъ,
Непроницаемой стѣной
Окружена, передо мной
Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя, навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ
Мотая ласково хвостомъ,
На полный мѣсяцъ—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ
Минуту битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела инымъ путемъ...
Но нынче я увѣренъ въ томъ,
Что быть бы могъ въ краю отцовъ
Не изъ послѣднихъ удальцовъ.

XVII.

„Я ждалъ. И вотъ въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ...
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надёжный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ..
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой, широкою волной—
Бой закипѣлъ, смертельный бой!

XVIII.

„Ко мнѣ онъ кинулся на грудь;
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:

Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,
Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!...

XIX.

„Ты видишь на груди моей
Слѣды глубокіе когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покровъ ихъ освѣжитъ
И смерть навѣки заживитъ.
О нихъ тогда я позабылъ,
И, вновь собравъ остатокъ силъ,
Побрелъ я въ глубинѣ лѣсной...
Но тщетно спорилъ я съ судьбой:
Она смѣялась надо мной!

XX.

„Я вышелъ изъ лѣсу. И вотъ
Проснулся день, и хороводъ
Свѣтилъ напутственныхъ исчезъ
Въ его лучахъ. Туманный лѣсъ
Заговорилъ. Вдали аулъ
Куриться началъ. Смутный гулъ
Въ долинѣ съ вѣтромъ пробѣжалъ...
Я сѣлъ и вслушиваться сталъ;
Но смолкъ онъ вмѣстѣ съ вѣтеркомъ.
И кинулъ взоры я кругомъ:
Тотъ край, казалось, мнѣ знакомъ.
И страшно было мнѣ—понять
Не могъ я долго, что опять
Вернулся я къ тюрьмѣ моей;
Что безполезно столько дней
Я тайный замыселъ ласкалъ,
Терпѣлъ, томился и страдалъ,
И все зачѣмъ?... Чтобъ въ цвѣтѣ лѣтъ,
Едва взглянувъ на Божій свѣтъ,
При звучномъ ропотѣ дубравъ
Блаженство вольности познавъ,
Унесть въ могилу за собой
Тоску по родинѣ святой,
Надеждъ обманутыхъ укоръ
И вашей жалости позоръ!...
Еще въ сомнѣнье погруженъ,
Я думалъ—это страшный сонъ....
Вдругъ дальній колокола звонъ
Раздался снова въ тишинѣ—
И тутъ все ясно стало мнѣ...
О, я узналъ его тотчасъ!
Онъ съ дѣтскихъ глазъ уже не разъ
Сгонялъ видѣнья сновъ живыхъ
Про милыхъ ближнихъ и родныхъ,
Про волю дикую степей,
Про легкихъ бѣшеныхъ коней,
Про битвы чудныя межъ скалъ,
Гдѣ всѣхъ одинъ я побѣждалъ!...
И слушалъ я безъ слезъ, безъ силъ.
Казалось, звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца—будто кто нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И смутно понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда.

XXI.

„Да, заслужилъ я жребій мой!
Могучій конь, въ степи чужой
Плохаго сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и краткій путь...
Что̀ я предъ нимъ?—Напрасно грудь

Полна желаньемъ и тоской:
То жаръ безсильный и пустой,
Игра мечты, болѣзнь ума.
На мнѣ печать свою тюрьма
Оставила... Таковъ цвѣтокъ
Темничный: выросъ одинокъ
И блѣденъ онъ межъ плитъ сырыхъ;
И долго листьевъ молодыхъ
Не распускалъ, все ждалъ лучей
Живительныхъ. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печалью тронулась цвѣтка,
И былъ онъ въ садъ перенесенъ,
Въ сосѣдство розъ. Со всѣхъ сторонъ
Дышала сладость бытія...
Но что жъ? Едва взошла заря,
Палящій лучъ ея обжогъ
Въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ...

XXII.

„И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ея вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ,
Въ оцѣпенѣніи глухомъ,
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до-низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно; потомъ,
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То, будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...

XXIII.

„И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернѣли двѣ горы.
Нашъ монастырь изъ-за одной
Сверкалъ зубчатою стѣной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвивъ каймой изъ серебра
Подошвы свѣжихъ острововъ,
По корнямъ шепчущихъ кустовъ
Бѣжали дружно и легко...
До нихъ мнѣ было далеко!
Хотѣлъ я встать—передо мной
Все закружилось съ быстротой;
Хотѣлъ кричать—языкъ сухой
Беззвученъ и недвижимъ былъ...
Я умиралъ. Меня томилъ
Предсмертный бредъ.
Казалось мнѣ,
Что я лежу на влажномъ днѣ
Глубокой рѣчки—и была
Кругомъ таинственная мгла.
И, жажду вѣчную поя,
Какъ ледъ холодная струя,
Журча, вливалася мнѣ въ грудь...
И я боялся лишь заснуть—
Такъ было сладко, любо мнѣ...
А надо мною въ вышинѣ
Волна тѣснилася къ волнѣ
И солнце сквозь хрусталь волны
Сіяло сладостнѣй луны...
И рыбокъ пестрыя стада
Въ лучахъ играли иногда.
И помню я одну ихъ нихъ:
Она привѣтливѣй другихъ

Ко мнѣ ласкалась. Чешуей
Была покрыта золотой
Ея спина. Она вилась
Надъ головой моей не разъ,
И взоръ ея зеленыхъ глазъ
Былъ грустно-нѣженъ и глубокъ...
И надивиться я не могъ:
Ея сребристый голосокъ
Мнѣ рѣчи странныя шепталъ,
И пѣлъ, и снова замолкалъ.
Онъ говорилъ:

„Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ и покой.

*

„Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

*

„Усни! постель твоя мягка
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

*

„О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...“

„И долго, долго слушалъ я;
И мнилось, звучная струя
Сливала тихій ропотъ свой
Съ словами рыбки золотой.
Тутъ я забылся. Божій свѣтъ
Въ глазахъ угасъ. Безумный бредъ
Безсилью тѣла уступилъ...

XXIV.

„Такъ я найденъ и поднятъ былъ...
Ты остальное знаешь самъ.
Я кончилъ. Вѣрь моимъ словамъ,
Или не вѣрь, мнѣ все равно.
Меня печалитъ лишь одно:
Мой трупъ холодный и нѣмой
Не будетъ тлѣть въ землѣ родной,
И повѣсть горькихъ мукъ моихъ
Не призоветъ межъ стѣнъ глухихъ
Вниманье скорбное ни чье
На имя темное мое.

XXV.

„Прощай, отецъ... дай руку мнѣ:
Ты чувствуешь, моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень, съ юныхъ дней
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожогъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю,
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!...

XXVI.

„Когда я стану умирать,
И, вѣрь, тебѣ не долго ждать—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа,
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.

Сіяньемъ голубаго дня
Ушюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣткомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!
И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что въ полголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!...“

[1839 года, августа 5].

1840.

ПЕРВОЕ ЯНВАРЯ.

Какъ часто, пестрою толпою окружонъ,
Когда передо мной, какъ будто бы сквозь сонъ,
При шумѣ музыки и пляски,
При дикомъ шопотѣ затверженныхъ рѣчей,
Мелькаютъ образы бездушные людей —
Приличьемъ стянутыя маски;

Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ,
Съ небрежной смѣлостью, красавицъ городскихъ
Давно-безтрепетныя руки—
Наружно погружась въ ихъ блескъ и суету,
Ласкаю я въ душѣ старинную мечту,
Погибшихъ лѣтъ святые звуки.

И если какъ нибудь на мигъ удастся мнѣ
Забыться—памятью къ недавней старинѣ
Лечу я вольной, вольной птицей;
И вижу я себя ребенкомъ; и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей;

Зеленой сѣтью травъ подернутъ спящій прудъ,
А за прудомъ село дымится—и встаютъ
Вдали туманы надъ полями.
Въ аллею темную вхожу я; сквозь кусты
Глядитъ вечерній лучъ, и желтые листы
Шумятъ подъ робкими шагами.

И странная тоска тѣснитъ ужъ грудь мою:
Я думаю объ ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
Съ глазами полными лазурнаго огня,
Съ улыбкой розовой, какъ молодаго дня
За рощей первое сіянье.

Такъ царства дивнаго всесильный господинъ—
Я долгіе часы просиживалъ одинъ,
И память ихъ жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтетъ на влажной ихъ пустынѣ.

Когда жъ, опомнившись, обманъ я узнаю,
И шумъ толпы людской спугнетъ мечту мою —
На праздникъ незванную гостью,
О, какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ,
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью!...

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки-баю.

Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шолкомъ разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать;
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки-баю.

Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ЖУРНАЛИСТЪ, ЧИТАТЕЛЬ И ПИСАТЕЛЬ.

Les poëtes ressemblent aux ours, qui se nourrissent en suçant leur patte.

Inédit.

Комната писателя; опущенныя шторы. Онъ сидитъ въ большихъ креслахъ передъ каминомъ. Читатель, съ сигарой, стоитъ спиной къ камину. Журналистъ входитъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я очень радъ, что вы больны:
Въ заботахъ жизни, въ шумѣ свѣта
Теряетъ скоро умъ поэта
Свои божественные сны.
Среди различныхъ впечатлѣній,
На мелочь душу размѣнявъ,
Онъ гибнетъ жертвой общихъ мнѣній.
Когда ему въ пылу забавъ
Обдумать зрѣлое творенье?...
Зато какая благодать,
Коль небо вздумаетъ послать
Ему изгнанье, заточенье,
Иль даже долгую болѣзнь:
Тотчасъ въ его уединеньи
Раздастся сладостная пѣснь!

Порой влюбляется онъ страстно
Въ свою нарядную печаль...
Ну, что вы пишете? Нельзя ль
Узнать?

ПИСАТЕЛЬ.

Да ничего...

ЖУРНАЛИСТЪ.

Напрасно!

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ;
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ N. N., невѣдомой красѣ,—
И страшно надоѣли всѣ.

ЧИТАТЕЛЬ.

И я скажу—нужна отвага
Чтобы открыть... хоть вашъ журналъ
[Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ]:
Во-первыхъ, сѣрая бумага;
Она, быть можетъ, и чиста,
Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...
Читаешь—сотни опечатокъ!
Стихи—такая пустота;
Слова безъ смысла, чувства нѣту,
Натянутъ каждый оборотъ;
Притомъ—сказать ли по секрету?
И въ риѳмахъ часто недочетъ.
Возьмешь ли прозу?—переводъ.
А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.
Съ кого они портреты пишутъ?
Гдѣ разговоры эти слышутъ?
А если и случалось имъ,
Такъ мы ихъ слышать не хотимъ...
Когда же на Руси безплодной,
Разставшись съ ложной мишурой,
Мысль обрѣтетъ языкъ простой
И страсти голосъ благородный?

ЖУРНАЛИСТЪ.

Я точно то же говорю;
Какъ вы открыто негодуя,
На музу русскую смотрю я.
Прочтите критику мою.

ЧИТАТЕЛЬ.

Читалъ я. Мелкія нападки
На шрифтъ, виньетки, опечатки,
Намеки тонкіе на то,
Чего не вѣдаетъ никто.
Хотя бъ забавно было свѣту!...
Въ чернилахъ вашихъ, господа,
И жолчи ѣдкой даже нѣту—
А просто грязная вода.

ЖУРНАЛИСТЪ.

И съ этимъ надо согласиться.
Но вѣрьте мнѣ, душевно радъ
Я былъ бы вовсе не браниться—
Да какъ же быть?... меня бранятъ!
Войдите въ наше положенье!
Читаетъ насъ и низшій кругъ:
Нагая рѣзкость выраженья
Не всякій оскорбляетъ слухъ;
Приличье, вкусъ—все такъ условно;
А деньги всѣ вѣдь платятъ ровно!
Повѣрьте мнѣ: судьбою несть
Даны намъ тяжкія вериги.
Скажите, каково прочесть
Весь этотъ вздоръ, всѣ эти книги—
И все зачѣмъ? Чтобъ вамъ сказать,
Что ихъ ненадобно читать!...

ЧИТАТЕЛЬ.

Зато какое наслажденье,
Какъ отдыхаетъ умъ и грудь,
Коль попадется какъ нибудь

Живое, свѣтлое творенье!
Вотъ, напримѣръ, пріятель мой:
Владѣетъ онъ изрядным слогомъ;
И чувствъ и мыслей полнотой
Онъ одаренъ всевышнимъ Богомъ.

ЖУРНАЛИСТЪ.

Все это такъ, да вотъ бѣда:
Не пишутъ эти господа.

ПИСАТЕЛЬ.

О чемъ писать?... Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы дружныя, какъ волны,
Журча, одна вослѣдъ другой
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.
Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.
Ужель ребяческія чувства,
Воздушный, безотчетный бредъ
Достойны строгаго искусства?
Ихъ осмѣетъ, забудетъ свѣтъ...

Бываютъ тягостныя ночи:
Безъ сна, горятъ и плачутъ очи,
На сердцѣ—жадная тоска;
Дрожа, холодная рука
Подушку жаркую объемлетъ;
Невольный страхъ власы подъемлетъ;
Болѣзненный, безумный крикъ
Изъ груди рвется—и языкъ
Лепечетъ громко, безъ сознанья,
Давно забытыя названья;
Давно забытыя черты
Въ сіяньи прежней красоты
Рисуетъ память своевольно:
Въ очахъ любовь, въ устахъ обманъ—
И вѣришь снова имъ невольно,
И какъ-то весело и больно
Тревожить язвы старыхъ ранъ...
Тогда пишу. Диктуетъ совѣсть,
Перомъ сердитый водитъ умъ:
То соблазнительная повѣсть
Сокрытыхъ дѣлъ и тайныхъ думъ;
Картины хладныя разврата,
Преданья глупыхъ юныхъ дней,
Давно безъ пользы и возврата
Погибшихъ въ омутѣ страстей,
Средь битвъ незримыхъ, но упорныхъ,
Среди обманщицъ и невѣждъ,
Среди сомнѣній ложно-черныхъ
И ложно радужныхъ надеждъ.
Судья безвѣстный и случайный,
Не дорожа чужою тайной
Приличьемъ скрашенный порокъ
Я смѣло предаю позору;
Неумолимъ я и жестокъ...
Но, право, этихъ горькихъ строкъ
Неприготовленному взору
Я не рѣшуся показать...
Скажите жъ мнѣ, о чемъ писать?
Къ чему толпы неблагодарной
Мнѣ злость и ненависть навлечь,
Чтобъ бранью назвали коварной
Мою пророческую рѣчь?
Чтобъ тайный ядъ страницы знойной
Смутилъ ребенка сонъ покойный
И сердце слабое увлекъ
Въ свой необузданный потокъ?
О нѣтъ! преступною мечтою
Не ослѣпляя мысль мою,
Такой тяжелою цѣною
Я вашей славы не куплю...

21 марта 1840.
Подъ арестомъ на арсенальной гауптвахтѣ.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

[изъ зейдлица].

По синимъ волнамъ океана,
Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется,
Несется на всѣхъ парусахъ.

Не гнутся высокія мачты,
На нихъ флюгера не шумятъ,
И, молча, въ открытыя люки
Чугунныя пушки глядятъ.

Не слышно на немъ капитана,
Не видно матросовъ на немъ;
Но скалы и тайныя мели,
И бури ему нипочемъ.

Есть островъ на томъ океанѣ—
Пустынный и мрачный гранитъ;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ.

Зарытъ онъ безъ почестей бранныхъ
Врагами въ сыпучій песокъ;
Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ.

И въ часъ его грустной кончины,
Въ полночь, какъ свершается годъ,
Къ высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаетъ.

Изъ гроба тогда императоръ,
Очнувшись, является вдругъ;
На немъ треугольная шляпа
И сѣрый походный сюртукъ.

Скрестивши могучія руки,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и къ рулю онъ садится
И быстро пускается въ путь.

Несется онъ къ Франціи милой,
Гдѣ славу оставилъ и тронъ,
Оставилъ наслѣдника-сына,
И старую гвардію онъ.

И только-что землю родную
Завидитъ во мракѣ ночномъ,
Опять его сердце трепещетъ
И очи пылаютъ огнемъ.

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ.

Но спятъ усачи-гренадеры —
Въ равнинѣ, гдѣ Эльба шумитъ,
Подъ снѣгомъ холодной Россіи,
Подъ знойнымъ пескомъ пирамидъ.

И маршалы зова не слышатъ:
Иные погибли въ бою,
Другіе ему измѣнили
И продали шпагу свою.

И, топнувъ о землю ногою,
Сердито онъ взадъ и впередъ
По тихому берегу ходитъ,
И снова онъ громко зоветъ:

Зоветъ онъ любезнаго сына—
Опору въ превратной судьбѣ;
Ему обѣщаетъ полміра,
А Францію только—себѣ.

Но въ цвѣтѣ надежды и силы
Угасъ его царственный сынъ,
И долго, его поджидая,
Стоитъ императоръ одинъ—

Стоитъ онъ и тяжко вздыхаетъ,
Пока озарится востокъ,
И капаютъ горькія слезы
Изъ глазъ на холодный песокъ.

Потомъ на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идетъ и, махнувши рукою,
Въ обратный пускается путь.

И СКУЧНО И ГРУСТНО.

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!... что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!

Любить... но кого же?... на время—не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.
Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Что страсти! — вѣдь, рано иль поздно, ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка;
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

ОТЧЕГО.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье.
За каждый свѣтлый день, иль сладкое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ.
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей;
За жаръ души, растраченный въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ.

ИЗЪ ГЁТЕ.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной;
Тихія долины
Полны свѣжей мглой;
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного,
Отдохнешь и ты.

ТУЧИ.

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Кто же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Апрѣль 1840.

СОСНА.

[ИЗЪ ГЕЙНЕ].

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

---

* *

[КН. МАРЬѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ЩЕРБАТОВОЙ].

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.

Но юга роднаго
На ней сохранилась примѣта
Среди ледянаго,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ —
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки;
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щёчкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ,
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ:
Полюбитъ не скоро,
Зато не разлюбитъ ужъ даромъ.

ЛЮБОВЬ МЕРТВЕЦА.

Пускай холодною землею
Засыпанъ я,
О, другъ! всегда вездѣ съ тобою
Душа моя.
Любви безумнаго томленья,
Жилецъ могилъ,
Въ странѣ покоя и забвенья,
Я не забылъ.

Безъ страха, въ часъ послѣдней муки,
Покинувъ свѣтъ,
Отрады ждалъ я отъ разлуки—
Разлуки нѣтъ!
Я видѣлъ прелесть безтѣлесныхъ—
И тосковалъ,
Что образъ твой въ чертахъ небесныхъ
Не узналъ.

Что̀ мнѣ сіянье божьей власти
И рай святой!
Я перенесъ земныя страсти
Туда съ собой:
Ласкаю я мечту родную
Вездѣ одну;
Желаю, плачу и ревную,
Какъ встарину.

Коснется ль чуждое дыханье
Твоихъ ланитъ,
Душа моя въ нѣмомъ страданьѣ
Вся задрожитъ.

Случится ль—шепчешь, засыпая,
Ты о другомъ;
Твои слова текутъ, пылая,
По мнѣ огнемъ.

Ты не должна любить другова,
Нѣтъ не должна;
Ты мертвецу святыней слова
Обручена.
Увы! твой страхъ, твои моленья,
Къ чему онѣ?
Покоя мира и забвенья
Не надо мнѣ!

ПОСВЯЩЕНІЕКЪ ПОЭМѢ „ДЕМОНЪ“.

Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли,
Я посвящаю снова стихъ небрежный:
Какъ сына ты его благослови
И осѣни вершиной бѣлоснѣжной.
Отъ юныхъ лѣтъ къ тебѣ мечты мои
Прикованы судьбою неизбѣжной;
На сѣверѣ, въ странѣ тебѣ чужой,
Я сердцемъ твой, всегда и всюду твой.

Еще ребенкомъ, робкими шагами
Взбирался я на гордыя скалы,
Увитыя туманными чалмами,
Какъ головы поклонниковъ Аллы.
Тамъ вѣтеръ машетъ вольными крылами,
Тамъ ночевать слетаются орлы;
Я въ гости къ нимъ леталъ мечтой послушной
И сердцемъ былъ товарищъ ихъ воздушный.

Съ тѣхъ поръ прошло тяжелыхъ много лѣтъ,
И вновь меня межъ скалъ своихъ ты встрѣтилъ;
Какъ нѣкогда ребенку, твой привѣтъ
Изгнаннику былъ радостенъ и свѣтелъ;
Онъ пролилъ въ грудь мою забвенье бѣдъ
И дружески на дружній зовъ отвѣтилъ.
И нынѣ здѣсь, въ полуночномъ краю,
Все о тебѣ мечтаю и пою.

АЛЕКСАНДРѢ ОСИПОВНѢ СМИРНОВОЙ.

Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я, въ смущеніи, молчу.
Что жъ дѣлать?... Рѣчью неискусной
Занять вашъ умъ мнѣ не дано...
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно...

КЪ ПОРТРЕТУ

ГР. А. К. ВОРОНЦОВОЙ-ДАШКОВОЙ.

Какъ мальчикъ кудрявый, рѣзва;
Нарядна, какъ бабочка лѣтомъ;
Значенья пустаго слова
Въ устахъ ея полны привѣтомъ.

Ей нравиться долго нельзя,
Какъ цѣпь, ей несносна привычка;
Она ускользнетъ, какъ змѣя,
Порхнетъ и умчится, какъ птичка.

Таитъ молодое чело
По волѣ—и радость и горе.
Въ глазахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Въ душѣ ея темно, какъ морѣ.

То истиной дышетъ въ ней все,
То все въ ней притворно и ложно;
Понять невозможно ее,
Зато не любить невозможно.

МАРЬѢ ПАВЛОВНѢ СОЛОМИРСКОЙ.

Надъ бездной адскою блуждая,
Душа преступная порой
Читаетъ на воротахъ рая
Узоры надписи святой;

И часто тайную отраду
Находитъ мукѣ неземной,
За непреклонную ограду
Стремясь завистливой мечтой.

Такъ, разбирая въ заточеньи
Досель мнѣ чуждыя черты,
Я былъ свободенъ на мгновенье
Могучей волею мечты.

Залогомъ вольности желанной,
Лучемъ надежды въ морѣ бѣдъ
Мнѣ сталъ тогда вашъ безъимянный,
Но вѣчно-памятный привѣтъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ АВТОРУ „КУРДЮКОВОЙ“.

[ив. петр. мятлеву].

На нашихъ дамъ морозныхъ
Съ досадой я смотрю;
Угрюмыхъ и серьезныхъ
Фигуръ ихъ не терплю.
Вотъ дама Курдюкова!
Ея разсказъ такъ милъ,
Я отъ слова до слова
Его бы затвердилъ.
Мой умъ скакалъ за нею,
И часто былъ готовъ
Я броситься на шею
Къ madame de-Курдюковъ.

КЪ ГР. Э. К. МУСИНОЙ-ПУШКИНОЙ.

Графиня Эмилія
Бѣлѣе, чѣмъ лилія;
Стройнѣй ея таліи
На свѣтѣ не встрѣтится,
И небо Италіи
Въ глазахъ ея свѣтится;
Но сердце Эмиліи
Подобно Бастиліи.

ИЗЪ АЛЬБОМА

СОФЬИ НИКОЛАЕВНЫ КАРАМЗИНОЙ.

Любилъ и я въ былые годы,
Въ невинности души моей,
И бури шумныя природы,
И бури тайныя страстей.

Но красоты ихъ безобразной
Я скоро таинство постигъ,
И мнѣ наскучилъ ихъ несвязный
И оглушающій языкъ.

Люблю я больше, годъ отъ году,
Желаньямъ мирнымъ давъ просторъ,
Поутру ясную погоду,
Подвечеръ—тихій разговоръ...

. . . . . .

ГРАФИНѢ РАСТОПЧИНОЙ.

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жъ?—Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южной;
Но ихъ разрознитъ гдѣ нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный,
И ласки вѣчныя свои.

* *
*

Слышу ли голосъ твой
Звонкій и ласковый—
Какъ птичка въ клѣткѣ
Сердце запрыгаетъ.

Встрѣчу ль глаза твои
Лазурью глубокіе—
Душа на встрѣчу имъ
Изъ груди просится.

И какъ-то весело!
И плакать хочется...
И такъ на шею бы
Тебѣ я кинулся...

1841.

* *
*

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно;
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтитъ отвѣта
Средь шума мірскова
Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово;

Но въ храмѣ, средь боя,
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду;

Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить!
Поѣдешь скоро ты домой:
Смотри жъ... да что! моей судьбой,
Сказать по правдѣ, очень
Никто не озабоченъ.

А если спроситъ кто-нибудь...
Ну, кто бы ни спросилъ—
Скажи имъ, что на вылетъ въ грудь
Я пулей раненъ былъ;
Что умеръ честно за царя,
Что плохи наши лекаря,
И что родному краю
Поклонъ я посылаю.

Отца и мать мою едва ль
Застанешь ты въ живыхъ...
Признаться, право, было бъ жаль
Мнѣ опечалить ихъ;
Но если кто изъ нихъ и живъ,
Скажи, что я писать лѣнивъ,
Что полкъ въ походъ послали,
И чтобъ меня не ждали.

Сосѣдка есть у нихъ одна...
Какъ вспомнишь, какъ давно
Разстались... Обо мнѣ она
Не спроситъ... Все равно,
Ты разскажи всю правду ей,
Пустаго сердца не жалѣй—
Пускай она поплачетъ...
Ей ничего не значитъ!

ОПРАВДАНІЕ.

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей—

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя—

Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!

Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

РОДИНА.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ;

Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телегѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень.
Люблю дымокъ спаленной жнивы.
Въ степи кочующій обозъ,
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

ПОСЛѢДНЕЕ НОВОСЕЛЬЕ.

Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій
И кликовъ радостныхъ, встрѣчаетъ хладный прахъ
Погибшаго давно среди нѣмыхъ страданій
Въ изгнаньи мрачномъ и въ цѣпяхъ;
Межъ тѣмъ, какъ міръ услужливой хвалою
Вѣнчаетъ поздняго раскаянья порывъ,
И вздорная толпа, довольная собою,
Гордится, прошлое забывъ—
Негодованію и чувству давъ свободу,
Понявъ тщеславіе сихъ праздничныхъ заботъ,
Мнѣ хочется сказать великому народу:
Ты жалкій и пустой народъ!
Ты жалокъ, потому что вѣра, слава, геній,
Все, все великое, священное земли,
Съ насмѣшкой глупою ребяческихъ сомнѣній
Тобой растоптано въ пыли.
Изъ славы сдѣлалъ ты игрушку лицемѣрья,
Изъ вольности—орудье палача,
И всѣ завѣтныя отцовскія повѣрья
Ты имъ рубилъ, рубилъ съ плеча—
Ты погибалъ... и онъ явился съ строгимъ взоромъ,
Отмѣченный божественнымъ перстомъ,
И признанъ за вождя всеобщимъ приговоромъ,
И ваша жизнь слилася въ немъ—
И вы окрѣпли вновь въ тѣни его державы,
И міръ трепещущій въ безмолвіи взиралъ
На ризу чудную могущества и славы,
Которой васъ онъ одѣвалъ.
Одинъ — онъ былъ вездѣ, холодный, неизмѣнный,
Отецъ сѣдыхъ дружинъ, любимый сынъ молвы,
Въ степяхъ египетскихъ, у стѣнъ покорной Вѣны,
Въ снѣгахъ пылающей Москвы.

*

А вы что дѣлали, скажите, въ это время,
Когда въ поляхъ чужихъ онъ гордо погибалъ?
Вы потрясали власть, избранную какъ бремя,
Точили въ темнотѣ кинжалъ!
Среди послѣднихъ битвъ, отчаянныхъ усилій,
Въ испугѣ не понявъ позора своего,
Какъ женщина, ему вы измѣнили
И, какъ рабы, вы предали его!

Лишенный правъ и мѣста гражданина,
Разбитый свой вѣнецъ онъ снялъ и бросилъ самъ,
И вамъ оставилъ онъ въ залогъ роднаго сына—
Вы сына выдали врагамъ!
Тогда, отяготивъ позорными цѣпями,
Героя увезли отъ плачущихъ дружинъ—
И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ—
Одинъ, замученъ мщеніемъ безплоднымъ,
Безмолвною и гордою тоской,
И, какъ простой солдатъ, въ плащѣ своемъ походномъ
Зарытъ наемною рукой...

*

Но годы протекли, и вѣтреное племя
Кричитъ: „Подайте намъ священный этотъ прахъ!
Онъ нашъ; его теперь, великой жатвы сѣмя,
Зароемъ мы въ спасенныхъ имъ стѣнахъ!“
И возвратился онъ на родину. Безумно,
Какъ прежде, вкругъ него тѣснятся и бѣгутъ
И въ пышный гробъ, среди столицы шумной,
Остатки тлѣнные кладутъ.
Желанье позднее увѣнчано успѣхомъ!
И краткій свой восторгъ смѣнивъ уже другимъ,
Гуляя, топчетъ ихъ съ самодовольнымъ смѣхомъ
Толпа, дрожавшая предъ нимъ!

*

И грустно мнѣ, когда подумаю, что нынѣ
Нарушена святая тишина
Вокругъ того, кто ждалъ въ своей пустынѣ
Такъ жадно, столько лѣтъ — спокойствія и сна!
И если духъ вождя примчится на свиданье
Съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ,
Какое въ немъ негодованье
При этомъ видѣ закипитъ!
Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!

КИНЖАЛЪ.

Люблю тебя, булатный мой кинжалъ.
Товарищъ свѣтлый и холодный.
Задумчивый грузинъ на месть тебя ковалъ,
На грозный бой точилъ черкесъ свободный.

Лилейная рука тебя мнѣ поднесла
Въ знакъ памяти, въ минуту разставанья,
И въ первый разъ не кровь вдоль по тебѣ текла,
Но свѣтлая слеза—жемчужина страданья.

И черные глаза, остановясь на мнѣ,
Исполнены таинственной печали,
Какъ сталь твоя при трепетномъ огнѣ,
То вдругъ тускнѣли, то сверкали.

Ты данъ мнѣ въ спутники, любви залогъ нѣмой,
И страннику въ тебѣ примѣръ не безполезный:
Да, я не измѣнюсь и буду твердъ душой
Какъ ты, какъ ты, мой другъ желѣзный.

ПЛѢННЫЙ РЫЦАРЬ.

Молча сижу подъ окошкомъ темницы.
Синее небо отсюда мнѣ видно:
Въ небѣ играютъ всѣ вольныя птицы;
Глядя на нихъ, мнѣ и больно и стыдно.

Нѣтъ на устахъ моихъ грѣшной молитвы,
Нѣту ни пѣсни во славу любезной;
Помню я только старинныя битвы,
Мечь мой тяжелый, да панцырь желѣзный.

Въ каменный панцырь я нынѣ закованъ,
Каменный шлемъ мою голову давитъ,
Щитъ мой отъ стрѣлъ и меча заколдованъ,
Конь мой бѣжитъ, и никто имъ не правитъ.

Быстрое время—мой конь неизмѣнный,
Шлема забрало—рѣшотка бойницы,
Каменный панцырь—высокія стѣны,
Щитъ мой—чугунныя двери темницы.

Мчись же быстрѣе, летучее время!
Душно подъ новой бронею мнѣ стало!
Смерть, какъ пріѣдемъ, подержитъ мнѣ стремя;
Слѣзу и сдерну съ лица я забрало.

СОСѢДКА.

Не дождаться мнѣ видно свободы,
А тюремные дни будто годы;
И окно высоко̀ надъ землей,
А у двери стоитъ часовой.

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей;
Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ насъ, сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно̀,
Да съ двойною рѣшоткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду—
Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая,
И сидитъ она долго, вздыхая;
Видно, буйную думу тая,
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка,
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за ширушку усадишь;
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмѣльнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

ДОГОВОРЪ.

Пускай толпа клеймитъ презрѣньемъ
Нашъ неразгаданный союзъ,
Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
Ты лишена семейныхъ узъ—

Но передъ идолами свѣта
Не гну колѣни я мои;
Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
Ни сильной злобы, ни любви;

Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
Не отличая никого:
Дѣлюся съ умнымъ и безумнымъ,
Живу для сердца своего.

Земнаго счастья мы не цѣнимъ;
Людей привыкли мы цѣнить;
Себѣ мы оба не измѣнимъ,
А намъ не могутъ измѣнить.

Въ толпѣ другъ друга мы узнали;
Сошлись и разойдемся вновь.
Была безъ радостей любовь,
Разлука будетъ безъ печали.

* * *

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ работъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И, между тѣмъ, какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми,
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

* * *

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта.
Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбался лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньи
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

* * *

Не плачь, не плачь, мое дитя!
Не стоитъ онъ безумной муки.
Вѣрь, онъ ласкалъ тебя шутя,
Вѣрь, онъ любилъ тебя отъ скуки!
И мало ль въ Грузіи у насъ
Прекрасныхъ юношей найдется?
Быстрѣй огонь ихъ черныхъ глазъ,
И черный усъ ихъ лучше вьется!

Изъ дальней, чуждой стороны
Онъ къ намъ заброшенъ былъ судьбою;
Онъ ищетъ славы и войны—
И что жъ онъ могъ найти съ тобою?
Тебя онъ золотомъ дарилъ,
Клялся, что вѣчно не измѣнитъ;
Онъ ласки дорого цѣнилъ,
Но слезъ твоихъ онъ не оцѣнитъ!

---

* * *

Это случилось въ послѣдніе годы могучаго Рима.
Царствовалъ грозный Тиверій и гналъ христіанъ безпощадно;
Но ежедневно, на мѣстѣ отрубленныхъ вѣтвей, у древа
Церкви Христовой юные вновь зеленѣли побѣги.
Въ тайной пещерѣ, надъ Тибромъ ревущимъ, скрывался въ то время
Праведный старецъ, въ постѣ и молитвѣ свой вѣкъ доживая;
Богъ его въ людяхъ своей благодатью прославилъ.
Чудный онъ даръ получилъ: исцѣлять отъ недуговъ тѣлесныхъ
И отъ страданій душевныхъ. Рано утромъ однажды,
Горько рыдая, приходитъ къ нему старуха простаго
Званія; съ нею и мужъ ея, грусти безмолвной исполненъ.
Проситъ она воскресить ея дочь, внезапно во цвѣтѣ
Дѣвственной жизни умершую... „Вотъ ужъ два дня и двѣ ночи“—
Такъ она говорила—„мы нашихъ боговъ неотступно
Молимъ во храмахъ и жжемъ ароматы на мраморѣ хладномъ,
Золото сыплемъ жрецамъ ихъ и плачемъ... но все безполезно!
Если бъ зналъ ты Виргинію нашу, то жалость стѣснила бъ
Сердце твое, равнодушное къ прелестямъ міра: какъ часто
Дряхлые старцы, любуясь на бѣлыя плечи, волнистыя кудри,
На темныя очи ея—молодѣли; юноши страстнымъ
Взоромъ ее провожали, когда, нашѣвая простую
Пѣсню, амфору держа надъ главой, осторожно тропинкой
Къ Тибру спускалась она за водою, иль въ пляскѣ,
Передъ домашнимъ порогомъ, подругъ побѣждала искусствомъ,
Звонкимъ ребяческимъ смѣхомъ родительскій слухъ утѣшая.
Только въ послѣднее время примѣтно она измѣнилась:
Игры наскучили ей и взоръ отуманился думой,
Изъ дома стала она уходить до зари; возвращаясь
Вечеромъ темнымъ, и ночи безъ сна проводила. При свѣтѣ
Поздней лампады я видѣла разъ, какъ она, на колѣняхъ,
Тихо, усердно и долго молилась...кому?... неизвѣстно...
Созвали мы стариковъ и родныхъ для совѣта; рѣшили...
. . . . . .

КАЗБЕКУ.

Спѣша на сѣверъ издалека,
Изъ теплыхъ и чужихъ сторонъ,
Тебѣ, Казбекъ, о стражъ Востока,
Привезъ я—странникъ—свой поклонъ.

Чалмою бѣлою отъ вѣка
Твой лобъ наморщенный увитъ,
И гордый ропотъ человѣка
Твой гордый миръ не возмутитъ.

Но сердце тихаго моленье
Да отнесутъ твои скалы
Въ надзвѣздный край, въ твое владѣнье—
Къ престолу вѣчному Аллы.

Молю, да снидетъ день прохладный
На знойный долъ и пыльный путь,
Чтобъ мнѣ въ пустынѣ безотрадной
На камнѣ въ полдень отдохнуть;

Молю, чтобъ буря не застала,
Гремя въ нарядѣ боевомъ,
Въ ущельи мрачнаго Дарьяла
Меня съ измученнымъ конемъ.

Но есть еще одно желанье...
Боюсь сказать... душа дрожитъ...
Что̀... если я со дня изгнанья
Совсѣмъ на родинѣ забытъ!

Найду ль тамъ прежнія объятья?
Старинный встрѣчу ли привѣтъ?
Узнаютъ ли друзья и братья
Страдальца послѣ многихъ лѣтъ!

Или, среди могилъ холодныхъ,
Я наступлю на прахъ родной
Тѣхъ добрыхъ, пылкихъ, благородныхъ,
Дѣлившихъ молодость со мной?

О, если такъ!... своей метелью,
Казбекъ, засыпь меня скорѣй,
И прахъ бездомный по ущелью
Безъ сожалѣнія развѣй!

* * *

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ;
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья—
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ;
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ:

Его чело межъ облаковъ;
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

* * *

Не смѣйся надъ моей пророческой тоскою.
Я зналъ—ударъ судьбы меня не обойдетъ,
Я зналъ, что голова, любимая тобою,
Съ твоей груди на плаху перейдетъ.
Я говорилъ тебѣ: ни счастія, ни славы
Мнѣ въ мірѣ не найти. Настанетъ часъ кровавый,

И я паду—и хитрая вражда
Съ улыбкой очернитъ мой недоцвѣтшій геній,
И я погибну безъ слѣда
Моихъ надеждъ, моихъ мученій...
Но я безъ страха жду довременный конецъ;
Давно пора мнѣ міръ увидѣть новый.
Пускай толпа, растопчетъ мой вѣнецъ,
Вѣнецъ пѣвца, вѣнецъ терновый—
Пускай! я имъ не дорожилъ!...
. . . . . .

ОТРЫВОКЪ.

Великій мужъ! здѣсь нѣтъ награды,
Достойной доблести твоей!
Ее на небѣ сыщутъ взгляды
И не найдутъ среди людей.

Но безпристрастное преданье
Твой славный подвигъ сохранитъ
И, услыхавъ твое названье,
Твой сынъ душою закипитъ.
. . . . . .

Свершитъ блистательную тризну
Потомокъ поздній надъ тобой,
И съ непритворною слезой
Промолвитъ: „онъ любилъ отчизну!“

ВИДЪ ГОРЪ ИЗЪ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА.

[изъ „крымскихъ сонетовъ“ мицкевича].

пилигримъ.

Аллахъ ли тамъ, среди пустыни
Застывшихъ волнъ, воздвигъ твердыни,
Притоны ангеламъ своимъ;
Иль Дивы, словомъ роковымъ,
Стѣной умѣли такъ высоко
Громады скалъ нагромоздить,
Чтобъ путь на сѣверъ заградить
Звѣздамъ, кочующимъ съ востока?
Вотъ свѣтъ все небо озарилъ:
То не пожаръ ли Цареграда?
Иль Богъ ко сводамъ пригвоздилъ
Тебя, полночная лампада,
Маякъ спасительный, отрада
Плывущихъ по морю свѣтилъ?

мирза.

Тамъ былъ я: тамъ, со дня созданья,
Бушуетъ вѣчная метель,
Потоковъ видѣлъ колыбель,
Дохнулъ—и мерзнулъ паръ дыханья.
Я проложилъ мой смѣлый слѣдъ,
Гдѣ для орловъ дороги нѣтъ,
И дремлетъ громъ надъ глубиною,
И тамъ, гдѣ надъ моей чалмою
Одна сверкала лишь звѣзда—
То Чатырдагъ былъ...

пилигримъ.

А!...

БѢГЛЕЦЪ.

горская легенда.

Гарунъ бѣжалъ быстрѣе лани,
Быстрѣй чѣмъ заяцъ отъ орла:
Бѣжалъ онъ въ страхѣ съ поля брани,
Гдѣ кровь черкесская текла.
Отецъ и два родные брата
За честь и вольность тамъ легли—
И подъ пятой у супостата
Лежатъ ихъ головы въ пыли.
Ихъ кровь течетъ и проситъ мщенья.
Гарунъ забылъ свой долгъ и стыдъ,

Онъ растерялъ въ пылу сраженья
Винтовку, шашку—и бѣжитъ.
И скрылся день; клубясь, туманы
Одѣли темныя поляны
Широкой бѣлой пеленой.
Пахнуло холодомъ съ востока
И надъ пустынею пророка
Всталъ тихо мѣсяцъ золотой.
Усталый, жаждою томимый,
Съ лица стирая кровь и потъ,
Гарунъ межъ скалъ аулъ родимый
При лунномъ свѣтѣ узнаетъ.
Подкрался онъ, никѣмъ незримый;
Кругомъ молчанье и покой.
Съ кровавой битвы невредимый
Лишь онъ одинъ пришелъ домой,
И къ саклѣ онъ спѣшитъ знакомой;
Тамъ блещетъ свѣтъ: хозяинъ—дома,
Скрѣпясь душой, какъ только могъ,
Гарунъ ступилъ черезъ порогъ.
Селима звалъ онъ прежде другомъ;
Старикъ пришельца не узналъ;
На ложѣ мучимый недугомъ,
Одинъ, онъ молча умиралъ.
„Великъ Аллахъ: отъ злой отравы
Онъ свѣтлымъ ангеламъ своимъ
Велѣлъ беречь тебя для славы...
Что новаго?...“ спросилъ Селимъ,
Поднявъ слабѣющія вѣжды.
И взоръ блеснулъ огнемъ надежды,
И онъ привсталъ, и кровь бойца
Вновь разыгралась въ часъ конца.
—Два дня мы бились въ тѣснинѣ:
Отецъ мой палъ и братья съ нимъ,
И скрылся я одинъ въ пустынѣ.
Какъ звѣрь преслѣдуемъ, гонимъ,
Съ окровавленными ногами
Отъ острыхъ камней и кустовъ,
Я шелъ безвѣстными тропами
По слѣду вепрей и волковъ.
Черкесы гибнутъ. Врагъ повсюду.
Прими меня, мой старый другъ,
И, вотъ пророкъ!—твоихъ заслугъ,
Я до могилы не забуду.—
А умирающій въ отвѣтъ:
„Ступай! достоинъ ты презрѣнья!
Ни крова, ни благословенья
Здѣсь у меня для труса нѣтъ!“
Стыда и тайной муки полный,
Безъ гнѣва вытерпѣвъ упрекъ,
Ступилъ опять Гарунъ безмолвный
За непривѣтливый порогъ.
И саклю новую минуя,
На мигъ остановился онъ,
И прежнихъ дней летучій сонъ
Вдругъ обдалъ жаромъ поцѣлуя
Его холодное чело.
И стало сладко и свѣтло
Его душѣ; во мракѣ ночи,
Казалось, пламенныя очи
Блеснули ласково предъ нимъ,
И онъ подумалъ: „я любимъ...
Она лишь мной живетъ и дышетъ...“
И хочетъ онъ войти—и слышитъ...
И слышитъ пѣсню старины.
И сталъ Гарунъ блѣднѣй луны.

„Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ, и спокоенъ,
А юноша-воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый, смѣлѣе
Ввѣряйся ты року.
Молися Востоку,
Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрнѣй.
Своимъ измѣнившій—
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ.“
Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,

И труса прогонитъ
Красавица горъ!“
Главой поникнувъ, съ быстротою
Гарунъ свой продолжаетъ путь,
И крупная слеза, порою,
Съ рѣсницы падаетъ на грудь.
Но вотъ, отъ бури наклоненный,
Предъ нимъ родной бѣлѣетъ домъ;
Надеждой снова ободренный,
Гарунъ стучится подъ окномъ;
Тамъ, вѣрно, теплыя молитвы
Восходятъ къ небу за него;
Старуха-мать ждетъ сына съ битвы,
Но ждетъ его—не одного.
„Мать, отвори! я странникъ бѣдный,
Я твой Гарунъ, твой младшій сынъ,
Сквозь пули русскія безвредно
Пришелъ къ тебѣ...“
— Одинъ?
„Одинъ!“
—А гдѣ отецъ и братья?
„Пали.
Пророкъ ихъ смерть благословилъ,
И ангелы ихъ души взяли.»
—Ты отомстилъ?
„Не отомстилъ...
Но я стрѣлой пустился въ горы,
Оставилъ мечъ въ чужомъ краю,
Чтобы твои утѣшить взоры
И утереть слезу твою.“
—Молчи, молчи! гяуръ лукавый,
Ты умереть не могъ со славой!
Такъ удались, живи одинъ.
Твоимъ стыдомъ, бѣглецъ свободы,
Не омрачу я стары годы.
Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ!—
Умолкло слово отверженья,
И все кругомъ объято сномъ.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго подъ окномъ,
И наконецъ ударъ кинжала
Пресѣкъ несчастнаго позоръ,
И мать поутру увидала,
И хладно отвернула взоръ.
И трупъ, отъ праведныхъ изгнанный,
Никто къ кладбищу не отнесъ,
И кровь его съ глубокой раны
Лизалъ, рыча, домашній песъ.
Ребята малые ругались
Надъ хладнымъ тѣломъ мертвеца;
Въ преданьяхъ вольности остались
Позоръ и гибель бѣглеца.
Душа его отъ глазъ пророка
Со страхомъ удалилась прочь,
И тѣнь его въ горахъ Востока
Понынѣ бродитъ въ темну ночь;
И подъ окномъ, поутру рано,
Онъ въ саклю просится, стуча;
Но, внемля громкій стихъ Корана,
Бѣжитъ опять подъ сѣнь тумана,
Какъ прежде бѣгалъ отъ меча.

АННѢ ГРИГОРЬЕВНѢ

ХОМУТОВОЙ.

Слѣпецъ, страданьемъ вдохновенный,
Вамъ строки чудныя писалъ, *
И прежнихъ лѣтъ восторгъ священный,
Воспоминаньемъ оживленный,
Онъ передъ вами изливалъ.
Онъ васъ не зрѣлъ, но ваши рѣчи,
Какъ отголосокъ юныхъ дней,
При первомъ звукѣ новой встрѣчи
Его встревожили сильнѣй.
Тогда признательную руку
Въ отвѣтъ на вашъ привѣтный взоръ
На встрѣчу радостному звуку
Онъ въ упоеніи простеръ.

И я, повѣренный случайный
Надеждъ и думъ его живыхъ,
Я буду дорожить, какъ тайной,
Печальнымъ выраженьемъ ихъ.

---

* Поэтъ-слѣпецъ Ив. Ив. Козловъ.

Я вѣрю, годы не убили,
Изгладить даже не могли—
Все, что вы прежде возбудили
Въ его возвышенной груди.
Но да сойдетъ благословенье
На вашу жизнь за то, что вы
Хоть на единое мгновенье
Умѣли снять вѣнецъ мученья
Съ его преклонной головы.

ВАЛЕРИКЪ.

Я къ вамъ пишу случайно; право,
Не знаю какъ и для чего.
Я потерялъ ужъ это право.
И что скажу вамъ?—Ничего!...
Что помню васъ?... Но, Боже правый!
Вы это знаете давно,
И вамъ, конечно, все равно.
И знать вамъ также нѣту нужды—
Гдѣ я, что̀ я, въ какой глуши?
Душою мы другъ другу чужды...
Да врядъ ли есть родство души!
Страницы прошлаго читая,
Ихъ по порядку разбирая
Теперь остынувшимъ умомъ,
Разувѣряюсь я во всемъ.
Смѣшно же сердцемъ лицемѣрить
Передъ собою столько лѣтъ:
Добро бъ, еще морочить свѣтъ...
Да и притомъ, что̀ пользы вѣрить
Тому, чего ужъ больше нѣтъ?...
Безумно ждать любви заочной?
Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ;
Но я васъ помню—да и точно,
Я васъ никакъ забыть не могъ!
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньи безплоднomъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ,
И размышленіемъ холоднымъ
Убилъ послѣдній жизни цвѣтъ...
Съ людьми сближаясь осторожно,
Забылъ я шумъ младыхъ проказъ,
Любовь, поэзію—но васъ
Забыть мнѣ было невозможно!
И къ мысли этой я привыкъ,
Мой крестъ несу я безъ роптанья,
То иль другое наказанье?
Не все ль одно. Я жизнь постигъ.
Судьбѣ, какъ турокъ иль татаринъ,
За все я ровно благодаренъ;
У Бога счастья не прошу
И молча зло переношу:
Быть можетъ, небеса Востока
Меня съ ученьемъ ихъ пророка
Невольно сблизили. Притомъ
И жизнь всечасно кочевая,
Труды, заботы, ночь и днемъ,
Все, размышленію мѣшая,
Приводитъ въ первобытный видъ
Больную душу; сердце спитъ,
Простора нѣтъ воображенью
И нѣтъ работы головѣ...
За то лежишь въ густой травѣ
И дремлешь... подъ широкой тѣнью
Чинаръ иль виноградныхъ лозъ
Кругомъ бѣлѣются палатки;
Казачьи тощія лошадки
Стоятъ рядкомъ, повѣся носъ;
У мѣдныхъ пушекъ спитъ прислуга;
Едва дымятся фитили;
Попарно цѣпь стоитъ вдали;
Штыки горятъ подъ солнцемъ юга.
Вотъ разговоръ о старинѣ
Въ палаткѣ ближней слышенъ мнѣ:
Какъ при Ермоловѣ ходили
Въ Чечню, въ Аварію къ горамъ,
Какъ тамъ дрались, какъ мы ихъ били,
Какъ доставалося и намъ.
И вижу я, неподалеку,
У рѣчки, слѣдуя пророку,

Мирно̀й татаринъ свой намазъ
Творитъ, не подымая глазъ;
И вотъ кружкомъ сидятъ другіе:
Люблю я цвѣтъ ихъ желтыхъ лицъ,
Подобный цвѣту наговицъ,
Ихъ шапки, рукава худые;
Ихъ томный и лукавый взоръ
И ихъ гортанный разговоръ.

Чу!—дальній выстрѣлъ... прожужжала
Шальная пуля... славный звукъ...
Вотъ крикъ—и снова все вокругъ
Затихло... Но жара ужъ спала;
Ведутъ коней на водопой,
Зашевелилася пѣхота;
Вогъ проскакалъ одинъ, другой!
Шумъ, говоръ... „Гдѣ вторая рота?“
„Что? вьючить?“—„Что же капитанъ?“
„Повозки выдвигайте живо!“
„Савельичъ!...“—Ой-ли?—„Дай огниво!„
Подъемъ ударилъ барабанъ;
Гудитъ музыка полковая;
Между колоннами въѣзжая,
Звенятъ орудья; генералъ
Впередъ со свитой поскакалъ;
Разсыпались въ широкомъ полѣ,
Какъ пчелы, съ гикомъ казаки;
Ужъ показалися значки
Тамъ, на опушкѣ—два и болѣ.
А вотъ въ чалмѣ одинъ мюридъ,
Въ черкескѣ красной ѣздитъ важно,
Конь свѣтло-сѣрый весь кипитъ;
Онъ машетъ, кличетъ... Гдѣ отважный?
Кто выйдетъ съ нимъ на смертный бой?...
Сейчасъ... Смотрите: въ шапкѣ черной
Казакъ пустился гребенской,
Винтовку выхватилъ проворно,
Ужъ близко... выстрѣлъ... легкій дымъ...
„Эй вы, станичники, за нимъ!...
„Что? раненъ?—Ничего! бездѣлка!...“
И завязалась перестрѣлка...

Но въ этихъ сшибкахъ удалыхъ
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ, бывало,
Мы любовалися на нихъ
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ;
За то видалъ я представленья,
Какихъ у васъ на сценѣ нѣтъ...

Разъ это было подъ Гехами—
Мы проходили темный лѣсъ.
Огнемъ дыша, пылалъ надъ нами
Лазурно-яркій сводъ небесъ.
Намъ былъ обѣщанъ бой жестокой.
Изъ горъ Ичкеріи далекой
Уже въ Чечню на бранный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками.
И оживилися лѣса,
Скликàлись дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами...
Едва лишь выбрался обозъ
Въ поляну, дѣло началось.
Чу! въ арьергардъ орудье просятъ;
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ;
Вотъ тащутъ за ноги людей
И кличутъ громко лекарей...
И вотъ изъ лѣса, изъ опушки,
Вдругъ съ гикомъ кинулись на пушки...
И градомъ пуль съ вершинъ деревъ
Отрядъ осыпанъ... Впереди же
Все тихо... Тамъ, между кустовъ
Бѣжалъ потокъ; подходимъ ближе.
Пустили нѣсколько гранатъ;
Еще подвинулись... молчатъ...
Но вотъ, подъ бревнами завала
Ружье какъ-будто заблистало,
Потомъ мелькнуло шапки двѣ—
И вновь все спряталось въ травѣ.
То было грозное молчанье...
Не долго длилося оно,
Но въ этомъ страшномъ ожиданьѣ

Забилось сердце не одно.
Вдругъ залпъ... глядимъ: лежатъ рядами.
Что нужды? Здѣшніе полки
Народъ испытанный... Въ штыки
Дружнѣе!—раздалось за нами.
Кровь загорѣлася въ груди!
Всѣ офицеры впереди...
Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня...
Ура!—и смолкло.—Вонъ кинжалы...
Въ приклады... и пошла рѣзня.
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь.
Ручей тѣлами запрудили.
Хотѣлъ воды я зачерпнуть—
И зной и битва утомили
Меня—но мутная волна
Была тепла, была красна...

На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ первый рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ,
Покрытыхъ пылью. На шинели,
Спиною къ дереву, лежалъ
Ихъ капитанъ... онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ ранки; кровь его чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась; взоры
Бродили страшно; онъ шепталъ:
„Спасите, братцы!... тащутъ въ горы!...
Постойте!... гдѣ же генералъ?...
Не слышу...“ Долго онъ стоналъ,
Но все слабѣй, и понемногу
Затихъ—и душу отдалъ Богу.
На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали... потомъ
Его останки боевые
Накрыли бережно плащемъ
И понесли... Тоской томимый
Имъ вслѣдъ смотрѣлъ я, недвижимый.

Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу; кровь текла
Струею дымной по каменьямъ;
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенья принималъ.
Окрестный лѣсъ, какъ бы въ туманѣ,
Синѣлъ въ дыму пороховомъ.
А тамъ вдали—грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Тянулись горы—и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ:
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?...
Галубъ * прервалъ мое мечтанье,
Ударивъ по плечу—онъ былъ
Кунакъ мой—я его спросилъ
Какъ мѣсту этому названье?
Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Валерикъ—
А перевесть на вашъ языкъ,
Такъ будетъ—рѣчка смерти; вѣрно,
Дано старинными людьми!“
—А сколько ихъ дралось примѣрно,
Сегодня? „Тысячъ до семи.“
—А много горцы потеряли?
„Какъ знать! зачѣмъ вы не считали?“
—Да, будетъ, кто-то тутъ сказалъ,
Имъ въ память этотъ день кровавый!—
Чеченецъ посмотрѣлъ лукаво
И головою покачалъ...

Но я боюсь вамъ наскучить.
Въ забавахъ свѣта вамъ смѣшны

* Собственное имя.

Тревоги дикія войны;
Свой умъ вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о концѣ;
На вашемъ молодомъ лицѣ
Слѣдовъ заботы и печали
Не отыскать, и вы едва ли
Вблизи когда нибудь видали,
Какъ умираютъ... Дай вамъ Богъ
И не видать! Иныхъ тревогъ
Довольно есть. Въ самозабвеньи
Не лучше ль кончить жизни путь,
И безпробуднымъ сномъ заснуть
Съ мечтой о близкомъ пробужденьи?

Теперь прощайте!—Если васъ
Мой безъискусственный разсказъ
Развеселитъ, займетъ хоть малость—
Я буду счастивъ; а не такъ...
Простите мнѣ его, какъ шалость,
И тихо молвите: чудакъ!

СКАЗКА ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Умчался вѣкъ эпическихъ поэмъ
И повѣсти въ стихахъ пришли въ упадокъ;
Поэты въ томъ виновны не совсѣмъ
[Хотя у многихъ стихъ не вовсе гладокъ].
И публика не права, между тѣмъ.
Кто виноватъ, кто правъ, ужъ я не знаю,
А самъ стиховъ давно я не читаю,
Не потому, чтобъ не любилъ стиховъ,
А такъ — смѣшно жъ терять для звучныхъ строфъ
Златое время...Въ нашемъ вѣкѣ зрѣломъ,
Извѣстно вамъ, всѣ заняты мы дѣломъ.

Стиховъ я не читаю, но люблю
Марать, шутя, бумаги листъ летучій;
Свой стихъ за хвостъ отважно я ловлю;
Я безъ ума отъ тройственныхъ созвучій
И влажныхъ рифмъ, какъ напримѣръ, на ю.
Вотъ почему пишу я эту сказку.
Ея волшебно-темную завязку
Не стану я подробно объяснять,
Чтобъ кой-какихъ допросовъ избѣжать;
За то конецъ не будетъ безъ морали,
Чтобы ее хоть дѣти прочитали.

Герой извѣстенъ и не новъ предметъ.
Тѣмъ лучше: устарѣло все, что ново!
Кипя огнемъ и силой юныхъ лѣтъ,
Я прежде пѣлъ про демона инова:
То былъ безумный, страстный, дѣтскій бредъ,
Богъ знаетъ, гдѣ завѣтная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ея листовъ и слышно c'est joli!...
Иль мышь надъ ней старается въ пыли.
Но этотъ чортъ совсѣмъ инаго сорта—
Аристократъ и не похожъ на чорта.

Перенестись теперь прошу сейчасъ
За мною въ спальню: розовыя шторы
Опущены;съ трудомъ лишь можетъ глазъ
Слѣдить ковра восточные узоры;
Пріятный трепетъ вдругъ объемлетъ васъ,
И, дѣвственнымъ дыханьемъ напоенный,
Огнемъ въ лицо вамъ пышетъ воздухъ сонный.
Вотъ ручка, вотъ плечо, и возлѣ нихъ,
На кисеѣ подушекъ-кружевныхъ,
Рисуется младой, но строгій профиль...
И на него взираетъ Мефистофель.

То былъ ли самъ великій сатана,
Иль мелкій бѣсъ изъ самыхъ нечиновныхъ,
Которыхъ дружба людямъ такъ нужна
Для тайныхъ дѣлъ семейныхъ и любовныхъ—
Не знаю. Если бъ имъ была дана
Земная форма, по рогамъ и платью

Я могъ бы сволочь различить со знатью.
Но духъ—извѣстно, что такое духъ:
Жизнь, сила, чувство, зрѣнье, голосъ, слухъ,
И мысль безъ тѣла — часто въ видахъ разныхъ
[Бѣсовъ вобще рисуютъ безобразныхъ].

Но я не такъ всегда воображалъ
Врага святыхъ и чистыхъ побужденій.
Мой юный умъ, бывало, возмущалъ
Могучій образъ. Межъ иныхъ видѣній,
Какъ царь, нѣмой и гордый онъ сіялъ
Такой волшебно-сладкой красотою,
Что было страшно... И душа тоскою
Сжималася—и этотъ дикій бредъ
Преслѣдовалъ мой разумъ много лѣтъ.
Но я, разставшись съ прочими мечтами,
И отъ него отдѣлался—стихами!

Оружіе отличное: врагамъ
Кидаете въ лицо вы эпиграммой...
Вамъ насолить захочется ль друзьямъ?
Пустите въ нихъ поэмой или драмой...
Но полно, къ дѣлу. Я сказалъ ужъ вамъ,
Что въ спальнѣ той таился хитрый демонъ;
Невиннымъ сномъ былъ тронутъ не совсѣмъ онъ—
Не мудрено: кипѣла въ немъ не кровь,
И понималъ иначе онъ любовь;
И рѣчь его коварныхъ искушеній
Была полна—вѣдь онъ не даромъ геній!

„Не знаешь ты, кто я, но ужъ давно
Читаю я въ душѣ твоей; незримо,
Неслышно говорю съ тобою; но
Слова мои, какъ тѣнь, проходятъ мимо
Ребяческаго сердца, и оно
Дивится имъ спокойно и въ молчаньѣ.
Пускай! зачѣмъ тебѣ мое названье?
Ты съ ужасомъ отвергнула бъ мою
Безумную любовь. Но я люблю
По-своему: терпѣть и ждать могу я;
Не надо мнѣ ни ласкъ, ни поцѣлуя.

„Когда ты спишь, о ангелъ мой земной!
И шибко бьется дѣвственною кровью
Младая грудь подъ грёзою ночной,
Знай—это я, склонившись къ изголовью,
Любуюся и говорю съ тобой;
И, въ тишинѣ, наставникъ твой случайный,
Чудесныя разсказываю тайны...
А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связанъ
И вѣчностью и знаніемъ наказанъ...

„Тому назадъ еще не много лѣтъ,
Я пролеталъ надъ сонною столицей;
Кидала ночь свой странный полусвѣтъ;
Румяный западъ съ новою денницей
На сѣверѣ сливались—какъ привѣтъ
Свиданія съ моленіемъ разлуки;
Надъ городомъ таинственные звуки,
Какъ грѣшныхъ сновъ нескромныя слова,
Неясно раздавались—и Нева,
Межъ кораблей сверкая на просторѣ,
Журча, съ волной ихъ уносила въ море.

„Задумчиво столбы дворцовъ нѣмыхъ
По берегамъ тѣснилися, какъ тѣни,
И въ ихъ нѣнѣ водъ—гранитныхъ крылецъ ихъ
Купалися широкія ступени;
Минувшихъ лѣтъ событій роковыхъ
Волна слѣды смывала роковые...
И улыбались звѣзды голубыя,
Глядя съ высотъ на гордый прахъ земли,
Какъ будто міръ достоинъ ихъ любви,
Какъ будто имъ земля небесъ дороже...
И я тогда... я улыбнулся тоже.

„И я кругомъ глубокій кинулъ взглядъ;
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,

Корыстный трудъ предъ тощею лампадой,
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвѣ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желанье;
Вездѣ обманъ, безумство, иль страданье!

„Но близъ Невы одинъ старинный домъ
Казался полнъ священной тишиною.
Все важностью наслѣдственною въ немъ
И роскошью дышало вѣковою:
Украшенъ былъ онъ княжескимъ гербомъ;
Изъ мрамора волнистаго колонны
Кругомъ тѣснились чинно, и балконы
Чугунные, воздушною семьей,
Межъ нихъ гордились дивною рѣзьбой;
И оконъ рядъ, всегда прозрачно темныхъ,
Манилъ, пугая, взоръ очей нескромныхъ.

„Пора была, боярская пора!
Тѣснилась знать въ роскошные покои—
Былая знать минувшаго двора,
Забытыхъ дѣлъ померкшіе герои!
Музыкой тутъ гремѣли вечера,
Въ Невѣ дробился блескъ высокихъ оконъ,
Напудренный мелькалъ и вился локонъ,
И часто ножка съ краснымъ каблучкомъ
Давала знакъ условный подъ столомъ;
И старики, въ звѣздахъ и брилліянтахъ,
Судили рѣзко о тогдашнихъ франтахъ.

„Тотъ вѣкъ прошелъ, и люди тѣ прошли;
Смѣнили ихъ другіе; родъ старинный
Перевелся; въ готической пыли
Портреты гордыхъ баръ, краса гостинной,
Забытые, тускнѣли; поросли
Дворы травой, и, блескъ смѣнивъ бывалой,
Сырая мгла и сумракъ длинной залой
Спокойно завладѣли... Тихій домъ
Казался пустъ; но жилъ хозяинъ въ немъ—
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и нравы.

„Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
Безсонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ или читалъ Вольтера.
Какъ быть!—сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра...
Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней видался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо.

„Всегда одна, запугана отцомъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или, скорѣй, какъ бѣлый цвѣтъ подснѣжный.
Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки;
Покинувъ книжку скучную, она
Охотнѣе садилась у окна —
И вдалекѣ мечты ея летали,
Пока ее играть не посылали.

„Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то страшно было,
И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,

И въ зеркалахъ являлися предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремитъ, то снова тише, тише...
[То были тѣни предковъ или мыши].

„И что жъ?—Она привыкла толковать
По-своему развалинъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой, и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ
Подслушивать, невинной груди трепетъ
Слѣдить, ея дыханіемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью, упиваться... это было
Смѣшно—но мнѣ такъ ново и такъ мило!

„Влюбился я... И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ, никогда свинецъ карандаша
Рафаэля, иль кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всѣ ея движенья
Особаго, казалось, выраженья
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,
Тая равно надежду, радость, горе—
И было тѣмно въ нихъ, какъ въ синемъ
морѣ.

„Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невозвратно
Онѣ идутъ, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...
Такія души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ родѣ!

„Ее смущали странныя мечты.
Порой, она среди пустаго зала
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душной тѣсноты.
На платьицѣ чудесные узоры
Виднѣлись ей—и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрѣ бала,
И, утомясь, на кресла упадала...

„И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала онъ былъ веселъ и остеръ,
А иногда и черезчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ за то какъ милъ и нѣженъ!...
Что дѣлать ей? Притворно - строгій взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
И сердце билось въ ней такъ шибко, шибко...
И по устамъ змѣилася улыбка.

„Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладитъ, то красивый
Цвѣтокъ пришпилитъ къ нимъ; движенью глазъ
Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
Но умъ ея, и смѣтливый и здравый,
Отгадывалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ насталъ тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ.

„То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшоткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!...
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на совѣтъ:
Ихъ затруднялъ удачный выборъ бала.
Что, будетъ дворъ, иль нѣтъ? Иныхъ пугала
Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,
Что это видъ ей дастъ оригинальный.
Потомъ нарядъ осматривали бальный.

„Но вотъ насталъ и вечеръ роковой.
Она съ утра была какъ въ лихорадкѣ,
Поплакала немножко; золотой
Браслетъ сломала; въ суетахъ перчатки
Разорвала... Со страхомъ и тоской
Она въ карету сѣла, и дорогой
Была полна мучительной тревогой,
И, выходя, споткнулась на крыльцѣ,
И съ блѣдностью печальной на лицѣ
Вступила въ залу... Странный шопотъ встрѣтилъ
Ея явленье—свѣтъ ее замѣтилъ.

Кипѣлъ, сіялъ ужъ въ полномъ блескѣ балъ.
Тутъ было все, что называютъ свѣтомъ...
Не я ему названье это далъ,
Хоть смыслъ глубокій есть въ названьѣ этомъ.
Своихъ друзей я тутъ бы не узналъ:
Улыбки, лица лгали такъ искусно,
Что даже мнѣ чуть-чуть не стало грустно.
Прислушаться хотѣлъ я; но едва
Ловилъ мой слухъ летучія слова,
Отрывки безъименныхъ чувствъ и мнѣній—
Эпиграфы невѣдомыхъ твореній!...
. . . . . .

СПОРЪ.

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ
У Казбека съ Шатъ- горою *
Былъ великій споръ.
„Берегись!“ сказалъ Казбеку
Сѣдовласый Шатъ:
„Покорился человѣку
Ты не даромъ, братъ!
Онъ настроитъ дымныхъ келій
По уступамъ горъ;
Въ глубинѣ твоихъ ущелій
Загремитъ топоръ;
И желѣзная лопата
Въ каменную грудь,
Добывая мѣдь и злато,
Врѣжетъ страшный путь.

Ужъ проходятъ караваны
Черезъ тѣ скалы,
Гдѣ носились лишь туманы,
Да цари-орлы.
Люди хитры! Хоть и труденъ
Первый былъ скачекъ—
Берегися! многолюденъ
И могучъ Востокъ!“

— Не боюся я Востока!
Отвѣчалъ Казбекъ:
Родъ людской тамъ спитъ глубоко
Ужъ девятый вѣкъ.
Посмотри: въ тѣни чинары,
Пѣну сладкихъ винъ
На узорные шальвары
Сонный лѣтъ грузинъ;
И, склонясь въ дыму кальяна
На цвѣтной диванъ,
У жемчужнаго фонтана
Дремлетъ Тегеранъ.
Вотъ у ногъ Ерусалима,
Богомъ сожжена,

* Эльбрусъ.

Безглагольна, недвижима
Мертвая страна.
Дальше: вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ.
Бедуинъ забылъ наѣзды
Для цвѣтныхъ шатровъ,
И поетъ, считая звѣзды,
Про дѣла отцовъ.
Все, что здѣсь достушно оку,
Спитъ, покой цѣня.
Нѣтъ! не дряхлому Востоку
Покорить меня!—

„Не хвались еще заранѣ!“
Молвилъ старый Шатъ:
„Вотъ на сѣверѣ въ туманѣ
Что-то видно, братъ!“

Тайно былъ Казбекъ огромный
Вѣстью той смущенъ;
И, смутясь, на сѣверъ темный
Взоры кинулъ онъ;
И туда въ недоумѣньѣ
Смотритъ, полный думъ:
Видитъ странное движенье,
Слышитъ звонъ и шумъ.
Отъ Урала до Дуная,
До большой рѣки,
Колыхаясь и сверкая
Движутся полки;
Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ стешной ковыль;
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальйоны
Тѣсно въ рядъ идутъ,
Впереди несутъ знамены,
Въ барабаны бьютъ;
Батареи мѣднымъ строемъ
Скачутъ и гремятъ,
И, дымясь, какъ передъ боемъ,
Фитили горятъ.
И испытанный трудами
Бури боевой,
Ихъ ведетъ, грозя очами,
Генералъ сѣдой.
Идутъ всѣ полки, могучи,
Шумны какъ потокъ,
Страшно-медленны какъ тучи,
Прямо на востокъ.

И, томимъ зловѣщей думой,
Полный черныхъ сновъ,
Сталъ считать Казбекъ угрюмый,
И не счелъ враговъ.
Грустнымъ взоромъ онъ окинулъ
Племя горъ своихъ,
Шапку на брови надвинулъ—
И навѣкъ затихъ.

СОНЪ.

Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь точилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины,
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ желтыя вершины
И жгло меня — но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

УТЕСЪ.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана.
Утромъ въ путь она умчалась рано,
По лазури весело играя.

Но остался влажный слѣдъ въ морщинѣ
Стараго утеса. Одиноко
Онъ стоитъ; задумался глубоко
И тихонько плачетъ онъ въ пустынѣ...

[ИЗЪ ГЕЙНЕ].

Они любили другъ друга такъ долго и нѣжно
Съ тоскою глубокой и страстью безумно-мятежной;
Но, какъ враги, избѣгали признанья и встрѣчи,
И были пусты и хладны ихъ краткія рѣчи.
Они разстались въ безмолвномъ и гордомъ страданьѣ
И милый образъ во снѣ лишь порою видали;
И смерть пришла; наступило за гробомъ свиданье —
Но въ мірѣ новомъ другъ друга они не узнали.

ТАМАРА.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя, на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ—коварна и зла.

И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огопекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары—
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ—

Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

Но только-что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ:
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.

Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя, нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести...
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: „прости!“

И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ...

СВИДАНІЕ.

Ужъ за горой дремучею
Погасъ вечерній лучъ,
Едва струей гремучею
Сверкаетъ жаркій ключъ;
Сады благоуханіемъ
Наполнились живымъ;
Тифлисъ объятъ молчаніемъ;
Въ ущельѣ мгла и дымъ;
Летаютъ сны мучители
Надъ грѣшными людьми,
И ангелы хранители
Бесѣдуютъ съ дѣтьми.

Тамъ, за твердыней старою
На сумрачной горѣ
Подъ свѣжею чинарою
Лежу я на коврѣ—
Лежу одинъ и думаю:
Ужели не во снѣ
Свиданье въ ночь угрюмую
Назначила ты мнѣ?

И въ этотъ часъ таинственный,
Но сладкій для любви,
Тебя, мой другъ единственный,
Зовутъ мечты мои.

Внизу огни дозорные
Лишь на мосту горятъ,
И колокольни черныя
Какъ стòрожи стоятъ;
И поступью несмѣлою
Изъ бань со всѣхъ сторонъ
Выходятъ цѣпью бѣлою
Четы грузинскихъ женъ;
Вотъ улицей пустынною
Бредутъ, едва скользя...
Но подъ чадрою длинною
Тебя узнать нельзя!

Твой домикъ съ крышей гладкою
Мнѣ виденъ вдалекѣ,
Крыльцо съ ступенью шаткою
Купается въ рѣкѣ.
Среди прохлады, вѣющей
Надъ синею Курой,
Онъ сѣтью зеленѣющей
Окутанъ плющевой.
За тополью высокою
Я вижу тамъ окно...
Но свѣчкой одинокою
Не свѣтится оно!

Я жду. Въ недоумѣніи
Напрасно бродитъ взоръ;
Кинжаломъ въ нетерпѣніи
Изрѣзалъ я коверъ.
Я жду съ тоской безплодною;
Мнѣ грустно, тяжело...
Вотъ сыростью холодною
Съ востока понесло;
Краснѣютъ за туманами
Сѣдыхъ вершинъ зубцы;
Выходятъ съ караванами
Изъ города купцы...

Прочь, прочь, слеза позорная!
Кипи, душа моя!
Твоя измѣна черная
Понятна мнѣ, змѣя!
Я знаю, чѣмъ утѣшенный
По звонкой мостовой
Вчера скакалъ, какъ бѣшеный,
Татаринъ молодой.
Недаромъ онъ красуется
Передъ твоимъ окномъ,
И твой отецъ любуется
Персидскимъ жеребцомъ!

Возьму винтовку длинную,
Пойду я изъ воротъ:
Тамъ, подъ скалой пустынною
Есть узкій поворотъ.
До полдня за могильною
Часовней подожду,
И на дорогу пыльную
Винтовку наведу.
Напрасно грудь колышется!
Я легъ между камней...
Чу! близкій топотъ слышится.
А! это ты, злодѣй!

* * *

Дубовый листокъ оторвался отъ вѣтки родимой
И въ степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засохъ и увялъ онъ отъ холода, зноя и горя,
И вотъ, наконецъ, докатился до Чернаго Моря.
У Чернаго Моря чинара стоитъ молодая,
Съ ней шепчется вѣтеръ, зеленыя вѣтви лаская;
На вѣтвяхъ зеленыхъ качаются райскія птицы,
Поютъ онѣ пѣсни про славу морской царь-дѣвицы.

И странникъ прижался у корня чинары высокой;
Пріюта на время онъ молитъ съ тоскою глубокой.
И такъ говоритъ онъ: „Я бѣдный листочекъ дубовый,
До срока созрѣлъ я и выросъ въ отчизнѣ суровой.

„Одинъ и безъ цѣли по свѣту ношуся давно я,
Засохъ я безъ тѣни, увялъ я безъ сна и покоя.
Прими же пришельца межъ листьевъ твоихъ изумрудныхъ—
Немало я знаю разсказовъ мудреныхъ и чудныхъ.“

— На что мнѣ тебя! отвѣчаетъ младая чинара:
Ты пыленъ и желтъ, и сынамъ моимъ свѣжимъ не пара.
Ты много видалъ, да къ чему мнѣ твои небылицы?
Мнѣ слухъ утомили давно ужъ и райскія птицы...

Иди себѣ дальше, о странникъ! тебя я не знаю.
Я солнцемъ любима, цвѣту для него и блистаю;
По небу я вѣтви раскинула здѣсь на просторѣ,
И корни мои умываетъ холодное море.

* *
*

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ,
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю—

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

* *
*

Выхожу одинъ я на дорогу:
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ:
Ночь тиха, пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньѣ голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя;
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы—
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ;
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

МОРСКАЯ ЦАРЕВНА.

Въ морѣ царевичъ купаетъ коня,
Слышитъ: „Царевичъ, взгляни на меня!“

Фыркаетъ конь и ушами прядетъ,
Брызжетъ и плещетъ, и далѣ плыветъ.

Слышитъ царевичъ: „Я царская дочь;
Хочешь провесть ты съ царевною ночь?“

Вотъ показалась рука изъ воды,
Ловитъ за кисти шелковой узды.

Вышла младая потомъ голова:
Въ косу вплелася морская трава,

Синія очи любовью горятъ,
Брызги на шеѣ какъ жемчугъ дрожатъ.

Мыслитъ царевичъ: „добро же, постой!“
За косу ловко схватилъ онъ рукой.

Держитъ. Рука боевая сильна...
Плачетъ, и молитъ, и бьется она.

Къ берегу витязь отважно плыветъ;
Выплылъ, товарищей громко зоветъ.

„Эй вы! сходитесь, лихіе друзья!
Гляньте, какъ бьется добыча моя...

„Что жъ вы стоите смущенной толпой?
Али красы не видали такой?“

Вотъ оглянулся царевичъ назадъ,
Ахнулъ! — померкъ торжествующій взглядъ.

Видитъ: лежитъ на пескѣ золотомъ
Чудо морское съ зеленымъ хвостомъ.

Хвостъ чешуею змѣиной покрытъ,
Весь замирая, свиваясь, дрожитъ.

Пѣна струями сбѣгаетъ съ чела,
Очи одѣла смертельная мгла.

Блѣдныя руки хватаютъ песокъ,
Шепчутъ уста непонятный упрекъ...

Ѣдетъ царевичъ задумчиво прочь...
Будетъ онъ помнить про царскую дочь!

ПРОРОКЪ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,
То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

„Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
Что Богъ гласитъ его устами!

„Смотрите жъ, дѣти, на него,
Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
Какъ презираютъ всѣ его!“

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

(1839—1840).

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО 2-МУ ИЗДАНІЮ.

Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь. Оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ дѣла нѣтъ до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ; особенно у насъ! Наша публика такъ еще молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ иронiи; она, просто, дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое, и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ. Наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной, нѣжнѣйшей дружбы.

Эта книга испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись, и не шутя, что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ „Герой Нашего Времени“; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгнетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности.

„Герой Нашего Времени“, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: это портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ; а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возмож-

ности существованія всѣхъ трагическихъ и романтическихъ злодѣевъ, отчего же вы не вѣруете въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами, гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями: у нихъ отъ этого испортился желудокъ; нужны горькія лекарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобъ авторъ этой книги имѣлъ когда нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему, просто, было весело рисовать современнаго человѣка, какимъ онъ его понимаетъ, и къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излечить—это ужъ Богъ знаетъ!—[1841].

I.

БЭЛА.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Бо́льшая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна; а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую Долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя; красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ; желтые обрывы, исчерченные промоинами; а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безъименной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица—а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солн-

цемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустилъ огромный клубъ дыма.

— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.—Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ, отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ; ужасныя бестіи эти азіаты? Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю; меня не проведутъ!

— А вы давно здѣсь служите?

— Да я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ, * отвѣчалъ онъ, пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ—прибавилъ онъ—и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

* Ермоловѣ.

— А теперь вы?...

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальонѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали молча идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались.— Вѣдь этакой народъ! сказалъ онъ: и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку?“ Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе...

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-

подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

— Завтра будетъ славная погода! сказалъ я.—Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

— Что жъ это? спросилъ я.

— Гутъ-Гора.

— Ну, такъ что жъ?

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Уже мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

— Не было, господинъ, отвѣчалъ осетинъ-извощикъ:—а виситъ много, много.

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника вышить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ—единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову [хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую]. Я не зналъ куда дѣваться: тутъ блѣютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе наподобіе двери. Тутъ открылась картина, довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По серединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разстилался вокругъ такой густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать! мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

— Жалкіе люди! сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши кабардинцы, или чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки: а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно осетины!

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода—знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы. Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди—либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

— А, чай, много съ вами бывало приключеній? сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую нибудь исторійку—желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя:“ да, бывало!“ Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не скажетъ: здравствуйте [потому что фельдфебель говоритъ здравія желаю]. А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный; каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ поневолѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

— Не хотите ли подбавить рому? сказалъ я моему собесѣднику: у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ навеселѣ; да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился: чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ, или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось?

— Вотъ... [онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать], вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой—этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій; на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недавно. „Вы, вѣрно“, спросилъ я его, „переведены сюда изъ Россіи?“— Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ. Я взялъ его за руку и сказалъ: „Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно... ну, да мы съ вами будемъ жить пріятельски. Да пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста—къ чему эта полная форма? приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.„ Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

— А какъ его звали? спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печориномъ. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ—а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнѣтъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями, и должно быть богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

— А долго онъ съ вами жилъ? спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ!... Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

— Необыкновенныя? воскликнулъ я съ видомъ любопытства, подливая ему чаю.

— А вотъ я вамъ разскажу. Верстъ шесть отъ крѣпости жилъ одинъ мирной князь. Сынишко его, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился къ намъ ѣздить: всякій день, бывало, то за тѣмъ, то за другимъ. И ужъ точно, избаловали мы его съ Григорьемъ Александровичемъ. А ужъ какой былъ головорѣзъ, проворный на что хочешь; шапку ли поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять. Одно было въ немъ не хорошо: ужасно падокъ былъ на деньги. Разъ, для смѣха, Григорій Александровичъ обѣщался ему дать червонецъ, коли онъ ему украдетъ лучшаго козла изъ отцовскаго стада; и что жъ вы думаете? на другую же ночь притащилъ его за рога. А, бывало, мы его вздумаемъ дразнить, такъ глаза кровью и нальются, и сейчасъ за кинжалъ. „Эй, Азаматъ, не сносить тебѣ головы“, говорилъ я ему: „яманъ будетъ твоя башка!“

— Разъ, пріѣзжаетъ самъ старый князь звать насъ на свадьбу: онъ отдавалъ старшую дочь замужъ, а мы были съ нимъ кунаки: такъ нельзя же, знаете, отказаться, хоть онъ и татаринъ. Отправились. Въ аулѣ множество собакъ встрѣтило насъ громкимъ лаемъ. Женщины, увидя насъ, прятались; тѣ, которыхъ мы могли разсмотрѣть въ лицо, были далеко не красавицы. „Я имѣлъ гораздо лучшее мнѣніе о черкешенкахъ“, сказалъ мнѣ Григорій Александровичъ. —Погодите! отвѣчалъ я, усмѣхаясь. У меня было свое на умѣ.

— У князя въ саклѣ собралось уже множество народа. У азіятовъ, знаете, обычай всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ приглашать на свадьбу. Насъ приняли со всѣми почестями и повели въ кунацкую. Я, однако жъ, не позабылъ подмѣтить, гдѣ поставили нашихъ лошадей, знаете, для непредвидимаго случая.

— Какъ же у нихъ празднуютъ свадьбу? спросилъ я штабсъ-капитана.

— Да обыкновенно. Сначала мулла прочитаетъ имъ что-то изъ корана; потомъ дарятъ молодыхъ и всѣхъ ихъ родственниковъ; ѣдятъ, пьютъ бузу, потомъ начинается джигитовка и всегда одинъ какой-нибудь оборвышъ, засаленный, на скверной хромой лошадёнкѣ, ломается, паясничаетъ, смѣшитъ честную компанію; потомъ, когда смеркнет-

ся, въ кунацкой начинается, по нашему сказать, балъ. Бѣдный старичишка бренчитъ на трехструнной... забылъ какъ по ихнему... ну, да въ родѣ нашей балалайки. Дѣвки и молодые ребята становятся въ двѣ шеренги, одна противъ другой, хлопаютъ въ ладоши и поютъ. Вотъ выходитъ одна дѣвка и одинъ мужчина на середину, и начинаютъ говорить другъ другу стихи нараспѣвъ, что̀ попало, а остальные подхватываютъ хоромъ. Мы съ Печоринымъ сидѣли на почетномъ мѣстѣ и вотъ къ нему подошла меньшая дочь хозяина, дѣвушкалѣтъ шестнадцати, и пропѣлаему... какъ бы сказать, въ родѣ комплимента?...

— А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: „Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду“. Печоринъ всталъ, поклонился ей, приложилъ руку ко лбу и сердцу, и просилъ меня отвѣчать ей; я хорошу знаю по-ихнему, и перевелъ его отвѣтъ.

— Когда она отъ насъ отошла, тогда я шепнулъ Григорью Александровичу: ну что, какова?—Прелесть! отвѣчалъ онъ; а какъ ее зовутъ?—Ее зовутъ Бэлою, отвѣчалъ я.

— И точно, она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, какъ у горной серны, такъ и заглядывали къ вамъ въ душу. Печоринъ въ задумчивости не сводилъ съ нея глазъ, и она частенько изподлобья на него посматривала. Только не одинъ Печоринъ любовался хорошенькой княжной: изъ угла комнаты на нее смотрѣли другіе два глаза, неподвижные, огненные. Я сталъ вглядываться, и узналъ моего стараго знакомца Казбича. Онъ, знаете, былъ не то, чтобъ мирно̀й, не то, чтобъ немирно̀й. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ. Бывало, онъ приводилъ къ намъ въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что̀ запроситъ, давай,—хоть зарѣжь, не уступитъ. Говорили про него, что онъ любитъ таскаться за Кубань съ абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья; маленькій, сухой, широкоплечій... А ужъ ловокъ-то, ловокъ-то былъ, какъ бѣсъ! Бешметъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ. А лошадь его славилась въ цѣлой Кабардѣ—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаромъ ему завидовали всѣ наѣздники, и не разъ пытались ее украсть, только не удавалось. Какъ теперь гляжу на эту лошадь: вороная какъ смоль, ноги—струнки, и глаза не хуже чѣмъ у Бэлы; а какая сила! скачи хоть на 50 верстъ; а ужъ выѣжена—какъ собака бѣгаетъ за хозяиномъ; голосъ даже его знала! Бывало, онъ ее никогда и не привязываетъ. Ужъ такая разбойничья лошадь!...

— Въ этотъ вечеръ Казбичъ былъ угрюмѣе, чѣмъ когда нибудь, и я замѣтилъ, что у него подъ бешметомъ надѣта кольчуга.—„Не даромъ на немъ эта кольчуга“, подумалъ я: „ужъ онъ вѣрно что нибудь замышляетъ“.

— Душно стало въ саклѣ, и я вышелъ на воздухъ освѣжиться. Ночь ужъ ложилась на горы, и туманъ начиналъ бродить по ущельямъ.

— Мнѣ вздумалось завернуть подъ навѣсъ, гдѣ стояли наши лошади, по-

смотрѣть, есть ли у нихъ кормъ, и притомъ осторожность никогда не мѣшаетъ; у меня же была лошадь славная, и ужъ не одинъ кабардинецъ на нее умильно поглядывалъ, приговаривая: якши тхе, чекъ якши!

— Пробираюсь вдоль забора, и вдругъ слышу голоса; одинъ голосъ я тотчасъ узналъ: это былъ повѣса Азаматъ, сынъ нашего хозяина; другой говорилъ рѣже и тише. „О чемъ они тутъ толкуютъ?“ подумалъ я: „ужъ не о моей ли лошадкѣ?“ Вотъ присѣлъ я у забора и сталъ прислушиваться, стараясь не пропустить ни одного слова. Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ голосовъ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для меня разговоръ.

— „Славная у тебя лошадь! говорилъ Азаматъ: если бъ я былъ хозяинъ въ домѣ и имѣлъ табунъ въ триста кобылъ, то отдалъ бы половину за твоего скакуна, Казбичъ!“

— А! Казбичъ!—подумалъ я, и вспомнилъ кольчугу.

— „Да“, отвѣчалъ Казбичъ послѣ нѣкотораго молчанія: „въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такой. Разъ—это было за Терекомъ—я ѣздилъ съ абреками отбивать русскіе табуны; намъ не посчастливилось и мы разсыпались кто куда. За мной неслись четыре казака; ужъ я слышалъ за собою крики гяуровъ и передо мною былъ густой лѣсъ. Прилегъ я на сѣдло, поручилъ себя Аллаху, и въ первый разъ въ жизни оскорбилъ коня ударомъ плети. Какъ птица нырнулъ онъ между вѣтвями; острыя колючки рвали мою одежду, сухіе сучья карагача били меня по лицу. Конь мой прыгалъ черезъ пни, разрывалъ кусты грудью. Лучше было бы мнѣ его бросить у опушки и скрыться въ лѣсу пѣшкомъ, да жаль было съ нимъ разстаться—и пророкъ вознаградилъ меня. Нѣсколько пуль провизжало надъ моей головою; я ужъ слышалъ, какъ спѣшившіеся казаки бѣжали по слѣдамъ... Вдругъ передо мною рытвина глубокая; скакунъ мой призадумался—и прыгнулъ. Заднія его копыта оборвались съ противнаго берега, и онъ повисъ на переднихъ ногахъ. Я бросилъ поводья и полетѣлъ въ оврагъ; это спасло моего коня: онъ выскочилъ. Казаки все это видѣли, только ни одинъ не спустился меня искать: они вѣрно думали, что я убился до смерти, и я слышалъ, какъ они бросились ловить моего коня. Сердце мое облилось кровью; поползъ я по густой травѣ вдоль по оврагу—смотрю: лѣсъ кончился, нѣсколько казаковъ выѣзжаютъ изъ него на поляну, и вотъ выскакиваетъ прямо къ нимъ мой Карагёзъ; всѣ кинулись за нимъ съ крикомъ; долго, долго они за нимъ гонялись, особенно одинъ раза два чуть-чуть не накинулъ ему на шею аркана; я задрожалъ, опустилъ глаза и началъ молиться. Черезъ нѣсколько мгновеній поднимаю ихъ—и вижу, мой Карагёзъ летитъ, развѣвая хвостъ, вольный какъ вѣтеръ: а гяуры далеко одинъ за другимъ тянутся по степи на измученныхъ коняхъ. Валлахъ! это правда, истинная правда! До поздней ночи я сидѣлъ въ своемъ оврагѣ. Вдругъ, что жъ ты думаешь, Азаматъ? во мракѣ слышу, бѣгаетъ по берегу оврага конь, фыркаетъ, ржетъ и бьетъ копытами о землю; я узналъ голосъ моего Карагёза, это былъ онъ, мой товарищъ!...Съ тѣхъ поръ мы не разлучались.“

— И слышно было, какъ онъ трепалъ рукою по гладкой шеѣ своего скакуна, давая ему разныя нѣжныя названья.

*

— „Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылицъ, сказалъ Азаматъ, то отдалъ бы тебѣ его весь за твоего Карагёза.“

— Йокъ, не хочу,“ отвѣчалъ равнодушно Казбичъ.

— Послушай, Казбичъ, говорилъ, ласкаясь къ нему Азаматъ:—ты добрый человѣкъ, ты храбрый джигитъ, а мой отецъ боится русскихъ и не пускаетъ меня въ горы; отдай мнѣ свою лошадь, и я сдѣлаю все, что ты хочешь; украду для тебя у отца лучшую его винтовку, или шашку, что только пожелаешь — а шашка его настоящая гурда: приложи лезвеемъ къ рукѣ, сама въ тѣло вопьется;акольчугатакая,какътвоя,ни почемъ.“

— Казбичъ молчалъ.

— „Въ первый разъ, какъ я увидѣлъ твоего коня, продолжалъ Азаматъ, когда онъ подъ тобой крутился и прыгалъ раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, въ моей душѣ сдѣлалось что-то непонятное, и съ тѣхъ поръ все мнѣ опостылило: на лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ, стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и, тоскуя, проживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ являлся вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ, какъ стрѣла, хребтомъ; онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!“ сказалъ Азаматъ дрожащимъ голосомъ.

— Мнѣ послышалось, что онъ заплакалъ; а надо вамъ сказать, что Азаматъ былъ преупрямый мальчишка, и ничѣмъ, бывало, у него слезъ не выбьешь, даже когда онъ былъ и помоложе.

— Въ отвѣтъ на его слезы послышалось что-то въ родѣ смѣха.

— „Послушай, сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ: видишь, я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ она пляшетъ! какъ поетъ! а вышиваетъ золотомъ—чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Хочешь? Дождись меня завтра ночью, тамъ въ ущельѣ, гдѣ бѣжитъ потокъ: я пойду съ нею мимо въ сосѣдній аулъ—и она твоя. Неужли не стоитъ Бэла твоего скакуна?“

— Долго, долго молчалъ Казбичъ; наконецъ, вмѣсто отвѣта, онъ затянулъ старинную пѣсню вполголоса: *

Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ.
Сладко любить ихъ—завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ.

— Напрасно упрашивалъ его Азаматъ согласиться, и плакалъ, и льстилъ ему, и клялся; наконецъ Казбичъ нетерпѣливо прервалъ его:

— „Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ? На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ объ камни.“

— „Меня!“ крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло объ кольчугу. Сильная рука оттолкнула его прочь и онъ ударился объ плетень такъ, что плетень зашатался.

---

* Я прошу прощенія у читателей въ томъ, что переложилъ въ стихи пѣсню Казбича, переданную мнѣ, разумѣется прозой; но привычка—вторая натура.

„Будетъ потѣха!“ подумалъ я, кинулся въ конюшню, взнуздалъ лошадей нашихъ и вывелъ ихъ на задній дворъ. Черезъ двѣ минуты ужъ въ саклѣ былъ ужасный гвалтъ. Вотъ что случилось: Азаматъ вбѣжалъ туда въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Всѣ выскочили, схватились за ружья—и пошла потѣха! Крикъ, шумъ, выстрѣлы; только Казбичъ ужъ былъ верхомъ и вертѣлся среди толпы по улицѣ, какъ бѣсъ, отмахиваясь шашкой. „Плохое дѣло — въ чужомъ пиру похмѣлье“, сказалъ я Григорью Александровичу, поймавъ его за руку: „не лучше ли намъ поскорѣй убраться?“

— Да погодите, чѣмъ кончится.

— Да ужъ, вѣрно, кончится худо; у этихъ азіятовъ все такъ: натянулись бузы—и пошла рѣзня!—Мы сѣли верхомъ и ускакали домой.

— А что Казбичъ? спросилъ я нетерпѣливо у штабсъ-капитана.

— Да что этому народу дѣлается! отвѣчалъ онъ, допивая стаканъ чая—вѣдь ускользнулъ!

— И не раненъ? спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ! Живущи разбойники! Видалъ я-съ иныхъ въ дѣлѣ, напримѣръ: вѣдь весь исколотъ, какъ рѣшето, штыками, а все махаетъ шашкой.—Штабсъ-капитанъ послѣ нѣкотораго молчанія продолжалъ, топнувъ ногою о землю:

— Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорью Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся—такой хитрый!—а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? Разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нѣчего дѣлать! началъ разсказывать, такъ надо продолжать.

— Дня черезъ четыре пріѣзжаетъ Азаматъ въ крѣпость. По обыкновенію, онъ зашелъ къ Григорью Александровичу, который его всегда кормилъ лакомствами. Я былъ тутъ. Зашелъ разговоръ о лошадяхъ, и Печоринъ началъ расхваливать лошадь Казбича: ужъ такая-то она рѣзвая, красивая, словно серна—ну, просто, по его словамъ, этакой и въ цѣломъ мірѣ нѣтъ.

— Засверкали глазёнки у татарченка, а Печоринъ будто не замѣчаетъ; я заговорю о другомъ, а онъ, смотришь, тотчасъ собьетъ разговоръ на лошадь Казбича. Эта исторія продолжалась всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Азаматъ. Недѣли три спустя, сталъ я замѣчать, что Азаматъ блѣднѣетъ и сохнетъ, какъ бываетъ отъ любви въ романахъ-съ. Что за диво?...

— Вотъ видите, я ужъ послѣ узналъ всю эту штуку: Григорій Александровичъ до того его задразнилъ, что хоть въ воду. Разъ, онъ ему и скажи: „Вижу, Азаматъ, что тебѣ больно понравилась эта лошадь, а не видать тебѣ ея, какъ своего затылка! Ну, скажи, что бы ты далъ тому, кто тебѣ ее подарилъ бы?...„

— Все, что онъ захочетъ, отвѣчалъ Азаматъ.

— Въ такомъ случаѣ я тебѣ ее достану, только съ условіемъ... Поклянись, что ты его исполнишь...

— Клянусь... Клянись и ты!

— Хорошо! Клянусь, ты будешь владѣть конемъ; только за него ты долженъ отдать мнѣ сестру Бэлу: Карагёзъ будетъ ея калымомъ. Надѣюсь, что торгъ для тебя выгоденъ.

— Азаматъ молчалъ.

— Не хочешь? Ну, какъ хочешь! Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ: рано тебѣ ѣздить верхóмъ...

— Азаматъ вспыхнулъ.

— А мой отецъ? сказалъ онъ.

— Развѣ онъ никогда не уѣзжаетъ?

— Правда...

— Согласенъ?...

— Согласенъ, прошепталъ Азаматъ, блѣдный какъ смерть.—Когда же?

— Въ первый разъ, какъ Казбичъ пріѣдетъ сюда; онъ обѣщался пригнать десятокъ барановъ; остальное—мое дѣло. Смотри же, Азаматъ!

— Вотъ они и сладили это дѣло... по правдѣ сказать, нехорошее дѣло! Я послѣ говорилъ это Печорину, да только онъ мнѣ отвѣчалъ, что дикая черкешенка должна быть счастлива, имѣя такого милаго мужа, какъ онъ, потому что, по ихнему, онъ все-таки ея мужъ, а что Казбичъ—разбойникъ, котораго надобно было наказать. Сами посудите, что жъ я могъ отвѣчать противъ этого?... Но въ то время я ничего не зналъ объ ихъ заговорѣ. Вотъ, разъ пріѣхалъ Казбичъ и спрашиваетъ, не нужно ли барановъ и меду; я велѣлъ ему привезти на другой день. „Азаматъ!“ сказалъ Григорій Александровичъ, „завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ; если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, то не видать тебѣ коня...“

— Хорошо! сказалъ Азаматъ и поскакалъ въ аулъ. Вечеромъ Григорій Александровичъ вооружился и выѣхалъ изъ крѣпости; какъ они сладили это дѣло—не знаю, только ночью они оба возвратились, и часовой видѣлъ, что поперегъ сѣдла Азамата лежала женщина, у которой руки и ноги были связаны, а голова окутана чадрой.

— А лошадь? спросилъ я у штабсъ-капитана.

— Сейчасъ, сейчасъ. На другой день утромъ рано пріѣхалъ Казбичъ и пригналъ десятокъ барановъ на продажу. Привязавъ лошадь у забора, онъ вошелъ ко мнѣ; я поподчивалъ его чаемъ, потому что хотя разбойникъ онъ, а все-таки былъ моимъ кунакомъ. *

— Стали мы болтать о томъ о семъ... Вдругъ, смотрю, Казбичъ вздрогнулъ, перемѣнился въ лицѣ — и къ окну; но окно къ несчастію, выходило на задворье.—„Что съ тобой?“ спросилъ я.

— Моя лошадь!... лошадь! сказалъ онъ, весь дрожа.

Точно, я услышалъ топотъ копытъ: —это, вѣрно, какой нибудь казакъ пріѣхалъ...

— Нѣтъ! Урусъ-яманъ, яманъ! заревѣлъ онъ и опрометью бросился вонъ, какъ дикій барсъ. Въ два прыжка онъ былъ ужъ на дворѣ; у воротъ крѣпости часовой загородилъ ему путь ружьемъ; онъ перескочилъ черезъ ружье и кинулся бѣжать по дорогѣ... Вдали вилась пыль—Азаматъ скакалъ на лихомъ Карагёзѣ; на-бѣгу Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлилъ. Съ минуту онъ остался неподвиженъ, пока не убѣдился, что далъ промахъ; потомъ завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его въ дребезги, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ... Вотъ кругомъ него собрался народъ изъ крѣпости—онъ никого не замѣчалъ; постояли, потолковали, и пошли назадъ; я велѣлъ возлѣ него положить деньги за барановъ —онъ ихъ не тронулъ, лежалъ себѣ ничкомъ, какъ мертвый. Повѣрите ли, онъ такъ пролежалъ до поздней ночи и цѣлую ночь!... Только на другое утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить,

* Кунакъ значитъ пріятель.

чтобъ ему назвали похитителя. Часовой, который, видѣлъ, какъ Азаматъ отвязалъ коня и ускакалъ на немъ, не почелъ за нужное скрывать. При этомъ имени глаза Казбича засверкали, и онъ отправился въ аулъ, гдѣ жилъ отецъ Азамата.

— Что́ жъ отецъ?

— Да въ томъ то и штука, что его Казбичъ не нашелъ: онъ куда-то уѣзжалъ дней на шесть, а то удалось ли бы Азамату увезти сестру?

— А когда отецъ возвратился, то ни дочери, ни сына не было. Такой хитрецъ: вѣдь смекнулъ, что не сносить ему головы, если бъ онъ попался. Такъ съ тѣхъ поръ и пропалъ: вѣрно, пристalъ къ какой нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ, или за Кубанью; туда и дорога!...

— Признаюсь, и на мою долю порядочно досталось. Какъ я только провѣдалъ, что черкешенка у Григорья Александровича, то надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

— Онъ лежалъ въ первой комнатѣ на постели, подложивъ одну руку подъ затылокъ, а въ другой держа погасшую трубку; дверь во вторую комнату была заперта на замокъ, и ключа въ замкѣ не было. Я все это тотчасъ замѣтилъ... Я началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ—только онъ притворялся, будто не слышитъ.

— Господинъ прапорщикъ! сказалъ я какъ можно строже:—развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?

— Ахъ, здравствуйте, Максимъ Максимычъ! Не хотите ли трубку? отвѣчалъ онъ, не приподнимаясь.

— Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ.

— Все равно. Не хотите ли чаю? Если бъ вы знали, какая мучитъ меня забота!

— Я все знаю, отвѣчалъ я, подошедъ къ кровати.

— Тѣмъ лучше: я не въ духѣ разсказывать.

— Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жъ за бѣда? Вѣдь у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки? Пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!...

— Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что нехорошо.

— Что̀ нехорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!... Ну, признайся, сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?...

— Ну, что прикажете отвѣчать на это?... Я сталъ въ-тупикъ. Однако жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ ее требовать, то надо будетъ отдать.

— Вовсе не надо!

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

— Я опять сталъ въ-тупикъ.—„Послушайте, Максимъ Максимычъ!“ сказалъ Печоринъ, приподнявшись: „вѣдь вы добрый человѣкъ—а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ, или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить, оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...“

— Да покажите мнѣ ее, сказалъ я.

— Она за этой дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть; сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ; пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ на-

шу духанщицу: она знаетъ потатарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя; потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня!—прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. — Я и въ этомъ согласился... Что прикажете дѣлать? Есть люди, съ которыми непремѣнно должно соглашаться.

— А что? спросилъ я у Максима Максимыча: въ самомъ ли дѣлѣ онъ пріучилъ ее къ себѣ, или она зачахла въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?

— Помилуйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула—а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно. Да притомъ Григорій Александровичъ каждый день дарилъ ей что нибудь; первые дни она, молча, гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщицѣ и возбуждали ея краснорѣчіе. Ахъ! подарки! чего не сдѣлаетъ женщина за цвѣтную тряпичку!... Ну, да это въ сторону... Долго бился съ нею Григорій Александровичъ, между тѣмъ учился потатарски, и она начинала понимать по-нашему. Мало по малу, она пріучилась на него смотрѣть, сначала изподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни въ полголоса, такъ что, бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты. Никогда не забуду одной сцены: шелъ я мимо и заглянулъ въ окно; Бэла сидѣла на лежанкѣ, повѣсивъ голову на грудь, а Григорій Александровичъ стоялъ передъ нею. „Послушай, моя пери“, говорилъ онъ: „вѣдь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею—отчего же только мучишь меня? Развѣ ты любишь какого нибудь чеченца? Если такъ, я тебя сейчасъ отпущу домой.“—Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой. — „Или“, продолжалъ онъ, „я тебѣ совершенно ненавистенъ?“—Она вздохнула.— „Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?“—Она поблѣднѣла и молчала.— „Повѣрь мнѣ, Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ мнѣ позволяетъ любить тебя, отчего же запретитъ тебѣ платить мнѣ взаимностью?“ —Она посмотрѣла ему пристально въ лицо, какъ будто пораженная этой новой мыслію; въ глазахъ ея выразились недовѣрчивость и желаніе убѣдиться. Что за глаза! они такъ и сверкали, будто два угля.

— Послушай, милая, добрая Бэла! продолжалъ Печоринъ: ты видишь, какъ я тебя люблю; я все готовъ отдать, чтобы тебя развеселить! я хочу, чтобъ ты была счастлива; а если ты снова будешь грустить, то я умру. Скажи, ты будешь веселѣй?—Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ее руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцѣловала; она слабо защищалась и только повторяла: „поджалуста, поджалуста, не нада, не нада“. Онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала.—„Я твоя плѣнница“, говорила она: „твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить!“—и опять слезы.

— Григорій Александровичъ ударилъ себя въ лобъ кулакомъ и выскочилъ въ другую комнату. Я зашелъ къ нему; онъ сложа руки прохаживался угрюмый взадъ и впередъ. „Что, батюшка?“ сказалъ я ему.—„Дьяволъ, а не женщина!“ отвѣчалъ онъ: „только я вамъ даю мое честное слово, что она будетъ моя...“ Я покачалъ головою. „Хотите пари?“ сказалъ онъ: „черезъ недѣлю!“—Изволь-

те! — Мы ударили по рукамъ и разошлись.

— На другой день онъ тотчасъ отправилъ нарочнаго въ Кизляръ за разными покупками; привезено было множество разныхъ персидскихъ матерій, всѣхъ не перечесть.

— Какъ вы думаете, Максимъ Максимычъ, сказалъ онъ мнѣ, показывая подарки,—устоитъ ли азіятская красавица противъ такой батареи? — Вы черкешенокъ не знаете, отвѣчалъ я; это совсѣмъ не то, что грузинки или закавказскія татарки—совсѣмъ не то. У нихъ свои правила; онѣ иначе воспитаны. — Григорій Александровичъ улыбнулся и сталъ насвистывать маршъ.

А вѣдь вышло, что я былъ правъ: подарки подѣйствовали только въ половину: она стала ласковѣе, довѣрчивѣе —да и только; такъ что онъ рѣшился на послѣднее средство. Разъ утромъ онъ велѣлъ осѣдлать лошадь, одѣлся по-черкески, вооружился и вошелъ къ ней. „Бэла!“ сказалъ онъ, „ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшился тебя увезти, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся:—прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу—ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя. Прощай, я ѣду— куда? почему я знаю! Авось, недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки; тогда вспомни обо мнѣ и прости меня.“ — Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль—такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери; онъ дрожалъ—и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только едва онъ коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею.—Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то есть, знаете, не то, чтобъ заплакалъ, а такъ-глупость!...

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, теребя усы: мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила.

— И продолжительно было ихъ счастіе? спросилъ я.

— Да, она намъ призналась, что съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто ей грезился во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія.—Да, они были счастливы!

— Какъ это скучно! воскликнулъ я невольно. Въ самомъ дѣлѣ, я ожидалъ трагической развязки, и вдругъ такъ неожиданно обмануть мои надежды!... „Да неужели,“ продолжалъ я „отецъ не догадался, что она у васъ въ крѣпости?“

— То есть, кажется, онъ подозрѣвалъ. Спустя нѣсколько дней, узнали мы, что старикъ убитъ. Вотъ какъ это случилось...

Вниманіе мое пробудилось снова.

— Надо вамъ сказать, что Казбичъ вообразилъ, будто Азаматъ съ согласія отца укралъ у него лошадь, по крайней мѣрѣ я такъ полагаю. Вотъ онъ разъ и дожидался у дороги, версты три за ауломъ; старикъ возвращался изъ напрасныхъ поисковъ за дочерью; узденi его отстали—это было въ сумерки—онъ

ѣхалъ задумчиво шагомъ, какъ вдругъ Казбичъ, будто кошка, нырнулъ изъ-за куста, прыгъ сзади его на лошадь, ударомъ кинжала свалилъ его на земь, схватилъ поводья—и былъ таковъ; нѣкоторые уздени все это видѣли съ пригорка; они бросились догонять, только не догнали.

— Онъ вознаградилъ себя за потерю коня и отомстилъ, сказалъ я, чтобъ вызвать мнѣніе моего собесѣдника.

— Конечно, по-ихнему, сказалъ штабсъ-капитанъ,—онъ былъ совершенно правъ.

Меня невольно поразила способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случается жить. Не знаю, достойно порицанія или похвалы это свойство ума, только оно доказываетъ неимовѣрную его гибкость и присутствіе этого яснаго, здраваго смысла, который прощаетъ зло вездѣ, гдѣ видитъ его необходимость, или невозможность его уничтоженія.

Между тѣмъ чай былъ вышитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу; мѣсяцъ блѣднѣлъ на западѣ и готовъ ужъ былъ погрузиться въ черныя свои тучи, висящія на дальнихъ вершинахъ, какъ клочки разодраннаго занавѣса. Мы вышли изъ сакли. Вопреки предсказанію моего спутника, погода прояснилась и обѣщала намъ тихое утро; хороводы звѣздъ чудными узорами сплетались на далекомъ небосклонѣ и одна за другою гасли по мѣрѣ того, какъ блѣдноватый отблескъ востока разливался по темно-лиловому своду, озаряя постепенно крутыя отлогости горъ, покрытыя дѣвственными снѣгами. Направо и налѣво чернѣли мрачныя, таинственныя пропасти; и туманы, клубясь и извиваясь какъ змѣи, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ, будто чувствуя и пугаясь приближенія дня.

Тихо было все на небѣ и на землѣ, какъ въ сердцѣ человѣка въ минуту утренней молитвы; только изрѣдка набѣгалъ прохладный вѣтеръ съ востока, приподнимая гриву лошадей, покрытую инеемъ. Мы тронулись въ путь; съ трудомъ пять худыхъ клячъ тащили наши повозки по извилистой дорогѣ на Гудъ-гору. Мы шли пѣшкомъ сзади, подкладывая камни подъ колеса, когда лошади выбивались изъ силъ; казалось, дорога вела на небо, потому что, сколько глазъ могъ разглядѣть, она все поднималась и наконецъ пропадала въ облакѣ, которое еще съ вечера отдыхало на вершинѣ Гудъ-горы, какъ коршунъ, ожидающій добычу; снѣгъ хрустѣлъ подъ ногами нашими; воздухъ становился такъ рѣдокъ, что было больно дышать: кровь поминутно приливала въ голову, но со всѣмъ тѣмъ какое-то отрадное чувство распространилось по всѣмъ моимъ жиламъ, и мнѣ было какъ-то весело, что я такъ высоко надъ міромъ — чувство дѣтское, не спорю, но, удаляясь отъ условій общества и приближаясь къ природѣ, мы невольно становимся дѣтьми: все пріобрѣтенное отпадаетъ отъ души, и она дѣлается вновь такою, какой была нѣкогда и вѣрно будетъ когда нибудь опять. Тотъ, кому случалось, какъ мнѣ, бродить по горамъ пустыннымъ и долго-долго всматриваться въ ихъ причудливые образы, и жадно глотать животворящій воздухъ, разлитый въ ихъ ущельяхъ, тотъ, конечно, пойметъ мое желаніе передать, разсказать, нарисовать эти волшебныя картины. Вотъ, наконецъ, мы взобрались на Гудъ-гору, остановились и оглянулись:

на ней висѣло сѣрое облако, и его холодное дыханіе грозило близкой бурею; но на востокѣ все было такъ ясно и золотисто, что мы, то есть я и штабсъ-капитанъ, совершенно о немъ забыли... Да, и штабсъ-капитанъ: въ сердцахъ простыхъ чувство красоты и величія природы сильнѣе, живѣе во стократъ, чѣмъ въ насъ, восторженныхъ разскащикахъ на словахъ и на бумагѣ.

— Вы, я думаю, привыкли къ этимъ великолѣпнымъ картинамъ? сказалъ я ему.

— Да-съ, и къ свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца.

— Я слышалъ напротивъ, что для иныхъ старыхъ воиновъ эта музыка даже пріятна?

— Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе. Посмотрите, прибавилъ онъ, указывая на востокъ: что за край!

И точно, такую панораму врядъ ли гдѣ еще удастся мнѣ видѣть: подъ нами лежала Койшаурская долина, пересѣкаемая Арагвой и другой рѣчкой, какъ двумя серебряными нитями; голубоватый туманъ скользилъ по ней, убѣгая въ сосѣднія тѣснины отъ теплыхъ лучей утра; направо и налѣво гребни горъ, одинъ выше другаго, пересѣкались, тянулись, покрытые снѣгами, кустарникомъ; вдали тѣ же горы, но хоть бы двѣ скалы похожія одна на другую— и всѣ эти снѣга горѣли румянымъ блескомъ такъ весело, такъ ярко, что кажется, тутъ бы и остаться жить навѣки; солнце чуть показалось изъ за темносиней горы, которую только привычный глазъ могъ бы различить отъ грозовой тучи; но надъ солнцемъ была кровавая полоса, на которую мой товарищъ обратилъ особенное вниманіе. „Я говорилъ вамъ“, воскликнулъ онъ, „что нынче будетъ погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанетъ насъ на Крестовой. Трогайтесь!“ закричалъ онъ ямщикамъ.

Подложили цѣпи подъ колеса вмѣсто тормазовъ, чтобъ они не раскатывались; взяли лошадей подъ-уздцы и начали спускаться; направо былъ утесъ, налѣво пропасть такая, что цѣлая деревушка осетинъ, живущихъ на днѣ ея, казалась гнѣздомъ ласточки; я содрогнулся, подумавъ, что часто здѣсь, въ глухую ночь, по этой дорогѣ, гдѣ двѣ повозки не могутъ разъѣхаться, какой нибудь курьеръ разъ десять въ годъ проѣзжаетъ, не вылѣзая изъ своего тряскаго экипажа. Одинъ изъ нашихъ извощиковъ былъ русскій ярославскій мужикъ, другой осетинъ. Осетинъ велъ коренную подъ-уздцы со всѣми возможными предосторожностями, отпрягши заранѣе уносныхъ—а нашъ безпечный русакъ даже не слѣзъ съ облучка! Когда я ему замѣтилъ, что онъ могъ бы побезпокоиться въ пользу хотя моего чемодана, за которымъ я вовсе не желалъ лазить въ эту бездну, онъ отвѣчалъ мнѣ: „И, баринъ! Богъ дастъ не хуже ихъ доѣдемъ; вѣдь намъ не впервые!“—и онъ былъ правъ: мы точно могли бы не доѣхать, однако жъ все-таки доѣхали. И еслибъ всѣ люди побольше разсуждали, то убѣдились бы, что жизнь не стоитъ того, чтобъ объ ней такъ много заботиться...

Но, можетъ быть, вы хотите знать окончаніе исторіи Бэлы?—Во-первыхъ, я пишу не повѣсть, а путевыя записки: слѣдовательно, не могу заставить штабсъ-капитана разсказывать прежде, нежели онъ началъ разсказывать въ самомъ дѣлѣ. Итакъ, погодите, или, если хотите, пере-

верните нѣсколько страницъ, только я вамъ этого не совѣтую, потому что переѣздъ черезъ Крестовую гору [или, какъ называетъ ее ученый Гамба, le Mont St.-Christophe] достоинъ вашего любопытства. Итакъ, мы спускались съ Гудъ-горы въ Чертóву долину... Вотъ романтическое названіе! Вы уже видите гнѣздо злаго духа между неприступными утесами—не тутъ-то было: названіе Чертóвой долины происходитъ отъ слова „черта“, а не „чортъ“—ибо здѣсь когда-то была граница Грузіи. Эта долина была завалена снѣговыми сугробами, напоминавшими довольно живо Саратовъ, Тамбовъ и прочія милыя мѣста нашего отечества.

„Вотъ и Крестовая!“ сказалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, когда мы съѣхали въ Чертóву долину, указывая на холмъ, покрытый пеленою снѣга; на его вершинѣ чернѣлся каменный крестъ, и мимо его вела едва-едва замѣтная дорога, по которой проѣзжаютъ только тогда, когда боковая завалена снѣгомъ; наши извощики объявили, что обваловъ еще не было, и сберегая лошадей, повезли насъ кругóмъ. При поворотѣ встрѣтили мы человѣкъ пять осетинъ; они предложили намъ свои услуги и, уцѣпясь за колеса, съ крикомъ принялись тащить и поддерживать нашу тележку. И точно, дорога опасная: направо висѣли надъ нашими головами груды снѣга, готовыя, кажется, при первомъ порывѣ вѣтра оборваться въ ущелье; узкая дорога частію была покрыта снѣгомъ, который въ иныхъ мѣстахъ проваливался подъ ногами, въ другихъ превращался въ ледъ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей и ночныхъ морозовъ, такъ что съ трудомъ мы сами пробирались; лошади падали; —налѣво зіяла глубокая разсѣлина, гдѣ катился потокъ, то скрываясь подъ ледяной корою, то съ пѣною прыгая по чернымъ камнямъ. Въ два часа едва могли мы обогнуть Крестовую гору— двѣ версты въ два часа! Между тѣмъ тучи спустились, повалилъ градъ, снѣгъ; вѣтеръ, врываясь въ ущелья, ревѣлъ, свисталъ какъ Соловей-Разбойникъ, и скоро каменный крестъ скрылся въ туманѣ, котораго волны, одна другой гуще и тѣснѣе, набѣгали съ востока... Кстати, объ этомъ крестѣ существуетъ странное, но всеобщее преданіе, будто его поставилъ императоръ Петръ I, проѣзжая черезъ Кавказъ; но, во-первыхъ, Петръ былъ только въ Дагестанѣ, и во-вторыхъ, на крестѣ было написано крупными буквами, что онъ поставленъ по приказанію ген. Ермолова, а именно въ 1824 году. Но преданіе, не смотря на надпись, такъ укоренилось, что, право, не знаешь чему вѣрить, тѣмъ болѣе, что мы не привыкли вѣрить надписямъ.

Намъ должно было спускаться еще верстъ пять по обледенѣвшимъ скаламъ и топкому снѣгу, чтобъ достигнуть станціи Коби. Лошади измучились, мы продрогли; метель гудѣла сильнѣе и сильнѣе, точно наша родимая, сѣверная; только ея дикіе напѣвы были печальнѣе, заунывнѣе. „И ты, изгнанница,“ думалъ я, „плачешь о своихъ широкихъ, раздольныхъ степяхъ! Тамъ есть гдѣ развернуть холодныя крылья, а здѣсь тебѣ душно и тѣсно какъ орлу, который съ крикомъ бьется о рѣшетку желѣзной своей клѣтки.“

— Плохо! говорилъ штабсъ-капитанъ: посмотрите, кругомъ ничего не видно, только туманъ да снѣгъ; того и гляди, что свалимся въ пропасть или засядемъ въ трущобу; а тамъ пониже, чай, Байдара такъ разыгралась, что и не пере-

ѣдешь. Ужъ эта мнѣ Азія! что люди, что рѣчки—никакъ нельзя положиться.

Извощики съ крикомъ и бранью колотили лошадей, которыя фыркали, упирались, и не хотѣли ни за что въ свѣтѣ тронуться съ мѣста, не смотря на краснорѣчіе кнутовъ. „Ваше благородіе,“ сказалъ наконецъ одинъ: „вѣдь мы нынче до Коби не доѣдемъ; не прикажете ли покамѣстъ можно, своротить налѣво? Вонъ тамъ что-то на косогорѣ чернѣется—вѣрно, сакли: тамъ всегда-съ проѣзжающіе останавливаются въ погоду; они говорятъ, что проведутъ, если дадите на водку,“ прибавилъ онъ, указывая на осетина.

— Знаю, братецъ, знаю безъ тебя! сказалъ штабсъ-капитанъ. Ужъ эти бестіи! рады придраться, чтобъ сорвать на водку.

— Признайтесь, однако, сказалъ я, что безъ нихъ намъ было бы хуже.

— Все такъ, все такъ, пробормоталъ онъ:—ужъ эти мнѣ проводники! чутьёмъ слышатъ, гдѣ можно попользоваться; будто безъ нихъ и нельзя найти дороги.

Вотъ мы свернули налѣво и кое-какъ, послѣ многихъ хлопотъ, добрались до скуднаго пріюта, состоявшаго изъ двухъ саклей, сложенныхъ изъ плитъ и булыжника и обведенныхъ такою же стѣною. Оборванные хозяева приняли насъ радушно. Я послѣ узналъ, что правительство имъ платитъ и кормитъ ихъ съ условіемъ, чтобъ они принимали путешественниковъ, застигнутыхъ бурею. —Все къ лучшему, сказалъ я, присѣвъ у огня:—теперь вы мнѣ доскажете вашу исторію про Бэлу; я увѣренъ, что этимъ не кончилось.

— А почему жъ вы такъ увѣрены? отвѣчалъ мнѣ штабсъ-капитанъ, примигивая съ хитрой улыбкою.

— Оттого, что это не въ порядкѣ вещей: что́ началось необыкновеннымъ образомъ, то должно такъ же и кончиться.

— Вѣдь вы угадали...

— Очень радъ.

— Хорошо вамъ радоваться; а мнѣ такъ, право, грустно, какъ вспомню. Славная была дѣвочка, эта Бэла. Я къ ней наконецъ такъ привыкъ, какъ къ дочери, и она меня любила. Надо вамъ сказать, что у меня нѣтъ семейства: объ отцѣ и матери я лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣю извѣстія, а запастись женой не догадался раньше—такъ теперь ужъ, знаете, и не къ лицу! я и радъ былъ, что нашелъ кого баловать. Она, бывало, намъ поетъ пѣсни, иль пляшетъ лезгинку... А ужъ какъ плясала! Видалъ я нашихъ губернскихъ барышень, а разъ былъ-съ и въ Москвѣ въ благородномъ собраніи, лѣтъ двадцать тому назадъ,—только куда имъ! совсѣмъ не то!... Григорій Александровичъ наряжалъ ее какъ куколку, холилъ и лелѣялъ, и она у насъ такъ похорошѣла, что чудо! съ лица и съ рукъ сошелъ загаръ, румянецъ разыгрался на щекахъ... Ужъ какая, бывало, веселая, и все надо мной, проказница, подшучивала... Богъ ей прости!...

— А что, когда вы ей объявили о смерти отца?

— Мы долго отъ нея это скрывали, пока она не привыкла къ своему положенію; а когда сказали, такъ она дня два поплакала, а потомъ забыла.

— Мѣсяца четыре все шло какъ нельзя лучше. Григорій Александровичъ, я ужъ кажется говорилъ, страстно любилъ охоту: бывало, такъ его въ лѣсъ и подмываетъ за кабанами или козами — а тутъ хоть бы вышелъ за крѣпостной

валъ. Вотъ, однако жъ, смотрю, онъ сталъ снова задумываться; ходитъ по комнатѣ, загнувъ руки назадъ; потомъ разъ, не сказавъ никому, отправился стрѣлять—цѣлое утро пропадалъ; разъ и другой, все чаще и чаще... „Нехорошо,“ подумалъ я: „вѣрно между ними черная кошка проскочила.“

— Одно утро захожу къ нимъ—какъ теперь передъ глазами: Бэла сидѣла на кровати въ черномъ, шолковомъ бешметѣ, блѣдненькая, такая печальная, что я испугался.

— А гдѣ Печоринъ? спросилъ я.

— На охотѣ.

— Сегодня ушелъ? — Она молчала, какъ будто ей трудно было выговорить.

— Нѣтъ, еще вчера, наконецъ сказала она, тяжело вздохнувъ.

— Ужъ не случилось ли съ нимъ чего?

— Я вчера цѣлый день думала, думала, отвѣчала она сквозь слезы; придумывала разныя несчастія: то казалось мнѣ, что его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы... А нынче мнѣ ужъ кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать!

— Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба—я княжеская дочь!...

Я сталъ ее уговаривать.—Послушай, Бэла, вѣдь нельзя же ему вѣкъ сидѣть здѣсь, какъ пришитому къ твоей юбкѣ: онъ человѣкъ молодой, любитъ погоняться за дичью — походитъ да и придетъ; а если ты будешь грустить, то скорѣй ему наскучишь.

— Правда, правда, отвѣчала она: я буду весела.—И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно: она опять упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было съ нею мнѣ дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался; думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ!

Наконецъ я ей сказалъ: „хочешь, пойдемъ прогуляться на валъ, погода славная!“ — Это было въ сентябрѣ. И точно, день былъ чудесный, свѣтлый и не жаркій; всѣ горы видны были какъ на блюдечкѣ. Мы пошли, походили по крѣпостному валу взадъ и впередъ молча; наконецъ она сѣла на дернъ, и я сѣлъ возлѣ нея. Ну, право, вспомнить смѣшно: я бѣгалъ за нею, точно какая нибудь нянька.

— Крѣпость наша стояла на высокомъ мѣстѣ, и видъ былъ съ вала прекрасный: съ одной стороны широкая поляна, изрытая нѣсколькими балками, * оканчивалась лѣсомъ, который тянулся до самаго хребта горъ; кое-гдѣ на ней дымились аулы, ходили табуны; съ другой бѣжала мелкая рѣчка, и къ ней примыкалъ частый кустарникъ, покрывавшій кремнистыя возвышенности, которыя соединялись съ главною цѣпью Кавказа. Мы сидѣли на углу бастіона, такъ что въ обѣ стороны могли видѣть все. Вотъ, смотрю: изъ лѣса выѣзжаетъ кто-то на сѣрой лошади, все ближе и ближе, и наконецъ остановился по ту сто-

* Овраги.

рону рѣчки, саженяхъ во стѣ отъ насъ, и началъ кружить лошадь свою какъ бѣшеный. Что за притча!... „Посмотрика, Бэла, сказалъ я: у тебя глаза молодые, что это за джигитъ: кого это онъ пріѣхалъ тѣшить?...“

— Она взглянула, и вскрикнула: „это Казбичъ!“

— Ахъ онъ разбойникъ! смѣяться что ли пріѣхалъ надъ нами?—Всматриваюсь, точно Казбичъ: его смуглая рожа, оборванный, грязный, какъ всегда.—„Это лошадь отца моего,“ сказала Бэла, схвативъ меня за руку; она дрожала какъ листъ, и глаза ея сверкали.—Ага! подумалъ я: и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь!

— Подойди-ка сюда, сказалъ я часовому: осмотри ружье, да ссади мнѣ этого молодца—получишь рубль серебромъ.—„Слушаю, ваше высокоблагородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ...“ —Прикажи! сказалъ я, смѣясь.—„Эй! любезный!“ закричалъ часовой, махая ему рукой: „подожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ?“—Казбичъ остановился въ самомъ дѣлѣ и сталъ вслушиваться: вѣрно думалъ, что съ нимъ заводятъ переговоры—какъ не такъ!... Мой гренадеръ приложился... бацъ!... мимо,—только-что порохъ на полкѣ вспыхнулъ, Казбичъ толкнулъ лошадь, и она дала скачекъ въ сторону. Онъ привсталъ на стременахъ, крикнулъ что-то по-своему, погрозилъ нагайкой—и былъ таковъ.

— Какъ тебѣ не стыдно! сказалъ я часовому.

— Ваше высокоблагородіе! умирать отправился, отвѣчалъ онъ, такой проклятый народъ, съ разу не убьешь.

— Четверть часа спустя, Печоринъ вернулся съ охоты; Бэла бросилась ему на шею, и ни одной жалобы, ни одного упрека за долгое отсутствіе... Даже я ужъ на него разсердился.—Помилуйте, говорилъ я: вѣдь вотъ сейчасъ тутъ былъ за рѣчкою Казбичъ и мы по немъ стрѣляли; ну, долго ли вамъ на него наткнуться? Эти горцы народъ мстительный; вы думаете, что онъ не догадывается, что вы частію помогли Азамату? А я бьюсь объ закладъ, что нынче онъ узналъ Бэлу. Я знаю, что, годъ тому назадъ, она ему больно нравилась—онъ мнѣ самъ говорилъ—и если бъ надѣялся собрать порядочный калымъ, то вѣрно бы посватался...—Тутъ Печоринъ задумался.—Да, отвѣчалъ онъ: надо быть осторожнѣе... Бэла! съ нынѣшняго дня ты не должна болѣе ходить на крѣпостной валъ.

— Вечеромъ я имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе: мнѣ было досадно, что онъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвочкѣ; кромѣ того, что онъ половину дня проводилъ на охотѣ, его обращеніе стало холодно, ласкалъ онъ ее рѣдко, и она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли. Бывало спросишь: о чемъ ты вздохнула, Бэла? ты печальна? „Нѣтъ.“ Тебѣ чего нибудь хочется? „Нѣтъ.“ Ты тоскуешь по роднымъ? „У меня нѣтъ родныхъ.“ Случалось, по цѣлымъ днямъ, кромѣ „да“ да „нѣтъ“, отъ нея ничего больше не добьешься.

— Вотъ объ этомъ-то я и сталъ ему говорить. „Послушайте, Максимъ Максимычъ,“ отвѣчалъ онъ: „у меня несчастный характеръ: воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ —не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ. Разумѣется, это имъ плохое утѣшеніе—только дѣло въ томъ, что это такъ. Въ первой моей мо-

лодости, съ той минуты, когда я вышелъ изъ опеки родныхъ, я сталъ наслаждаться обѣщено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги и, разумѣется, удовольствія эти мнѣ опротивѣли. Потомъ пустился я въ большой свѣтъ, и скоро общество мнѣ также надоѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ; но ихъ любовь только раздражала мое воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто... Я сталъ читать, учиться—науки также надоѣли; я видѣлъ, что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ. Тогда мнѣ стало скучно... Вскорѣ перевели меня на Кавказъ: это самое счастливое время моей жизни. Я надѣялся, что скука не живетъ подъ чеченскими пулями — напрасно: черезъ мѣсяцъ я такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти, что, право, обращалъ больше вниманія на комаровъ —и мнѣ стало скучнѣе прежняго, потому что я потерялъ почти послѣднюю надежду. Когда я увидѣлъ Бэлу въ своемъ домѣ, когда въ первый разъ, держа ее на колѣняхъ, цѣловалъ ея черные локоны, я, глупецъ, подумалъ, что она ангелъ, посланный мнѣ сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной также надоѣдаютъ, какъ и кокетство другой. Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь—только мнѣ съ нею скучно... Глупецъ я или злодѣй—не знаю; но то вѣрно, что я также очень достоинъ сожалѣнія, можетъ быть больше, нежели она; во мнѣ душа испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное; мнѣ все мало; къ печали я также легко привыкаю, какъ къ наслажденію, и жизнь моя становится пустѣе день ото дня; мнѣ осталось одно средство: путешествовать. Какъ только будетъ можно, отправлюсь—только не въ Европу, избави Боже!—поѣду въ Америку, въ Аравію, въ Индію—авось гдѣ нибудь умру на дорогѣ. Покрайнѣй мѣрѣ, я увѣренъ, что это послѣднее утѣшеніе не скоро истощится, съ помощію бурь и дурныхъ дорогъ."—Такъ онъ говорилъ долго, и его слова врѣзались у меня въ памяти, потому что въ первый разъ я слышалъ такія вещи отъ двадцатипяти-лѣтняго человѣка, и, Богъ дастъ, въ послѣдній... Что за диво! Скажитека, пожалуйста, продолжалъ штабсъ-капитанъ, обращаясь ко мнѣ: вы вотъ, кажется, бывали въ столицѣ, и недавно— неужто тамошняя молодежь вся такова?

Я отвѣчалъ, что много есть людей, говорящихъ то же самое; что есть, вѣроятно, и такіе, которые говорятъ правду; что впрочемъ разочарованіе, какъ всѣ моды, начавъ съ высшихъ слоевъ общества, спустилось къ низшимъ, которые его донашиваютъ, и что нынче тѣ, которые больше всѣхъ и въ самомъ дѣлѣ скучаютъ, стараются скрыть это несчастіе, какъ порокъ.—Штабсъ-капитанъ не понялъ этихъ тонкостей, покачалъ головою и улыбнулся лукаво.

— А все, чай, французы ввели моду скучать?

— Нѣтъ, англичане.

— Ага, вотъ что!... отвѣчалъ онъ; да вѣдь они всегда были отъявленные пьяницы!...

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала,

что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. Впрочемъ, замѣчаніе штабсъ-капитана было извинительнѣе: чтобъ воздерживаться отъ вина, онъ, конечно, старался увѣрять себя, что всѣ въ мірѣ несчастія происходятъ отъ пьянства.

Между тѣмъ онъ продолжалъ свой разсказъ такимъ образомъ:

— Казбичъ не являлся снова. Только не знаю почему, я не могъ выбить изъ головы мысль, что онъ не даромъ пріѣзжалъ и затѣваетъ что-нибудь худое.

— Вотъ разъ уговариваетъ меня Печоринъ ѣхать съ нимъ на кабана; я долго отнѣкивался: ну, что мнѣ былъ за диковинка кабанъ! Однако жъ утащилъ-таки меня съ собою.—Мы взяли человѣкъ пять солдатъ и уѣхали рано утромъ. До десяти часовъ шныряли по камышамъ и по лѣсу—нѣтъ звѣря. „Ой, не воротиться ли?“ говорилъ я. „Къ чему упрямиться? Ужъ, видно, такой задался несчастный день!“ Только Григорій Александровичъ, не смотря на зной и усталость, не хотѣлъ воротиться безъ добычи... Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ—подавай; видно, въ дѣтствѣ былъ маменькой избалованъ... Наконецъ въ полдень отыскали проклятаго кабана—пафъ! пафъ! не тутъ-то было: ушелъ въ камыши... такой ужъ былъ несчастный день!... Вотъ мы, отдохнувъ маленько, отправились домой.

— Мы ѣхали рядомъ, молча, распустивъ поводья, и были ужъ почти у самой крѣпости: только кустарникъ закрывалъ ее отъ насъ. Вдругъ выстрѣлъ... Мы взглянули другъ на друга: насъ поразило одинаковое подозрѣніе... Опрометью поскакали мы на выстрѣлъ—смотримъ: на валу солдаты собрались въ кучку и указываютъ въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Григорій Александровичъ взвизгнулъ не хуже любаго чеченца; ружье изъ чехла—и туда; я за нимъ.

— Къ счастію, по причинѣ неудачной охоты, наши кони не были измучены: они рвались изъ подъ сѣдла и съ каждымъ мгновеніемъ мы были все ближе и ближе... И наконецъ я узналъ Казбича, только не могъ разобрать, что такое онъ держалъ передъ собою. Я тогда поровнялся съ Печориномъ и кричу ему: это Казбичъ!... Онъ посмотрѣлъ на меня, кивнулъ головою, и ударилъ коня плетью.

— Вотъ наконецъ мы были ужъ отъ него на ружейный выстрѣлъ; измучена ли была у Казбича лошадь, или хуже нашихъ, только, не смотря на всѣ его старанія, она не больно подавалась впередъ. Я думаю, въ эту минуту онъ вспомнилъ своего Карагёза...

— Смотрю: Печоринъ на скаку приложился изъ ружья... „Не стрѣляйте!“ кричу я ему: „берегите зарядъ; мы и такъ его догонимъ.“ — Ужъ эта молодежь! вѣчно некстати горячится... Но выстрѣлъ раздался и пуля перебила заднюю ногу лошади: она сгоряча сдѣлала еще прыжковъ десять, споткнулась и упала на колѣни. Казбичъ соскочилъ, и тогда мы увидѣли, что онъ держалъ на рукахъ своихъ женщину, окутанную чадрою... Эта была Бэла... бѣдная Бэла!—Онъ что-то намъ закричалъ по своему и занесъ надъ нею кинжалъ... Медлить было нечего: я выстрѣлилъ въ свою очередь, на удачу; вѣрно пуля попала ему въ плечо, потому что вдругъ онъ опустилъ руку. Когда дымъ разсѣялся, на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бэла; а Казбичъ, бросивъ ружье, по кустарникамъ, точно кошка,

карабкался на утесъ. Хотѣлось мнѣ его снять оттуда — да не было заряда готоваго! Мы соскочили съ лошадей и кинулись къ Бэлѣ. Бѣдняжка, она лежала неподвижно и кровь лилась изъ раны ручьями... Такой злодѣй: хоть бы въ сердце ударилъ — ну, такъ ужъ и быть, однимъ разомъ все бы кончилъ, а то въ спину... самый разбойничій ударъ! Она была безъ памяти. Мы изорвали чадру и перевязали рану какъ можно туже. Напрасно Печоринъ цѣловалъ ея холодныя губы—ничто не могло привести ее въ себя.

— Печоринъ сѣлъ верхомъ; я поднялъ ее съ земли и кое-какъ посадилъ къ нему на сѣдло; онъ обхватилъ ее рукой, и мы поѣхали назадъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Григорій Александровичъ сказалъ мнѣ: „послушайте, Максимъ Максимычъ, мы этакъ ее не довеземъ живую.“—„Правда!“ сказалъ я, и мы пустили лошадей во весь духъ. — Насъ у воротъ крѣпости ожидала толпа народа. Осторожно перенесли мы раненую къ Печорину и послали за лекаремъ. Онъ былъ хотя пьянъ, но пришелъ, осмотрѣлъ рану и объявилъ, что она больше дня жить не можетъ; только онъ ошибся...

— Выздоровѣла?спросилъ я у штабсъ-капитана, схвативъ его за руку и невольно обрадовавшись.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ:—а ошибся лекарь тѣмъ, что она еще два дня прожила.

— Да объясните мнѣ, какимъ образомъ ее похитилъ Казбичъ?

— А вотъ какъ: не смотря на запрещеніе Печорина, она вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ. Было, знаете, очень жарко; она сѣла на камень и опустила ноги въ воду. Вотъ Казбичъ подкрался — цапъ-царапъ ее, зажалъ ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня, да и тягу! Она между тѣмъ успѣла закричать; часовые всполошились, выстрѣлили, да мимо, а мы тутъ и подоспѣли.

— Да зачѣмъ Казбичъ ее хотѣлъ увезти?

— Помилуйте! да эти черкесы извѣстный воровской народъ: что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть; другое и не нужно, а все украдетъ... ужъ въ этомъ прошу извинить! Да притомъ она ему давно-таки нравилась.

— И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только что она открыла глаза, начала звать Печорина.—„Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка!“ [то есть по нашему, душенька], отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—Я умру! сказала она.

— Мы начали ее утѣшать; говорили, что лекарь обѣщалъ ее вылечить непремѣнно. Она покачала головкой и отвернулась къ стѣнѣ: ей не хотѣлось умирать!...

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла; по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки. Она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ; давала ему разныя нѣжныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его: въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою—

не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывалъ.

— Къ утру бредъ прошелъ; съ часъ она лежала неподвижная, блѣдная, и въ такой слабости, что едва можно было замѣтить, что она дышетъ; потомъ ей стало лучше, и она начала говорить, только, какъ вы думаете, о чемъ?... Этакая мысль придетъ вѣдь только умирающему!... Начала печалиться о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорья Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. Мнѣ пришло на мысль окрестить ее передъ смертію, я ей это предложилъ, она посмотрѣла на меня въ нерѣшимости и долго не могла слова вымолвить; наконецъ отвѣчала, что она умретъ въ той вѣрѣ, въ какой родилась. Такъ прошелъ цѣлый день. Какъ она перемѣнилась въ этотъ день! Блѣдныя щеки впали, глаза сдѣлались большіе, большіе; губы горѣли. Она чувствовала внутренній жаръ, какъ будто въ груди у ней лежало раскаленное желѣзо.

— Настала другая ночь; мы не смыкали глазъ, не отходили отъ ея постели. Она ужасно мучилась, стонала, и только-что боль начинала утихать, она старалась увѣрить Григорья Александровича, что ей лучше, уговаривала его идти спать, цѣловала его руку, не выпускала ея изъ своихъ. Передъ утромъ стала она чувствовать тоску смерти, начала метаться, сбила перевязку и кровь потекла снова. Когда перевязали рану, она на минуту успокоилась и начала просить Печорина, чтобъ онъ ее поцѣловалъ. Онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати, приподнялъ ея голову съ подушки и прижалъ свои губы къ ея холодѣющимъ губамъ: она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу... Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! Ну, чтобы съ ней сталось, если бъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось, рано или поздно...

— Половину слѣдующаго дня она была тиха, молчалива и послушна, какъ ни мучилъ ее нашъ лекарь припарками и микстурой.—Помилуйте! говорилъ я ему: вѣдь вы сами сказали, что она умретъ непремѣнно, такъ зачѣмъ тутъ всѣ ваши препараты? „Все-таки лучше, Максимъ Максимычъ, отвѣчалъ онъ, чтобъ совѣсть была покойна.“ Хороша совѣсть!

— Послѣ полудня она начала томиться жаждой. Мы отворили окна, но на дворѣ было жарче, чѣмъ въ комнатѣ; поставили льду около кровати—ничего не помогало. Я зналъ, что эта невыносимая жажда — признакъ приближенія конца, и сказалъ это Печорину.

— Воды, воды!... говорила она хриплымъголосомъ,приподнявшисьсъпостели.

— Онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву—не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія, только это все не то, совсѣмъ не то!... Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ; а кажется я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ!... И вправду молвить: что жъ я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?...

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три

*

она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ—гладко!...

Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно: я бы, на его мѣстѣ, умеръ съ горя. Наконецъ онъ сѣлъ на землю, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха... Я пошелъ заказывать гробъ.

— Признаться, я частію для развлеченія занялся этимъ. У меня былъ кусокъ термаламы, я обилъ ею гробъ и украсилъ его черкесскими серебряными галунами, которыхъ Григорій Александровичъ накупилъ для нея же.

— На другой день рано утромъ мы ее похоронили за крѣпостью, у рѣчки, возлѣ того мѣста, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла; кругомъ ея могилки теперь разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ-было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все таки она была не христіанка...

— А что Печоринъ? спросилъ я.

— Печоринъ былъ долго нездоровъ, исхудалъ, бѣдняжка; только никогда съ этихъ поръ мы не говорили о Бэлѣ; я видѣлъ, что это ему будетъ непріятно, такъ зачѣмъ же!—Мѣсяца три спустя, его назначили въ е—й полкъ, и онъ уѣхалъ въ Грузію. Мы съ тѣхъ поръ не встрѣчались... Да помнится, кто-то недавно мнѣ говорилъ, что онъ возвратился въ Россію, но въ приказахъ по корпусу не было. Впрочемъ, до нашего брата вѣсти поздно доходятъ.

Тутъ онъ пустился въ длинную диссертацію о томъ, какъ непріятно узнавать новости годомъ позже — вѣроятно для того, чтобъ заглушить печальныя воспоминанія.

Я не перебивалъ его и не слушалъ.

Черезъ часъ явилась возможность ѣхать; метель утихла, небо прояснилось, и мы отправились. Дорогой невольно я опять завелъ разговоръ о Бэлѣ и о Печоринѣ.

— А не слыхали ли вы, что сдѣлалось съ Казбичемъ? спросилъ я.

— Съ Казбичемъ? А, право, не знаю... Слышалъ я, что на правомъ флангѣ у шапсуговъ есть какой-то Казбичъ, удалецъ, который въ красномъ бешметѣ разъѣзжаетъ шажкомъ подъ нашими выстрѣлами и превѣжливо раскланивается, когда пуля прожужжитъ близко; да врядъ ли это тотъ самый!...

Въ Кобы мы разстались съ Максимомъ Максимычемъ; я поѣхалъ на почтовыхъ, а онъ по причинѣ тяжелой поклажи не могъ за мной слѣдовать. Мы не надѣялись никогда болѣе встрѣтиться, однако встрѣтились, и, если хотите, я разскажу: это цѣлая исторія... Сознайтесь, однако жъ, что Максимъ Максимычъ человѣкъ достойный уваженія?... Если вы сознаетесь въ этомъ, то я вполнѣ буду вознагражденъ за свой, можетъ быть, слишкомъ длинный разсказъ.

CZYTELNIA „KULTURA" Warszawa Nowolipki

II.

МАКСИМЪ МАКСИМЫЧЪ.

Разставшись съ Максимомъ Максимычемъ, я живо проскакалъ Терекское и Дарьяльское ущелья, завтракалъ въ Казбекѣ, чай пилъ въ Ларсѣ, а къ ужину поспѣшилъ въ Владикавказъ. Избавляю васъ отъ описанія горъ, отъ возгласовъ, которые ничего не выражаютъ, отъ картинъ, которыя ничего не изображаютъ, особенно для тѣхъ, которые тамъ не были, и отъ статистическихъ замѣчаній, которыхъ рѣшительно никто читать не станетъ.

Я остановился въ гостинницѣ, гдѣ останавливаются всѣ проѣзжіе, и гдѣ между тѣмъ некому велѣть зажарить фазана и сварить щей, ибо три инвалида, которымъ она поручена, такъ глупы или такъ пьяны, что отъ нихъ никакого толка нельзя добиться.

Мнѣ объявили, что я долженъ прожить тутъ еще три дня, ибо „оказія“ изъ Екатериноградa еще не пришла и слѣдовательно отправиться обратно не можетъ. Что за оказія!... Но дурной каламбуръ не утѣшеніе для русскаго человѣка, и я для развлеченія вздумалъ записывать разсказъ Максима Максимыча о Бэлѣ, не воображая, что онъ будетъ первымъ звеномъ длинной цѣпи повѣстей: видите, какъ иногда маловажный случай имѣетъ жестокія послѣдствія!... А вы можетъ быть не знаете что такое „оказія“? Это—прикрытіе, состоящее изъ полроты пѣхоты и пушки, съ которымъ ходятъ обозы чрезъ Кабарду изъ Владикавказа въ Екатериноградъ.

Первый день я провелъ очень скучно; на другой, рано утромъ въѣзжаетъ на дворъ повозка... А! Максимъ Максимычъ!... Мы встрѣтились какъ старые пріятели. Я предложилъ ему свою комнату; онъ не церемонился, даже ударилъ меня по плечу и скривилъ ротъ на манеръ улыбки. Такой чудакъ!...

Максимъ Максимычъ имѣлъ глубокія свѣдѣнія въ поваренномъ искусствѣ: онъ удивительно хорошо зажарилъ фазана, удачно полилъ его огуречнымъ разсоломъ, и я долженъ признаться, что безъ него пришлось бы остаться на сухояденіи. Бутылка кахетинскаго помогла намъ забыть о скромномъ числѣ блюдъ, которыхъ было всего одно, и, закуривъ трубки, мы усѣлись—я у окна, онъ у затопленной печи, потому что день былъ сырой и холодный. Мы молчали. О чемъ было намъ говорить?... Онъ ужъ разсказалъ мнѣ о себѣ все, что было занимательнаго, а мнѣ было нечего разсказывать. Я смотрѣлъ въ окно. Множество низенькихъ домиковъ, разбросанныхъ по берегу Терека, который разбѣгается шире и шире, мелькало изъ-за деревъ, а дальше синѣлись зубчатою стѣною горы и изъ-за нихъ выглядывалъ Казбекъ въ своей бѣлой архирейской шапкѣ. Я съ ними мысленно прощался: мнѣ стало ихъ жалко...

Такъ сидѣли мы долго. Солнце пряталось за холодныя вершины, и бѣловатый туманъ начиналъ расходиться въ долинахъ, когда на улицѣ раздался звонъ дорожнаго колокольчика и крикъ извощиковъ. Нѣсколько повозокъ съ грязными армянами въѣхало на дворъ гостинницы и за ними пустая дорожная коляска; ея легкій ходъ, удобное устройство и щегольской видъ имѣли какой-то заграничный отпечатокъ. За нею шелъ человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для

лакея; въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу изъ трубки и покрикивалъ на ямщика. Онъ явно былъ балованный слуга лѣниваго барина—нѣчто вродѣ русскаго Фигаро. — „Скажи, любезный, закричалъ я ему въ окно, что это — оказія пришла, что ли?“—Онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстухъ, и отвернулся; шедшій возлѣ него армянинъ, улыбаясь, отвѣчалъ за него, что точно пришла оказія и завтра утромъ отправится обратно. — „Слава Богу!“ сказалъ Максимъ Максимычъ, подошедшій къ окну въ это время. „Экая чудная коляска!“ прибавилъ онъ: „вѣрно какой нибудь чиновникъ ѣдетъ на слѣдствіе въ Тифлисъ. Видно не знаетъ нашихъ горокъ! Нѣтъ, шутишь, любезный: онѣ не свой братъ, растрясутъ хоть англійскую!—А кто бы это такое былъ—подойдемте-ка узнать...“ Мы вышли въ корридоръ. Въ концѣ корридора была отворена дверь въ боковую комнату. Лакей съ извощикомъ перетаскивали въ нее чемоданы.

— Послушай, братецъ, спросилъ у него штабсъ-капитанъ: чья эта чудесная коляска?... а?... Прекрасная коляска!... Лакей, не оборачиваясь, бормоталъ что-то про себя, развязывая чемоданъ. Максимъ Максимычъ разсердился: онъ тронулъ неучтивца по плечу и сказалъ: я тебѣ говорю, любезный..

— Чья коляска?... Моего господина...

— А кто твой господинъ?

— Печоринъ...

— Что ты? что ты? Печоринъ?... Ахъ, Боже мой!... да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?... воскликнулъ Максимъ Максимычъ, дернувъ меня за рукавъ. У него въ глазахъ сверкала радость.

— Служилъ, кажется—да я у нихъ недавно.

— Ну, такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ?... Такъ вѣдь его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели, прибавилъ онъ, ударивъ дружески по плечу лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...

— Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете, сказалъ тотъ, нахмурившись.

— Экой ты, братецъ!... да знаешь ли, мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ?... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?...

Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н....

— Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда? сказалъ Максимъ Максимычъ: или ты, любезный не пойдешь ли къ нему зачѣмъ нибудь?... Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я тебѣ дамъ восьмигривенный на водку...

Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что онъ исполнитъ его порученіе.

— Вѣдь сейчасъ прибѣжитъ!... сказалъ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ: пойду за ворота его дожидаться... Эхъ жалко, что я незнакомъ съ Н...

Максимъ Максимычъ сѣлъ за воротами на скамейку, а я ушелъ въ свою комнату. Признаюсь, я также съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ждалъ появленія этого Печорина; хотя по разсказу штабсъ-капитана, я составилъ себѣ о немъ не очень выгодное понятіе, однако нѣкоторыя черты въ его характерѣ показались мнѣ замѣчательными. Черезъ

часъ инвалидъ принесъ кипящій самоваръ и чайникъ. „Максимъ Максимычъ, не хотите ли чаю?“ закричалъ я ему въ окно.

— Благодарствуйте; что-то нехочется.

— Эй выпейте! Смотрите, вѣдь ужъ поздно, холодно.

— Ничего; благодарствуйте...

— Ну, какъ угодно!—Я сталъ пить чай одинъ; минутъ черезъ десять входитъ мой старикъ.

— А вѣдь вы правы: все лучше выпить чайку—да я все ждалъ. Ужъ человѣкъ его давно къ нему пошелъ, да видно что нибудь задержало!

Онъ наскоро выхлебнулъ чашку, отказался отъ второй и ушелъ опять за ворота въ какомъ-то безпокойствѣ: явно было, что старика огорчало небреженіе Печорина, и тѣмъ болѣе, что онъ мнѣ недавно говорилъ о своей съ нимъ дружбѣ, и еще часъ тому назадъ былъ увѣренъ, что онъ прибѣжитъ, какъ только услышитъ его имя.

Ужъ было поздно и темно, когда я снова отворилъ окно и сталъ звать Максима Максимыча, говоря, что пора спать; онъ что-то пробормоталъ сквозь зубы; я повторилъ приглашеніе — онъ ничего не отвѣчалъ.

Я легъ на диванъ, завернувшись въ шинель и оставивъ свѣчу на лежанкѣ, скоро задремалъ и проспалъ бы покойно, если бъ, уже очень поздно Максимъ Максимычъ, войдя въ комнату, не разбудилъ меня. Онъ бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить по комнатѣ, шевырять въ печи, наконецъ легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался...

— Не клопы ли васъ кусаютъ? спросилъ я.

— Да, клопы... отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

— На другой день утромъ я проснулся рано, но Максимъ Максимычъ предупредилъ меня. Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. „Мнѣ надо сходить къ коменданту“, сказалъ онъ: „такъ пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной...

Я обѣщался. Онъ побѣжалъ, какъ будто члены его получили вновь юношескую силу и гибкость.

Утро было свѣжее и прекрасное. Золотыя облака громоздились на горахъ, какъ новый рядъ воздушныхъ горъ; передъ воротами разстилалась широкая площадь; за нею базаръ кипѣлъ народомъ, потому что было воскресенье: босые мальчики-осетины, неся за плечами котомки съ сотовымъ медомъ, вертѣлись вокругъ меня; я ихъ проклиналъ: мнѣ было не до нихъ—я начиналъ раздѣлять безпокойство добраго штабсъ-капитана.

Не прошло десяти минутъ, какъ на концѣ площади показался тотъ, котораго мы ожидали. Онъ шелъ съ полковникомъ Н..., который, доведя его до гостинницы, простился съ нимъ и поворотилъ въ крѣпость. Я тотчасъ же послалъ инвалида за Максимомъ Максимычемъ.

На встрѣчу Печорина вышелъ его лакей и доложилъ, что сейчасъ станутъ закладывать; подалъ ему ящикъ съ сигарами и, получивъ нѣсколько приказаній, отправился хлопотать. Его господинъ, закуривъ сигару, зѣвнулъ раза два и сѣлъ на скамью по другую сторону воротъ. Теперь я долженъ нарисовать вамъ его портретъ.

Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жиз-

ни и перемѣны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сюртучокъ его, застегнутый только на двѣ нижнія пуговицы, позволялъ разглядѣть ослѣпительно-чистое бѣлье, изобличавшее привычки порядочнаго человѣка; его запачканныя перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической рукѣ, и когда онъ снялъ одну перчатку, то я былъ удивленъ худобой его блѣдныхъ пальцевъ. Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ нѣкоторой скрытности характера. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на мопхъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо. Когда онъ опустился на скамью, то прямой станъ его согнулся, какъ будто у него въ спинѣ не было ни одной косточки; положеніе всего его тѣла изобразило какую-то нервическую слабость; онъ сидѣлъ, какъ сидитъ Бальзакова тридцатилѣтняя кокетка на своихъ пуховыхъ креслахъ послѣ утомительнаго бала. Съ перваго взгляда на лицо его, я бы не далъ ему болѣе двадцати трехъ лѣтъ, хотя послѣ я готовъ былъ дать ему тридцать. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, вьющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный, благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую и, вѣроятно, обозначавшихся гораздо явственнѣе въ минуты гнѣва, или душевнаго безпокойства. Не смотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные—признакъ породы въ человѣкѣ, такъ какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади. Чтобъ докончить портретъ, я скажу, что у него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза: о глазахъ я долженъ сказать еще нѣсколько словъ.

Во-первыхъ, они не смѣялись, когда онъ смѣялся. — Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей?... Это признакъ или злого права, или глубокой, постоянной грусти. Изъза полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его— непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса и могъ бы казаться дерзкимъ, если бъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ. Всѣ эти замѣчанія пришли мнѣ на умъ, можетъ быть, только потому, что я зналъ нѣкоторыя подробности его жизни, и, можетъ быть, на другаго видъ его произвелъ бы совершенно различное впечатлѣніе; но такъ какъ вы о немъ не услышите ни отъ кого, кромѣ меня, то по неволѣ должны довольствоваться этимъ изображеніемъ. Скажу въ заключеніе, что онъ былъ вообще очень недуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ физіономій, которыя особенно нравятся женщинамъ.

Лошади были уже заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не

являлся. Къ счастію, Печоринъ былъ погружонъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему. „Если вы захотите еще немного подождать“, сказалъ я, „то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ...“

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вчера говорили; но гдѣ же онъ?— Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ, вырвавшись изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками: онъ еще не могъ говорить.

— Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ! Ну, какъ вы поживаете? сказалъ Печоринъ.

— А... ты?... а вы?... пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: сколько лѣтъ... сколько дней... да куда это?...

— Ѣду въ Персію—и дальше...

— Неужто сейчасъ?... Да подождите, дражайшій!... Неужто сейчасъ разстанемся?... Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ, —былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?... Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ?... какъ?... что подѣлывали?...

— Скучалъ! отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь.

— А помните наше житьё-бытьё въ крѣпости?... Славная страна для охоты!... Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?...

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню! сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ.

Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два. „Мы славно пообѣдаемъ“, говорилъ онъ: „у меня есть два фазана; а кахетинское здѣсь прекрасное... разумѣется не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... Вы мнѣ разскажете про свое житьё въ Петербургѣ... А?...“

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора... я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это. „Забыть!“ проворчалъ онъ: „я-то не забылъ ничего... Ну, да Богъ съ вами... Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески: неужели я не тотъ же? Что дѣлать?... всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!... Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ и ямщикъ уже началъ подбирать возжи.

— Постой, постой! закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски:—совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ... я ихъ таскаю съ собой... думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... Что съ ними дѣлать?...

— Что хотите! отвѣчалъ Печоринъ. —Прощайте...

— Такъ вы въ Персію?... а когда вернетесь?... кричалъ въ слѣдъ Максимъ Максимычъ.

Коляска была уже далеко, но Печоринъ сдѣлалъ знакъ рукой, который можно было перевести слѣдующимъ образомъ: врядъ ли! да и не зачѣмъ!

Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости.

„Да“, сказалъ онъ наконецъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ; “конечно, мы были пріятели—ну, да что пріятели въ нынѣшнемъ вѣкѣ!... Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара... Вишь какимъ онъ франтомъ сдѣлался, какъ побывалъ опять въ Петербургѣ... Что за коляска!... сколько поклажи!... и лакей такой гордый!...“ Эти слова были произнесены съ иронической улыбкой. „Скажите, продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ: ну, что вы объ этомъ думаете?... ну, какой бѣсъ несетъ его теперь въ Персію?... Смѣшно, ей-Богу, смѣшно!... Да я всегда зналъ, что онъ вѣтреный человѣкъ, на котораго нельзя надѣяться... А, право, жаль, что онъ дурно кончитъ... да и нельзя иначе!... Ужъ я всегда говорилъ, что нѣтъ проку въ томъ, кто старыхъ друзей забываетъ!...“ Тутъ онъ отвернулся, чтобы скрыть свое волненіе, и пошелъ ходить по двору около своей повозки, показывая, будто осматриваетъ колеса, тогда какъ глаза его поминутно наполнялись слезами.

— Максимъ Максимычъ, сказалъ я, подошедши къ нему, а что это за бумаги вамъ оставилъ Печоринъ.

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки...

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? Я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко...

— Вотъ онѣ всѣ, сказалъ онъ; поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло... Что, я развѣ другъ его какой, или родственникъ?... Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?...

Я схватилъ бумаги и поскорѣе унесъ ихъ, боясь, чтобъ штабсъ-капитанъ не раскаялся. Скоро пришли намъ объявить, что черезъ часъ тронется оказія; я велѣлъ закладывать. Штабсъ-капитанъ вошелъ въ комнату въ то время, когда я уже надѣвалъ шапку; онъ, казалось, не готовился къ отъѣзду; у него былъ какой-то принужденный, холодный видъ.

— А вы, Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи...

— Да вѣдь вы же были у него?

— Былъ, конечно, сказалъ онъ, заминаясь, да его дома не было... а я не дождался.

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отъ роду, можетъ быть, бросилъ дѣла службы для собственной надобности, говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль, сказалъ я ему, очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!... Вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги.

Мы простились довольно сухо. Добрый Максимъ Максимычъ сдѣлался упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ. И отчего? Оттого, что Печоринъ, въ разсѣянности, или отъ другой причины, протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ кинуться ему на шею. Грустно видѣть, когда юноша теряетъ лучшія свои надежды и мечты, когда предъ нимъ отдергивается розовый флёръ, сквозь который онъ смотрѣлъ на дѣла и чувства человѣческія, хотя есть надежда, что онъ замѣнитъ старыя заблужденія новыми, не менѣе преходящими, но за то не менѣе сладкими... Но чѣмъ ихъ замѣнить въ лѣта Максима Максимыча? Поневолѣ сердце очерствѣетъ и душа закроется...

Я уѣхалъ одинъ.

ЖУРНАЛЪ ПЕЧОРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Недавно я узналъ, что Печоринъ, возвращаясь изъ Персіи, умеръ. Это извѣстіе меня очень обрадовало: оно давало мнѣ право печатать эти записки, и я воспользовался случаемъ поставить свое имя надъ чужимъ произведеніемъ. Дай Богъ, чтобъ читатели меня не наказали за такой невинный подлогъ!

Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня предать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому; но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ, слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ его головою градомъ упрековъ, совѣтовъ, насмѣшекъ и сожалѣній.

Перечитывая эти записки, я убѣдился въ искренности того, кто такъ безпощадно выставлялъ наружу собственныя слабости и пороки. Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она—слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ.

Итакъ, одно желаніе пользы заставило меня напечатать отрывки изъ журнала, доставшагося мнѣ случайно. Хотя

я перемѣнилъ всѣ собственныя имена, но тѣ, о которыхъ въ немъ говорится, вѣроятно, себя узнаютъ и, можетъ быть, они найдутъ оправданіе поступкамъ, въ которыхъ до сей поры обвиняли человѣка, уже не имѣющаго отнынѣ ничего общаго съ здѣшнимъ міромъ: мы почти всегда извиняемъ то, что понимаемъ.

Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда нибудь и она явится на судъ свѣта; но теперь я не смѣю взять на себя эту отвѣтственность по многимъ важнымъ причинамъ.

Можетъ быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги. „Да это злая иронія!“ скажутъ они.—Не знаю.

I.

ТАМАНЬ.

Тамань—самый скверный городишка изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи. Я тамъ чуть-чуть не умеръ съ голода, да еще въ добавокъ меня хотѣли утопить. Я пріѣхалъ на перекладной тележкѣ поздно ночью. Ямщикъ остановилъ усталую тройку у воротъ единственнаго каменнаго дома, что при въѣздѣ. Часовой, черноморскій казакъ, услышавъ звонъ колокольчика, закричалъ съ просонья дикимъ голосомъ: „кто идетъ?“ Вышелъ урядникъ и десятникъ. Я имъ объяснилъ, что я офицеръ, ѣду въ дѣйствующій отрядъ по казенной надобности, и сталъ требовать казенную квартиру. Десятникъ насъ повелъ по городу. Къ которой избѣ ни подъѣдемъ—занята. Было холодно: я три ночи не спалъ, измучился и началъ сердиться.—Веди меня куда-нибудь, разбойникъ! хоть къ чорту, только къ мѣсту! закричалъ я.—„Есть еще одна фатера“, отвѣчалъ десятникъ, почесывая затылокъ, „только вашему благородію не понравится: тамъ нечисто!“ Не понявъ точнаго значенія послѣдняго слова, я велѣлъ ему идти впередъ, и послѣ долгаго странствованія по грязнымъ переулкамъ, гдѣ по сторонамъ я видѣлъ одни только ветхіе заборы, мы подъѣхали къ небольшой хатѣ на самомъ берегу моря.

Полный мѣсяцъ свѣтилъ на камышевую крышку и бѣлыя стѣны моего новаго жилища; на дворѣ, обведенномъ оградой изъ булыжника, стояла, избочась, другая лачужка, менѣе и древнѣе первой. Берегъ обрывомъ спускался къ морю почти у самыхъ стѣнъ ея, и внизу съ безпрерывнымъ ропотомъ плескались темносиніе волны. Луна тихо смотрѣла на безпокойную, но покорную ей стихію, и я могъ различить при свѣтѣ ея, далеко отъ берега, два корабля, которыхъ черныя снасти, подобно паутинѣ, неподвижно рисовались на блѣдной чертѣ небосклона. „Суда въ пристани есть, подумалъ я: завтра отправлюсь въ Геленджикъ.“

При мнѣ исправлялъ должность деньщика линейскій казакъ. Велѣвъ ему выложить чемоданъ и отпустить извощика, я сталъ звать хозяина—молчатъ; стучу—молчатъ... что это? Наконецъ изъ сѣней выползъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати.

„Гдѣ хозяинъ?“—Не-ма.—„Какъ совсѣмъ нѣту?—Совсимъ.—„А хозяйка?“

—Побигла въ слободку.—„Кто же мнѣ отопретъ дверь?“ сказалъ я, ударивъ въ нее ногою. Дверь сама отворилась; изъ хаты повѣяло сыростью. Я засвѣтилъ сѣрную спичку и поднесъ ее къ носу мальчика: она озарила два бѣлые глаза. Онъ былъ слѣпой, совершенно слѣпой отъ природы. Онъ стоялъ предо мною неподвижно и я началъ разсматривать черты его лица.

Признаюсь, я имѣю сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ слѣпыхъ, кривыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, безногихъ, безрукихъ, горбатыхъ и проч. Я замѣчалъ, что всегда есть какое-то странное отношеніе между наружностью человѣка и его душою; какъ будто, съ потерею члена, душа теряетъ какое нибудь чувство.

И такъ, я началъ разсматривать лицо слѣпаго; но что прикажите прочитать на лицѣ, у котораго нѣтъ глазъ!... Долго я глядѣлъ на него съ невольнымъ сожалѣньемъ, какъ вдругъ едва примѣтная улыбка пробѣжала по тонкимъ губамъ его и, не знаю отчего, она произвела на меня самое непріятное впечатлѣніе. Въ головѣ моей родилось подозрѣніе, что этотъ слѣпой не такъ слѣпъ, какъ оно кажется; напрасно я старался увѣрить себя, что бѣльмы поддѣлать невозможно, да и съ какой цѣлью? Но что дѣлать?—я часто склоненъ къ предубѣжденіямъ...

— „Ты хозяйскій сынъ?“ спросилъ я его наконецъ.—Ни. — „Кто же ты?“ —Сирота, убогій.—„А у хозяйки есть дѣти?“—Ни; была дочь, да утикла за море съ татариномъ.—„Съ какимъ татариномъ?“—А бисъ его знаетъ! крымскій татаринъ, лодочникъ изъ Керчи.

Я вошелъ въ хату: двѣ лавки и столъ, да огромный сундукъ возлѣ печи составляли всю ея мебель. На стѣнѣ ни одного образа—дурной знакъ! Въ разбитое стекло врывался морской вѣтеръ. Я вытащилъ изъ чемодана восковой огарокъ и, засвѣтивъ его, сталъ раскладывать вещи, поставилъ въ уголокъ шашку и ружье, пистолеты положилъ на столъ, разостлалъ бурку на лавкѣ, казакъ свою на другой; черезъ десять минутъ онъ захрапѣлъ, но я не могъ заснуть: передо мной во мракѣ все вѣртѣлся мальчикъ съ бѣлыми глазами.

Такъ прошло около часа. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окно и лучъ его игралъ по земляному полу хаты. Вдругъ на яркой полосѣ, пересѣкающей полъ, промелькнула тѣнь. Я привсталъ и взглянулъ въ окно; кто-то вторично пробѣжалъ мимо его и скрылся Богъ знаетъ куда. Я не могъ полагать, чтобъ это существо сбѣжало по отвѣсу берега; однако иначе ему некуда было дѣваться. Я всталъ, накинулъ бешметъ, опоясалъ кинжалъ и тихо-тихо вышелъ изъ хаты; на встрѣчу мнѣ слѣпой мальчикъ. Я притаился у забора, и онъ вѣрной, но осторожной поступью прошелъ мимо меня. Подъ мышкой онъ несъ какой-то узелъ и повернувъ къ пристани, сталъ спускаться по узкой и крутой тропинкѣ. „Въ тотъ день нѣмые возопіютъ и слѣпые прозрятъ“, подумалъ я, слѣдуя за нимъ въ такомъ разстояніи, чтобъ не терять его изъ вида.

Между тѣмъ луна начала одѣваться тучами и на морѣ поднялся туманъ; едва сквозь него свѣтился фонарь на кормѣ ближняго корабля; у берега сверкала пѣна валуновъ, ежеминутно грозящихъ его потопить. Я, съ трудомъ спускаясь, пробирался по крутизнѣ, и вотъ вижу: слѣпой пріостановился, потомъ повернулъ низомъ направо; онъ шелъ такъ близко отъ воды, что, казалось,

сейчасъ волна его схватитъ и унесетъ; но, видно это была не первая его прогулка, судя по увѣренности, съ которой онъ ступалъ съ камня на камень и избѣгалъ рытвинъ. Наконецъ онъ остановился, будто прислушиваясь къ чему-то, присѣлъ на землю и положилъ возлѣ себя узелъ. Я наблюдалъ за его движеніями, спрятавшись за выдавшеюся скалою берега. Спустя нѣсколько минутъ, съ противоположной стороны показалась бѣлая фигура; она подошла къ слѣпому и сѣла возлѣ него. Вѣтеръ по временамъ приносилъ мнѣ ихъ разговоръ.

— Что̀, слѣпой? сказалъ женскій голосъ:—буря сильна; Янко не будетъ.— Янко ′не боится бури, отвѣчалъ тотъ. —Туманъ густѣетъ, возразилъ опять женскій голосъ, съ выраженіемъ печали.

— Въ туманѣ лучше пробраться мимо сторожевыхъ судовъ, былъ отвѣтъ.—А если онъ утонетъ?—Ну, что жъ? въ воскресенье ты пойдешь въ церковь безъ новой ленты.

Послѣдовало молчаніе; меня, однако, поразило одно: слѣпой говорилъ со мною малороссійскимъ нарѣчіемъ, а теперь изъяснялся чисто по русски.

— Видишь, я правъ, сказалъ опять слѣпой, ударивъ въ ладоши:—Янко не боится ни моря, ни вѣтровъ, ни тумана, ни береговыхъ сторожей; прислушайся-ка: это не вода плещетъ, меня не обманешь—это его длинныя весла.

Женщина вскочила и стала всматриваться въ даль съ видомъ безпокойства.

— Ты бредишь, слѣпой! сказала она: я ничего не вижу.

Признаюсь, сколько я ни старался различить вдалекѣ что-нибудь на подобіе лодки, но безуспѣшно. Такъ прошло минутъ десять; и вотъ показалась между горами волнъ черная точка: она то увеличивалась, то уменьшалась. Медленно поднимаясь на хребты волнъ, быстро спускаясь съ нихъ, приближалась къ берегу лодка. „Отваженъ былъ пловецъ, рѣшившійся въ такую ночь пуститься черезъ проливъ на разстояніи двадцати верстъ, и важная должна быть причина, его къ тому побудившая.“ Думая такъ, я, съ невольнымъ біеніемъ сердца, глядѣлъ на бѣдную лодку; но она, какъ утка, ныряла, и потомъ быстро взмахнувъ веслами, будто крыльями, выскакивала изъ пропасти среди брызговъ пѣны; и вотъ, я думалъ, она ударится съ размаха объ берегъ и разлетится въ дребезги; но она ловко повернулась бокомъ и вскочила въ маленькую бухту невредима. Изъ нея вышелъ человѣкъ средняго роста, въ татарской бараньей шапкѣ; онъ махнулъ рукою— и всѣ трое принялись вытаскивать что-то изъ лодки; грузъ былъ такъ великъ, что я до сихъ поръ не понимаю, какъ она не потонула. Взявъ на плечи каждый по узлу, они пустились вдоль по берегу, и скоро я потерялъ ихъ изъ вида. Надо было вернуться домой; но, признаюсь, всѣ эти странности меня тревожили, и я насилу дождался утра.

Казакъ мой былъ очень удивленъ, когда, проснувшись, увидѣлъ меня совсѣмъ одѣтаго; я ему, однако жъ, не сказалъ причины. Полюбовавшись нѣсколько времени изъ окна на голубое небо, усѣянное разорванными облачками, на дальній берегъ Крыма, который тянется лиловой полосой и кончается утесомъ, на вершинѣ коего бѣлѣется маячная башня, я отправился въ крѣпость Фанагорію, чтобъ узнать отъ коменданта о часѣ моего отъѣзда въ Геленджикъ.

Но—увы! комендантъ ничего не могъ сказать мнѣ рѣшительнаго. Суда, стоявъ-

шія въ пристани, были всѣ или сторожевыя, или купеческія, которыя еще даже не начинали нагружаться.—„Можетъ быть, дня черезъ три, четыре придетъ почтовое судно, сказалъ комендантъ:—и тогда мы увидимъ". Я вернулся домой угрюмъ и сердитъ. Меня въ дверяхъ встрѣтилъ казакъ мой съ испуганнымъ лицомъ.

— Плохо, ваше благородіе! сказалъ онъ мнѣ.

— Да, братъ, Богъ знаетъ, когда мы отсюда уѣдемъ!

Тутъ онъ еще больше встревожился и, наклонясь ко мнѣ, сказалъ шопотомъ: —здѣсь нечисто! я встрѣтилъ сегодня черноморскаго урядника; онъ мнѣ знакомъ—былъ прошлаго года въ отрядѣ; какъ я ему сказалъ, гдѣ мы остановились, а онъ мнѣ: здѣсь, братъ, нечисто, люди недобрые!... Да и въ самомъ дѣлѣ, что это за слѣпой!... ходитъ вездѣ одинъ, и на базаръ, за хлѣбомъ и за водой... ужъ, видно, здѣсь къ этому привыкли.

— Да что жъ? покрайней мѣрѣ, показалась ли хозяйка?...

— Сегодня безъ васъ пришла старуха и съ ней дочь.

— Какая дочь? у нея нѣтъ дочери. —А Богъ ее знаетъ, кто она, коли не дочь; да вонъ старуха сидитъ теперь въ своей хатѣ.

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью и подкладывалъ въ огонь хворостъ. „Ну-ка, слѣпой чертёнокъ, сказалъ я, взявъ его за ухо:—говори, куда ты ночью таскался съ узломъ — а?" Вдругъ мой слѣпой заплакалъ, закричалъ, заохалъ: куды я ходивъ?... никуды не ходивъ... съ узломъ?... якимъ узломъ?—Старуха на этотъ разъ услышала и стала ворчать: „Вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! За что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?" Мнѣ это надоѣло и я вышелъ, твердо рѣшившись достать ключъ этой загадки.

Я завернулся въ бурку и сѣлъ у забора на камень, поглядывая въ даль; передо мною тянулось ночною бурею взволнованное море, и однообразный шумъ его, подобный ропоту засыпающаго города, напомнилъ мнѣ старые годы, перенесъ мои мысли на сѣверъ, въ нашу холодную столицу. Волнуемый воспоминаніями, я забылся... Такъ прошло около часа; можетъ быть, и болѣе... Вдругъ что-то похожее на пѣсню поразило мой слухъ. Точно это была пѣсня, и женскій свѣжій голосокъ —но откуда?... Прислушиваюсь: напѣвъ стройный—то протяжный и печальный, то быстрый и живой. Оглядываюсь—никого нѣтъ кругомъ; прислушиваюсь снова—звуки какъ будто падаютъ съ неба. Я поднялъ глаза: на крышѣ хаты моей стояла дѣвушка въ полосатомъ платьѣ, съ распущенными косами, настоящая русалка. Защитивъ глаза ладонью отъ лучей солнца, она пристально всматривалась въ даль, то смѣялась и разсуждала сама съ собой, то запѣвала снова пѣсню.

Я запомнилъ эту пѣсню отъ слова до слова:

Какъ по вольной волюшкѣ—
По зелену морю,
Ходятъ все кораблики
Бѣлопарусники.

Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка не снащеная
Двухвесельная.

Буря ль разыграется—
Старые кораблики
Приподымутъ крылышки,
По морю размечутся.

Стану морю кланяться
Я низехонько:
«Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:

Везетъ моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Правитъ ею въ темну ночь
Буйная головушка.

Мнѣ невольно пришло на мысль, что ночью я слышалъ тотъ же голосъ; я на минуту задумался, и когда снова посмотрѣлъ на крышу, дѣвушки тамъ не было. Вдругъ она пробѣжала мимо меня, напѣвая что-то другое, и, прищелкивая пальцами, вбѣжала къ старухѣ, и тутъ начался между ними споръ. Старуха сердилась, она громко хохотала. И вотъ вижу, бѣжитъ опять въ припрыжку моя ундина; поровнявшись со мной, остановилась и пристально посмотрѣла мнѣ въ глаза, какъ будто удивленная моимъ присутствіемъ; потомъ небрежно обернулась и тихо пошла къ пристани. Этимъ не кончилось: цѣлый день она вертѣлась около моей квартиры; пѣнье и прыганье не прекращались ни на минуту. Странное существо! На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея съ бойкою проницательностью останавливались на мнѣ, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнитическою властью, и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса. Но только я начиналъ говорить, она убѣгала, коварно улыбаясь.

Рѣшительно, я никогда подобной женщины не видывалъ. Она была далеко не красавица, но я имѣю свои предубѣжденія также и на счетъ красоты. Въ ней было много породы... порода въ женщинахъ, какъ и въ лошадяхъ, великое дѣло: это открытіе принадлежитъ юной Франціи. Она, т. е. порода, а не юная Франція, большею частью изобличается въ поступи, въ рукахъ и ногахъ; особенно носъ очень много значитъ. Правильный носъ въ Россіи рѣже маленькой ножки. Моей пѣвуньѣ казалось не болѣе 18 лѣтъ. Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ —все это было для меня обворожительно. Хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ я читалъ что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное, но такова сила предубѣжденій: правильный носъ свелъ меня съ ума; я вообразилъ, что нашелъ Гётеву Миньону—это причудливое созданіе его нѣмецкаго воображенія, и точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни...

Подъ вечеръ, остановивъ ее въ дверяхъ, я завелъ съ нею слѣдующій разговоръ:

— Скажи-ка мнѣ, красавица, спросилъ я:—что ты дѣлала сегодня на кровлѣ? — А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ.—Зачѣмъ тебѣ?—Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье.—Что же? развѣ ты

пѣснею зазывала счастье?—Гдѣ поется, тамъ и счастливится.—А какъ неравно напоешь себѣ горе?—Ну, что жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять не далеко.—Кто жъ тебя выучилъ эту пѣсню?—Никто не выучилъ; вздумается—запою; кому услыхать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ.—А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья?—Кто крестилъ, тотъ знаетъ.—А кто крестилъ?—Почему я знаю.—Экая скрытная! А вотъ я кое-что про тебя узналъ [она не измѣнилась въ лицѣ, не пошевельнула губами, какъ будто не объ ней дѣло]. Я узналъ, что ты вчера ночью ходила на берегъ.—И тутъ я очень важно пересказалъ ей все, что видѣлъ, думая смутить ее; нимало! Она захохотала во все горло.—Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ.—А если бъ я, напримѣръ, вздумалъ донести коменданту?—и тутъ я сдѣлалъ очень серьезную, даже строгую мину. Она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась, какъ птичка, выпугнутая изъ кустарника. Послѣднія слова мои были вовсе не у мѣста; я тогда не подозрѣвалъ ихъ важности, но впослѣдствіи имѣлъ случай въ нихъ раскаяться.

Только что смерклось, я велѣлъ казаку нагрѣть чайникъ по походному, засвѣтилъ свѣчку и сѣлъ у стола, покуривая изъ дорожной трубки. Ужъ я доканчивалъ второй стаканъ чая, какъ вдругъ дверь скрипнула, легкій шорохъ платья и шаговъ послышался за мною; я вздрогнулъ и обернулся—то была она, моя ундина. Она сѣла противъ меня тихо и безмолвно, и устремила на меня глаза свои, и, не знаю почему, но этотъ взоръ показался мнѣ чудно нѣженъ; онъ мнѣ напомнилъ одинъ изъ тѣхъ взглядовъ, которые въ старые годы такъ самовластно играли моею жизнью. Она, казалось, ждала вопроса, но я молчалъ, полный неизъяснимаго смущенія. Лицо ея было покрыто тусклой блѣдностью, изобличавшей волненіе душевное; рука ея безъ цѣли бродила по столу, и я замѣтилъ въ ней легкій трепетъ; грудь ея то высоко подымалась, то, казалось, она удерживала дыханіе. Эта комедія начинала мнѣ надоѣдать, и я готовъ былъ прервать молчаніе самымъ прозаическимъ образомъ, то есть предложить ей стаканъ чая, какъ вдругъ она вскочила, обвила руками мою шею, и влажный, огненный поцѣлуй прозвучалъ на губахъ моихъ. Въ глазахъ у меня потемнѣло, голова закружилась, я сжалъ ее въ моихъ объятіяхъ со всею силою юношеской страсти, но она, какъ змѣя, скользнула между моими руками, шепнувъ мнѣ на ухо: „нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ“, и стрѣлою выскочила изъ комнаты. Въ сѣняхъ она опрокинула чайникъ и свѣчу, стоявшую на полу. „Экой бѣсъ-дѣвка! закричалъ казакъ, расположившійся соломѣ и мечтавшій согрѣться остатками чая. Только тутъ я опомнился.

Часа черезъ два, когда все на пристани умолкло, я разбудилъ своего казака. „Если я выстрѣлю изъ пистолета, сказалъ я ему, то бѣги на берегъ“. Онъ выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: „слушаю, ваше благородіе“. Я заткнулъ за поясъ пистолетъ и вышелъ. Она дожидалась меня на краю спуска; ея одежда была болѣе нежели легкая, небольшой платокъ опоясывалъ ея гибкій станъ.

— Иди за мной! сказала она, взявъ меня за руку; и мы стали спускаться.

Не понимаю какъ я не сломилъ себѣ шеи; внизу мы повернули направо и пошли по той же дорогѣ, гдѣ наканунѣ я слѣдовалъ за слѣпымъ. Мѣсяцъ еще не вставалъ и только двѣ звѣздочки, какъ два спасительные маяка, сверкали на темносинемъ сводѣ. Тяжелыя волны мѣрно и ровно катились одна за другой, едва приподнимая одинокую лодку, причаленную къ берегу. „Войдемъ въ лодку“, сказала моя спутница. Я колебался—я не охотникъ до сантиментальныхъ прогулокъ по морю; но отступать было не время. Она прыгнула въ лодку, я за ней, и не успѣлъ еще опомниться, какъ замѣтилъ, что мы плывемъ. „Что это значитъ?“ сказалъ я сердито. —„Это значитъ, отвѣчала она, сажая меня на скамью и обвивъ мой станъ руками:—это значитъ, что я тебя люблю...“ И щека ея прижалась къ моей, я почувствовалъ на лицѣ моемъ ея пламенное дыханіе. Вдругъ что-то шумно упало въ воду; я хвать за поясъ—пистолета нѣтъ. О, тутъ ужасное подозрѣніе закралось мнѣ въ душу, кровь хлынула мнѣ въ голову! Оглядываюсь —мы отъ берега около пятидесяти саженъ, а я не умѣю плавать! Хочу оттолкнуть ее отъ себѣ—она, какъ кошка, вцѣпилась въ мою одежду, и вдругъ сильный толчокъ едва не сбросилъ меня въ море. Лодка закачалась, но я справился, и между нами началась отчаянная борьба; бѣшенство придавало мнѣ силы, но я скоро замѣтилъ что уступаю моему противнику въ ловкости... „Чего ты хочешь!“ закричалъ я, крѣпко сжавъ ея маленькія руки; пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула; ея змѣиная натура выдержала эту пытку.

— Ты видѣлъ, отвѣчала она; ты донесешь! и сверхъестественнымъ усиліемъ повалила меня на бортъ; мы оба по поясъ свѣсились изъ лодки; ея волосы касались воды; минута была рѣшительная. Я уперся колѣнкою въ дно, схвативъ ее одной рукой за косу, другой за горло, она выпустила мою одежду, и я мгновенно сбросилъ ее въ волны.

Было уже довольно темно; голова ее мелькнула раза два среди морской пѣны, и больше я ничего не видалъ...

На днѣ лодки я нашелъ половину стараго весла, и кое-какъ, послѣ долгихъ усилій, причалилъ къ пристани. Пробираясь берегомъ къ своей хатѣ, я невольно всматривался въ ту сторону, гдѣ наканунѣ слѣпой дожидался ночнаго пловца. Луна уже катилась по небу и мнѣ показалось, что кто-то въ бѣломъ сидѣлъ на берегу; я подкрался, подстрекаемый любопытствомъ, и прилегъ въ травѣ надъ обрывомъ берега; высунувъ немного голову, я могъ хорошо видѣть съ утеса все, что внизу дѣлалось и не очень удивился, а почти обрадовался, узнавъ мою русалку. Она выжимала морскую пѣну изъ длинныхъ волосъ своихъ, мокрая рубашка обрисовывала гибкій станъ ея и высокую грудь. Скоро показалась вдали лодка: быстро приблизилась она, изъ нея, какъ наканунѣ, вышелъ человѣкъ въ татарской шапкѣ, но остриженъ онъ былъ по казацки, и за ременнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ. „Янко, сказала она: все пропало!“ Потомъ разговоръ ихъ продолжался, но такъ тихо, что я ничего не могъ разслушать.—А гдѣ же слѣпой? сказалъ наконецъ Янко, возвыся голосъ. „Я его послала“, былъ отвѣтъ. Черезъ нѣсколько минутъ появился слѣпой, таща на спинѣ мѣшокъ, который положили въ лодку.

— Послушай, слѣпой! сказалъ Янко: —ты береги то мѣсто... знаешь? тамъ богатые товары... скажи [имени я не разслушалъ], что я больше ему не слуга; дѣла пошли худо, онъ меня больше не увидитъ; теперь опасно, поѣду искать работы въ другомъ мѣстѣ, а ему ужъ такого удальца не найти. Да скажи, кабы онъ получше платилъ за труды, такъ и Янко бы его не покинулъ; а мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ!—Послѣ нѣкотораго молчанія Янко продолжалъ: она поѣдетъ со мною; ей нельзя здѣсь оставаться; а старухѣ скажи, что, дескать, пора умирать, зажилась, надо знать и честь. Насъ же больше не увидитъ.

— А я? сказалъ слѣпой жалобнымъ голосомъ.

— На что мнѣ тебя! былъ отвѣтъ.

Между тѣмъ моя ундина вскочила въ лодку и махнула товарищу рукою; онъ что-то положилъ слѣпому въ руку, примолвивъ: „На, купи себѣ пряниковъ“. —Только? сказалъ слѣпой. „Ну, вотъ тебѣ еще“—и упавшая монета зазвенѣла, ударясь о камень. Слѣпой ея не поднялъ. Янко сѣлъ въ лодку; вѣтеръ дулъ отъ берега; они подняли маленькій парусъ и быстро понеслись. Долго при свѣтѣ мѣсяца мелькалъ бѣлый парусъ между темныхъ волнъ; слѣпой все сидѣлъ на берегу, и вотъ мнѣ послышалось что-то похожее на рыданіе: слѣпой мальчикъ точно плакалъ, и долго, долго... Мнѣ стало грустно. И зачѣмъ было судьбѣ кинуть меня въ мирный кругъ честныхъ контрабандистовъ? Какъ камень, брошенный въ гладкій источникъ, я встревожилъ ихъ спокойствіе, и какъ камень едва самъ не пошелъ ко дну!

Я возвратился домой. Въ сѣняхъ трещала догоравшая свѣча въ деревянной тарелкѣ, и казакъ мой, вопреки приказанію, спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками. Я его оставилъ въ покоѣ, взялъ свѣчу и вошелъ въ хату. Увы! моя шкатулка, ташка въ серебряной оправой, дагестанскій кинжалъ —подарокъ пріятеля, все исчезло. Тутъ-то я догадался, какія вещи тащилъ проклятый слѣпой. Разбудивъ казака довольно невѣжливымъ толчкомъ, я побранилъ его, посердился, а дѣлать было нечего! И не смѣшно ли было бы жаловаться начальству, что слѣпой мальчикъ меня обокралъ, а восьмнадцатилѣтняя дѣвушка чуть не утопила? Слава Богу, поутру явилась возможность ѣхать, и я оставилъ Тамань. Что сталось съ старухой и съ бѣднымъ слѣпымъ—не знаю. Да и какое дѣло мнѣ до радостей и бѣдствій человѣческихъ, мнѣ, странствующему офицеру, да еще съ подорожной по казенной надобности!...

II.

КНЯЖНА МЕРИ.

11-го мая.

Вчера я пріѣхалъ въ Пятигорскъ, нанялъ квартиру на краю города, на самомъ высокомъ мѣстѣ, у подошвы Машука: во время грозы облака будутъ спускаться до моей кровли. Нынче въ пять часовъ утра, когда я открылъ окно, моя комната наполнилась запахомъ цвѣтовъ, растущихъ въ скромномъ полисадникѣ. Вѣтки цвѣтущихъ черешенъ смотрятъ мнѣ въ окно и вѣтеръ иногда усыпаетъ мой письменный столъ ихъ

бѣлыми лепестками. Видъ съ трехъ сторонъ у меня чудесный: на западъ пятиглавый Бэшту синѣетъ, какъ „послѣдняя туча разсѣянной бури“; на сѣверъ поднимается Машукъ, какъ мохнатая персидская шапка, и закрываетъ всю эту часть небосклона; на востокъ смотрѣть веселѣе: внизу передо мною пестрѣетъ чистенькій, новенькій городокъ, шумятъ цѣлебные ключи, шумитъ разноязычная толпа,—а тамъ, дальше, амфитеатромъ громоздятся горы все синѣе и туманнѣе, а на краю горизонта тянется серебряная цѣпь снѣговыхъ вершинъ, начинаясь Казбекомъ и оканчиваясь двухглавымъ Эльборусомъ... Весело жить въ такой землѣ! Какое-то отрадное чувство разлито во всѣхъ моихъ жилахъ. Воздухъ чистъ и свѣжъ, какъ поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо синѣ—чего бы, кажется, больше? Зачѣмъ тутъ страсти, желанія, сожалѣнія?... Однако пора. Пойду къ Елизаветинскому источнику: тамъ, говорятъ, утромъ собирается все водяное общество.

. . . . . .

Спустясь въ середину города, я пошелъ бульваромъ, гдѣ встрѣтилъ нѣсколько печальныхъ группъ, медленно подымающихся въ гору; то были большею частію семейства степныхъ помѣщиковъ: объ этомъ можно было тотчасъ догадаться по истертымъ старомоднымъ сюртукамъ мужей и по изысканнымъ нарядамъ женъ и дочерей. Видно, у нихъ вся водяная молодежь была уже на перечетѣ, потому что они на меня посмотрѣли съ нѣжнымъ любопытствомъ; петербургскій покрой сюртука ввелъ ихъ въ заблужденіе, но скоро, узнавъ армейскіе эполеты, они съ негодованіемъ отвернулись.

Жены мѣстныхъ властей, такъ сказать хозяйки водъ, были благосклоннѣе: у нихъ есть лорнеты; онѣ менѣе обращаютъ вниманіе на мундиръ; онѣ привыкли на Кавказѣ встрѣчать подъ нумерованной пуговицей пылкое сердце, и подъ бѣлой фуражкой образованный умъ. Эти дамы очень милы, и долго милы! Всякій годъ ихъ обожатели смѣняются новыми, и въ этомъ-то, можетъ быть, секретъ ихъ неутомимой любезности. Подымаясь по узкой тропинкѣ къ Елизаветинскому источнику, я обогналъ толпу мужчинъ статскихъ и военныхъ, которые, какъ я узналъ послѣ, составляютъ особенный классъ людей между чающими движенія воды. Они пьютъ—однако не воду, гуляютъ мало, волочатся только мимоходомъ: они играютъ и жалуются на скуку. Они франты: опуская свой оплетенный стаканъ въ колодезь кислосѣрной воды, они принимаютъ академическія позы; статскіе носятъ свѣтло-голубыя галстуки, военные выпускаютъ изъ-за воротника брыжжи. Они исповѣдываютъ глубокое презрѣніе къ провинціальнымъ дамамъ и вздыхаютъ о столичныхъ аристократическихъ гостиныхъ, куда ихъ не пускаютъ.

Наконецъ вотъ и колодезь... На площадкѣ, близъ него, построенъ домикъ съ красной кровлей надъ ванной, а подальше галерея, гдѣ гуляютъ во время дождя. Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли—блѣдные, грустные. Нѣсколько дамъ скорыми шагами ходили взадъ и впередъ по площадкѣ, ожидая дѣйствія водъ. Между ними были два-три хорошенькія личика. Подъ виноградными аллеями, покрывающими скатъ Машука, мелькала порою пестрая шляпка любительницы уединенія вдвоемъ, потому что всегда

возлѣ такой шляпки я замѣчалъ или военную фуражку, или безобразную круглую шляпу. На крутой скалѣ, гдѣ построенъ павильонъ, называемой Эоловой Арфой, торчали любители видовъ и наводили телескопъ на Эльборусъ; между ними были два гувернера съ своими воспитанниками, пріѣхавшими лечиться отъ золотухи.

Я остановился, запыхавшись, на краю горы, и прислонясь къ углу домика, сталъ разсматривать живописную окрестность, какъ вдругъ слышу за собой знакомый голосъ:

— Печоринъ! давно ли здѣсь?

Оборачиваюсь: Грушницкій! Мы обнялись. Я познакомился съ нимъ въ дѣйствующемъ отрядѣ. Онъ былъ раненъ пулей въ ногу и поѣхалъ на воды, съ недѣлю прежде меня.

Грушницкій — юнкеръ. Онъ только годъ въ службѣ; носитъ, по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгіевскій солдатскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать 25 лѣтъ, хотя ему едва ли 21 годъ. Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, и поминутно крутитъ усы лѣвой рукой, ибо правою опирается на костыль. Говоритъ онъ скоро и вычурно; онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовыя пышныя фразы, которыхъ просто прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія. Производить эффектъ—ихъ наслажденіе; они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами; иногда тѣмъ и другимъ. Въ ихъ душѣ часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи. Грушницкаго страсть была декламировать: онъ закидывалъ васъ словами, какъ скоро разговоръ выходилъ изъ круга обыкновенныхъ понятій; спорить съ нимъ я никогда не могъ. Онъ не отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая въ самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи.

Онъ довольно остеръ; эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣтки и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ; онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ, потому что занимался цѣлую жизнь однимъ собою. Его цѣль—сдѣлаться героемъ романа. Онъ такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіямъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. Оттого онъ такъ гордо носитъ свою толстую солдатскую шинель. Я его понялъ, и онъ за это меня не любитъ, хотя мы наружно въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ; я его видѣлъ въ дѣлѣ: онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, зажмуря глаза: Это что-то не русская храбрость!....

Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда нибудь съ нимъ столкнемся на узкой дорогѣ—и одному изъ насъ не сдоровать.

Пріѣздъ его на Кавказъ—также слѣдствіе его романтическаго фанатизма. Я увѣренъ, что наканунѣ отъѣзда изъ отцовской деревни, онъ говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой нибудь хоро-

шенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, вѣрно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ: „нѣтъ, вы [или ты] этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да къ чему? Что я для васъ? Поймете ли вы меня?...“ и такъ далѣе.

Онъ мнѣ самъ говорилъ, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небесами.

Впрочемъ, въ тѣ минуты, когда сбрасываетъ трагическую мантію, Грушницкій довольно милъ и забавенъ. Мнѣ любопытно видѣть его съ женщинами: тутъ-то, я думаю, старается!

Мы встрѣтились старыми пріятелями. Я началъ его разспрашивать объ образѣ жизни на водахъ и о примѣчательныхъ лицахъ.

— Мы ведемъ жизнь довольно прозаическую, сказалъ онъ, вздохнувъ: пьющіе утромъ воду—вялы, какъ всѣ больные, а пьющіе вино повечеру—несносны, какъ всѣ здоровые. Женскія общества есть; только отъ нихъ небольшое утѣшеніе: онѣ играютъ въ вистъ, одѣваются дурно и ужасно говорятъ по-французски! Нынѣшній годъ изъ Москвы одна только княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ. Моя солдатская шинель—какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело какъ милостыня.

Въ эту минуту прошли къ колодцу мимо насъ двѣ дамы: одна пожилая, другая молоденькая, стройная. Ихъ лицъ за шляпками я не разглядѣлъ, но онѣ одѣты были по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго. На второй было закрытое платье gris de perles; легкая шолковая косынка вилась вокругъ ея гибкой шеи. Ботинки couleur puce стягивали у щиколки ея сухощавую ножку такъ мило, что даже непосвященный въ таинства красоты непремѣнно бы ахнулъ, хотя отъ удивленія. Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ что-то дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное взору. Когда она прошла мимо насъ, отъ нея повѣяло тѣмъ неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дышетъ иногда записка милой женщины.

— Вотъ княгиня Лиговская, сказалъ Грушницкій: и съ нею дочь ея Мери, какъ она ее называетъ на англійскій манеръ. Онѣ здѣсь только три дня.

— Однако ты ужъ знаешь ея имя?

— Да, я случайно слышалъ, отвѣчалъ онъ покраснѣвъ.—Признаюсь, я не желаю съ ними познакомиться. Эта гордая знать смотритъ на насъ, армейцевъ, какъ на дикихъ. И какое имъ дѣло, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстой шенелью?

— Бѣдная шинель! сказалъ я, усмѣхаясь. А кто этотъ господинъ, который къ нимъ подходитъ и такъ услужливо подаетъ имъ стаканъ?

— О! это московскій франтъ Раевичъ. Онъ игрокъ: это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету. А что за толстая трость—точно у Робинзона Крузоэ; да и борода кстати, и прическа à la moujik.

— Ты озлобленъ противъ всего рода человѣческаго?

— И есть за что...

— О! право?

Въ это время дамы отошли отъ колодца и поровнялись съ нами. Грушницкій успѣлъ принять драматическую

позу съ помощію костыля и громко отвѣчалъ мнѣ по французски:

— Mon cher, je hais les hommes pour ne pas les mépriser, car autrement la vie serait une farce trop dégoûtante.

Хорошенькая княжна обернулась и подарила оратора долгимъ, любопытнымъ взоромъ. Выраженіе этого взора было очень неопредѣленно, но не насмѣшливо, съ чѣмъ я внутренно отъ души его поздравилъ.

— Эта княжна Мери прехорошенькая, сказалъ я ему.—У нея такіе бархатные глаза—именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря объ ея глазахъ; нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ. Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... А что, у нея зубы бѣлы? Это очень важно! Жаль, что она не улыбнулась на твою пышную фразу.

— Ты говоришь о хорошенькой женщинѣ, какъ объ англійской лошади, сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ.

— Mon cher, отвѣчалъ я ему, стараясь поддѣлаться подъ его тонъ: je méprise les femmes pour ne pas les aimer, car autrement la vie serait un mélodrame trop ridicule.

Я повернулся и пошелъ отъ него прочь. Съ полчаса гулялъ я по винограднымъ аллеямъ, по извѣстчатымъ скаламъ и висящимъ между ними кустарникамъ. Становилось жарко, и я поспѣшилъ домой. Проходя мимо кислосѣрнаго источника, я остановился у крытой галереи, чтобъ вздохнуть подъ ея тѣнью, и это доставило мнѣ случай быть свидѣтелемъ довольно любопытной сцены. Дѣйствующія лица находились вотъ въ какомъ положеніи: княгиня съ московскимъ франтомъ сидѣла на лавкѣ въ крытой галереи, и оба были заняты, кажется, серьёзнымъ разговоромъ. Княжна, вѣроятно, допивъ ужъ послѣдній стаканъ, прохаживалась задумчиво у колодца. Грушницкій стоялъ у самаго колодца; больше на площадкѣ никого не было.

Я подошелъ ближе и спрятался за уголъ галереи. Въ эту минуту Грушницкій уронилъ свой стаканъ на песокъ и усливался нагнуться, чтобъ его поднять: больная нога ему мѣшала. Бѣдняжка! какъ онъ ухитрялся, опираясь на костыль, и все напрасно. Выразительное лицо его въ самомъ дѣлѣ изображало страданіе.

Княжна Мери видѣла все это лучше меня.

Легче птички она къ нему подскочила, нагнулась, подняла стаканъ и подала ему съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести; потомъ ужасно покраснѣла, оглянулась на галерею, и убѣдившись, что ея маменька ничего не видала, кажется, тотчасъ же успокоилась. Когда Грушницкій открылъ ротъ, чтобы поблагодарить ее, она была уже далеко. Черезъ минуту она вышла изъ галереи съ матерью и франтомъ, но, проходя мимо Грушницкаго, приняла видъ такой чинный и важный—даже не обернулась, даже не замѣтила его страстнаго взгляда, которымъ онъ долго ее провожалъ, пока, спустившись съ горы, она не скрылась за липками бульвара... Но вотъ ея шляпка мелькнула черезъ улицу: она вбѣжала въ ворота одного изъ лучшихъ домовъ Пятигорска; за нею прошла княгиня и у воротъ раскланялась съ Раевичемъ

Только тогда бѣдный, страстный юнкеръ замѣтилъ мое присутствіе.

— Ты видѣлъ? сказалъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку:—это просто ангелъ!

— Отчего? спросилъ я съ видомъ чистѣйшаго простодушія.

— Развѣ ты не видалъ?

— Нѣтъ, видѣлъ: она подняла твой стаканъ. Если бъ былъ тутъ сторожъ, то онъ сдѣлалъ бы то же самое, и еще поспѣшнѣе, надѣясь получить на водку. Впрочемъ, очень понятно, что ей стало тебя жалко:: ты сдѣлалъ такую ужасную гримасу, когда ступилъ на прострѣленную ногу...

— И ты не былъ нисколько тронутъ, глядя на нее въ эту минуту, когда душа сіяла на лицѣ ея?...

— Нѣтъ.

Я лгалъ; но мнѣ хотѣлось его побѣсить. У меня врожденная страсть противорѣчить; цѣлая моя жизнь была только цѣпь грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу или разсудку. Присутствіе энтузіаста обдастъ меня крещенскимъ холодомъ и, я думаю, частыя сношенія съ вялымъ флегматикомъ сдѣлали бы изъ меня страстнаго мечтателя. Признаюсь еще, чувство непріятное, но знакомое, пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу; это чувство было—зависть; я говорю смѣло „зависть“, потому что привыкъ себѣ во всемъ признаваться; и врядъ ли найдется молодой человѣкъ, который, встрѣтивъ хорошенькую женщину, приковавшую его праздное вниманіе и вдругъ явно при немъ отличившую другаго, ей равно незнакомаго, врядъ ли, говорю, найдется такой молодой человѣкъ [разумѣется, жившій въ большомъ свѣтѣ и привыкшій баловать свое самолюбіе], который бы не былъ этимъ пораженъ непріятно.

Молча, съ Грушницкимъ спустились мы съ горы и прошли по бульвару мимо оконъ дома, гдѣ скрылась наша красавица. Она сидѣла у окна. Грушницкій, дернувъ меня за руку, бросилъ на нее одинъ изъ тѣхъ мутно-нѣжныхъ взглядовъ, которые такъ мало дѣйствуютъ на женщинъ. Я навелъ на нее лорнетъ и замѣтилъ, что она отъ его взгляда улыбнулась, и что мой дерзкій лорнетъ разсердилъ ее не на шутку. И какъ, въ самомъ дѣлѣ смѣетъ Кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну?...

13-го мая.

Нынче по утру зашелъ ко мнѣ докторъ; его имя Вернеръ, но онъ русскій. Что тутъ удивительнаго? Я зналъ одного Иванова, который былъ нѣмецъ.

Вернеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ, какъ всѣ почти медики, а вмѣстѣ съ этимъ и поэтъ не на шутку—поэтъ на дѣлѣ всегда, и часто на словахъ, хотя въ жизнь въ свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылечить отъ лихорадки. Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными; но я разъ видѣлъ, какъ онъ плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ... Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага: онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно

великодушію противника. У него былъ злой языкъ: подъ вывѣскою его эпиграммы не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ каррикатуры на своихъ больныхъ—больные взбѣленились: почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то есть всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упавшій кредитъ.

Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впослѣдствіи, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой. Бывали примѣры, что женщины влюблялись въ такихъ людей до безумія и не промѣняли бы ихъ безобразія на красоту самыхъ свѣжихъ и розовыхъ эндиміоновъ. Надобно отдать справедливость женщинамъ: онѣ имѣютъ инстинктъ красоты душевной; оттого-то, можетъ быть, люди, подобные Вернеру, такъ страстно любятъ женщинъ.

Вернеръ былъ малъ ростомъ, и худъ и слабъ, какъ ребенокъ; одна нога у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна; онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, поразили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистыя и маленькія руки красовались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстухъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта. Молодежь прозвала его Мефистофелемъ, онъ показывалъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію. Мы другъ друга скоро поняли и сдѣлались пріятелями, потому что я къ дружбѣ неспособенъ: изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другаго, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается; рабомъ я быть не могу, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—трудъ утомительный, потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать; да, притомъ, у меня есть лакеи и деньги! Вотъ какъ мы сдѣлались пріятелями: я встрѣтилъ Вернера въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи; разговоръ принялъ подъ конецъ вечера философско-метафизическое направленіе; толковали объ убѣжденіяхъ: каждый былъ убѣжденъ въ разныхъ разностяхъ.

— Что до меня касается, то я убѣжденъ только въ одномъ... сказалъ докторъ.

— Въ чемъ это? спросилъ я, желая узнать мнѣніе человѣка, который до сихъ поръ молчалъ.

— Въ томъ, отвѣчалъ онъ, что, рано или поздно, въ одно прекрасное утро я умру.

— Я богаче васъ, сказалъ я: у меня кромѣ этого, есть еще убѣжденіе, именно то, что я въ одинъ прегадкій вечеръ имѣлъ несчастіе родиться.

Всѣ нашли, что мы говоримъ вздоръ, а право изъ нихъ никто ничего умнѣе этого не сказалъ. Съ этой минуты мы отличили въ толпѣ другъ друга. Мы часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьёзно, пока замѣчали оба, что мы взаимно другъ друга морочимъ.

Тогда, посмотрѣвъ значительно другъ другу въ глаза, какъ дѣлали римскіе авгуры, по словамъ Цицерона, мы начинали хохотать, и нахохотавшись, расходились довольные своимъ вечеромъ.

Я лежалъ на диванѣ, устремивъ глаза въ потолокъ и заложивъ руки подъ затылокъ, когда Вернеръ вошелъ въ мою комнату. Онъ сѣлъ въ кресла, поставилъ трость въ уголъ, зѣвнулъ и объявилъ, что на дворѣ становится жарко. Я отвѣчалъ, что меня безпокоятъ мухи—и мы оба замолчали.

— Замѣтьте, любезный докторъ, сказалъ я, что безъ дураковъ было бы на свѣтѣ очень скучно... Посмотрите, вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку. Печальное намъ смѣшно, смѣшное грустно; а вообще, по правдѣ, мы ко всему довольно равнодушны, кромѣ самихъ себя. Итакъ, размѣна чувствъ и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать, и знать больше не хотимъ; остается одно средство: разсказывать новости. Скажите же мнѣ какую нибудь новость.

Утомленный долгою рѣчью, я закрылъ глаза и зѣвнулъ...

Онъ отвѣчалъ подумавши: Въ вашей галиматьѣ однакожъ есть идея.

— Двѣ, отвѣчалъ я.

— Скажите мнѣ одну, я вамъ скажу другую.

— Хорошо, начинайте! сказалъ я, продолжая разсматривать потолокъ и внутренно улыбаясь.

— Вамъ хочется знать какія нибудь подробности на-счетъ кого нибудь изъ пріѣхавшихъ на воды, и я ужъ догадываюсь о комъ вы это заботитесь, потому что объ васъ тамъ уже спрашивали.

— Докторъ! рѣшительно намъ нельзя разговаривать: мы читаемъ въ душѣ другъ друга.

— Теперь другая...

— Другая идея вотъ: мнѣ хотѣлось васъ заставить разсказать что нибудь; во-первыхъ, потому что слушать менѣе утомительно; во-вторыхъ, нельзя проговориться; въ третьихъ, можно узнать чужую тайну; въ четвертыхъ, потому что такіе умные люди, какъ вы, лучше любятъ слушателей, чѣмъ разскащиковъ. Теперь къ дѣлу; что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?

— Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?...

— Совершенно убѣжденъ.

— Почему?

— Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ.

— У васъ большой даръ соображенія. Княжна сказала, что она увѣрена, что этотъ молодой человѣкъ въ солдатской шинели разжалованъ въ солдаты за дуэль...

— Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи...

— Разумѣется...

— Завязка есть! закричалъ я въ восхищеніи; объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобъ мнѣ не было скучно.

— Я предчувствую, сказалъ докторъ, что бѣдный Грушницкій будетъ вашей жертвой...

— Дальше, докторъ.

— Княгиня сказала, что ваше лицо ей знакомо. Я ей замѣтилъ, что вѣрно она васъ встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ нибудь въ свѣтѣ... я сказалъ ваше имя. Оно было ей извѣстно, Кажется, ваша исторія тамъ надѣлала много шума... Княгиня стала разсказывать о вашихъ похожденіяхъ, прибавляя вѣроятно къ свѣтскимъ сплетнямъ свои замѣчанія... Дочка слушала съ любопытствомъ. Въ ея воображеніи вы сдѣлались героемъ романа въ новомъ вкусѣ... Я не противорѣчилъ княгинѣ, хотя зналъ, что она говоритъ вздоръ.

— Достойный другъ! сказалъ я, протянувъ ему руку. Докторъ пожалъ ее съ чувствомъ и продолжалъ:

— Если хотите, я васъ представлю...

— Помилуйте! сказалъ я, всплеснувъ руками; развѣ героевъ представляютъ? Они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную...

— И вы въ самомъ дѣлѣ хотите волочиться за княжной?...

— Напротивъ, совсѣмъ напротивъ!... Докторъ, наконецъ я торжествую: вы меня не понимаете!... Это меня, впрочемъ, огорчаетъ, докторъ, продолжалъ я послѣ минуты молчанія; я никогда самъ не открываю моихъ тайнъ, а ужасно люблю, чтобъ ихъ отгадывали, потому что такимъ образомъ я всегда могу, при случаѣ, отъ нихъ отпереться. Однако жъ, вы мнѣ должны описать маменьку съ дочкой. Что они за люди?

— Во-первыхъ, княгиня — женщина сорока-пяти лѣтъ, отвѣчалъ Вернеръ; у ней прекрасный желудокъ, но кровь испорчена; на щекахъ красныя пятна. Послѣднюю половину своей жизни она провела въ Москвѣ и тутъ, на покоѣ, растолстѣла. Она любитъ соблазнительные анекдоты и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Она мнѣ объявила, что дочь ея невинна какъ голубь. Какое мнѣ дѣло?... Я хотѣлъ ей отвѣчать, чтобъ она была спокойна, что я никому этого не скажу. Княгиня лечится отъ ревматизма, а дочь Богъ знаетъ отъ чего. Я велѣлъ обѣимъ пить по два стакана въ день кислосѣрной воды и купаться два раза въ недѣлю въ разводной ваннѣ. Княгиня, кажется, не привыкла повелѣвать: она питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона по-англійски и знаетъ алгебру: въ Москвѣ, видно, барышни пустились въ ученость, и хорошо дѣлаютъ, право! Наши мужчины такъ не любезны вообще, что съ ними кокетничать должно быть для умной женщины несносно. Княгиня очень любитъ молодыхъ людей; княжна смотритъ на нихъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ—московская привычка! Онѣ въ Москвѣ только и питаются, что сорокалѣтними остряками.

— А вы были въ Москвѣ, докторъ?

— Да, я имѣлъ тамъ нѣкоторую практику.

— Продолжайте.

— Да я, кажется, все сказалъ... Да! вотъ еще: княжна, кажется, любитъ разсуждать о чувствахъ, страстяхъ и проч. Она была одну зиму въ Петербургѣ, и онъ ей не понравился, особенно общество: ее, вѣрно, холодно приняли.

— Вы никого у нихъ не видали сегодня?

— Напротивъ, былъ одинъ адъютантъ, одинъ натянутый гвардеецъ и какая-то дама изъ новопріѣзжихъ, родственница княгини по мужѣ, очень хо-

рошенькая, но очень, кажется, больная... Не встрѣтили ль вы ее у колодца?—она средняго роста, блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная родинка: ея лицо меня поразило своею выразительностью.

— Родинка! пробормоталъ я сквозь зубы.—Неужели?

Докторъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ торжественно, положивъ мнѣ руку на сердце: „Она вамъ знакома!...“ Мое сердце, точно, билось сильнѣе обыкновеннаго.

— Теперь ваша очередь торжествовать! сказалъ я; только я на васъ надѣюсь: вы мнѣ не измѣните. Я ее не видалъ еще, но, увѣренъ, узнаю въ вашемъ портретѣ одну женщину, которую любилъ встарину... Не говорите ей обо мнѣ ни слова; если она спроситъ, относительно обо мнѣ дурно.

— Пожалуй! сказалъ Вернеръ, пожавъ плечами.

Когда онъ ушелъ, ужасная грусть стѣснила мое сердце. Судьба ли насъ свела опять на Кавказѣ, или она нарочно сюда пріѣхала, зная, что меня встрѣтитъ?... и какъ мы встрѣтимся?... и потомъ, она ли это?... Мои предчувствія меня никогда не обманывали. Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ: ничего не забываю — ничего!

Послѣ обѣда часовъ въ шесть я пошелъ на бульваръ: тамъ была толпа; княгиня съ княжною сидѣли на скамьѣ, окруженныя молодежью, которая любезничала наперерывъ. Я помѣстился въ нѣкоторомъ разстояніи на другой лавкѣ, остановилъ двухъ знакомыхъ драгунскихъ офицеровъ, и началъ имъ что-то разсказывать; видно, было смѣшно, потому что они начали хохотать, какъ сумасшедшіе. Любопытство привлекло ко мнѣ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну; мало по малу и всѣ ее покинули и присоединились къ моему кружку. Я не умолкалъ; мои анекдоты были умны до глупости; мои насмѣшки надъ проходящими мимо оригиналами были злы до неистовства... Я продолжалъ увеселять публику до захожденія солнца. Нѣсколько разъ княжна подъ ручку съ матерью проходила мимо меня, сопровождаемая какимъ-то хромымъ старичкомъ; нѣсколько разъ ея взглядъ, упадая на меня, выражалъ досаду, стараясь выразить равнодушіе...

— Что онъ вамъ разсказывалъ? спросила она у одного изъ молодыхъ людей возвратившихся къ ней изъ вѣжливости; вѣрно очень занимательную исторію — свои подвиги въ сраженіяхъ?... Она сказала это довольно громко и, вѣроятно, съ намѣреніемъ кольнуть меня. „А-га“! подумалъ я: „вы не на шутку сердитесь, милая княжна; погодите, то ли еще будетъ!“

Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ хищный звѣрь, и не спускалъ ее съ глазъ: бьюсь объ закладъ, что завтра онъ будетъ просить, чтобъ его кто нибудь представилъ княгинѣ. Она будетъ очень рада, потому что ей скучно.

16-го мая.

Въ продолженіе двухъ дней мои дѣла ужасно подвинулись. Княжна меня рѣшительно ненавидитъ; мнѣ уже пересказывали двѣ-три эпиграммы на мой счетъ, довольно колкія, но вмѣстѣ очень лестныя. Ей ужасно странно, что я, который привыкъ къ хорошему обществу, который такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетушками, не стараюсь познакомиться съ нею. Мы встрѣчаемся каждый день у колодца на бульварѣ; я употребляю всѣ свои силы на то, чтобъ отвлекать ея обожателей, блестящихъ адъютантовъ, блѣдныхъ москвичей и другихъ — и мнѣ почти всегда удается. Я всегда ненавидѣлъ гостей у себя: теперь у меня каждый день полонъ домъ, обѣдаютъ, ужинаютъ, играютъ и, увы! мое шампанское торжествуетъ надъ силою магнетическихъ ея глазокъ!

Вчера, я ее встрѣтилъ въ магазинѣ Челахова; она торговала чудесный персидскій коверъ. Княжна упрашивала свою маменьку не скупиться: этотъ коверъ такъ украсилъ бы ея кабинетъ!... Я далъ сорокъ рублей лишнихъ и перекупилъ его; за это я былъ вознагражденъ взглядомъ, гдѣ блистало самое восхитительное бѣшенство. Около обѣда я велѣлъ нарочно провести мимо ея оконъ мою черкесскую лошадь, покрытую этимъ ковромъ. Вернеръ былъ у нихъ въ это время и говорилъ мнѣ, что эффектъ этой сцены былъ самый драматическій. Княжна хочетъ проповѣдывать противъ меня ополченіе; я даже замѣтилъ, что ужъ два адъютанта при ней со мною очень сухо кланяются, однако всякій день у меня обѣдаютъ.

Грушницкій принялъ таинственный видъ: ходитъ закинувъ руки за спину и никого не узнаетъ; нога его вдругъ выздоровѣла: онъ едва хромаетъ. Онъ нашелъ случай вступить въ разговоръ съ княгиней и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ; она, видно, не очень разборчива, ибо съ тѣхъ поръ отвѣчаетъ на его поклонъ самой милой улыбкою.

— Ты рѣшительно не хочешь познакомится съ Лиговскими? сказалъ онъ мнѣ вчера.

— Рѣшительно.

— Помилуй! самый пріятный домъ на водахъ! Все здѣшнее лучшее общество...

— Мой другъ, мнѣ и нездѣшнее ужасно надоѣло. А ты у нихъ бываешь?

— Нѣтъ еще; я говорилъ раза два съ княжной, не болѣе. Знаешь, какъ-то напрашиваться въ домъ неловко, хотя здѣсь это и водится... Другое дѣло, если бы я носилъ эполеты...

— Помилуй! да этакъ ты гораздо интереснѣе! Ты, просто, не умѣешь пользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ... Да, солдатская шинель въ глазахъ всякой чувствительной барышни тебя дѣлаетъ героемъ и страдальцемъ.

Грушницкій самодовольно улыбнулся.

— Какой вздоръ! сказалъ онъ.

— Я увѣренъ, продолжалъ я, что княжна въ тебя ужъ влюблена.

Онъ покраснѣлъ до ушей и надулся.

О самолюбіе! ты рычагъ, которымъ Архимедъ хотѣлъ приподнять земной шаръ!...

— У тебя все шутки! сказалъ онъ, показывая, будто сердится: во-первыхъ, она меня еще такъ мало знаетъ...

— Женщины любятъ только тѣхъ, которыхъ не знаютъ.

— Да я вовсе не имѣю претензіи ей нравиться: я, просто, хочу познакомить-

ся съ пріятнымъ домомъ, и было бы очень смѣшно, если бъ я имѣлъ какія нибудь надежды... Вотъ вы, напримѣръ, другое дѣло! вы, побѣдители петербургскіе: только посмо́трите, такъ женщины таютъ... А знаешь ли, Печоринъ, что́ княжна о тебѣ говорила?...

— Какъ? Она тебѣ ужъ говорила обо мнѣ?...

— Не радуйся, однако. Я какъ-то вступилъ съ нею въ разговоръ у колодца, случайно; третье слово ея было, „Кто этотъ господинъ, у котораго такой непріятный тяжелый взглядъ? онъ былъ съ вами, тогда...“ Она покраснѣла и не хотѣла назвать дня, вспомнивъ свою милую выходку. „Вамъ не нужно сказывать дня, отвѣчалъ я ей, онъ вѣчно будетъ мнѣ памятенъ...“ Мой другъ, Печоринъ! я тебя не поздравляю; ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль, потому что Мери очень мила!...

Надобно замѣтить, что Грушницкій изъ тѣхъ людей, которые, говоря о женщинѣ, съ которой они едва знакомы, называютъ ее м о я М е р и, м о я S o p h i e, если она имѣла счастіе имъ понравиться.

Я принялъ серьёзный видъ и отвѣчалъ ему:

— Да, она не дурна... Только берегись, Грушницкій! Русскія барышни большею частью питаются только платоническою любовью, не примѣшивая къ ней мысли о замужествѣ; а платоническая любовь самая безпокойная. Княжна, кажется, изъ тѣхъ женщинъ, которыя хотятъ, чтобъ ихъ забавляли; если двѣ минуты сряду ей будетъ возлѣ тебя скучно—ты погибъ невозвратно: твое молчаніе должно возбуждать ея любопытство, твой разговоръ — никогда не удовлетворять его вполнѣ; ты долженъ ее тревожить ежеминутно; она десять разъ публично для тебя пренебрежетъ мнѣніемъ и назоветъ это жертвой, и чтобъ вознаградить себя за это, станетъ тебя мучить; а потомъ просто скажетъ, что она тебя терпѣть не можетъ. Если ты надъ нею не пріобрѣтешь власти, то даже ея первый поцѣлуй не дастъ тебѣ права на второй; она съ тобой накокетничается вдоволь, а года черезъ два выйдетъ замужъ за урода, изъ покорности къ маменькѣ, и станетъ себя увѣрять, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то есть тебя, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой шинелью билось сердце страстное и благородное...

Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Я внутренно хохоталъ и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастію, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что сталъ еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы: оно мнѣ показалось подозрительнымъ. Я сталъ его разсматривать, и что же?... мелкими буквами имя М е р и было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у него признаній; я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные—и тутъ-то я буду наслаждаться?...

. . . . . .

Сегодня я всталъ поздно; прихожу къ колодцу—никого уже нѣтъ. Становилось жарко; бѣлыя мохнатыя тучки

быстро бѣжали отъ снѣговыхъ горъ, обѣщая грозу; голова Машука дымилась, какъ загашенный факелъ; кругомъ его вились и ползали, какъ змѣи, сѣрые клочки облаковъ, задержанные въ своемъ стремленіи и будто зацѣпившіеся за колючій его кустарникъ. Воздухъ былъ напоенъ электричествомъ. Я углубился въ виноградную аллею, ведущую въ гротъ; мнѣ было грустно. Я думалъ о той молодой женщинѣ съ родинкой на щекѣ, про которую говорилъ мнѣ докторъ... Зачѣмъ она здѣсь? И она ли? И почему я думаю, что это она? И почему я даже такъ въ этомъ увѣренъ? Мало ли женщинъ съ родинками на щекахъ?—Размышляя такимъ образомъ, я подошелъ къ самому гроту. Смотрю: въ прохладной тѣни его свода, на каменной скамьѣ сидитъ женщина, въ соломенной шляпкѣ, окутанная черной шалью, опустивъ голову на грудь; шляпка закрывала ея лицо. Я хотѣлъ уже вернуться, чтобъ не нарушить ея мечтаній, когда она на меня взглянула.

— Вѣра! вскрикнулъ я невольно.

Она вздрогнула и поблѣднѣла.

— Я знала, что вы здѣсь, сказала она.

Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса; она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами—въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались, сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ!

— Стало быть, ужъ ты меня не любишь?...

— Я замужемъ!... сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ....

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ быть, ты любишь своего втораго мужа?...

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что-жъ? Онъ молодъ, хорошъ, особенно вѣрно богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе; на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, наконецъ прошептала она, тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій... Ея голосъ задрожалъ; она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

— „Можетъ быть“, подумалъ я, “ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печали никогда...“

Я ее крѣпко обнялъ, и такъ мы оставались долго. Наконецъ губы наши сблизились и слились въ жаркій, упоительный поцѣлуй; ея руки были холодны какъ ледъ, голова горѣла. Тутъ между нами начался одинъ изъ тѣхъ разговоровъ, которые на бумагѣ не имѣютъ смысла, которыхъ повторить нельзя и нельзя даже запомнить: значеніе звуковъ замѣняетъ и дополняетъ значеніе словъ, какъ въ итальянской оперѣ.

Она рѣшительно не хочетъ, чтобъ я познакомился съ ея мужемъ, тѣмъ хромымъ старичкомъ, котораго я видѣлъ мелькомъ на бульварѣ; она вышла за него для сына. Онъ богатъ и страдаетъ ревматизмами. Я не позволилъ себѣ

надъ нимъ ни одной насмѣшки: она его уважаетъ какъ отца—и будетъ обманывать какъ мужа... Странная вещь сердце человѣческое вообще и женское въ особенности!

Мужъ Вѣры, Семенъ Васильевичъ Г...въ, дальній родственникъ княгини Лиговской. Онъ живетъ съ нею рядомъ. Вѣра часто бываетъ у княгини; я ей далъ слово познакомиться съ Лиговскими и волочиться за княжной, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе. Такимъ образомъ мои планы ни мало не разстроились, и мнѣ будетъ весело...

Весело!... Да, я уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастія, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого нибудь; теперь я только хочу быть любимымъ, и то очень немногими; даже мнѣ кажется, одной постоянной привязанности мнѣ было бы довольно: жалкая привычка сердца!...

Одно мнѣ всегда было странно: я никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины; напротивъ, я всегда пріобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь. Отчего это—оттого ли, что я никогда ничѣмъ очень не дорожу, и что онѣ ежеминутно боялись выпустить меня изъ рукъ? или это—магнетическое вліяніе сильнаго организма? или мнѣ просто не удавалось встрѣтить женщину съ упорнымъ характеромъ?

Надо признаться, что я, точно, не люблю женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!...

Правда, теперь вспомнилъ: одинъ разъ, одинъ только разъ я любилъ женщину съ твердою волей, которую никогда не могъ побѣдить... Мы разстались врагами — и то, можетъ быть, если бъ я ее встрѣтилъ пятью годами позже, мы разстались бы иначе...

Вѣра больна, очень больна, хотя въ этомъ и не признается; я боюсь, чтобы не было чахотки, или той болѣзни, которую называютъ fièvre lente—болѣзнь не русская вовсе, и ей на нашемъ языкѣ нѣтъ названія.

Гроза застала насъ въ гротѣ и удержала лишніе полчаса. Она не заставляла меня клясться въ вѣрности, не спрашивала, любилъ ли я другихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались... Она ввѣрилась мнѣ снова съ прежней безпечностью—и я ее не обману: она единственная женщина въ мірѣ, которую я не въ силахъ былъ бы обмануть. Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, можетъ быть, навѣки: оба пойдемъ разными путями до гроба; но воспоминаніе о ней останется неприкосновеннымъ въ душѣ моей; я ей это повторялъ всегда, и она мнѣ вѣритъ, хотя говоритъ противное.

Наконецъ мы разстались; я долго слѣдилъ за нею взоромъ, пока ея шляпка не скрылась за кустарниками и скалами. Сердце мое болѣзненно сжалось, какъ послѣ перваго разставанія. О, какъ я обрадовался этому чувству! Ужъ не молодость ли съ своими благотворными бурями хочетъ вернуться ко мнѣ опять, или это только ея прощальный взглядъ, послѣдній подарокъ—на память?... А смѣшно подумать, что на видъ я еще мальчикъ: лицо хотя блѣдно, но еще свѣжо; члены гибки и стройны; густыя кудри вьются, глаза горятъ, кровь кипитъ...

Возвратясь домой, я сѣлъ верхомъ и поскакалъ въ степь. Я люблю скакать на горячей лошади по высокой травѣ, противъ пустыннаго вѣтра; съ жадностью глотаю я благовонный воз-

духъ и устремляю взоры въ синюю даль, стараясь уловить туманные очерки предметовъ, которые ежеминутно становятся все яснѣе и яснѣе. Какая бы горесть ни лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысль—все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко, усталость тѣла побѣдитъ тревогу ума. Нѣтъ женскаго взора, котораго бы я не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ южнымъ солнцемъ, при видѣ голубаго неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ.

Я думаю, казаки, зѣвающіе на своихъ вышкахъ, видя меня скачущаго безъ нужды и цѣли, долго мучились этою загадкой, ибо вѣрно по одеждѣ приняли меня за черкеса. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ говорили, что въ черкесскомъ костюмѣ верхомъ я больше похожъ на кабардинца, чѣмъ многіе кабардинцы. И точно, что касается до этой благородной боевой одежды, я совершенный денди: ни одного галуна лишняго; оружіе цѣнное въ простой отдѣлкѣ, мѣхъ на шапкѣ не слишкомъ длинный, не слишкомъ короткій; ноговицы и черевики пригнаны со всевозможной точностью; бешметъ бѣлый, черкеска темнобурая. Я долго изучалъ горскую посадку: ничѣмъ нельзя такъ польстить моему самолюбію, какъ признавая мое искусство въ верховой ѣздѣ на кавказскій ладъ. Я держу четырехъ лошадей: одну для себя, трехъ для пріятелей, чтобъ не скучно было одному таскаться по полямъ; они берутъ моихъ лошадей съ удовольствіемъ и никогда со мной не ѣздятъ вмѣстѣ. Было уже шесть часовъ пополудни, когда вспомнилъ я, что пора обѣдать. Лошадь моя была измучена; я выѣхалъ на дорогу, ведущую изъ Пятигорска въ нѣмецкую колонію, куда часто водяное общество ѣздитъ en piquenique. Дорога идетъ извиваясь между кустарниками, опускаясь въ небольшіе овраги, гдѣ протекаютъ шумные ручьи подъ сѣнью высокихъ травъ; кругомъ амфитеатромъ возвышаются синія громады Бешту, Змѣиной, Желѣзной и Лысой горы. Спустясь въ одинъ изъ такихъ оврагов, называемыхъ на здѣшнемъ нарѣчіи балками, я остановился, чтобъ напоить лошадь; въ это время показалась на дорогѣ шумная и блестящая кавалькада; дамы въ черныхъ и голубыхъ амазонкахъ, кавалеры въ костюмахъ, составляющихъ смѣсь черкесскаго съ нижегородскимъ; впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжною Мери.

Дамы на водахъ еще вѣрятъ нападеніямъ черкесовъ среди бѣлаго дня; вѣроятно, поэтому Грушницкій сверхъ солдатской шинели повѣсилъ шашку и пару пистолетовъ; онъ былъ довольно смѣшонъ въ этомъ геройскомъ облаченіи. Высокій кустъ закрывалъ меня отъ нихъ; но сквозь листья его я могъ видѣть все и отгадать по выраженіямъ ихъ лицъ, что разговоръ былъ сантиментальный. Наконецъ они приблизились къ спуску; Грушницкій взялъ за поводъ лошадь княжны, и тогда я услышалъ конецъ ихъ разговора:

— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ? говорила княжна.

— Что для меня Россія? отвѣчалъ ея кавалеръ; страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь—здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ... сказала княжна, покраснѣвъ.

Лицо Грушницкаго изобразило удовольствіе. Онъ продолжалъ:

— Здѣсь моя жизнь протечетъ шумно, незамѣтно и быстро, подъ пулями дикарей, и если бы Богъ мнѣ каждый годъ посылалъ одинъ свѣтлый женскій взглядъ, одинъ подобный тому...

— Въ это время они поровнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста...

— Mon Dieu, un circassien!... вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобъ ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по французски, слегка наклонясь:

— Ne craignez rien, madame, je ne suis pas plus dangereux que votre cavalier...

Она смутилась—но отчего? отъ своей ошибки, или оттого, что мой отвѣтъ ей показался дерзкимъ? Я желалъ бы, чтобъ послѣднее мое предположеніе было справедливо. Грушницкій бросилъ на меня недовольный взглядъ.

Поздно вечеромъ, т. е. часовъ въ одиннадцать, я пошелъ гулять по липовой аллеѣ бульвара. Городъ спалъ; только въ нѣкоторыхъ окнахъ мелькали огни. Съ трехъ сторонъ чернѣли гребни утесовъ, отрасли Машука, на вершинѣ котораго лежало зловѣщее облачко; мѣсяцъ подымался на востокѣ; вдали серебряной бахрамой сверкали снѣговыя горы. Оклики часовыхъ перемежались съ шумомъ горячихъ ключей, спущенныхъ на ночь. Порою звучный топотъ коня раздавался по улицѣ, сопровождаемый скрипомъ нагайской арбы и заунывнымъ татарскимъ припѣвомъ. Я сѣлъ на скамью и задумался... Я чувствовалъ необходимость излить свои мысли въ дружескомъ разговорѣ... но съ кѣмъ?... „Что дѣлаетъ теперь Вѣра?“ думалъ я... Я бы дорого далъ, чтобъ въ эту минуту пожать ея руку.

Вдругъ слышу быстрые и неровные шаги... Вѣрно Грушницкій... Такъ и есть!

— Откуда?

— Отъ княгини Лиговской, сказалъ онъ очень важно.—Какъ Мери поётъ!...

— Знаешь ли что? сказалъ я ему, я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный...

— Можетъ быть. Какое мнѣ дѣло!... сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ее ужасно разсердилъ? Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты такъ хорошо воспитанъ и такъ хорошо знаешь свѣтъ, что не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить. Она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты, вѣрно, о себѣ самаго высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А ты не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

„Ого!“ подумалъ я: „у него видно есть уже надежды“.

— Впрочемъ, для тебя же хуже, продолжалъ Грушницкій: теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними—а жаль! это одинъ изъ самыхъ пріятныхъ домовъ, какіе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся.

— Самый пріятный домъ для меня теперь мой, сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобъ идти.

— Однако признайся, ты раскаяваешься?...

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ...

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствіе, стану волочиться за княжной...

— Да, если она захочетъ говорить съ тобой...

— Я подожду только той минуты, когда твой разговоръ ей наскучитъ... Прощай...

— А я пойду шататься; я ни за что теперь не засну... Послушай, пойдемъ лучше въ рестораціо, тамъ игра... мнѣ нужны нынче сильныя ощущенія...

— Желаю тебѣ проиграться...

Я пошелъ домой.

21-го Мая.

Прошла почти недѣля, а я еще не познакомился съ Лиговскими. Жду удобнаго случая. Грушницкій какъ тѣнь слѣдуетъ за княжной вездѣ; ихъ разговоры безконечны; когда же онъ ей наскучитъ?... Мать не обращаетъ на это вниманія, потому что онъ *не женихъ*. Вотъ логика матерей! Я подмѣтилъ два, три нѣжные взгляда—надо этому положить конецъ.

Вчера у колодца въ первый разъ явилась Вѣра... Она съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣтились въ гротѣ, не выходила изъ дома. Мы въ одно время опустили стаканы и, наклонясь, она мнѣ сказала шопотомъ:

— Ты не хочешь познакомиться съ Лиговскими?... Мы только тамъ можемъ видѣться...

Упрекъ!... скучно! но я его заслужилъ...

Кстати: завтра балъ по подпискѣ въ залѣ рестораціи, и я буду танцовать съ княжной мазурку.

29-го Мая.

Зала рестораціи превратилась въ залу благороднаго собранія. Въ девять часовъ всѣ съѣхались. Княгиня съ дочерью явилась изъ послѣднихъ; многія дамы посмотрѣли на нее съ завистію и недоброжелательствомъ, потому что княжна Мери одѣвается со вкусомъ. Тѣ, которыя почитаютъ себя здѣшними аристократами, утаивъ зависть, примкнулись къ ней. Какъ быть? Гдѣ есть общество женщинъ, тамъ сейчасъ явится высшій и низшій кругъ. Подъ окномъ, въ толпѣ народа, стоялъ Грушницкій, прижавъ лицо въ стеклу и не спуская съ глазъ своей богини; она, проходя мимо, едва примѣтно кивнула ему головой. Онъ просіялъ какъ солнце... Танцы начались польскимъ; потомъ заиграли вальсъ. Шпоры зазвенѣли, фалды поднялись и закружились.

Я стоялъ сзади одной толстой дамы, осѣненной розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи—счастливую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Она говорила своему кавалеру, драгунскому капитану:

— Эта княжна Лиговская пренесносная дѣвчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрѣла на меня въ лорнетъ... C'est impayable... И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо бы проучить...

— За этимъ дѣло не станетъ! отвѣчалъ услужливый капитанъ и отправился въ другую комнату.

Я тотчасъ подошелъ къ княжнѣ, приглашая ее вальсировать, пользуясь свободой здѣшнихъ обычаевъ, позволяю-

*

щихъ танцовать съ незнакомыми дамами.

Она едва могла принудить себя не улыбнуться и скрыть свое торжество; ей удалось, однако, довольно скоро принять совершенно равнодушный и даже строгій видъ. Она небрежно опустила руку на мое плечо, наклонила слегка головку на бокъ—и мы пустились. Я не знаю таліи болѣе сладострастной и гибкой! Ея свѣжее дыханіе касалось моего лица; иногда локонъ, отдѣлившійся въ вихрѣ вальса отъ своихъ товарищей, скользилъ по горящей щекѣ моей... Я сдѣлалъ три тура [она вальсируетъ удивительно хорошо]. Она запыхалась, глаза ея помутились, полураскрытыя губки едва могли прошептать необходимое: mercі, monsieur.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, я сказалъ ей, принявъ самый покорный видъ:

— Я слышалъ, княжна, что, будучи вамъ вовсе незнакомъ, я имѣлъ уже несчастіе заслужить вашу немилость... что вы меня нашли дерзкимъ... Неужели это правда?

— И вамъ бы хотѣлось теперь меня утвердить въ этомъ мнѣніи? отвѣчала она съ иронической гримаской, которая, впрочемъ, очень идетъ къ ея подвижной физіономіи.

— Если я имѣлъ дерзость васъ чѣмъ нибудь оскорбить, то позвольте мнѣ имѣть еще бо́льшую дерзость: просить у васъ прощенія... И, право, я бы очень желалъ доказать вамъ, что вы насчетъ меня ошибались...

— Вамъ это будетъ довольно трудно....

— Отчего же?...

— Оттого, что вы у насъ не бываете, а эти балы вѣроятно не часто будутъ повторяться.

„Это значитъ“ подумалъ я: „что ихъ двери для меня на вѣки закрыты.“

— Знаете, княжна, сказалъ я съ нѣкоторой досадой,—никогда не должно отвергать кающагося преступника: съ отчаянія онъ можетъ сдѣлаться еще вдвое преступнѣе... и тогда...

Хохотъ и шутканье насъ окружающихъ заставили меня обернуться и прервать мою фразу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня стояла группа мужчинъ, и въ числѣ ихъ драгунскій капитанъ, изъявившій враждебныя намѣренія противъ милой княжны; онъ особенно былъ чѣмъ-то очень доволенъ, потиралъ руки, хохоталъ и перемигивался съ товарищами. Вдругъ изъ среды ихъ отдѣлился господинъ во фракѣ съ длинными усами и красной рожей, и направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руки за спину, онъ уставилъ на нее мутно сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ:

— Пермете... ну, да что тутъ!... просто: ангажирую васъ на мазурку...

— Что вамъ угодно! произнесла она дрожащимъ голосомъ, бросая кругомъ умоляющій взглядъ. Увы! ея мать была далеко, и возлѣ никого изъ знакомыхъ ей кавалеровъ не было; одинъ адьютантъ, кажется, все это видѣлъ, да спрятался за толпой, чтобъ не быть замѣшану въ исторію.

— Что же? сказалъ пьяный господинъ, мигнувъ драгунскому капитану, который ободрялъ его знаками:—развѣ вамъ не угодно?... Я-таки опять имѣю честь васъ ангажировать pour mazure... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!... Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить...

Я видѣлъ, что она готова упасть въ обморокъ отъ страха и негодованія.

Я подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему пристально въ глаза, попросилъ удалиться—потому, прибавилъ я, что княжна давно ужъ обѣщалась танцовать мазурку со мною.

— Ну, нечего, дѣлать!... въ другой разъ! сказалъ онъ, засмѣявшись, и удалился къ своимъ пристыженнымъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату.

Я былъ вознагражденъ глубокимъ, чуднымъ взглядомъ.

Княжна подошла къ своей матери и разсказала ей все; та отыскала меня въ толпѣ и благодарила. Она объявила мнѣ, что знала мою мать и была дружна съ полдюжиной моихъ тетушекъ.

— Я не знаю, какъ случилось, что мы до сихъ поръ съ вами незнакомы, прибавила она:—но признайтесь, вы этому одни виною; вы дичитесь всѣхъ такъ, что ни на что не похоже. Я надѣюсь, что воздухъ моей гостиной разгонитъ вашъ спленъ... Не правда ли?

Я сказалъ ей одну изъ тѣхъ фразъ, которыя у всякаго должны быть заготовлены на подобный случай.

Кадрили тянулись ужасно долго.

Наконецъ съ хоръ загремѣла музыка, мы съ княжной усѣлись.

Я не намекалъ ни разу ни о пьяномъ господинѣ, ни о прежнемъ моемъ поведеніи, ни о Грушницкомъ. Впечатлѣніе, произведенное на нее непріятною сценою, мало по малу разсѣялось; личико ея расцвѣло; она шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроту; живъ и свободенъ; ея замѣчанія иногда глубоки... Я далъ ей почувствовать очень запутанной фразой, что она мнѣ давно нравится. Она наклонила головку и слегка покраснѣла.

— Вы странный человѣкъ! сказала она потомъ, поднявъ на меня свои бархатные глаза и принужденно засмѣявшись.

— Я не хотѣлъ съ вами знакомиться, продолжалъ я:—потому что васъ окружаетъ слишкомъ густая толпа поклонниковъ, и я боялся въ ней исчезнуть совершенно.

— Вы напрасно боялись! они всѣ прескучные...

— Всѣ! неужели всѣ?

Она посмотрѣла на меня пристально, стараясь будто припомнить что-то, потомъ опять слегка покраснѣла и наконецъ произнесла рѣшительно: в с ѣ!

— Даже мой другъ Грушницкій?

— А онъ вашъ другъ? сказала она, показывая нѣкоторое сомнѣніе.

— Да.

— Онъ, конечно, не входитъ въ разрядъ скучныхъ...

— Но въ разрядъ несчастныхъ, сказалъ я, смѣясь.

— Конечно! А вамъ смѣшно? Я бъ желала, чтобъ вы были на его мѣстѣ...

— Что жъ? я былъ самъ нѣкогда юнкеромъ и, право, это самое лучшее время моей жизни!

— А развѣ онъ юнкеръ?... сказала она быстро, и потомъ прибавила: а я думала...

— Что вы думали?...

— Ничего!... Кто эта дама?

— Тутъ разговоръ перемѣнилъ направленіе и къ этому ужъ болѣе не возвращался.

Вотъ мазурка кончилась, и мы разстались — до свиданія. Дамы разъѣхались. Я пошелъ ужинать и встрѣтилъ Вернера.

— А-га! сказалъ онъ: такъ-то вы! А еще хотѣли не иначе знакомиться съ княжной, какъ спасши ее отъ вѣрной смерти.

— Я сдѣлалъ лучше, отвѣчалъ я ему: спасъ ее отъ обморока на балѣ...

— Какъ это? Разскажите.

— Нѣтъ отгадайте—о вы, отгадывающій все на свѣтѣ!

30-го Мая.

Около семи часовъ вечера я гулялъ на бульварѣ. Грушницкій, увидѣвъ меня издали, подошелъ ко мнѣ; какой-то смѣшной восторгъ блисталъ въ его глазахъ. Онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Благодарю тебя, Печоринъ... Ты понимаешь меня?...

— Нѣтъ; но во всякомъ случаѣ не стóитъ благодарности, отвѣчалъ я, не имѣя точно на совѣсти никакого благодѣянія.

— Какъ? а вчера? ты развѣ забылъ?... Мери мнѣ все разсказала...

— А что? развѣ у васъ ужъ нынче все общее? и благодарность?...

— Послушай, сказалъ Грушницкій очень важно:—пожалуйста, не подшучивай надъ моей любовью, если хочешь остаться моимъ пріятелемъ. Видишь: я ее люблю до безумія... и я думаю, я надѣюсь, она также меня любитъ... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у нихъ вечеромъ; обѣщай мнѣ замѣчать все: я знаю, ты опытенъ въ этихъ вещахъ, ты лучше меня знаешь женщинъ... Женщины! женщины! кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ ихъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а звукъ ихъ голоса отталкиваетъ... То онѣ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ... Вотъ хоть княжна: вчера ея глаза пылали страстью, останавливаясь на мнѣ, нынче они тусклы и холодны...

— Это, можетъ быть, слѣдствіе дѣйствія водъ, отвѣчалъ я.

— Ты во всемъ видишь худую сторону... матеріалистъ! прибавилъ онъ презрительно.—Впрочемъ, перемѣнимъ матерію—и, довольный плохимъ каламбуромъ, онъ развеселился.

Въ девятомъ часу мы вмѣстѣ пошли къ княгинѣ.

Проходя мимо оконъ Вѣры, я видѣлъ ее у окна. Мы кинули другъ другу бѣглый взглядъ. Она вскорѣ послѣ насъ вошла въ гостиную Лиговскихъ. Княгиня меня ей представила, какъ своей родственницѣ. Пили чай; гостей было много; разговоръ былъ общій. Я старался понравиться княгинѣ, шутилъ, заставлялъ ее нѣсколько разъ смѣяться отъ души; княжнѣ также не разъ хотѣлось похохотать, но она удерживалась, чтобъ не выйти изъ принятой роли: она находитъ, что томность къ ней идетъ, и, можетъ быть, не ошибается. Грушницкій, кажется, очень радъ, что моя веселость ее не заражаетъ.

Послѣ чая всѣ пошли въ залу.

— Довольна ли ты моимъ послушаніемъ, Вѣра? сказалъ я, проходя мимо ея.

Она кинула мнѣ взглядъ, исполненный любви и благодарности. Я привыкъ къ этимъ взглядамъ; но нѣкогда они составляли мое блаженство. Княгиня усадила дочь за фортепіано; всѣ просили ее спѣть что-нибудь—я молчалъ, и, пользуясь суматохой, отошелъ къ окну

съ Вѣрой, которая мнѣ хотѣла сказать что-то очень важное для насъ обоихъ... Вышло—вздоръ...

Между тѣмъ княжнѣ мое равнодушіе было досадно, какъ я могъ догадаться по одному сердитому, блестящему взгляду... О, я удивительно понимаю этотъ разговоръ нѣмой, но выразительный, краткій, но сильный!...

Она запѣла; ея голосъ не дуренъ, но поетъ она плохо... впрочемъ, я не слушалъ. За то Грушницкій, облокотясь на рояль противъ нея, пожиралъ ее глазами и поминутно говорилъ вполголоса: charmant! délicieux!

— Послушай, говорила мнѣ Вѣра:— я не хочу, чтобъ ты знакомился съ моимъ мужемъ, но ты долженъ непременно понравиться княгинѣ; тебѣ это легко: ты можешь все, что хочешь. Мы здѣсь только будемъ видѣться...

— Только?...

Она покраснѣла и продолжала:—Ты знаешь, что я твоя раба; я никогда не умѣла тебѣ противиться... и я буду за это наказана: ты меня разлюбишь! По крайней мѣрѣ, я хочу сберечь свою репутацію... не для себя—ты это знаешь очень хорошо!... О, я прошу тебя: не мучь меня попрежнему пустыми сомнѣньями и притворной холодностью; я, можетъ быть, скоро умру; я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, не смотря на это, я не могу думать о будущей жизни, я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я, прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его.

Между тѣмъ княжна Мери перестала пѣть. Ропотъ похвалъ раздался вокругъ нея; я подошелъ къ ней послѣ всѣхъ и сказалъ ей что-то на счетъ ея голоса довольно небрежно.

Она сдѣлала гримаску, выдвинувъ нижнюю губу, и присѣла очень насмѣшливо.

— Мнѣ это тѣмъ болѣе лестно, сказала она, что вы мени вовсе не слушали; но вы, можетъ быть, не любите музыки?...

— Напротивъ... послѣ обѣда особенно.

— Грушницкій правъ, говоря, что у васъ самые прозаическіе вкусы... и я вижу, что вы любите музыку въ гастрономическомъ отношеніи.

— Вы ошибаетесь опять; я вовсе не гастрономъ: у меня прескверный желудокъ. Но музыка послѣ обѣда усыпляетъ, а спать послѣ обѣда здорово; слѣдовательно, я люблю музыку въ медицинскомъ отношеніи. Вечеромъ же она, напротивъ, слишкомъ раздражаетъ мои нервы: мнѣ дѣлается или слишкомъ грустно или слишкомъ весело. То и другое утомительно, когда нѣтъ положительной причины грустить или радоваться, и при томъ грусть въ обществѣ смѣшна, а слишкомъ большая веселость неприлична...

Она не дослушала, отошла прочь, сѣла возлѣ Грушницкаго, и между ними начался какой-то сантиментальный разговоръ; кажется, княжна отвѣчала на его мудрыя фразы довольно разсѣянно и неудачно, хотя старалась показать, что слушаетъ его со вниманіемъ, потому что онъ иногда смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, стараясь угадать причину внутренняго волненія, изображавшагося иногда въ ея безпокойномъ взглядѣ...

Но я васъ отгадалъ, милая княжна, берегитесь! Вы хотите мнѣ отплатить

тою же монетою, кольнуть мое самолюбіе—вамъ не удастся! и если вы мнѣ объявите войну, то я буду безпощаденъ.

Въ продолженіи вечера я нѣсколько разъ нарочно старался вмѣшаться въ ихъ разговоръ, но она довольно сухо встрѣчала мои замѣчанія, и я съ притворною досадой наконецъ удалился. Княжна торжествовала; Грушницкій тоже. Торжествуйте, друзья мои, торопитесь... вамъ недолго торжествовать!... Какъ быть? у меня есть предчувствіе... Знакомясь съ женщиной, я всегда безошибочно отгадывалъ, будетъ она меня любить или нѣтъ...

Остальную часть вечера я провелъ возлѣ Вѣры и до сыта наговорился о старинѣ... За что она меня такъ любитъ—право не знаю! тѣмъ болѣе, что это одна женщина, которая меня поняла совершенно, со всѣми моими мелкими слабостями, дурными страстями... Неужели зло такъ привлекательно?...

Мы вышли вмѣстѣ съ Грушницкимъ; на улицѣ онъ взялъ меня подъ руку и послѣ долгаго молчанія сказалъ:

— Ну, что?

„Ты глупъ“, хотѣлъ я ему отвѣтить, но удержался и только пожалъ плечами.

6-го Іюня.

Всѣ эти дни я ни разу не отступилъ отъ своей системы. Княжнѣ начинаетъ нравиться мой разговоръ; я разсказалъ ей нѣкоторые изъ странныхъ случаевъ моей жизни, и она начинаетъ видѣть во мнѣ человѣка необыкновеннаго. Я смѣюсь надъ всѣмъ на свѣтѣ, особенно надъ чувствами: это начинаетъ ее пугать. Она при мнѣ не смѣетъ пускаться съ Грушницкимъ въ сантиментальныя пренія, и уже нѣсколько разъ отвѣчала на его выходки насмѣшливой улыбкой; но я всякій разъ, какъ Грушницкій подходитъ къ ней, принимаю смиренный видъ и оставляю ихъ вдвоемъ; въ первый разъ была она этому рада, или старалась показать; во второй разсердилась на меня; въ третій—на Грушницкаго.

— У васъ очень мало самолюбія! Сказала она мнѣ вчера.—Отчего вы думаете, что мнѣ веселѣе съ Грушницкимъ?

Я отвѣчалъ, что жертвую счастію пріятеля своимъ удовольствіемъ...

— И моимъ, прибавила она.

Я пристально посмотрѣлъ на нее и принялъ серьезный видъ. Потомъ цѣлый день не говорилъ съ ней ни слова... Вечеромъ она была задумчива; нынче поутру у колодца еще задумчивѣе. Когда я подошелъ къ ней, она разсѣянно слушала Грушницкаго, который, кажется, восхищался природой, но только что завидѣла меня, она стала хохотать [очень некстати], показывая, будто меня не примѣчаетъ. Я отошелъ подальше и украдкой сталъ наблюдать за ней; она отвернулась отъ своего собесѣдника и зѣвнула два раза. Рѣшительно, Грушницкій ей надоѣлъ.—Еще два дня не буду съ ней говорить.

13-го іюня.

Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда нибудь; если

бъ она мнѣ казалась непобѣдимой красавицей, то, можетъ быть, я бы завлекся трудностію предпріятія...

Но ни чуть не бывало! Слѣдовательно, это не та безпокойная потребность любви, которая насъ мучитъ въ первые годы молодости, бросаетъ насъ отъ одной женщины къ другой, пока мы найдемъ такую, которая насъ терпѣть не можетъ; тутъ начинается наше постоянство—истинная, безконечная страсть, которую математически можно выразить линіей, падающей изъ точки въ пространство; секретъ этой безконечности—только въ невозможности достигнуть цѣли, то есть конца.

Изъ чего же я хлопочу?—Изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того скверная, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобъ имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить:

— Мой другъ, со мною было то же самое, и ты видишь однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надѣюсь, съумѣю умереть безъ крика и слезъ.

А вѣдь есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся души! Она, какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогѣ: авось кто нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше неспособенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ; ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха—не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? Насыщенная гордость. Еслибъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; если бъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другаго. Идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобъ онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности. Идеи — созданія органическія, сказалъ кто-то: ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ. Отъ этого геній, прикованный къ чиновническому столу, долженъ умереть, или сойти съ ума, точно также, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара.

Страсти ни что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи; онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ цѣлую жизнь ими волноваться: многія спокойныя рѣки начи-

наются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣпится до самаго моря. Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ! душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно; она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ; она проникается своей собственной жизнью—лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе.

Перечитывая эту страницу, я замѣчаю, что далеко отвлекся отъ своего предмета... Но что за нужда?... Вѣдь этотъ журналъ пишу я для себя и, слѣдственно, все, что я въ него ни брошу, будетъ современемъ для меня драгоцѣннымъ воспоминаніемъ.

. . . . . .

Пришелъ Грушницкій и бросился мнѣ на шею: Онъ произведенъ въ офицеры. Мы выпили шампанскаго. Докторъ Вернеръ вошелъ вслѣдъ за нимъ.

— Я васъ не поздравляю, сказалъ онъ Грушницкому.

— Отчего?

— Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ, и признайтесь, что армейскій пѣхотный мундиръ сшитый здѣсь на водахъ, не придастъ вамъ ничего интереснаго... Видите ли, вы до сихъ поръ были исключеніемъ, а теперь пойдете подъ общее правило.

— Толкуйте, толкуйте, докторъ! вы мнѣ не помѣшаете радоваться.—Онъ не знаетъ, прибавилъ Грушницкій мнѣ на ухо: сколько надеждъ придали мнѣ эти эполеты... О... эполеты! эполеты! ваши звѣздочки—путеводительныя звѣздочки... Нѣтъ, я теперь совершенно счастливъ.

— Ты идешь съ нами гулять къ провалу? спросилъ я его.

— Я? Ни за что не покажусь княжнѣ, пока не готовъ будетъ мундиръ.

— Прикажешь ей объявить о твоей радости?

— Нѣтъ, пожалуйста, не говори... Я хочу ее удивить...

— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать — и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?...

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія!... какъ можно такъ скоро?... Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ...

— Хорошо! И, вѣроятно, по твоему, порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?...

— Эхъ, братецъ! на все есть манера; многое не говорится, а отгадывается...

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она?... отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись: мнѣ жаль тебя, Печоринъ!...

Онъ ушелъ.

Вечеромъ многочисленное общество отправилось пѣшкомъ къ провалу.

По мнѣнію здѣшнихъ ученыхъ, этотъ провалъ не что иное, какъ угасшій

кратеръ; онъ находится на отлогости Машука, въ верстѣ отъ города. Къ нему ведетъ узкая тропинка между кустарниковъ и скалъ; взбираясь на гору, я подалъ руку княжнѣ, и она ее не покидала въ продолженіе цѣлой прогулки.

Разговоръ нашъ начался злословіемъ: я сталъ перебирать присутствующихъ и отсутствующихъ нашихъ знакомыхъ; сначала высказывалъ смѣшныя, а послѣ дурныя ихъ стороны. Желчь моя взволновалась. Я началъ шутя и окончилъ искренней злостью. Сперва это ее забавляло, а потомъ испугало.

— Вы опасный человѣкъ! сказала она мнѣ: я бы лучше желала попасться въ лѣсу подъ ножъ убійцы, чѣмъ вамъ на язычокъ... Я васъ прошу не шутя: когда вамъ вздумается объ мнѣ говорить дурно, возьмите лучше ножъ и зарѣжьте меня—я думаю, это вамъ не будетъ очень трудно.

— Развѣ я похожъ на убійцу?...

— Вы хуже...

Я задумался на минуту и потомъ сказалъ, принявъ глубоко-тронутый видъ:

— Да, такова была моя участь съ самаго дѣтства! Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было; но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ—меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло—никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли: я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ—меня ставили ниже: я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ—меня никто не понялъ: и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ; лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца: они тамъ и умерли. Я говорилъ правду—мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать. Узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни, и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе — не то отчаяніе, которое лечатъ дуломъ пистолета, но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины: но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ—нѣтъ; особенно, когда вспомню о томъ, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь; предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало.

Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала; щеки пылали; ей было жаль меня! Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала — а это великій признакъ!

Мы пришли къ провалу; дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не покидала руки моей. Остроты здѣшнихъ денди ее не смѣшили; крутизна обрыва, у котораго она стояла, ее не пугала, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза.

На возвратномъ пути я не возобновлялъ нашего печальнаго разговора, но на пустые мои вопросы и шутки она отвѣчала коротко и разсѣянно.

— Любили ли вы? спросилъ я ее наконецъ.

Она посмотрѣла на меня пристально, покачала головой — и опять впала въ задумчивость: явно было, что ей хотѣлось что-то сказать, но она не знала съ чего начать; ея грудь волновалась... Какъ быть! кисейный рукавъ слабая защита, и электрическая искра пробѣжала изъ моей руки въ ея руку; всѣ почти страсти начинаются такъ, и мы часто себя очень обманываемъ, думая что насъ женщина любитъ за наши физическія или нравственныя достоинства; конечно, они приготовляютъ, располагаютъ ея сердце къ принятію священнаго огня; а все-таки первое прикосновеніе рѣшаетъ дѣло.

— Не правда ли, я была очень любезна сегодня? сказала мнѣ княжна съ принужденной улыбкой, когда мы возвратились съ гулянья.

Мы разстались.

Она недовольна собой: она себя обвиняетъ въ холодности... О, это первое, главное торжество!

Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть — вотъ что скучно.

12-го Іюня.

Нынче я видѣлъ Вѣру. Она замучила меня своею ревностью. Княжна вздумала, кажется, ей повѣрять свои сердечныя тайны: надо признаться, удачный выборъ!

— Я отгадываю, къ чему все это клонится, говорила мнѣ Вѣра; лучше скажи мнѣ просто теперь, что ты ее любишь.

— Но если я ее не люблю?

— То за чѣмъ же ее преслѣдовать, тревожить, волновать ея воображеніе!... О, я тебя хорошо знаю! Послушай, если ты хочешь, чтобъ я тебѣ вѣрила, то пріѣзжай черезъ недѣлю въ Кисловодскъ; послѣ завтра мы переѣзжаемъ туда. Княгиня остается здѣсь дольше. Найми квартиру рядомъ: мы будемъ жить въ большомъ домѣ близъ источника, въ мезонинѣ; внизу княгиня Лиговская, а рядомъ есть домъ того же хозяина, который еще не занятъ... Пріѣдешь?...

Я обѣщалъ, и въ этотъ же день послалъ занять эту квартиру.

Грушницкій пришелъ ко мнѣ въ шесть часовъ и объявилъ, что завтра будетъ готовъ его мундиръ, какъ разъ къ балу.

— Наконецъ я буду съ нею танцовать цѣлый вечеръ... Вотъ наговорюсь, прибавилъ онъ.

— Когда же балъ?

— Да завтра! Развѣ не знаешь? Большой праздникъ, и здѣшнее начальство взялось его устроить...

— Пойдемъ на бульваръ...

— Ни за что, въ этой гадкой шинели...

— Какъ, ты ее разлюбилъ?...

Я ушелъ одинъ и, встрѣтивъ княжну Мери, позвалъ ее на мазурку. Она казалась удивлена и обрадована.

— Я думала, что вы танцуете только по необходимости, какъ прошлый разъ, сказала она, очень мило улыбаясь...

Она, кажется, вовсе не замѣчаетъ отсутствія Грушницкаго.

— Вы будете завтра пріятно удивлены, сказалъ я ей.

— Чѣмъ?...

— Это секретъ... на балѣ вы сами догадаетесь.

Я окончилъ вечеръ у княгини; гостей не было, кромѣ Вѣры и одного презабавнаго старичка. Я былъ въ духѣ, импровизировалъ разныя необыкновенныя исторіи; княжна сидѣла противъ меня и слушала мой вздоръ съ такимъ глубокимъ, напряженнымъ, даже нѣжнымъ вниманіемъ, что мнѣ стало совѣстно. Куда дѣвалась ея живость, ея кокетство, ея капризы, ея дерзкая мина, презрительная улыбка, разсѣянный взглядъ?...

Вѣра все это замѣтила; на ея болѣзненномъ лицѣ изображалась глубокая грусть; она сидѣла въ тѣни у окна, погрузясь въ широкія кресла... Мнѣ стало жаль ее.

Тогда я разсказалъ всю драматическую исторію нашего знакомства съ нею, нашей любви — разумѣется, прикрывъ все это вымышленными именами.

Я такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжной.

Она встала, подсѣла къ намъ, оживилась... и мы только въ два часа ночи вспомнили, что доктора велятъ ложиться спать въ одиннадцать.

13-го іюня.

За полчаса до бала явился ко мнѣ Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго пѣхотнаго мундира. Къ третьей пуговицѣ пристегнута была бронзовая цѣпочка, на которой висѣлъ двойной лорнетъ; эполеты, неимовѣрной величины, были загнуты кверху, ввидѣ крылышекъ Амура; сапоги его скрипѣли; въ лѣвой рукѣ держалъ онъ коричневыя лайковыя перчатки и фуражку, а правою взбивалъ ежеминутно въ мелкія кудри завитой хохолъ. Самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ; его праздничная наружность, его гордая походка, заставили бы меня расхохотаться, если бъ это было согласно съ моими намѣреніями.

Онъ бросилъ фуражку съ перчатками на столъ и началъ обтягивать фалды и поправляться передъ зеркаломъ; черный огромный платокъ, навернутый на высочайшій подгалстушникъ, котораго щетина поддерживала его подбородокъ, высовывался на полвершка изъ-за воротника; ему показалось мало: онъ вытащилъ его кверху до ушей; отъ этой трудной работы—ибо воротникъ мундира былъ очень узокъ и безпокоенъ — лицо его налилось кровью.

— Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моей княжной? сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на на меня.

— Гдѣ намъ дуракамъ чай пить! отвѣчалъ я ему, повторяя любимую поговорку одного изъ самыхъ ловкихъ повѣсъ прошлаго времени, воспѣтаго нѣкогда Пушкинымъ.

— Скажи-ка, хорошо на мнѣ сидитъ мундиръ?... Охъ, проклятый жидъ!...

какъ подъ мышками рѣжетъ?... Нѣтъ ли у тебя духовъ?

— Помилуй, чего тебѣ еще? отъ тебя и такъ ужъ несетъ розовой помадой.

— Ничего. Дай-ка сюда...

Онъ налилъ себѣ полстклянки за галстухъ, въ носовой платокъ, на рукава.

— Ты будешь танцовать? спросилъ онъ.

— Не думаю.

— Я боюсь, что мнѣ съ княжной придется начинать мазурку— я не знаю почти ни одной фигуры...

— А ты звалъ ее на мазурку?

— Нѣтъ еще...

— Смотри, чтобъ тебя не предупредили...

— Въ самомъ дѣлѣ! сказалъ онъ, ударивъ себя по лбу. Прощай... Пойду дожидаться ее у подъѣзда. Онъ схватилъ фуражку и побѣжалъ.

Черезъ полчаса и я отправился. На улицѣ было темно и пусто; вокругъ собранія, или трактира, какъ угодно, тѣснился народъ; окна его свѣтились; звуки полковой музыки доносилъ ко мнѣ вечерній вѣтеръ. Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть, ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ жалкую роль палача, или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?... Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ—или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для чтенія“?... Почему знать?... Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее какъ Александръ Великій, или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками?...

Войдя въ залу, я спрятался въ толпѣ мужчинъ и началъ дѣлать свои наблюденія. Грушницкій стоялъ возлѣ княжны и что-то говорилъ съ большимъ жаромъ: она его разсѣянно слушала, смотрѣла по сторонамъ, приложивъ вѣеръ къ губкамъ; на лицѣ ея изображалось нетерпѣніе, глаза ея искали кругомъ кого-то; я тихонько подошелъ сзади, чтобъ подслушать ихъ разговоръ.

— Вы меня мучите, княжна! говорилъ Грушницкій: вы ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ...

— Вы также перемѣнились, отвѣчала она, бросивъ на него быстрый взглядъ, въ которомъ онъ не умѣлъ разобрать тайной насмѣшки.

— Я? Я перемѣнился?... О, никогда! Вы знаете, что это невозможно! Кто видѣлъ васъ однажды, тотъ навѣки унесетъ съ собою вашъ божественный образъ.

— Перестаньте...

— Отчего же вы теперь не хотите слушать того, чему еще недавно, и такъ часто, внимали благосклонно?...

— Потому что я не люблю повтореній, отвѣчала она, смѣясь.

— О, я горько ошибся!... Я думалъ, безумный, что по крайней мѣрѣ эти эполеты дадутъ мнѣ право надѣяться... Нѣтъ, лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ...

— Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу...

Въ это время я подошелъ и поклонился княжнѣ: она немножко покраснѣла и быстро проговорила:

— Не правда ли, мсьё Печоринъ, что сѣрая шинель гораздо больше идетъ къ мсьё Грушницкому?...

— Я съ вами не согласенъ, отвѣчалъ я: въ мундирѣ онъ еще моложавѣе.

Грушницкій не вынесъ этого удара: какъ всѣ мальчики, онъ имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ глубокіе слѣды страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ. Онъ на меня бросилъ бѣшеный взглядъ, топнулъ ногою и отошелъ прочь.

— А признайтесь, сказалъ я княжнѣ: что хотя онъ всегда былъ очень смѣшонъ, но еще недавно онъ вамъ казался интереснѣе... въ сѣрой шинели?...

Она потупила глаза и не отвѣчала.

Грушницкій цѣлый вечеръ преслѣдовалъ княжну, танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis; онъ пожиралъ ее глазами, вздыхалъ и надоѣлъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она его ужъ ненавидѣла.

— Я этого не ожидалъ отъ тебя, сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку? спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.— Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пѣняй на свою шинель, или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата: что ты ей больше не нравишься?...

— Зачѣмъ же подавать надежды?

— Зачѣмъ же ты надѣялся? Желать и добиваться чего нибудь—понимаю; а кто жъ надѣется?

— Ты выигралъ пари, только не совсѣмъ, сказалъ онъ, злобно улыбаясь.

Мазурка началась. Грушницкій выбиралъ одну только княжну, другіе кавалеры поминутно ее выбирали: это явно былъ заговоръ противъ меня—тѣмъ лучше: ей хочется говорить со мною, ей мѣшаютъ — ей захочется вдвое болѣе.

Я раза два пожалъ ея руку; во второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь, сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ!—И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень доволенъ собою.

— За большимъ столомъ ужинала молодежь и между ними Грушницкій. Когда я вошелъ, всѣ замолчали; видно, говорили обо мнѣ. Многіе съ прошедшаго бала на меня дуются, особенно драгунскій капитанъ; а теперь кажется, рѣшительно составляется противъ меня враждебная шайка подъ командой Грушницкаго. У него такой гордый и храбрый видъ...

Очень радъ; я люблю враговъ, хотя не по христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всег-

да на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе изъ хитростей и замысловъ — вотъ что я называю жизнью.

Въ продолженіи ужина Грушницкій шептался и перемигивался съ драгунскимъ капитаномъ.

14-го іюня.

Нынче поутру Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Я встрѣтилъ ихъ карету, когда шелъ къ княгинѣ Лиговской. Она мнѣ кивнула головой: во взглядѣ ея былъ упрекъ.

Кто жъ виноватъ? Зачѣмъ она не хочетъ дать мнѣ случай видѣться съ нею наединѣ? Любовь, какъ огонь, — безъ пищи гаснетъ. Авось ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы.

Я сидѣлъ у княгини битый часъ. Мери не вышла: больна. Вечеромъ на бульварѣ ея не было. Вновь составившаяся шайка, вооруженная лорнетами, приняла въ самомъ дѣлѣ грозный видъ. Я радъ, что княжна больна: они сдѣлали бы ей какую нибудь дерзость. У Грушницкаго растрепанная прическа и отчаянный видъ; онъ, кажется, въ самомъ дѣлѣ огорченъ, особенно самолюбіе его оскорблено; но вѣдь есть же люди, въ которыхъ даже отчаяніе забавно!...

Возвратясь домой, я замѣтилъ, что мнѣ чего-то недостаетъ. Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ?... Какой вздоръ!

15-го іюня.

Въ одиннадцать часовъ утра—часъ, въ который княгиня Лиговская обыкновенно потѣетъ въ Ермоловской ваннѣ — я шелъ мимо ея дома. Княжна сидѣла задумчиво у окна; увидѣвъ меня, вскочила.

Я вошелъ въ переднюю, людей никого не было, и я безъ доклада, пользуясь свободой здѣшнихъ нравовъ, пробрался въ гостиную.

Тусклая блѣдность покрывала милое лицо княжны. Она стояла у фортепьяно, опершись одной рукой на спинку креселъ; эта рука чуть-чуть дрожала. Я тихо подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы на меня сердитесь?...

Она подняла на меня томный, глубокій взоръ и покачала головой; ея губы хотѣли проговорить что-то, и не могли; глаза наполнились слезами; она опустилась въ кресла и закрыла лицо руками.

— Что съ вами? сказалъ я, взявъ ея руку.

— Вы меня не уважаете!... О, оставьте меня!...

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ... Она выпрямилась въ креслахъ; глаза ея засверкали.

Я остановился, взявшись за ручку двери, и сказалъ:

— Простите меня, княжна! я поступилъ какъ безумецъ... этого въ другой разъ не случится; я приму свои мѣры... Зачѣмъ вамъ знать то, что происходило до сихъ поръ въ душѣ моей? Вы этого никогда не узнаете и тѣмъ лучше для васъ. Прощайте.

Уходя, мнѣ кажется, я слышалъ, что она плакала.

Я до вечера бродилъ пѣшкомъ по окрестностямъ Машука, утомился ужас-

но и, пришедши домой, бросился на постель въ совершенномъ изнеможеніи.

Ко мнѣ зашелъ Вернеръ.

— Правда ли, спросилъ онъ, что вы женитесь на княжнѣ Лиговской?

— А что?

— Весь городъ говоритъ; всѣ мои больные заняты этой важной новостью; а ужъ эти больные такой народъ: все знаютъ!

„Это штуки Грушницкаго“, подумалъ я.

— Чтобъ вамъ доказать, докторъ, ложность этихъ слуховъ, объявляю вамъ по секрету, что завтра я переѣзжаю въ Кисловодскъ...

— И княжна также?...

— Нѣтъ; она остается еще на недѣлю здѣсь...

— Такъ вы не женитесь?...

— Докторъ, докторъ! посмотрите на меня: неужели я похожъ на жениха, или на что нибудь подобное?

— Я этого не говорю... Но вы знаете, есть случаи... прибавилъ онъ, хитро улыбаясь, въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя по крайней мѣрѣ не предупреждаютъ этихъ случаевъ... Итакъ, я вамъ совѣтую, какъ пріятель, быть осторожнѣе. Здѣсь, на водахъ, преопасный воздухъ: сколько я видѣлъ прекрасныхъ молодыхъ людей, достойныхъ лучшей участи, и уѣзжавшихъ отсюда прямо подъ вѣнецъ... Даже, повѣрите ли, меня хотѣли женить! Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна. Я имѣлъ несчастіе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы; тогда она со слезами благодарности предложила мнѣ руку своей дочери и все свое состояніе—пятьдесятъ душъ, кажется. Но я отвѣчалъ, что я къ этому неспособенъ.

Вернеръ ушелъ въ полной увѣренности, что онъ меня предостерегъ.

Изъ словъ его я замѣтилъ, что про меня и княжну ужъ распущены въ городѣ разные дурные слухи: это Грушницкому даромъ не пройдетъ!

---

18 іюня.

Вотъ ужъ три дня, какъ я въ Кисловодскѣ. Каждый день вижу Вѣру у колодца и на гуляньѣ. Утромъ, просыпаясь, сажусь у окна и навожу лорнетъ на ея балконъ; она давно ужъ одѣта и ждетъ условленнаго знака; мы встрѣчаемся, будто нечаянно, въ саду, который отъ нашихъ домовъ спускается къ колодцу. Живительный горный воздухъ возвратилъ ей цвѣтъ лица и силы. Не даромъ Нарзанъ называется богатырскимъ ключемъ. Здѣшніе жители утверждаютъ, что воздухъ Кисловодска располагаетъ къ любви, что здѣсь бываютъ развязки всѣхъ романовъ, которые когда либо начинались у подошвы Машука. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь все дышетъ уединеніемъ; здѣсь все таинственно—и густыя сѣни липовыхъ аллей, склоняющихся надъ потокомъ, который съ шумомъ и пѣною, падая съ плиты на плиту, прорѣзываетъ себѣ путь между зеленѣющими горами; и ущелья, полныя мглою и молчаніемъ, которыхъ вѣтви разбѣгаются отсюда во всѣ стороны; и свѣжесть ароматическаго воздуха, отягощеннаго испареніями высокихъ южныхъ травъ и бѣлой акаціи; и постоянно сладостно-усыпительный шумъ студеныхъ ручьевъ, которые, встрѣтясь въ концѣ долины, бѣ-

гутъ дружно въ запуски и наконецъ кидаются въ Подкумокъ. Съ этой стороны ущелье шире и превращается въ зеленую лощину; по ней вьется пыльная дорога. Всякій разъ, какъ я на нее взгляну, мнѣ все кажется, что ѣдетъ карета, а изъ окна кареты выглядываетъ розовое личико. Ужъ много каретъ проѣхало по этой дорогѣ— а той все нѣтъ. Слободка, которая за крѣпостью, населилась; въ рестораціи, построенной на холмѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры, начинаютъ мелькать вечеромъ огни сквозь двойной рядъ тополей; шумъ и звонъ стакановъ раздаются до поздней ночи.

Нигдѣ такъ много не пьютъ кахетинскаго вина и минеральной воды, какъ здѣсь.

Но смѣшивать два эти ремесла
Есть тьма охотниковъ—я не изъ ихъ числа.

Грушницкій съ своей шайкой бушуетъ каждый день въ трактирѣ, и со мной почти не кланяется.

Онъ только вчера пріѣхалъ, а успѣлъ уже поссориться съ тремя стариками, которые хотѣли прежде его сѣсть въ ванну; рѣшительно—несчастія развиваютъ въ немъ воинственный духъ.

---

22 іюня.

Наконецъ онѣ пріѣхали. Я сидѣлъ у окна, когда услышалъ стукъ ихъ кареты: у меня сердце вздрогнуло... Что же это такое? Неужто я влюбленъ?... Я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать.

Я у нихъ обѣдалъ. Княгиня на меня смотрѣла очень нѣжно, и не отходитъ отъ дочери... плохо! За то Вѣра ревнуетъ меня къ княжнѣ—добился же я этого благополучія. Чего женщина не сдѣлаетъ, чтобъ огорчить соперницу? Я помню, одна меня полюбила за то, что я любилъ другую. Нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума: женщинъ трудно убѣдить въ чемъ нибудь; надо ихъ довести до того, чтобъ онѣ убѣдили себя сами. Порядокъ доказательствъ, которыми онѣ уничтожаютъ свои предубѣжденія, очень оригиналенъ; чтобъ выучиться ихъ діалектикѣ, надо опрокинуть въ умѣ своемъ всѣ школьныя правила логики. Напримѣръ, способъ обыкновенный:

Этотъ человѣкъ любитъ меня: но я замужемъ: слѣдовательно, не должна его любить.

Способъ женскій:

— Я не должна его любить, ибо я замужемъ; но онъ меня любитъ—слѣдовательно...

Тутъ нѣсколько точекъ, ибо разсудокъ ужъ ничего не говоритъ, а говорятъ большею частью: языкъ, глаза и вслѣдъ за ними сердце, если оное имѣется.

Что если когда нибудь эти записки попадутся на глаза женщинѣ?—„Клевета!“ закричитъ она съ негодованіемъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ поэты пишутъ и женщины ихъ читаютъ [за что имъ глубочайшая благодарность], ихъ столько разъ называли ангелами, что онѣ въ самомъ дѣлѣ, въ простотѣ душевной, повѣрили этому комплименту, забывая, что тѣ же поэты за деньги величали Нерона полубогомъ...

Не кстати было бы мнѣ говорить о нихъ съ такою злостью, мнѣ, который, кромѣ ихъ, на свѣтѣ ничего не любитъ, мнѣ, который всегда готовъ былъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ,

жизнію... Но вѣдь я не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія стараюсь сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, сквозь которое лишь привычный взоръ проникаетъ. Нѣтъ, все, что я говорю о нихъ, есть только слѣдствіе—

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

Женщины должны бы желать, чтобъ всѣ мужчины ихъ такъ-же хорошо знали, какъ я, потому что люблю ихъ во сто разъ больше съ тѣхъ поръ, какъ ихъ не боюсь и постигъ ихъ мелкія слабости.

Кстати: Вернеръ намедни сравнилъ женщинъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ разсказываетъ Тассъ въ своемъ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“. „Только приступи“, говорилъ онъ, „на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а идти прямо; мало по малу чудовища исчезаютъ и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. За то бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!“

24-го іюня.

Сегодняшній вечеръ былъ обиленъ происшествіями. Верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска, въ ущельи, гдѣ протекаетъ Подкумокъ, есть скала называемая Кольцомъ; это—ворота, образованныя природой; онѣ подымаются на высокомъ холмѣ и заходящее солнце сквозь нихъ бросаетъ на міръ свой послѣдній, пламенный взглядъ. Многочисленная кавалькада отправилась туда посмотрѣть на закатъ солнца сквозь каменное окошко. Никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не думалъ о солнцѣ. Я ѣхалъ возлѣ княжны; возвращаясь домой, надо было переѣзжать Подкумокъ въ бродъ. Горныя рѣчки самыя мелкія опасны особенно тѣмъ, что дно ихъ совершенный калейдоскопъ: каждый день отъ напора волнъ оно измѣняется —гдѣ былъ вчера камень, тамъ нынче яма. Я взялъ подъ уздцы лошадь княжны и свелъ ее въ воду, которая не была выше колѣнъ; мы тихонько стали подвигаться наискось противъ теченія. Извѣстно, что проѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. Я забылъ объ этомъ предварить княжну Мери.

Мы были уже на срединѣ, въ самой быстротѣ, когда она вдругъ на сѣдлѣ покачнулась. „Мнѣ дурно!“ проговорила она слабымъ голосомъ. Я быстро наклонился къ ней, обвилъ рукою ея гибкую талію.

— Смотрите на верхъ! шепнулъ я ей: это ничего, только не бойтесь; я съ вами.

Ей стало лучше: она хотѣла освободиться отъ моей руки, но я еще крѣпче обвилъ ея нѣжный, мягкій станъ; моя щека почти касалась ея щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ.

— Что вы со мною дѣлаете?... Боже мой!...

Я не обращалъ вниманія на ея трепетъ и смущеніе, и губы мои коснулись ея нѣжной щечки; она вздрогнула, но ничего не сказала, мы ѣхали сзади: никто не видалъ. Когда мы выбрались на берегъ, то всѣ пустились рысью. Княжна удержала свою лошадь; я остал-

ся возлѣ нея; видно было, что ее безпокоило мое молчаніе, но я поклялся не говорить ни слова—изъ любопытства. Мнѣ хотѣлось видѣть, какъ она выпутается изъ этого затруднительнаго положенія.

— Или вы меня презираете, или очень любите! сказала она наконецъ голосомъ, въ которомъ были слезы.— Можетъ быть, вы хотите посмѣяться надо мной, возмутить мою душу, и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли, прибавила она голосомъ нѣжной довѣренности: не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна, я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же, я хочу слышать васъ голосъ!...

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское петерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастію, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите? продолжала она: вы, можетъ быть, хотите, чтобъ я первая вамъ сказала, что я васъ люблю...

Я молчалъ.

— Хотите ли этого? продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ? отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ; это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда ужъ она присоединилась къ остальному обществу. До самаго дома она говорила и смѣялась поминутно. Въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ: она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира... А еще слыву добрымъ малымъ и добиваюсь этого названія!

Слѣзши съ лошадей, дамы вошли къ княгинѣ; я былъ взволнованъ и поскакалъ въ горы развѣять мысли, толпившіяся въ головѣ моей. Росистый вечеръ дышалъ упоительной прохладой. Луна подымалась изъ-за темныхъ вершинъ. Каждый шагъ моей некованной лошади глухо раздавался въ молчаніи ущелій; у водопада я напоилъ коня, жадно вдохнулъ въ себя раза два свѣжій воздухъ южной ночи и пустился въ обратный путь. Я ѣхалъ черезъ слободку. Огни начинали угасать въ окнахъ; часовые на валу крѣпости и казаки на окрестныхъ пикетахъ протяжно перекликались.

Въ одномъ изъ домовъ слободки, построенномъ на краю оврага, замѣтилъ я чрезвычайное освѣщеніе; по временамъ раздавался нестройный говоръ и крики, изобличавшіе военную пирушку. Я слѣзъ и подкрался къ окну; неплотно притворенный ставень позволилъ мнѣ видѣть пирующихъ и разслушать ихъ слова. Говорили обо мнѣ.

Драгунскій капитанъ, разгоряченный виномъ, ударилъ по столу кулакомъ, требуя вниманія.

— Господа, сказалъ онъ, это ни на что не похоже. Печорина надо проучить! Эти петербургскія слѣтки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по

носу! Онъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги.

— И что за надменная улыбка! А я увѣренъ, между тѣмъ, что онъ трусъ,— да, трусъ!

— Я думаю тоже, сказалъ Грушницкій.—Онъ любитъ отшучиваться. Я разъ ему такихъ вещей наговорилъ, что другой бы меня изрубилъ на мѣстѣ, а Печоринъ все обратилъ въ смѣшную сторону. Я разумѣется, его не вызвалъ, потому что это было его дѣло: да не хотѣлъ и связываться...

— Грушницкій на него золъ за то, что онъ отбилъ у него княжну, сказалъ кто-то.

— Вотъ еще что вздумали! Я правда, немножко волочился за княжной, да и тотчасъ отсталъ, потому что не хочу жениться, а компрометировать дѣвушку не въ моихъ правилахъ.

— Да, я васъ увѣряю, что онъ первѣйшій трусъ, то есть Печоринъ, а не Грушницкій,—а Грушницкій молодецъ, и притомъ онъ мой истинный другъ! сказалъ опять драгунскій капитанъ.

— Господа! никто здѣсь его не защищаетъ? Никто? тѣмъ лучше! хотите испытать его храбрость? Это васъ позабавитъ...

— Хотимъ; только какъ?

— Вотъ слушайте: Грушницкій на него особенно сердитъ — ему первая роль! Онъ придерется къ какой нибудь глупости и вызоветъ Печорина на дуэль... Погодите; вотъ въ этомъ-то и штука... Вызоветъ на дуэль: хорошо! Все это—вызовъ, приготовленія, условія, будетъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе—я за это берусь; я буду твоимъ секундантомъ, мой бѣдный другъ! Хорошо! Только вотъ гдѣ закорючка: въ пистолеты мы не положимъ пуль. Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ — на шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми! Согласны ли, господа?

— Славно придумано!...Согласны!... Почему же нѣтъ?... раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А ты, Грушницкій!

Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что если бъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Если бъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія, онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: „Хорошо, я согласенъ!“

Трудно описать восторгъ всей честной компаніи.

Я вернулся домой, волнуемый двумя различными чувствами. Первое было грусть. „За что они всѣ меня ненавидятъ?“ думалъ я. — „За что? Обидѣлъ ли я кого нибудь? Нѣтъ. Неужели я принадлежу къ числу тѣхъ людей, которыхъ одинъ видъ уже порождаетъ недоброжелательство?“ И я чувствовалъ, что ядовитая злость мало по малу наполняла мою душу. „Берегитесь, господинъ Грушницкій!“ говорилъ я, прохаживаясь взадъ и впередъ по комнатѣ: „со мной этакъ не шутятъ. Вы дорого можете заплатить за одобреніе вашихъ глупыхъ товарищей. Я вамъ не игрушка!...“

Я не спалъ всю ночь. Къ утру я былъ желтъ, какъ померанецъ.

Поутру я встрѣтилъ княжну у колодца.

— Вы больны? сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ ночь.

— И я также... Я васъ обвиняла... можетъ быть напрасно? Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?...

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... [ея голосъ задрожалъ] я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй—сжальтесь... вы меня не презираете—не правда ли?

Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры и ничего не видала; но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину, отвѣчалъ я княжнѣ: не буду оправдываться, ни объяснять своихъ поступковъ: я васъ не люблю.

Ея губы слегка побѣднѣли.

— Оставьте меня, сказала она едва внятно.

Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ.

25-го іюня.

Я иногда себя презираю... Не оттого ли я презираю и другихъ?... Я сталъ неспособенъ къ благороднымъ порывамъ; я боюсь показаться смѣшнымъ самому себѣ. Другой бы, на моемъ мѣстѣ, предложилъ княжнѣ son coeur et sa fortune; но надо мною слово жениться—имѣетъ какую-то волшебную власть: какъ бы страстно я ни любилъ женщину, если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться—прости любовь! мое сердце превращается въ камень, и ничто его не разогрѣетъ снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту.... но свободы моей не продамъ. Отчего я такъ дорожу ею? что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго?... Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе... Вѣдь есть люди, которые безотчетно боятся пауковъ, таракановъ, мышей... Признаться ли? Когда я былъ еще ребенкомъ, одна старуха гадала про меня моей матери; она предсказала мнѣ смерть отъ злой жены; это меня тогда глубоко поразило: въ душѣ моей родилось непреодолимое отвращеніе къ женитьбѣ... Между тѣмъ что-то мнѣ говоритъ, что ея предсказаніе сбудется; по крайней мѣрѣ буду стараться, чтобъ оно сбылось какъ можно позже.

---

26 іюня.

Вчера пріѣхалъ сюда фокусникъ Апфельбаумъ. На дверяхъ ресторація явилась длинная афишка, извѣщающая почтеннѣйшую публику о томъ, что вышеименованный удивительный фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ, будетъ имѣть честь дать великолѣпное представленіе сегодняшняго числа въ восемь часовъ вечера, въ залѣ благороднаго собранія [иначе—въ ресторація]; билеты по два рубля съ полтиной.

Всѣ собираются идти смотрѣть удивительнаго фокусника; даже княгиня Лиговская, не смотря на то, что дочь ея больна, взяла для себя билетъ.

Нынче послѣ обѣда я шелъ мимо оконъ Вѣры; она сидѣла на балконѣ одна; къ ногамъ моимъ упала записка:

„Сегодня въ десятомъ часу вечера приходи ко мнѣ по большой лѣстницѣ; мужъ мой уѣхалъ въ Пятигорскъ, и завтра утромъ только вернется. Моихъ людей и горничныхъ не будетъ въ домѣ, я имъ всѣмъ раздала билеты, также и людямъ княгини.—Я жду тебя; приходи непремѣнно.“

„А-га?“ подумалъ я „наконецъ таки вышло по моему.“

Въ восемь часовъ пошелъ я смотрѣть фокусника. Публика собралась въ исходѣ девятаго, представленіе началось. Въ заднихъ рядахъ стульевъ узналъ я лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини. Всѣ были тутъ наперечетъ. Грушницкій сидѣлъ въ первомъ ряду съ лорнетомъ. Фокусникъ обращался къ нему всякій разъ, какъ ему нуженъ былъ носовой платокъ, часы, кольцо, и проч.

Грушницкій мнѣ не кланяется ужъ нѣсколько времени, а нынче раза два посмотрѣлъ на меня довольно дерзко. Все это ему припомнится, когда намъ придется расплачиваться.

Въ исходѣ десятаго я всталъ и вышелъ.

На дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Тяжелыя, холодныя тучи лежали на вершинѣ окрестныхъ горъ; лишь изрѣдка умирающій вѣтеръ шумѣлъ вершинами тополей, окружающихъ ресторацію; у оконъ ея толпился народъ. Я спустился съ горы и, повернувъ въ ворота, прибавилъ шагу. Вдругъ мнѣ показалось, что кто-то идетъ за мною. Я остановился и осмотрѣлся. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать; однако я, изъ осторожности, обошелъ, будто гуляя, вокругъ дома. Проходя мимо оконъ княжны, я услышалъ снова шаги за собою; человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо меня. Это меня встревожило; однако я прокрался къ крыльцу и поспѣшно взбѣжалъ на темную лѣстницу. Дверь отворилась; маленькая ручка схватила мою руку...

— Никто тебя не видалъ? сказала шопотомъ Вѣра, прижавшись ко мнѣ.

— Никто.

— Теперь ты вѣришь ли, что я тебя люблю? О! я долго колебалась, долго мучилась... но ты изъ меня дѣлаешь все, что хочешь.

Ея сердце сильно билось, руки были холодны, какъ ледъ. Начались упреки ревности, жалобы; она требовала отъ меня, чтобъ я ей во всемъ признался, говоря, что она съ покорностью перенесетъ мою измѣну, потому что хочетъ единственно моего счастія. Я этому не совсѣмъ вѣрилъ, но успокоилъ ее клятвами, обѣщаніями и проч.

— Такъ ты не женишься на Мери? не любишь ее?... А она думаетъ... знаешь ли, она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!...

. . . . . .

. . . . . .

Около двухъ часовъ пополуночи я отворилъ окно и, связавъ двѣ шали, спустился съ верхняго балкона на нижній, придерживаясь за колонну. У княжны еще горѣлъ огонь. Что-то меня толкнуло къ этому окну. Занавѣсъ былъ не совсѣмъ задернутъ, и я могъ бросить любопытный взглядъ во внутренность комнаты. Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки;

ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики и маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; предъ нею на столикѣ была раскрыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные необъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ. Я спрыгнулъ съ балкона на дернъ. Невидимая рука схватила меня за плечо:

— А-га! сказалъ грубый голосъ: — попался!... будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!

— Держи его крѣпче! закричалъ другой, выскочившій изъ за угла.

Это были Грушницкій и драгунскій капитанъ.

Я ударилъ послѣдняго по головѣ кулакомъ, сшибъ его съ ногъ и бросился въ кусты. Всѣ тропинки сада, покрывавшаго отлогость противъ нашихъ домовъ, были мнѣ извѣстны.

— Воры! караулъ!... кричали они; раздался ружейный выстрѣлъ; дымящійся пыжъ упалъ почти къ моимъ ногамъ.

Черезъ минуту я былъ уже въ своей комнатѣ, раздѣлся и легъ. Едва мой лакей заперъ дверь на замокъ, какъ ко мнѣ начали стучаться Грушницкій и капитанъ.

— Печоринъ! вы спите? здѣсь вы?... закричалъ капитанъ.

— Сплю, отвѣчалъ я сердито.

— Вставайте!—воры... черкесы...

— У меня насморкъ, отвѣчалъ я; боюсь простудиться.

Они ушли. Напрасно я имъ откликнулся: они бъ еще съ часъ проискали меня въ саду. Тревога между тѣмъ, сдѣлалась ужасная. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось; стали искать черкесовъ во всѣхъ кустахъ —и, разумѣется, ничего не нашли. Но многіе, вѣроятно, остались въ твердомъ убѣжденіи, что если бъ гарнизонъ показалъ болѣе храбрости и поспѣшности, то по крайней мѣрѣ десятка два хищниковъ остались бы на мѣстѣ.

27-го іюня.

Нынче поутру у колодца только и было толковъ, что о ночномъ нападеніи черкесовъ. Выпивши положенное число стакановъ Нарзана, пройдясь разъ десять по длинной липовой аллеѣ, я встрѣтилъ мужа Вѣры, который только что пріѣхалъ изъ Пятигорска. Онъ взялъ меня подъ руку, и мы пошли въ ресторацію завтракать; онъ ужасно безпокоился о женѣ. „Какъ она перепугалась нынче ночью!“ говорилъ онъ: „вѣдь надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи.“ Мы усѣлись завтракать возлѣ двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Судьба вторично доставила мнѣ случай подслушать разговоръ, который долженъ былъ рѣшить его участь. Онъ меня не видалъ, и слѣдственно, я не могъ подозрѣвать умысла; но это только увеличивало его вину въ моихъ глазахъ.

— Да неужели въ самомъ дѣлѣ это были черкесы? сказалъ кто-то.—Видѣлъ ли ихъ кто нибудь?

— Я вамъ разскажу всю истину, отвѣчалъ Грушницкій, только пожалуйста не выдавайте меня. Вотъ какъ это было: вчера одинъ человѣкъ котораго я вамъ не назову, приходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что видѣлъ въ десятомъ часу вечера, какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ. Надо вамъ замѣтить, что княгиня была здѣсь, а княжна дома. Вотъ мы съ нимъ и отправились подъ окна, чтобъ подстеречь счастливца.

Признаюсь, я испугался, хотя мой собесѣдникъ очень былъ занятъ своимъ завтракомъ: онъ могъ услышать вещи для себя довольно непріятныя, если бъ неравно Грушницкій отгадалъ истину: но ослѣпленный ревностью, онъ и не подозрѣвалъ ея.

— Вотъ видите ли, продолжалъ Грушницкій: мы и отправились, взявши съ собой ружье, заряженное холостымъ патропомъ, только такъ, чтобъ попугать. До двухъ часовъ ждали въ саду. Наконецъ — ужъ Богъ знаетъ откуда онъ явился, только не изъ окна, потому что оно не отворялось, а должно быть онъ вышелъ въ стеклянную дверь, что̀ за колонной,—наконецъ, говорю я, видимъ мы, сходитъ кто-то съ балкона... Какова княжна? — а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! Послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить, только онъ вырвался и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ.

Вокругъ Грушницкаго раздался ропотъ недовѣрчивости.

— Вы не вѣрите? продолжалъ онъ: даю вамъ честное, благородное слово, что все это сущая правда, и въ доказательство я вамъ, пожалуй, назову этого господина.

— Скажи, скажи, кто жъ онъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Печоринъ, отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза— я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы ужъ дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости.

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться.

— Прошу васъ, продолжалъ я тѣмъ же тономъ: прошу васъ сейчасъ же отказаться отъ вашихъ словъ, вы очень хорошо знаете, что это выдумка. Я не думаю, чтобъ равнодушіе женщины къ вашимъ блестящимъ достоинствамъ заслуживало такое ужасное мщеніе. Подумайте хорошенько: поддерживая ваше мнѣніе, вы теряете право на имя благороднаго человѣка, и рискуете жизнію.

Грушницкій стоялъ передо мною, опустивъ глаза, въ сильномъ волненіи. Но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна. Драгунскій капитанъ, сидѣвшій возлѣ него, толкнулъ его локтемъ; онъ вздрогнулъ и быстро отвѣчалъ мнѣ, не подымая глазъ:

— Милостивый государь, когда я что̀ говорю, такъ я это думаю, и готовъ повторить... Я не боюсь вашихъ угрозъ и готовъ на все.

— Послѣднее вы ужъ доказали, отвѣчалъ я ему холодно, и взявъ подъ руку драгунскаго капитана, вышелъ изъ комнаты.

— Что вамъ угодно? спросилъ капитанъ.

— Вы пріятель Грушницкаго и, вѣроятно, будете его секундантомъ?

Капитанъ поклонился очень важно.

— Вы отгадали, отвѣчалъ онъ: я даже обязанъ быть его секундантомъ, потому что обида, нанесенная ему, относится и ко мнѣ: я былъ съ нимъ вчера ночью, прибавилъ онъ, выпрямляя свой сутуловатый станъ.

— А! такъ это васъ ударилъ я такъ неловко по головѣ?...

Онъ пожелтѣлъ, посинѣлъ; скрытая злоба изобразилась на лицѣ его.

— Я буду имѣть честь прислать къ вамъ нынче моего секунданта, прибавилъ я, раскланявшись очень вѣжливо и показывая видъ, будто не обращаю вниманія на его бѣшенство.

На крыльцѣ ресторація я встрѣтилъ мужа Вѣры. Кажется, онъ меня дожидался.

Онъ схватилъ мою руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ.

— Благородный молодой человѣкъ, сказалъ онъ, съ слезами на глазахъ. Я все слышалъ. Какой мерзавецъ! неблагодарный!... Принимай ихъ послѣ этого въ порядочный домъ! Слава Богу, у меня нѣтъ дочерей! Но васъ наградитъ та, для которой вы рискуете жизнью. Будьте увѣрены въ моей скромности до поры до времени, продолжалъ онъ.—Я самъ былъ молодъ и служилъ въ военной службѣ: знаю, что въ эти дѣла не должно вмѣшиваться. Прощайте.

Бѣдняжка! радуется, что у него нѣтъ дочерей...

Я пошелъ прямо къ Вернеру, засталъ его дома и разсказалъ ему все— отношенія мои къ Вѣрѣ и княжнѣ, и разговоръ, подслушанный мною, изъ котораго я узналъ намѣреніе этихъ господъ — подурачить меня, заставивъ стрѣляться холостыми зарядами. Но теперь дѣло выходило изъ границъ шутки: они, вѣроятно, не ожидали такой развязки.

Докторъ согласился быть моимъ секундантомъ; я далъ ему нѣсколько наставленій насчетъ условій поединка; онъ долженъ былъ настоять на томъ, чтобы дѣло обошлось какъ можно секретнѣе, потому что хотя я когда угодно готовъ подвергать себя смерти, но ни мало не расположенъ испортить навсегда свою будущность въ здѣшнемъ мірѣ.

Послѣ этого я пошелъ домой. Черезъ часъ докторъ вернулся изъ своей экспедиціи.

— Противъ васъ, точно, есть заговоръ, сказалъ онъ.—Я нашелъ у Грушницкаго драгунскаго капитана и еще одного господина, котораго фамиліи не помню. Я на минуту остановился въ передней, чтобъ снять калоши. У нихъ былъ ужасный шумъ и споръ... „Ни за что не соглашусь!“ говорилъ Грушницкій: „онъ меня оскорбилъ публично; тогда было совсѣмъ другое...“ — „Какое тебѣ дѣло?“ отвѣчалъ капитанъ: „я все беру на себя. Я былъ секундантомъ на пяти дуэляхъ, и ужъ знаю, какъ это устроить. Я все придумалъ. Пожалуйста, только мнѣ не мѣшай. Пострашать не худо. А зачѣмъ подвергать себя опасности, если можно избавиться?...“ Въ эту минуту я вошелъ. Они вдругъ замолчали. Переговоры наши продолжались довольно долго; наконецъ мы рѣшили дѣло вотъ какъ: верстахъ въ пяти отсюда есть глухое ущелье; они туда поѣдутъ завтра въ четыре часа утра, а мы выѣдемъ полъ[illegible] послѣ нихъ; стрѣляться будете на шести шагахъ — этого требовалъ

самъ Грушницкій. Убитаго — на счетъ черкесовъ. Теперь вотъ какія у меня подозрѣнія: они, то есть секунданты, должно быть, нѣсколько перемѣнили свой прежній планъ и хотятъ зарядить пулею одинъ пистолетъ Грушницкаго. Это немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азіятской войнѣ, хитрости позволяются; только Грушницкій, кажется, поблагороднѣе своихъ товарищей. Какъ вы думаете: должны ли мы показать имъ, что догадались?

— Ни за что на свѣтѣ докторъ! Будьте спокойны; я имъ не поддамся.

— Что же вы хотите дѣлать?

— Это моя тайна.

— Смотрите, не попадитесь... вѣдь на шести шагахъ?

— Докторъ, я васъ жду завтра въ четыре часа; лошади будутъ готовы... Прощайте.

Я до вечера просидѣлъ дома, запершись въ своей комнатѣ. Приходилъ лакей, звать меня къ княгинѣ — я велѣлъ сказать, что боленъ.

. . . . . .

Два часа ночи... не спится... А надо бы заснуть, чтобъ завтра рука не дрожала. Впрочемъ, на шести шагахъ промахнуться трудно. А! господинъ Грушницкій! ваша мистификація вамъ не удастся... мы помѣняемся ролями: теперь мнѣ придется отыскивать на вашемъ блѣдномъ лицѣ признаки тайнаго страха. Зачѣмъ вы сами назначили эти роковые шесть шаговъ? Вы думаете, что я безъ спора подставлю свой лобъ... но мы бросимъ жребій... и тогда... тогда... что если, его счастье перетянетъ? если моя звѣзда наконецъ мнѣ измѣнитъ?... И немудрено: она такъ долго служила вѣрно моимъ прихотямъ.

Что жъ? умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... прощайте!...

Пробѣгаю въ памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?... А вѣрно, она существовала и, вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни. И съ той поры сколько разъ уже я игралъ роль топора въ рукахъ судьбы! Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданья—и никогда не могъ насытиться. Такъ, томимый голодомъ, въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою раскошныя кушанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче; но только проснулся — мечта исчезаетъ... остается удвоенный голодъ и отчаяніе.

И, можетъ быть, я завтра умру!... и не останется на землѣ ни одного су-

щества, которое бы поняло меня совершенно. Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... Одни скажутъ: онъ былъ добрый малый, другіе—мерзавецъ. И то и другое будетъ ложно. Послѣ этого стоитъ ли труда жить? а все живешь — изъ любопытства: ожидаешь чего-то новаго... Смѣшно и досадно!

Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я въ крѣпости N. Максимъ Максимычъ ушелъ на охоту... я одинъ; сижу у окна; сѣрыя тучи закрыли горы до подошвы; солнце сквозь туманъ кажется желтымъ пятномъ. Холодно; вѣтеръ свищетъ и колеблетъ ставни... Скучно!... Стану продолжать свой журналъ, прерванный столькими странными событіями.

Перечитываю послѣднюю страницу: смѣшно!—Я думалъ умереть; это было невозможно: я еще не осушилъ чаши страданій, и теперь чувствую, что мнѣ еще долго жить.

Какъ все прошедшее ясно и рѣзко отлилось въ моей памяти! Ни одной черты, ни одного оттѣнка не стерло время!

Я помню, что въ продолженіе ночи, предшествовавшей поединку, я не спалъ ни минуты. Писать я не могъ долго: тайное безпокойство мною овладѣло. Съ часъ я ходилъ по комнатѣ, потомъ сѣлъ и открылъ романъ Вальтеръ Скотта, лежавшій у меня на столѣ: то были „Шотланскіе Пуритане“; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ...

Наконецъ разсвѣло. Нервы мои успокоились. Я посмотрѣлся въ зеркало; тусклая блѣдность покрывала лицо мое, хранившее слѣды мучительной безсонницы; но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. Я остался доволенъ собою.

Велѣвъ сѣдлать лошадей, я одѣлся и сбѣжалъ къ купальнѣ. Погружаясь въ холодный кипятокъ Нарзана, я чувствовалъ, какъ тѣлесныя и душевныя силы мои возвращались. Я вышелъ изъ ванны свѣжъ и бодръ, какъ будто собирался на балъ. Послѣ этого говорите, что душа не зависитъ отъ тѣла!...

Возвратясь, я нашелъ у себя доктора. На немъ были сѣрые рейтузы, архалукъ и черкесская шапка. Я расхохотался, увидѣвъ эту маленькую фигурку подъ огромной косматой шапкой: у него лицо вовсе не воинственное, а въ этотъ разъ оно было еще длиннѣе обыкновеннаго.

— Отчего вы такъ печальны, докторъ? сказалъ я ему. — Развѣ вы сто разъ не провожали людей на тотъ свѣтъ съ величайшимъ равнодушіемъ? Вообразите, что у меня желчная горячка; я могу выздоровѣть, могу и умереть; то и другое въ порядкѣ вещей; старайтесь смотрѣть на меня какъ на паціента, одержимаго болѣзнью, вамъ еще неизвѣстной—и тогда ваше любопытство возбудится до высшей степени; вы можете надо мною сдѣлать теперь нѣсколько важныхъ физіологическихъ наблюденій... Ожиданіе насильственной смерти не есть ли уже настоящая болѣзнь?

Эта мысль поразила доктора, и онъ развеселился.

Мы сѣли верхомъ; Вернеръ уцѣпился за поводья обѣими руками, и мы пустились—мигомъ проскакали мимо крѣпости черезъ слободку и въѣхали въ

ущелье, по которому вилась дорога, полузаросшая высокой травой, и ежеминутно пересѣкаемая шумнымъ ручьемъ, черезъ который нужно было переправляться въ бродъ, къ великому отчаянію доктора, потому что лошадь его каждый разъ въ водѣ останавливалась.

Я не помню утра болѣе голубаго и свѣжаго! Солнце едва выказалось изъза зеленыхъ вершинъ, и сліяніе первой теплоты его лучей съ умирающей прохладой почи наводило на всѣ чувства какое-то сладкое томленіе; въ ущелье не проникалъ еще радостный лучъ молодаго дня; онъ золотилъ только верхи утесовъ, висящихъ съ обоихъ сторонъ надъ нами; густолиственные кусты, растущіе въ ихъ глубокихъ трещинахъ, при малѣйшемъ дыханіи вѣтра осыпали насъ серебрянымъ дождемъ. Я помню—въ этотъ разъ больше, чѣмъ когда нибудь прежде, я любилъ природу. Какъ любопытно всматривался я въ каждую росинку, трепещущую на широкомъ листкѣ виноградномъ и отражавшую милліоны радужныхъ лучей! какъ жадно взоръ мой старался проникнуть въ дымную даль! Тамъ путь все становился уже, утесы синѣе и страшнѣе, и наконецъ они, казалось, сходились непроницаемой стѣной. Мы ѣхали молча.

— Написали ли вы свое завѣщаніе? вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать свое послѣднее прости?...

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ на свѣтѣ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что нибудь на память?...

— Хотите ли, докторъ, отвѣчалъ я ему, чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?... Видите ли, я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого.—Друзья, которые завтра меня забудутъ, или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какіе небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему—Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей —и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, быть можетъ, черезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?... Посмотрите, докторъ: видите ли вы на скалѣ, направо, чернѣются три фигуры? Это, кажется, наши противники?...

Мы пустились.

У подошвы скалы, въ кустахъ, были привязаны три лошади; мы своихъ привязали тутъ же, а сами по узкой тропинкѣ взобрались на площадку, гдѣ ожидалъ насъ Грушницкій съ драгунскимъ капитаномъ и другимъ своимъ секундантомъ, котораго звали Иваномъ Игнатьевичемъ; фамиліи его я никогда не слыхалъ.

Мы давно ужъ васъ ожидаемъ, сказалъ драгунскій капитанъ съ ироническою улыбкой.

Я вынулъ часы и показалъ ему.

Онъ извинился, говоря, что его часы уходятъ.

Нѣсколько минутъ продолжалось затруднительное молчаніе; наконецъ докторъ прервалъ его, обратясь къ Грушницкому.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, что, показавъ оба готовность драться и заплативъ этимъ долгъ условіямъ чести, вы бы могли, господа, объясниться и кончить это дѣло полюбовно.

— Я готовъ, сказалъ я.

Капитанъ мигнулъ Грушницкому, и этотъ, думая, что я трушу, принялъ гордый видъ, хотя до сей минуты тусклая блѣдность покрывала его щеки. Съ тѣхъ поръ, какъ мы пріѣхали, онъ въ первый разъ поднялъ на меня глаза; но во взглядѣ его было какое-то безпокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу.

— Объясните ваши условія, сказалъ онъ; и все, что я могу для васъ сдѣлать, то будьте увѣрены...

— Вотъ мои условія: вы нынче же публично откажетесь отъ своей клеветы и будете просить у меня извиненія...

— Милостивый государь, я удивляюсь, какъ вы смѣете мнѣ предлагать такія вещи?...

— Чтожъ жъ я вамъ могъ предложить, кромѣ этого?...

— Мы будемъ стрѣляться.

Я пожалъ плечами.

— Пожалуй; только подумайте, что одинъ изъ насъ непремѣнно будетъ убитъ.

— Я желаю, чтобы это были вы...

— А я такъ увѣренъ въ противномъ...

Онъ смутился, покраснѣлъ, потомъ принужденно захохоталъ.

Капитанъ взялъ его подъ руку и отвелъ въ сторону; они долго шептались. Я пріѣхалъ въ довольно миролюбивомъ расположеніи духа, но все это начинало меня бѣсить.

Ко мнѣ подошелъ докторъ.

— Послушайте, сказалъ онъ съ явнымъ безпокойствомъ: вы вѣрно забыли про ихъ заговоръ?... Я не умѣю заряжить пистолета, но въ этомъ случаѣ... Вы странный человѣкъ! Скажите имъ, что вы знаете ихъ намѣреніе—и они не посмѣютъ... Что за охота? подстрѣлятъ васъ, какъ птицу...

— Пожалуйста, не безпокойтесь, докторъ, и погодите... Я все такъ устрою, что на ихъ сторонѣ не будетъ никакой выгоды. Дайте имъ пошептаться...

— Господа! это становится скучно, сказалъ я имъ громко: драться, такъ драться; вы имѣли время вчера наговориться...

— Мы готовы, отвѣчалъ капитанъ. Становитесь, господа! Докторъ, извольте отмѣрить шесть шаговъ...

— Становитесь! повторилъ Иванъ Игнатьевичъ пискливымъ голосомъ.

— Позвольте! сказалъ я: еще одно условіе; такъ какъ мы будемъ драться на смерть, то мы обязаны сдѣлать все возможное, чтобъ это осталось тайною и чтобъ секунданты наши не были въ отвѣтственности. Согласны ли вы?...

— Совершенно согласны.

— Итакъ, вотъ что я придумалъ. Видите ли на вершинѣ этой отвѣсной скалы, направо, узенькую площадку? Оттуда до низу будетъ саженъ тридцать, если не больше; внизу острые камни. Каждый изъ насъ станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто

будетъ раненъ, полетитъ непременно и внизъ разобьется въ дребезги; пулю докторъ вынетъ, и тогда можно будетъ очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объявляю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться.

— Пожалуй! сказалъ капитанъ, посмотрѣвъ выразительно на Грушницкаго, который кивнулъ головой, въ знакъ согласія. Лицо его ежеминутно мѣнялось. Я его поставилъ въ затруднительное положеніе. Стрѣляясь при обыкновенныхъ условіяхъ, онъ могъ цѣлить мнѣ въ ногу, легко меня ранить и удовлетворить такимъ образомъ свою месть, не отягощая слишкомъ своей совѣсти; но теперь онъ долженъ былъ выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцей, или наконецъ оставить свой подлый замыселъ и подвергнуться одинаковой со мною опасности. Въ эту минуту я не желалъ бы быть на его мѣстѣ. Онъ отвелъ капитана въ сторону и сталъ говорить ему что-то съ большимъ жаромъ; я видѣлъ, какъ посинѣвшія губы его дрожали, но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой.—Ты дуракъ! сказалъ онъ Грушницкому довольно громко: ничего не понимаешь!... Отправимтесь же, господа!

Узкая тропинка вела между кустарниками на крутизну; обломки скалъ составляли шаткія ступени этой природной лѣстницы; цѣпляясь за кусты, мы стали карабкаться. Грушницкій шелъ впереди, за нимъ его секунданты а потомъ мы съ докторомъ.

— Я вамъ удивляюсь, сказалъ докторъ, пожавъ мнѣ крѣпко руку.—Дайте пощупать пульсъ!... Ого! лихорадочный!... но на лицѣ ничего не замѣтно... только глаза у васъ блестятъ ярче обыкновеннаго.

Вдругъ мелкіе камни съ шумомъ покатились намъ подъ ноги. Что это? Грушницкій споткнулся; вѣтка, за которую онъ уцѣпился, изломалась, и онъ скатился бы внизъ на спинѣ, если бъ его секунданты не поддержали.

— Берегитесь! закричалъ я ему: не падайте заранѣе; это дурная примѣта. Вспомните Юлія Цезаря!

Вотъ мы взобрались на вершину выдавшейся скалы; площадка была покрыта мелкимъ пескомъ, будто нарочно для поединка. Кругомъ, теряясь въ золотомъ туманѣ утра, тѣснились вершины горъ, какъ безчисленное стадо, и Эльборусъ на югѣ вставалъ бѣлою громадой, замыкая цѣпь льдистыхъ вершинъ, между которыхъ ужъ бродили волокнистыя облака, набѣжавшія съ востока. Я подошелъ къ краю площадки и посмотрѣлъ внизъ; голова чуть-чуть у меня не закружилась: тамъ, внизу, казалось темно и холодно, какъ въ гробѣ; мшистые зубцы скалъ, сброшенныхъ грозою и временемъ, ожидали своей добычи.

Площадка, на которой мы должны были драться, изображала почти правильный треугольникъ. Отъ выдавшагося угла отмѣряли шесть шаговъ, и рѣшили, что тотъ, кому придется первому встрѣтить непріятельскій огонь, станетъ на самомъ углу спиною къ пропасти; если онъ не будетъ убитъ, то противники помѣняются мѣстами.

Я рѣшился предоставить всѣ выгоды Грушницкому; я хотѣлъ испытать его; въ душѣ его могла проснуться искра великодушія —и тогдавсе устроилось бы къ лучшему; но самолюбіе и слабость характера должны были торжество-

вать... Я хотѣлъ дать себѣ полное право не щадить его, если бы судьба меня помиловала. Кто не заключалъ такихъ условій съ своею совѣстью?

— Бросьте жребій, докторъ! сказалъ капитанъ.

— Докторъ вынулъ изъ кармана серебряную монету и поднялъ ее кверху.

— Рѣшетка! закричалъ Грушницкій поспѣшно, какъ человѣкъ, котораго вдругъ разбудилъ дружескій толчокъ.

— Орелъ! сказалъ я.

Монета взвилась и упала, звеня; всѣ бросились къ ней.

— Вы счастливы, сказалъ я Грушницкому: вамъ стрѣлять первому! Но помните, что если вы меня не убьете, то я не промахнусь—даю вамъ честное слово.

Онъ покраснѣлъ; ему было стыдно убить человѣка безоружнаго; я глядѣлъ на него пристально; съ минуту мнѣ казалось, что онъ броситься къ ногамъ моимъ, умоляя о прощеніи; но какъ признаться въ такомъ подломъ умыслѣ?... Ему оставалось одно средство—выстрѣлить на воздухъ. Я былъ увѣренъ, что онъ выстрѣлитъ на воздухъ. Одно могло этому помѣшать: мысль, что я потребую вторичнаго поединка.

— Пора! шепнулъ мнѣ докторъ, дергая за рукавъ: если вы теперь не скажете, что мы знаемъ ихъ намѣренія, то все пропало. Посмотрите, онъ ужъ заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ...

— Ни за что на свѣтѣ, докторъ, отвѣчалъ я, удерживая его за руку: вы все испортите; вы мнѣ дали слово не мѣшать... Какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— О, это другое!... только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...

Капитанъ между тѣмъ зарядилъ свои пистолеты, подалъ одинъ Грушницкому, съ улыбкою шепнувъ ему что-то; другой мнѣ.

Я сталъ на углу площадки, крѣпко упершись лѣвой ногою въ камень и наклонясь немного напередъ, чтобы въ случаѣ легкой раны не опрокинуться назадъ.

Грушницкій сталъ противъ меня и, по данному знаку, началъ поднимать пистолетъ. Колѣни его дрожали. Онъ цѣлилъ мнѣ прямо въ лобъ.

Неизъяснимое бѣшенство закипѣло въ груди моей.

Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ какъ полотно, повернулся къ своему секунданту:

— Не могу, сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

— Трусъ! отвѣчалъ капитанъ.

Выстрѣлъ раздался. Пуля оцарапала мнѣ колѣно. Я невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣй удалиться отъ края.

— Ну, братъ Грушницкій, жаль, что промахнулся! сказалъ капитанъ. Теперь твоя очередь, становись! Обними меня прежде: мы ужъ не увидимся! Они обнялись; капитанъ едва могъ удержаться отъ смѣха.—Не бойся, прибавилъ онъ, хитро взглянувъ на Грушницкаго: все вздоръ на свѣтѣ... Натура—дура, судьба—индѣйка, а жизнь—копѣйка!

Послѣ этой трагической фразы, сказанной съ приличною важностью, онъ отошелъ на свое мѣсто. Иванъ Игнатьевичъ со слезами обнялъ также Грушницкаго, и вотъ онъ остался одинъ противъ меня. Я до-сихъ поръ стараюсь объяснить себѣ, какого рода чув-

ство кипѣло тогда въ груди моей: то было и досада оскорбленнаго самолюбія, и презрѣніе, и злоба, рождавшаяся при мысли, что этотъ человѣкъ, теперь съ такою увѣренностью, съ такой спокойной дерзостью на меня глядящій, двѣ минуты тому назадъ, не подвергая себя никакой опасности, хотѣлъ меня убить какъ собаку, ибо раненый въ ногу немного сильнѣе, я бы непремѣнно свалился съ утеса.

Я нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему пристально въ лицо, стараясь замѣтить хоть легкій слѣдъ раскаянія. Но мнѣ показалось, что онъ удерживалъ улыбку.

— Я вамъ совѣтую передъ смертью помолиться Богу, сказалъ я ему тогда.

— Не заботьтесь о моей душѣ больше, чѣмъ о своей собственной. Объ одномъ васъ прошу: стрѣляйте скорѣе.

— И вы не отказываетесь отъ своей клеветы? не просите у меня прощенія?... Подумайте хорошенько: не говоритъ ли вамъ чего нибудь совѣсть!

— Господинъ Печоринъ! закричалъ драгунскій капитанъ: вы здѣсь не для того, чтобъ исповѣдывать, позвольте вамъ замѣтить... Кончимте скорѣе; неравно кто нибудь проѣдетъ по ущелью— и насъ увидятъ.

— Хорошо. Докторъ, подойдите ко мнѣ.

Докторъ подошелъ. Бѣдный докторъ! онъ былъ блѣднѣе, чѣмъ Грушницкій, десять минутъ тому назадъ.

Слѣдующія слова я произнесъ нарочно съ разстановкой, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ:

— Докторъ, эти господа, вѣроятно въ торопяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова—и хорошенько!

— Не можетъ быть! кричалъ капитанъ: не можетъ быть! я зарядилъ оба пистолета: развѣ что изъ вашего пуля выкатилась... Это не моя вина!—А вы не имѣете права переряжать... никакого права... это совершенно противъ правилъ; я не позволяю...

— Хорошо! сказалъ я капитану: если такъ, то мы будемъ съ вами стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ...

Онъ замялся.

Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный.

— Оставь ихъ! сказалъ онъ наконецъ капитану, который хотѣлъ вырвать пистолетъ мой изъ рукъ доктора.— Вѣдь ты самъ знаешь, что они правы.

Напрасно капитанъ дѣлалъ ему разные знаки—Грушницкій не хотѣлъ и смотрѣть.

Между тѣмъ докторъ зарядилъ пистолетъ и подалъ мнѣ.

Увидѣвъ это, капитанъ плюнулъ и топнулъ ногой.

— Дуракъ же ты, братецъ! сказалъ онъ: пошлый дуракъ!... Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... По дѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха... Онъ отвернулся и, отходя, пробормоталъ: „А все таки это совершенно противъ правилъ“.

— Грушницкій! сказалъ я, еще есть время: откажись отъ своей клеветы и я тебѣ прощу все. Тебѣ не удалось меня подурачить, и мое самолюбіе удовлетворено. Вспомни, мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

— Стрѣляйте! отвѣчалъ онъ: я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...

Я выстрѣлилъ...

Когда дымъ разсѣялся, Грушницкаго на площадкѣ не было. Только прахъ легкимъ столбомъ еще вился на краю обрыва.

Всѣ въ одинъ голосъ вскрикнули.

— Finita la comedia! сказалъ я доктору.

Онъ не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся.

Я пожалъ плечами и раскланялся съ секундантами Грушницкаго.

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, я замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго. Я невольно закрылъ глаза...

Отвязавъ лошадь, я шагомъ пустился домой; у меня на сердцѣ былъ камень. Солнце казалось мнѣ тускло; лучи его меня не грѣли.

Не доѣзжая до слободки, я повернулъ направо по ущелью. Видъ человѣка былъ бы мнѣ тягостенъ: я хотѣлъ быть одинъ. Бросивъ поводья, опустивъ голову на грудь, я ѣхалъ долго, наконецъ очутился въ мѣстѣ, мнѣ вовсе незнакомомъ; я повернулъ коня назадъ и сталъ отыскивать дорогу; ужъ солнце садилось, когда я подъѣхалъ къ Кисловодску, измученный на измученной лошади.

Лакей мой сказалъ мнѣ, что заходилъ Вернеръ; и подалъ мнѣ двѣ записки: одну отъ него, другую... отъ Вѣры.

Я распечаталъ первую; она была слѣдующаго содержанія:

„Все устроено какъ можно лучше: „тѣло привезено обезображенное; пуля „изъ груди вынута. Всѣ увѣрены, что „причиною его смерти несчастный случай: „только комендантъ, которому, вѣроятно, „извѣстна ваша ссора, покачалъ головой, но ничего не сказалъ. Доказательствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, „и вы можете спать спокойно... если „можете... Прощайте...“

Я долго не рѣшался открыть вторую записку. Что могла она мнѣ писать?... Тяжелое предчувствіе волновало мою душу.

Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти:

„Я пишу къ тебѣ въ полной увѣренности, что мы никогда болѣе не увидимся. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, „разставаясь съ тобой, я думала то же „самое; но небу было угодно испытать „меня вторично: я не вынесла этого „испытанія, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не „будешь презирать меня за это — не „правда ли? Это письмо будетъ вмѣстѣ „прощаньемъ и исповѣдью: я обязана „сказать тебѣ все, что накопилось въ „моемъ сердцѣ съ тѣхъ поръ, какъ оно „тебя любитъ. Я не стану обвинять тебя—ты поступилъ со мною, какъ поступилъ бы всякій другой мужчина: ты „любилъ меня какъ собственность, какъ „источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ котораго жизнь скучна и однообразна. „Я это поняла сначала... Но ты былъ „несчастливъ, и я пожертвовала собою, „надѣясь, что когда нибудь ты оцѣнишь „мою жертву, что когда нибудь ты поймешь мою глубокую нѣжность, независящую ни отъ какихъ условій. Прошло съ тѣхъ поръ много времени: я проникла во всѣ тайны души твоей... и „убѣдилась, что то была надежда напрасная. Горько мнѣ было! Но моя „любовь срослась съ душой моей: она „потемнѣла, но не угасла.

„Мы разстаемся навѣки; однако ты „можешь быть увѣренъ, что я никогда

KULTURA Warszawa Bieszkiewicza

„не буду любить другаго: моя душа „истощила на тебя всѣ свои сокровища, „свои слезы и надежды. Любившая разъ „тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣко„тораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, „не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, „о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть „что-то особенное — тебѣ одному свой„ственное, что-то гордое и таинственное; „въ твоемъ голосѣ, что́ бы ты ни гово„рилъ, есть власть непобѣдимая; никто „не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть „любимымъ, ни въ комъ зло не быва„етъ такъ привлекательно, ни чей взоръ „не обѣщаетъ столько блаженства, ни„кто не умѣетъ лучше пользоваться „своими преимуществами и никто не „можетъ быть такъ истинно несчаст„ливъ, какъ ты, потому что никто столь„ко не старается увѣрить себя въ про„тивномъ.

„Теперь я должна тебѣ объяснить „причину моего поспѣшнаго отъѣзда; „она тебѣ покажется маловажна, потому „что касается до одной меня.

„Нынче поутру мой мужъ вошелъ ко „мнѣ и разсказалъ про твою ссору съ „Грушницкимъ. Видно, я очень пере„мѣнилась въ лицѣ, потому что онъ „долго и пристально смотрѣлъ мнѣ въ „глаза; я едва не упала безъ памяти „при мысли, что ты нынче долженъ „драться и что я этому причиной; мнѣ „казалось, что я сойду съ ума... Но „теперь, когда я могу разсуждать, я увѣ„рена, что ты останешься живъ: невоз„можно, чтобъ ты умеръ безъ меня, невоз„можно! Мой мужъ долго ходилъ по „комнатѣ: я не знаю, что онъ мнѣ го„ворилъ, не помню, что я ему отвѣча„ла... вѣрно, я ему сказала, что я тебя „люблю... Помню только, что подъ ко„нецъ нашего разговора онъ оскорбилъ „меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я „слышала какъ онъ велѣлъ закладывать „карету... Вотъ ужъ три часа, какъ я „сижу у окна и жду твоего возврата... „Но ты живъ, ты не можешь умереть!... „Карета почти готова... Прощай, про„щай... Я погибла—но что за нужда? „Если бъ я могла быть увѣрена, что „ты всегда меня будешь помнить—не „говорю ужъ любить — нѣтъ, только „помнить... Прощай; идутъ... я должна „спрятать письмо...

„Не правда ли, ты не любишь Мери? „ты не женишься на ней?—Послушай, „ты долженъ мнѣ принести эту жертву: „я для тебя потеряла все на свѣтѣ...“

Я, какъ безумный, выскочилъ на крыльцо, прыгнулъ на своего Черкеса, котораго водили по двору, и пустился во весь духъ по дорогѣ въ Пятигорскъ. Я безпощадно погонялъ измученнаго коня, который, храпя и весь въ пѣнѣ, мчалъ меня по каменистой дорогѣ.

Солнце уже спряталось въ черной тучѣ, отдыхавшей на хребтѣ западныхъ горъ; въ ущельѣ стало темно и сыро. Подкумокъ, пробираясь по камнямъ, ревѣлъ глухо и однообразно. Я скакалъ, задыхаясь отъ нетерпѣнья. Мысль не застать ее въ Пятигорскѣ молоткомъ ударяла мнѣ въ сердце. Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ея руку... Я молился, проклиналъ, плакалъ, смѣялся... нѣтъ, ничто не выразитъ моего безпокойства, отчаянія!.... При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для меня дороже всего на свѣтѣ—дороже жизни, чести, счастья! Богъ знаетъ, какіе странные, какіе бѣшеные замыслы роились въ головѣ моей... И между тѣмъ я все скакалъ, погоняя безпощадно.—И вотъ я сталъ замѣчать, что конь мой тяже-

*

лѣе дышитъ; онъ раза два ужъ спотыкнулся на ровномъ мѣстѣ... Оставалось пять верстъ до Есентуковъ — казачьей станицы, гдѣ я могъ пересѣсть на другую лошадь.

Все было бы спасено, если бъ у моего коня достало силъ еще на десять минутъ. Но вдругъ, поднимаясь изъ небольшаго оврага, при выѣздѣ изъ горъ, на крутомъ поворотѣ, онъ грянулся о землю. Я проворно соскочилъ, хочу поднять его, дергаю за поводъ—напрасно: едва слышный стонъ вырвался сквозь стиснутые его зубы; чрезъ нѣсколько минутъ онъ издохъ; я остался въ степи одинъ, потерявъ послѣднюю надежду; попробовалъ идти пѣшкомъ—ноги мои подкосились: изнуренный тревогами дня и безсонницей, я упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ.

И долго я лежалъ неподвижно и плакалъ горько, не старался удерживать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе—исчезли какъ дымъ; душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ, и если бъ въ эту минуту кто нибудь меня увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обычный порядокъ, то я понялъ, что гнаться за погибшимъ счастіемъ безполезно и безразсудно. Чего мнѣ еще надобно?—ее видѣть?—зачѣмъ? не все ли кончено между нами? Одинъ горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ моихъ воспоминаній, а послѣ него намъ только труднѣе будетъ разставаться.

Мнѣ однако пріятно, что я могу плакать. Впрочемъ, можетъ быть, этому причиной разстроенные нервы, ночь, проведенная безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета и пустой желудокъ.

Все къ лучшему! это новое страданіе, говоря военнымъ слогомъ, сдѣлало во мнѣ счастливую диверсію. Плакать здорово, и потомъ, вѣроятно, если бъ я не проѣхался верхомъ и не былъ принужденъ на обратномъ пути пройти пятнадцать верстъ, то и эту ночь сонъ не сомкнулъ бы глазъ моихъ.

Я возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился на постель и заснулъ сномъ Наполеона послѣ Ватерлоо.

Когда я проснулся, на дворѣ ужъ было темно. Я сѣлъ у отвореннаго окна, разстегнулъ архалукъ—и горный вѣтеръ освѣжилъ грудь мою, еще неуспокоенную тяжелымъ сномъ усталости. Вдали за рѣкою, сквозь верхи густыхъ липъ, ее осѣняющихъ, мелькали огни въ строеньяхъ крѣпости и слободки. На дворѣ у насъ все было тихо, въ домѣ княгини было темно.

Вошелъ докторъ: лобъ у него былъ нахмуренъ; онъ противъ обыкновенія, не протянулъ мнѣ руки.

— Откуда вы, докторъ?

— Отъ княгини Лиговской; дочь ея больна—разслабленіе нервовъ... Да не въ этомъ дѣло, а вотъ что: начальство догадывается и, хотя ничего нельзя доказать положительно, однако я вамъ совѣтую быть осторожнѣе. Княгиня мнѣ говорила нынче, что она знаетъ, что вы стрѣлялись за ея дочь. Ей все этотъ старичекъ разсказалъ...какъ бишь его? Онъ былъ свидѣтелемъ вашей стычки съ Грушницкимъ въ рестораціи. Я пришелъ васъ предупредить. — Прощайте. Можетъ быть, мы больше не увидимся: васъ ушлютъ куда нибудь.

Онъ на порогѣ остановился: ему хотѣлось пожать мнѣ руку... и если бъ я

показалъ ему малѣйшее на это желаніе, то онъ бросился бы мнѣ на шею, но я остался холоденъ какъ камень—и онъ вышелъ.

Вотъ люди! всѣ они таковы: знаютъ заранѣе всѣ дурныя стороны поступка, помогаютъ, совѣтуютъ, даже одобряютъ его, видя невозможность другаго средства а потомъ умываютъ руки и отворачиваются съ негодованіемъ отъ того, кто имѣлъ смѣлость взять на себя всю тягость отвѣтственности. Всѣ они таковы, даже самые добрые, самые умные.

На другой день утромъ, получивъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N., я зашелъ къ княгинѣ проститься.

Она была удивлена, когда на вопросъ ея: имѣю ли я сказать что нибудь особенно важное, я отвѣчалъ, что желаю ей быть счастливой и проч.

— А мнѣ нужно съ вами поговорить очень серьёзно.

Я сѣлъ молча.

Явно было, что она не знала съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу; наконецъ она начала такъ, прерывистымъ голосомъ:

— Послушайте, мсьё Печоринъ, я думаю, что вы благородный человѣкъ.

Я поклонился.

— Я даже въ этомъ увѣрена, продолжала она: хотя ваше поведеніе нѣсколько сомнительно, но у васъ могутъ быть причины, которыхъ я не знаю, и ихъ то вы должны теперь мнѣ повѣрить. Вы защитили дочь мою отъ клеветы, стрѣлялись за нее—слѣдственно рисковали жизнью... Не отвѣчайте, я знаю, что вы въ этомъ не признаетесь, потому что Грушницкій убитъ [она перекрестилась]. Богъ ему проститъ — и, надѣюсь, вамъ также!... Это до меня не касается... я не смѣю осуждать васъ, потому что дочь моя, хотя невинно, но была этому причиной. Она мнѣ все сказала... я думаю все: вы изъяснились ей въ любви... она вамъ призналась въ своей [тутъ княгиня тяжело вздохнула]. Но она больна, и я увѣрена, что это не простая болѣзнь. Печаль тайная ее убиваетъ; она не признаётся, но я увѣрена, что вы этому причиной... Послушайте: вы, можетъ быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства — разувѣрьтесь, я хочу только счастья дочери. Ваше теперешнее положеніе незавидно, но оно можетъ поправиться: вы имѣете состояніе; васъ любитъ дочь моя; она воспитана такъ, что составитъ счастіе мужа. Я богата, она у меня одна... Говорите, что васъ удерживаетъ?... Видите, я не должна была бы вамъ всего этого говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь— вспомните, у меня одна дочь... одна...

Она заплакала.

— Княгиня, сказалъ я: мнѣ невозможно отвѣчать вамъ; позвольте мнѣ поговорить съ вашей дочерью наединѣ...

— Никогда! воскликнула она, вставъ со стула въ сильномъ волненіи.

— Какъ хотите, отвѣчалъ я, приготовляясь уйти.

Она задумалась, сдѣлала мнѣ знакъ рукою, чтобъ я подождалъ, и вышла.

Прошло минутъ пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, но старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее—а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали въ моихъ что нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться, ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ее.

— Княжна, сказалъ я: вы знаете, что я надъ вами смѣялся?... Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: слѣдственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой! произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута—и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, сказалъ я, сколько могъ, твердымъ голосомъ и съ принужденной усмѣшкою: вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Если бъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись. Мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ легко ее разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь—вотъ все, что я могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?... Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?...

Она обернулась ко мнѣ, блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.

— Я васъ ненавижу... сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ.

Черезъ часъ курьерская тройка мчала меня изъ Кисловодска. За нѣсколько верстъ отъ Есентуковъ, я узналъ близъ дороги трупъ моего лихаго коня; сѣдло было снято, вѣроятно, проѣзжимъ казакомъ и, вмѣсто сѣдла, на спинѣ его сидѣли два ворона. Я вздохнулъ и отвернулся...

И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслію прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?... Нѣтъ, я бы не ужился съ этой долею! Я, какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислушивается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало по малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани...

III.

ФАТАЛИСТЪ.

Мнѣ какъ-то разъ случилось прожить двѣ недѣли въ казачьей станицѣ на лѣвомъ флангѣ; тутъ же стоялъ батальонъ пѣхоты; офицеры собирались другъ у друга поочередно, по вечерамъ играли въ карты.

Однажды, наскучивъ бостономъ и бросивъ карты подъ столъ, мы засидѣлись у майора С*** очень долго; разговоръ, противъ обыкновенія, былъ занимателенъ. Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ; каждый разсказывалъ разные необыкновенные случаи pro или contra.

— Все это, господа, ничего не доказываетъ, сказалъ старый майоръ, — вѣдь никто изъ васъ не былъ свидѣтелемъ тѣхъ страшныхъ случаевъ, которыми вы подтверждаете свои мнѣнія?

— Конечно, никто, сказали многіе:— но мы слышали отъ вѣрныхъ людей...

— Все это вздоръ! сказалъ кто-то:— гдѣ эти вѣрные люди, видѣвшіе списокъ, на которомъ назначенъ часъ нашей смерти?... И если точно есть предопредѣленіе, то зачѣмъ же намъ дана воля, разсудокъ? Почему мы должны давать отчетъ въ нашихъ поступкахъ?

Въ это время одинъ офицеръ, сидѣвшій въ углу комнаты, всталъ и, медленно подойдя къ столу, окинулъ всѣхъ спокойнымъ и торжественнымъ взглядомъ. Онъ былъ родомъ сербъ, какъ видно было изъ его имени.

Наружность поручика Вулича отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные проницательные глаза, большой, но правильный носъ—принадлежность его націи, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его—все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми, которыхъ судьба дала ему въ товарищи.

Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ; за молодыми казачками—которыхъ прелесть трудно постигнуть, не видавъ ихъ—онъ никогда не волочился. Говорили однако, что жена полковника была неравнодушна къ его выразительнымъ глазамъ; но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали.

Была только одна страсть, которой онъ не таилъ—страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все, и обыкновенно проигрывалъ; но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Разсказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. „Поставь ва-банкъ!“ кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтёровъ.—Идетъ семерка, отвѣчалъ тотъ убѣгая. Не смотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана.

Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился ни о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтёра.

— Семерка дана, закричалъ онъ, увидѣвъ его наконецъ въ цѣпи застрѣль-

щиковъ, которые начинали вытѣснять изъ лѣса непріятеля, и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ, и отдалъ ихъ счастливцу, не смотря на возраженіе о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами.

Когда поручикъ Вуличъ подошелъ къ столу, то всѣ замолчали, ожидая отъ него какой нибудь оригинальной выходки.

— Господа! сказалъ онъ [голосъ его былъ спокоенъ, хотя тономъ ниже обыкновеннаго]:—господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ? Я вамъ предлагаю испробовать на себѣ: можетъ ли человѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута... Кому угодно?

— Не мнѣ, не мнѣ! раздалось со всѣхъ сторонъ.—Вотъ чудакъ! придетъ же въ голову!...

— Предлагаю пари, сказалъ я шутя.

— Какое?

— Утверждаю, что нѣтъ предопредѣленія, сказалъ я, высыпая на столъ десятка два червонцевъ—все, что было у меня въ карманѣ.

— Держу, отвѣчалъ Вуличъ глухимъ голосомъ.—Майоръ, вы будете судьею: вотъ пятнадцать червонцевъ; остальные пять вы мнѣ должны и сдѣлаете мнѣ дружбу, прибавите ихъ къ этимъ.

— Хорошо, сказалъ майоръ; только не понимаю, право, въ чемъ дѣло, и какъ вы рѣшите споръ?...

Вуличъ молча вышелъ въ спальню майора; мы за нимъ послѣдовали. Онъ подошелъ къ стѣнѣ, на которой висѣло оружіе, и на удачу снялъ съ гвоздя одинъ изъ разнокалиберныхъ пистолетовъ. Мы еще его не понимали; но когда онъ взвелъ курокъ и насыпалъ на полку пороху, то многіе, невольно вскрикнувъ, схватили его за руки.

— Что ты хочешь дѣлать? Послушай, это сумасшествіе! закричали ему.

— Господа! сказалъ онъ медленно, освобождая свою руку:—кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ. Онъ знакомъ пригласилъ насъ сѣсть кругомъ. Молча повиновались ему: въ эту минуту онъ пріобрѣлъ надъ нами какую-то таинственную власть. Я пристально посмотрѣлъ ему въ глаза, но онъ спокойнымъ и неподвижнымъ взоромъ встрѣтилъ мой испытующій взглядъ, и блѣдныя губы его улыбнулись; но, не смотря на его хладнокровіе, мнѣ казалось, я читалъ печать смерти на блѣдномъ лицѣ его. Я замѣчалъ—и многіе старые воины подтверждали мое замѣчаніе—что часто на лицѣ человѣка, который долженъ умереть черезъ нѣсколько часовъ, есть какой-то странный отпечатокъ неизбѣжной судьбы, такъ что привычнымъ глазомъ трудно ошибиться.

— Вы нынче умрете! сказалъ я ему. Онъ быстро ко мнѣ обернулся, но отвѣчалъ медленно и спокойно:

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ... Потомъ обратясь къ майору, спросилъ: заряженъ ли пистолетъ? Майоръ въ замѣшательствѣ не помнилъ хорошенько.

— Да полно, Вуличъ! закричалъ кто-то:—ужъ вѣрно заряженъ, коли въ головахъ висѣлъ; что за охота шутить!...

— Глупая шутка! подхватилъ другой.

— Держу пятьдесятъ рублей противъ пяти, что пистолетъ не заряженъ! закричалъ третій.

Составилось новое пари.

Мнѣ надоѣла эта длинная церемонія.

— Послушайте, сказалъ я: или застрѣлитесь, или повѣсьте пистолетъ на прежнее мѣсто, и пойдемте спать.

— Разумѣется, воскликнули многіе, пойдемте спать.

— Господа, я васъ прошу не трогаться съ мѣста! сказалъ Вуличъ, приставивъ дуло пистолета ко лбу.

Всѣ будто окаменѣли. — Господинъ Печоринъ, прибавилъ онъ, возьмите карту и бросьте вверхъ.

Я взялъ со стола, какъ теперь помню, червоннаго туза и бросилъ кверху: дыханіе у всѣхъ остановилось; всѣ глаза, выражая страхъ и какое-то неопредѣленное любопытство, бѣгали отъ пистолета къ роковому тузу, который, трепеща на воздухѣ, опускался медленно: въ ту минуту, какъ онъ коснулся стола, Вуличъ спустилъ курокъ... осѣчка!

— Слава Богу! вскрикнули многіе: не заряженъ...

— Посмотримъ, однако жъ, сказалъ Вуличъ. Онъ взвелъ опять курокъ, прицѣлился въ фуражку, висѣвшую надъ окномъ; выстрѣлъ раздался—дымъ наполнилъ комнату; когда онъ разсѣялся, сняли фуражку: она была пробита въ самой серединѣ и пуля глубока засѣла въ стѣнѣ.

Минуты три никто не могъ слова вымолвить. Вуличъ преспокойно пересыпалъ въ свой кошелекъ мои червонцы.

Пошли толки о томъ, отчего пистолетъ въ первый разъ не выстрѣлилъ; иные утверждали, что вѣроятно полка была засорена; другіе говорили шопотомъ, что прежде порохъ былъ сырой и что послѣ Вуличъ присыпалъ свѣжаго; но я утверждалъ, что послѣднее предположеніе несправедливо, потому что я во все время не спускалъ глазъ съ пистолета.

— Вы счастливы въ игрѣ! сказалъ я Вуличу...

— Въ первый разъ отъ роду, отвѣчалъ онъ, самодовольно улыбаясь:—это лучше банка и штосса.

— За то немножко опаснѣе.

— А что? Вы начали вѣрить предопредѣленію?

— Вѣрю; только не понимаю теперь, отчего мнѣ казалось, будто вы непремѣнно должны нынче умереть...

Этотъ же человѣкъ, который такъ недавно мѣтилъ себѣ преспокойно въ лобъ, теперь вдругъ вспыхнулъ и смутился.

— Однако жъ довольно! сказалъ онъ, вставая:—пари наше кончилось и теперь ваши замѣчанія, мнѣ кажется, неумѣстны...

Онъ взялъ шапку и ушелъ. Это мнѣ показалось страннымъ—и не даромъ.

Скоро всѣ разошлись по домамъ, различно толкуя о причудахъ Вулича и, вѣроятно, въ одинъ голосъ называя меня эгоистомъ, потому что я держалъ пари противъ человѣка, который хотѣлъ застрѣлиться; какъ будто онъ безъ меня не могъ найти удобнаго случая...

Я возвращался домой пустыми переулками станицы; мѣсяцъ полный и красный, какъ зарево пожара, началъ показываться изъ-за зубчатаго горизонта домовъ; звѣзды спокойно сіяли на темноголубомъ сводѣ, и мнѣ стало смѣшно, когда я вспомнилъ, что были нѣкогда люди премудрые, думавшіе, что свѣти-

ла небесныя принимаютъ участіе въ нашихъ ничтожныхъ спорахъ за клочекъ земли или за какія нибудь вымышленныя права. И что жъ? Эти лампады, зажженныя, по ихъ мнѣнію, только для того, чтобъ освѣщать ихъ битвы и торжества, горятъ съ прежнимъ блескомъ, а ихъ страсти и надежды давно угасли вмѣстѣ съ ними, какъ огонекъ, зажженный на краю лѣса безпечнымъ странникомъ! Но за то какую силу воли придавала имъ увѣренность, что цѣлое небо, съ своими безчисленными жителями, на нихъ смотритъ съ участіемъ, хотя нѣмымъ, но неизмѣннымъ!... А мы, ихъ жалкіе потомки, скитающіеся по землѣ безъ убѣжденій и гордости, безъ наслажденія и страха, кромѣ той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбѣжномъ концѣ, мы неспособны болѣе къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастія, потому что знаемъ его невозможность и равнодушно переходимъ отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или судьбою...

И много другихъ подобныхъ думъ проходило въ умѣ моемъ; я ихъ не удерживалъ, потому что не люблю останавливаться на какой нибудь отвлеченной мысли; и къ чему это ведетъ?... Въ первой молодости моей я былъ мечтателемъ; я любилъ ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мнѣ безпокойное и жадное воображеніе. Но что отъ этого мнѣ осталось?—одна усталость, какъ послѣ ночной битвы съ привидѣніемъ, и смутное воспоминаніе, исполненное сожалѣній. Въ этой напрасной борьбѣ я истощилъ и жаръ души и постоянство воли, необходимыя для дѣйствительной жизни; я вступилъ въ эту жизнь, переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ.

Происшествіе этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатлѣніе и раздражило мои нервы. Не знаю навѣрное, вѣрю ли я теперь въ предопредѣленіе или нѣтъ, но въ этотъ вечеръ я ему твердо вѣрилъ; доказательство было разительно и я, не смотря на то, что посмѣялся надъ нашими предками и ихъ услужливой астрологіей, попалъ невольно въ ихъ колею; но я остановилъ себя во-время на этомъ опасномъ пути и, имѣя правило ничего не отвергать рѣшительно и ничему не ввѣряться слѣпо, отбросилъ метафизику въ сторону и сталъ смотрѣть подъ ноги. Такая предосторожность была очень кстати: я чуть-чуть не упалъ, наткнувшись на что-то толстое и мягкое, но повидимому не живое. Наклоняюсь—мѣсяцъ уже свѣтилъ прямо на дорогу—и что же? передо мною лежала свинья, разрубленная пополамъ шашкой... Едва я успѣлъ ее разсмотрѣть, какъ услышалъ шумъ шаговъ: два казака бѣжали изъ переулка. Одинъ подошелъ ко мнѣ и спросилъ: не видалъ ли я пьянаго казака, который гнался за свиньей. Я объявилъ имъ, что не встрѣчалъ казака, и указалъ на несчастную жертву его неистовой храбрости.

— Экой разбойникъ! сказалъ второй казакъ:—какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало.

Пойдемъ за нимъ Еремеичъ; надо его связать, а то...

Они удалились, а я продолжалъ свой путь съ большей осторожностью и наконецъ счастливо добрался до своей квартиры.

Я жилъ у одного стараго урядника, котораго любилъ за добрый его нравъ, а особенно за хорошенькую дочку, Настю.

Она, по обыкновенію, дожидалась меня у калитки, завернувшись въ шубку; луна освѣщала ея милыя губки, посинѣвшія отъ ночного холода. Узнавъ меня, она улыбнулась, но мнѣ было не до нея. „Прощай, Настя," сказалъ я, проходя мимо. Она хотѣла что-то отвѣчать, но только вздохнула.

Я затворилъ за собою дверь моей комнаты, засвѣтилъ свѣчу и бросился на постель; только сонъ на этотъ разъ заставилъ себя ждать болѣе обыкновеннаго. Ужъ востокъ начиналъ блѣднѣть, когда я заснулъ, но, видно, было написано на небесахъ, что въ эту ночь я не высплюсь. Въ четыре часа утра два кулака застучали ко мнѣ въ окно. Я вскочилъ: что такое?... „Вставай, одѣвайся!" кричало мнѣ нѣсколько голосовъ. Я наскоро одѣлся и вышелъ. „Знаешь, что случилось?" сказали мнѣ въ одинъ голосъ три офицера, пришедшіе за мною; они были блѣдны, какъ смерть.

— Что?

— Вуличъ убитъ.

Я остолбенѣлъ.

— Да, убитъ! продолжали они.—Пойдемъ скорѣе.

— Да куда же?

— Дорóгой узнаешь.

Пошли. Они разсказали мнѣ все, что случилось, съ примѣсью разныхъ замѣчаній насчетъ страннаго предопредѣленія, которое спасло его отъ неминуемой смерти за полчаса до смерти. Вуличъ шелъ одинъ по темной улицѣ; на него наскочилъ пьяный казакъ, изрубившій свинью и, можетъ быть, прошелъ бы мимо, не замѣтивъ его, если бъ Вуличъ вдругъ остановясь, не сказалъ: „Кого ты, братецъ, ищешь?—Тебя! отвѣчалъ казакъ, ударивъ его шашкой, и разрубилъ его отъ плеча почти до сердца... Два казака, встрѣтившіе меня и слѣдившіе за убійцей, подоспѣли, подняли раненаго, но онъ былъ уже при послѣднемъ издыханіи, и сказалъ только два слова: „Онъ правъ!"—Я одинъ понималъ темное значеніе этихъ словъ: они относились ко мнѣ; я предсказалъ невольно бѣдному его судьбу; мой инстинктъ не обманулъ меня: я точно прочелъ на его измѣнившемся лицѣ печать близкой кончины.

Убійца заперся въ пустой хатѣ, на концѣ станицы: мы шли туда. Множество женщинъ бѣжало съ плачемъ въ ту же сторону; по-временамъ, опоздавшій казакъ выскакивалъ на улицу, второпяхъ пристегивая кинжалъ, и бѣгомъ опережалъ насъ. Суматоха была страшная.

Вотъ, наконецъ, мы пришли; смотримъ: вокругъ хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоитъ толпа. Офицеры и казаки толкуютъ горячо между собою; женщины воютъ, приговаривая и причитывая. Среди ихъ бросилось мнѣ въ глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяніе. Она сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживая голову руками: то была мать убійцы. Ея губы по-временамъ шевелились... молитву онѣ шептали или проклятіе?

Между тѣмъ, надо было на что нибудь рѣшиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошелъ къ окну и посмотрѣлъ въ щель ставня: блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его страшно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочелъ большой рѣшимости въ этомъ безпокойномъ взглядѣ и сказалъ майору, что напрасно онъ не велитъ выломать дверь и броситься туда казакамъ, потому что лучше это сдѣлать теперь, нежели послѣ, когда онъ совсѣмъ опомнится.

Въ это время старый есаулъ подошелъ къ двери и назвалъ его по имени; тотъ откликнулся.

— Согрѣшилъ, братъ Ефимычъ, сказалъ есаулъ,—такъ ужъ нечего дѣлать, покорись!

— Не покорюсь! отвѣчалъ казакъ.

— Побойся Бога! вѣдь ты не чеченецъ окаянный, а честный христіанинъ. Ну, ужъ коли грѣхъ твой тебя попуталъ, нечего дѣлать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь, закричалъ казакъ грозно, и слышно было какъ щелкнулъ взведенный курокъ.

— Эй, тетка! сказалъ есаулъ старухѣ—поговори сыну, авось тебя послушаетъ... Вѣдь это только Бога гнѣвить. Да посмотри, вотъ и господа ужъ два часа дожидаются.

Старуха посмотрѣла на него пристально и покачала головой.

— Василій Петровичъ, сказалъ есаулъ, подойдя къ майору: онъ не сдастся—я его знаю; а если дверь разломать, то много нашихъ перебьетъ. Не прикажете ли лучше его пристрѣлить? въ ставнѣ щель широкая.

Въ эту минуту у меня въ головѣ промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумалъ испытать судьбу.

— Погодите, сказалъ я майору:—я его возьму живаго.

Велѣвъ есаулу завести съ нимъ разговоръ и поставивъ у дверей трехъ казаковъ готовыхъ ее выбить и броситься мнѣ на помощь при данномъ знакѣ, я обошелъ хату и приблизился къ роковому окну; сердце мое сильно билось.

— Ахъ, ты окаянный? кричалъ есаулъ:—что ты надъ нами смѣешься, что ли? али думаешь, что мы съ тобой не совладаемъ? — Онъ сталъ стучать въ дверь изо всей силы; я, приложивъ глазъ къ щели, слѣдилъ за движеніями казака, не ожидавшаго съ этой стороны нападенія—и вдругъ оторвалъ ставень и бросился въ окно головой внизъ. Выстрѣлъ раздался у меня надъ самымъ ухомъ, пуля сорвала эполетъ; но дымъ, наполнившій комнату, помѣшалъ моему противнику найти шашку, лежавшую возлѣ него. Я схватилъ его за руки; казаки ворвались и, не прошло трехъ минутъ, какъ преступникъ былъ уже связанъ и отведенъ подъ конвоемъ. Народъ разошелся; офицеры меня поздравляли—и точно было съ чѣмъ.

Послѣ всего этого, какъ бы, кажется, не сдѣлаться фаталистомъ? Но кто знаетъ навѣрное, убѣжденъ ли онъ въ чемъ, или нѣтъ?... И какъ часто мы принимаемъ за убѣжденіе обманъ чувствъ, или промахъ разсудка!... Я люблю сомнѣваться во всемъ; это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ. Вѣдь хуже смерти ничего не случится—а смерти не минуешь.

Возвратясь въ крѣпость, я разсказалъ Максиму Максимычу все, что случилось со мною и чему былъ я свидѣтель, и пожелалъ узнать его мнѣніе насчетъ предопредѣленія. Онъ сначала не понималъ этого слова, но я объяснилъ его, какъ могъ, и тогда онъ сказалъ, значительно покачавъ головою:

— Да-съ, конечно-съ! Это штука довольно мудреная!...Впрочемъ, эти азіятскіе курки часто осѣкаются, если дурно смазаны, или недовольно крѣпко прижмешь пальцемъ. Признаюсь, не люблю я также винтовокъ черкесскихъ: онѣ какъ-то нашему брату неприличны: прикладъ маленькій—того и гляди, носъ обожжетъ... За то ужъ шашки у нихъ —просто, мое почтеніе!

Потомъ онъ примолвилъ, нѣсколько подумавъ:

— Да, жаль бѣднягу...» Чортъ же его дернулъ ночью съ пьянымъ разговаривать!... Впрочемъ, видно ужъ такъ у него на роду было написано!...

Больше я отъ него ничего не могъ добиться: онъ вообще не любитъ метафизическихъ преній.

АШИКЪ-КЕРИБЪ.

ТУРЕЦКАЯ СКАЗКА.

Давно тому назадъ, въ городѣ Тифлисѣ жилъ одинъ богатый турокъ.Много Аллахъ далъ ему золота; но дороже золота была ему единственная дочь, Магуль-Мегери. Хороши звѣзды на небеси, но за звѣздами живутъ ангелы, и они еще лучше; такъ и Магуль-Мегери была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Былъ также въ Тифлисѣ бѣдный Ашикъ-Керибъ. Пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ. Играя на саазѣ [балалайкѣ] и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ. На одной свадьбѣ онъ увидѣлъ Магуль-Мегери, и они полюбили другъ друга. Мало было надежды у Ашикъ-Кериба получить ея руку, и онъ сталъ грустенъ, какъ зимнее небо.

Вотъ, разъ онъ лежалъ въ саду подъ виноградникомъ и наконецъ заснулъ. Въ это время шла мимо Магуль-Мегери съ своими подругами, и одна изъ нихъ, увидѣвъ спавшаго Ашика [балалаечника], отстала и подошла къ нему. „Что ты спишь подъ виноградникомъ“, запѣла она, „вставай, безумный, твоя газель идетъ мимо“. Онъ проснулся: дѣвушка порхнула прочь, какъ птичка. Магуль-Мегери слышала ея пѣсню и стала ее бранить. „Если бъ ты знала“, отвѣчала та, „кому я пѣла пѣсню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашикъ-Керибъ“. —„Веди меня къ нему!“ сказала Магуль-Мегери и онѣ пошли. Увидѣвъ его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утѣшать.—„Какъ мнѣ не грустить“, отвѣчалъ Ашикъ-Керибъ, „я тебя люблю и ты никогда не будешь моею!“—„Проси мою руку у отца моего“, говорила она: „и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ“.—„Хорошо“, отвѣчалъ онъ, „положимъ, Аякъ-Ага ничего не пожалѣетъ для своей дочери; но кто знаетъ, что послѣ ты не будешь меня упрекать въ томъ, что я ничего не имѣлъ и тебѣ всѣмъ обязанъ? Нѣтъ, милая Магуль-Мегери, я положилъ зарокъ на свою душу: обѣщаюсь семь лѣтъ странствовать по свѣту и нажить себѣ богат-

ство, либо погибнуть въ дальнихъ пустыняхъ. Если ты согласна на это, то по истеченіи срока будешь моею". Она согласилась, но прибавила, если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который уже давно за нее сватается.

Пришелъ Ашикъ-Керибъ къ своей матери, взялъ на дорогу ея благословеніе, поцѣловалъ маленькую сестру, повѣсилъ черезъ плечо сумку, оперся на посохъ странничій и вышелъ изъ города Тифлиса. И вотъ догоняетъ его всадникъ; онъ смотритъ: это Куршудъ-бекъ. „Добрый путь!" кричалъ ему бекъ, „куда бы ты ни шелъ, странникъ, я твой товарищъ". Не радъ былъ Ашикъ своему товарищу, но нечего дѣлать. Долго они шли вмѣстѣ, наконецъ завидѣли передъ собою рѣку. Ни моста, ни брода. „Плыви впередъ", сказалъ Куршудъ-бекъ, „я за тобою послѣдую". Ашикъ сбросилъ верхнее платье и поплылъ. Переправившись, глядь назадъ — о горе! о всемогущій Аллахъ! — Куршудъ-бекъ, взявъ его одежду, уѣхалъ обратно въ Тифлисъ, только пыль вилась за нимъ змѣею по гладкому полю. Прискакавъ въ Тифлисъ, несетъ бекъ платье Ашикъ-Кериба къ его старой матери. „Твой сынъ утонулъ въ глубокой рѣкѣ", говоритъ онъ, „вотъ его одежда". Въ невыразимой тоскѣ упала мать на одежды любимаго сына и стала обливать ихъ жаркими слезами; потомъ взяла ихъ и понесла къ нареченной невѣсткѣ своей, Магуль-Мегери. „Мой сынъ утонулъ", сказала она ей, „Куршудъ-бекъ привезъ его одежды; ты свободна". Магуль-Мегери улыбнулась и отвѣчала: „Не вѣрь; это все выдумки Куршудъ-бека. Прежде истеченія семи лѣтъ никто не будетъ моимъ мужемъ". Она взяла со стѣны свою саазъ и спокойно начала пѣть любимую пѣсню бѣднаго Ашикъ-Кериба.

Между тѣмъ странникъ пришелъ босъ и нагъ въ одну деревню. Добрые люди одѣли его и накормили; онъ за это пѣлъ имъ чудесныя пѣсни. Такимъ образомъ переходилъ онъ изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, и слава его разнеслась повсюду. Прибылъ онъ наконецъ въ Халафъ. По обыкновенію, вошелъ въ кофейный домъ, спросилъ саазъ и сталъ пѣть. Въ это время жилъ въ Халафѣ паша, большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили—ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились, бѣгая по городу. Вдругъ, проходя мимо кофейнаго дома, слышатъ удивительный голосъ. Они туда. „Иди съ нами къ великому пашѣ", закричали они, „или ты отвѣчаешь намъ головою". —„Я человѣкъ вольный, странникъ изъ города Тифлиса", говоритъ Ашикъ-Керибъ: „хочу—пойду, хочу—нѣтъ; пою, когда придется, и вашъ паша мнѣ не начальникъ". Однако, не смотря на то, его схватили и привели къ пашѣ. „Пой!" сказалъ паша, и онъ запѣлъ. И въ этой пѣснѣ онъ славилъ свою дорогую Магуль-Мегери, и эта пѣсня такъ понравилась гордому пашѣ, что онъ оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба. Посыпалось къ нему серебро и золото, заблистали на немъ богатыя одежды. Счастливо и весело сталъ жить Ашикъ-Керибъ и сдѣлался очень богатъ. Забылъ онъ свою Магуль-Мегери или нѣтъ —не знаю, только срокъ истекалъ. Послѣдній годъ скоро долженъ былъ кончиться, а онъ не готовился къ отъѣзду. Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаяваться. Въ это время отправлялся одинъ купецъ съ караваномъ изъ Тифлиса съ

сорока верблюдами и 80 невольниками. Призываетъ она купца къ себѣ и даетъ ему золотое блюдо. „Возьми ты это блюдо“, говорила она, „и въ какой бы ты городъ ни пріѣхалъ, выставь это блюдо въ своей лавкѣ и объяви вездѣ, что тотъ, кто признается моему блюду хозяиномъ и докажетъ это, получитъ его и, въ добавокъ, вѣсъ его золотомъ. Отправился купецъ; вездѣ исполнялъ порученіе Магуль-Мегери, но никто не признался хозяиномъ золотому блюду. Ужъ онъ продалъ почти всѣ свои товары и пріѣхалъ съ остальными въ Халафъ. Объявилъ онъ вездѣ порученіе Магуль-Мегери. Услыхавъ это, Ашикъ-Керибъ прибѣгаетъ въ караванъ-сарай и видитъ золотое блюдо въ лавкѣ тифлисскаго купца. „Это мое!“ сказалъ онъ, схвативъ его рукою.—„Точно твое“, сказалъ купецъ: „я узналъ тебя, Ашикъ-Керибъ. Ступай же скорѣе въ Тифлисъ: твоя Магуль-Мегери велѣла тебѣ сказать, что срокъ истекаетъ, и если ты не будешь въ назначенный день, то она выйдетъ за другаго“. Въ отчаяніи, Ашикъ-Керикъ схватилъ себя за голову: оставалось только три дня до роковаго часа. Однако онъ сѣлъ на коня, взялъ съ собою суму съ золотыми монетами и поскакалъ, не жалѣя коня. Наконецъ измученный бѣгунъ упалъ бездыханный на Арзиньянъ-горѣ, что между Арзиньяномъ и Арзерумомъ. Что ему было дѣлать? Отъ Арзиньяна до Тифлиса два мѣсяца ѣзды, а оставалось только два дня. „Аллахъ всемогущій!“ воскликнулъ онъ, „если ты ужъ мнѣ не поможешь, то мнѣ нечего на землѣ дѣлать!“ И хочетъ онъ броситься съ высокаго утеса Вдругъ видитъ внизу человѣка на бѣломъ конѣ, и слышитъ громкій голосъ: „Огланъ [юноша], что ты хочешь дѣлать?“ — „Хочу умереть“, отвѣчалъ Ашикъ.—„Слѣзай же сюда, если такъ, я тебя убью“. Ашикъ спустился коекакъ съ утеса. „Ступай за мною“, сказалъ грозно всадникъ.—„Какъ я могу за тобою слѣдовать“, отвѣчалъ Ашикъ: „твой конь летитъ, какъ вѣтеръ, а я отягощенъ сумою“. — „Правда. Повѣсь же суму свою на сѣдло мое и слѣдуй“. Отсталъ Ашикъ-Керибъ, какъ ни старался бѣжать. „Что жъ ты отстаешь? спросилъ всадникъ.—„Какъ же я могу слѣдовать за тобою: твой конь быстрѣе мысли, а я ужъ измученъ“.—„Правда. Садись сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебѣ нужно ѣхать?“—„Хотя бы въ Арзерумъ поспѣть нынче“, отвѣчалъ Ашикъ.—„Закрой же глаза“. Онъ закрылъ. „Теперь открой“. Смотритъ Ашикъ: передъ нимъ бѣлѣютъ стѣны и блещутъ минареты Арзерума. „Виноватъ, Ага“, сказалъ Ашикъ: „я ошибся; я хотѣлъ сказать, что мнѣ надо въ Карсъ“. — „То то же! отвѣчалъ всадникъ, „я предупредилъ тебя, чтобъ ты говорилъ мнѣ сущую правду. Закрой же опять глаза. Теперь открой“. Ашикъ себѣ не вѣритъ, что это Карсъ. Онъ упалъ на колѣни и сказалъ: „Виноватъ, Ага, трижды виноватъ твой слуга Ашикъ-Керибъ; но ты самъ знаешь, что если человѣкъ рѣшился лгать съ утра, то долженъ лгать до конца дня. Мнѣ по настоящему надо въ Тифлисъ“.—„Экой ты невѣрный!„ сказалъ сердито всадникъ: „но, нечего дѣлать, прощаю тебѣ. Закрой же глаза. Теперь открой“, прибавилъ онъ по прошествіи минуты. Ашикъ вскрикнулъ отъ радости: они были у воротъ Тифлиса. Принеся искреннюю благодарность и взявъ свою суму съ сѣдла, Ашикъ-Керибъ сказалъ всаднику: „Ага, конечно, благодѣяніе

твое велико; но сдѣлай еще больше. Если я теперь буду разсказывать, что въ одинъ день поспѣлъ изъ Арзиньяна въ Тифлисъ, мнѣ никто не повѣритъ: дай мнѣ какое нибудь доказательство". —„Наклонись", сказалъ тотъ, улыбнувшись: „возьми изъ-подъ копыта коня комокъ земли и положи себѣ за пазуху, и тогда, если не станутъ вѣрить истинѣ словъ твоихъ, то вели къ себѣ привести слѣпую, которая семь лѣтъ ужъ въ этомъ положеніи, помажь ей глаза— и она увидитъ". Ашикъ взялъ кусокъ земли изъ-подъ копыта бѣлаго коня; но только онъ поднялъ голову—всадникъ и конь исчезли. Тогда онъ убѣдился въ душѣ, что покровитель былъ не кто иной, какъ Хадериліазъ [св. Георгій].

Только поздно вечеромъ Ашикъ-Керибъ отыскалъ домъ свой. Стучитъ онъ въ двери дрожащей рукою, говоря „Ана, ана [мать], отвори! я Божій гость, и холоденъ и голоденъ! прошу, ради странствующаго твоего сына, впусти меня". Слабый голосъ старухи отвѣчалъ ему: „Для ночлега есть дома богатыхъ и сильныхъ; есть теперь въ городѣ свадьбы—ступай туда: тамъ можешь провести ночь въ удовольствіи". — „Ана", отвѣчалъ онъ: „я здѣсь никого знакомыхъ не имѣю, и потому повторяю мою просьбу; ради странствующаго своего сына, впусти меня!" Тогда сестра его говоритъ матери: „Мать, я встану и отворю ему двери."—„Негодная!" отвѣчала старуха: ты рада принимать молодыхъ людей и угощать ихъ, потому что вотъ уже семь лѣтъ, какъ я отъ слезъ потеряла зрѣніе". Но дочь, не внимая ея упрекамъ, встала, отворила дверь и впустила Ашикъ-Кериба. Сказавъ обычное привѣтствіе, онъ сѣлъ и съ тайнымъ волненіемъ сталъ осматриваться. И видитъ онъ: на стѣнѣ виситъ, въ пыльномъ чехлѣ, его сладкозвучная саазъ, и сталъ спрашивать у матери: „Что виситъ у тебя на стѣнѣ?" —„Любопытный ты гость", отвѣчала она: „будетъ и того, что тебѣ дадутъ кусокъ хлѣба и завтра отпустятъ тебя съ Богомъ".—„Я ужъ сказалъ тебѣ!" возразилъ онъ, „что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мнѣ, что это виситъ на стѣнѣ?" — „Это саазъ, саазъ", отвѣчала старуха сердито, не вѣря ему. „А что значитъ саазъ?" — „Саазъ то значитъ, что на ней играютъ и поютъ пѣсни". И проситъ Ашикъ-Керибъ, чтобъ она позволила сестрѣ снять саазъ и показать ему. „Нельзя", отвѣчала старуха: „это саазъ моего несчастнаго сына. Вотъ уже семь лѣтъ она виситъ на стѣнѣ и ничья живая рука до нея не дотрогивалась". Но сестра его встала, сняла со стѣны саазъ и отдала ему. Тогда онъ поднялъ глаза къ небу и сотворилъ такую молитву: „О, всемогущій Аллахъ! если я долженъ достигнуть до желаемой цѣли, то моя семиструнная саазъ будетъ также стройна, какъ въ тотъ день, когда я въ послѣдній разъ игралъ на ней!" И онъ ударилъ по мѣднымъ струнамъ—и струны согласно заговорили; и онъ началъ пѣть: „Я бѣдный керибъ [странникъ] и слова мои бѣдны; но великій Хадериліазъ помогъ мнѣ спуститься съ крутаго утеса. Хотя я бѣденъ и бѣдны слова мои, узнай меня, мать, своего странника". Послѣ этого мать его зарыдала и спрашиваетъ его: „Какъ тебя зовутъ?" — „Рашидъ [простодушный]",отвѣчалъ онъ.—„Разъ говори, другой разъ слушай, Рашидъ", сказала она: „своими рѣчами ты изрѣзалъ сердце мое въ куски. Нынѣшнюю

ночь я во снѣ видѣла, что на головѣ моей волосы побѣлѣли. Я вотъ уже семь лѣтъ какъ ослѣпла отъ слезъ. Скажи мнѣ ты, который имѣешь его голосъ, когда мой сынъ придетъ?“ И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно онъ называлъ себя ея сыномъ, но она не вѣрила. И спустя нѣсколько времени, проситъ онъ: „Позвольте, матушка, взять саазъ и идти; я слышалъ, здѣсь близко есть свадьба; сестра меня проводитъ. Я буду пѣть и играть, и все, что получу, принесу сюда и раздѣлю съ вами“.—“Не позволю“, отвѣчала старуха: „съ тѣхъ поръ, какъ нѣтъ моего сына, его саазъ не выходила изъ дому“. Но онъ сталъ клясться, что не повредитъ ни одной струны. „А если хоть одна струна порвется“, продолжалъ Ашикъ, „то отвѣчаю моимъ имуществомъ“. Старуха ощупала его суму и, узнавъ, что она наполнена монетами, отпустила его. Проводивъ его до богатаго дома, гдѣ шумѣлъ свадебный пиръ, сестра осталась у дверей слушать, что будетъ.

Въ этомъ домѣ жила Магуль-Мегери, и въ эту ночь она должна была сдѣлаться женою Куршудъ-бека. Куршудъ бекъ пировалъ съ родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чадрой [занавѣсомъ] съ своими подругами, держала въ одной рукѣ чашу съ ядомъ, а въ другой острый кинжалъ: она поклялась умереть прежде,чѣмъ опуститъ голову на ложе Куршудъ-бека. И слышитъ она изъ-за чадры, что пришелъ незнакомецъ, который говорилъ: „Селямъ алейкюмъ! вы здѣсь веселитесь и пируете, такъ позвольте мнѣ, бѣдному страннику, сѣсть съ вами, и за то я спою вамъ пѣсню“.—„Почему же нѣтъ?“ сказалъ Куршудъ-бекъ. „Сюда должны быть впускаемы пѣсенники и плясуны, потому что здѣсь свадьба. Спой же что нибудь, ашикъ [пѣвецъ], и я отпущу тебя съ полной горстью золота“.

Тогда Куршудъ-бекъ спросилъ его: „А какъ тебя зовутъ, путникъ?“ — „Шинди-гёрурсезъ [скоро узна́ете]“. — „Что это за имя?“ воскликнулъ тотъ со смѣхомъ: „я въ первый разъ слышу“.—„Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многіе сосѣди приходили къ дверямъ спрашивать: сына или дочь Богъ ей далъ? Имъ отвѣчали: шинди-гёрурсезъ [скоро узна́ете]. И вотъ поэтому, когда я родился, мнѣ дали это имя“. Послѣ этого онъ взялъ саазъ и началъ пѣть:

„Въ городѣ Халафѣ я пилъ мисирское вино, но Богъ мнѣ далъ крылья и я прилетѣлъ сюда въ три дня“.

Братъ Куршудъ-бека, человѣкъ малоумный, выхватилъ кинжалъ, воскликнувъ: „Ты лжешь! какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда въ три дня?“

„За что жъ ты меня хочешь убить?“ сказалъ Ашикъ. „Пѣвцы обыкновенно со всѣхъ четырехъ сторонъ собираются въ одно мѣсто; и я съ васъ ничего не беру, вѣрьте мнѣ или не вѣрьте“.

„Пускай продолжаетъ“, сказалъ женихъ, и Ашикъ-Керибъ запѣлъ снова:

„Утренній намазъ творилъ я въ Арзиньянской долинѣ, полуденный намазъ —въ городѣ Арзерумѣ; предъ захожденіемъ солнца творилъ намазъ въ городѣ Карсѣ; и вечерній намазъ — въ Тифлисѣ. Аллахъ далъ мнѣ крылья и я прилетѣлъ сюда: дай Богъ, чтобъ я сталъ жертвою бѣлаго коня; онъ скакалъ быстро, какъ плясунъ по канату, съ горы въ ущелье, изъ ущелья на гору: Мевлянъ [Господь нашъ] далъ Ашику кры-

лья и онъ прилетѣлъ на свадьбу Магуль-Мегери".

Тогда Магуль-Мегери, узнавъ его голосъ, бросила ядъ въ одну сторону, а кинжалъ въ другую. „Такъ-то ты сдержала свою клятву", сказала ея подруга: „стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршудъ-бека?"—„Вы не узнали, а я узнала милый мнѣ голосъ", отвѣчала Магуль-Мегери и, взявъ ножницы, она прорѣзала чадру. Когда же посмотрѣла и точно узнала своего Ашикъ-Кериба, то вскрикнула и бросилась къ нему на шею и оба упали безъ чувствъ. Братъ Куршудъ-бека бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣреваясь заколоть обоихъ, но Куршудъ-бекъ остановилъ его, примолвивъ: „Успокойся и знай, что написано у человѣка на лбу при его рожденіи, того онъ не минуетъ".

Придя въ чувство, Магуль-Мегери покраснѣла отъ стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чадру.

„Теперь точно видно, что ты Ашикъ-Керибъ", сказалъ женихъ: „но повѣдай, какъ же ты могъ въ такое короткое время проѣхать такое великое пространство?" — „Въ доказательство истины", отвѣчалъ Ашикъ: „сабля моя перерубитъ камень; если же лгу, то да будетъ шея моя тоньше волоса. Но лучше всего, приведите ко мнѣ слѣпую, которая бы семь лѣтъ уже не видѣла свѣта Божьяго, и я возвращу ей зрѣніе". Сестра Ашикъ-Кериба, стоя въ сѣняхъ у двери и услышавъ такую рѣчь, побѣжала къ матери. „Матушка!" закричала она: „это точно братъ и точно твой сынъ, Ашикъ-Керибъ!" и, взявъ старуху подъ-руку, привела ее на широ свадебный. Тогда Ашикъ взялъ комокъ земли изъ-за пазухи, развелъ его водою и намазалъ матери глаза, примолвя: „Знайте всѣ люди, какъ могущъ и великъ Хадериліазъ!"—и мать его прозрѣла. Послѣ того никто не смѣлъ сомнѣваться въ истинѣ словъ его, и Куршудъ-бекъ уступилъ ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда, въ радости, Ашикъ-Керибъ сказалъ ему: „Послушай, Куршудъ-бекъ, я тебя утѣшу. Сестра моя не хуже твоей прежней невѣсты; я богатъ, у ней будетъ не меньше серебра и золота; итакъ, возьми ее за себя, и будьте также счастливы, какъ я съ моей дорогою Магуль-Мегери".

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

I.

У графини В*** былъ музыкальный вечеръ. Первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема; въ числѣ гостей мелькало нѣсколько литераторовъ и ученыхъ, двѣ или три молодыя красавицы, нѣсколько барышень и старушекъ, и одинъ гвардейскій офицеръ; около десятка доморощенныхъ львовъ красовалось въ дверяхъ второй гостиной и у камина. Все шло своимъ чередомъ; было ни скучно, ни весело.

Въ ту самую минуту, какъ новопріѣзжая пѣвица подходила къ роялю и развертывала ноты, одна молодая женщина зѣвнула, встала и вышла въ сосѣднюю комнату, на это время опустѣвшую. На ней было черное платье, кажется, по случаю придворнаго траура. На плечѣ пришпиленный къ голубому банту сверкалъ бриллiантовый

вензель. Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы оттѣняли ея еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на лицѣ сіяла печать мысли.

— Здравствуйте, мсьё Лугинъ, сказала Минская кому-то. Я устала... Скажите что нибудь.

И она опустилась въ широкое пате возлѣ камина. Тотъ, къ кому она обращалась, сѣлъ противъ нея и ничего не отвѣчалъ. Въ комнатѣ ихъ было только двое, и холодное молчаніе Лугина показывала ясно, что онъ не принадлежитъ къ числу ея обожателей.

— Скучно! сказала Минская и снова зѣвнула. Вы видите, я съ вами не церемонюсь, прибавила она.

— И у меня сплинъ!... отвѣчалъ Лугинъ.

— Вамъ опять хочется въ Италію, сказала она послѣ нѣкотораго молчанія: не правда ли?

Лугинъ, въ свою очередь, не слыхалъ вопроса; онъ продолжалъ, положивъ ногу на ногу и уставя глаза безотчетливо на бѣломраморныя плечи своей собесѣдницы:

— Вообразите, какое со мной несчастіе! Что можетъ быть хуже для человѣка, который, какъ я, посвятилъ себя живописи? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ всѣ люди мнѣ кажутся желтыми —и одни только люди! Добро бы всѣ предметы, тогда была бы гармонія въ общемъ колоритѣ: я бы думалъ, что гуляю въ галереѣ испанской школы... такъ нѣтъ! все остальное какъ и прежде: одни лица измѣнились; мнѣ иногда кажется, что у людей, вмѣсто головъ, лимоны.

Минская улыбнулась.

— Призовите доктора, сказала она.

— Доктора не помогутъ: это сплинъ!

— Влюбитесь!

Во взглядѣ, который сопровождалъ это слово, выражалось что-то похожее на слѣдующее: мнѣ бы хотѣлось его немножко помучить.

— Въ кого?

— Хоть въ меня.

— Нѣтъ! вамъ даже кокетничать со мною было бы скучно, и потому скажу вамъ откровенно: ни одна женщина не любитъ меня.

— А эта... какъ бишь ее? итальянская графиня, которая послѣдовала за вами изъ Неаполя въ Миланъ?...

— Вотъ видите, отвѣчалъ задумчиво Лугинъ: я сужу другихъ по себѣ и въ этомъ отношеніи, увѣренъ, не ошибаюсь. Мнѣ точно случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастію. Я себя спрашивалъ: „могу ли я влюбиться въ дурную?“ Вышло: нѣтъ; я дуренъ и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ — это ясно. Аристократическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ; онѣ чаще и долѣе насъ покорны первому впечатлѣнію. Если я умѣлъ подогрѣть въ нѣкоторыхъ то, что называютъ капризомъ, то это стоило мнѣ неимовѣрныхъ трудовъ и жертвъ; но такъ какъ я зналъ поддѣльность чувства, внушеннаго мною, и благодарилъ за него только себя, то и самъ не могъ забыться до полной, безотчетной любви; къ моей страсти примѣшивалось всегда немного злости. Все это грустно, а правда!...

*

— Какой вздоръ! сказала Минская и, окинувъ его быстрымъ взглядомъ, она невольно съ нимъ согласилась.

Наружность Лугина была въ самомъ дѣлѣ ничуть не привлекательна, не смотря на то, что въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія. Во всемъ его существѣ мы не встрѣтимъ ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ человѣка пріятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ, говорилъ рѣзко и отрывисто: большіе и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица—признаки постояннаго и тайнаго недуга—дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ три года лечился въ Италіи отъ ипохондріи, и хотя не вылечился, но по крайней мѣрѣ нашелъ средство развлекаться съ пользою: онъ пристрастился къ живописи. Природный талантъ, сжатый обязанностями службы, развился въ немъ широко и свободно подъ животворнымъ небомъ юга, при чудныхъ памятникахъ древнихъ учителей. Онъ вернулся истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ. Въ его картинахъ всегда дышало какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ изъ сердца ея первыхъ проповѣдниковъ.

Лугинъ уже два мѣсяца какъ вернулся въ Петербургъ. Онъ имѣлъ независимое состояніе, мало родныхъ и нѣсколько старинныхъ знакомствъ въ высшемъ кругу столицы, гдѣ и хотѣлъ провести зиму. Онъ бывалъ часто у Минской. Ея красота, рѣдкій умъ, оригинальный взглядъ на вещи должны были произвести впечатлѣніе на человѣка съ умомъ и воображеніемъ; но о любви между ними не было и въ поминѣ.

Разговоръ ихъ на время прекратился и они оба, казалось, заслушались музыки. Заѣзжая пѣвица пѣла балладу Шуберта на слова Гете: „Лѣсной царь“. Когда она кончила, Лугинъ всталъ.

— Куда вы? спросила Минская.

— Прощайте.

— Еще рано.

Онъ опять сѣлъ.

— Знаете ли, сказалъ онъ съ какою-то важностью: что я начинаю сходить съ ума?

— Право?

— Кромѣ шутокъ. Вамъ это можно сказать: вы надо мною не будете смѣяться. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ я слышу голосъ: кто-то мнѣ твердитъ на ухо съ утра до вечера, и—какъ вы думаете, что—адресъ. Вотъ и теперь слышу: „въ Столярномъ переулкѣ, у Кокушкина моста, домъ титулярнаго совѣтника Штосса, квартира нумеръ 27“, и такъ шибко, шибко, точно торопится... Несносно!...

Онъ поблѣднѣлъ, но Минская этого не замѣтила.

— Вы, однако, не видите того, кто говоритъ? спросила она разсѣянно.

— Нѣтъ; но голосъ звонкій, рѣзкій дискантъ.

— Когда же это началось?

— Признаться ли? Я не могу сказать навѣрное... не знаю... вотъ что, право, забавно! сказалъ онъ, принужденно улыбаясь.

— У васъ кровь приливаетъ къ головѣ и въ ушахъ звенитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Научите, какъ мнѣ избавиться!

— Самое лучшее средство, сказала Минская, подумавъ съ минуту: идти

къ Кокушкину мосту, отыскать этотъ нумеръ, и такъ какъ, вѣрно, въ немъ живетъ какой нибудь сапожникъ или часовой мастеръ, то для приличія закажите ему работу и, возвратясь домой, ложитесь спать, потому что... вы въ самомъ дѣлѣ нездоровы... прибавила она, взглянувъ на его встревоженное лицо съ участіемъ.

— Вы правы, отвѣчалъ угрюмо Лугинъ: я непремѣнно пойду. Онъ всталъ, взялъ шляпу и вышелъ.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ съ удивленіемъ.

II.

Сырое ноябрьское утро лежало надъ Петербургомъ. Мокрый снѣгъ падалъ хлопьями; дома казались грязны и темны; лица прохожихъ были зелены; извощики на биржахъ дремали подъ рыжими полостями своихъ саней; мокрая, длинная шерсть ихъ бѣдныхъ клячъ завивалась барашкомъ; туманъ придавалъ отдаленнымъ предметамъ, какой-то сѣро-лиловый цвѣтъ. По тротуарамъ лишь изрѣдка хлопали калоши чиновника, да иногда раздавался шумъ и хохотъ въ подземной полпивной лавочкѣ, когда оттуда выталкивали пьянаго молодца въ зеленой фризовой шинели и клеенчатой фуражкѣ. Разумѣется, эти картины встрѣтили бы вы только въ глухихъ частяхъ города, какъ напримѣръ, у Кокушкина моста. Черезъ этотъ мостъ шелъ человѣкъ средняго роста, ни худой, ни толстый, ни стройный, но съ широкими плечами, въ пальто, и вообще одѣтый со вкусомъ. Жалко было видѣть его лакированные сапоги, вымоченные снѣгомъ и грязью; но онъ, казалось, объ этомъ ни мало не заботился. Засунувъ руки въ карманы, повѣся голову, онъ шелъ неровными шагами, какъ будто боялся достигнуть цѣли своего путешествія или не имѣлъ ея вовсе. На мосту онъ остановился, поднялъ голову и осмотрѣлся. То былъ Лугинъ. Слѣды душевной усталости виднѣлись на его измятомъ лицѣ; въ глазахъ горѣло тайное безпокойство. „Гдѣ Столярный переулокъ?“ спросилъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ у порожняго извощика, который въ ту минуту проѣзжалъ мимо него шагомъ, закрывшись по шею мохнатою полостью и насвистывая камаринскую. Извощикъ посмотрѣлъ на него, хлыстнулъ лошадь кончикомъ кнута и проѣхалъ мимо.

Ему это показалось странно. „Ужъ полно есть ли Столярный переулокъ?“ Онъ сошелъ съ моста и обратился съ тѣмъ же вопросомъ къ мальчику, который бѣжалъ съ полуштофомъ черезъ улицу.

— Столярный? сказалъ мальчикъ: а вотъ идите прямо по Малой Мѣщанской и тотчасъ направо, первый переулокъ и будетъ Столярный.

Лугинъ успокоился. Дойдя до угла, онъ повернулъ направо и увидѣлъ небольшой грязный переулокъ, въ которомъ съ каждой стороны было не больше десяти высокихъ домовъ. Онъ постучалъ въ дверь первой мелочной лавочки и, вызвавъ лавочника, спросилъ: гдѣ домъ Штосса?

— Штосса? Не знаю, баринъ; здѣсь этакихъ нѣтъ; а вотъ здѣсь рядомъ есть домъ купца Блинникова, а подальше...

— Да мнѣ надо Штосса...

— Ну, не знаю!... Штосса?—сказалъ лавочникъ, почесавъ затылокъ, и потомъ прибавилъ: нѣтъ, не слыхать-съ!

Лугинъ самъ пошелъ смотрѣть надписи: что-то ему говорило, что онъ съ перваго взгляда узнаетъ домъ, хотя никогда его не видалъ. Такъ онъ добрался почти до конца переулка и ни одна надпись ни чѣмъ не поразила его воображенія, какъ вдругъ онъ кинулъ случайно глаза на противоположную сторону улицы и увидалъ надъ одними воротами жестяную доску вовсе безъ надписи; онъ подбѣжалъ къ этимъ воротамъ и сколько ни разсматривалъ, не замѣтилъ ничего похожаго даже на слѣды стертой временемъ надписи; доска была совершенно новая. Подъ воротами дворникъ, въ долгополомъ полинявшемъ кафтанѣ, съ сѣдой, давно небритой бородою, безъ шапки и подпоясанный грязнымъ фартукомъ, разметалъ снѣгъ.

— Эй, дворникъ! закричалъ Лугинъ.

Дворникъ что-то проворчалъ сквозь зубы.

— Чей это домъ?

— Проданъ! отвѣчалъ грубо дворникъ.

— Да чей онъ былъ?

— Чей?—Кифейкина, купца.

— Не можетъ быть! вѣрно Штосса! вскрикнулъ невольно Лугинъ.

— Нѣтъ, былъ Кифейкина, а теперь такъ Штосса, отвѣчалъ дворникъ, не подымая головы.

У Лугина руки опустились.

Сердце его забилось, какъ будто предчувствуя несчастіе. Долженъ ли онъ былъ продолжать свои преслѣдованія? Не лучше ли во время остановиться? Кому не случалось находиться въ такомъ положеніи, тотъ съ трудомъ пойметъ его. Любопытство, говорятъ, сгубило родъ человѣческій; оно и понынѣ наша главная, первая страсть, такъ что даже всѣ остальныя страсти могутъ имъ объясниться. Но бываютъ случаи, когда таинственность предмета даетъ любопытству необычайную власть: покорные ему, подобно камню, сброшенному съ горы сильною рукою, мы не можемъ остановиться, хотя увидимъ ожидающую насъ бездну.

Лугинъ долго стоялъ передъ воротами, наконецъ обратился къ дворнику съ вопросомъ:

— Новый хозяинъ здѣсь живетъ?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же?

— А чортъ его знаетъ!

— Ты ужъ давно здѣсь дворникомъ?

— Давно.

— А есть въ этомъ домѣ жильцы?

— Есть.

— Скажи, пожалуста, сказалъ Лугинъ послѣ нѣкотораго молчанія, сунувъ дворнику цѣлковый; кто живетъ въ 27 нумерѣ?

Дворникъ поставилъ метлу къ воротамъ, взялъ цѣлковый и пристально посмотрѣлъ на Лугина.

— Въ 27 нумерѣ?... Да кому тамъ жить? Онъ ужъ Богъ знаетъ сколько лѣтъ пустой.

— Развѣ его не нанимали?

— Какъ не нанимать, сударь, нанимали?

— Какъ же ты говоришь, что въ немъ не живутъ...

— А Богъ ихъ знаетъ! такъ таки не живутъ. Наймутъ на годъ, да и не переѣзжаютъ.

— Ну, а кто же послѣдній нанималъ?

— Полковникъ, изъ анженеровъ, что ли?

— Отчего же онъ не жилъ?

— Да переѣхалъ было... а тутъ, говорятъ, его сослали въ Вятку—такъ нумеръ пустой за нимъ и остался.

— А прежде полковника?

— Прежде него было нанялъ какой-то баронъ, изъ нѣмцевъ, да этотъ и не переѣзжалъ: слышно, умеръ.

— А прежде барона?

— Нанималъ купецъ для какой-то своей... гм! да обанкрутился, такъ у насъ и задатокъ остался...

„Странно!“ подумалъ Лугинъ.

— А можно посмотрѣть нумеръ?

Дворникъ опять пристально взглянулъ на него.

— Какъ нельзя? Можно! отвѣчалъ онъ и пошелъ, переваливаясь за ключами.

Онъ скоро возвратился и повелъ Лугина во второй этажъ по широкой, но довольно грязной лѣстницѣ. Ключъ заскрипѣлъ въ заржавленномъ замкѣ и дверь отворилась; имъ въ лицо пахнуло сыростью. Они взошли. Квартира состояла изъ четырехъ комнатъ и кухни. Старая, пыльная мебель, нѣкогда позолоченная, была правильно разставлена кругомъ стѣнъ, обтянутыхъ обоями, на которыхъ изображены были, на зеленомъ грунтѣ, красные попугаи и золотыя лиры; изразцовыя печи кое-гдѣ растрескались; сосновый полъ, выкрашенный подъ паркетъ, въ иныхъ мѣстахъ скрипѣлъ довольно подозрительно; въ простѣнкахъ висѣли овальныя зеркала съ рамками рококо; вообще комнаты имѣли какую-то странную, несовременную наружность. Онѣ, не знаю почему, понравились Лугину.

— Я беру эту квартиру, сказалъ онъ. Вели вымыть окна и вытереть мебель... посмотри сколько паутины!... да надо хорошенько вытопить.—Въ эту минуту онъ замѣтилъ на стѣнѣ послѣдней комнаты поясной портретъ, изображавшій человѣка лѣтъ сорока въ бухарскомъ халатѣ, съ правильными чертами и большими, сѣрыми глазами; въ правой рукѣ онъ держалъ золотую табакерку необыкновенной величины; на пальцахъ красовалось множество разныхъ перстней. Казалось, этотъ портретъ писанъ несмѣлой, ученической кистью; платье, волосы, и руки, перстни — все было очень плохо сдѣлано; за то въ выраженіи лица, особенно губъ, дышала такая страшная жизнь, что нельзя было глазъ оторвать; въ линіи рта былъ какой-то неуловимый изгибъ, недоступный искусству и, конечно, начертанный безсознательно, придававшій лицу выраженіе насмѣшливое, грустное, злое и ласковое поперемѣнно. Не случалось ли вамъ на замороженномъ стеклѣ, или въ зубчатой тѣни, случайно наброшенной на стѣну какимъ нибудь предметомъ, различать профиль человѣческаго лица, профиль, иногда невообразимой красоты, иногда непостижимо отвратительный? Попробуйте переложить ихъ на бумагу—вамъ не удастся; попробуйте на стѣнѣ обрисовать карандашемъ силуэтъ, васъ такъ сильно поразившій—и очарованіе исчезаетъ. Рука человѣка никогда съ намѣреніемъ не произведетъ этихъ линій; математически малое отступленіе — и прежнее выраженіе погибло невозвратно. Въ лицѣ портрета дышало именно то неизъяснимое, возможное только генію или случаю.

„Странно, что я замѣтилъ этотъ портретъ только въ ту минуту, какъ сказалъ, что беру квартиру!“ подумалъ Лугинъ.

Онъ сѣлъ въ кресло, опустилъ голову на руку и забылся.

Долго дворникъ стоялъ противъ него, помахивая ключами.

— Что жъ, баринъ? проговорилъ онъ наконецъ.

— А?

— Какъ же? Коли берете, такъ пожалуйте задатокъ.

Они условились въ цѣнѣ. Лугинъ далъ задатокъ, послалъ къ себѣ съ приказаніемъ сейчасъ же перевозиться, а самъ просидѣлъ противъ портрета до вечера. Въ 9 часовъ самыя нужныя вещи были перевезены изъ гостинницы, гдѣ жилъ до сей поры Лугинъ.

„Вздоръ, чтобъ на этой квартирѣ нельзя было жить!“ думалъ Лугинъ: „моимъ предшественникамъ, видно, не суждено было въ нее перебраться—это, конечно, странно! Но я взялъ свои мѣры: переѣхалъ тотчасъ!... Что жъ?—ничего“.

До двѣнадцати часовъ онъ съ своимъ старымъ камердинеромъ Никитой разставлялъ вещи... и, надо прибавить, что онъ выбралъ для своей спальни комнату, гдѣ висѣлъ портретъ.

Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, онъ подошелъ со свѣчей къ портрету, желая еще разъ на него взглянуть хорошенько, и прочиталъ внизу, вмѣсто имени живописца, красными буквами: середа.

— Какой нынче день? спросилъ онъ Никиту.

— Понедѣльникъ, сударь...

— Послѣ завтра середа, сказалъ разсѣянно Лугинъ...

— Точно такъ-съ?

Богъ знаетъ, почему Лугинъ на него разсердился.

— Пошелъ вонъ! закричалъ онъ, топнувъ ногою.

Старый Никита покачалъ головой и вышелъ. Послѣ того Лугинъ легъ въ постель и заснулъ. На другой день утромъ привезли остальныя вещи и нѣсколько начатыхъ картинъ.

III.

Въ числѣ недоконченныхъ картинъ, большею частію маленькихъ, была одна, размѣра довольно значительнаго. Посреди холста, исчерченнаго углемъ, мѣломъ, и загрунтованнаго зелено-коричневой краской, эскизъ женской головки остановилъ бы вниманіе знатока; но, не смотря на прелесть рисунка и на живость колорита, она поражала непріятно чѣмъ-то неопредѣленнымъ въ выраженіи глазъ и улыбки. Видно было, что Лугинъ перерисовывалъ ее въ другихъ видахъ и не могъ остаться довольнымъ, потому что въ разныхъ углахъ холста являлась та же головка, замаранная коричневой краской; то не былъ портретъ. Можетъ быть, подобно молодымъ поэтамъ, вздыхающимъ по небывалой красавицѣ, онъ старался осуществить на холстѣ свой идеалъ—женщину ангела—причуда, понятная въ первой юности, но рѣдкая въ человѣкѣ, который сколько нибудь испыталъ жизнь. Однако есть люди, у которыхъ опытность ума не дѣйствуетъ на сердце, и Лугинъ былъ изъ числа этихъ несчастныхъ и поэтическихъ созданій. Самый тонкій плутъ, самая опытная кокетка съ трудомъ могли бы его провесть, а самъ себя онъ ежедневно обманывалъ съ простодушіемъ ребенка. Съ нѣкотораго времени его преслѣдовала постоянная идея, мучительная и несносная, тѣмъ болѣе, что отъ нея страдало его самолюбіе. Онъ былъ далеко не красавецъ—это правда, однако въ немъ ничего не было отвратительнаго, и люди, знавшіе его умъ, талантъ и

добродушіе, находили даже выраженіе лица его довольно пріятнымъ. Но онъ твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и сталъ смотрѣть на женщинъ, какъ на природныхъ своихъ враговъ, подозрѣвая въ ихъ случайныхъ ласкахъ побужденія постороннія и объясняя грубымъ и положительнымъ образомъ самую явную ихъ благосклонность.

Не стану разсматривать, до какой степени онъ былъ правъ: но дѣло въ томъ, что подобное расположеніе души извиняетъ достаточно фантастическую любовь къ воздушному идеалу, любовь самую невинную и вмѣстѣ самую вредную для человѣка съ воображеніемъ.

Въ этотъ день, который былъ вторникъ, ничего особеннаго съ Лугинымъ не случилось: онъ до вечера просидѣлъ дома, хотя ему нужно было куда-то ѣхать. Непостижимая лѣнь овладѣла всѣми чувствами его; хотѣлъ работать—кисти выпадали изъ рукъ; пробовалъ читать—взоры его скользили надъ строками и читали совсѣмъ не то, что было написано; его бросало въ жаръ и холодъ; голова болѣла; звенѣло въ ушахъ. Когда смерклось, онъ не велѣлъ подавать свѣчъ и сѣлъ у окна, которое выходило на дворъ. На дворѣ было темно; у бѣдныхъ сосѣдей тускло свѣтились окна. Онъ долго сидѣлъ; вдругъ на дворѣ заиграла шарманка; она играла какой-то старинный нѣмецкій вальсъ, Лугинъ слушалъ, слушалъ; ему стало ужасно грустно. Онъ началъ ходить по комнатѣ, небывалое безпокойство имъ овладѣло, ему хотѣлось плакать: хотѣлось смѣяться... онъ бросился на постель и заплакалъ: ему представилось все его прошедшее. Онъ вспомнилъ, какъ часто бывалъ обманутъ, какъ часто дѣлалъ зло именно тѣмъ, которыхъ любилъ; какая дикая радость иногда разливалась по его сердцу, когда видѣлъ слезы, вызванныя имъ изъ глазъ, нынѣ закрытыхъ навѣки, и онъ съ ужасомъ замѣтилъ и признался, что онъ недостоинъ былъ любви безотчетной и истинной—и ему стало такъ больно, такъ тяжело!

Около полуночи онъ успокоился, сѣлъ къ столу, зажегъ свѣчу, взялъ листъ бумаги и сталъ что-то чертить. Все было тихо вокругъ. Свѣча горѣла ярко и спокойно. Онъ рисовалъ голову старика, и когда кончилъ, то его поразило сходство этой головы съ чѣмъ-то знакомымъ. Онъ поднялъ глаза на портретъ, висѣвшій противъ него—сходство было разительное; онъ невольно вздрогнулъ и обернулся: ему показалось, что дверь, ведущая въ пустую гостиную, заскрипѣла; глаза его не могли оторваться отъ двери. „Кто тамъ?“ вскрикнулъ онъ.

За дверьми послышался шорохъ, какъ будто хлопали туфли; известка посыпалась съ печи на полъ. „Кто это?“ повторилъ онъ слабымъ голосомъ.

Въ эту минуту обѣ половинки двери тихо, беззвучно стали отворяться; холодное дыханіе повѣяло въ комнату: дверь отворилась сама; въ той комнатѣ было темно, какъ въ погребѣ.

Когда дверь отворилась настежъ, въ ней показалась фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ: то былъ сѣдой, сгорбленный старичекъ; онъ медленно подвигался, присѣдая; лицо его, блѣдное и длинное, было неподвижно, губы сжаты; сѣрые мутные глаза, обведенные красной каймою, смотрѣли прямо, безъ цѣли. И вотъ онъ сѣлъ у стола противъ Лугина, вынулъ изъ-за пазухи двѣ колоды картъ, положилъ одну противъ

Лугина, другую передъ собой, и улыбнулся.

— Что вамъ надобно? сказалъ Лугинъ съ храбростью отчаянія. Его кулаки судорожно сжимались и онъ былъ готовъ пустить шандаломъ въ незваннаго гостя.

Подъ халатомъ вздохнуло.

— Это несносно! сказалъ Лугинъ задыхающимся голосомъ. Его мысли мѣшались.

Старичекъ зашевелился на стулѣ; вся его фигура измѣнялась ежеминутно: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти со всѣмъ съёживался; наконецъ принялъ прежній видъ.

„Хорошо“, подумалъ Лугинъ: „если это привидѣніе, то я ему не поддамся“.

— Не угодно ли, я вамъ промечу штоссъ? сказалъ старичокъ.

Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

— А на что же мы будемъ играть? Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! [Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе]. А если хотите, продолжалъ онъ: я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ.

Старика эта шутка ни мало ни сконфузила.

— У меня въ банкѣ вотъ это! отвѣчалъ онъ, протянувъ руку.

— Это? сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво. Что это?

Возлѣ него колыхалось что-то бѣлое, неясное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

— Мечите! потомъ сказалъ онъ, оправившись, и вынулъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту.—Идетъ, темная.

Старичекъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она соника была убита; старичекъ протянулъ руку и взялъ золотой.

— Еще талью! сказалъ съ досадою Лугинъ.

Онъ покачалъ головою.

— Что же это значитъ?

— Въ середу, сказалъ старичекъ.

— А, въ середу! вскрикнулъ въ бѣшенствѣ Лугинъ. Такъ нѣтъ же! не хочу въ середу! завтра или никогда! Слышишь ли?

Глаза страннаго гостя засверкали, и онъ опять безпокойно зашевелился.

— Хорошо! наконецъ сказалъ онъ, всталъ, поклонился и вышелъ, присѣдая. Дверь опять тихо за нимъ затворилась, въ сосѣдней комнатѣ опять захлопали туфли и мало по малу все утихло. У Лугина кровь стучала въ голову молоткомъ; странное чувство волновало и грызло его душу. Ему было досадно, обидно, что онъ проигралъ. „Однако жъ я не поддался ему!“ говорилъ онъ, стараясь себя утѣшить: „Переупрямилъ! Въ середу! Какъ бы не такъ! что я за сумасшедшій! Это хорошо!... очень хорошо! онъ у меня не отдѣлается... А какъ похожъ на этотъ портретъ!... ужасно, ужасно похожъ!... А! теперь я понимаю!...“

„ Однако я не посмотрѣлъ хорошенько на то, что у него въ банкѣ!“ думалъ онъ: и вѣрно что нибудь необыкновенное!“

На этомъ словѣ онъ заснулъ въ креслахъ. На другой день поутру онъ никому о случившемся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера. Когда наступила ночь, онъ всталъ съ своихъ креселъ, вышелъ въ сосѣднюю

комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ поредднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ недолго дожидался: опять раздался шорохъ, хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы. Старичекъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому не ожидая отъ Лугина никакого сопротивленія. Въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ.

Лугинъ, остолбенѣвшій совершенно подъ магнитическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ, уже бросилъ было на столъ два полуимперіала, какъ вдругъ онъ опомнился.

— Позвольте!... сказалъ онъ, покрывъ рукою свою колоду.

Старичекъ сидѣлъ неподвиженъ.

— Что, бишь, я хотѣлъ сказать?... Позвольте... да!...

Лугинъ запутался.

Наконецъ, сдѣлавъ усиліе, онъ медленно проговорилъ:

— Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?

Старичекъ улыбнулся.

— Я иначе не играю, проговорилъ Лугинъ; а межъ тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

— Что-съ? проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

— Штоссъ?—это? У Лугина руки опустились, онъ испугался.

Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье-то свѣжее ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновенье. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ; онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты; но этого минутнаго взгляда было бы довольно, чтобы заставить его проиграть душу. То было чудное, божественное видѣнье: склонясь надъ его плечомъ, сіяла женская головка; ея уста умоляли; въ ея глазахъ была тоска невыразимая; она отдѣлялась на темныхъ стѣнахъ комнатъ, какъ утренняя звѣзда на туманномъ востокѣ. Никогда жизнь не производила ничего столь воздушнонеземнаго; никогда смерть не уносила изъ міра ничего столь полнаго пламенной жизни; то не было существо земное, то были краски и свѣтъ вмѣсто формъ и тѣла, теплое дыханіе вмѣсто крови, мысль вмѣсто чувства: то не былъ также пустой и ложный призракъ, потому что въ неясныхъ чертахъ дышала страсть бурная и жадная, желаніе, грусть, любовь, страхъ, надежда... то была одна изъ тѣхъ чудныхъ красавицъ, которыхъ рисуетъ намъ молодое воображеніе, передъ которыми, въ волненіи пламенныхъ грезъ, стоимъ и плачемъ, и молимъ, и радуемся, Богъ знаетъ чему; одно изъ тѣхъ прекрасныхъ созданій молодой души, когда она, въ избыткѣ силъ, творитъ для себя новую природу лучше и полнѣе той, къ которой она прикована.

Въ эту минуту Лугинъ не могъ объяснить того, что съ нимъ сдѣлалось; но съ этой минуты онъ рѣшился играть, пока не выиграетъ; эта цѣль сдѣлалась цѣлью его жизни: онъ былъ этому очень радъ.

Старичекъ сталъ метать: карта Лугина была убита. Блѣдная рука опять потащила по столу два полуимперіала.

— Завтра! сказалъ Лугинъ.

Старичекъ вздохнулъ тяжело, но кивнулъ головой въ знакъ согласія, и вышелъ, какъ наканунѣ.

Всякую ночь въ продолженіе мѣсяца эта сцена повторялась. Всякую ночь Лугинъ проигрывалъ, но ему было не жаль денегъ: онъ былъ увѣренъ, что наконецъ хоть одна карта будетъ дана, и потому все удвоивалъ куши. Онъ былъ въ сильномъ проигрышѣ, но за то каждую ночь на минуту встрѣчалъ взглядъ и улыбку, за которые онъ готовъ былъ отдать все на свѣтѣ. Онъ похудѣлъ и пожелтѣлъ ужасно. Цѣлые дни просиживалъ дома, запершись въ кабинетѣ; часто не обѣдалъ. Онъ ожидалъ вечера, какъ любовникъ—свиданія, и каждый вечеръ былъ награжденъ взглядомъ болѣе нѣжнымъ, улыбкой болѣе привѣтливой. Она—не знаю какъ назвать ее—она, казалось, принимала трепетное участіе въ игрѣ: казалось, она ждала съ нетерпѣніемъ минуты, когда освободится отъ ига несноснаго старика, и всякій разъ, когда карта Лугина была убита, она съ грустнымъ взоромъ оборачивала къ нему эти страстные, глубокіе глаза, которые, казалось, говорили: „смѣлѣе, не унадай духомъ, подожди: я буду твоею, во что бы то ни стало; я тебя люблю!“—и жестокая, молчаливая печаль покрывала своей тѣнью ея измѣнчивыя черты. И всякій вечеръ, когда они разставались, у Лугина болѣзненно сжималось сердце отчаяніемъ и бѣшенствомъ. Онъ уже продавалъ вещи, чтобъ поддерживать игру; онъ видѣлъ, что невдалекѣ та минута, когда ему нечего будетъ поставить на карту. Надо будетъ на что нибудь рѣшиться. Онъ рѣшился...

II.

ДРУГОЙ ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НАЧАТОЙ ПОВѢСТИ.

Я хочу разсказать вамъ исторію женщины, которую вы всѣ видѣли и которую никто изъ васъ не зналъ. Вы ее встрѣчали ежедневно на балѣ, въ театрѣ, на гуляньѣ, у нея въ кабинетѣ. Теперь она уже сошла со сцены большаго свѣта; ей тридцать лѣтъ, и она схоронила себя въ деревнѣ; но когда ей было только двадцать, весь Петербургъ шумно занимался ею въ продолженіе цѣлой зимы. Объ этомъ совершенно забыли—и слава Богу! потому что, иначе, я бы не могъ печатать своей повѣсти. Въ обществѣ про нее было въ то время много разногласныхъ толковъ. Старушки говорили объ ней, что она прехитрая и прелукавая, пріятельницы—что она преглупенькая, соперницы—что она предобрая, молодыя женщины—что она кокетка, а раздушенные старики значительно улыбались при ея имени и ничего не говорили. Еще прибавлю странность. Иные жалѣли, что такой правильной и свѣжей красотѣ не достаетъ физіономіи, тогда какъ другіе утверждали, что хотя она вовсе не хороша, но неизъяснимая прелесть выраженья въ ея лицѣ замѣняетъ всѣ прочіе недостатки. При томъ мужъ ея, пятидесятилѣтній мужчина, имѣлъ графскій титулъ и сомнительно-огромное состояніе. Всего этого, кажется, довольно, чтобы доставить молодой женщинѣ ту соблазнительную,

мимолетную славу, за которой онѣ всѣ такъ жадно гоняются и за которую нѣкоторыя изъ нихъ такъ дорого платятъ.

Подробности моего разсказа покажутся не очень нравственными, но ручаюсь вамъ, что въ немъ будетъ заключаться глубокій нравственный смыслъ, который не ускользнетъ ни отъ кого, развѣ отъ 18-лѣтнихъ барышень — да имъ моей книги не дадутъ; а если она имъ и попадется случайно, то умоляю ихъ, послѣ этихъ строкъ закрыть ее и не класть на ночь подъ подушку, потому что отъ этого находятъ дурные сны. Молодыя же дамы, прочитавъ эти правдивыя страницы, вѣрно, отдадутъ справедливость моимъ описаніямъ и замѣчаніямъ, вспомнивъ нѣчто подобное въ своей жизни; но онѣ, конечно, этого никому не скажутъ, тогда какъ многіе молодые франты станутъ увѣрять, что такія приключенія были съ ними на дняхъ, тогда какъ съ бо́льшею частію изъ нихъ ничего такого случиться даже не можетъ. Всѣ почти жалуются у насъ на однообразіе свѣтской жизни, и забываютъ, что надо бѣгать за приключеніями, чтобъ они встрѣтились; а для того чтобы за ними гоняться, надо быть взволнованну сильной страстью или имѣть одинъ изъ тѣхъ безпокойно-любопытныхъ характеровъ, которые готовы сто разъ пожертвовать жизнію, только бы достать ключъ самой незамысловатой, повидимому, загадки; но на днѣ одной есть уже вѣрно другая, потому что все для насъ въ мірѣ тайна, и тотъ, кто думаетъ отгадать чужое сердце или знать всѣ подробности жизни своего лучшаго друга, горько ошибается. Во всякомъ сердцѣ, во всякой жизни пробѣжало чувство, промелькнуло событіе, которыхъ никто никому не откроетъ, а они-то самыя важныя и есть; они-то обыкновенно даютъ тайное направленіе чувствамъ и поступкамъ.

Въ нашемъ равнодушномъ вѣкѣ любопытныхъ и страстныхъ людей немного; но, около десяти лѣтъ тому назадъ, случился одинъ такой чудакъ въ Петербургѣ, и судьба, какъ нарочно, поставила его предъ непонятной женщиною, которой исторію я хочу вамъ разсказать.

Александру Сергѣевичу Арбенину было тридцать лѣтъ — возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла неслишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно. Извѣстно, что въ природѣ противоположныя причины часто производятъ одинакія дѣйствія: лошадь равно падаетъ на ноги отъ застоя и отъ излишней ѣзды.

Вотъ какова была молодость Арбенина.

Начнемъ сначала.

Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать разъѣхалась съ его отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Сообразивъ всѣ городскіе толки, можно было сдѣлать только одно вѣрное заключеніе, а именно, что Сергѣй Васильевичъ разъѣхался съ своей супругой.

Саша остался на рукахъ отца. Когда ему минуло годъ, его посадили съ кормилицей и няней въ карету и отвезли въ симбирскую деревню. Сергѣй Васильевичъ вскорѣ самъ туда пріѣхалъ и поселился на житье. Деревня эта находилась на берегу Волги. Отъ барскаго дома по скату горы до самой рѣки разстилался фруктовый садъ. Съ балкона видны были дымящіяся села луговой стороны, синѣющія степи и желтыя нивы. Весной, во время разлива, рѣка пре-

вращалась въ море, усѣянное лѣсистыми островами; по ней мелькали бѣлые паруса барокъ и вечеромъ раздавались пѣсни бурлаковъ. Барскій домъ былъ похожъ на всѣ барскіе домы: деревянный, съ мезониномъ, выкрашенный желтой краской, а дворъ обстроенъ былъ одноэтажными, длинными флигелями, сараями, конюшнями и обведенъ валомъ, на которомъ качались и сохли жидкія ветлы; среди двора красовались качели; по воскресеньямъ дворня толпилась вокругъ нихъ и, порой, двѣ горничныя садились на полусгнившую доску, висящую межъ двухъ сомнительныхъ веревокъ, и двое изъ самыхъ любезныхъ лакеевъ, взявшись каждый за конецъ толстаго каната, взбрасывали скромную чету подъ облака; мальчишки били въ ладони, когда пугливыя дѣвы начинали визжать—и всѣмъ было очень весело. Надо замѣтить, что качели среди барскаго двора—признакъ отечески-добраго правленія, а между тѣмъ вотъ какъ хорошо судятъ о насъ иностранцы: въ путевыхъ запискахъ одного француза я недавно читалъ, что у насъ противъ господскаго дома обыкновенно торчитъ висѣлица. Французъ замѣчалъ остроумно, что это, должно быть, злоупотребленіе, ибо смертная казнь въ Россіи уничтожена. Бѣдныя качели!...

Мужики Арбенина большею частью занимались рыбной ловлей. Во время бури жены и дочери рыбаковъ выбѣгали съ плачемъ на берегъ; въ жаркіе лѣтніе дни толпы крестьянскихъ дѣвокъ купались въ студёныхъ струяхъ Волги; ихъ русыя косы мелькали надъ пѣнистой влагой; ихъ громкій смѣхъ раздавался далеко. Зимой горничныя дѣвушки приходили шить и вязать въ дѣтскую, во-первыхъ, потому что нянѣ Саши было поручено женское хозяйство, а во-вторыхъ, чтобъ потѣшать маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ, и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противуобщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жосткія! Отецъ имъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и ѣздилъ на охоту. Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ. Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣньемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то-и-дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если бъ не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ложки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи, и если

бъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно бы отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но увы! никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студёныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ нападѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей немало помѣшало его выздоровленію...

ВАРІАНТЫ И ПРИМѢЧАНІЯ.

Къ стр. 38. Зови надежду. Стихотвореніе это написано въ альбомъ Екатерины Александровны Сушковой, въ замужествѣ Хвостовой. Воспоминанія ея о Лермонтовѣ (Записки Е. А. Хвостовой) были помѣщены сперва въ „Вѣстникѣ Европы“ 1869—70 г., затѣмъ изданы отдѣльною книгою. Варіантъ къ этому стихотворенію:

Не вѣрь хваламъ и увѣреньямъ,
Неправдой истину зови,
Зови надежду сновидѣньемъ,
Но вѣрь, о вѣрь моей любви!
Такой любви нельзя не вѣрить,
А взоръ не скроетъ ничего:
Ты неспособна лицемѣрить,
Ты слишкомъ ангелъ для того.

Къ стр. 38. Поле Бородина. Первоначальный набросокъ извѣстнаго стихотворенія „Бородино“, стр. 256.

Къ стр. 41. И такъ, прощай! Написано также въ альбомъ Е. А. Сушковой.

Къ стр. 52. Еврейская мелодія въ первоначальномъ наброскѣ:

Плачь, плачь, Израиля народъ!
Ты потерялъ звѣзду свою;
Она вторично не взойдетъ,
И будетъ мракъ въ земномъ краю.
По крайней мѣрѣ есть одинъ,
Который все въ ней потерялъ;
Безъ думъ, безъ чувствъ, среди долинъ
Онъ тѣнь слѣдовъ ея искалъ.

Къ стр. 60. Исповѣдь. Нѣкоторые стихи изъ этой исповѣди впослѣдствіи перенесены въ поэмы: „Мцыри“ и „Боярин Орша“. Вмѣсто перваго стиха снизу: „Но вотъ по лѣстницѣ крутой“ и т. д. было сперва написано:

Но кто идетъ къ нему теперь,
Гремитъ запоръ, открылась дверь,
И старецъ дряхлой и сѣдой
Взошелъ тяжелою стопой.

6-й стихъ снизу (стр. 61) первоначально читался:

Пришлецъ изъ дальней стороны.

Послѣ 13-го стиха сверху было зачеркнуто:

Что заслужилъ я мой позоръ.

Послѣ 13-го стиха снизу было написано:

А все, повѣришь ли, ихъ жаль,
И безотчетная печаль....

Къ стр. 62. Странный человѣкъ. Эта драма имѣетъ автобіографическое значеніе: въ лицѣ Павла Григорьевича Арбенина изображенъ отецъ поэта, бабушку же замѣняетъ Марья Дмитріевна, мать героя пьесы, Владиміра. Такимъ образомъ отношенія ихъ представлены въ превратномъ видѣ и грѣшатъ противъ дѣйствительныхъ событій.

Къ стр. 114. Сентября 28. Это стихотвореніе было впослѣдствіи передѣлано въ „Любовь мертвеца“ (стр. 304) и написано В. А. Лопухиной. См. объ ней въ примѣчаніяхъ, стр. 454.

Къ стр. 117. Ужасная судьба отца и сына также имѣетъ автобіографическое значеніе и видимо намекаетъ на отношенія Лермонтова къ отцу.

Къ стр. 120. Ангелъ. Это стихотвореніе было напечатано въ первый разъ въ Одесскомъ альманахѣ 1840 г. Варіантъ къ нему:

Душа поселилась въ твореньи земномъ,
Но чуждъ ей былъ міръ. Объ одномъ
Она все мечтала: о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
Съ тѣхъ поръ неизвѣстнымъ желаньемъ полна,
Страдала, томилась она.

Къ стр. 127. Измаилъ-Бей. Эта поэма въ первый разъ была напечатана въ мартовской книжкѣ Отеч. Зап. 1843 г. Въ прежнихъ изданіяхъ до 1860 г. включительно она обыкновенно заканчивалась стихомъ: „Блистали на груди у

мертвеца". Заключительная же строфа:—„И кто бы отгадалъ!—джяурь проклятый!" и т. д. возстановлена только въ послѣдующихъ изданіяхъ.

Къ стр. 159. Хаджи-Абрекъ. Ник. Дм. Юрьевъ, родственникъ и товарищъ Лермонтова по юнкерской школѣ, тайкомъ отъ него, передалъ эту поэму Сенковскому и онъ напечаталъ ее въ своей „Библіотекѣ для Чтенія". Это было первое произведеніе Лермонтова, появившееся въ печати.

Къ стр. 169. Петергофскій праздникъ и Уланша были написаны Лермонтовымъ въ юнкерской школѣ и помѣщались въ издаваемомъ тамъ рукописномъ иллюстрированномъ журналѣ, а также ходили по рукамъ отдѣльными списками. Такъ какъ эти обѣ поэмы, а равно и „Сашка" (стр. 165), принадлежатъ къ числу нескромныхъ произведеній Лермонтова, то въ текстѣ приведены изъ нихъ только нѣкоторые отрывки.

Къ стр. 170. Маскарадъ. Драма эта сперва была названа „Арбенинъ", по имени героя пьесы, затѣмъ переименована въ „Маскарадъ". По словамъ Лермонтова, она была отдана на театръ, но не могла быть представлена по причинѣ слишкомъ рѣзкихъ страстей и характеровъ и также потому, что въ ней добродѣтель недостаточно награждена. Окончательная передѣлка этой драмы, рукопись которой хранится въ бывшей Чертковской библіотекѣ, помѣщена въ Соч. Лермонтова, изд. въ 1887—89 г., подъ редакціею П. А. Ефремова.

Къ стр. 226—239. Боярин Орша. Послѣ стиха (стр. 229): „Предсталъ предъ блѣдною четой" было прежде написано:

Свѣчи дрожащей красный лучъ
Какъ будто молнія изъ тучъ,
Прервавъ любви послѣдній пылъ,
Всѣ чувства ихъ оледенилъ....
Она при немъ, безъ думъ, безъ силъ
Едва успѣла отомкнуть
Уста отъ устъ, отъ груди грудь.

Передъ стихомъ (стр. 234): „Свѣтаетъ. Въ полѣ тишина" значились слѣдующіе стихи:

Безчувственно внималъ,
Какъ мертвый образъ божества,
Внимаетъ кликамъ торжества:
Въ толпѣ шумящей тихъ, одинъ
Онъ все и рабъ и властелинъ,
Безъ чувства онъ—предметъ страстей;
И выше всѣхъ—и всѣхъ слабѣй!

За стихомъ (стр. 234): „Твердили иноки порой" слѣдовала строфа:

Когда жъ боярин все узналъ,
Онъ поблѣднѣлъ, затрепеталъ,
Глаза его покрылись мглой;
Не зря, смотрѣлъ онъ предъ собой,
Рука на небо поднялась;
Отъ синихъ губъ оторвалась,
Не рѣчь, но звукъ—ужасный звукъ,
Отзывъ еще сильнѣйшихъ мукъ,
Невнятный, какъ далекій громъ....
Три дня, три ночи цѣлый домъ
Дрожалъ, встрѣчая мрачный взоръ.
Они прошли,—но съ этихъ поръ,
Какъ будто отъ рожденья нѣмъ,
Онъ слова не сказалъ ни съ кѣмъ....

Послѣ стиха (стр. 238): „Въ него проникъ смертельный ядъ" было еще написано:

Исчезнуть радъ бы онъ съ земли,
Но муки жизнь ему спасли.
Одежды длинной лоскутокъ,
Который, сгнивъ, увялъ, поблекъ,
Громаду бѣлую костей и т. д.

Вмѣсто: „Да! я преступникъ, я злодѣй" (стр. 239) слѣдовала строфа:

Жить и страдать теперь на что?
Она ничто—и все ничто!
Передъ людьми преступникъ я.
Меня казнитъ судьба моя,
Но о спасеньи не молюсь,
Небесъ и ада не боюсь!
Пусть вѣчно мучусь—не бѣда,
Вѣдь съ ней не встрѣчусь никогда.

Къ стр. 239. Монго. Въ одномъ полку съ Лермонтовымъ служилъ его родственникъ А. А. Столыпинъ, прозванный въ юнкерской школѣ Монго. Разъ они вмѣстѣ отправились изъ Царскаго села въ Петергофъ и эту-то поѣздку со всѣми ея забавными приключеніями Лермонтовъ и описалъ въ своей поэмѣ. Самъ поэтъ фигурируетъ въ ней подъ именемъ Маёшки, прозвище, данное ему также въ школѣ въ честь остроумнаго героя теперь забытаго французскаго романа: „Les amours secrètes de Mayeux". Въ текстѣ приведенъ только одинъ отрывокъ изъ этой поэмы на основаніи тѣхъ же причинъ, которыми руководились мы, помѣщая въ отрывкахъ „Сашку", „Петергофскій праздникъ" и „Уланшу".

Къ стр. 241. Казначейша въ первый разъ была напечатана въ „Современникѣ" 1838 г. Въ письмѣ къ М. А. Лопухиной отъ 18 февраля того же года, Лермонтовъ, между прочимъ, говоритъ: „Я былъ у Жуковскаго и отнесъ ему

Тамбовскую Казначейшу, которую онъ у меня просилъ. Онъ прочелъ ее вмѣстѣ съ кн. Вяземскимъ, она имъ очень понравилась и ее напечатаютъ въ ближайшей книжкѣ „Современника“.

Къ стр. 252. Умирающій Гладіаторъ. Стихотвореніе это заимствовано изъ IV-й пѣсни байроновскаго „Чайльдъ Гарольда“ съ значительными измѣненіями противъ подлинника. Слѣдующей же ниже заключительной строфы, не вошедшей въ текстъ настоящаго изданія, въ англійскомъ подлинникѣ вовсе нѣтъ, и она добавлена самимъ Лермонтовымъ:

Не такъ ли ты, о европейскій міръ,
Когда-то пламенныхъ мечтателей кумиръ,
Къ могилѣ клониться безславной головою,
Измученный въ борьбѣ сомнѣній и страстей,
Безъ вѣры, безъ надеждъ—игралище дѣтей,
Осмѣянный ликующей толпою!
И предъ кончиною ты взоры обратилъ
Съ глубокимъ вздохомъ сожалѣнья
На юность свѣтлую, исполненную силъ,
Которую давно для язвы просвѣщенья,
Для гордой роскоши безпечно ты забылъ.
Стараясь заглушить послѣднія страданья,
Ты жадно слушаешь и пѣсни старины
И рыцарскихъ временъ волшебныя преданья,
Насмѣшливыхъ льстецовъ несбыточные сны.

Къ стр. 253. Желаніе. Стихотвореніе это было написано еще въ 1832 г. и потомъ передѣлано въ Узникъ (стр. 265). Приводимъ здѣсь четыре строфы первоначальнаго наброска:

Я пущусь по дикой степи
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

—

Я пущуся въ сине море
Вдаль отъ сонныхъ береговъ,
Разгуляюсь на просторѣ
И натѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ злобной прихотью валовъ.

—

Чтобъ въ тѣни его широкой
Билъ жемчужный водопадъ:
Передъ звучными струями
Я лѣниво растянусь
И надъ прежними мечтами
Засыпая посмѣюсь.

—

Чтобъ я съ ней по чисту полю
Ускакалъ на томъ конѣ,
Дайте волю, волю, волю,—
И не надо счастья мнѣ.

Къ стр. 254. Эпиграмма на драму Кукольника. Несторъ Васильевичъ Кукольникъ (1809—1868), авторъ историческихъ повѣстей изъ эпохи Петра Великаго и многихъ драмъ, имѣвшихъ успѣхъ на петербургской сценѣ, благодаря игрѣ извѣстнаго трагика В. А. Каратыгина.

Къ стр. 254. На смерть Пушкина. По поводу этого стихотворенія А. П. Шанъ-Гирей разсказываетъ слѣдующее: „Въ Январѣ 1837 г. мы всѣ были внезапно поражены слухомъ о смерти Пушкина. Современники помнятъ, какое потрясающее извѣстіе это произвело въ Петербургѣ. Лермонтовъ не былъ лично знакомъ съ Пушкинымъ, но могъ и умѣлъ цѣнить его. Подъ свѣжимъ еще вліяніемъ истиннаго горя и негодованія, возбужденнаго въ немъ этимъ святотатственнымъ убійствомъ, онъ, въ одинъ присѣстъ, написалъ нѣсколько строфъ, разнесшихся въ два дня по всему городу. Съ тѣхъ поръ, кому дорого русское слово, стало извѣстно имя Лермонтова. Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе строфы На смерть Пушкина произвели въ публикѣ, но онѣ имѣли и другое дѣйствіе. Лермонтова посадили подъ арестъ въ одну изъ комнатъ верхняго этажа зданія Главнаго Штаба, откуда онъ отправился на Кавказъ прапорщикомъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ. Е. А. Арсеньева, бабушка поэта, была чрезвычайно поражена этимъ происшествіемъ, но осталась въ Петербургѣ, съ надеждою выхлопотать внуку помилованіе, въ чемъ, черезъ родныхъ, а въ особенности черезъ А. В. Дубельта и успѣла; менѣе чѣмъ черезъ годъ Лермонтова возвратили и перевели прежде въ Гродненскій, а вскорѣ, по просьбѣ бабушки же, опять въ лейбъ-гусарскій полкъ.“

Къ стр. 256. Вѣтка Палестины. Пальмовая вѣтка, по поводу которой Лермонтовъ, въ бытность свою у А. Н. Муравьева, написалъ свое прелестное стихотвореніе, была привезена А. Н. Муравьевымъ изъ Іерусалима, гдѣ онъ стоялъ съ нею у заутрени въ Вербное Воскресенье, и потомъ подарена Лермонтову. Въ настоящее время, эта вѣтка,—по словамъ А. П. Шанъ-Гирея,—хранится въ часовнѣ, въ рамѣ за стекломъ, надъ могилою поэта.

Къ 1837-му же году относится четверостишіе, написанное Лермонтовымъ въ альбомъ А. П. Петрову.

РЕБЕНКУ.

Ну, что скажу тебѣ я спросту?
Мнѣ не съ руки хвала и лесть:

*

Дай Богъ тебѣ побольше росту,—
Другія качества всѣ есть.

Четверостишіе это было въ первый разъ помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1864 г. съ замѣткою отъ редакціи: „Продиктовано А. П. Петровымъ Г. П. Данилевскому въ 1848 г. въ Москвѣ. Семейство Петрова было коротко знакомо съ Лермонтовымъ на Кавказѣ“.

Къ стр. 267. Къ М. И. Цейдлеру (экспромтъ) Въ стихѣ:

„Но иной, не бранной *сталью*“,

заключается намекъ на дочь генерала Сталя, за которою ухаживалъ Цейдлеръ, товарищъ Лермонтова по юнкерской школѣ.

Къ стр. 268—282. Демонъ. Поэму эту Лермонтовъ началъ писать еще въ 1829 г., въ бытность свою въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Впослѣдствіи она нѣсколько разъ передѣлывалась и ходила по рукамъ въ различныхъ спискахъ. При жизни поэта она не появлялась въ печати; отрывки изъ нея были помѣщены уже послѣ его смерти въ іюльской книжкѣ „Отеч. Зап.“ 1842 г. Полный же текстъ ея впервые былъ напечатанъ только въ 1860 г., въ изданіи Соч. Лермонтова, редактированномъ покойнымъ Дудышкинымъ.

Изъ многочисленныхъ варіантовъ, встрѣчающихся въ разныхъ спискахъ, приводимъ слѣдующіе:

Стр. 268 строфа I.

Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья
И не грозилъ уму его.

Стр. 268 строфа II.

Въ пустынѣ міра онъ блуждалъ
Давно безъ цѣли и пріюта.

Стр. 269 строфа VI.

И вотъ невѣста молодая
Беретъ свой бубенъ росписной;
Въ ладони мѣрно ударяя,
Запѣли всѣ; одной рукой
Кружа его надъ головой,
Увлечена летучей пляской,
Она забыла міръ земной,
Ея узорною повязкой
Играетъ вѣтеръ. Какъ волна
Грудь подымается высоко;
Уста блѣднѣютъ и дрожатъ;
И жажды страсти полонъ взглядъ,
Какъ страсть палящій и глубокій.

Стр. 269 строфа VII.

Своей жемчужною росою
Не брызгалъ на подобный станъ.

Стр. 270 строфа VIII.

На ней былъ свѣтлый отпечатокъ
Небесной родины людей,
Величья прежняго остатокъ,
Отливъ померкнувшихъ лучей.
Въ ней было то полуземное,
Что ищетъ сердце молодое
Въ пылу затѣйливой мечты.

Стр. 270 строфа IX.

Въ немъ чувство вновь заговорило
Роднымъ когда-то языкомъ.
Тогда исполненный досады
На этотъ мигъ живой отрады,
Быть можетъ, посланный Творцомъ,
Какъ бы страшася искушенья,
Духъ отрицанья и сомнѣнья
Закрылъ глаза своимъ крыломъ.
То былъ ли призракъ возрожденья и т.

Стр. 270 строфа X.

Ремнемъ затянутъ ловкій станъ.

Стр. 271 строфа XII.

И стихло все. Тѣснясь толпой,
Верблюды съ ужасомъ глядѣли
На трупы всадниковъ, порой
Ихъ колокольчики звенѣли.

Стр. 271 строфа XII.

Покрыты длинными чадрами.

Стр. 271 строфа XIII.

Скакунъ лихой, ты господина.

Стр. 272 строфа XV.

Имъ въ грядущемъ нѣтъ желанья
Имъ прошедшаго не жаль;
Дѣти вольности воздушной,
Безъ желаній, безъ страстей,
Смотрятъ гордо, равнодушно,
На волненія людей;
Въ день томительный несчастья и т. д.

Стр. 273 строфа I.

Напрасно женихи толпою
Спѣшатъ сюда изъ дальнихъ мѣстъ....
Не мало въ Грузіи невѣстъ;
А мнѣ не быть ничьей женою...
О, не брани, отецъ, меня!
Ты самъ замѣтилъ: день отъ дня
Я вяну—жертва злой отравы!

Меня терзаетъ духъ лукавый
Неотразимою мечтой;
Я гибну—сжалься надо мной!
Отдай въ священную обитель и т. д.

Стр. 274 строфа V.

Тревожитъ путника вниманье
Сквозь шумъ далекаго ручья
И трель живую соловья.
Бывало, разбросавъ на плечи
Волну кудрей своихъ, она
Стоитъ безъ мысли, холодна,
И страстныя лепечутъ рѣчи
Ея дрожащія уста;
Желанье грудь ея волнуетъ,
И чудный призракъ все рисуетъ
Предъ нею въ сумракѣ мечта.

Стр. 275 строфа X.

О, кто ты? рѣчь твоя ужасна.

Стр. 276 строфа X.

Когда я въ первый разъ увидѣлъ
Твой чудный, твой волшебный взоръ,
Я тайно вдругъ возненавидѣлъ
Мою свободу, мой позоръ,
Своею властью недовольный,
Я позавидовалъ невольно
Неполнымъ радостямъ людей.

Стр. 276 строфа X.

Стараться все возненавидѣть.

Стр. 277 строфа X.

Какъ часто на вершинѣ льдистой
Одинъ, межъ небомъ и землей,
Подъ кровомъ радуги огнистой,
Сидѣлъ я, мрачный и нѣмой,
И бѣлогривыя метели,
Какъ львы у ногъ моихъ ревѣли.
Въ борьбѣ съ могучимъ ураганомъ и т. д.

Стр. 278 строфа X.

Подруга первая моя.

Стр. 279 строфа X.

И пусть другіе въ утѣшались
Ничтожнымъ жребіемъ своимъ
И думой неба не касались....
Міръ лучшій недоступенъ имъ!
Нѣтъ! не тебѣ, моей подругѣ и т. д.

Стр. 280 строфа XIII.

Ни разу не былъ въ дни веселья
Такъ разноцвѣтенъ и богатъ
Тамары праздничный нарядъ.
Цвѣты родимаго ущелья
(Такъ древній требуетъ обрядъ)
Надъ нею льютъ свой ароматъ
И, сжаты мертвою рукою,
Какъ бы прощаются съ землею!
И ничего въ ея лицѣ
Не намекало о концѣ—
Въ пылу страстей и упоенья;
И были всѣ ея черты
Исполнены той красоты,
Какъ мраморъ, чуждой выраженья,
Лишенной чувства и ума,
Таинственной какъ смерть сама.
Улыбка странная застыла,
Мелькнувши по ея устамъ:
О многомъ грустномъ говорила
Она внимательнымъ глазамъ;
Въ ней было хладное презрѣнье
Души готовой отцвѣсти,
Послѣдней мысли выраженье,
Землѣ беззвучное прости.
Напрасно отблескъ жизни прежней,
Она была еще мертвѣй,
Еще для сердца безнадежнѣй,
На вѣкъ угаснувшихъ очей.
Такъ въ часъ торжественный заката
Когда, растая въ морѣ злата,
Ужъ скрылась колесница дня,
Снѣга Кавказа, на мгновенье
Отливъ пурпурный сохраня,
Сіяютъ въ темномъ отдаленьѣ:
Но этотъ лучъ нолуживой
Въ пустынѣ отблеска не встрѣтитъ,
И путь ничей онъ не освѣтитъ
Съ своей вершины ледяной.

Стр. 280 строфа XIV.

Едва послѣдній стихъ прочли
Надъ прахомъ дочери Гудала,
И горсть послѣдняя земли
О крышку гроба простучала,
И воскурился къ небесамъ
Кадилъ прощальный ѳиміамъ;
Едва лишь за скалой сосѣдней
Утихъ рыданій звукъ послѣдній,
Послѣдній шумъ людскихъ шаговъ—
Сквозь дымку сѣрыхъ облаковъ
Спустился ангелъ легкокрылый,
И надъ покинутой могилой
Приникъ съ усердною мольбой
За душу грѣшницы младой;
И въ то же время царь порока
Туда примчался изъ далека.

Страданій мрачная семья
Въ чертахъ недвижимыхъ таилась,
По слѣду крылъ его тащилась
Багровой молніи струя;
Когда жъ онъ предъ собой увидѣлъ
Все, что любилъ и ненавидѣлъ,
То шумно мимо промелькнулъ
И, взоръ пронзительный кидая,
Посла потерянnаго рая
Улыбкой горькой упрекнулъ.

Другой варіантъ къ той же строфѣ:

Едва на жесткую постель
Тамару съ пѣньемъ опустили,
Вдругъ тучи горы обложили
И розыгралася мятель;
И громче хищнаго шакала
Она завыла въ небесахъ,
И бѣлымъ прахомъ заметала
Недавно ввѣренный ей прахъ;
И только за скалой сосѣдней
Утихъ моленья звукъ послѣдній и т. д.
И въ то же время царь порока
Туда примчался съ быстротой
Новорожденнаго потока и т. д.

Къ стр. 282. Посвященіе поэмы „Демонъ“. Какъ это посвященіе, такъ и первое стр. 119) написано В. А. Лопухиной, въ замужествѣ Бахметьевой, находившейся въ родственныхъ отношеніяхъ съ поэтомъ. По разсказамъ, это была натура пылкая, восторженная и въ высшей степени симпатичная. Лермонтовъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ питалъ къ ней нѣжное чувство и это чувство, не смотря на ея бракъ съ Бахметьевымъ, не покидало его почти во всю его жизнь. По крайней мѣрѣ еще за годъ до смерти онъ упоминаетъ объ немъ въ своей поэмѣ: „Валерикъ“, посвященной также В. А. Лопухиной. Она пережила Лермонтова и умерла только въ пятидесятыхъ годахъ.

Къ стр. 286. Памяти А. И. Одоевскаго. Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій родился въ 1803 г. и, получивъ домашнее образованіе, поступилъ въ конную гвардію. За участіе въ заговорѣ 14 Декабря 1825 г. былъ приговоренъ къ каторжной работѣ и отправленъ сперва въ читинскій острогъ, потомъ въ петровскую тюрьму за Байкаломъ же. Въ 1832 г. былъ освобожденъ отъ каторги и сосланъ на поселеніе, откуда черезъ пять лѣтъ переведенъ на Кавказъ рядовымъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, гдѣ и познакомился съ Лермонтовымъ. Въ 1839 г., находясь въ военной экспедиціи на восточномъ берегу Чернаго Моря, заболѣлъ горячкою и умеръ 15 Августа того же года. Стихотворенія его, собранныя барономъ А. Е. Розеномъ, изданы въ 1883 г. Изъ варіантовъ къ этому стихотворенію укажемъ на слѣдующіе:

Онъ былъ мой другъ! ужъ нѣтъ такихъ друзей!..
Миръ сердцу твоему, мой милый Саша!
Пусть спитъ оно въ землѣ чужихъ полей,
Нетронуто никѣмъ, какъ дружба наша
Въ нѣмомъ кладбищѣ памяти моей.

—

Какъ отгадать, что можетъ въ мигъ такой
Исполнить сердце, жившее такъ много,
И такъ надолго, смутною тревогой?
Одинъ лишь другъ умѣлъ тебя понять,
И нынѣ можетъ, долженъ разсказать
Твои мечты, дѣла и приключенья,
Глупцамъ въ забаву, мудрымъ въ поученье.

Къ стр. 288—298. Мцыри. Сюжетомъ этой поэмы послужилъ будто бы слѣдующій случай. Лермонтовъ, осматривая грузинскій монастырь въ Мцхети, въ 20 верстахъ отъ Тифлиса, узналъ отъ водившаго его по монастырю служки, что онъ родомъ черкесъ, что А. П. Ермоловъ нашелъ его въ развалинахъ аула, взятаго штурмомъ, привезъ въ монастырь и оставилъ на попеченіи монаховъ. Юный горецъ пытался нѣсколько разъ бѣжать въ родныя скалы, но поплатился за это страшною болѣзнью и только послѣ многихъ лѣтъ привыкъ къ иноческой жизни. Въ первый разъ поэма эта была напечатана въ Стихотвореніяхъ Лермонтова, изданныхъ при его жизни въ 1840 г. Варіанты къ этой поэмѣ:

Стр. 295 строфа XX.

Тотъ край казался мнѣ знакомъ....
И страшно, страшно стало мнѣ!
Вотъ снова мѣрный въ тишинѣ
Раздался звукъ.... и въ этотъ разъ
Я понялъ смыслъ его тотчасъ:
То былъ предвѣстникъ похоронъ—
Большаго колокола звонъ.
И слушалъ я безъ думъ, безъ силъ;
Казалось звонъ тотъ выходилъ
Изъ сердца, будто кто нибудь
Желѣзомъ ударялъ мнѣ въ грудь.
И вдругъ унылой чередой
Дни дѣтства встали предо мной.
И вспомнилъ я вашъ темный храмъ
И вдоль по треснувшимъ стѣнамъ
Изображенія святыхъ

Твоей земли. Какъ взоры ихъ
Слѣдили медленно за мной
Съ угрозой мрачной и нѣмой!
И на рѣшотчатомъ окнѣ
Играло солнце въ вышинѣ....
О, какъ туда хотѣлось мнѣ,
Отъ мрака кельи и молитвъ,
Въ тотъ чудный край страстей и битвъ....
Я слезы горькія глоталъ
И дѣтскій голосъ мой дрожалъ,
Когда я пѣлъ хвалу Тому,
Кто на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины тюрьму.

—

О Боже! думалъ я, зачѣмъ
Ты далъ мнѣ то, что далъ ты всѣмъ—
И крѣпость силъ, и мысли власть,
Желанья, молодость и страсть.
Зачѣмъ ты умъ наполнилъ мой
Неизъяснимою тоской—
По дикой волѣ—и къ чему
Ты на землѣ мнѣ одному
Далъ вмѣсто родины тюрьму?
Ты не хотѣлъ меня спасти!
Ты мнѣ желаннаго пути
Не указалъ во тьмѣ ночной....
И нынѣ я—какъ волкъ ручной....
Такъ я роптalъ. То былъ, старикъ,
Отчаянья безумный крикъ,
Страданьемъ вынужденный стонъ....
Скажи! Вѣдь буду я прощенъ?
Я былъ обманутъ въ первый разъ!
Но сей мучитель каждый часъ
Надежду темную дарилъ;
Молился я, и ждалъ, и жилъ.

Стр. 295 строфа XXI.

О, я узналъ тотъ вѣщій звонъ!
Къ нему былъ съ дѣтства пріученъ
Мой слухъ.—И понялъ я тогда,
Что мнѣ на родину слѣда
Не проложить ужъ никогда!
И быстро духомъ я упалъ.
Мнѣ стало холодно... Кинжалъ,
Вонзаясь въ сердце, говорятъ
Такъ въ жилахъ разливаетъ хладъ...
Я презиралъ себя. Я былъ
Для слезъ и бѣшенства безъ силъ;
Я съ темнымъ ужасомъ въ тотъ мигъ
Свое ничтожество постигъ,
И задушилъ въ груди моей
Слѣды надежды и страстей,
Какъ душитъ оскорбленный змѣй
Своихъ трепещущихъ дѣтей....
— Скажи, я слабою душой
Не заслужилъ ли жребій свой?..

Стр. 296 строфа XXIII.

Но скоро вихорь новыхъ грезъ
Далече мысль мою унесъ,
И предъ собой увидѣлъ я
Большую степь. Ея края
Тонули въ пасмурной дали,
И облака по небу шли
Косматой, бурною толпой,—
Съ невыразимой быстротой:
Въ пустынѣ мчится не быстрѣй
Табунъ испуганныхъ коней.
И вотъ я слышу степь гудитъ,
Какъ будто тысячи копытъ
О землю ударялись вдругъ.
Гляжу съ боязнію вокругъ,
И вижу—кто-то на конѣ,
Взвивая прахъ, летитъ ко мнѣ;
За нимъ другой, и цѣлый рядъ....
Ихъ бранный чуденъ былъ нарядъ:
На каждомъ былъ стальной шеломъ
Обернутъ бѣлымъ башлыкомъ,
И подъ кольчугою надѣтъ
На каждомъ красный былъ бешметъ.
Сверкали гордо ихъ глаза!
И съ дикимъ свистомъ, какъ гроза,
Они промчались близъ меня.
И каждый, наклонясь съ коня,
Кидалъ презрѣнья полный взглядъ
На мой монашескій нарядъ,
И съ громкимъ смѣхомъ исчезалъ....
Томимъ стыдомъ, я чуть дышалъ,
На сердцѣ былъ тоски свинецъ....
Послѣдній ѣхалъ мой отецъ....
И вотъ кипучаго коня
Онъ осадилъ противъ меня,
И тихо приподнявъ башлыкъ,
Открылъ знакомый блѣдный ликъ.
Осенней ночи былъ грустнѣй
Недвижный взоръ его очей,
Онъ улыбался—но жестокъ
Въ его улыбкѣ былъ упрекъ!
И сталъ онъ звать меня съ собой,
Маня могучею рукой;
Но я какъ будто бы приросъ
Къ сырой землѣ: безъ думъ, безъ слезъ,
Безъ чувствъ, безъ воли я стоялъ
И ничего не понималъ.

Къ стр. 304. На свѣтскія цѣпи. Стихотвореніе это посвящено кн. М. А. Щерба-

товой, изъ за которой Лермонтовъ, на балѣ у графини Лаваль, поссорился съ сыномъ французскаго посланника Баранта, слѣдствіемъ чего была дуэль и затѣмъ вторичная ссылка поэта на Кавказъ.

Къ стр. 305. Посвященіе къ поэмѣ „Демонъ“. По другому списку первые четыре стиха тѣ же, что и въ текстѣ, затѣмъ слѣдуетъ варіантъ:

Еще ребенкомъ, чуждый и любви
И думъ честолюбивыхъ, я безпечно
Бродилъ въ твоихъ ущельяхъ. Грозный, вѣчный,
Угрюмый великанъ! меня носилъ
Ты бережно, какъ пестунъ, юныхъ силъ
Хранитель вѣрный....
И мысль моя, свободна и легка,
Бродила по утесамъ, гдѣ, блистая,
Лучемъ зари, сбирались облака,
Туманныя вершины омрачая,
Волнуяся, какъ перья шишака;
А вдалекѣ, какъ вѣчныя ступени
Съ земли на небо, въ край моихъ видѣній,
Зубчатою тянулись полосой,
Таинственнѣй, синѣй одна другой,
Все горы, чуть примѣтныя для глаза,
Сыны и братья вѣчнаго Кавказа.

Стр. 305. А. О. Смирновой. Александра Осиповна Россети, въ замужествѣ Смирнова, была дочь французскаго эмигранта, играла замѣтную роль при дворѣ въ царствованіе императора Николая Павловича и находилась въ дружескихъ отношеніяхъ и перепискѣ со многими русскими знаменитостями литературнаго и художественнаго міра. Воспоминанія ея о Жуковскомъ и Пушкинѣ были помѣщены въ Русск. Архивѣ. Умерла въ 1882 г. Въ Библ. Зап. 1858 г. это стихотвореніе было напечатано такъ:

Въ простосердечіи невѣжды
Короче знать я васъ желалъ,
Но эти сладкія надежды
Теперь я вовсе потерялъ.
Безъ васъ хочу сказать вамъ много,
При васъ я слушать васъ хочу;
Но, молча, вы глядите строго—
И я въ смущеніи молчу.
Стѣсняемъ робостію дѣтской—
Нѣтъ, не впишу я ничего
Въ альбомѣ жизни вашей свѣтской,
Ни даже имя своего.
Мое вранье такъ неискусно,
Что имъ тревожить васъ грѣшно....
Все это было бы смѣшно,
Когда бы не было такъ грустно!..

Къ стр. 305. Къ портрету гр. А. К. Воронцовой-Дашковой. Графиня Александра Кириловна Ворошова-Дашкова, представительница высшаго петербургскаго круга сороковыхъ годовъ, отличалась оригинальною красотою, богатствомъ, живымъ и веселымъ характеромъ. Умерла въ Парижѣ въ 1856 г. Варіанты къ этому стихотворенію:

Глаза говорятъ, какъ слова,
И блещутъ обманчивымъ свѣтомъ.

—

Лицо ея, будто стекло—
Не скроетъ и радость и горе;
Въ умѣ ея вѣчно свѣтло,
Въ душѣ ея темно, какъ въ морѣ.

Къ стр. 306. Въ альбомъ автору „Курдюковой“. Иванъ Петровичъ Мятлевъ (1796—1844), авторъ извѣстнаго въ свое время шуточнаго стихотворенія „Сенсаціи и замѣчанія госпожи Курдюковой за границей, дан-л'Этранже“, въ которомъ русская провинціальная барыня, путешествуя по Европѣ, разсказываетъ свои впечатлѣнія языкомъ, составленнымъ изъ смѣси русскихъ словъ съ французскими, написанными русскими же буквами. Полное собраніе сочиненій Мятлева издано въ 1857 г.

Къ стр. 307. Графинѣ Ростопчиной. Евдокія Петровна Ростопчина, урожденная Сушкова, извѣстная русская писательница. Поэтическія произведенія ея печатались въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Полное собраніе ея стихотвореній было издано въ 1856 — 1860 г. Находилась въ дружескихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и Лермонтовымъ. Воспоминанія ея о послѣднемъ поэтѣ напечатаны въ переводѣ съ французскаго въ IX-й кн. Рус. Стар. 1882 г. Умерла въ 1858 г.

Къ стр. 307. Есть рѣчи — значенье. Слѣдующій варіантъ къ этому стихотворенію былъ напечатанъ въ литературномъ сборникѣ гр. Соллогуба: „Вчера и Сегодня“ 1846 г.:

Есть рѣчи—значенье
Темно иль ничтожно,
Но имъ безъ волненья
Внимать невозможно.
Какъ полны ихъ звуки
Тоскою желанья,
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья....

Ихъ краткимъ привѣтомъ,
Едва онъ домчится,
Какъ Божіимъ свѣтомъ
Душа озарится.
Средь шума мірскова
И гдѣ я ни буду,
Я сердцемъ то слово
Узнаю повсюду;
Не кончивъ молитвы,
На звукъ тотъ отвѣчу,
И брошусь изъ битвы
Ему я на встрѣчу.
Надежды въ нихъ дышутъ,
И жизнь въ нихъ играетъ,
Ихъ многіе слышутъ,
Одинъ понимаетъ.
Лишь сердца роднова
Коснутся въ дни муки
Волшебнаго слова
Цѣлебные звуки.
Душа ихъ съ моленьемъ
Какъ ангела встрѣтитъ,
И долгимъ біеньемъ
Ихъ сердце отвѣтитъ.

Къ стр. 309. Послѣднее Новоселье написано по случаю перенесенія праха Наполеона съ острова Св. Елены въ Парижъ. (18 Окт. 1840 г.).

Къ стр. 311. Сосѣдка. Стихотвореніе это написано въ Ордонансъ-Гаузѣ, гдѣ Лермонтовъ, въ ожиданіи суда, содержался подъ арестомъ за дуэль съ Барантомъ.

Къ стр. 315. Видъ горъ изъ степей Козлова. Адамъ Мицкевичъ, знаменитый польскій поэтъ, воспитывался въ виленскомъ университетѣ, жилъ одно время въ Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ познакомился съ Пушкинымъ и другими извѣстными литераторами, затѣмъ покинулъ Россію навсегда и сталъ относиться къ ней враждебно. По поводу этого Пушкинъ написалъ свое извѣстное стихотвореніе: „Онъ между нами жилъ“. Умеръ въ Константинополѣ въ 1855 г. Крымскіе сонеты, изъ которыхъ Лермонтовъ заимствовалъ только одинъ отрывокъ, написаны Мицкевичемъ въ 1823 г. во время пребыванія его въ Крыму. Козловъ—прежнее названіе Евпаторіи, Чатырдагъ—одна изъ высочайшихъ вершинъ крымскихъ горъ. Большая часть произведеній Мицкевича переведены на русскій языкъ.

Къ стр. 317. Аннѣ Григорьевнѣ Хомутовой. Въ этомъ стихотвореніи говорится объ Иванѣ Ивановичѣ Козловѣ (1779—1840), извѣстномъ поэтѣ и современникѣ Жуковскаго и Пушкина. Параличъ, поразившій его въ молодыхъ годахъ, лишилъ его употребленія ногъ и потомъ зрѣнія. Поэмы его: „Чернецъ,“ „кн. Наталья Долгорукая“ и „Безумная“ пользовались въ свое время большимъ успѣхомъ. Кромѣ того онъ перевелъ нѣсколько стихотвореній Т. Мура, „Абидосскую невѣсту“ Байрона и двѣ, три строфы изъ его „Чайльдъ-Гарольда“. Собраніе его стихотвореній было издано въ 1840 и 1855 г.

Къ стр. 325—331. Въ памятной книжкѣ, которую князь В. Ѳ. Одоевскій подарилъ Лермонтову передъ его послѣднимъ отъѣздомъ на Кавказъ съ тѣмъ, чтобъ поэтъ „возвратилъ ее самъ и всю исписанную“, кромѣ послѣднихъ одиннадцати стихотвореній, помѣщенныхъ въ текстѣ настоящаго изданія, находились еще одно французское стихотвореніе и два слѣдующихъ наброска:

Лилейной рукой поправляя
Едва пробившійся усъ,
Краснѣя, какъ дѣва младая,
Кангаръ молодой туксусъ...

—

1.

На буркѣ, подъ тѣнью чинары,
Лежалъ Ахметъ Ибрагимъ
И, руки скрестивши, татары
Стояли молча передъ нимъ.

2.

И брови нахмуривъ густыя,
Лѣниво молвилъ Ага:
О, слуги мои удалые!
Мнѣ ваша жизнь дорога!

—

Къ 1841 г., по всему вѣроятію, относится также начало слѣдующаго стихотворенія:

НАВОДНЕНІЕ.

И день насталъ—и совершилось
Долготерпѣніе судьбы,
И море съ шумомъ ополчилось
На мигъ рѣшительной борьбы.

Въ „Русскомъ Архивѣ“ (№ 12-й 1887 г. и № 1-й 1888 г.) были помѣщены два стихотворенія, приписываемыя Лермонтову и помѣченныя 1841 годомъ:

СЕРДЦЕ.

У сердца сокровищъ такъ много!
Какъ въ море—въ открытую грудь
Они такъ обильно отъ Бога

Живыми струями текутъ.
И жаждетъ душа подѣлиться
Въ избыткѣ съ другою душой,
И сердцу влюбленному биться
Привольно въ груди молодой.
Но что? говорятъ: неизбѣжно
Придетъ злое время, придетъ,
И все, что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ.
И будто въ груди благородной
Изсякнутъ живыя струи
И сердцу разсудокъ холодный
Предпишетъ законы свои.
И сердца богатства я взвѣшу,
На рынокъ пойду ихъ мѣнять.
Кого же я этимъ утѣшу?
Что жъ будетъ меня утѣшать?
Увы! говорятъ: неизбѣжно
Придетъ злое время, придетъ!
И все, что люблю я такъ нѣжно,
Какъ призракъ вдали пропадетъ!

—

И ты думаешь, буду я хладенъ и нѣмъ?
Малютка, подъ этимъ молчаньемъ
Таится ужасная буря. Зачѣмъ
Вырываться наружу ей тяжкимъ рыданьемъ?
Что я гордо смотрю на преступныхъ людей—
Ты за то ли меня упрекаешь?
Но тѣ люди торгуютъ рукою твоей,
Твоимъ сердцемъ хотятъ торговать. Ты ихъ знаешь....
Дай мнѣ руку твою! Посмотри мнѣ въ глаза!
Я безъ слезъ горько плакать умѣю;
Твои жъ слезы блестятъ, какъ ночная роса,
На зарѣ, по утру, освѣжая лилею.
Тебѣ легче—ты можешь въ слезахъ выливать
Муки сердца, а я? Я родился
Мужчиной, и долженъ безмолвно страдать:
Своихъ собственныхъ слезъ я бъ невольно стыдился.
Но повѣрь, еслибъ ты вдругъ меня поняла
И вглядѣлась въ безслезныя очи:
Ты бъ отъ ужаса плакать забыла, и я
За тебя бы сталъ плакать всѣ дни и всѣ ночи.
Прощай!!!

—

Къ стр. 332. По поводу рецензіи, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Библ. для Чт.“ 1840 г. на „Героя нашего времени“, Лермонтовъ написалъ на Сенковскаго слѣдующую эпиграмму:

Подъ фирмой иностранный иноземецъ
Не утаилъ себя никакъ,—
Бранится попло: ясно нѣмецъ,
Похвалитъ: видно, что полякъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ ИЗЪ ПИСЕМЪ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА:

П О Э Т Ъ.

(1828 г.)

Когда Рафаэль вдохновенный
Пречистой Дѣвы ликъ священный
Живою кистью окончалъ:
Своимъ искусствомъ восхищенный
Онъ предъ картиною упалъ!
Но скоро сей порывъ чудесный
Слабѣлъ въ груди его младой,
И утомленный и нѣмой
Онъ забывалъ все въ поднебесной.
Таковъ поэтъ: чуть мысль блеснетъ,
Какъ онъ перомъ своимъ прольетъ
Всю душу; звукомъ громкой лиры
Чаруетъ свѣтъ, и въ тишинѣ
Поетъ, забывшись въ райскомъ снѣ,
Васъ, васъ, души его кумиры!
И вдругъ хладѣетъ жаръ ланитъ,
Его сердечныя волненья
Все тише, и призракъ бѣжитъ!
Но долго, долго умъ хранитъ
Первоначальны впечатлѣнья!

(1832 г.)

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастію на зло!
Они мой умъ избаловали
И слишкомъ сгладили чело.
Пора, пора насмѣшкамъ свѣта
Прогнать спокойствія туманъ;
Что безъ страданій жизнь поэта,
И что безъ бури океанъ?
Онъ хочетъ жить цѣною муки,
Цѣной томительныхъ заботъ,
Онъ покупаетъ небо звуки,
Онъ даромъ—славы не беретъ.

—

Примите дивное Посланье
Изъ края дальняго сего;
Оно не Павлово посланье,
Хоть Павелъ вамъ отдастъ его.

Увы! какъ скученъ этотъ городъ
Съ своимъ туманомъ и водой!
Куда ни взглянешь—красный воротъ,
Какъ шишъ, торчитъ передъ тобой;
Нѣтъ милыхъ сплетень—все сурово,
Законъ сидитъ на лбу людей;
Все удивительно и ново,
А нѣтъ ни пошлыхъ новостей!
Доволенъ каждый самъ собою,
Не безпокоясь о другихъ,
И что у насъ зовутъ душою,
То безъ названія у нихъ!..
И наконецъ я видѣлъ море!
Но кто поэта обманулъ?
Я въ роковомъ его просторѣ
Великихъ думъ не почерпнулъ.
Нѣтъ, какъ оно, я не былъ воленъ;
Болѣзнью жизни—скукой болѣнъ
(На зло былымъ и новымъ днямъ),
Я не завидовалъ какъ прежде,
Его серебряной одеждѣ,
Его бунтующимъ волнамъ.

—

По произволу дивной власти
Я выкинутъ изъ царства страсти,
Какъ послѣ бури на песокъ
Волной расшибленный челнокъ.
Пускай приливъ его ласкаетъ—
Не слышитъ ласки инвалидъ:
Свое безсиліе онъ знаетъ
И притворяется что спитъ.
Никто ему не вѣритъ болѣ
Себя иль ноши дорогой:
Онъ негодится и на волѣ!
Погибъ—и данъ ему покой!

—

Для чего я не родился
Этой синею волной?
Какъ бы шумно я катился
Подъ серебряной луной;
О, какъ страстно я лобзалъ бы
Золотистый мой песокъ,
Какъ надменно презиралъ бы
Недовѣрчивый челнокъ;
Все, чѣмъ такъ гордятся люди,
Мой побѣгъ бы разрушалъ,
И къ моей студеной груди
Я бъ страдальцевъ прижималъ;
Не страшился бъ муки ада,
Раемъ не былъ бы прельщонъ;
Безпокойство и прохлада
Были бъ вѣчный мой законъ;
Не искалъ бы я забвенья
Въ дальномъ сѣверномъ краю,
Былъ бы воленъ отъ рожденья—
Жить и кончить жизнь мою!

—

Конецъ! какъ звучно это слово!
Какъ много-много мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ.... а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положутъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ;
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой—(я боюсь сказать)—
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію, вы сами
Не прочитаете во вѣкъ.
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ:
И можетъ быть изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмистеръ изготовитъ супъ—
(Все это дружески, безъ злости);
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ вашъ сваритъ,
А тамъ—но съ вашимъ позволеньемъ
Я здѣсь окончу мой разсказъ,
И этого довольно съ васъ *).

—

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:

---

*) Ср. съ стихотвореніемъ: „Что толку жить!“ стр. 122.

И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются на вѣткахъ—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою.... до первой вьюги!
— Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все, что чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

Wyższa Szkoła Pedagogiczna
BIBLIOTEKA GŁÓWNA
w Kielcach

14333

Czytelnia „KULTURA"

F38

1957
1967
1976
1972
14333
CZYTELNIA
KULTURA
Warszawa
Grzybowska 85

14333

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
162094

Biblioteka WSP Kielce
0126804